ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

I. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой

1872

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не имѣя возможности увеличивать объемъ Русскаго Архива и не желая откладывать обнародованіе собранныхъ имъ бумагъ, нашелъ удобнымъ печатать особые *безсрочные* историческіе сборники, подъ названіемъ „Осмнадцатый Вѣкъ" и „Девятнадцатый Вѣкъ".

Четыре книги „Осмнадцатаго Вѣка" и первая книга „Девятнадцатаго Вѣка" вышли и продаются каждая отдѣльно тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр. съ азбучнымъ указателемъ)

ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ

ТРИ РУБЛЯ.

Иногородные обращаются въ Москву (Мясницкая № 7) къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ на пересылку за три фунта смотря по разстояніямъ.

Книги XVIII Вѣка съ азбучными указателями, для справокъ.

1 я (516 стр.)	цѣна	2 р. 50 к.
2-я (592 стр.)	»	3 » — »
3-я (500 стр.)	»	3 » — »
4-я (536 стр.)	»	3 » — »

Пересылка по три фунта за каждую книгу.

Можно получать XVIII и XIX Вѣка вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1872 годъ, не платя ничего за пересылку, по цѣнѣ:

Русскій Архивъ съ первыми четырьмя книгами XVIII Вѣка—16 руб.

Русскій Архивъ съ первою книгою XIX Вѣка 10 руб.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

(1872.)

МОСКВА.
Типографія В. Грачева и К°, у Пречистенскихъ в. д. Шиловой.
1872.

БУМАГИ, КАСАЮЩІЯСЯ ПЕРВАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

(ИЗЪ АРХИВА ГРАФА В. Н. ПАНИНА).

I.

Переводъ съ грамоты къ ея величеству вдовствующей Римской императрицѣ отъ короля Польскаго отъ 27 Октября 1772.

Станиславъ Августъ Божіею милостію король Польскій и пр.

Пресвѣтлѣйшей, державнѣйшей государынѣ императрицѣ и пр.

При самыхъ величайшихъ злополучіяхъ не унывая, говорятъ и просятъ тѣ, кои, чувствуя свою невинность, приносятъ жалобу такой особѣ, которой отличныя добродѣтели долгое уже время чтили. Сіе точно состояніе принудило насъ писать теперь къ вашему императорскому королевскому апостолическому величеству. Вѣдаемъ мы, что Польская нація не подала сосѣдямъ никакой къ жалобѣ причины. Извѣстны намъ неоспоримыя ея права на всѣ провинціи сосѣдями нынѣ отторгаемыя; знаемъ, что мы, яко государь, долженствуемъ народъ, избравшій насъ владѣти надъ собою, предохранять отъ всякаго вреда. Наконецъ помнимъ и то, что ваше величество тридцатилѣтнимъ владѣніемъ заслужили ту хвалу, что и подданныхъ вашихъ благоденствіе утвердили, и другихъ народовъ никакою обидою не озлобили, никому добровольно войны не нанесли, развѣ бывъ непріятельскимъ оружіемъ къ тому принужденною. Почему надѣемся, что ваше величество, воспоминая о томъ, что дѣдъ вашъ императоръ Леопольдъ королевство сіе, бурнымъ сѣвернымъ дыханіемъ совсѣмъ почти низверженное, при бѣдственныхъ со всѣхъ сторонъ угнѣтеніяхъ, сильною рукою защитивъ и возстановивъ, одной только той искалъ выгоды, чтобъ Польскій народъ, помня опасности и помощь, имя избавителя своего прославлялъ во вѣки. Благоволите притомъ, августѣйшая государыня! вспомнить и то, что Поляки имѣли счастіе и честь защитителю своему, дѣду вашему Леопольду взаимныя оказать услуги, когда король Іоаннъ Собѣской, подвергая себя и государство свое опасности, съ счастливымъ успѣхомъ устремился на отраженіе Турокъ отъ Вѣны. Надѣемся также, что ваше величество, по свойственному вамъ правосудію, и то примете во уваженіе, что границы провинцій, отъ народа нашего со скипетромъ для соблюденія намъ врученныхъ, кромѣ торжественнаго 1677 года постановленія и достопамятнаго онаго Оливскаго трактата, мечемъ и перомъ Леопольда великаго утвержденнаго, равнымъ образомъ и блаженныя памяти Карлъ VI-й родитель вашъ при вступленіи

во владѣніе Августа III-го короля Польскаго, утвердилъ съ обязательствомъ гарантіи; ибо ты та августѣйшая наслѣдница, которой въ Бозѣ почившіе предки не только имя и силы, но также и заключенныхъ съ народами союзовъ связи и доброе согласіе по себѣ оставили, и которая со вступленія на престолъ, къ исправленію развращеннаго сего вѣка явнѣйшимъ до сего времени Христіанскому обществу была примѣромъ всѣхъ добродѣтелей, межъ коими первая есть правосудіе. И такъ, отложивъ всѣ недавнія горестныя наши приключенія, мы, король Польскій и преемникъ королей заключившихъ съ предками вашего величества союзы, къ самому вашему величеству прибѣгаемъ въ толь бѣдственномъ состояніи Республики, ничѣмъ сего не заслуживающей, яко къ государынѣ, по наслѣдственному праву гарантирующей Веловскій и Оливскій трактаты и по свойственному ей милосердію отнюдь того не желающей, чтобъ кто либо претерпѣвалъ насильства и обиду. Упустя сіе, не исполнили бы мы присяги, учиненной нами нашему народу, также уменьшили бы еще тѣмъ и славу вашего величества; ибо чрезъ то казалось бы, что сомнѣваемся о непремѣнныхъ вашихъ добродѣтеляхъ, которыя мы по достоинству чрезъ столько лѣтъ чтили. Равнымъ образомъ уменьшили бы мы достохвальное оное и по истинѣ святое благочестіе и предосмотрительное ваше благоразуміе, по коимъ ваше величество, разсуждая о настоящемъ отторженіи Польскихъ владѣній и предусматривая всегдашнія сѣмена будущей рано или поздно войны и чрезмѣрное пролитіе Христіанской крови, не можете не ужасаться. Въ заключеніе молимъ Всевышняго, чтобъ какъ для блага всей Европы чрезъ столько времяни сохранялъ ваше величество, такъ и нынѣ при непремѣнномъ отечеству нашему доброжелательствѣ во всякомъ благоденствіи соблюдать благоволилъ. Дана и пр.

II.

Переводъ съ грамоты короля Польскаго къ Французскому королю.

Божіею милостію мы Станиславъ Августъ, король Польскій и проч. Пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему etc. etc.

Мы уже ваше королевское величество нашею отъ 18-го сего мѣсяца грамотою увѣдомили о плачевномъ Республики состояніи, до котораго никогда въ свѣтѣ небывалымъ образомъ оная приведена чрезъ оружіе нашихъ сосѣдей. Ради скорѣйшаго сисканія какихъ либо средствъ для предупрежденія сего злополучія, коего, смотря на насъ, и прочія націи опасаться должны, созвали мы Сенатъ, и по собраніи онаго голосовъ, приняли намѣреніе къ вашему величеству адресоваться.

Прошеніе наше, державнѣйшій государь, въ томъ состоитъ, дабы ваше величество благоволили сильнѣйшее за насъ употребить заступленіе при Вѣнскомъ, С. Петербургскомъ и Берлинскомъ Дворахъ, чтобъ, припомня, чѣмъ они, въ силу многихъ трактатовъ, Польской Республикѣ обязаны, земель, чрезъ столько лѣтъ во владѣніи ея находившихся и законами въ томъ утвержденныхъ, между собою не раздѣляли.

Не сумнѣваемся, христіаннѣйшій государь, что отъ пребывающаго въ Вѣнѣ вашего министра пересланы къ вамъ какъ декларацiи отъ мини-

стровъ упомянутыхъ Дворовъ, нашему и Республики министерству врученныя, коими они и свои, не вѣдаю какія, права, изъ мрачной древности ископанныя, выводятъ и, не ожидая нашего на то отвѣта (чего и въ спорныхъ дѣлахъ чинить нимало непристойно) сами себя судіями и истцами представляютъ, такъ и копія нашего отвѣта, 17-го Октября на оныя учиненнаго, вашему величеству доставлена.

Удобно ваше величество, по превосходному своему разуму и чрезъ всегдашнее публичныхъ дѣлъ производство, прочитавъ оба оныя сочиненія, понять могли, куда нынѣ производимыя дѣла клонятся, и сколько вашему величеству должно всѣми силами о томъ стараться, дабы опасные оные для конечнаго утѣсненія безоружной и внутренними замѣшательствами истощенной несчастливой Польши замыслы какъ наискорѣйше уничтожены были.

Мы разсуждаемъ, что сіе дѣло до вашего величества тѣмъ наипаче принадлежитъ, что вамъ по наслѣдственному праву отъ пресвѣтлѣйшаго блаженныя памяти Людовика Четвертагонадесять, вмѣстѣ съ скипетромъ изобильнѣйшаго королевства, досталось и то, чтобъ стараться о цѣлости и ненарушимости постановленій Оливскаго трактата.

И такъ извольте ваше виличество разсудить, какъ вышеупомянутыя Державы съ нами поступаютъ. Не сообща прежде намъ дружескимъ образомъ своихъ, ежели какія имѣютъ, на провинціи Республики правъ, не соглашались о обосторонннихъ конференціяхъ и, не призвавъ насъ для учиненія на представляемыя отъ нихъ права возраженій и для справедливаго о семъ дѣлѣ постановленія, между тѣмъ, безъ присутствія нашего, послѣдовало о насъ рѣшеніе, учинено нападеніе, заняты войскомъ провинціи славнаго королевства; граждане, новостію обстоятельствъ устрашенные, угрозами принуждаются къ учиненію присяги самопроизвольнымъ государямъ; все, въ противность народныхъ правъ и благопристойности, у насъ отнимаютъ; кратко сказать, такъ съ нами, безъ малѣйшей къ тому причины, сосѣди наши поступаютъ, будто бы никогда между нами и ими никакихъ трактатовъ дружбы и благосклоннаго обхожденія не бывало.

Сіе то есть печальное и при предкахъ нашихъ никогда не случавшееся дѣлъ нашихъ происхожденіе, которое для потомковъ служить будетъ страшнымъ примѣромъ. Безъ войны заняты провинціи, какъ бы войною оныя прібрѣтены были; шумъ, отъ оружія непріятельскаго и иностраннаго войска происходящій, во всемъ государствѣ распространился, который подъ видомъ дружбы и сосѣдства такъ насъ утѣсняетъ, что ежели все сіе, не смотря на слѣдующую отъ того опасность въ молчаніи оставить, то ваше величество изволите понять, какого впредь жребія всѣ королевства, оныхъ обитатели, да и сами государи, ожидать должны.

Будучи жъ мы не въ состояніи сносить толикія несчастія, по Всемогущемъ Творцѣ, яко государями и народомъ управляющемъ, наивящшее упованіе на правосудіе и благоволеніе ваше возлагая, надѣемся, что ваше величество, ради отвращенія отъ утѣсненнаго нашего отечества тяжчайшаго злоключенія, всѣ силы употребить на оставите.

Оливскаго трактата артикулы (въ силу которыхъ ваше величество,

Библиотека "Руниверс"

какъ споручитель всего въ ономъ постановленнаго, обязаны Польское государство всегда въ цѣлости сохранять) повелѣваютъ намъ у вашего величества просить помощи, а оную отъ Васъ тѣмъ наипаче мы получить надѣемся, что ваше величество, будучи преисполнены правосудія и премудрости, такою владѣете націею, которая кромѣ природнаго обѣимъ народамъ дружбы союза, по своему дѣлъ состоянію, того жъ, что̀ намъ полезно или вредно быть можетъ, опасаться и желать должна.

Сіе то есть, чего мы отъ вашего величества всеусерднѣйше желая, несумнѣнно оное получить надѣемся. И сіе то будетъ всегдашнимъ вашего величества славы монументомъ, а нашей и нашихъ потомковъ благодарности вѣчнымъ залогомъ. Впрочемъ Всевышняго Творца молимъ, дабы ваше величество чрезъ многія лѣта невредимыхъ сохранить благоволилъ.

III.

Переводъ съ грамоты отъ его величества короля Польскаго къ Великобританскому королю отъ 27 Октября 1772 года.

Станиславъ Августъ Божіею милостію король Польскій и пр.

Пресвѣтлѣйшему, державнѣйшему государю и пр.

Какъ въ общей сей падающаго отечества нашего опасности ничего другаго для насъ не остается, кромѣ того, что можемъ еще говорить и призывать въ помощь государей въ обществѣ Христіанскомъ въ разсужденіи силы, богатства, благоразумія и власти великое заслуживающихъ уваженіе: то по справедливости прибѣгаемъ мы къ вашему величеству, въ особѣ котораго находимъ все то, что̀ угнѣтаемымъ помощь и отраду подать можетъ. Извѣстно уже вашему величеству, что̀ сдѣлали съ нами недавно тѣ, коихъ мы почитали наибольшее пріемлющими участіе въ жребіи нашемъ и несчастнаго сего государства, внутреннимъ несогласіемъ, оружіемъ иностранныхъ и наконецъ язвою изнуреннаго, опустошеннаго и вовсе почти истощеннаго; но не довольно было для насъ сихъ бѣдствій. Неслыханное еще ожидало насъ, а именно надобно было, чтобъ на Польскую націю, толико желающую жить въ мирѣ съ сосѣдями, безъ всякаго предварительнаго предъявленія обидъ, вооруженною рукою напали, чтобъ безъ изъясненія какого либо права занятія, была она на части раздроблена отъ тѣхъ, кои и нынѣ пріятелями Польши называются. Не знаю, съ бо̀льшимъ ли вредомъ и обидою для нашего, или для всѣхъ государствъ сіе учинено.

По истинѣ мы Поляки лишившуюся наилучшихъ своихъ владѣній Республику, внутренность государства безпрестанными марширующихъ войскъ со всѣхъ сторонъ набѣгами и грабежами въ конецъ опустошенную, низверженіе священнѣйшихъ правъ сосѣдства, а что̀ всего тягостнѣе, разрывъ, воспослѣдовавшій безъ всякаго съ нашей стороны къ тому повода, толикихъ торжественныхъ союзовъ, Оливскаго, Веловскаго, Московскаго, 1686, Варшавскаго 1677, тщетно учиненныя декларацiи 1764 и 1771 г. и прочее горестно оплакиваемъ. Но чтобъ и вся Европа (если она причиненныя Польшѣ наглыя насильства заблаговременно излѣчить въ самой скорости не разсудитъ), поздно о томъ не раскаялась, что, взирая на сіе равно-

душно, допустила бѣдствіямъ нашимъ до такой дойти степени, мой долгъ есть напоминать, а вашъ отвратить: ибо ваше величество владѣете надъ тѣми самыми Британцами, кои, помня, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ равновѣсіе Европы оружіемъ и сокровищами ихъ два раза защищено, конечно не похотятъ того, чтобъ они богатство свое расточили и кровь пролили для того только, чтобъ чрезъ нашу гибель другихъ народовъ и ихъ опасности приближились. И такъ если чьей изъ государей, то наипаче вашего величества помощи просить именемъ моимъ и Сената по справедливости могу я и долженствую. Ваше величество есть тотъ Георгій, который нѣкогда, будучи еще приватнымъ и подъ смотрѣніемъ знаменитаго дѣда младымъ государемъ, меня приватнаго гражданина въ особливой любви и милости содержалъ. Вы теперь король благоразумной той націи, которая сей мой народъ, подражающій ей въ вольности и благородствѣ и особливо ей усердствующій, всегда почитала и взаимно любила; народъ, говорю, Польской, котораго коммерція столько для Европы полезная да и нужная, не можетъ быть соблюдаема безъ ненарушимаго сохраненія областей и правъ, что̀ Англичане довольно вѣдаютъ.

И такъ на бѣдственное наше и для благородныхъ сердецъ жалостное состояніе не будете вы взирать съ колеблющимися мыслями, если вспомните вашу ко мнѣ любовь и народовъ нашихъ дружбу и вѣру. Любовь, толь тѣсно соединившая наши сердца, да соединитъ и дѣла наши. Благоволите ваше величество по особливому вашему благоразумію и отличному уваженію, которое имѣютъ къ вамъ государи, гарантируя Оливское постановленіе, и яко порука въ нашемъ дѣлѣ, оказать намъ въ себѣ благосклоннаго ходатая и Вѣнскому, Россійскому и Берлинскому Дворамъ совѣтовать, чтобъ они, слѣдуя справедливости, противу Польской націи, толикія услуги имъ оказавшей, непріятельски поступать перестали. То будетъ для насъ и потомковъ нашихъ непремѣннымъ долгомъ, чтобъ усерднѣйше молить Бога вышняго, всѣхъ благъ подателя, о вашемъ здравіи и благоденствіи вашего государства. Дана и пр.

IV.

Копія съ грамоты короля Польскаго къ Римскому папѣ отъ 27-го Октября н. ст. 1772-го года.

Въ какомъ состояніи Польскія дѣла (кои первѣе отъ внутреннихъ нестроеній чрезъ нѣсколько лѣтъ въ смятеніи находятся, потомъ оружіемъ иностранныхъ государей утѣснены и по произволенію каждаго угнѣтаются) нынѣ находятся, не для чего о томъ вашему святѣйшеству доносить, когда чрезъ курьеровъ и слухъ, весь свѣтъ наполнившій, сами совершенно уже о всемъ вѣдаете. Что̀ же утѣсненное, раздробленное и пространныхъ земель лишившееся благочестивое королевство, не иное что оградою и вспомоществованіемъ своимъ почитаетъ, какъ только сіе, чтобъ находиться на лонѣ общаго отца Христіанскаго общества, о томъ я, король, послушнѣйшій вашъ сынъ, о томъ Сенатъ, о католическомъ благочестіи бодро побораюшій, о томъ вся Польша, истинныя вѣры защитница и верховныхъ папъ искренно почитающая, вашему святѣйшеству симъ представляютъ.

Три сосѣдственные Двора, а именно Вѣнскій, Петербургскій и Берлинскій, не учинивъ никакого о нарушеніи ихъ правъ изъясненія и ничего чрезъ многія лѣта о томъ не упоминая во время внутреннихъ Республики замѣшательствъ, вознамѣрились, пользуясь ея злополучіемъ, доходы свои умножить и, введши свои войска, Польскія провинціи занимаютъ, подданныхъ и жителей къ учиненію въ вѣрности присяги угроженіями приняуждаютъ. Сіи суть, блаженнѣйшій отче, тѣ же самые Дворы, съ которыми прежнихъ временъ стараніемъ верховнѣйшихъ папъ, а именно Павла Втораго съ Пруссіею, Григорія Третьягонадесять съ Россіанами, а Сикста Пятаго съ цѣлымъ Австрійскимъ Домомъ, по учиненіи подъ присягою во всѣхъ пунктахъ вѣчнаго отрицанія отъ притязаній на Польскія земли, миръ заключенъ, и въ разсужденіи Польши военныя дѣйствія и побѣды прекращены были.

Итакъ когда Польское королевство, святѣйшихъ папъ власти всегда повинующееся и о пользѣ ихъ усердно пекущееся, нынѣ отъ вышеупомянутыхъ государей оружіемъ утѣсняется, то къ тебѣ, отче, прибѣгаетъ, прося помощи, дабы ваше святѣйшество, по представленіи несносныхъ нашихъ обидъ Христіанскимъ государямъ, благоволили своими увѣщаніями и резонами склонить ихъ къ приложенію старанія, чтобъ Польскія права въ цѣлости и безъ всякаго нарушенія, каковы по сіе время наблюдались, вмѣстѣ съ отнятыми землями возвращены были.

Когда прежде сего на представленіе покойнаго вашего предмѣстника Климента Третьягонадесять склонилась августѣйшая императрица, ея апостолическое королевское величество, все то, что̀ на избирательномъ и нашей коронаціи Сеймахъ постановлено было, ненарушимо сохранять, то учиненіемъ отъ вашего святѣйшества ходатайства можетъ и теперь согласиться первая достохвальный прочимъ показать примѣръ, возвращеніемъ законному государю всего того, что̀ паче по нѣкоторому неблагополучному дѣлъ стеченію, нежели по точному толь благочестивыя государыни изволенію, отъ нашего королевства отторгнуто. Сверхъ того ни мало я не сумнѣваюсь, что ея величество вашимъ, святый отче, молитвамъ и увѣщаніямъ все то приписывать будетъ, сколько Австрійскій Домъ одолженъ апостольскому престолу, коего стараніемъ, не упоминая о прочихъ благодѣяніяхъ, безъ мало за сто лѣтъ прежде сего, во время владычества папы Иннокентія Первагонадесять, сія жъ самая Польша, не смотря на свою опасность, съ охотою подвигнувшись для освобожденія отъ осады города Вѣны, счастливые тогда въ сраженіяхъ успѣхи имѣла.

Дай Богъ, чтобъ Польша, гдѣ вы отцемъ отъ всѣхъ любезно называетесь, за возвращенныя провинціи вѣчно могла васъ превозносить похвалами.

Богъ васъ для пользы церкви и моего королевства чрезъ многія лѣта невредимыхъ сохранить да благоволитъ.

V.

Переводъ съ дневныхъ записокъ чрезвычайнаго Сейма чиновъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго, держаннаго въ Варшавѣ въ Понедѣльникъ, 19 Апрѣля 1773 года.

Первое засѣданіе, въ Понедѣльникъ 19-го Апрѣля.

По открытіи сего дня чрезвычайнаго Сейма чиновъ Польскихъ и великокняжескихъ Литовскихъ съ обыкновенными обрядами, король, въ провожаніи сенаторовъ, статскихъ министровъ и сеймовыхъ нунціевъ (коихъ число простирается до 102-хъ) и со множествомъ предшествующихъ ему шляхтичей, шелъ галлереею въ соборную церковь Святаго Іоанна, и слушалъ тамъ литургію, отправленную господиномъ бискупомъ Куявскимъ. По окончаніи символа, каноникъ Львовскій Александровичь говорилъ весьма хорошую и пристойную сему дню проповѣдь.

По совершеніи службы Божіей, король, вмѣсто того чтобъ идти въ Сенатъ, возвратился въ свои покои. Нунціи же, предводительствуемые великимъ кухмистромъ коронымъ графомъ Понинскимъ, маршаломъ Конфедераціи Коронной, слѣдовательно и нынѣшняго Сейма, да мечникомъ и маршаломъ Конфедераціи Литовской княземъ Радзивиломъ, остановясь нѣсколько въ залѣ, разговаривали между собою, какъ пришелъ туда оберъ-камергеръ коронной и пригласилъ двухъ маршаловъ къ королю, которые, вошедъ къ нему съ нѣсколькими нунціями и бывъ допущены къ рукѣ его величества, возвратились опять въ сенаторскую залу, гдѣ побывъ они малое время, пошли въ Посольскую Избу.

Первый нунцій воеводства Краковскаго г. Лентовскій, за отсутствіемъ маршала послѣдняго Сейма, взявъ маршальскій жезлъ, отвелъ мѣста нунціямъ по старшинству и порядку воеводствъ. Послѣ чего открылъ онъ засѣданіе весьма изрядною рѣчью, обѣщая вручить маршальскій жезлъ тому, кто будетъ въ сіе достоинство выбранъ. На что великій коронный кухмистръ графъ Понинскій далъ знать, что въ прошедшую Пятницу составлена Конфедерація, и что болѣе 67 нунціевъ избрали его оной маршаломъ; а какъ настоящій Сеймъ будетъ держанъ подъ Конфедераціею, то онъ по обычаю долженъ быть маршаломъ и сего Сейма. Проговоря сіе, поднялъ онъ маршальскій жезлъ, который данъ ему отъ Конфедераціи.

Противъ сего поднялся великій шумъ. Нунціи великаго княжества Литовскаго не хотѣли и слышать, чтобъ настоящій Сеймъ былъ подъ Конфедераціею, представляя, что ихъ инструкціи совсѣмъ тому противорѣчать, и не говорили ни о чемъ, какъ только о Сеймѣ вольномъ. Иные нунціи кричали, что графъ Понинской и князь Радзивилъ, имѣя противъ себя обвинительныя опредѣленія или кондемнаты, не могутъ быть ниже послами, не только маршалами Конфедераціи или Сейма.

Шумъ часъ отъ часу болѣе умножался, а между тѣмъ новому маршалу принесли табуретъ. Господинъ Лентовской и графъ Понинской жезлами своими молчать велѣли; но вмѣсто того, чтобъ тѣмъ шумъ утишился, оный больше увеличивался: хлопанье руками, топотъ и крикъ составляли раздоръ преужасный. Многіе нунціи начинали говорить, но никакъ разумѣть ихъ было не возможно. Графъ Понинской говорилъ громогласно, что будучи онъ выбранъ маршаломъ болѣе нежели 67-ю нунціями, ихъ честь, а его власть требуютъ теперь удержать его въ семъ достоинствѣ.

Многіе нунціи, а особливо воеводства Новогродскаго Рейтанъ и Корсакъ, кричали, что они ни о какой Конфедераціи не знаютъ, въ чемъ были подкрѣпляемы и многими другими нунціями сей провинціи.

Нунцій Новогродской Рейтанъ говорилъ еще, что по очереди и законамъ маршалъ настоящаго Сейма долженъ быть изъ провинціи Литовской.

Чѣмъ болѣе старались его укротить, тѣмъ болѣе смѣлость его умножалась, и дошла до такой степени, что онъ, оставя свое мѣсто, сошелъ въ кружокъ и вырвалъ маршальскій жезлъ изъ рукъ г. Лентовскаго; и какъ графъ Понинской пошелъ ударить жезломъ, то онъ сѣлъ на табуретъ его, объявляя, что онъ маршальскаго жезла никому иному не отдастъ, какъ нунцію одной съ нимъ провинціи. Сей отважный поступокъ умножилъ безпорядокъ и замѣшательство, почему и почли за лучшее отложить засѣданіе до другаго дня.

Нунцій Новогродской, имѣя въ рукахъ маршальскій жезлъ, прохаживался гордо въ красномъ платьѣ и съ страшными усами по сенаторской залѣ и по всѣмъ комнатамъ, объявляя безпрестанно, что онъ маршалъ Сейма, и что засѣданіе должно начаться завтра уже не въ 9 часовъ, но въ часъ пополудни; наконецъ сошелъ онъ за великимъ канцлеромъ короннымъ по лѣстницѣ (по которой король обыкновенно сходитъ) и куда потомъ дѣлся, никому не извѣстно.

Переводъ съ продолженія дневныхъ записокъ.

Второе засѣданіе, во Вторникъ, Апрѣля 20 дня.

Нунціи, собравшись въ 9 часовъ въ Посольскую Избу, нетерпѣливо ожидали прибытія графа Понинскаго, яко маршала Конфедераціи и Сейма; но какъ онъ не бывалъ и по прошествіи 11-ти часовъ, то нунціи настояли весьма о начатіи Сейма и просили перваго нунція воеводства Краковскаго о принятии на себя сего званія; другіе примолвили, что въ случаѣ его въ томъ отказа надлежитъ о томъ просить перваго нунція воеводства Познанскаго.

Между сими спорами, Корсакъ Новогродской нунцій началъ говорить такъ: что рѣчь идетъ здѣсь о Конфедераціи, но что ему о ней нимало не извѣстно; что королевскіе манифесты и данныя ему наставленія упоминаютъ только о вольномъ Сеймѣ; что Конфедераціи могутъ быть составлены, но порядочнымъ образомъ. Онъ тому въ примѣръ приводилъ конфедерацію бывшую въ 1673 году при королѣ Михайлѣ, которая начата и сдѣлана была въ воеводствахъ, земляхъ и уѣздахъ; что находящаяся будто нынѣ Конфедерація ничто иное есть какъ дѣло скрытное, клонящееся единственно къ конечному разоренію отечества, заведенное тайно и безпорядочно. Рѣчь его часто съ начала перебиваема была; но онъ не преставалъ продолжать ее, и наконецъ оную похвалили. Во время сихъ раздоровъ, маршалъ Понинской вошелъ въ Посольскую Избу и, сдѣлавъ шага три или четыре, далъ онъ знакъ жезломъ своимъ и, назнача быть засѣданію на другой день въ 9 часовъ, возвратился. Многіе нунціи вышли, изъ которыхъ нѣсколько было изъ Краковскаго воеводства; но большая часть осталась въ Посольской Избѣ, настоя о продолженіи Сейма.

А какъ и Краковскій нунцій Лентовскій, у котораго Новогродской вчерашняго числа отнялъ маршальскій жезлъ, вышелъ, то поручено было его товарищу Лентовскому же начать Сеймъ и жезлъ принять. Принесли табуретъ, а за неимѣніемъ маршальскаго жезла, подали ему трость, взятую у одного офицера. Краковскій нунцій ее принять не хотѣлъ; старались прав-

да его къ тому склонить, но безъ успѣха; и такъ замѣшательства непрерывно продолжались. Сирадійскіе нунціи требовали, чтобъ по очереди рѣшено было, отложить ли или продолжать засѣданіе? Краковскій нунцій говорилъ, что безъ маршала очереди быть нельзя. Многіе нунціи, особливо же Литовскіе, тутъ закричали, что если онъ не хочетъ быть маршаломъ, то сыщутъ другаго; на сіе судящіе били въ ладоши.

Рейтанъ Новогродской нунцій сказалъ, что того дѣлать не надлежало, что они не въ оперѣ и въ комедіи, прибавя къ тому, что если намъ здѣсь ничего сдѣлать не можно, то простимся и пойдемъ домой. Многіе изъ прочихъ Литовскихъ нунціевъ, особливо же Корсакъ, Рейтановъ товарищъ, усердно просили Краковскаго нунція объ открытіи засѣданія, обѣщая подкрѣплять его и не оставлять и говоря при томъ, чтобъ онъ неукоснительно объявилъ себя; но какъ сей нунцій, подписавъ уже Конфедерацію, въ томъ колебался и хотѣлъ выдти, то закричали, что того не позволятъ; и такъ онъ принужденъ былъ остаться.

По семъ Сирадійскій нунцій началъ говорить: «Къ чему здѣсь такъ «долго спорить? Засѣданіе уже отло«жено, но кѣмъ, того мы не знаемъ; «многіе нунціи уже вышли, сдѣла«емъ и мы тоже и пойдемъ домой». Сему однакожъ сильно противились, и начали спорить о избраніи маршала. Многіе изъ нунціевъ говорили, что надлежитъ учинить выборъ въ первый день; другіе утверждали, и то гораздо справедливѣе, что можно тѣмъ промедлить и до третьяго дня. Во время сего спора Выбрановскій нунцій Ленчицскій требовалъ, чтобъ Краковскій нунцій не переговоры имѣлъ, но лучше бы началъ засѣданіе. Многіе другіе просили о назначеніи маршала и угрожали обнародованіемъ манифестовъ.

Новогродской нунцій Корсакъ началъ опять говорить, спрашивая у Краковскаго нунція: Сеймъ вольной ли, или подчиненной Конфедераціи? Когдажъ сей нунцій ничего на то не отвѣчалъ, то объявилъ онъ, что безъ отвѣта изъ комнаты не выдетъ.

Прочіе же сей провинціи нунціусы дали выразумѣть, что они держатся королевскихъ манифестовъ, упоминающихъ о вольномъ Сеймѣ, и такъ они о Конфедераціи ничего не вѣдаютъ. Нунцій Краковскій Лентовскій, видя сіи распри, наконецъ сѣлъ на табуретъ, больше въ томъ намѣреніи, чтобъ ихъ утомить, нежели чтобъ Сеймъ начать; а нѣсколько спустя сказалъ, что засѣданіе будучи отложено: мы также домой пойдемъ.

Новогродскіе нунціи всѣ тому противились; другіе жъ требовали опять очереди, дабы рѣшить: отложить или продолжать засѣданіе? Иные жъ хотѣли, чтобъ Краковскій нунцій открылъ только засѣданіе, а потомъ отложилъ бы оное. Хотя симъ способомъ у графа Понинскаго жезлъ отнять, а Краковскаго нунція привесть въ состояніе начать завтра засѣданіе, угрожали они, что выйдутъ и къ королю пойдутъ.

Тогда Краковскій нунцій паки старался отложить засѣданіе безъ дальнихъ обрядовъ.

Новогродскіе нунціи смѣло объявили, что они никакой Конфедераціи не дозволятъ, хотя бы они лишились имѣнія своего и жизни и на мелкіе куски изрублены были; ниже дозволятъ они господину Понинскому, на котораго толь много жалобъ есть, быть маршаломъ. Мы вѣдаемъ, при-

молвили они, что Сеймъ имѣетъ право таковыхъ возмутителей судить, и многократно просили Краковскаго нунція о начатіи Сейма; но ежели онъ находитъ въ томъ какое сумнительство, то бъ мѣсто свое уступилъ своему товарищу господину Дембинскому.

Новогродской нунцій Рейтанъ прибавилъ еще: «Я вручаю вчерашній мой жезлъ Краковскому нунцію Дембинскому, дабы онъ могъ Сеймъ начать; мы же здѣсь предъ Богомъ, всѣмъ свѣтомъ и симъ собраніемъ публично протестуемъ противъ Конфедераціи, какая бъ она ни была; спросите только у всѣхъ здѣсь находящихся нунціевъ, данныя имъ наставленія требуютъ ли Конфедераціи, или упоминаютъ ли что объ оной? Говорите, господа мои собратія, говорите откровенно».

Тогда онъ обратился къ Краковскому цунцію и спрашивалъ его: «Чего ради вы не говорите? Вы съ другими имѣете переговоры. Развѣ сошлись мы здѣсь бесѣдовать?» Сіи споры продолжались часу до 2-го.

Краковскій нунцій хотя и самъ усталъ, но не хотя однакожъ выдти, чтобъ не дать чрезъ то преимущество Познанскому воеводству и, не взирая на то, что онъ съ товарищами своими уже подписалъ Конфедерацію, сѣлъ паки на табуретъ, притворяясь, будто бы хотѣлъ онъ засѣданіе начать.

Многіе нунціи неотступно требовали отложенія засѣданія. Онъ пользовался симъ случаемъ и спросилъ: соглашаются ли они на отложеніе засѣданія? И какъ всѣ вообще на то согласились, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ завтра открыть ему оное, то и отложили его до семи часовъ утра.

Третье засѣданіе, въ Среду, 21-го Апрѣля.

Генеральной Конфедераціи и сеймовый маршалъ вчерашнее засѣданіе отсрочилъ было до нынѣшняго дня, съ тѣмъ чтобъ начаться оному въ 9 часовъ утра; но, увѣдомясь, что Литовскіе нунціи принудили Краковскаго нунціуса Лентовскаго назначить то засѣданіе ранѣе, то есть въ 7 часовъ по утру, разсудилъ онъ за благо, для предупрежденія безпорядковъ, изъ того произойти могущихъ, поступить съ большею властью и учинить слѣдующія распоряженія.

Конфедерація вчера еще посылала отъ себя депутатство къ князю, великому коронному маршалу, для внушенія ему, что какъ Конфедерація уже составлена, то и имѣетъ онъ первую должность званія своего, и чтобъ потому приказалъ онъ завтрашняго дня Посольскую Избу запереть, а караулъ умножить, ибо засѣданіе будетъ безъ посредниковъ. Отвѣтъ его состоялъ въ томъ, что хотя онъ и слышитъ о нѣкоторой Конфедераціи, но какъ нѣтъ о семъ никакого въ Гродѣ акта, то онъ не можетъ признавать дѣйствительность оной; что̀ же касается до требованія въ разсужденіи Посольской Избы и отлученія посредниковъ, о томъ дастъ онъ надлежащія повелѣнія.

Конфедерація посылала также Сирадійскаго нунціуса Зарембу въ Воинскую и Скарбовую Коммисію, дабы учинили они въ присутствіи его обыкновенную присягу; но президенты сихъ двухъ Коммисій тотъ же дали отвѣтъ какъ и князь великій маршалъ, говоря, что какъ актъ Конфедераціи не приложенъ къ Гродскимъ дѣламъ, то они и не признаваютъ никакой Конфедераціи, ниже бытія ея.

Чего ради графъ Понинскій, въ качествѣ короннаго маршала Конфедераціи, а князь Радзивилъ въ качествѣ маршала Литовской Конфедераціи, безъ упущенія времяни, актъ Конфедераціи въ Варшавской Гродъ и сообщили для внесенія.

Еще посылала вчера же Конфедерація прокурора Конфедераціи Бриловскаго, съ однимъ приказнымъ служителемъ, къ Новогродскому нунціусу Рейтану, чтобъ вручить ему позывную грамоту отъ конфедераціоннаго суда. Но нунцій сей не хотѣлъ принять оной, отзываясь, что онъ о бытіи сей Конфедераціи ничего не знаетъ, а что прибылъ сюда на вольный Сеймъ вслѣдствіе королевскихъ манифестовъ и своей инструкціи.

По утвержденіи правленія Конфедераціи, назначены были 8 ассесоровъ и судей и другіе нужные люди, которые сего утра и присягу учинили. Нунціусы, особливо же Литовскіе, пріѣхавъ заранѣе въ замокъ, и увидя двери избы ихъ заперты, нашли способъ отворить оную. Конфедераціонный же и сеймовый маршалъ, провѣдавъ, что Посольская Изба отперта, что много въ ней находится нунціусовъ, а особливо Новогродской Рейтанъ съ своими сообщниками, и что одинъ Пинскій нунцій сдѣлалъ маршальскій жезлъ для употребленія его при начатіи засѣданія, оный маршалъ, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ замокъ, началъ конфедераціонный судъ.

Прокуроръ конфедераціи Бриловскій и приказный служитель должны были докладывать по случаю позывной грамоты, Новогродскому нунціусу врученной; дѣло взнесено было на аппеляцію, а какъ никого не было, кто бы за нунціуса отвѣтствовалъ, то и рѣшеніе воспослѣдовало, которое потомъ обнародовано было изъ оконъ, кои, такъ какъ и двери, отверсты были; въ рѣшеніи написано, что Рейтанъ будучи непослушенъ Конфедераціи, должно съ нимъ поступать по строгости законовъ.

Конфедераціонный маршалъ, получа вновь извѣстіе, что Посольская Изба отперта, что многіе Литовскіе нунціусы, особливо Новогродской, опять тамъ находятся (сей послѣдній былъ въ той избѣ и въ 7 часовъ вечера), онъ не хотѣлъ уже въ замокъ ѣхать, но опредѣлено было послать къ королю нунціевъ, чтобъ ему поднести актъ Конфедераціи и просить его о приступленіи къ оной.

Князь Сулковскій, нунцій Лонжской, назначенъ къ тому былъ отъ Коронной Конфедераціи, а Циніевъ, нунцій Стародубскій, отъ Литовской Конфедераціи. Король отказался дать имъ аудіенцію, требуя, чтобъ снабдены они были вѣрющими грамотами. Сіи грамоты вскорѣ были сочинены и подписаны по обыкновенному порядку, а въ полдень рѣченные нунціусы въ замокъ поѣхали, потомъ допущены они были на аудіенцію. Она дана была торжественнымъ образомъ при отверстыхъ дверяхъ.

Князь Сулковскій говорилъ изрядную рѣчь, похваляя отеческія старанія короля, который, по требованію трехъ сосѣдственныхъ Дворовъ, сей Сеймъ созвалъ, дабы однажды навсегда сдѣлать конецъ толикимъ замѣшательствамъ, отъ которыхъ отечество толь долго угнетаемо было; но какъ добрые сыны отечества предвидѣли, что на вольномъ Сеймѣ ничего не можно было сдѣлать для блага отечества, они согласились соединиться Конфедераціею, и просилъ короля къ ней приступить и позволить, чтобъ въ знакъ своего согласованія и королевской милости допущены они были къ рукѣ его.

Нунцій Литовской Конфедераціи такую же рѣчь говорилъ, но сокращеннѣе.

Потомъ великій канцлеръ коронный отвѣтствовалъ имянемъ королевскимъ, увѣряя нунціевъ, что его величество пріемлетъ актъ Конфедераціи и допускаетъ ихъ къ рукѣ; но что касается до требуемаго приступленія къ Конфедераціи, то его величество дастъ на сіе свое рѣшеніе въ приличнѣйшемъ мѣстѣ

Четвертое засѣданіе, въ Четвертокъ 22 Апрѣля

Рейтанъ и Корсакъ, Новогродскіе нунціусы, съ третьимъ изъ Пинска человѣкомъ молодымъ, одѣтымъ въ черное платье, пробыли вчера цѣлый день также и всю ночь въ Посольской Избѣ. Рейтанъ сдѣлалъ, какъ сказываютъ, и духовную; ибо не могли его склонить выдти безспорно и сообразоваться времяни и обстоятельствамъ.

Также сказываютъ, что Россійскій министръ, желая знать, были ли точно ночью тамъ сіи нунціусы, посылалъ освѣдомляться и, услыша, что видѣнъ былъ огонь въ Посольской Избѣ, отправилъ въ два часа ночью офицера, съ однимъ изъ канцелярскихъ своихъ служителей, стараться уговорить сихъ нунціевъ лучше согласиться, нежели не къ статѣ сопротивляться, и чтобъ пришли они къ нему Россійскому министру. Сіи посланные, пришедъ въ Посольскую Избу, увидѣли молодаго человѣка въ черномъ платьѣ, сидящаго за столомъ сеймскаго секретаря, за которымъ писалъ онъ при свѣчѣ, а четверо другихъ были по сторонамъ. Спросили у него, одинъ ли онъ тутъ, на что̀ онъ сказалъ, что не одинъ, но что два его товарища спятъ подалѣ на скамьѣ; а они, услыша его голосъ, тотчасъ пробудились и подошли также къ столу. Имъ было сказано, что присланы отъ Россійскаго министра имъ объявить, чтобъ столь не къ статѣ больше не сопротивлялись, и чтобъ шли къ нему Россійскому министру, который имъ самъ тоже скажетъ.

Рейтанъ отвѣтствовалъ, что онъ имѣетъ всякое почтеніе къ Россійскому министру, котораго всѣ хвалятъ за его скромность; но что не можетъ онъ признать Конфедерацію, ибо пріѣхалъ на вольный Сеймъ по универсаламъ и инструкціи; но ежели пришли его арестовать, то отдается онъ добровольно; что они хотѣли бы идти къ министру, но не можно было имъ всѣмъ троимъ выдти изъ избы, не наруша своего званія; что пошлетъ онъ напередъ двухъ товарищей своихъ, а по возращеніи ихъ и самъ пойдетъ. И такъ другой нунцій Новогродской съ молодымъ нунціемъ, одѣтымъ въ черное платье, пошли къ Россійскому министру, у котораго еще находились воеводы Калишскій и Познанскій. Между тѣмъ какъ министръ съ ними разговаривалъ и ихъ угощалъ, послалъ онъ опять запереть Избу Посольскую, дабы находившіеся у него два нунція не могли опять туда войти. Какъ сей посланный запиралъ Избу Посольскую, то Рейтанъ, услышавъ сіе, началъ кричать: «Кто меня запираетъ? Дверь изломаю». Запиравшій дверь, не смотря на сіе, отдалъ ключь г-ну кастелану Карасу, для отсылки къ графу Понинскому, маршалу Конфедераціи; но оный кастеланъ, опасаясь, чтобъ нунцій, оставшійся одинъ и находившійся еще въ отчаяніи, не зажегъ замка, почему продержалъ ключь во всю ночь у себя, а къ графу Понинскому послалъ уже оный по утру.

Сего дня дверь Посольской Избы была въ ночь отперта и, сказываютъ, что въ ней находилось больше одиннадцати нунціевъ.

Три министра не весьма довольны были даннымъ вчера отъ короля про-

страннымъ отвѣтомъ нунціямъ Конфедераціи, о приступленіи его къ оной, почему г-нъ Стакельбергъ былъ въ 10-мъ часу у короля съ объявленіемъ, что ежели онъ не согласится на Конфедерацію, то 50000 человѣкъ придутъ окружить Варшаву. Король на сіе отвѣтствовалъ, что онъ, не желая видѣть столько невинныхъ людей несчастными, посовѣтуетъ съ сенаторами, съ согласія которыхъ и приступитъ. Послѣ того по полудни король сенаторовъ и министровъ созвалъ къ себѣ ко Двору, которые въ отворенную королевскую аудіенцъ-камеру и собрались. Король, сѣвши подъ балдахинъ, предложилъ имъ, что̀ ему того утра министры трехъ Дворовъ представляли, и требовалъ на то ихъ совѣта. Заключеніе ихъ было то, что надобно сообразоваться времени и печальнымъ обстоятельствамъ. Почему король объявилъ, что онъ приступаетъ къ Конфедераціи, съ чѣмъ и вышелъ вонъ.

Послали къ Понинскому маршалу Коронной Конфедераціи, у котораго тогда находился маршалъ Конфедераціи Литовской со многими другими членами Конфедераціи и, спустя полчаса, оба оные маршала пріѣхали въ препровожденіи многихъ конфедератовъ. По входѣ ихъ въ отворенную аудіенцъ-камеру, въ которой находились еще сенаторы, возвратился тотчасъ и король. Г. Понинскій, маршалъ Конфедераціи, проговорилъ королю и Сенату краткую рѣчь, послѣ чего король объявилъ, что онъ на Конфедерацію согласуется. Потомъ оба маршала и нунціи Конфедераціи имѣли честь быть допущены къ рукѣ королевской, и маршалъ Конфедераціи и Сейма, отсроча засѣданіе до девяти часовъ утра, въ Субботу, поѣхалъ къ Россійскому министру съ увѣдомленіемъ о семъ благополучномъ произшествіи, гдѣ и остался обѣдать съ пятидесятью нунціями.

VI.

Pohlnische Glaube.

Ich glaube an die Russische Kayserin und Selbstherrscherin in Roth und Weiss-Russland und andern Pohlnischen Ländereyen mehr, und an den König von Preussen und Churfürsten zu Brandenburg, unsern Sporn, der empfangen ist von dem Geist Alexanders, gebohren aus Unvorsichtigkeit der Europäischen Mächte, gelitten unter den Russen bey Frankfurth und Landsberg, gekreützigет unter Laudon, nicht gestorben, sondern unsterblich niedergefahren zu dem Danziger Hafen und andern Pohlnischen Ländereyen mehr, auferstanden in Ermeland und Pommerland, sitzend zur Rechten seiner Kriegesherre, mit denen er kommen wird Pretensiones zu machen an die Lebendigen und Todten. Und an Josephum den Römischen Kayser, einen allgemeinen Mehrer des Römischen, aber nicht des Pohlnischen Reichs; den gemeinschaftlichen Verlust unserer Saltz-Werke, den Verlust unserer Säbel, und eine ewige Unterthänigkeit. Amen.

Die Zehen Gebothe.

Ich bin dein Herr ein König, der dich an deinen Niepozwolam erlöset, und aus dem Hause des Wiederspruchs geführet hat.

1-te Geboth. Du wirst viel andere Herrn neben mir haben.

2-te Geboth. Du sollst den Nahmen Niepozwolam nicht unnützlich führen, denn der Husar wird den nicht unbestraft lassen, der dieses Wort misbraucht.

3-te Geboth. Du sollst den Feyertag

arbeiten, auf dass du nicht Hunger stirbst.

4-te Geboth. Ehre den Vater den König in Preussen, und die Mutter Maria Theresia, sonst werden deine Klage Ueberhand nehmen, deine Tage in Casan und Temeswar viel werden, und in der Festung Spandau, wohin man dich bringen wird vor Ungehorsam.

5-te Geboth. Du wirst nicht tödten, denn du hast den Säbel verlohren.

6-te Geboth. Du virst nicht ehebrechen, denn du kannst deine eigene Kinder kaum ernähren.

7-te Geboth. Du wirst nicht stehlen, denn die Preussen und Oesterreicher sehen dir zu sehr auf die Finger.

8-te Geboth. Du wirst nicht falsch Zeugniss reden, denn was ich dir hier sage ist die Wahrheit.

9-te Geboth. Du wirst nicht begehren deines Nächstens Haus, denn du wirst es nicht bekommen.

10-te Geboth. Du wirst begehren deines Nächstens Weib, Knecht, Magd, Vieh oder alles was sein ist, aber dein Begehren ist umsonst, denn die Preussen, Russen und Oesterreicher sind dir im Begehren zuvorgekommen.

ПЕРЕВОДЪ.

Польскій символъ вѣры.

Вѣрую въ Россійскую Императрицу и Самодержицу въ Червонной и Бѣлой Россіи и еще въ другихъ Польскихъ земляхъ и въ короля Прусскаго и курфирста Бранденбургскаго, нашего подстрекателя, который зачатъ отъ духа Александрова *), рожденъ отъ непредусмотрительности Европейскихъ Державъ, пострадалъ отъ Русскихъ при Франкфуртѣ и Ландсбергѣ, крещенъ Лаудономъ, не умеръ, но безсмертно добрался до Данцигской гавани и еще до другихъ Польскихъ земель, воскресъ въ Эрмеландѣ и Помераніи, сидитъ одесную своихъ войскъ, съ коими онъ придетъ предъявлять требованія отъ живыхъ и мертвыхъ. И въ Іосифа Римскаго Императора, общаго распространителя Римскаго, но не Польскаго государства. Въ совокупную утрату нашихъ соляныхъ варницъ, въ утрату нашихъ сабель и въ вѣчное подданство.

*) Т. е. воинственнаго духа Александра Македонскаго? *П. Б.*

Дѣсять заповѣдей.

Я твой господь король, который разрѣшилъ тебя отъ твоего *непозволямъ* и вывелъ тебя изъ обители противорѣчія.

1-я заповѣдь. Ты будешь имѣть многихъ другихъ господъ кромѣ меня.

2-я заповѣдь. Ты не долженъ безполезно произносить слово *непозволямъ*, ибо гусаръ не оставитъ безъ наказанія того, кто злоупотребляетъ этимъ словомъ.

3-я заповѣдь. Ты долженъ работать по праздникамъ, чтобъ не умереть съ голоду.

4-я заповѣдь. Чти отца короля Прусскаго и мать Марію Терезію; иначе превозмогутъ твои жалобы, пріумножатся дни твои въ Казани, Темешварѣ и въ крѣпости Шпандау, куда тебя отведутъ за непослушаніе.

5-я заповѣдь. Ты не будешь умерщвлять, ибо ты лишился сабли.

6-я заповѣдь. Ты не будешь прелюбодѣйствовать, ибо тебѣ едва есть чѣмъ прокормить собственныхъ дѣтей.

7-я заповѣдь. Ты не будешь воровать, ибо руки твои слишкомъ на виду для Прусаковъ и Австрійцевъ.

8-я заповѣдь. Ты не будешь лжесвидѣтельствовать, ибо что я тебѣ говорю здѣсь, есть истина.

9-я заповѣдь. Ты не пожелаешь дому ближняго твоего, ибо ты его не получишь.

10-я заповѣдь. Ты пожелаешь жены, раба, рабыни, скота или чего другаго отъ ближняго твоего, но твое желаніе напрасно; ибо Прусаки, Австрійцы и Русскіе предупредили тебя въ желаніи.

VII.

Переводъ.

Декларація Ея Величества Императрицы Всеросійской королю и Республикѣ Польской чрезъ полномочнаго ея министра барона Стакельберга.

Сосѣднія съ Польшею Державы толь часто вовлечены были въ мятежи, произведенные въ семъ государствѣ большею частію его междоцарствій, что напоминаніе о прошедшемъ долженствовало обязать ихъ прилежное употребить стараніе о дѣлахъ сей области, съ тѣхъ поръ какъ чрезъ смерть покойнаго короля Августа III-го престолъ сдѣлался тамо вакантнымъ.

Для сего уваженія и для предварительнаго отвращенія пагубныхъ дѣйствій распрей, кои по примѣру прошедшихъ междоцарствій могли бы произойти по случаю сей послѣдней вакансіи престола,

Россійскій Дворъ усильное прилагалъ тщаніе о соединеніи духовъ въ пользу кандидата, который бы могъ быть и достойнѣйшимъ престола и приличнѣйшимъ своимъ согражданамъ и сосѣдямъ, и въ то же время старался онъ о исправленіи многихъ злоупотребленій и недостатковъ въ конституціи, кои государство и его сосѣдей толь часто въ бѣдственнѣйшее состояніе донынѣ приводили.

Берлинскій Дворъ поспѣшествовалъ поступкамъ своего союзника.

А Вѣнскій Дворъ, желая спомоществовать съ своей стороны успѣху толь похвальныхъ видовъ, для избѣжанія опасности умножить можетъ быть заботы, умножая число директно вмѣшивающихся во внутреннія Польскія дѣла, разсудилъ за должное взять сторону совершеннѣйшаго нейтралитета не токмо въ разсужденіи сего, но также и въ разсужденіи войны, послѣдовавшей по сему дѣлу между Россіею и Оттоманскою Портою.

По принятіи таковыхъ мѣръ, съ удовольствіемъ видѣли тотчасъ отъ того воспослѣдовавшее вольное и законное избраніе короля Станислава нынѣ владѣющаго, равно какъ и другія полезныя и резонабельныя учрежденія, и все, какъ казалось, предвѣщало Польшѣ и ея сосѣдямъ твердѣйшую впредь тишину.

Но къ несчастію въ то самое время, когда должно было всего ожидать отъ такого дѣлъ положенія, духъ несогласія, овладѣвъ частію націи, мгновенно разрушилъ всю сію надежду. Граждане подъяли оружіе одни противу другихъ; мятежники власть законную похитили и обратили оную въ пагубу, презрѣвъ законы, благоустройство и самую общую безопасность. Правосудіе, полиція, коммерція, даже до хлѣбопашества, все низвержено или близкимъ паденіемъ угрожаетъ, и наглости всякаго роду, кои суть необходимымъ слѣдствіемъ сего безначалія, неминуемо навлекли бы конечное разрушеніе государства, если бы оно хотя мало еще продолжилось.

Натуральныя связи между смежными націями заставляютъ уже чувствовать подданныхъ сосѣднихъ съ Польшею Державъ зловреднѣйшія дѣйствія всѣхъ сихъ нестроеній; они принуждаютъ ихъ съ давняго уже времени брать предостерегательныя мѣры съ великимъ иждивеніемъ, для обезпеченія собственныхъ ихъ границъ, и подвергаютъ ихъ чрезъ неизвѣстность возможныхъ слѣдствій отъ разрушенія сего государства, опасности видѣть можетъ быть нару-

шенною дружбу и доброе согласіе счастливо между ими пребывающее и коего непреложное соблюденіе, обезпечивая взаимную ихъ тишину, интересуетъ въ тоже время всю Европу.

Слѣдственно ничего нѣтъ нужнѣе въ таковомъ положеніи дѣлъ, какъ скорое врачеваніе толикихъ бѣдствій, въ коихъ подданные смежныхъ областей претерпѣваютъ понынѣ тягостнѣйшія сочувствованія, и коихъ слѣдствія, если бы не были взяты въ томъ предосторожности, вѣроятно навлекли бы перемѣны въ политическую систему сея части Европы, опаснѣйшія для генеральной тишины.

Толикое множество важнѣйшихъ резоновъ не дозволяли Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской, Ея Величеству Императрицѣ Королевѣ Венгерской и Богемской и Его Величеству Королю Прусскому отлагать болѣе принятіе рѣшительной мѣры въ толь критическомъ обстоятельствѣ, и Ихъ рѣченныя Величества вслѣдствіе сего постановили между собою прилагать стараніе, безъ упущенія времени и съ общимъ согласіемъ соображенными и дѣйствительными мѣрами, о возвращеніи тишины и благоустройства въ Польшѣ, о пресѣченіи тамо настоящихъ мятежей и о возстановленіи на твердомъ основаніи древней конституціи сего государства и національныхъ вольностей.

Но какъ удерживая въ сіе время паденіе и самоизвольное разрушеніе сего государства счастливымъ дѣствіемъ дружбы и добраго согласія, пребывающихъ нынѣ между ими, не могутъ они чрезъ то болѣе надѣяться имѣть равный успѣхъ во всѣ будущія времена; посему постановили они и опредѣлили между собою произвесть въ дѣйство древнія ихъ права и законныя претензіи на поссессіи Республики, кои каждый государь готовъ будетъ оправдать во время и на мѣстѣ твердыми доказательствами и доводами и по коимъ состояніе Республики не дозволяетъ имъ когда либо имѣть возможность получить удовлетвореніе обыкновеннымъ порядкомъ.

Вслѣдствіе чего Ея Величество Императрица Всероссійская, Ея Величество Императрица Королева Венгерская и Богемская и Его Величество Король Прусскій, по взаимномъ между собою сообщеніи помянутыхъ ихъ правъ и претензій и за одно удовлетворяя себя въ ономъ, возмутъ эквивалентъ тому пропорціональный, и вступаютъ въ дѣйствительное владѣніе нѣкоторыхъ частей принадлежащихъ къ поссессіямъ Республики, кои суть способнѣйшія для постановленія впредь между ими и сею державою натуральнѣйшей и безпаснѣйшей границы, каждая изъ трехъ Державъ предоставляя себѣ потомъ дать точное означеніе своей доли. Въ силу чего Ихъ рѣченныя Величества отказуются отъ всѣхъ правъ, требованій и претензій, взысканій убытковъ и интерсовъ, кои могутъ они имѣть и учинить на владѣнія и подданныхъ Республики.

Ея Величество Императрица Всероссійская, Ея Величество Императрица Королева Венгерская и Богемская и Его Величество Король Прусскій сочли за должное объявить такія намѣренія всей Польской націи вообще, приглашая ее истребить, или по меньшей мѣрѣ удерживать, духъ мятежа и обольщенія, дабы, собравшись законнымъ образомъ на Сеймъ, могли они прилагать свое стараніе вмѣстѣ съ Ихъ рѣченными Величествами о способахъ возстановить у себя на твердомъ основаніи благоустройство и тишину, равно какъ и подтвердить фор-

мальными и дружественными актами размѣнъ правъ и претензій каждой Державы на эквивалентъ, взимаемый ими во владѣніе.

VIII.

Примѣчанія на дружбѣ и прямодушіи основанныя, коими изыскиваются способы для соглашенія о той части посессій Польской Республики, которая должна будетъ принадлежать императорскому и королевскому Двору.

Въ постановленномъ между тремя Дворами соглашеніи, для произведенія въ дѣйство правъ и претензій ихъ на Польшу, не могутъ они обойтись, чтобы не сообразить мѣры и дѣйствія на твердыхъ и неподвижимыхъ правилахъ, кои гарантировали бы имъ респективно прочность и существенную выгоду таковаго распоряженія.

1-е. Видъ ихъ обращенъ быть долженъ на собственное состояніе Польши по раздробленіи провинцій, въ раздѣлъ трехъ Дворовъ входящихъ. Очевидный интересъ заставляетъ ихъ какъ одного, такъ и другаго, желать, чтобъ сіе Государство въ вѣчные роды оставалось срединною между ими Державою, воспящающею стеченіе ихъ интересовъ, и слѣдственно чтобъ оно сохранило силу и внутренное существованіе соотвѣтствующее таковому намѣренію.

2-е. Когда одна склонность трехъ государей соблюдать между собою дружбу и доброе согласіе побудила ихъ принять нынѣшнее средство соединенія и равновѣсія респективныхъ ихъ интересовъ, то не оставятъ они предупредить съ равными расположеніями и съ такимъ же тщаніемъ, чтобъ удѣлъ одного не былъ предосудителенъ интересамъ другаго, какъ тѣмъ, кои проистекутъ отъ собственнаго его удѣла, такъ и тѣмъ, кои существуютъ уже изъ старыхъ поссессій.

3-е. Зависть, могущая произойти отъ излишне-великаго неравенства въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, была бы семянемъ нарушенія добраго трехъ Дворовъ соединенія, кое они не меньше предупредить желаютъ; и для сего дѣйствія, кромѣ принципій справедливости къ тому ихъ убѣждающихъ, подписали они и размѣняли между собою обязательство, коимъ постановлено, чтобъ доля одного не превышала доли другаго.

4-е. Какъ такое равенство не можетъ быть столь совершенное и столь во всемъ точное, чтобъ каждая изъ трехъ частей заключала въ себѣ одинаковое пространство, одинаковое плодородіе земли, равное число людей и равную же политическую цѣну, то они, по своей справедливости, по своему просвѣщенію и по совершенному между собою согласію, конечно положатъ, чтобы недостающее у одной или другой части въ какихъ либо изъ сихъ выгодъ было пополнено лишкомъ другихъ выгодъ.

Сходственно съ сими правилами, имѣющими въ основаніи правосудіе, здравую политику, добрую вѣру и взаимную дружбу, Россійскій Дворъ позволилъ себѣ войти въ нѣкоторыя разсужденія по сообщенному княземъ Лобковичемъ плану объ удѣлѣ Двора его, и онъ о томъ, что̀ находитъ въ немъ затруднительнаго, изъяснится съ искренностію и довѣренностію, кои долженствуютъ характеризировать распоряженія подобныхъ интересовъ.

По генеральнымъ свѣдѣніямъ о Польшѣ извѣстно, что земли, предложенныя на долю Вѣнскаго Двора,

почитаются между плодороднѣйшими провинціями сего Королевства, и въ разсужденіи изобилія и превосходнѣйшаго качества продуктовъ; а какъ число людей и доходы суть два предмета, кои, какъ и всякое другое обстоятельство, равно основываются на плодородіи земли, то изъ сего и слѣдуетъ, что поелику доля Вѣнскаго Двора пространствомъ въ трое болѣе удѣла Прусскаго короля, и во многихъ частяхъ преимуществуетъ предъ нею добротою земли (ибо Померелія, составляющая одинъ изъ пространнѣйшихъ кусковъ удѣла сего государя, есть песчана и непахатна) то сей Дворъ пріобрѣлъ бы несравненно больше подданныхъ и доходовъ, нежели Берлинскій.

Въ сравненіи съ Россійскою долею, хотя она равна почти ей была пространствомъ, но какъ извѣстно, что земли, пріобрѣтаемыя Россіею, по бо̀льшей части суть лѣсныя, болотныя и песчаныя и не имѣютъ никакихъ продуктовъ, могущихъ сравниться съ продуктами удѣла Вѣнскаго Двора: то изъ того слѣдуетъ, что число людей и доходы обѣихъ сторонъ не только никакого не имѣютъ между собою равенства, но еще по меньшей мѣрѣ въ двое одинъ другаго больше, что̀ конечно за неоспоримое признаетъ всякъ знающій чрезвычайную разность одной земли съ другою. Неравенство есть толикое, что можно сказать, не рискуя обмануться, что удѣлъ Вѣнскаго Двора стоилъ бы одинъ столько, сколько стоятъ другіе оба; сей лишекъ столь великъ, что нельзя и отвѣдать наградить его другими выгодами, слѣдовательно весьма трудно согласить его съ взаимными видами трехъ Дворовъ.

Пунктъ, отъ коего начинается линія удѣла Вѣнскаго Двора, представляетъ также нѣкоторыя неудобства, вниманія достойныя. При одномъ возрѣніи на ландкарту ощутить можно, что сія линія захватываетъ много границы Прусской Силезіи. Она отрѣзала бы сообщеніе сей части областей Прусскаго короля съ корреспондующею частію Польши, причинила бы вредъ выпуску и взаимному привозу продуктовъ собственныхъ каждой, и перенесла бы подъ другимъ отношеніемъ соперничество въ продуктахъ обѣимъ общихъ; изъ чего благоразуміе неминуемо предвидитъ многіе случаи непріятные для стеченія интересовъ, въ противность намѣреніямъ и желаніямъ государей.

Что̀ касается до сохраненія Польши въ существованіи срединной Державы, то при семъ случаѣ надлежитъ сдѣлать себѣ идею о томъ, что̀ для Польской націи есть городъ Львовъ и его уѣздъ. Сей городъ издревле есть и долженъ быть генеральное сборное мѣсто Польской націи, гдѣ она производитъ каждый годъ отдачи на откупъ и всѣ контракты, и гдѣ она хранитъ всѣ свои архивы и документы. Отторженіе такого города и его уѣзда ввергнуло бы всю націю въ величайшее замѣшательство и ужаснѣйшее произвело бы потрясеніе въ существованіи государственнаго корпуса. Послѣ сего не только не можно было бы почитать Польшу въ такомъ состояніи срединной Державы, каковаго требуетъ истинный интересъ трехъ Дворовъ, но увидѣли бы еще они безпрестанно тамо продолжающіяся всѣ бѣдствія внутреннихъ мятежей, кои намѣрены они нынѣ истребить и кои производятъ толь великія предосужденія покою и благосостоянію собственныхъ ихъ подданныхъ.

Къ сему разсужденiю надлежитъ еще прибавить потерю соляныхъ заводовъ въ Краковскомъ воеводствѣ, въ планъ раздѣла включенныхъ. Оные составляютъ одинъ только извѣстный предметъ содержанiя Польскаго Короля. Государство не могло бы инако наградить сiю потерю, какъ только перемѣною и великимъ уменьшенiемъ въ имѣнiяхъ дворянства, то есть въ староствахъ, составляющихъ толь знатные для него доходы, кои безъ сего гораздо бы уменьшились лишенiемъ тѣхъ староствъ, которыя подлежало бы обратить въ королевскiя экономiи для пополненiя утраты многихъ коронныхъ земель, включенныхъ въ раздѣлъ Дворовъ, что̀ умножило бы еще смятенiе и внутреннее въ Государствѣ ослабленiе.

Въ необходимой нуждѣ стараться объ избѣжанiи сихъ различныхъ неудобствъ, Россiйскiй Императорскiй Дворъ ни̇̀ мало не колебался изъясниться искренно съ Императорскимъ и Королевскимъ Дворомъ, прося его о нѣкоторой убавкѣ изъ его прiобрѣтенiй и согласиться, чтобъ они означены были новою линiею, которую онъ ему предлагаетъ со всею довѣренностiю справедливости и дружбы.

Сiя линiя начнется отъ Венгерскихъ границъ при источникѣ рукава рѣки Дунаеца, называемаго также Дунаецомъ, и послѣдуетъ теченiю сего рукава кругъ *Новиторга* до самой рѣки Дунаеца; наконецъ теченiю сея рѣки даже до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Вислу; оттуда граница слѣдовать будетъ теченiю Вислы до устья *Вiепрца*, откуда вдоль сея рѣки до другой рѣчки, также называемой *Вiепрцъ*, будетъ она слѣдовать теченiю сей рѣчки до *Пархева*; отъ сего мѣста спустится вдоль по особенной границѣ Бржескаго воеводства въ Литвѣ, и коснется рѣки Буга въ пунктѣ, гдѣ сiя рѣка входитъ въ границу рѣченнаго воеводства; отсюда послѣдуетъ она теченiю Буга до особенной границы Бѣльскаго воеводства; откуда спустится, слѣдуя общей границѣ сего воеводства и Хелмской земли, до пункта *Цулкiевъ*; оттолѣ, спускаясь вдоль Лембергскаго уѣзда, послѣдуетъ особенной границѣ сего уѣзда и коснется до Днѣстра, которая рѣка отъ сего пункта будетъ составлять границу до Молдавiи, на конецъ границъ Молдавскихъ до Трансильванiи. Такимъ образомъ останется Польской Республикѣ толь важный артикулъ главныхъ ея соляныхъ заводовъ въ Краковскомъ воеводствѣ, малая часть Руского воеводства или Хелмской земли по ту сторону Буга, все Бѣльское воеводство, городъ и уѣздъ Лембергъ и малая часть Покуцiи, или Галицкiй уѣздъ по другую сторону Днѣстра, который самъ по себѣ не заслуживаетъ никакого уваженiя или важной цѣны, но коего исключенiе служитъ для фаворизованiя натуральной границы теченiемъ Днѣстра.

Великодушный образъ мыслей и дѣйствiй Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ не дозволяетъ Россiйскому Двору сомнѣваться, чтобъ они не вошли въ разсужденiе и справедливость сего новаго раздѣла; и онъ тѣмъ паче ласкаетъ себя симъ, что Ихъ Величества, нашедъ въ ономъ совершенное равенство съ долями двухъ другихъ Дворовъ, признаютъ и для себя самихъ въ нѣкоемъ разсужденiи преимущество выгодъ.

Сей удѣлъ будетъ всегда гораздо больше пространствомъ доли Прусскаго Короля и, преимуществуя предъ нимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плодородiемъ, много превышать его бу-

детъ числомъ людей. Правда, что онъ менѣе пространствомъ Россійскаго удѣла; но какъ никоимъ образомъ не можно сравнить доброту земли, количество пахатныхъ и къ пашнѣ способныхъ полей и качество продуктовъ, то найдется онъ гораздо многолюднѣе и по тѣмъ самымъ резонамъ доходнѣе.

Мы искренно открываемся, что въ таковомъ исчисленіи не меньше держаться надлежитъ состоянія политической цѣны, въ разсужденіи чего Россія готова признаться во всемъ томъ, что̀ до ея части касается. Новыя ея пріобрѣтенія доставляютъ ей выгоду укоротать свою границу, имѣть ее чище, натуральнѣе и яснѣе означенною; а такимъ образомъ и надѣется она быть въ безопасности впередъ отъ всѣхъ безпокойствъ и наглостей, претерпѣваемыхъ подданными ея отъ Поляковъ. Владѣнія ея меньше смѣшаны будутъ съ поссессіями Польши, и слѣдственно меньше подвержены незапному сочувствованію всѣхъ неустройствъ, происходящихъ въ ея сосѣдствѣ. Она не опасается признаться также, что часть Прусскаго короля, въ разсужденіи округленія и соединенія, кои доставляетъ она его владѣніямъ, есть величайшаго политическаго уваженія. При первомъ взглядѣ кажется, что Вѣнскій Дворъ имѣетъ напротивъ того неудобство расширить и продлить свои границы; но въ самомъ дѣлѣ онъ за сіе удовлетворенъ выгодою ему собственною, то есть, что пунктъ, приближающій оныя на пятнадцать миль къ резиденціи и такимъ образомъ къ центру Королевства, очевидно увѣряетъ его среди сего сосѣдняго Государства о консидераціи и тому соразмѣрной инфлюенціи. И такъ понеже сія выгода есть также политическое уравненіе, когда существуетъ уже другая дѣйствительная выгода въ превышеніи съ своей стороны знатнымъ числомъ народа предъ числомъ двухъ другихъ Дворовъ: то за вѣрно почитается, что сысканы пропорціи справедливѣйшія, натуральнѣйшія и удовлетворительнѣйшія для самаго Вѣнскаго Двора.

IX.

Переводъ.

Проэктъ конвенціи.

Духъ мятежа, возмущеній и внутренняя война, коими терзается съ нѣкоторыхъ уже лѣтъ Польша, и безначаліе, ежедневно пріобрѣтающее новыя силы къ уничтоженію всякія власти порядочнаго правительства, подавая справедливыя опасенія о совершенномъ разрушеніи государства, о поколебаніи отношенія интересовъ всѣхъ ея сосѣдей, о нарушеніи добраго согласія, продолжающагося между ими и о воспаленіи войны генеральной (какъ уже дѣйствительно отъ сихъ одинхъ возмущеній и произошла та война, которую Ея Величество Императрица Всероссійская ведетъ противъ Порты Оттоманской) и въ тоже самое время сосѣдственныя Державы Республики, имѣя на нее притязанія и права сколь древнія, столь и законныя, по коимъ никогда не могли получить удовлетворенія и коихъ опасаются они навсегда быть лишенными, если они не примутъ мѣръ къ обезпеченію оныхъ и ко взысканію по онымъ, купно съ возстановленіемъ спокойствія и добраго внутренняго порядка въ Республикѣ, такимъ образомъ, чтобъ дать ей видъ политическаго бытія, сходственнѣйшаго съ интересами ихъ

сосѣдства, на сей конецъ Ея Величество Императрица Всероссійская избрала и назначила своими полномочными, господина графа Никиту Панина, оберъ-гофмейстера Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя, тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Ея Императорскаго Величества, сенатора, камергера и кавалера разныхъ орденовъ, князя Александра Голицына, своего вице-канцлера, тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера и кавалера орденовъ Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, которые послѣ сообщенія ихъ полныхъ мочей князю Лобковичу, полномочному министру Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ, находящемуся при Дворѣ Ея Величества Императрицы Всероссійской, равномѣрно снабденному полною мочью отъ Двора своего, и послѣ переговора о состояніи Республики Польской и о способахъ къ обезпеченію правъ и притязаній Ея Величества Императрицы Всероссійской, постановили, заключили и подписали слѣдующіе артикулы:

Артикулъ I.

Ея Величество Императрица Всероссійская вступитъ во владѣніе, во время и согласнымъ чрезъ слѣдующій артикулъ образомъ, остатка Польской Лифляндіи, равно какъ и части воеводства Полоцкаго, находящейся по сю сторону Двины, и равнымъ образомъ воеводства Витебскаго, такъ что Двина означивать будетъ натуральную между обѣими государствами границу, простирающуюся до частной воеводства Витебскаго съ Полоцкимъ воеводствомъ границы, и слѣдуя по сей границѣ до того мѣста, гдѣ границы трехъ воеводствъ, а именно: Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго сойдутся, съ котораго мѣста граница продолжаема будетъ прямою линіею до начала рѣки Дружека къ мѣстечку называемому Ордва, а оттуда спускаясь внизъ по сей рѣкѣ до ея устья въ Днѣпръ, такъ что все Мциславское воеводство, какъ по сю, такъ и по ту сторону Днѣпра, и оба края воеводства Минскаго выше и ниже Мциславскаго, по сей сторонѣ новой границы и Днѣпра, принадлежать будутъ Россійской Имперіи, и отъ устья рѣки Дружека Днѣпръ учинитъ границу между обѣими государствами, оставляя однакожъ городу Кіеву и онаго уѣзду границу, кою они имѣютъ нынѣ съ другой стороны сей рѣки.

Артикулъ II.

Ея Императорское Величество повелитъ занять корпусами своихъ войскъ мѣста и уѣзды, которыя намѣряется она присовокупить къ областямъ своимъ, и постановляетъ срокомъ къ вступленію во владѣніе оныхъ Іюль мѣсяцъ текущаго года, обязуясь ничего не объявлять до вышеозначеннаго времени о своихъ видахъ и намѣреніяхъ.

Артикулъ III.

Ея Величество Императрица Всероссійская гарантируетъ формальнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ Ихъ Императорскимъ и Королевскимъ Величествамъ области и уѣзды Польши, въ кои по силѣ общаго согласія Ихъ упомянутыя Величества вступятъ во владѣніе, которыя состоятъ въ ....

Артикулъ IV.

Какъ Ея Величество Императрица Всероссійская находится, тому уже болѣе трехъ лѣтъ, въ особливой войнѣ съ Портою Оттоманскою, произ.

шедшей единственно отъ Польскихъ дѣлъ, и что сообща съ полною довѣренностію Ихъ Императорскимъ и Королевскимъ Величествамъ рѣшительныя кондиціи, на коихъ соглашается она заключить миръ съ Портою, помянутыя кондиціи были приняты отъ Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ и найдены сколь справедливыми, резонабельными, столь и сходными съ собственными интересами Ихъ Монархій, Его Величество Римскій Императоръ и Ея Величество Императрица Королева, сходственно съ ихъ сантиментами искренняго дружества къ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской и взявъ въ уваженіе общіе и существительные интересы двухъ Монархій, обѣщаютъ и обязуются, что они станутъ продолжать употреблять ихъ добрыя офиціи между обѣими воюющими Державами, для дѣйствительнаго споспѣшествоанія и приведенія Порты къ заключенію мира съ Россійскою Имперіею на помянутыхъ кондиціяхъ.

Артикулъ V.

А какъ нужно будетъ дойти до рѣшительнаго распоряженія съ Республикою Польскою, касательно до общихъ пріобрѣтеній, равно какъ и возстановленія добраго порядка и спокойства внутренняго въ Польшѣ, Ея Величество Императрица Всероссійская обязывается снабдить министра своего, находящагося при Польскомъ Дворѣ, точнѣйшими наставленіями для содѣйствованія во всемъ съ общаго согласія и съ совершеннымъ единодушіемъ съ министромъ Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ, находящимся при томъ же Дворѣ, и для подкрѣпленія сея негоціаціи свойственнѣйшими поступками къ удачному ея произведенію.

Артикулъ VI.

Сія конвенція ратификована и ратификаціи размѣнены будутъ въ шесть недѣль, или прежде, если можно будетъ. Во увѣреніе чего нижеподписавшіеся полномочные министры Ея Величества Императрицы Всероссійской ее подписали своеручно и приложили печати своихъ гербовъ. Дана...

X.

Переводъ.

Проэктъ манифеста.

Бываютъ такія положенія и связи политическаго Европейскаго общества, гдѣ благоразуміе возбраняетъ государству взирать равнодушно на происходящее во внутренности своего сосѣдства, но гдѣ право естественное или право собственнаго своего сохраненія не только по справедливости дозволяетъ, но и обязуетъ вмѣшиваться въ оныя и принимать въ нихъ участіе. Никогда не было такого положенія, которое бы толь основательное опасеніе наносило и столь сильно вниманіе и человѣколюбіе возбудить долженствовало, какъ смятенія, чрезъ нѣсколько уже лѣтъ опустошающія Польшу. Всякаго роду бунтовщики, не имѣя другаго права кромѣ частныхъ своихъ прихотей, всю власть похитили и даже до тѣни порядочное правленіе истребили. Необузданное своевольство, пріявъ мѣсто законовъ, всѣ собственности смѣшало, правосудіе истребило и какъ общую, такъ и особенную безопасность уничтожило. Ненависть и мщеніе злодѣйствами и убійствами наполняютъ государство. Пагубное безначаліе каждый день приближаетъ

его къ паденію, и вся нація, будучи или виновницею, или жертвою, не имѣетъ въ себѣ ни силы, ни воли воспротивляться влекущему ее стремленію. Таково есть бѣдственное состояніе, въ коемъ нынѣ находится сія Республика, нѣкогда толь процвѣтавшая, и вотъ что̀ послѣдовало недавной надеждѣ, которою ласкались видѣть тамо благоустройство и тишину на твердомъ и прочномъ основаніи.

Республика вольнымъ и единодушнымъ актомъ возвела на престолъ короля, избраннаго изъ своихъ согражданъ, и котораго добродѣтели и качества казались ей залогомъ ея благоденствія. Уже вселилась во всѣхъ лестная надежда о революціи, могущей обновить Полякамъ образъ ихъ нравовъ, вольности и славы ихъ предковъ; а первыя произшествія, послѣдовавшія ей, казались способными къ утвержденію оныхъ. Нація съ помощію Державъ, гарантирующихъ трактаты, отдала справедливость знатной части гражданъ въ правахъ столь древнихъ, сколь и законныхъ, и чрезъ то истребила корень распри, всегда опасный для внутренней тишины ея. Истинныя принципіи правленія, конституція, составляющая ограду національной вольности, возобновлена и торжественно подтверждена на Сеймѣ, законнымъ образомъ собранномъ. Всѣ части правленія новую получили дѣйствительность. Полиція, порядокъ и правосудіе, долженствовавшіе быть слѣдствіемъ оныхъ, обѣщали Республикѣ счастливыя и мирныя времена, какъ внутри, такъ и внѣ государства.

Въ то самое время, когда начинала она пользоваться сими выгодами, духи издавна развращенные, коихъ скрытныя намѣренія всегда были противны доброму въ ихъ отечествѣ порядку, возмечтали, что злоба ихъ болѣе не должна уже скрываться. Честолюбіе, хищность и особенныя фамильныя одной противу другой недоброжелательства, прервали всѣ общественныя связи, для низверженія расположеній, коихъ сила столь была свята и священна, сколь справедливость и нужда оныхъ были очевидны. Набрали они непозволеннымъ образомъ разныя толпы, украсивъ оныя пышнымъ имянемъ Конфедераціи. Подъяли оружіе и устремились на своихъ согражданъ невооруженныхъ, принуждали ихъ войти въ ихъ заговоръ или имѣніе и жизнь ихъ опасности подвергали. Такимъ-то образомъ открыли они театръ междоусобной войны, которая чрезъ четыре года ничѣмъ болѣе не ознаменована, какъ только злодѣйствами, грабленіями, пожаромъ и убійствами. Злоба ихъ не заключалась въ ихъ границахъ, но искала вовлечь въ свои распри сосѣднія Державы, разсѣвая между ими подозрѣнія, недовѣрчивость и ревнованіе. Буйство ихъ простиралось до отриновенія королевскаго избранія, почитая его незаконнымъ, не взирая на то, что онъ единодушно націею избранъ и всѣми Европейскими Державами признанъ. Объявили они междуцарствіе, дабы прелестью короны, которой властителями они быть возмечтали, можно было имъ привлечь какого либо иностраннаго Государя въ мнимые свои интересы, умножить смятеніе въ своемъ отечествѣ и успѣть въ пагубныхъ своихъ видахъ средствомъ генеральнаго воспламененія. Наконецъ варварство и нечестіе ихъ до такой дошли степени, что дерзнули они поднять злодѣйскія руки свои на освященную особу законнаго своего Государя и поставили государство на край гибели. Ничто уже не силь-

но было удержать или ограничить ихъ бѣшенство. Все то, что̀ въ счастливѣйшее время составило бъ силу и благоденствіе Республики, пространство, плодородіе и сокровища ея владѣній, все то въ плачевныхъ сихъ обстоятельствахъ способствовало только къ усиленію ея бѣдствій и къ учиненію ихъ неизлѣчимыми; ибо несчастныя орудія ея разрушенія вездѣ находили безопасныя убѣжища, способное содержаніе и достаточныя средства для продолженія и возобновленія своихъ продерзостей, для распространенія повсюду убійствъ и опустошеній, для истребленія всѣхъ связей правительства и для поспѣшенія всеконечнаго государственнаго разрушенія.

При видѣ сихъ толь ужасныхъ произшествій, сосѣднія съ Польшею Державы, будучи убѣждаемы долгомъ, обязующимъ ихъ имѣть попеченіе о собственномъ благосостояніи своихъ подданныхъ, которому бѣдства Польской націи ощутительный причиняютъ вредъ, представили себѣ во всей силѣ всѣ тѣ политическія уваженія, кои интересуютъ ихъ въ ея возстановленіи и сохраненіи.

Въ сей уже моментъ уступили они движенію человѣчества, дабы остановить всеконечное опустошеніе толь знатнаго въ Европѣ государства. Не только пресѣченіе всякаго порядка, всякой полиціи, правосудія, коммерціи и хлѣбопашества въ Польшѣ причиняютъ великое предосужденіе, ежедневно умножающееся на ихъ собственныхъ границахъ;—они принуждены еще претерпѣвать убытки и заботы въ безпрестанномъ содержаніи въ ружьѣ знатныхъ корпусовъ для воспрепятствованія, чтобъ буйственные и дерзновенные возмутители не ворвались въ оныя и не учинили бы тамо такихъ грабленій, какъ и въ отечествѣ своемъ. Уже приближались они къ тому моменту, въ который бы видѣли всѣ священныя обязательства и торжественныя распоряженія, пребывающія между ими и Польшею и составляющія съ нею публичное ихъ право, подверженными судьбинѣ равной гибели, а владѣнія свои приведенными въ смятеніе варварскихъ вѣковъ.

Съ другой стороны имѣютъ они на нѣкоторыя владѣнія Республики знатныя претензіи и права сколь древнія, столь законныя и безпрерывно сохраняемыя, но коихъ исполненіе останавливали они единственно въ намѣреніи и вслѣдствіе добра для ихъ самихъ проистекавшаго отъ состоянія Республики въ мирномъ, благоучрежденномъ и законами охраняемомъ правленіи. Не только не должны они болѣе жертвовать сими правами или медлить оными для Государства, въ коемъ обитаютъ мятежи и безначаліе, кои толь великое имъ самимъ причиняютъ предосужденіе, но требуетъ еще отъ нихъ и должность, какъ въ разсужденіи своихъ коронъ, такъ и своихъ подданныхъ, чтобъ не допустить конечнаго потерянія своихъ правъ съ паденіемъ Государства, котораго дѣйствительное приближеніе предвѣщаютъ буйство и мятежи.

Но важнѣйшее сихъ уваженіе въ сей моментъ первымъ правиломъ ихъ поведенія быть долженствуетъ. Отъ разрушенія Польши, которой, кажется, само естество опредѣлило быть навсегда срединною между ими Державою и, такъ сказать, залогомъ мира въ сей части Европы, родится тотчасъ сильная распря интересовъ, которая, нарушивъ прежнія каждой изъ нихъ принципіи, будетъ источникомъ по несчастію изобильнымъ

споровъ и раздоровъ и рано ль или поздно ввергнетъ ихъ въ жестокія и упорныя войны; сіе уваженіе тѣмъ чувствительнѣе поражать ихъ должно, что уже по единому случаю сихъ несчастныхъ Польскихъ возмущеній возстала кровопролитная война между Россійскою Имперіею и Оттоманскою Портою, и что сами они почувствовали уже безпокойства о своихъ интересахъ, о чемъ благоразуміе и взаимная осторожность заставляли молчать для того, что принято было рѣшительное отъ каждой Державы намѣреніе положить для переду твердую сему злу преграду.

Для сихъ великихъ уваженій и для сихъ человѣколюбивыхъ намѣреній Ея Величество Императрица Всероссійская, Ихъ Величества Императоръ Римскій и Императрица Королева и Его Величество Король Прусскій, по соглашеніи между собою о томъ, чтò имъ дѣлать надлежитъ въ толь критическое время, постановили приложить стараніе, безъ упущенія времени и по общему согласію, соображенными и дѣйствительными мѣрами возвратить тишину и добрый порядокъ въ Польшѣ, прекратить тамо настоящіе мятежи, и возстановить на прочномъ основаніи древнюю сего государства конституцію и національныя вольности; не оставлять на произволъ буйственныхъ умовъ рѣшить и совершать всеконечное Государства разрушеніе и подвергать чрезъ то превращенію системы и новому и опасному интересовъ порядку сію знатную часть Европы, или и всю Европу, но напротивъ того потщиться сохранить для Польской Республики политическое ея срединной Державы существованіе и обезпечить желаемую онаго безпрерывность безпосредственнымъ интересомъ своего сосѣдства.

А какъ злоключительное искусство довольно научаетъ, что обширное пространство сего государства есть одною изъ первыхъ причинъ толь частыхъ и толь продолжительныхъ возмущающихъ его мятежей (ибо раздѣленіе власти, сносимое его законоположеніемъ, не можетъ въ толь отдаленныхъ частяхъ добрый порядокъ и желаемое благоустройство сохранить) Ихъ реченныя Величества, ощущая, что они никогда не достигнутъ до утвержденія тамо тишины и положенія срединной Державѣ приличествующаго, если пространство ихъ владѣній не будетъ тому соразмѣрно, и желая поступить на такое распоряженіе по правиламъ точнѣйшаго правосудія, постановили они еще и опредѣлили тѣмъ же самымъ между ими соглашеніемъ учинить дѣйствительными въ то же время давнія свои права и законныя претензіи на владѣнія Республики, кои каждый государь готовъ будетъ оправдать во время и на мѣстѣ твердыми доказательствами и доводами, и по коимъ состояніе Республики не дозволяетъ имъ когда либо имѣть возможность получить удовлетвореніе обыкновеннымъ порядкомъ. Вслѣдствіе чего Ея Величество Императрица Всероссійская, Ихъ Величества Императоръ Римскій и Императрица Королева Венгерская и Богемская и Его Величество Король Прусскій, по взаимномъ между собою сообщеніи помянутыхъ ихъ правъ и претензій и за одно удовлетворяя себя въ ономъ, возмутъ эквивалентъ тому пропорціональный, вступаютъ въ дѣйствительное владѣніе нѣкоторыхъ частей, принадлежащихъ къ поссесіямъ Республики, кои суть способнѣйшія для

постановленія впредь между ими и сею Державою натуральнѣйшей и безопаснѣйшей границы, каждая изъ трехъ Державъ предоставляя себѣ потомъ дать точное означеніе своей доли. Въ силу чего Ихъ помянутыя Величества отказуются отъ всѣхъ правъ, требованій и претензій, взысканія убытковъ и интересовъ, кои могутъ они имѣть и учинить на владѣнія и на подданныхъ Республики.

Ея Величество Императрица Всероссійская, Ихъ Величества Императоръ Римскій и Императрица Королева Венгерская и Богемская и Его Величество Король Прусскій сочли за должное объявить такія намѣренія всей Польской націи вообще, приглашая ее истребить, или по меньшей мѣрѣ удерживать, духъ мятежей и распрей, дабы, собравшись законнымъ образомъ на Сеймъ, могла она прилагать свое стараніе вмѣстѣ съ Ихъ реченными Величествами о способахъ возстановить у себя на твердомъ основаніи благоустройство и тишину, равно какъ и подтвердить формальными и дружественными актами размѣнъ правъ и претензій каждой Державы на эквивалентъ, взимаемый ими во владѣніе.

XI.

Переводъ.

Проэктъ конвенціи.

Духъ мятежа, возмущеній, внутренная война, коими терзается съ нѣкоторыхъ уже лѣтъ Польша, и безначаліе ежедневно пріобрѣтающее новыя силы къ уничтоженію всякой власти порядочнаго правительства, подавая справедливыя опасенія о совершенномъ разрушеніи государства, о поколебаніи отношеній интересовъ всѣхъ ея сосѣдей, о нарушеніи добраго согласія, продолжающагося между ими, и о воспаленіи войны генеральной, какъ уже дѣйствительно отъ сихъ однихъ возмущеній и произошла та война, которую Ея Величество Императрица Всероссійская ведетъ противъ Порты Оттоманской, и въ тоже самое время сосѣдственныя Державы Республики, имѣя на нее притязанія и права сколь древнія, столь и законныя, по коимъ никогда не могли получить удовлетвореній и коихъ опасаются они навсегда быть лишенными, если они не примутъ мѣръ къ обезпеченію оныхъ и о взысканіи по онымъ купно съ возстановленіемъ спокойствія и добраго внутренняго порядка въ Республикѣ, такимъ образомъ, чтобъ дать ей видъ политическаго бытія сходственнѣйшаго съ интересами ихъ сосѣдства, на сей конецъ Ея Апостолическое Величество Императрица Королева Венгеро-Богемская избрала и назначила своимъ полномочнымъ князя Лобковича, своего министра при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ, который по сообщеніи своей полной мочи....
равномѣрно снабденнымъ полными мочами ихъ Дворовъ и по переговорѣ о состояніи Республики Польской и о способахъ къ обезпеченію правъ и притязаній Ея Апостолическаго Величества Императрицы Венгеро-Богемской для себя и для своихъ потомковъ, наслѣдниковъ и преемниковъ, постановили, заключили и подписали слѣдующіе артикулы:

Артикулъ 1-й.

Ея Апостолическое Величество Императрица Королева для себя и для своихъ потомковъ, наслѣдниковъ и преемниковъ вступитъ во владѣніе

и во время соглашеннымъ чрезъ слѣдующій артикулъ образомъ, всѣхъ земель, означенныхъ нижеслѣдующими границами...

Артикулъ 2-й.

Ея Апостолическое Величество Императрица Королева повелитъ занять своими войсками мѣста и дистрикты, которые по предъидущему артикулу вознамѣрилась она присоединить къ своимъ областямъ и назначиваетъ срокъ сего вступленія во владѣніе *Іюль мѣсяцъ* *) настоящаго года, обязываясь притомъ не объявлять ничего до того времени о своихъ видахъ и намѣреніяхъ.

Артикулъ 3-й.

Ея Апостолическое Величество Императрица Королева для себя и для своихъ потомковъ, наслѣдниковъ и преемниковъ формально и самымъ сильнѣйшимъ образомъ гарантируетъ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской земли и дистрикты Польскіе въ силу общаго согласія, кои Ея реченное Величество приметъ во свое владѣніе, состоящіе...

Артикулъ 4-й.

А какъ нужно будетъ дойти до рѣшительнаго распоряженія съ Республикою Польскою касательно до общихъ пріобрѣтеній, равно какъ и до возстановленія добраго порядка и спокойства внутренняго въ Польшѣ, Ея Апостолическое Величество Императрица Королева обязывается снабдить министра, котораго она пошлетъ въ Польшу, точнѣйшими наставленіями для сходствованія во всемъ съ общаго согласія и съ совершеннымъ единодушіемъ съ министромъ Ея Величества Императрицы Всероссійской, находящимся при томъ же Дворѣ и для подкрѣпленія сей негоціаціи свойственными поступками къ удачному ея произведенію.

*) Въ подписанной конвенціи назначено *въ первыхъ числахъ Сентября* (по старому стилю).

Артикулъ 5-й.

Сія конвенція ратификована будетъ въ шесть недѣль или прежде, если можно будетъ, во увѣреніе чего подписавшійся полномочный министръ Ея Апостолическаго Величества Императрицы Королевы ее подписалъ своеручно и приложилъ печать своего герба. Дана.....

XII.

Циркулярный рескриптъ ко всѣмъ здѣшнимъ министрамъ при чужестранныхъ Дворахъ.

Изъ самаго естества и теченія дѣлъ нашихъ въ Королевствѣ Польскомъ отъ начала ихъ кончиною покойнаго короля Августа Третьяго, явствуетъ весьма точно и осязательно, что всѣ наши виды, намѣренія и подвиги клонились единственно къ удержанію сей сосѣдственной области въ тишинѣ и порядкѣ при выборѣ новаго короля. На семъ основаніи, зная искусствомъ, что нація Польская наскучила уже правленіемъ иностранныхъ государей, и что безпрерывное въ одномъ родѣ преемничество могло бы скоро обратиться въ совершенную пагубу вольности и конституціи Рѣчи Посполитой, рѣшились мы обще съ Его Величествомъ королемъ Прусскимъ, по одинаковымъ статскимъ интересамъ обѣихъ нашихъ Монархій, рекомендовать и наилучше способствовать избранію Піяста, который бы извѣстными своими качествами и дарованіями достоинъ былъ короны,

Рѣчь Посполитая, согласуясь сему нашему для нея толь полезному и славному положенію, нашла такого Піяста въ особѣ нынѣ царствующаго короля Станислава Августа. Примѣра почти нѣтъ въ дѣяніяхъ Польскихъ такому единодушію, съ каковымъ сей государь отъ сограждань своихъ на престолъ возведенъ былъ. Мы имѣемъ въ семъ случаѣ предъ собою то удовольствительное удостовѣреніе, что дружескими нашими мѣрами и покровительствомъ доставили тутъ Республикѣ совершенный покой и совершенное безпечіе какъ извнѣ, такъ и внутри ея. Въ признаніе и благодарность отъ нея за сіе наше толь важное и извѣстнымъ образомъ толь дорогое одолженіе, желали мы только вящшаго утвержденія собственному ея благосостоянію, чрезъ возстановленіе въ права гражданства и равенства собственныхъ ея членовъ, нашего и другихъ Христіанскихъ исповѣданій, кои превосходнымъ числомъ католиковъ изъ оныхъ мало по малу однимъ насильствомъ вытѣснены были, вопреки точнымъ и яснымъ законамъ и самымъ основаніямъ Республики, гдѣ вольность и равенство частныя каждаго гражданина составляютъ цѣпь общихъ. Вслѣдствіе того, на самомъ первомъ Сеймѣ послѣ выбора королевскаго, учинили мы съ королемъ Прусскимъ и прочими протестантскими Державами общее дѣло и требовали формальными деклараціями, дабы Республика какъ изъ признанія къ намъ, такъ и по самой справедливости, а не меньше и для собственной своей пользы, согласилась сдѣлать въ состояніи дисидентовъ надлежащее и достаточное поправленіе; но вмѣсто того партія на Сеймѣ, знатностію чиновъ своихъ и пронырствомъ господствующая, разсудила, въ удовлетвореніе собственнымъ своимъ прихотливымъ и властолюбивымъ видамъ, исключить дѣло толикой важности и прямо государственное отъ общаго на Сеймѣ всей націи разсмотрѣнія, а предать оное, подъ тщетнымъ названіемъ духовнаго, разбору и суду однихъ католицкихъ епископовъ, подобно какъ бы частный ихъ корпусъ самъ по себѣ нѣкую власть имѣть могъ опредѣлять цѣну и уваженіе, должныя отъ Республики къ требованіямъ России и всѣхъ протестантскихъ Державъ. Кромѣ сего, та же партія, забывъ всѣ наши ей, королю и всей Польшѣ благодѣянія, овладѣвъ совершенно тогдашнимъ Сеймомъ, начала еще дѣлать разныя попытки, не только къ утѣсненію другихъ, ей не подчиняющихся, гражданъ, но и къ поврежденію самой Конституціи. Акты коронаціоннаго Сейма подаютъ въ томъ неоспоримое свидѣтельство, равно какъ и послѣдовавшее за онымъ общее не однихъ уже дисидентовъ, но и всей почти націи роптаніе и негодованіе, кои скоро потомъ произвели Конфедерацію сперва дисидентовъ, а за оною и Радомскую, въ которой всѣ воеводства, дистрикты и повѣты единодушное приняли участіе. Кому могутъ быть неизвѣстны обыкновенныя слѣдствіе Польскихъ Конфедерацій? Конечно оныя въ то время, о коемъ здѣсь говорится, сдѣлались бы для Республики сугубо вредны, а можетъ быть и совершенно разорительными, потому что дисиденты, видя себя въ конецъ утѣсненными и лишенными для переду всякой надежды, когда имъ покровительство толь многихъ и знатныхъ Державъ ни мало не воспользовало, рѣшились напослѣдокъ изъ отчаянія составить изъ себя особливую Конфедерацію, чѣмъ самымъ

весь жаръ фанатичества противу ихъ возбужденъ былъ. Въ сихъ обстоятельствахъ не могли мы обойтиться ввести въ земли Республики часть войскъ нашихъ, дабы оными оградить тишину ея и не допустить взаимной обѣихъ сторонъ ненависти до явнаго разрыва. Въ самомъ дѣлѣ, присутствіе оружія нашего достаточно было обуздать первый жаръ; а изъ того далѣе и вышло, что дружелюбныя отъ насъ въ полной мѣрѣ и вездѣ употребленныя средства и негоціаціи предуспѣли напослѣдокъ согласить интересы, съ перваго взора толико между собою разнствующіе. Радомская Конфедерація присоединила къ себѣ дисидентскую, съ обѣщаніемъ разсмотрѣть по справедливости и удовлетворить по законамъ желанія и требованія дисидентовъ. Сеймъ, за тѣмъ собранный, вошелъ дѣйствительно въ сіи умѣренные и похвальные виды, и при посредствѣ нашемъ не только нашелъ способъ сообразить интересы дисидентовъ съ конституціею и прямымъ благомъ Республики, но и утвердить еще оные постановленіемъ новыхъ и непремѣнныхъ навсегда законовъ въ пользу вольности своей, которая до того вмѣстѣ съ Римскимъ исповѣданіемъ, какъ ничѣмъ еще за господствующую религію непризнаннымъ, не имѣла себѣ точнаго основанія, происходя единственно отъ привычки и такихъ правъ, кои каждымъ Сеймомъ (слѣдовательно же корыстію, пронырствомъ и властолюбіемъ) перемѣняемы быть могли. Все сіе въ свѣжей еще у публики памяти, равно какъ торжественное отъ Рѣчи Посполитой посольство ко Двору нашему, формальное онымъ испрошеніе ручательства нашего на всѣ новыя узаконенія тогдашняго Сейма, а напослѣдокъ и самое подписаніе точнаго о томъ трактата нашимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ княземъ Репнинымъ и особливою отъ Республики уполномоченною депутаціею всего ея министерства, большой части сенаторовъ и множества земскихъ пословъ. Сей трактатъ, бывъ отъ насъ и отъ его величества короля Польскаго, по данной ему отъ Сейма власти, надлежащимъ образомъ утвержденъ и ратификованъ и получа такимъ образомъ силу и важность непремѣннаго на обѣ стороны обязательства, могъ натуральнымъ образомъ почтенъ быть нами за достаточное средство къ успокоенію нашему въ разсужденіи состоянія дисидентовъ и гражданской въ Польшѣ тишины; почему немедленно послѣ размѣна взаимныхъ ратификацій и повелѣли мы войскамъ нашимъ возвращаться кратчайшими дорогами въ отечество. Извѣстно свѣту, что они всѣ дѣйствительно находились уже на обратномъ походѣ, какъ вдругъ и противъ всякаго чаянія нѣсколько человѣкъ коварныхъ и властолюбивыхъ магнатовъ, подъ имянемъ одного или двухъ предводителей, ничего собственнаго, ниже репутаціи въ отечествѣ своемъ не имѣющихъ, слѣдовательно же ничего и не отваживающихъ, вооружили толпу бродягъ подъ названіемъ Барской Конфедераціи, которые дерзнули не только всѣ Республикою на торжественномъ Сеймѣ постановленные законы объявить тщетными, но и поднять оружіе собственно противу Имперіи нашей, простирая притомъ буйство свое даже до обнародованія нѣкоихъ бумагъ къ возмущенію нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Къ сей то мнимой Конфераціи присоединились потомъ всѣ другія имъ подобныя шайки и съ нею вмѣстѣ составляли толь разглашае-

мую генеральность. Правленіе Республики, которое въ первомъ мятежническомъ покушеніи никакого участія не имѣло, адресовалось само собою съ просьбою къ намъ объ остановленіи похода войскъ нашихъ и объ употребленіи ихъ къ усмиренію мятежниковъ. Оба сіи предмета, не смотря на сильное размноженіе мнимыхъ конфедератовъ собственнымъ послѣ попущеніемъ Польскаго правленія, были бы скоро достигнуты, и дружескимъ нашимъ попеченіемъ тишина Республикѣ возвращена, еслибъ тутъ во время не повстрѣчалась вѣроломная противу насъ война Порты Оттоманской, которая допустила себя уловить лестными обѣтами злонамѣренныхъ Поляковъ. Они, въ пріобрѣтеніи себѣ ея покровительства и дѣйствительной помочи, не усумнились представить ей съ своей стороны въ награжденіе Подолію всю, купно съ Польскою Украйною. Обстоятельство сіе самою Портою прямо открыто и ею намъ въ удовлетвореніе нашихъ военныхъ убытковъ при будущемъ мирѣ заранѣе предлагаемо было. Хотя такимъ образомъ войною нашею съ Портою бдѣніе и силы наши стали быть раздѣляемы, и мы, доколѣ правосудіе Божіе не увѣнчало оружія нашего толь многими и знаменитыми побѣдами, не въ состояніи находились единовременно очищать всѣ части Польши, гдѣ между тѣмъ пламя фанатичества, возмущенія и разбоя вкрадываться и распространяться могло: однакожъ тѣмъ не меньше зло само по себѣ не достигнуло бы до того края, въ коемъ оно послѣ находилось, еслибъ только правленіе Республики осталось при прежней своей резолюціи почитать возмутителей возмутителями и не стало само себя приводить въ совершенное небытіе по проискамъ нѣкоторыхъ властолюбивыхъ и тщеславныхъ людей, кои умноженіе безпокойствъ въ отечествѣ своемъ считаютъ надежнѣйшимъ и лучшимъ путемъ къ возвышенію своему и къ достиженію опасныхъ своихъ на коронаціонномъ Сеймѣ открытыхъ видовъ. Мы съ своей стороны, продолжая содержать и употреблять въ Польшѣ знатный корпусъ войскъ нашихъ, не взирая на происходящую отъ того при другихъ нашихъ военныхъ упражненіяхъ великую тягость, не оставляли притомъ отъ времени до времени испытывать и другія средства кротости и умѣренности, какъ между прочимъ согласились и на ближайшее объясненіе обязательствъ ручательства нашего по собственному желанію правленія Польскаго, потому что оное предъявляло, будто генеральность онаго рождаетъ во всей націи подозрѣніе и недовѣрку на будущія времена. Но всѣ наши снисхожденія, купно же и серіозныя представленія и совѣты его величества короля Прусскаго, не предуспѣли по сю пору ни мало убѣдить и привесть въ резонъ людей, опредѣлившихъ жертвовать всѣмъ, чтó свято есть, корыстолюбію своему и духу властвованія, коимъ они заразились; а только мы видѣли тотъ единый плодъ отъ безпрестаннаго разбитія нашими войсками разныхъ изъ мѣста въ мѣсто скопляющихся возмутительскихъ шаекъ, что по сіе время самая Польская корона совсѣмъ ими не опрокинута, а съ нею и цѣлое бытіе Польской Державы еще не разрушено, чему начало было сдѣлано явнымъ предпріятіемъ королевскаго убійства.

Нѣтъ никакой нужды подробно описывать здѣсь того бѣдственнаго состоянія, въ коемъ теперь Респу-

блика страждетъ, ибо слѣдствія гражданскаго неустройства и войны всякій легко себѣ представить можетъ. Купечество и промыслы вездѣ пресѣчены и разорены; диссиденты, гдѣ возмутителямъ ни попадаются, вездѣ бываютъ мучимы, терзаемы и убиваемы; поселяне, въ домахъ своихъ покойно пребывающіе, имѣнія и пропитанія лишаемы; города и селы пожигаемы и опустошаемы; словомъ, вездѣ видны слѣды убійства и жесточайшаго варварства.

Бдѣніе и стража, коими долженствуемъ мы благоденствію ввѣренной намъ отъ Бога Имперіи, не позволили уже намъ болѣе сносить и терпѣть сіе пагубное и развращенное неустройство въ толь сосѣдственной землѣ, потому что отъ онаго собственные наши подданные много вреда имѣютъ пресѣченіемъ всякаго сообщенія, и что еще изъ продолженія зла вящія бѣдствія легко на всѣ стороны произрасти могутъ. Чего ради, познавъ между тѣмъ дружескимъ сношеніемъ, что ихъ величества императоръ Римскій, императрица королева и король Прусскій весьма одинаковыхъ и согласныхъ съ нами въ томъ мнѣній, взаимно и формально согласились мы между собою: 1-е) О употребленіи отъ нынѣ единодушнаго всѣхъ трехъ Дворовъ старанія къ скорѣйшему прекращенію Польскихъ неустройствъ и къ возстановленію въ семъ сосѣдственномъ Государствѣ мира, тишины и порядочнаго правленія. 2-е) Взять въ то же время каждому во владѣніе нѣкоторыя Польскія провинціи, яко эквивалентъ имѣющихся своихъ на Польшу справедливыхъ и неоспоримыхъ правъ и претензій, по коимъ они отъ Республики никакого удовлетворенія не получили еще, да инако едва ли когда и получить могли бъ.

Вслѣдствіе сего взаимнаго соглашенія, респективные трехъ Дворовъ министры, въ Варшавѣ находящіеся, будутъ отъ государей своихъ уполномочены подать въ одно время и именно въ первыхъ числахъ будущаго Сентября мѣсяца по старому стилю королю и Республики Польской общую декларацію, съ коей здѣсь копія слѣдуетъ.

Не сообщая во всемъ пространствѣ сего рескрипта, которое единственно долженствуетъ служить къ объясненію вамъ самимъ порядка дѣлъ и приведенія васъ потомъ въ состояніе при случающихся къ вамъ отзывахъ отвѣтствовать на оные съ достаточнымъ свѣдѣніемъ прямыхъ обстоятельствъ, имѣете вы съ своей стороны вручить сію декларацію дружескимъ образомъ министерству мѣста пребыванія вашего, согласясь напередъ о днѣ единовременнаго ея врученія между первымъ и седьмымъ числомъ будущаго Сентября мѣсяца по старому стилю съ министрами или повѣренными въ дѣлахъ Вѣнскаго и Берлинскаго Дворовъ. Буде же министра или повѣреннаго въ дѣлахъ котораго ни есть изъ сихъ Дворовъ въ мѣстѣ вашего пребыванія на ту пору не случится, или совсѣмъ нѣтъ, то съ министромъ или повѣреннымъ въ дѣлахъ того одного, отъ котораго оный находиться будетъ; а если и отъ обоихъ Дворовъ характеризованной персоны не случится, въ такомъ случаѣ надобно вамъ будетъ одному уже сдѣлать вышепредписанное тамошнему министерству сообщеніе; но въ томъ или другомъ случаѣ одинаково съ пристойнымъ привѣтствіемъ, что мы, обращаясь съ тѣмъ Дворомъ въ дружбѣ

и въ доброй перепискѣ, миновать не хотѣли, чтобъ не сдѣлать ему сего дружескаго предъявленія о постановленіи такого соглашенія между тремя нашими Дворами, граничащими съ Республикою Польскою для твердѣйшаго установленія и обезпеченія равновѣсія, слѣдовательно же и общей тишины того края Европы, и что мы надѣемся, что когда Дворъ вашего пребыванія возметъ въ зрѣлое, безпристрастное уваженіе всѣ прошедшія дѣянія, несумнѣнно признаетъ онъ нужду и справедливость сего нашего соглашенія для скорѣйшаго и доскональнаго пресѣченія всѣхъ могущихъ произойти бѣдственныхъ слѣдствій генеральной тишинѣ и покою Европы всей; причемъ вы объявить имѣете, что сообщаемая вами тамъ декларація вручается въ тожъ самое время въ Варшавѣ королю и Республикѣ Польскимъ вмѣстѣ отъ министровъ всѣхъ трехъ Дворовъ, нашего, Вѣнскаго и Берлинскаго.

Какіе на сіе сообщеніе послѣдуютъ къ вамъ отъ тамошняго министерства отвѣты и разсужденія, объ оныхъ не оставите вы насъ въ свое время обстоятельно увѣдомить, равно какъ и о первой импрессіи отзыва вашего, также о разговорахъ и примѣчаніяхъ публики.

Въ запасъ на тотъ случай, еслибъ кто, превратно толкуя поступокъ нашъ въ присвоеніи себѣ нѣкоторыхъ Польскихъ земель, сталъ ссылаться на прежнія наши деклараціи, гарантирующія цѣлость владѣній Республики, хотимъ мы сдѣлать здѣсь къ руководству вашему слѣдующее на сущей справедливости основанное и потому ничѣмъ не опровергаемое примѣчаніе. Правда, мы дали Республикѣ такую гарантію, но не инако какъ со взаимствомъ отъ нея снисхожденія по дисидентскому дѣлу и точнаго еще притомъ обязательства разсмотрѣть и удовлетворить справедливыя наши требованія по точной силѣ трактата 1686-го-года чрезъ нарочную полномочную коммиссію. Когда же Поляки, все сіе торжественно и свято обѣщавъ, новымъ съ нами заключеннымъ трактатомъ въ подтвержденіе и объясненіе прежняго, оный совсѣмъ пренебрегли, нарушили и недѣйствительнымъ объявили, то можетъ ли кондиціональное наше симъ самымъ трактатомъ постановленное и съ неприкосновенною его цѣлостію во всѣхъ частяхъ неразрывно связанное обязательство почитаемо быть и оставаться дѣйствительнымъ? Мы оставляемъ каждому безпристрастному человѣку на волю судить, кто тутъ правъ и кто виноватъ.

XIII.

Переводъ проэкта акта принятія.

По большомъ титулѣ.

Какъ его величество императоръ Римскій благоволилъ приступить формальнымъ образомъ, яко главная договаривающаяся сторона, къ конвенціи заключенной и подписанной здѣсь въ Санктпетербургѣ респективными министрами между нами и ея апостолическимъ величествомъ императрицею королевою Венгерскою и Богемскою, относительно до произведенія въ дѣйство респективныхъ нашихъ правъ на Польшу и до другихъ къ тому принадлежащихъ дѣлъ, чрезъ торжественный актъ, подписанный его рукою и утвержденный его печатью, котораго содержаніе слѣдуетъ здѣсь отъ слова до слова

(внесть конвенцію)

то мы, принявъ во уваженіе первое участвованіе его величества императора Римскаго въ распоряженіи Польскихъ дѣлъ, собственный его интересъ и наши къ его реченному величеству сентименты, за благо беремъ и пріемлемъ формально помянутое приступленіе, имѣемъ, содержимъ и почитаемъ, будемъ имѣть, содержать и почитать его величество императора Римскаго, яко главную договаривающуюся сторону въ реченной конвенціи; хотимъ, чтобъ всѣ и каждая изъ его кляузъ и кондицій имѣли такую же силу и уваженіе въ разсужденіи его реченнаго величества, какъ будто бы онъ именно включенъ былъ главною договаривающеюся стороною въ помянутой конвенціи, которой не только не сдѣлаемъ мы, но ниже дозволимъ сдѣлать какое либо помѣшательство; а напротивъ того вѣрно оную исполнимъ и доставимъ исполненіе оной всѣми способами права. Во увѣреніе чего подписали мы сіе собственною нашею рукою и повелѣли приложить императорскую нашу большую печать. Дано въ
Царствованія нашего одиннадцатаго году.

XIV.

Contre-projet d'une déclaration à remettre au Roi et à toute la République de Pologne par les ministres des Cours de S-t Pétersbourg, de Vienne et de Berlin.

Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, par la déclaration qu'elle a fait présenter à Sa M-té le Roi et à la République de Pologne, par son ministre plénipotentiaire le baron Stackelberg, le 7 Sep-re, nécessitée par l'anarchie, qui depuis tant d'années desoloit l'Etat, ayant fait solemnellement la réclamation d'anciens droits et prétentions légitimes à la charge de la République, pour l'équivalent des quels elle se mettoit en possession effective de quelques unes de ses possessions, et ayant en même tems invité toute la nation Polonoise en général à bannir ou au moins à suspendre tout esprit de trouble ou de sédition, s'assembler en Diète, et dans cette représentation légale du corps de la Rep-que travailler de concert avec S. M. I. et les deux Cours unies avec elle aux moyens de rétablir solidement chez elle l'ordre et la tranquillité, et confirmer par des actes formels et amiables les échanges des titres et prétentions de chacune, contre l'équivalent, dont elles viennent de prendre possession. Tel étoit le véritable sens et l'intention de cette déclaration; et Sa Majesté Impériale en attendoit patiement l'effet juste et nécessaire. C'est avec la plus vive sensibilité qu'elle a appris d'abord que pour réponse à une telle déclaration le Roi, par un premier mouvement et d'autorité privée, a fait remettre à son dit ministre et rendre publique une protestation, tendante à infirmer les dits droits et prétentions de S. M. I., ainsi que la dite prise de possession faite en son nom. Ce n'est pas avec moins de douleur que S. M. I. a vu d'autre part que la nation Polonoise, au lieu de se porter avec zèle et affection à la convocation d'une Diète, sans la quelle elle ne peut ni pacifier solidement les troubles intérieurs, ni régler les affaires si pressantes, qu'elle a avec ses voisins, se livre encore à toutes les séductions, les intrigues et les vuës d'intérêts particuliers, propres à éloigner le terme si désirable de la paix et de la sûreté de ses possessions. Mais quel

est son étonnement et son indignation de voir manifester, par les démarches suivies du gouvernement de la République, le plan funeste de prolonger jusqu'aux tems les plus éloignés la confusion tant intérieure, qu'exterieure de l'Etat, de lâsser la patience des trois Puissances voisines sur la justice, qu'elles réclament de la République, et tâcher par des lenteurs insidieuses de commettre la légitimité de leurs droits à toutes les vicissitudes des évenemens. On assemble un conseil, qui n'est ni assez nombreux, ni assez uni, ni assez autorisé; on se sépare sans résolution. On en indique un autre, mais comme s'il s'agissoit de l'affaire la plus indifférente pour la nation, le terme de convocation est reculé, sous les prétextes les plus frivoles au delà de toute mesure, et sous main on excite les esprits, on met en mouvement toutes les cabales et les factions, afin d'opposer tous les obstacles possibles et à la pacification intérieure et à la négociation demandées par les trois Cours.

Déjà les ministres respectifs ont fait, par une seconde déclaration, des instances itératives auprès du Roi et de la République, pour la convocation d'une Diète, et ont mis sous les yeux de la Cour de Varsovie les dangers imminens, qui résultent de tant de lenteurs et de détours.

Mais dans une crise aussi dangereuse pour la République, Sa M. I., ne voulant pas qu'il puisse lui être imputé aucun des maux ultérieurs, que la Pologne peut éprouver, veut faire un dernier effort, pour vaincre une opiniâtreté aussi inconcevable. A cet effet S. M. I. renouvelle, de la manière la plus forte et la plus pressante, ses instances auprès du Roi et de la nation pour la convocation de la Diète et la consommation d'un arrangement final, entre la République et les trois Puissances voisines. Et afin qu'aucune illusion ne puisse diminuer aux yeux de la nation Polonoise le poids de cette nouvelle démarche de l'Imp-ce, elle fixe un terme jusqu'où seulement et non au delà elle en attendra l'effet, savoir: pour l'assemblée de la Diète le premier de Mars 1773 vieux style, et pour l'arrangement definitif avec les trois Cours, la fin du mois d'Avril suivant. Et ces termes expirés, sans que de la part de la nation Polonoise il y ait été pourvu, Sa M-té Imp-le se déclarant dès à présent degagée de toute renonciation quelconque, portée en sa première déclaration, employera d'abord tel moyen qu'elle trouvera plus prompt et plus expedient pour se faire pleinement justice.

XV.

Contre-projet d'un acte secret à échanger entre les Cours de S. Pétersbourg, de Vienne et de Berlin.

La façon, dont le Roi de Pologne vient de répondre à la déclaration, que je lui ai fait remettre par mon ministre résident à sa Cour le sept Septembre dernier, de concert avec Leurs Majestés Imp-les et Royales et Sa M-té le Roi de Prusse, a rendu indispensable la déclaration ultérieure, que je viens de lui faire conjoinctement avec Leurs sustides M-tés et dont voici la teneur.

Inseratur.

Mais comme je n'en suis pas moins constamment dans l'intention de me conformer à ce que j'ai offert par ma dite déclaration, sous les clauses et conditions qui y sont énoncées, je m'engage envers Leurs Majestés Imp-les et Roy-les et Sa M-té le Roi de Prus-

se, et promets, foi et parole de Souverain: que, dès aussitôt, soit par l'effet que pourra faire cette déclaration, ou autre moyen quelconque, nous aurons pu obtenir du Roi et de la Rép. de Pologne les actes de cessions et de renonciations que nous avons demandés, je me contiendrai réligieusement, quant à mes acquisitions en Pologne, dans les bornes des stipulations contenues sur ce sujet dans la convention signée en mon nom à S-t Pétersbourg le 29 Iuillet de la présente année.

En foi de quoi j'ai signé de ma main le présent acte fait à S-t Pétersbourg le 14 Décembre 1772.

XVI.

Idée générale sur les mouvemens ultérieurs des trouppes respectives en Pologne, afin d'appuyer la déclaration concertée entre les trois Cours.

Il est sensible, que toute extension des trouppes de la Cour Imp-le et Ro-le vers la Podolie et la Volhinie causeroit la plus grande incommodité à l'armée de Russie, actuellement occupée contre les Turcs. Par là elle se trouveroit gênée dans l'objet important de sa subsistance, dont elle tient le dépôt dans ces deux provinces; elle n'auroit plus la liberté nécessaire pour les transports et les convois de toute espèce, qu'elle recoit ou de la Pologne, ou de la Russie, et même elle se verroit coupé de toute communication avec ses propres frontières, aussi bien qu'avec les trouppes qui occupent les nouvelles acquisitions et le corps sous les ordres du lieutenant-général Bibicoff. Cette considération engage à proposer à la Cour Impériale et R-le de vouloir bien diriger vers la gauche et le centre de ses acquisitions la marche des trouppes, qui pour l'objet présent des trois Cours doivent s'enfoncer davantage en Pologne, comme seroit de les faire avancer entre le Bug et la Vistule, dans le palatinat de Lublin, et ainsi en descendant dans le palatinat de Sendomir et dans celui de Cracovie.

De leur côté les trouppes de S. M. Prussienne pourroient s'avancer dans les Palatinats les plus à leur proximité, comme ceux de Posnan, de Kalitz et de Siradie.

Toute fois, comme il y aura de la part de chaque Cour un général commandant les trouppes qui résidera à Varsovie, tous les trois auront les pouvoirs nécessaires pour régler plus spécialement entre eux quels lieux devront être occupés par les trouppes de chacune, ainsi que la proximité jusqu'à la quelle elles devront s'avancer vers la Résidence.

Dans la position, que prendront ces trouppes, outre les terres, qui devront être mises en séquestre, elles pourront aussi en occuper d'autres et tirer aussi de celles-ci les vivres et fourrages nécessaires à leur subsistance; mais avec cette différence, qu'à tous les propriétaires des terres, non mises sous le séquestre, il soit donné des reconnoissances de la quantité des provisions fournies par eux, pour après avoir égard aux dites reconnoissances, ainsi qu'à la conduite de chacun d'eux paroitira le mériter.

Pour cet effet, il y auroit toujours à la caisse de chaque corps de trouppes une somme d'argent suffisante pour acquiter les dites reconnoissances, et sur les réquisitions, faites par les trois ministres pour ou contre tel propriétaire, selon qu'ils le reconnoitront bien ou mal intentionné, le général dans le ressort du quel celui-ci se trouvera devra suspendre ou accélérer le paye-

ment de ce qui lui revient. Cette sorte de punition ou de faveur de détail n'est pas à négliger pour le succès des opérations politiques.

On n'a point fait mention ici des nouveaux endroits, où se doivent porter les trouppes de Russie, puisqu'il est connu qu'elles sont répandues par toute la Pologne. Indépendamment de la portion de cette Cour, qu'elles occuppent, elles tiennent en respect toute la Lithuanie, ainsi que la Résidence et les environs. Mais dans touts les endroits qu'elles occuppent, elles procéderont en tout à l'égal de celles des deux autres Cours et d'après le même concert des ministres et généraux respectifs à Varsovie.

Переводъ.

Контръ-проэктъ декларацiи, имѣющей быть врученною королю и всей Польской Республикѣ полномочными министрами Дворовъ С. Петербургскаго, Вѣнскаго и Берлинскаго.

Ея Величество Императрица Всероссiйская, декларацiей, которую она представила королю и Польской Республикѣ 7-го Сентября, чрезъ своего полномочнаго министра, барона Штакельберга, декларацiей, вызванной анархiей, которая уже столько лѣтъ разоряетъ край, заявила торжественно передъ Республикой давнiя права и законныя претензiи, въ соразмѣрное удовлетворенiе которыхъ она вступила въ дѣйствительное обладанiе нѣсколькими изъ своихъ владѣнiй и пригласила, въ тоже время, всю вообще Польскую нацiю изгнать духъ мятежа и безпорядка или, покрайней мѣрѣ, отказаться отъ него на время, собраться Сеймомъ и на этомъ законномъ представленiи Республики позаботиться совокупно съ Е. И. В. и съ двумя Дворами соединенными съ нею о средствахъ водворить у себя прочный порядокъ и спокойствiе и утвердить формальными и полюбовными актами обмѣнъ правъ и претензiй каждой на соразмѣрныя владѣнiя, въ которыя они только что вступили. Таковы были смыслъ и цѣль этой декларацiи, и Ея И. В. ожидала терпѣливо ея нужнаго и справедливаго дѣйствiя. Она узнала съ живымъ прискорбiемъ, что въ отвѣтъ на эту декларацiю король, подъ влiянiемъ перваго движенiя, своевольно приказалъ вручить ему министру и обнародовать заявленiе, имѣющее цѣлью протестовать противъ вышеупомянутыхъ правъ и претензiй Ея И. В., равно и противъ вышеупомянутаго совершеннаго ея именемъ вступленiя во владѣнiе. Не съ меньшимъ горемъ Ея И. В. видѣла, съ другой стороны, что Польская нацiя, вмѣсто того чтобы стремиться съ ревностью и любовiю къ созванiю Сейма, безъ котораго она не можетъ ни положить прочнаго конца внутреннимъ мятежамъ, ни устроить спѣшныхъ своихъ дѣлъ съ сосѣдями, предается еще всѣмъ соблазнамъ, интригамъ и видамъ личныхъ выгодъ, долженствующимъ удалить столь желанный срокъ мира и безопасности ея владѣнiй. Но каково было ея удивленiе и негодованiе, при видѣ послѣдовательныхъ дѣйствiй правительства Республики, которыя обнаружили роковой планъ продлить, на самыя отдаленныя времена, какъ внутреннее такъ и внѣшнее смятенiе края, равно и утомить терпѣнiе трехъ сосѣднихъ Державъ относительно правосудiя, котораго они требуютъ отъ Республики, и стараться коварными промедленiями подвергнуть законность ихъ правъ столкновенiю со всѣми невзгодами обстоятельствъ. Созываютъ совѣтъ, который оказывается ни достаточно многочисленнымъ, ни достаточно соединеннымъ, ни достаточно полномочнымъ, и разстаются, не принявъ рѣшенiя. Назначаютъ другой, но какъ будтобы рѣчь шла о дѣлѣ самомъ постороннемъ для нацiи, время его созванiя безгранично отсрочено подъ самыми пустыми предлогами, а между тѣмъ интригуютъ тайно, возбуждаютъ умы, приводятъ въ дѣйствiе всѣ крамолы и смуты,

дабы воздвигнуть всевозможныя препятствія внутреннему миротворенію и переговорамъ, требуемымъ тремя Дворами.

Уже полномочные министры трехъ Дворовъ, во второй деклараціи, изложили королю и Республикѣ повторенныя увѣщанія относительно созванія Сейма и обратили вниманіе Варшавскаго Двора на страшную опасность, истекающую изъ столькихъ промедленій и столькихъ увертокъ.

Но въ такомъ опасномъ для Республики кризисѣ Ея И. В., не желая, чтобъ ей были приписаны бѣдствія, которыя Польша можетъ испытать въ будущемъ, хочетъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобъ побѣдить столь непостижимое упрямство. По сему Ея И. В., обращаясь къ королю и націи, возобновляетъ самымъ энергическимъ и самымъ убѣдительнымъ образомъ свои увѣщанія относительно созванія Сейма и совершенія окончательнаго устройства между Республикою и тремя сосѣдними Державами. И дабы никакая мечта не могла умалить въ глазахъ націи вѣса этой новой попытки Императрицы, она назначаетъ срокъ, до котораго, но не дальше котораго, будетъ ждать ея дѣйствія, а именно: для созванія Сейма 1-го Марта 1773 года, стараго стиля, а для окончательнаго устройства съ тремя Дворами конецъ слѣдующаго Апрѣля. И если бы по истеченіи этихъ сроковъ, Польская нація не исполнила чего отъ нея требуется, Ея В. Имп., объявляя себя съ сего дня свободною отъ какого бы то ни было отрѣченія, заявленнаго въ ея первой деклараціи, прибѣгнетъ къ средству, которое покажется ей самымъ быстрымъ и самымъ дѣйствительнымъ для удовлетворенія ея правъ.

Контръ-проэктъ тайнаго акта имѣющаго быть обмѣненнымъ между Дворами С. Петербургскимъ, Вѣнскимъ и Берлинскимъ.

Король Польскій отвѣчалъ такимъ образомъ на декларацію, которую я совокупно съ Ихъ Им. и Королев. В. и Его В. Королемъ Прусскимъ, велѣла моему полномочному министру, пребывающему при его Дворѣ, ему вручить, что вызвалъ необходимость слѣдующей деклараціи, сдѣланной ему мною совокупно съ Ихъ вышеупомянутыми Величествами. Вотъ ея содержаніе.

Вставка.

Но такъ какъ я осталась не менѣе тверда въ намѣреніи сообразоваться съ тѣмъ, что́ я предложила въ вышеупомянутой моей деклараціи, подъ изложенными въ ней условіями, я обязуюсь предъ Ихъ Имп. и Корол. Велич. и Его Велич. королемъ Прусскимъ, и обѣщаюсь своимъ царскимъ словомъ, что лишь только, вслѣдствіе ли этой деклараціи или какой нибудь другой причины, мы получимъ отъ короля и Польской Республики акты уступокъ и отрѣченій, которые мы требовали, я буду свято придерживаться, касательно моихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, въ границахъ постановленныхъ на этотъ счетъ договоромъ, подписаннымъ моимъ именемъ въ С. Петербургѣ, 29 Іюля текущаго года.

Въ силу чего я подписала собственноручно сей актъ, заключенный въ С. Петербургѣ 14 Декабря 1772 года.

Общее понятіе о будущихъ движеніяхъ въ Польшѣ армій трехъ Дворовъ, дабы подкрѣпить декларацію, относительно которой они условились.

Очевидно, что всякое приближеніе войскъ Имп. и Корол. Дворовъ въ Подоліи и Волыніи причинило бы великое безпокойство Русской арміи, занятой въ настоящую минуту движеніемъ противъ Турокъ. Она была бы стѣснена въ важномъ вопросѣ о своемъ продовольствіи, ибо ея запасы находятся въ этихъ двухъ провинціяхъ. Она была бы лишена необходимой свободы для транспортовъ и обозовъ всякаго рода, которые получаетъ въ Польшѣ или Россіи, и была бы даже отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ своими собственными границами, равно

и отъ войска занимающаго ново-пріобрѣтенныя владѣнія и отъ корпуса состоящаго подъ командою генерала-лейтенанта Бибикова. По этимъ соображеніямъ просятъ Импер. и Корол. Дворы направить влѣво и къ центру своихъ пріобрѣтеній движеніе войскъ, которыя для исполненія видовъ трехъ Дворовъ должны углубляться все болѣе въ Польшу. Можно бы ихъ двинуть между Бугомъ и Вислой, въ Люблинскій палатинатъ и тѣмъ же путемъ далѣе въ палатинатъ Сендомирскій и въ Краковскій.

Съ своей стороны войска Его Велич. короля Прусскаго могли бы подвигаться къ ближайшимъ къ нимъ палатинатамъ, какъ наприм. къ Познанскому, къ Калишскому и къ Сирадійскому.

Однакоже, такъ какъ со стороны каждаго Двора будетъ главнокомандующій пребывающій въ Варшавѣ, всѣ трое получатъ полномочіе рѣшать съ большею точностію между собой вопросъ о мѣстностяхъ, которыя будутъ заняты войсками каждаго, равно и о разстояніи, въ которомъ войска должны приблизиться къ резиденціи.

Въ положеніи, которое изберутъ эти войска, они могутъ кромѣ земель, взятыхъ подъ секвестръ, занять еще другія и получать также изъ нихъ съѣстные припасы и фуражъ необходимые для своего продовольствія, съ той однако разницей, что всѣмъ владѣльцамъ земель не находящихся подъ секвестромъ будутъ выданы росписки въ количествѣ провизій ими поставленныхъ, дабы въ послѣдствіи удовлетворить предъявителей, на сколько каждый того заслужитъ по своему образу дѣйствій.

Сего ради будетъ всегда въ кассѣ каждаго отряда войска, денежная сумма достаточная для удовлетворенія вышеупомянутыхъ росписокъ, и на основаніи заявленія трехъ полномочныхъ министровъ за или противъ такого-то владѣльца, смотря по тому, признаютъ они его благонамѣреннымъ или нѣтъ, генералъ, въ области котораго этотъ послѣдній будетъ находиться, остановитъ или ускоритъ уплату должнаго. Этимъ частнымъ наказаніемъ или милостію не слѣдуетъ пренебрегать для успѣха политическихъ операцій.

Здѣсь не было упомянуто о новыхъ мѣстностяхъ, къ которымъ направятся Россійскія войска, ибо онѣ, какъ извѣстно, разсѣяны по всей Польшѣ. Кромѣ принадлежащаго этому Двору участка, который они занимаютъ, они держатъ въ страхѣ всю Литву, равно и резиденцію и ея окрестности. Но во всѣхъ мѣстахъ, ими занятыхъ, они будутъ дѣйствовать во всемъ одинако съ войсками двухъ другихъ Дворовъ, и точно также сообразно съ общими рѣшеніями полномочныхъ министровъ и генераловъ, пребывающихъ въ Варшавѣ.

XVII.

Въ разсужденіи многихъ причинъ весьма полезно и нужно быть можетъ доставленіе сколь можно точнѣйшаго и подробнѣйшаго топографическаго, гражданскаго, экономическаго и политическаго свѣдѣнія, не токмо о всей Польской Лифляндіи и той части Полоцкаго воеводства, которая лежитъ по сю сторону или къ Сѣверу отъ Двины, но и о всемъ Витебскомъ воеводствѣ и принадлежащемъ къ оному Оршанскомъ повѣтѣ до текущей чрезъ него съ западной стороны рѣки Друеца; равнымъ образомъ и о смежномъ отъ Запада съ означенною рѣкою Друецомъ воеводствѣ Мстиславскомъ; а наконецъ и о той части принадлежащаго къ Минскому воеводству Ржечицкаго повѣта, которая съ западной стороны, какъ часто помянутою рѣкою Друецомъ до города Рогачева, такъ и оттуда Днѣпромъ окружается до города Лоева, и даже до границъ Россійскихъ провинцій простирается. Но какъ такое изслѣдованіе натурально встревожило бы чрезмѣрно и

не въ приличное время Польскую націю и безъ того уже робкую и подозрѣвающую, а особливо жителей тѣхъ вышеозначенныхъ провинцій и окрестностей, то кажется, для отвращенія всякихъ отъ того могущихъ случиться неудобствъ, всего способнѣе будетъ: 1-е) доставить себѣ сіе толь нужное свѣдѣніе чрезъ командировъ нынѣ вступающихъ въ оныя окрестности легкихъ полевыхъ командъ, и точно 2-е) подъ предлогомъ распоряженія справедливой и соразмѣрной репортиціи въ поставкѣ провіанта и фуража, дабы чрезъ то отвратить какъ всякія отъ небольшихъ деташаментовъ случающіяся иногда продерзости и наглости, такъ и неравные отъ земскихъ коммисаровъ сборы, отягощающіе и оскорбляющіе мелкое дворянство, и чтобъ такимъ образомъ способнѣе доставлять по обывательскимъ жалобамъ немедленное правосудіе.

А какъ генералъ-маіоръ Каховскій опредѣленъ начальникомъ всѣхъ сихъ въ вышепоказанныхъ мѣстахъ распредѣленныхъ легкихъ полевыхъ командъ и имѣетъ повелѣніе стать на первый случай въ городкѣ Бобрѣ, то и надлежитъ ему предписать всѣмъ подъ повелѣніемъ его находящимся командирамъ означенныхъ полевыхъ командъ дать подробное наставленіе о слѣдующихъ пунктахъ, а именно:

I-е

Въ разсужденіи топографіи.

1-е) Каждое воеводство на сколько повѣтовъ или округовъ раздѣляется и какія имъ имяна?

2-) Какъ и какимъ образомъ означены границы воеводствъ и повѣтовъ, и сохранены ли въ Гродскихъ Канцеляріяхъ, или индѣ, какіе объ нихъ письменные инструменты?

3-е) Какія въ нихъ рѣки и знатные ручьи и большія озера; проходимы ли оныя и на какихъ точно судахъ, въ какія большія рѣки они впадаютъ; также какимъ образомъ они соединяются съ рѣками Двиною и Днѣпромъ?

4-е) Какіе въ каждомъ повѣтѣ находятся города, какъ ихъ имена, королевскіе ли они, вольны ли или партикулярнымъ пренадлежатъ, и какого рода юрисдикціи подвержены?

5-е) По скольку кирхшпилей къ каждому округу или повѣту принадлежитъ, и какъ называются?

6-е) Сколько въ каждомъ кирхшпилѣ староствъ и королевщизнъ или королевскихъ маетностей, какъ то ключи, войтоства и прочее, съ показаніемъ, которыя староства имѣютъ свои гроды или юрисдикціи, и которыя не имѣютъ.

7-е) Сколько шляхетныхъ вотчинъ, кому именно и по наслѣдству ли или закладу принадлежатъ; равнымъ же образомъ имѣются ли въ кирхшпилѣ собственно королевскія вотчины или такъ называемыя экономіи и какія именно?

8-е) Сколько мужескихъ и женскихъ монастырей и какого духовнаго ордена, равнымъ образомъ сколько и какія вотчины именно, въ каждомъ округѣ или повѣтѣ, принадлежатъ тѣмъ или другимъ духовнымъ капителямъ или каноникамъ?

II-е

Въ разсужденіи гражданскихъ, экономическихъ и политическихъ учрежденій.

1-е Каждый повѣтъ и каждый городъ подъ какою находится юрисдикціею, и по скольку принадлежащіе духовенству и монастырямъ города,

села и деревни подвержены свѣтскимъ судамъ и которымъ именно?

2) Въ какомъ числѣ и какихъ состояній, чиновъ, націи и законовъ суть жители каждаго города; сколько оныхъ считаютъ, и чѣмъ они питаются, промышляютъ и торгуютъ; сколько домовъ, церквей, монастырей или другихъ публичныхъ строеній въ каждомъ городѣ находится, и каменныя ли они или деревянныя?

3) Города, села, королевскіе и шляхетные, равно какъ и духовныя и монастырскія деревни, платятъ ли, сколько и въ какой пропорціи и подъ какими названіями публичныя подати, напримѣръ кварталы, гиберніи, поголовныя или подушныя деньги, дымовыя и прочія; кто ихъ сбираетъ и на что ихъ употребляютъ?

4) Гдѣ и именно въ какихъ мѣстахъ для Республики или приватнаго дворянства и въ какой мѣрѣ и порядкѣ учреждены таможныя и акцизныя камеры, и какъ великъ съ нихъ ежегодно доходъ бываетъ? Дворянство и прочіе жители тамошнихъ мѣстъ должны ли платить пошлину и акцизы за соль и другіе привозимые товары, также и за привозимые изъ той земли на продажу въ Ригу или въ иныя мѣста свои продукты, и если должны платить, то въ которыя именно мѣста и по скольку?

5) Сколько считается Жидовскихъ семействъ и какъ велика каждая изъ нихъ въ каждомъ городѣ, селѣ или въ деревняхъ? Въ чемъ состоятъ, сколь именно велики и подъ какими именами сбираются съ нихъ подати какъ Республикѣ, такъ дворянству, духовенству и монастырямъ?

6) Со всѣхъ родовъ деревень, такъ называемыхъ королевскихъ, напримѣръ старостствъ, войтовствъ и прочихъ дворянскихъ или монастырскихъ, надобно стараться съ каждой особливо достать сколь возможно точное свѣдѣніе со всею однако предосторожностію и подъ вышепомянутымъ предлогомъ, и записывать оное съ означеніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

a) Кому каждая деревня именно принадлежитъ, и помѣщикъ владѣетъ ею по праву ли наслѣдства, или по закладу, или въ силу королевскаго пожалованія во владѣніе по смерть, съ комуникативнымъ ли правомъ или безъ онаго?

b) Сколько и какіе города, села и деревни именно принадлежатъ каждому староству, или какой большой партикулярной, дворянской или монастырской, маетности? Сколько жителей изъ мѣщанъ, крестьянъ и Жидовъ въ каждой находится? Сколько изъ оныхъ дѣйствительно землю пашутъ, и какой прочіе имѣютъ промыслъ? Чтó сверхъ вышепомянутыхъ публичныхъ податей ежегодно должны платить какъ тѣ, такъ и другіе своимъ помѣщикамъ, старостамъ и войтамъ?

c) Въ чемъ именно состоятъ всегдашніе и временные ежегодные доходы каждой приватной и публичной маетности, какъ напримѣръ съ корчемства, земледѣлія, скотоводства, съ лѣсовъ, рыбныхъ ловлей, съ разныхъ родовъ мельницъ, со всякихъ фабрикъ и мануфактуръ, также и со всѣхъ и съ какихъ родовъ торговли и промысла? Сіе надобно спеціально и всякую матерію подъ особеннымъ заглавіемъ означивать.

d) Какія духовенство и монастыри имѣютъ деревни и по какому праву, сколько съ оныхъ ежегодно получается дохода? Сколь велики и доходны приходы, коими всякій приходскій священникъ пользуется вмѣсто части своего жалованья? Какимъ образомъ монастырскія деревни управля-

ются и распоряжаются, сколько съ нихъ ежегодно доходу, много ли монаховъ и монахинь въ каждомъ монастырѣ, и по скольку имъ быть опредѣлено? Всѣ сіи извѣстія легко получить можно отчасти чрезъ знающихъ сіе партикулярныхъ людей и Жидовъ-откупщиковъ, отчасти же чрезъ земскихъ коммисаровъ, да и изъ самыхъ Гродскихъ Канцелярій.

XVIII *).

Нѣтъ въ свѣтѣ такого Государства, которое съ толикимъ бы великодушіемъ взирало на презрительное поведеніе своего сосѣда, съ толикимъ терпѣніемъ сносило бы отъ него явныя и весьма важныя обиды, съ толикимъ бы безкорыстіемъ жертвовало собственными выгодами существенному благу своего сопротивника, какъ все оное къ удивленію цѣлой Европы донынѣ наблюдала Россія, со временъ царя Алексѣя Михайловича, а наипаче при благословенномъ правленіи нынѣ царствующія премудрыя государыни Екатерины Вторыя, въ разсужденіи смежной съ нею почти на три тысячи верстъ Республики Польской и ея жителей всякаго состоянія. Напротивъ того, ни одинъ народъ не изъявлялъ другому толь великія обиды, толь грубыя неблагодарности, насильствъ и злобы, не поставлялъ сѣтей вымышленныхъ толь коварно, не поступалъ съ таковымъ вѣроломствомъ, съ каковымъ Польская нація поступала въ разсужденіи Россійской Имперіи, государей ея и подданныхъ. Все оное производила Польша съ такою еще наглостію, что всякій свѣдущій о сихъ ея дѣлахъ ощутитъ къ нимъ истинное отвращеніе; ибо можно ль онаго не ощутить къ народу, который, по развращеннымъ и суевѣрнымъ своимъ правиламъ, пріемлетъ необузданную дерзость за свободу, вѣрность, вѣру, правосудіе и истину пороками считаетъ, насильство и неблагодарность вмѣняетъ въ добродѣтель, ложь и обманъ чтетъ остротою разума, и свирѣпства не раздѣляетъ съ храбростію? Ни одинъ въ свѣтѣ народъ никогда такъ много себя не обнажилъ и въ толь гнусномъ видѣ не представилъ себя современникамъ и потомкамъ своимъ, каковымъ въ послѣдніе годы явилась Польская нація, почитаемая прежде за храбрость свою и добродѣтель. Нѣтъ народа, который бы съ толикимъ упорствомъ принуждалъ другаго постыдить его предъ свѣтомъ и доставить себѣ праведное удовлетвореніе, съ какимъ принуждала Польша къ оному Россіянъ, тщетно съ нею наблюдавшихъ терпѣніе, снисхожденіе и великодушіе. Чрезъ цѣлый почти вѣкъ Польша, презирая справедливость и торжественные съ Россіею трактаты и союзы, причиняла ей несносныя обиды, утѣсняла предѣлы ея, отнимала нагло ея древнія владѣнія, удерживала у себя природныхъ ея подданныхъ, въ судебныхъ производствахъ не отдавала имъ правосудія; купечество и торги ея, ради общей пользы заведенные, разрушала неизрѣченными притѣсненіями. Россія, перенося сіе великодушно, ожидала, что нація, ее угнетающая, придетъ наконецъ въ чувство, отдастъ дружественному себѣ народу надлежащую справедливость, укротитъ наглость и насильство и не только обидъ учиненныхъ новыми не умножитъ, но еще и все зло истребить потщится. Тщетно Россія сего ожидала: обиды ей причиняемыя не только продолжаемы были, но къ уди-

*) Какъ будто недавно написано! *П. Б.*

вленію и отвращенію усмотрѣно, что сей народъ, вмѣсто должныя благодарности за всѣ оказанныя ему благодѣянія и снисхожденія, не только чрезъ лесть и происки, но еще съ явною злобою, жертвуя и собственнымъ своимъ покоемъ и счастіемъ, стремится возмущать на Россію сосѣднія Державы. Цѣлый свѣтъ видитъ оное очами своими тому уже нѣсколько лѣтъ сряду, и здѣсь нѣтъ нужды входить объ ономъ въ подробность и въ повтореніе.

Напрасно было бы возражать на сіе тѣмъ, что будто все оное творится малою только частію недовольныхъ, безпокойныхъ и такихъ сограждан, кои свѣту объявлены нарушительми государственныхъ законовъ и установленій, и что слѣдственно жестоко и неправосудно было бы наказывать за то цѣлое государство и утѣснять правости и владѣнія народа, воздыхающаго о чрезмѣрныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ малой части необузданныхъ своихъ согражданъ и отъ собратій своихъ погибающаго. Но сіе возраженіе само собою уничтожится и потеряетъ мнимую свою силу, если принять въ уваженіе то, чтó всему свѣту извѣстно и чему тысячи доводовъ предъявить можно. Не всякъ ли видитъ, что когда бъ выдающая себя за невинную та большая часть согражданъ, а особливо знатнѣйшіе люди и тѣ кои въ правленіи государственномъ участіе имѣютъ, не принимали бы прежде и нынѣ величайшаго, но весьма скрытнаго, участія во всѣхъ неспокойствахъ, во всѣхъ Россіи обидахъ и въ возбужденіи вражды къ ней отъ всѣхъ другихъ Державъ, и когдабъ мятежниковъ не подкрѣпляли они всѣми образы, то бъ конечно никогда Польша не дошла до толь чрезмѣрныхъ бѣдствъ и до нанесенія толь несносныхъ оскорбленій сильному сосѣднему государству, наблюдавшему долгое время невѣроятное терпѣніе и снисхожденіе? Но что большая и знаменитѣйшая часть народа составила дѣйствительно общее дѣло съ мятежниками, то, кромѣ вседневныхъ очевидныхъ обстоятельствъ, доказывается еще и тѣмъ, что противу всѣхъ крайнихъ злодѣяній такъ называемыхъ конфедератовъ не приняли не только никакихъ дѣйствительныхъ и Россіею способствуемыхъ мѣръ, но ниже противу ихъ когда либо себя предъ свѣтомъ объявили; а напротивъ того, какъ Россіею весьма оскорбляющія, такъ и самую Республику на край злополучія приводящія ихъ дѣла и предпріятія безмолвно оправдали тѣмъ, что малому числу людей безпокойныхъ не противупоставили никакого истинно дѣйствующаго корпуса согражданъ-патріотовъ, для возстановленія надлежащей справедливости сосѣдственнымъ народамъ.

Но дабы современники и потомки наши довольное имѣть могли свѣдѣніе о всѣхъ наглыхъ обидахъ чрезъ многіе годы причиняемыхъ Россіи отъ Польской Республики, съ нарушеніемъ всѣхъ священныхъ трактатовъ, о всѣхъ притѣсненіяхъ отъ Польши правостямъ Россіянъ и о насильномъ завладѣніи первою владѣній принадлежащихъ издревле симъ послѣднимъ; то когда уже всѣ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и съ принесеніемъ на жертву собственныя пользы поднесь употребленныя средства умѣренности не имѣли никакого дѣйствія надъ симъ противу правосудія и истины толь ожесточеннымъ народомъ, Россія нашлася принужденною, объявя главныя обиды ей причиненныя, доставить себѣ и оскорбляемымъ толь

долго своимъ подданнымъ правосудіе и удовлетвореніе и употребить къ тому самымъ дѣломъ средства, данныя ей отъ Бога, къ отвращенію насильства и неправосудія и могущія нѣкоторымъ образомъ удовлетворить обиды и предосужденія, чрезъ цѣлый вѣкъ ей причиняемыя.

1) Съ 1523 года заключены были многіе и въ разныя времена торжественные трактаты между Польшею и Россіею. Какъ сими, такъ и отъ обѣихъ сторонъ назначенными коммисарами, со всѣми формалитетами постановленными и письменными разграниченными инструментами опредѣлены точно и изъ всякаго сомнѣнія изъяты стали границы Имперіи Россійской, начинающіяся отъ устья Двины рѣки до городка Стойка, лежащаго пять миль ниже Кіева на Днѣпрѣ-рѣкѣ. Польша самымъ наглымъ образомъ нарушила сіи постановленія и древнія никакому сомнѣнію не подверженныя владѣнія Россійскихъ подданныхъ, и не смотря на частыя ихъ жалобы, захватила себѣ неслыханнымъ насильствомъ. Справедливыми и несомнѣнными извѣстіями, точными каждаго мѣста планами и картами и истинными, весьма умѣренными учиняемыми вычетами и выкладками ясно доказывается, что подданные Республики Польской не меньше какъ на 1330 квадратныхъ верстъ лучшей, плодоноснѣйшей и прибыточнѣйшей земли отъ Россіянъ захватили, по сложенному исчисленію, по крайней мѣрѣ 60 лѣтъ сряду пользовались сею захваченною землею донынѣ, къ величайшему предосужденію Россійскихъ подданныхъ, коимъ причиненный отъ сего убытокъ простирается по меньшей мѣрѣ слишкомъ на 845.103 рубля. Сими обидами Польша не удовольствовалась, но частыя и сильныя на оныя приносимыя жалобы оставляла всегда безъ малѣйшаго вниманія; всѣ способы, предлагаемые ей ради доставленія требуемаго удовлетворенія, презирала, а тѣмъ самымъ бѣдственный подавала поводъ ко всякимъ дерзостямъ, грабительству и убійству, чему всему очевидцами есть множество нынѣ живыхъ людей и, что̀ всего болѣе доказывается несомнѣнно великимъ числомъ достовѣрныхъ и истинныхъ актовъ.

2) Весьма знатное пространство земли, издревле Россіи принадлежавшей и въ послѣднюю войну опустошенной, купно же и находившіеся на ней одиннадцать городовъ: Рцисцевъ, Треохтамировъ, Каневъ, Мосцны, Сокотни, Церкасы, Бобровикъ, Бусцинъ, Воронковъ, Криловъ и Чигиринъ, не усумнились Поляки занять насильственнымъ и наглымъ образомъ, въ противность точному содержанію 7-го артикула вѣчнаго мирнаго трактата, заключеннаго въ 1686-мъ году. Сіе занятіе тѣмъ паче вредно Россійской Имперіи, что оное произведено въ дѣйство по большей части Малороссійскими подданными, обольщенными отъ Польскаго шляхетства. Хотя сія самая великая часть земли съ своими одиннадцатью городами, въ длину отъ городка Стойки до рѣки Тесмины, а въ ширину отъ праваго берега Днѣпра на 5 миль или на 50 верстъ внутрь земли лежащей, въ силу помянутаго мирнаго трактата, до будущихъ по сему точныхъ и дружественныхъ постановленій и не должна занята быть ни которою договаривающеюся стороною и ея подданными; но надлежало ей, яко барьерѣ, оставаться пустою и необитаемою, и хотя не только въ 1688-мъ году, но и еще послѣ того

неоднократныя съ Россійской стороны учинены были напоминанія о совершенномъ чрезъ дружественную негоціацію окончаніи сего дѣла: однако съ Польской стороны сію толь необходимую негоціацію подъ всякими пустыми предлогами старались отклонять и въ даль отлагать, чаятельно въ той надеждѣ и въ томъ намѣреніи, чтобъ сіе для спокойствія и безопасности обоихъ государствъ толь нужное дѣло осталося не рѣшеннымъ дотолѣ, пока не настанетъ такое полезное для Республики произшествіе, по которому Россія не моглабъ имѣть ни времени, ни случая за сіе дѣло вступаться такъ усильно, какъ права ея того требовать могли бы, а между тѣмъ бы Республикѣ удалось оное себѣ пріобрѣсти. Эпоку, въ которую Россія въ началѣ сего вѣка занята была не только трудною и продолжительною войною съ Шведами, но еще и съ Оттоманскою Портою, почитала Польша за наиспособнѣйшую къ исполненію желаемаго и вѣроломнаго своего намѣренія; а посему не прежде какъ въ 1711-мъ году, съ безмолвнымъ конечно согласіемъ Республики, не сопротивлявшейся никогда беззаконнымъ и насильственнымъ дѣламъ своихъ подданныхъ, многія изъ первыхъ Польскихъ фамилій завладѣли одиннадцатью городами съ ихъ землями, принадлежавшими собственно Россіи и оставленными въ пустѣ за барьеру мирнымъ трактатомъ только до заключенія дружественной конвенціи. Сего недовольно: они населили оные по большей части подговоренными отъ нихъ въ противность мирному трактату Россійскими подданными изъ Малороссіи. Сими землями владѣютъ Поляки и до сего дня, подъ именемъ зависимыхъ отъ Республики и отъ короля жалуемыхъ староствъ, и великіе съ оныхъ доходы получаютъ. Съ того времени при каждой вакансіи сихъ толь беззаконно пріобрѣтенныхъ староствъ, жалуетъ оныя король или своей фамиліи, или другимъ особамъ; слѣдственно Республика и не можетъ въ семъ дѣлѣ отговариваться невѣдѣніемъ объ учиненныхъ противу трактата насильствахъ, а натурально признаться должна, что она не только дала на то свое согласіе, но еще и вспомоществовала оному. Когда же сія большая и плодоноснѣйшая земля съ помянутыми одиннадцатью городами, населенными главнѣйшее Малороссійскими казаками, подданными Россійской Имперіи, оставлена была въ пустотѣ за барьеру между обоими государствами, ради того только, что Россія хотѣла скорѣе кончить кровавую и долговременную войну; когда сія земля издревле собственно Россіи принадлежала и содержала въ себѣ не меньше 7922 квадратныхъ верстъ, или 825.208 десятинъ плодоноснѣйшихъ и всѣми возможными выгодами пренаполненныхъ полей; и наконецъ, когда съ сей земли, при самомъ худомъ ея обработываніи и не считая прочихъ самою посредственною экономіею пріобрѣстись могущихъ съ нея прибытковъ, нельзя ежегоднаго дохода полагать меньше какъ по 10-ти копѣекъ съ каждой десятины, то изъ сего и выходитъ, что подданные Республики, владѣвшіе и пользовавшіеся чрезъ 61 годъ сею такъ называемою барьерною землею, получили съ оной по меньшей мѣрѣ около 5.033.768 рублей 80 копѣекъ. А какъ по сей выкладкѣ съ означенныхъ въ § 1-мъ, также насильно захваченныхъ 1330-ти квадратныхъ верстъ, или 138.541⅔ десятины, получили они не меньше 845.103 рублей 76 ко-

пѣекъ, то по сему и выходитъ, что съ обоихъ силою отнятыхъ и беззаконно завладѣнныхъ древнихъ Россійскихъ поссессій, получили они доходу по самому умѣренному вычисленію 5.878.872 р. 56 коп.

3) Къ сей суммѣ по справедливости причислить должно подушный сборъ, на день хотя по пяти копѣекъ съ души, коихъ число простирается по крайней мѣрѣ до 300.000 человѣкъ по большей части подговоренныхъ Россійскихъ подданныхъ. Имена, родину и мѣсто настоящаго въ Польшѣ пребыванія сихъ бѣглецовъ можно предъявить теперь съ величайшею подлинностію и съ неоспоримыми доказательствами. До сего часа, не смотря на сильныя и часто повторяемыя требованія, не возможно было выручить ихъ ни добромъ, ни строгостію; ибо такое укрывающее бѣглецовъ дворянство, какъ скоро примѣчало, что они могутъ и должны быть отъ нихъ назадъ взяты, отсылало ихъ на то время далѣе въ свои деревни, лежащія въ Малой и Великой Польшѣ. Изъ всего онаго слѣдуетъ, что Россія отъ одной потери подговоренныхъ у нея рабочихъ людей, не считая потери дѣтей ихъ, рождавшихся почти чрезъ цѣлые сто лѣтъ, и не считая также на великую сумму унесенныхъ бѣглецами отъ господъ своихъ вещей и наличныхъ денегъ, претерпѣла въ 61 годъ убытокъ не менѣе 915.000 рублей. Здѣсь не упоминается ни объ отказанномъ правосудіи, ни объ ужасныхъ и неслыханныхъ жестокостяхъ, чинимыхъ при такихъ случаяхъ, когда Россійскій дворянинъ принужденъ былъ отправлять иногда за границу повѣреннаго своего или служителя для отысканія и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ своихъ и украденнаго ими своего имѣнія. Безчисленными примѣрами доказать можно, что многіе изъ сихъ посланныхъ не только въ тюрьмахъ безчеловѣчно заключаемы, ужасными побоями мучимы и на весь вѣкъ изуродованы были, но что еще сіи бѣдные люди бывали повѣшены и другими казньми умерщвляемы, безъ всякаго судебнымъ порядкомъ надлежащаго осужденія, и въ нарушеніе трактата, по которому всякій обличенный злодѣй выдаваться долженъ обыкновенному суду собственной своей націи.

Сверхъ вышепомянутыхъ завладѣній старыми Россійскими поссессіями:

4-е) Противъ всякой справедливости и отъ единаго только насильства, Россійско-Императорскіе подданные, прежде нѣкоторое время бывшіе подъ Польскою короною Малороссійскіе обыватели, духовные и монастыри, лишаются отъ Поляковъ собственнаго своего наслѣдственнаго и недвижимаго имѣнія въ различныхъ Польскихъ и Литовскихъ провинціяхъ. Сіе имѣніе принадлежитъ имъ по всѣмъ на свѣтѣ правамъ, отчасти по прямому и несомнительному наслѣдству, королевскому жалованію и въ ленъ отдачѣ, отчасти же правомъ закона по купчимъ, закладнымъ, духовнымъ или по добровольному отказу, или же по другому какому законному образу. Приносимыя о томъ жалобы въ судебныхъ мѣстахъ не только надлежаще слѣдованы и рѣшены не были, но челобитчики или съ явнымъ неправосудіемъ отсылаемы были, или же подъ беззаконнѣйшими и единымъ презрительнымъ корыстолюбіемъ вымышленными предлогами и ябедою такъ долго ихъ волочили, что они, ходя за дѣломъ множество лѣтъ и раззорясь тяжебными издержками, приходили въ крайнюю нищету, отъ которой и принуждены бывали несомнительные

и самые вѣрные документы претензій своихъ оставлять въ рукахъ безсовѣстныхъ своихъ соперниковъ, кои или сами бывали, или друзей и сообщниковъ своихъ имѣли судьями въ Трибуналѣ и въ другихъ Приказахъ. Отъ Россійскаго Императорскаго министерства въ разныя времена, за лишившихся по большей части временнаго своего благополучія Россійско-императорскихъ подданныхъ, учиняемы были сильнѣйшія представленія на такія жестокія неправосудія, и дѣланы домогательства о показаніи имъ правосудія, обѣщаннаго трактатомъ 1686-го года и въ которомъ ни одинъ просвѣщенный народъ другому отказать не можетъ; но какъ все касающееся до правосудія, справедливости, возвращенія и удовлетворенія у нихъ всегда оставляемо было безъ слѣдствія и рѣшенія, то и похитители стяжанія и имѣнія Россійскихъ подданныхъ остались при сихъ толь незаконныхъ владѣніяхъ. Изъ подлинныхъ письменныхъ документовъ, находящихся въ рукахъ вовсе разоренныхъ такимъ образомъ Россійскихъ подданныхъ, ясно видно, что, не считая потери доходовъ слишкомъ чрезъ цѣлыя сто лѣтъ и не упоминая о великомъ иждивеніи, употребленномъ отъ нихъ на хожденіе за дѣлами, капиталъ сего, вышеизображеннымъ неслыханнымъ образомъ захваченнаго отъ нихъ имѣнія, по самому умѣренному вычисленію, составляетъ по меньшей мѣрѣ четыре милліона рублей; а если прибавить то, чего требуютъ въ такомъ случаѣ правосудіе, справедливость и удовлетвореніе, тогда оный капиталъ простираться долженъ по крайней мѣрѣ до десяти милліоновъ рублей. Во всемъ ономъ не сказано ничего излишняго, а все сходственно съ истиною, многими доводами и примѣрами утвержденною, чему доказательствомъ служатъ отчасти имѣющіеся въ рукахъ документы, отчасти же примѣръ въ Польшѣ негоднаго, на пристрастіи, корыстолюбіи и неправосудіи основаннаго судопроизводства, которое стало существеннымъ основаніемъ всѣхъ нынѣшнихъ замѣшательствъ въ несчастной сей землѣ, равно какъ и анархическаго ея состоянія, угрожающаго ей совершенною гибелью и безпокоющаго всѣ сосѣднія съ нею Государства.

5-е) Между сосѣдними Державами никогда твердѣйшихъ, сильнѣйшихъ, и для общаго блага обѣихъ націй священнѣйшихъ договоровъ, трактатовъ и союзовъ постановляемо и заключаемо не было, какъ то оное учинено между Россіею и Польшею, и между сею послѣднею и Швеціею въ разсужденіи Лифляндіи, яко присвоенной Россіи земли со всѣми своими правами и принадлежностями, ради свободнаго, безпрепятственнаго и ни въ чемъ не утѣсняемаго торга и купечества. Сіи торжественные договоры и постановленія обстоятельно и ясно содержатся въ слѣдующихъ трактахъ: въ Оливскомъ артикулѣ 15, въ вѣчномъ (въ 1686-мъ въ Москвѣ заключенномъ) артикулѣ 18, и въ §§ 1, 2, 4, 5 и въ артикулахъ 10 и 19-мъ въ 1705-мъ въ Варшавѣ учиненномъ. Напротивъ того никогда толь великаго презрѣнія къ такимъ торжественнымъ союзамъ оказывано не было, и ни который народъ толь неслыханнымъ и насильственнымъ образомъ не преступалъ постановленные договоры и распоряженія, отвергая всѣ на то отъ обиженныхъ сильныя себѣ представленія какъ Польская республика чинила сіе непрестанно слишкомъ цѣлыя сто лѣтъ, къ величайшему предосужденію Россійской Им-

періи и ея подданныхъ. Сіе не есть какое либо увеличиваніе, ниже какое неосновательное, на догадкѣ и простыхъ доносахъ учиняемое обвиненіе, но есть бытіе неоспоримое, живыми свидѣтелями и документами доказуемое. Нельзя никакъ съ основаніемъ оспорить того, что̀ съ Россійской стороны предъявляется, а именно, что сама Республика, равно какъ члены и подданные ея, съ умышленнымъ намѣреніемъ, и токмо для непозволеннаго своего корыстолюбія, стали и въ ономъ дѣлѣ вѣроломными и не только не внимали учиненнымъ на оное представленіямъ, но коммерцію, торговлю и купечество отъ часу больше притѣсняли и довели до того, что оные между просвѣщенными народами никогда въ бѣднѣйшемъ состояніи и въ бо̀льшемъ упадкѣ быть уже не могутъ. До такой крайности никогда все сіе придти не могло, если бы сама Республика, беззаконными своими поступками, не подавала знатному и мелкому дворянству неслыханныхъ примѣровъ неправосудія и насильства. Ни Республика, ни какое либо въ ней сильное мѣсто, а тѣмъ меньше частный ея сочленъ не могутъ и не должны въ ономъ отпираться; но паче надлежитъ имъ признаться, что вышеизображенныя токмо однимъ оглавленіемъ упомянутыя, непрерывно и безсовѣстно оказываемыя оскорбленія дѣйствительно учинены, и притѣсненія и обиды такія ни по какимъ представленіямъ ни мало не отмѣнены; ибо:

а) Республика, въ противность вышеозначенныхъ трактатовъ, прежде сего для пошлиннаго сбора опредѣленныя мѣста не токмо самовольно перемѣняла, но и умножила число ихъ, такъ что торговлѣ, производимой особливо по Днѣпру, а еще больше по Двинѣ, какъ въ разсужденіи времени, такъ и умноженныхъ натурально отъ того издержекъ, причинилось несказанное утѣсненіе. Оное стало еще несноснѣйшимъ отъ того, что при тѣхъ таможенныхъ мѣстахъ нѣтъ опредѣленнаго регламента и тарифа, а отдается на волю и на произволъ опредѣленныхъ при томъ въ неограниченно-великомъ числѣ служителей, по состоянію и обстоятельствамъ, оную пошлину опредѣлять, возвышать и убавлять. Сіи же служители собираютъ подъ разными именованіями отъ торгующихъ чрезмѣрныя и самыя незаконныя пошлины, какъ то есть акциденціи, донативы, дискреціи, подарки, замочныя деньги, сборы для воеводъ, унтеръ-воеводъ, старостъ, подстаростъ, таможенныхъ служителей, помощниковъ, ревизоровъ, караульныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, объѣздовъ, разсыльщиковъ и даже для палачей. Чрезъ сіи необыкновенные и позорные, какъ публичные, такъ и приватные грабежи, вынуждается теперь строгостью и насильствомъ со всѣхъ по Двинѣ въ Ригу идущихъ съ разными земскими продуктами судовъ, по крайней мѣрѣ пятью стами процентами выше прямой ихъ цѣны, слѣдственно больше нежели предъ симъ за сорокъ лѣтъ сбираемо было.

б) Сему злому примѣру слѣдуетъ и живущее вдоль по Днѣпру и Двинѣ знатное и мелкое дворянство, не имѣющее ни малѣйшаго права сбирать какія либо пошлины, акцизы и другія подати. Сей беззаконный сборъ тѣмъ съ бо̀льшею наглостію производится, что, не взирая на неоднократныя по сему жалобы, никогда никакого наказанія сходственнаго съ правосудіемъ и съ оказанными оби-

дами учинено не бывало. Напротивъ того Россійской націи челобитчики, въ хожденіи за дѣлами своими по Приказамъ, не токмо ввергаемы въ весьма великіе и напрасные убытки, но и осуждаемы были къ несправедливѣйшимъ денежнымъ штрафамъ, а часто и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Равнымъ образомъ по вышеозначеннымъ рѣкамъ каждый живущій дворянинъ и Жиды откупщики ихъ, привлекаемы будучи единымъ своимъ корыстолюбіемъ, подъ предлогомъ разсмотрѣнія таможенныхъ квитанцій нагруженныхъ товарами судовъ, не рѣдко ихъ въ пути останавливаютъ, принуждаютъ приставать къ берегу, потомъ берутъ насильно что хотятъ за постоялое, а часто не даютъ для сихъ судовъ нужныхъ лоцмановъ по тѣхъ поръ, пока вода стекаетъ; лоцманы же въ то время умышленно сажаютъ оныя суда на мель, или на сокрытые подъ водою камни направляютъ, дабы можно было имъ и господамъ ихъ грабить по своей волѣ бѣдныхъ хозяевъ разбитыхъ судовъ и вынуждать отъ нихъ несносную плату за спасеніе вещей и за постоялое, ибо, въ противность точнаго содержанія § 4-го 19-го артикула заключеннаго въ Варшавѣ въ 1705-мъ году трактата, отнюдь они не дозволяютъ хозяевамъ разбитыхъ судовъ людьми своими спасать свое имѣніе, а простираютъ безчеловѣчные налоги и грабежи свои даже до того, что принуждаютъ платить и за тотъ камень, о который судно разбилось.

с) Равныя привязки и насильные денежные сборы производитъ и живущее по большимъ дорогамъ дворянство въ разсужденіи купцовъ, везущихъ по онымъ свои товары; ибо дворяне по своей волѣ не токмо взыскиваютъ съ нихъ всякіе чрезмѣрные платежи подъ именемъ пошлинъ, акцизовъ, дорожныхъ, мостовыхъ и переправныхъ сборовъ; но когда тѣ купцы хотятъ взять ближайшую и лучшую дорогу, то принуждаютъ они ихъ ѣхать по худымъ, вовсе испорченнымъ мостамъ, или переплавляться на худыхъ паромахъ.

d) Между всѣми обстоятельствами, торговлю вовсе разоряющими, а особливо Россійскихъ купцовъ въ совершенную нищету приводящими, одно изъ несноснѣйшихъ состоитъ въ томъ, что знатные и мелкіе дворяне, заключивъ съ Рижскимъ или другимъ Россійскимъ купцомъ важный контрактъ о поставкѣ лѣса или другихъ товаровъ и взявъ впередъ на счетъ договорной цѣны половину или двѣ трети, не токмо не исполняютъ вовсе заключеннаго контракта, но подъ пустыми, по большей части вымышленными предлогами не возвращаютъ еще и забранныхъ впередъ денегъ, предъявляя въ свое оправданіе, будто равную сумму имѣютъ они въ долгу на мѣщанинѣ тогожъ или другаго какого Россійскаго города. Еще больше торговля и обезпеченная толь много всѣми трактатами публичная безопасность претерпѣваютъ отъ того, что сіе никакой вѣрности, ни обѣтовъ не наблюдающее, и самымъ необузданнымъ продерзостямъ и насильствамъ вдавшееся Польское дворянство останавливаетъ ѣдущихъ за границу по большимъ дорогамъ для торговли своей купцовъ и ихъ повѣренныхъ; остановя ихъ, отнимаютъ разбойнически всѣ наличныя у нихъ деньги и вещи подъ неосновательными и ни въ чемъ до сихъ людей не касающимися претензіями, а часто и головою безъ всякаго предлога. Сего не довольно: они не рѣд-

ко запираютъ ихъ по деревнямъ своимъ въ самыя гнусныя тюрьмы, а часто мучатъ ихъ безчеловѣчными побоями. Безчисленные и еще недавно случившіеся примѣры доказываютъ все сіе неоспоримо, равно какъ и то, что сіи бѣдные люди, принеся свои жалобы въ Приказахъ и Трибуналахъ на такія насильства и явный разбой, ввергаемы бываютъ еще въ пущее несчастіе въ разсужденіи своего имѣнія и обстоятельствъ. Такими неимовѣрными насильствами, умышленными обманами, позорными и неправедными сборами, явными разбоями и недоставленіемъ никакого за то удовлетворенія и правосудія, по достовѣрнѣйшимъ и по большей части судебнымъ актамъ, одни Рижскіе жители претерпѣли убытку болѣе милліона Альбертовыхъ талеровъ; а купцы прочихъ Россійскихъ городовъ втрое сего больше.

Всякій, услышавшій о толь дерзновенныхъ нарушеніяхъ трактатовъ, оскорбленіяхъ генеральнаго обществъ права, о сихъ явныхъ насильствахъ и неправосудіи, долженъ ощутить такой ужасъ, каковой произвело бы подробнѣйшее описаніе всѣхъ другихъ не меньше важныхъ жалобъ. И если для одной только чести человѣческаго рода прейти здѣсь молчаніемъ всѣ такія учиненныя Польскою Республикою Россіи притѣсненія и величайшія оскорбленія, то со всѣмъ тѣмъ, одинъ убытокъ Россіи нанесенный, о коемъ выше сего вкратцѣ только упомянуто и который толь неоспоримо доказанъ и самъ собою явенъ, простирается по самой меньшей оцѣнкѣ до двадцати одного милліона рублей.

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛУБЯНОВСКАГО. *

Vixisse testemur.

Не припомню, съ котораго времени собираюсь пересмотрѣть старинную свою всякую всячину: духъ отлагательства твердитъ тебѣ свое—успѣешь. Воротимся же къ прошлому. Чтò до того, если и случится проходить мимо самаго себя, сощемя сердце!

I.

Родился я 9-го Августа 1777-го года въ селѣ Млинахъ Полтавской губерніи Зенковскаго уѣзда, на берегу рѣки Ворсклы, у подошвы горы, отдѣляющей много на версту это селеніе отъ мѣстечка Опошня. Въ селѣ Млинахъ отецъ мой имѣлъ отъ предковъ недвижимое имущество съ крестьянами.

Учился онъ въ Кіевской академіи и, окончивъ курсъ наукъ, рѣшился поискать счастія въ Воронежѣ по приглашенію тогдашняго тамъ архіерея Тихона 1-го, полюбился владыкѣ и, раздѣляя труды его въ устройствѣ и образованіи семинаріи, усердіемъ и знаніемъ пріобрѣлъ его довѣріе. Любилъ отецъ мой воспоминать, не безъ слезъ и въ глубокой старости, о своемъ несравненномъ наставникѣ Тихонѣ, о неутомимой и неусыпной пастырской его дѣятельности и пламенномъ его рвеніи на всякое дѣло любви, алчущей и жаждущей правды, готовой на помощь и съ малыми средствами, сострадающей, миротворной, вся терпящей. Это былъ мужъ жела-

*) Печатаются съ рукописи, принадлежащей сыну автора, генералу-лейтенанту Петру Ѳедоровичу Лубяновскому. *П. Б.*

ній, говаривалъ отецъ мой, у насъ другой Дмитрій Ростовскій. Изъ сочиненій преосвященнаго Тихона 1-го «Сокровище отъ міра собираемое» для меня драгоцѣнно.

Родители мои жили подъ кровомъ скуднымъ, но не благочестіемъ, не добродѣтелью, не гостепріимствомъ. Отцу моему достойно и праведно было бы повторить привѣтъ, сказанный Христомъ Спасителемъ Наѳанаилу: Се воистинну Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть. А мать моя въ дѣлѣ христіанской любви къ ближнему не знала ни границы, ни мѣры. У сосѣдей были они въ уваженіи. Мѣстечко Опошне, нѣкогда гнѣздо селитренныхъ заводчиковъ, было тогда еще не бѣдно и не малолюдно; къ тому же го̀да не проходило, чтобы на тучныхъ Млинянскихъ лугахъ, по берегу Ворсклы, войска лагеремъ не располагались съ ранней весны до поздней осени. Въ посѣщеніяхъ не было у насъ недостатка; рѣдкій день проходилъ безъ гостей. Меня и старые и молодые ласкали; мать потому называла меня баловнемъ.

Житель Опошнянскій, дворянинъ Коростовецъ изрѣдка также посѣщалъ отца моего и также ласкалъ меня. Было ему во время Шведской войны не болѣе 8 лѣтъ, а въ мои такія же лѣта онъ былъ уже маститый старецъ за 85 лѣтъ. Сохранялось еще тогда, разсказывалъ онъ, преданіе о стоянкѣ Шведскихъ войскъ въ Опошнемъ и окрестностяхъ передъ Полтавскою битвою. Карлъ XII въ Опошнемъ квартировалъ въ домѣ отца его, Коростовца. Былъ довольно высокаго роста, держалъ себя въ вытяжку, но худой, блѣдный, невзрачный; ежедневно солдатъ муштровалъ; ходилъ живо, скоро и бодро, хотя сапоги были какъ пушки на ногахъ, — вѣроятно ботфорты со шпорами; допускалъ къ себѣ всякаго, кто имѣлъ къ нему надобность; громко приказывалъ своимъ жить съ обывателями честно и мирно. Доставалось отъ него Мазепѣ: завелъ въ такія мѣста, гдѣ не было пива. Велѣлъ построить себѣ пивоварню; при выступленіи подарилъ ее отцу, а мнѣ, говорилъ старикъ, далъ серебрянный талеръ.

*

Отецъ училъ меня Русской и Латинской грамотѣ, самъ большой латинистъ; по десятому же году моего возраста отвезъ меня въ Харьковъ, гдѣ въ Коллегіумѣ по экзамену я поступилъ въ 3-й классъ, чѣмъ отецъ мой, помню, былъ очень доволенъ. Учился я, говорили, не безъ успѣха, съ учителями и товарищами болталъ полатынѣ, сочинялъ хріи и рѣчи; присталъ потомъ къ отцу, отправь онъ меня въ Москву въ университетъ.

Превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій Коллегіумъ, не взирая на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей: они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ, и вышедши изъ школы, чему не научишься! Предметовъ ученія было не много, но преподавались ревностно и основательно. Латинскій языкъ пріучалъ къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты: безъ поэзіи, безъ одушевленія ума и сердца, проповѣдь и въ храмѣ Божі-

емъ будетъ мертвая буква. Семинаріи нынче богаты, а въ мое время Харьковскій Коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою: такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго огромныя аудиторіи безъ печей были ни что иное, какъ сараи, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали. На поправки строеній, на содержаніе до 150 студентовъ въ бурсѣ и на жалованье всѣмъ учителямъ отъ инфимы до богословіи 60 р. былъ высшій окладъ; Коллегіумъ получалъ не болѣе 1500 р. въ годъ. Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы, сверхъ того, къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи въ послѣдствіи времени.

*

На возвратномъ пути изъ Крыма Императрица Екатерина II удостоила высочайшимъ посѣщеніемъ Харьковъ. За недѣлю передъ тѣмъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться: все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастью, было это лѣтомъ, при ясной, тихой и теплой погодѣ. Показался на Холодной горѣ царскій поѣздъ; насталъ праздниковъ праздникъ. Тысячи голосовъ въ одинъ голосъ громогласно воскликнули: шествуетъ! и все умолкло. Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали: божество являлось. У городскихъ воротъ встрѣтили Императрицу намѣстникъ Чертковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генералъ-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ *) Отъ воротъ до дворца (нынѣ университетъ) версты полторы, Императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась; слышанъ былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу. За тѣмъ смерклось; зажгли фейерверкъ, на бѣду не удался; къ тому же ракета угодила въ шею секретарю верхняго земскаго суда. Придворный врачь прибѣжалъ осмотрѣть раненаго; фейерверкъ отмѣненъ; за тѣмъ кто-то изъ свиты вручилъ счастливому секретарю золотые часы, въ изъявленіе соболѣзнованія отъ всемилостивѣйшей Монархини. Звучитъ до сихъ поръ въ ушахъ у меня возгласъ: «Мати ты наша премилосердая», который раздался между тысячами Украинцевъ, когда разнеслась вѣсть о часахъ. На другой день Императрица уѣхала. Отъ дворца по площади къ соборному Успенія Божіей Матери храму постлано было алое сукно, по которому Ея Величество изволила пѣшкомъ идти въ соборъ, гдѣ слушала молебенъ. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицемъ довольнымъ, исполненнымъ благоволѣнія, величественно и милостиво кланялась на обѣ стороны. Изъ собора отправилась въ дальнѣйшій путь.

Въ 8-мь часовъ утра того дня всѣ ученики и учителя Коллегіума были въ классахъ. Принцъ Ангальтъ посѣ-

*) Кафтанъ алаго, воротникъ, обшлага, камзолъ и исподнее зеленаго, vert de pomme, цвѣта.

тилъ заведеніе; меня нарядили изъ класса, гдѣ я былъ тогда, сказать ему привѣтствіе въ двухъ Латинскихъ стихахъ. Погладилъ меня по головѣ и весьма благосклонно просилъ всѣхъ насъ кланяться отъ него батюшкамъ и матушкамъ.

Въ Харьковѣ же удалось мнѣ видѣть князя Потемкина Таврическаго; было это зимою въ послѣднюю поѣздку его изъ арміи въ столицу по взятіи Очакова. На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя къ обѣдни въ соборѣ; служилъ архіерей; студентамъ велѣно быть у обѣдни; мнѣ досталось стоять съ лѣвой стороны амвона посреди церкви. Обѣдня и началась поздно и необыкновенно тянулась; архіерей на большомъ выносѣ провозгласилъ протяжнымъ во всеуслышаніе голосомъ: «военачальники, градоначальники и свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Таврическаго;» прогремѣлъ потомъ при «о спасеніи» тотъ же возгласъ протодіаконъ. Свѣтлѣйшій все еще не являлся; пришелъ уже послѣ «достойно», остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона посреди церкви, взглянулъ вверхъ во всѣ четыре конца. «Церковь не дурна», сказалъ вслухъ губернатору Кишенскому, вслѣдъ затѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другаго кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскія врата отворялись,— повернулся—въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой, сверхъ того, шубѣ изъ чернаго мѣху, крытой шелковою же матеріею, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ по видимому неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіаѳомъ.

Слѣдующія два преданія дошли ко мнѣ не въ Харьковѣ, а въ послѣдствіи времени. Первое отъ И. И. Дмитріева, второе отъ К. Ѳ. Кноринга. Кажется, и здѣсь онѣ не будутъ лишнія, обозначая одно–духъ вѣка, другое—конецъ земной славы.

Костровъ, какъ извѣстно, перевелъ часть Иліады. Нѣкто изъ его доброжелателей въ разговорѣ о Греціи, тогда модномъ, молвилъ Таврическому слово о переводѣ Кострова. Гдѣ же онъ, переводчикъ? спросилъ князь. Пріятели, въ томъ числѣ и Дмитріевъ, одѣли поэта. Отправился онъ къ свѣтлѣйшему съ своимъ доброжелателемъ; нашелъ у него въ обширной залѣ множество шляпъ съ бѣлымъ плюмажемъ, и крестовъ, и звѣздъ, и лентъ разноцвѣтныхъ, и Армянъ, и Грековъ, и Поляковъ, и Персіанъ, и Калмыковъ, и шумъ, и гамъ, какъ на толкучемъ рынкѣ. Свалка эта долго продолжалась. Кто-то шикнулъ: толпа вся вдругъ онѣмѣла и сжалась въ полукругъ, гдѣ кто успѣлъ захватить себѣ мѣсто, передъ дверью. Дверь отворилась: показался свѣтлѣйшій въ простомъ утренемъ со сна нарядѣ; толпа смиренно преклонилась; онъ, окинувъ глазами густый сонмъ посѣтителей и не сказавъ никому ни слова, оборотился — вмигъ дверь затворилась; толпа хлынула и разбѣжалась съ веселыми лицами. Костровъ остался въ залѣ одинъ, дожидаяся своего покровителя; бѣжитъ къ нему придворный лакей и, спросивъ, не онъ ли г-ъ Костровъ, объявляетъ, что онъ приглашенъ въ тотъ же день къ столу

его свѣтлости. Передъ обѣдомъ князь лежалъ на диванѣ; спросилъ Кострова, въ которой олимпіадѣ жилъ Гомеръ, и на отвѣтъ, взглянувъ на него, сказалъ: видно, ты читалъ Гомера, да читаешь ли по гречески? всталъ и пошли къ столу, за которымъ Костровъ былъ двѣнадцатый. Его свѣтлость говорилъ мало, а кушалъ во здравіе за четырехъ. Костровъ былъ той вѣры, что Юпитеръ шестомъ прогналъ бы съ Олимпа и Ганимеда и Гебе съ нектаромъ и амброзіею, если бы дожилъ до Потемкина, да отвѣдалъ такихъ щей, такой кулебяки и такого ботвинья, какія были у его свѣтлости.

Немало говорено и писано въ свое время о кончинѣ князя Потемкина, разсказывалъ въ 1816 г. К. Ѳ. Кнорингъ. Было то такимъ образомъ. При переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, князь назначилъ ночлегъ по пути у него, Кноринга, тогда командира Таврическаго гренадерскаго полка, и прибылъ въ седьмомъ часу вечера. Приготовлена торжественная встрѣча; но изъ кареты у подъѣзда услышали нерадостный голосъ: «жарко, душно!» Носился слухъ, что князь былъ не совсѣмъ здоровъ, но чтобы молва заключала въ себѣ что либо не маловажное, то въ мысль никому не приходило. Вошедши въ домъ, онъ улегся на диванѣ и велѣлъ отворить окна, повторяя: «жарко, душно!» Ночь была тихая, лунная, свѣжая; что̀ докторъ ни дѣлалъ, что̀ ни подавали для прохлажденія, все ему было душно;—метался, страдалъ. Не прежде десятаго часа докторъ сказалъ, что князь начиналъ успокоиваться и Богъ дастъ заснетъ. Спутники пошли ужинать къ нему, Кнорингу. Выѣздъ назначенъ между семи и восьми часовъ утра. Можно ли было подумать, что это утро, этотъ день будетъ послѣдній день жизни знаменитаго мужа! Между двухъ и трехъ часовъ ночи неожиданная тревога: экипажи поданы, князь выѣзжаетъ. Кто какъ успѣлъ пріодѣться со сна, такъ и отправились. Велѣно ѣхать шагомъ. За нѣсколько верстъ отъ ночлега, разсвѣтало. Княжая карета остановилась. Выскочили мы, говорилъ Кнорингъ, изъ экипажей и окружили карету. Больной держалъ въ дрожащихъ рукахъ Св. Икону, вездѣ и всегда его сопутницу, лобызалъ ее, обливалъ слезами, рыдалъ, взывая: Боже мой, Боже мой! Пожелалъ выйти изъ кареты и лечь на травѣ. Постлали коверъ, принесли подъ голову кожаную подушку, уложили его; ничего не говорилъ, стоналъ, казался однакоже покойнѣе. Такъ онъ по желанію лежалъ на травѣ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ. Скоро затѣмъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Смерть и тогда еще никому изъ предстоявшихъ не пришла на мысль. Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отходитъ, и закрыть бы глаза ему; искали по всѣмъ карманамъ имперіала; тотъ же казакъ подалъ мѣдный пятакъ, которымъ и сомкнули глаза покойному.

Въ Харьковѣ же я видѣлъ извѣстнаго странника Сковороду. По сказаніямъ онъ отлично окончилъ курсъ наукъ въ Академіи Кіевской; предпринялъ потомъ пѣшешествіе къ Св. мѣстамъ; былъ въ Іерусалимѣ, на Аѳонской горѣ, въ Константинополѣ; былъ ли на Западѣ, вѣрно не знаю. Странствовалъ долго, возвратился въ отечество и вѣроятно на родину въ Харьковской губерніи. Можно назвать его безсребренникомъ; не было у него никакого имущества: что̀ было на немъ, то лишь и было его. Не имѣлъ онъ и

постояннаго мѣста жительства: всегда готовый, всегда радушный пріютъ ему былъ у Харьковскихъ помѣщиковъ А. И. Коваленскаго и Щербинина; но и то не надолго; въ Харьковѣ бывалъ разъ, много два раза въ годъ, и то часа на два, повидаться съ другомъ своимъ учителемъ риторики въ Коллегіумѣ, Двигубскимъ, у котораго и мнѣ удалось его видѣть: старикъ выше средняго роста, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, въ Украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій Малороссіянинъ,—показался мнѣ усталымъ и задумчивымъ. Страсть его была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до обаченья съ любовію; у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра; но народъ не за тѣмъ и принималъ его подъ свои кровы; напротивъ того хозяинъ дома, куда онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было что либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи и обуви; все то немедленно и дѣлалось.

Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ роднаго. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность; мнился такимъ образомъ приносить ближнему службу и имѣлъ отраду не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ нравовъ, обычаевъ, ни раздора, ни суевѣрія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ. Въ проѣздъ мой въ 1831 году черезъ Харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика крестьянина и вздумалъ спросить его, помнятъ ли они Сковороду. «Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и насъ добру, страху Божіему и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Іисуса Христа. Когда начнетъ бывало разсказывать намъ страсти Господни, или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ!»—Умеръ онъ въ имѣніи и въ домѣ А. И. Коваленскаго. Изъ сочиненій Сковороды не большое «Кольцо» для меня лучшее.

*

Отецъ и мать не скоро рѣшились отпустить меня въ Москву одинокаго. Не имѣя однако же въ виду ничего для меня лучшаго, помолясь, благословили и отдали меня Промыслу Божіему. Не скоро потомъ и я доѣхалъ до Москвы, не къ началу курсовъ, а только уже въ концѣ Декабря. Немедленно просилъ я начальство позволить мнѣ съ новаго, 1793, года слушать профессорскія лекціи. По правиламъ, сказано мнѣ, безъ предварительнаго экзамена это не допускается.

Въ назначенный впослѣдствіи для экзамена день введенъ я въ обширную конференцъ-залу съ трономъ и портретомъ Императрицы подъ балдахиномъ. Профессоры, сидя за столомъ, разсуждали. Ректоръ, подозвавъ меня къ себѣ, спросилъ, чему и гдѣ я учился, и благосклонно затѣмъ предоставилъ мнѣ написать на Латинскомъ языкѣ, что̀ самъ придумаю, о необходимости и пользѣ ученія. «Изъясните намъ вкратцѣ, говорилъ онъ мнѣ, ваши мысли объ этомъ важномъ предметѣ». Профессоръ Страховъ, замѣтивъ, вѣроятно, что я струсилъ, ска-

залъ мнѣ ласковое слово и указалъ комнату, гдѣ я, заключась отъ всего міра, долженъ былъ пройти сквозь огонь испытанія. Собрался я съ духомъ, написалъ, что могъ и съумѣлъ, и предсталъ передъ ареопагъ. Ректоръ мнѣ же поручилъ прочитать вслухъ и внятно написанное. Слушали со вниманіемъ. Ректоръ, обратясь къ собранію съ довольнымъ лицемъ, громко сказалъ optime, и никій же осуди. Помню, какъ сердце мое въ тотъ моментъ ужъ подлинно взыграло радостію. Единогласно положено выдать мнѣ видъ на профессорскія лекціи. Дверь храма наукъ мнѣ отверзлась. Съ трудомъ, не вдалекѣ отъ университета, нашелъ я себѣ пріютъ весьма не красный, не совсѣмъ и безопасный отъ ветхой на немъ крыши, но по моимъ тогда средствамъ: что̀ отецъ могъ назначить мнѣ на содержаніе въ годъ, того и на полгода не доставало.

Спустя мѣсяца три, въ этотъ обвѣтшалый домишко зашелъ неизвѣстный мнѣ съ вида бояринъ, и когда, на спросъ его о студентѣ Лубяновскомъ, я вышелъ къ нему изъ за угла своего: «Познакомимся», сказалъ онъ мнѣ, благосклонно взявъ меня за руку. Это былъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. «Пишетъ мнѣ о тебѣ старый другъ мой, Захарій Яковлевичъ Карнѣевъ (родный братъ моей матери, мнѣ дядя, тогда Орловскій вице-губернаторъ, въ послѣдствіи Минскій гражданскій губернаторъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта). Я хотѣлъ видѣть, гдѣ и какъ ты живешь: не просторно, оттого и воздухъ не благорастворенный. День нынче воскресный, ученья нѣтъ, погуляемъ». Пришли мы въ домъ къ профессору Чеботареву. Представивъ меня ему и супругѣ его: «Это, сказалъ онъ имъ, тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я говорилъ вамъ, примите его въ свою семью». Мнѣ же сказалъ, что у Харитона Андрѣевича и Софіи Ивановны я буду какъ дома, ни въ чемъ не буду нуждаться, докладывалъ бы имъ о своихъ надобностяхъ. Заключилъ, обратясь ко мнѣ, этими словами: «Помни Бога, молись не только языкомъ, но и сердцемъ, старайся успѣвать въ наукахъ, веди себя скромно. Мы будемъ видѣться». Удивленный такою простотою благотворнаго великодушія и, въ неожиданномъ измѣненіи тогдашняго моего быта видя явный знакъ Небеснаго милосерднаго Промысла и о мнѣ ничтожномъ юношѣ, слезами только могъ я выразить волненіе сердца.

На другой же день переселился я къ Харитону Андрѣевичу, и съ того же дня Иванъ Владиміровичъ не только во все время ученья моего въ Московскомъ университетѣ, но и въ началѣ службы моей былъ мнѣ, мало скажу, другимъ отцомъ: будь я сынъ его, не былъ бы онъ и тогда мнѣ лучшимъ отцомъ. Онъ оставилъ по себѣ Записки, и кто не читалъ ихъ, кто не видалъ въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, мужа глубокаго разума и возвышенной въ истинномъ духѣ евангельскомъ добродѣтели?

Курсы далеко ушли въ послѣдніе четыре мѣсяца истекшаго года; предлежало мнѣ и догнать ихъ и не отставать отъ нихъ. Большое пособіе оказали мнѣ профессора и товарищи; не щадилъ я и самъ себя; жажда во всемъ успѣть снѣдала меня. Къ тому же Русская словесность была въ тотъ годъ на очереди къ полученію золотой и двухъ серебряныхъ медалей; было до 20-ти состязателей, въ томъ числѣ и я; и мнѣ, разумѣется, не хотѣлось ударить лицемъ въ грязь. Въ

срокъ подали мы свои диссертаціи профессору краснорѣчія, каждый за своею печатью; такъ они внесены и въ Конференцію, гдѣ разсматривались въ общемъ собраніи профессоровъ. Моя по оцѣнкѣ заняла второе мѣсто, — и первая серебряная медаль мнѣ предназначена.

Въ день торжественнаго университетскаго акта собраніе стариковъ въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, также и дамъ, было не малочисленно; говорены рѣчи, одна на Латинскомъ, другая на Русскомъ языкѣ; читана длинная ода; была и музыка. Затѣмъ кураторъ, знаменитый М. М. Херасковъ, вышелъ и сталъ у подножія Императорскаго трона, и когда инспекторъ провозгласилъ имена новопроизведенныхъ студентовъ, мы вышли на сцену. Кураторъ сказалъ намъ слѣдующее привѣтствіе: «Ея Императорское Величество, премудрая наша Монархиня, въ воздаяніе за ваше прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, всемилостивѣйше изволитъ жаловать вамъ офицерскія шпаги», — и каждому изъ насъ вручилъ стальную шпагу. Провозглашены за тѣмъ такимъ же порядкомъ имена трехъ состязателей медалей, и кураторъ отъ Ея же Императорскаго Величества вручилъ намъ медали. Поднялись тогда голубыя, красныя ленты, дамы и всѣ любители просвѣщенія — сонмомъ къ намъ, увѣнчаннымъ, съ поздравленіемъ насъ съ Монаршею милостію; отъ насъ всѣ обращались къ куратору, ректору и инспектору съ изъявленіемъ признательности за труды, ими подъятые, въ распространеніи просвѣщенія въ Имперіи.

На этой, казалось, невинной выставкѣ я въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ движеніе какого-то до той поры бездыханнаго червя (въ послѣдствіи съ лѣтами и онъ росъ) цѣлаго насѣкомаго, преувертливаго и прелукаваго, съ которымъ долго было мнѣ много хлопотъ и работы нерѣдко до поту, даже до слезъ; а тогда щекотанье этого червяка — самолюбія такъ мнѣ было по сердцу. Худое и не худое видно за мертво спало во мнѣ до будильника, до случая.

Во все время, что̀ я пробылъ въ университетѣ, постоянно думалъ о томъ, не потерять бы мнѣ времени безъ полезнаго пріобрѣтенія. Грѣшно было бы впрочемъ и не занять, много ли, мало ли, отъ такихъ профессоровъ каковы были Шаденъ, Баузе, Вигандъ, Мельманъ, Чеботаревъ, Страховъ. Если позволено сослаться на пословицу — изъ кожи лѣзли, чтобы все то, что̀ сами пріобрѣли неутомимымъ трудомъ, передать намъ съ логическою ясностію, въ систематическомъ порядкѣ, съ обдуманнымъ сужденіемъ. Что̀ въ иностранныхъ университетахъ, то и въ Московскомъ преподавалось; студенты выбирали себѣ предметы и профессоровъ по совѣту и по желанію; изрѣдка переходили изъ одного въ другой факультетъ. Въ томъ числѣ и я, изучая со тщаніемъ и рвеніемъ предметы историко-филологическаго факультета, отдавалъ по нѣскольку послѣ-обѣденныхъ часовъ въ недѣлю профессорамъ химіи и анатоміи, въ надеждѣ получить хотя нѣкоторое понятіе отъ перваго—о превращеніи вещества изъ вида въ лучшій видъ, по сказанному, что тварь покорилась суетѣ неволею, въ упованіи освободиться отъ работы истлѣнія; отъ втораго — о чудномъ устроеніи тѣла человѣка для временной, преходящей жизни его на землѣ. Эти послѣ-обѣденные часы не совсѣмъ были поте-

ряны; но не было отъ нихъ и ожидаемаго пріобрѣтенія.

Мельманъ, любимый, говорили, ученикъ Канта, былъ нашимъ профессоромъ эстетики. Мужчина лѣтъ подъ сорокъ, всегда одинъ, словно въ кельѣ, всегда погруженный въ размышленія, онъ слылъ въ литературномъ кружкѣ безстрастнымъ отшельникомъ отъ міра, влюбленнымъ по уши въ безжалостную Критику, дщерь философа Канта. Былъ онъ однакоже съ отличными способностями и съ даромъ слова,—Цицеронъ въ Латинской словесности. Познакомивъ насъ съ Гораціемъ, Виргиліемъ, Лукреціемъ, Цицерономъ, Тацитомъ, онъ удачно развивалъ ихъ мысли нравственныя и политическія, превозносилъ ихъ умъ и съ пріятнымъ велерѣчіемъ водилъ насъ отъ одного къ другому изъ нихъ, какъ по цвѣтистому лугу отъ одного прекраснаго къ другому цвѣтку еще превосходнѣйшему, присвоивая имъ, иногда казалось намъ, и такія идеи, о которыхъ тѣ господа не думали и не гадали. Представлялось намъ также, что онъ не всегда и высказывалъ намъ все то, что было у него на сердцѣ. Не смотря на то, мы слушали его съ удовольствіемъ. Неожиданно онъ перестаіъ являться на лекціи. Черезъ нѣсколько дней шопотомъ заговорили, что Мельмана велѣно отправить къ митрополиту Платону; потомъ, что онъ высланъ и по секрету отвезенъ за границу; наконецъ, что, не доѣзжая до Кенигсберга, онъ застрѣлился.

Начавъ учиться въ семинаріи и окончивъ, какъ говорится, науки въ университетѣ, я нерѣдко сравнивалъ себя съ собою же съ концевъ промежутка между семинаріею и университетомъ. Изъ семинаріи вышелъ я съ благоговѣніемъ къ Евангелію и ученію церкви, съ покорностію начальству и не отъ страха, а по чувству необходимости въ руководствѣ, съ привычкою къ нуждѣ, съ равною охотою къ ученію и къ исполненію обязанности, въ чемъ бы она ни состояла. Въ университетѣ семинарское сѣмя, не скажу, чтобы совсѣмъ засохло во мнѣ; но по мѣрѣ развитія во мнѣ круга понятій странныя мечты вкрадывались въ голову. Составилась во мнѣ прежде всего забавная самонадѣянность: не только я умѣлъ бы самъ вездѣ ходить безъ помочей, но и другихъ водить. Семинарскаго ученія въ мое время была рѣшительно одна цѣль, приготовленіе молодыхъ людей къ духовному званію. Меня къ тому не готовили, но я шелъ со всѣми по одной и той же тропѣ; другой въ томъ мѣстѣ тогда еще не было. Въ университетѣ никто изъ насъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, не имѣлъ опредѣлительной цѣли, хотя и то правда— не знаешь, куда Богъ поведетъ. Всѣ мы просвѣщались, приготовляли себя, думали и не на шутку, — къ государственной службѣ, и чѣмъ болѣе хвалили насъ за прилежаніе и успѣхи, тѣмъ болѣе мечтали мы о себѣ. Смѣешься теперь надъ этими юношескими мечтаніями, а они не всегда безъ послѣдствій, не вѣтромъ и наносятся. Много ли молодыхъ людей съ здравымъ, холоднымъ и разборчивымъ смысломъ, способныхъ не вдругъ поддаваться первому впечатлѣнію отъ того, что видятъ и слышатъ? Въ жаръ бросало не одного меня, когда бывало, наши профессора — мастера на это Нѣмцы — вызывая тѣни Грековъ и Римлянъ, съ силою и властію, славословили ихъ высокую мудрость, ихъ несравненныя, въ безсмертный

примѣръ человѣчеству, доблести, сами приходили и насъ приводили въ восторгъ, отъ чего въ воображеніи нашемъ зараждались пустыя надежды, безразсудныя притязанія, а сердце между тѣмъ оставалось безъ пищи. Такъ одинъ изъ моихъ товарищей студентовъ увѣдомлялъ меня въ Декабрѣ 1796 г. о царской милости университету: послѣдовало высочайшее повелѣніе пригласить на службу 12 изъ казенныхъ студентовъ и немедленно прислать ихъ въ Петербургъ. Вызвались отличнѣйшіе по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, въ томъ числѣ и корреспондентъ мой, по письму котораго приглашеніе на службу по высочайшему повелѣнію обѣщало имъ горы золотыя. Пріѣхавъ въ столицу, я отыскалъ шестерыхъ изъ нихъ,—гдѣ же? въ холодныхъ, сырыхъ и темныхъ подвалахъ огромнаго зданія: то была канцелярія Ст. Петербургскаго тогда коменданта барона А. А. Аракчеева. Унылые, блѣдные, въ унтеръ-офицерскихъ доспѣхахъ, они переписывали на бѣло формулярные списки нижнихъ воинскихъ чиновъ, и не забыть мнѣ отчаянія, съ которымъ они, не смѣя оторваться отъ дѣла, подъ надзоромъ стараго безпощаднаго капрала, томными глазами высказывали все, что было у нихъ на сердцѣ; недолго и пожили на бѣломъ свѣтѣ.

Въ это время, 1793—1796, Московскій университетъ, еще до пятидесятилѣтія своей жизни, былъ уже въ славѣ, и справедливо; но и нѣкоторые недостатки его не укрывались. По себѣ сужу, а чай не согрѣшилъ бы, сказавъ тоже и о сотоварищахъ: между тѣмъ, какъ я, приготовляя себя ко всему, порядочно ни къ чему себя не подготовилъ; изучалъ исторію Грековъ, Римлянъ, другихъ народовъ, ихъ законы, религію, нравы, внутреннія учрежденія, междоусобныя несогласія, раздоры, войны, увлекался разсказомъ, какъ и отъ чего эти колоссы и потрясались и падали; восхищался Виргиліемъ, Гораціемъ, Тацитомъ, переходилъ отъ одного къ другому возрасту мудрованія ума человѣческаго, скитался такимъ образомъ, можетъ быть и не совсѣмъ тщетно, все же за рубежемъ въ чужихъ краяхъ: — съ роднымъ отечественнымъ краемъ, и не только съ Русскою исторіею, но съ Русскою землею, съ Русскими рѣками и морями былъ я знакомъ такъ мало, поверхностно, что если бы велѣли намъ тогда описать битву Русскихъ съ Татарами на Куликовомъ полѣ, я охотнѣе согласился бы описать Пуническія войны. Каѳедра Русской исторіи тогда ожидала еще профессора. По Русскому законодательству мы были на рукахъ г. Горюшкина, славившагося тогда въ Москвѣ всеобъемлющимъ законовѣдѣніемъ, разумомъ въ сочиненіи прошеній и практическимъ знаніемъ примѣнять законъ къ данному случаю. Подъ руководствомъ его можно было выучиться писать прошенія на высочайшее имя по изданной формѣ и по пунктамъ. Если дозволено назвать это недостатками, то нельзя не принять въ уваженіе, что тогда не было еще ни Русской исторіи Карамзина, ни Полнаго собранія, ни Свода законовъ, ни лицеевъ, ни училища правовѣдѣнія.

*

Три года я прожилъ въ Москвѣ у почтеннаго Харитона Андрѣевича Чеботарева. Иванъ Владиміровичъ не рѣдко навѣщалъ меня, а я во всѣ свободные отъ ученія дни къ нему приходилъ и оставался у него съ утра до вечера. Живъ еще былъ

отецъ его Владиміръ Ивановичь, генералъ-поручикъ, кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, тогда почти столѣтній старикъ, лишившійся зрѣнія, но не чудесной памяти. Иванъ Владиміровичъ представилъ меня почтенному старцу:—позволилъ мнѣ входить къ нему, узнавалъ меня по походкѣ, называлъ Ѳедюшею.

Дневникъ мой начинался съ того немногаго, чтò удалось мнѣ слышать отъ Владиміра Ивановича. Царицу Евдокію Ѳедоровну онъ называлъ своею теткою и разсказывалъ о ней бригадиру Ртищеву (*), при чемъ и я былъ, два случая.—Петръ Алексѣевичь, однажды порядочно покутивъ съ пріятелями въ с. Преображенскомъ, возвращался въ Кремль гораздо за полночь по Покровкѣ, мимо дома князя Репнина, старика чтò былъ начальникъ Сибирскаго Приказа. Сыновья Репнина были съ Царемъ. «Завернуть бы къ отцу», молвилъ Петръ Алексѣевичь. Побѣжали, встревожили старика; встрѣтилъ Царя съ радушіемъ и честію, потчивалъ завѣтнымъ виномъ, съ почетомъ и до воротъ проводилъ. Были на ту пору съ Царемъ и два князя Голицыны, изъ которыхъ одинъ Царицѣ не доброхотствовалъ. Не обошлось и въ Кремлѣ безъ шума и крика. Петръ Алексѣевичь хотѣлъ войти къ Царицѣ; испугалась и заперлась. «Что за сокровище? сказалъ тотъ недоброхотъ. Не въ первый разъ говорю,—брось ее». Скоро и одѣли ее въ чернецкую рясу. Репнинъ пожурилъ сыновей и не словомъ только, а по власти родительской, за безчестье, что завели въ домъ къ нему Царя въ такой часъ и въ такомъ видѣ, а Царю написалъ, что за честь ему сдѣланную онъ положилъ обѣтъ на себя—ни шагу не ступить, пока живъ, изъ дома.

Надушу Петру Алексѣевичу по временамъ находила такая черная туча (правду сказать, было отъ чего) что онъ запирался и никого не допускалъ къ себѣ. Въ такіе припадки, не сказавъ никому ни слова, онъ два раза ѣздилъ въ Ладожскій монастырь, чтò на Волховѣ, куда перевезена была Царица-монахиня, видѣлся съ нею, часа по два просиживалъ въ келіи, привозилъ ей и денегъ по двѣ тысячи рублей. Въ третій разъ также и туда же пріѣхалъ, остановился у монастырскихъ воротъ, не выходилъ изъ экипажа, призадумался, постоялъ и крикнулъ: назадъ!—Царевича Алексѣя Петровича Владиміръ Ивановичъ называлъ внучатнымъ своимъ братомъ. Между мужемъ и женой, между отцемъ и сыномъ, Богъ судія *).

(*) Въ послѣдствіи главнокомандующій на Кавказѣ въ 1809 г., сенаторъ въ Москвѣ.

*) У покойнаго Константина Матвѣевича Бороздина читалъ я подлинный въ продолженіи десяти лѣтъ журналъ или дневникъ маіора отъ воротъ Петропавловской крѣпости, гдѣ все происходившее въ ней кратко записывалось: письмо во всей книгѣ одинаковое, старинное. Въ журналѣ этомъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ записано четыре раза такимъ образомъ: „Привезенъ (мѣсяцъ и число) въ крѣпость Е. В. царевичь Алексѣй Петровичь и посаженъ въ равелинъ. Спустя три дня пріѣхали въ крѣпость въ началѣ 10-го часа по утру Е. В. Царь, е. с. князь Меньшиковъ, съ ними еще десять особъ; всѣ пошли въ равелинъ, и былъ малый застѣнокъ: уѣхали въ полдень. Черезъ три дня послѣ того опять прибыли въ крѣпость - Царь, князь Меньшиковъ и тѣже десять особъ; пошли прямо въ равелинъ, и былъ также малый застѣнокъ; уѣхали въ полдень. Черезъ три же дня опять пріѣхали въ крѣпость Е. В. Царь, е. с. князь Меньшиковъ, прежніе десять и другихъ еще не мало особъ. Пошли въ равелинъ, и былъ большой застѣнокъ; уѣхали гораздо за полдень. Въ 6 часовъ пополудни того же дня царевичь Алексѣй Петровичь предалъ духъ Богу. На другой день съ ранняго утра до поздняго вечера Царь изволилъ пировать у е. с. князя Меньшикова.

Царя бояринъ описывалъ такъ. Видѣнъ собою и высокъ былъ Петръ Алексѣевичь, выше всѣхъ насъ и не однимъ только ростомъ. Любо было смотрѣть на него, когда былъ веселъ, и снявъ шляпу здоровался; голосъ былъ пріятный и звучный; волосы по лбу разсыпались; изъ очей умъ да огонь искрами сыпались; подаритъ бывало, какъ посмотритъ на кого съ ласкою; а на кого взглянетъ гнѣвно, да еще губы сожметъ, у того вся душа, говорили, въ пятку уходила. Я при немъ началъ только служить. Былъ онъ строгъ, но и трудолюбивъ, не щадилъ себя, покоя себѣ не давалъ.

Помѣщаю здѣсь часть того, что̀ слышалъ отъ стараго Русскаго боярина и что̀ сбереглось въ юношескомъ моемъ дневникѣ; или лучше пусть бояринъ самъ говоритъ: это живыя картины вѣка его.

На Сухаревой башнѣ пробилъ адмиральскій часъ. Сказали Петру Алексѣевичу, что адмиралтейскій поставщикъ Исаевъ просилъ поднести Его Величеству чарку своей сосновки. Не одна сосновка была на завтракѣ. Государь уходилъ, Исаевъ въ ноги: «Солнышко ты наше, удостой и щей похлѣбать у раба твоего». Пошли къ нему и обѣдать. За столомъ служилъ хозяинъ съ сыномъ Ильею. По обѣдѣ, Петръ Алексѣевичь приподнялъ со лба волосы у молодаго Исаева, посмотрѣлъ ему въ глаза, замѣтилъ что-то въ записной своей книжкѣ и сказалъ Ильѣ: «работай, да отца слушайся»; а отцу: «спасибо за хлѣбъ-за соль, хозяинъ»; ушелъ. Минулъ не одинъ годъ; взяли мы Ригу. Московскій тогдашній начальникъ получаетъ съ нарочнымъ приказъ отыскать Илью Исаева и тотъ часъ выслать его въ Ригу. Пріѣхалъ Илья. Государь велѣлъ магистрату собраться. Пришли всѣ въ парикахъ. Выходитъ Петръ Алексѣевичь изъ одной, и въ тоже время въ другую дверь входитъ Исаевъ. «Здравствуй г. оберъ-биргермейстеръ всѣхъ Россійскихъ магистратовъ,» сказалъ ему Царь. Ему нуженъ былъ въ Ригѣ свой человѣкъ, а такъ и Нѣмцевъ онъ не обидѣлъ. Послѣ Исаевъ былъ и начальникомъ Рижской таможни. Петръ Алексѣевичь крестилъ у него всѣхъ дѣтей и каждый разъ давалъ или присылалъ по рублю на зубокъ. Имѣлъ онъ въ Ригѣ водочный заводъ и составилъ было себѣ не скудное состояніе, да въ проѣздъ Царевича черезъ Ригу далъ ему немало казенныхъ денегъ; въ царской опалѣ за то не былъ, а деньги долженъ былъ всѣ въ казну воротить, отъ чего разстроился такъ, что въ приданое дочери, супругѣ Владиміра Ивановича, сберегъ только нитку изумрудовъ. Эти изумруды проданы за шесть тысячь рублей. Владиміръ Ивановичь приложилъ къ нимъ 2 т. руб., купилъ въ царствованіе Анны Іоанновны за 8 т. руб. село Ретяжи въ Кромскомъ уѣздѣ; въ царствованіе Александра Павловича оно продано Аникіеву съ публичнаго торга за 960 т. рублей.

Привезли Петру Алексѣевичу стальныя Русскія издѣлія; показывалъ ихъ послѣ обѣда гостямъ и хвалилъ отдѣлку: не хуже-де англійской. Другіе вторили ему, а Головинъ-Басъ, тотъ, что̀ въ Парижѣ дивился, какъ тамъ и ребятишки на улицахъ болтали по французски, посмотрѣвъ на издѣлья, покачалъ головою и сказалъ: хуже. Петръ Алексѣевичь хотѣлъ переувѣрить его; тотъ на своемъ стоялъ. Вышелъ изъ терпѣнія Петръ Алексѣевичь, схватилъ его за заты-

локъ и, приговаривая три раза «не хуже», далъ ему въ спину инструментомъ три добрыхъ щелчка, а Басъ три же раза твердилъ свое «хуже». Съ тѣмъ и разошлись.

Этотъ же Головинъ, когда правилъ за генералъ-провіантмейстера, не утвердилъ на торгахъ цѣны на провіантъ; состоялась по 35 или по 40 коп. за четверть, а онъ, вишь, хотѣлъ купить еще дешевле. Положено вновь быть торгамъ. Петръ Алексѣевичъ келейно позвалъ къ себѣ поставщиковъ и приказалъ имъ просить по 60 коп. за четверть. Волосы на себѣ рвалъ Головинъ, а долженъ былъ доложить Государю. Въ третій разъ торгъ, а Петръ Алексѣевичъ келейно же велѣлъ поставщикамъ просить не ниже 75 коп. за четверть. Басъ разшумѣлся. Зашелъ на тотъ часъ въ коммисію Петръ Алексѣевичъ и спросилъ, о чемъ рѣчь; пожалѣлъ, что казна заплатитъ за хлѣбъ въ тридорога; да не быть же войску безъ хлѣба: велѣлъ утвердить цѣну по 75 коп. за четверть. А Головина взялъ съ собою обѣдать. «Спасибо, Басъ, за усердіе, сказалъ ему; да вотъ что: дешевая отъ казны закупка хлѣба не всегда-то такъ хороша и полезна, какъ думается».

Молодые дворяне посланы учиться въ Венецію, а оттуда въ Голландію; воротились въ зимнее время, пришли къ Государю въ 6-ть часовъ утра; со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ; распрашивалъ ихъ, остался доволенъ. Просились къ матерямъ на побывку. «Нельзя, время военное, отпуски запрещены, а вы въ службѣ по флоту; буду однако ходатайствовать»—и велѣлъ имъ идти въ Адмиралтействъ-коллегію. Пришелъ самъ гораздо послѣ 8-ми часовъ. «Поздненько, Петръ Алексѣевичь, поздненько», сказалъ генералъ-адмиралъ.—«Дѣла были, ваше сіятельство».—«То особь-статья, а здѣсь по регламенту. Садись, Петръ Алексѣевичь. Да что тамъ за молодцы? Ты-де прислалъ ихъ.» Объяснилъ, кто они: учились-де хорошо и вели себя честно; доложилъ о просьбѣ ихъ повидаться съ родными; взяты-де почти силою отъ матерей. «Нельзя, Петръ Алексѣевичь; самъ знаешь, Государь запретилъ теперь отпуски.»—«Государь на это слова не скажетъ». —Не онъ, такъ дубинка заговоритъ». «Да не угодно ли будетъ вашему сіятельству зачислить ихъ въ штатъ къ себѣ?»—«На что они мнѣ?» И молвилъ генералъ-адмиралъ что-то на ухо секретарю; велѣлъ потомъ молодымъ людямъ войти въ присутствіе. «Похваляютъ васъ, сказалъ имъ, что и учились хорошо и не буянили. За то я всѣхъ васъ беру въ штатъ къ себѣ. Не хотите ли у родныхъ побывать? Съ Богомъ! А черезъ 28 дней сюда на службу».

Шереметевъ подъ Ригою захотѣлъ поохотиться. Былъ тогда въ нашей службѣ какой-то принцъ съ поморья, говорили, изъ Мекленбургіи. Петръ Алексѣевичъ ласкалъ его. Поѣхалъ и онъ за фельдмаршаломъ. Пока дошли до звѣря, принцъ распрашивалъ Шереметева о Мальтѣ; какъ же не отвязывался и хотѣлъ знать, не ѣздилъ ли онъ еще куда изъ Мальты, то Шереметевъ провелъ его кругомъ всего свѣта: вздумалось-де ему объѣхать ужъ всю Европу, взглянуть и на Царьградъ, и въ Египтѣ пожариться, посмотрѣть и на Америку. Румянцовъ, Ушаковъ, принцъ, обыкновенная бесѣда государева, воротились къ обѣду. За столомъ принцъ не могъ довольно надивиться, какъ фельдмаршалъ успѣлъ объѣхать столько земель. «Да, я посылалъ его въ Ма-

льту.»—«А оттуда гдѣ онъ ни былъ!» И разсказалъ все его путешествіе. Молчалъ Петръ Алексѣевичь, а послѣ стола, уходя отдохнуть, велѣлъ Румянцову и Ушакову остаться; отдавая потомъ имъ вопросные пункты, приказалъ взять по нимъ отвѣтъ отъ фельдмаршала, между прочимъ: отъ кого онъ имѣлъ отпускъ въ Царьградъ, въ Египетъ, въ Америку? Нашли его въ пылу разсказа о собакахъ и зайцахъ. «И шутка не въ шутку; самъ иду съ повинною головою», сказалъ Шереметевъ. Когда же Петръ Алексѣевичь сталъ журить его за то, что такъ дурачилъ иностраннаго принца: «Дѣтина-то онъ больно плоховатый, отвѣчалъ Шереметевъ; не куда было бѣжать отъ спросовъ. Такъ слушай же, подумалъ я, а онъ и уши развѣсилъ».

«Знаешь ли ты старика Нефедьева, что̀ живетъ у Измайлова? Не разсказывалъ онъ, какая бѣда приключилась ему въ молодости на часахъ во дворцѣ при Аннѣ Іоанновнѣ? Императрица, вишь, любила Японскій фарфоръ; въ залѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ, Нефедьеву досталось стоять на часахъ: умеръ было со скуки. Поставили его на часы въ другой разъ въ той же залѣ; скуки ради взялъ съ собою мячикъ и игравши въ фарфоръ угодилъ; не мало разбилось. Шалунъ спряталъ мячикъ и ждалъ смѣны, какъ ни въ чемъ не бывало. Пошелъ розыскъ. «Бѣгала крыса, топнулъ ногою, крыса на горку, все и рухнулось на полъ». Такъ доложили и Государынѣ. Не повѣрила, велѣла отыскать виноватаго. Сколько ни суетились, все таже крыса — воровка. Императрица приказала привести къ себѣ часоваго. «Кто разбилъ фарфоръ? говори правду», сказала ему и пригрозила. «Я разбилъ, Ваше Величество.»—«Какъ?» «Скуки ради игралъ въ мячикъ, а онъ въ фарфоръ угодилъ.»—«Гдѣ же мячикъ»? — «Здѣсь», и сталъ разстегивать штаны. Генералъ-адъютантъ схватилъ его за руку. «Не мѣшайте ему, когда сами не умѣли дознать. Вотъ тебѣ десять рублей за то, что признался, а впередъ не лги и на часахъ не шали.»

Пріѣхалъ графъ Ѳ. А. Остерманъ. Владиміръ Ивановичь велѣлъ извиниться по немощи. «Случалось ли тебѣ видѣть Остермана? спросилъ меня.—«Не одинъ разъ въ Успенскомъ соборѣ.»—«Человѣкъ онъ хорошій, да говорятъ забывается. Но онъ, да и братъ его далеко не то, что̀ былъ отецъ ихъ. Тотъ былъ Нѣмецкій студентъ и принялся къ нашему вицъ-адмиралу, тоже Нѣмцу, дневникъ писать. На кораблѣ фриштикъ былъ для Петра Алексѣевича. Поѣвши, Государь сошелъ отдохнуть. Тутъ между денщикомъ его и Остерманомъ на палубѣ дошло до драки. Русскій, разумѣется, не въ грязь же ударилъ. Выходитъ Петръ Алексѣевичь. Остерманъ къ нему съ жалобою: дай, вишь, ему сатисфакцію. Петръ Алексѣевичь, сказавъ ему: «пьяное дѣло!» приподнялъ со лба у него волосы, посмотрѣлъ ему въ глаза и скоро затѣмъ взялъ его къ себѣ, вывелъ въ люди. Былъ онъ человѣкъ разумный и на все гожъ; да послѣ Петра Алексѣевича онъ, почитай, все и дѣлалъ, пока высоко стоялъ. Потомъ ему гораздо не посчастливилось. Въ свою пору онъ иногда и лукавилъ. Лучше было ему не идти, куда звали, — подагра не пускала; не подписывать, что̀ подавали,—отъ хирагры пальцы окостенѣли. А принималъ онъ у себя ужъ впрямь по нѣмецки, обыкновенно по вечерамъ. Иной былъ у него сто разъ, а все не слыхалъ, какъ

онъ говорилъ. Въ углу пріемной комнаты стоялъ карточный столъ и три стула: за тѣмъ ни стола, ни стула. Хозяинъ, вышедши къ гостямъ и на всѣ четыре конца раскланявшись, отмѣнно ласково, но безсловесно, садился играть въ карты съ сыновьями и то безъ денегъ. Кончалась партія, кланялся также во всѣ четыре конца и уходилъ.

Въ семилѣтнюю войну, говорилъ старикъ бояринъ, не одинъ былъ главнокомандующій: былъ и Бутурлинъ, а старшимъ по немъ аншефъ Лопухинъ, Василій Абрамовичъ, которому тетка наша Царица Евдокія Ѳедоровна отдала большой бриліантъ, приготовленный не той-другой невѣстѣ Петра Алексѣевича II на день свадьбы. Знатный былъ генералъ Василій Абрамовичъ, солдатъ любилъ, какъ дѣтей. Приходитъ вѣсть изъ авангарда, что Пруссакъ неожиданно поднялся. Лопухинъ полетѣлъ прямо въ пылъ сраженія, раненъ и въ плѣнъ взятъ. «Вставай въ одинъ голосъ! закричали солдаты, вставай живые и мертвые: отецъ нашъ въ полону». Плѣннаго отбили и непріятеля прогнали. Василій Абрамовичъ умеръ отъ раны на полѣ сраженія. И Калмыки покупали свѣчи и отправляли по немъ панихиды.

Князь Голицынъ, что̀ послѣ Хотинъ взялъ, командовалъ въ эту войну отдѣльнымъ отрядомъ. Вино, не отъ своихъ маркитантовъ, рѣкою разлилось въ его корпусѣ; люди съ кругу спились, плохо и слушались. Голицынъ не зналъ, что̀ дѣлать; не могъ ли, не умѣлъ ли унять пьянства; боялся между тѣмъ нападенія и звалъ на помощь къ себѣ Петра Румянцова съ корпусомъ. Тотъ, узнавъ, что дѣло плоховато, не торопился. Голицынъ самъ поскакалъ къ нему, а Пруссаки тутъ-то и разшевелились. Солдаты опомнились. Смотри пожалуй, что затѣялъ Ѳедоръ Ѳедоровичь! Выстроились стѣною, въ штыки ударили и за попойку разбили Пруссаковъ на голову. Но донесеніе о пьянствѣ, ослушаніи въ корпусѣ и о медленности Румянцова давно ушло: хотѣли отдать весь корпусъ подъ судъ; но по извѣстію о побѣдѣ «побѣдителя не казнятъ», сказала Императрица; чтобы однако же знали, къ чему подвергались, велѣла послать генерала. Посланъ Замятинъ прочитать передъ каждымъ полкомъ келейно артикулы. Румянцова позвали въ Питеръ, гдѣ онъ попалъ было въ руки князя Никиты Трубецкаго. Тотъ проучилъ бы его посвойски, если бы пріятели не отправили его скорѣе обратно въ армію.

Этотъ князь Никита былъ съ грѣхомъ пополамъ. Лопухинымъ, мужу и женѣ, урѣзали языки и въ Сибирь сослали ихъ по его милости; а когда воротили ихъ изъ ссылки, то онъ изъ первыхъ прибѣжалъ къ нѣмымъ съ подздравленіемъ о возвращеніи. По его же милости и Апраксина, фельдмаршала, параличь разбилъ. Въ семилѣтнюю войну и онъ былъ главнокомандующимъ. Оттуда (за что, то ихъ дѣло) перевезли его въ подзорный дворецъ, что̀ у Трехъ Рукъ, и тамъ былъ надъ нимъ кригсъ-ратъ, а презусомъ въ немъ князь Никита. Содержался онъ подъ присмотромъ капрала. Елисавета Петровна (такая добрая, что однажды, завидѣвъ гуртъ быковъ, и на спросъ, ку́да гнали, услышавъ, что гнали на бойню, велѣла воротить его на Царскосельскіе свои луга, а деньги за весь гуртъ выдала изъ Кабинета) ѣдучи въ Петербургъ, замѣтила какъ-то Апраксина на крыльцѣ подзорнаго и прика-

зала не медля кончить его дѣло, и если не окажется ничего новаго, то объявить ему тотъ часъ и безъ доклада ей монаршую милость. Презусъ надоумилъ ассесоровъ, что когда по допросѣ онъ скажетъ имъ «приступить къ послѣднему», то это и будетъ значить объявить монаршую милость. «Чтожъ, господа, приступить бы къ послѣднему?» Старикъ отъ этого слова затрясся, подумалъ, что станутъ пытать его и скоро умеръ.

Комедія была, какъ Салтыковъ, Петръ Семеновичь, прибылъ въ армію. Взялъ команду отъ Фермора. Этотъ былъ строгій начальникъ, боялись его, да между нимъ и меньшими властями было не такъ-то и ладно. Салтыковъ любилъ псовую охоту, послалъ въ походъ и собакъ; самъ пріѣхалъ въ лагерь ночью. По утру командиры собрались къ ставкѣ главнокомандующаго. Къ нему между тѣмъ вводили собакъ одну за другою. Громкимъ голосомъ онъ называлъ одну спѣсивою, другую капризною, ту упрямою, другую безмозглою; всѣхъ такъ перебралъ и, сказавъ имъ нравоученіе, пригрозилъ, если не образумятся. Потомъ вышелъ и со всѣми обнимался. Имѣяй уши слышати да слышитъ. А солдаты полюбили его вотъ съ чего. Осматривая мѣста, онъ завидѣлъ въ глубокомъ оврагѣ солдатъ: добыли быка и работали, кожу сдирали. Подъѣхавъ, онъ закричалъ имъ: убирайтесь скорѣе, ребята, не то Фермору скажу. И пошло по всему войску: Отецъ ты нашъ родной Петръ Семеновичь! Рады стараться.

Молва была про Петра Семеновича, яко бы онъ, когда Екатерина Алексѣевна за Московскую чуму уволила его отъ службы, всеподданнѣйшимъ письмомъ просилъ Ея Величество приказать принять отъ него обратно въ казну жалованье и все, что получалъ онъ деньгами со дня ея царствованія. Шесть мѣсяцовъ, говорили, письмо лежало на царскомъ столѣ; потомъ въ каминъ пошло.

«Я попалъ въ армію какъ куръ во щи», говорилъ Владиміръ Ивановичъ. Сидѣлъ я по очереди въ Военной Коллегіи. Зашелъ къ намъ Петръ Ѳедоровичь. «Тебѣ ли, собака (милостивое слово его) бумагу марать? Ступай въ армію». На другой день и указъ. Пока я пособрался, стали звать меня на обѣды и на куртаги. Въ одинъ день за столомъ шумно было; послѣ обѣда въ руки намъ трубки съ предлинными чубуками, и пошли мы за Петромъ Ѳедоровичемъ на другую половину. Случись, что въ комнатѣ, чрезъ которую надо было проходить намъ, у камина стояла Екатерина Алексѣевна. Петръ Ѳедоровичь подошелъ къ ней, сказалъ ли что или ничего не сказалъ, а раскланялся. Всѣ за нимъ, а я у дверей позамялся, не зналъ что дѣлать съ собою и съ трубкою. Замѣтила, подозвала меня къ себѣ и молвила: «Цѣню вашу деликатность, Владиміръ Ивановичъ; видите житье мое», и велѣла идти за Государемъ. Въ другой разъ Петръ Ѳедоровичъ на куртагѣ усердно игралъ съ музыкантами на скрипкѣ, а Екатерина Алексѣевна въ карты играла. Подошелъ я къ столу. «Скоро ли въ армію?» спросила меня. «Не пригоже бы мнѣ, отвѣчалъ я, дѣтей-сиротъ покидать». «Надобно дѣлать, что государь велитъ», и прибавила: «Не надолго, Владиміръ Ивановичъ».

«Пріѣхалъ я въ армію, бывалъ и обѣдывалъ у короля. Какъ я кромѣ Русской грамоты ни покаковски не учился, то король выучилъ для меня

комплиментъ, и гдѣ ни встрѣчалъ меня, всегда бывало спрашиваетъ: здоровы ли ваше превосходительство? Репнинъ потомъ говорилъ, что когда онъ объявилъ королю о кончинѣ Петра Ѳедоровича, то онъ только и сказалъ ему: «прощай комплиментъ мой».

Захаръ Чернышевъ, не помню по какому случаю, показывалъ королю свой корпусъ: оба, за ними и штабы, скакали, какъ угорѣлые, прыгали черезъ канавы и рытвины. Я отсталъ и объѣхалъ. Король сталъ подшучивать. «Скажи его величеству, просилъ я Захара, что у него нѣтъ, какъ у меня, ни Петруши, ни Ванюши». По неволѣ замолчишь, отвѣтилъ король.

Скоро затѣмъ велѣно войскамъ воротиться изъ Пруссіи. Захаръ ускакалъ въ Петербургъ, а корпусъ вести мнѣ поручилъ. Былъ онъ человѣкъ разумный и мнѣ хорошій пріятель, да такой живчикъ, такой скороговорка; чего онъ ни насказалъ мнѣ, какъ вести корпусъ; прислалъ къ тому еще и толстый пакетъ за печатью съ инструкціею. Случись въ Москвѣ мирное торжество послѣ Турецкой войны; позвалъ я пріятелей на обѣдъ къ себѣ, былъ и Захаръ. Зашла рѣчь о семилѣтней войнѣ. Нельзя же было ему не вспомнить, въ какомъ порядкѣ его корпусъ воротился домой по инструкціи. Не вытерпѣлъ я и вынесъ ему толстый пакетъ его не распечатанный. «Смотри, Захаръ Григорьевичъ, какъ я сберегъ командирскую печать?»—«Это что?» «Въ томъ то и дѣло, что твой пакетъ съ инструкціею охранно лежалъ у меня, а корпусъ я и безъ нея привелъ по добру по здорову. Вольно было столько писать! Спросилъ бы меня, стану ли читать». Не мало хохотали.

Елизавета Петровна посылала гвардіи офицера къ Миниху въ Сибирь спросить о здоровьѣ; послала ему съ нимъ и шесть тысячъ рублей; сомнѣвалась, приметъ ли Минихъ деньги, и крѣпко наказывала офицеру поступить, какъ съумѣетъ, только не ворочаться съ отказомъ и съ деньгами. Тотъ сказалъ офицеру раздѣлить привезенныя деньги на три равныя части; послалъ между тѣмъ за приходскимъ священникомъ. «Вотъ вамъ, батюшка, сказалъ ему, двѣ тысячи рублей для васъ и для бѣдныхъ; другія двѣ тысячи вамъ, г-нъ офицеръ, за поѣздку; а мнѣ и остальныхъ двухъ тысячъ много на непредвидимые случаи. Спасибо Императрицѣ за память; со мною же, доложите, все-де по добру по здорову».

Важная оказія была, разсказывалъ Владиміръ Ивановичъ, какъ Минихъ воротился изъ ссылки. Сбѣжались во дворецъ, какъ на праздникъ. Смотримъ: входитъ Минихъ въ залу въ солдатской шинели, но съ такимъ же спокойнымъ, горделивымъ и величавымъ лицомъ, съ какимъ являлся главнокомандующимъ передъ войсками. Голубыя и красныя ленты разступились передъ нимъ съ низкимъ поклономъ; языкъ у всѣхъ насъ отнялся: такая сдѣлалась тишь. Онъ сѣлъ, а мы всѣ поодаль около сжались. Переходилъ онъ глазами отъ одного къ другому изъ насъ; неожиданно меня къ себѣ подозвалъ. «Г. Лопухинъ, — не ошибаюсь? Вы уже въ генеральскомъ мундирѣ!» Я служилъ подъ нимъ маіоромъ; зналъ меня и жаловалъ. Вдругъ выбѣжалъ къ нему изъ кабинета Гудовичъ Андрей. Пошелъ нашъ Минихъ за нимъ также спокойно и величаво; пробылъ въ кабинетѣ болѣе часа, вышелъ оттуда въ фельдмаршальскомъ мун-

дирѣ, въ голубой лентѣ, но все съ тѣмъ же лицемъ, ни печальнымъ, ни радостнымъ, и все также спокойно и величаво смотрѣлъ, какъ ему челомъ чуть объ полъ не били, когда адъютанты Государевы провожали его до золотой кареты.

*

Не забыть мнѣ счастливыхъ часовъ, которые проводилъ я въ свободное время въ гостинной престарѣлаго Русскаго боярина или съ своимъ благодѣтелемъ. Иванъ Владиміровичъ любилъ пѣшкомъ ходить; здоровье его того требовало. Любимыя его мѣста прогулки въ теплое время были Симоновъ монастырь и Воробьевы горы. Отсюда онъ иногда заѣзжалъ къ гр. Алексѣю и Ѳедору Орловымъ, и не выходилъ отъ нихъ безъ благопріобрѣтенія.

Въ этихъ Запискахъ вообще я хотѣлъ изъ всего, что̀ видѣлъ и слышалъ, отчасти что̀ и со мною случалось, помѣстить немногое и изъ немногаго лишь то, что̀ можетъ болѣе или менѣе обозначать духъ различныхъ промежутковъ времени.

Въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ большая нужда была въ деньгахъ, разсказывалъ графъ Ѳедоръ Орловъ; о Голландскомъ займѣ шли переговоры, въ успѣхѣ не было сомнѣнія, все же деньги были еще не на лицо, а отъ гр. Румянцова между тѣмъ приходили обычныя скорби и жалобы его на злодѣйства и козни враговъ: они-де остановкою въ деньгахъ искали его погибели. Императрица поручаетъ гр. Ѳедору Орлову спросить Демидова, нельзя ли перехватить у него миліона четыре рублей. Призываетъ конторщика. Тотъ говоритъ, что въ кассѣ всего только два съ половиною миліона. Велитъ сходить къ Володимірову и у него взять полтора миліона. «Такъ и будетъ четыре, продолжалъ Демидовъ, только не для Императрицы; для нея нѣтъ у меня ни алтына. Такой у меня искони бѣ, видишь, норовъ: ни гроша тому, кто можетъ посѣчь меня. Ты, Ѳедоръ Григорьевичъ, пожалуй возьми себѣ на перехватъ четыре миліона рублей и безъ процентовъ, только смотри, назначь самъ себѣ день, часъ и минуту, когда воротишь мнѣ деньги, а до того, для повѣрки, твои часы у меня, мои у тебя останутся. Не воротишь денегъ въ тотъ день, часъ и минуту, какъ самъ назначишь, деньги твои, я уже не возьму ихъ; за то созову къ себѣ своихъ, а ты приведешь ко мнѣ своихъ пріятелей, и я при всѣхъ ихъ дамъ тебѣ три оплеухи за то, что слова не сдержишь. Не хочешь такъ: Богъ съ тобою». Графъ не тотчасъ согласился на условіе, и то по убѣжденію Императрицы. Назначили достаточный срокъ; деньги ранѣе пришли изъ Голландіи; но Демидовъ не принялъ своихъ до заповѣдной минуты.

Знаменитый въ свое время начальникъ полиціи въ Москвѣ былъ очень вхожъ въ домъ къ гр. Алексѣю Орлову. Подмѣтили и графу сказали, что онъ былъ шпіономъ за нимъ отъ князя Потемкина. Не повѣрилъ; сталъ однакоже всматриваться; вышелъ потомъ изъ терпѣнія и однажды послѣ обѣда повелъ гостя въ кабинетъ къ себѣ. Сѣли одинъ противъ другаго къ столу, на которомъ лежали два пистолета. Графъ велѣлъ ему выбрать, какой онъ хотѣлъ, пистолетъ, взялъ у него, выстрѣлилъ и, пробивъ пулею стѣну перегородки: «Видишь, сказалъ ему, другая пуля такъ пойдетъ тебѣ въ сердце, если не

скажешь правды: шпіонъ ли ты за мной отъ Потемкина?» Признался и выболталъ всю подноготную. «Простилъ я проказника, говорилъ графъ, и приказалъ ему быть издали шпіономъ отъ меня за Потемкинымъ. Докладывалъ не лишнее.»

Съ признательностію вспоминаю о добромъ, умномъ и любезномъ нашемъ тогда врачѣ Я. И. Зумблатѣ. Слылъ франъ-масономъ. По христіанской любви къ ближнему, онъ былъ ея жертвою въ помощи страждущимъ, которыхъ на рукахъ у него было множество. Отъ больнаго привезли его ночью домой и на смертный одръ. Такъ, какъ онъ умеръ, умираютъ съ вѣрою во Христа лишь праведники.

Два здѣсь изъ многихъ его разсказовъ. Въ Охотномъ ряду въ Москвѣ жили въ старинномъ боярскомъ домѣ три брата Юрьевы. Зумблатъ былъ врачь и другъ ихъ. Въ 11-ть часовъ вечера онъ оставилъ ихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ. Въ третьемъ часу ночи прислали сказать, что одинъ изъ нихъ при смерти: нашелъ онъ его дѣйствительно въ безнадежномъ положеніи:—заснулъ, во снѣ что-то видѣлъ; отъ боли въ груди проснулся, повторялъ, что дурно ему, спрашивалъ икону, которая представилась ему въ сновидѣніи; приносили ему всѣ, сколько ни было образовъ въ старинномъ ихъ домѣ: все не тотъ, что́ онъ видѣлъ во снѣ. Вспомнили, что на чердакѣ былъ еще сундукъ съ образами. Между этими онъ узналъ представившійся во снѣ ему образъ, облилъ его слезами и съ горячею молитвою скончался.

Молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей, возвратясь изъ Парижа въ Москву, вскружилъ голову многимъ и прежде всѣхъ отцу и матери; зимою простудился и занемогъ; а какъ оправился, то Зумблатъ, врачь его, совѣтовалъ ему больше беречь себя, да и Волтера и Гельвеція бросить. Не прошло года, онъ вновь занемогъ, и уже сильнѣе прежняго; вновь однакоже оправился, а врачь выпустилъ его изъ рукъ своихъ съ тѣмъ же совѣтомъ. Не долго онъ перелеталъ отъ забавы къ забавѣ, слегъ, и опасная болѣзнь развилась въ немъ сильно и быстро: до того ослабѣлъ, что самъ не могъ приподняться. Въ одинъ день Зумблатъ замѣтилъ, что больной хотѣлъ поговорить съ нимъ на единѣ: такъ и устроилъ. «Вы учили меня доброму, да я не послушалъ васъ. Нельзя ли позвать ко мнѣ священника, только такъ, чтобы не знали про то ни мать, ни отецъ?» Священникъ пришелъ въ 5-ть часовъ утра. По исповѣди, больнаго съ трудомъ приподняли на простыняхъ пріобщаться. Священникъ уходилъ. Зумблатъ провожалъ его и неожиданно увидѣлъ за собою больнаго: самъ всталъ съ кровати, проводилъ Св. Дары до 3-й двери, былъ неописанно доволенъ, самъ воротился, легъ, а черезъ полъчаса заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Въ манежѣ гр. Алексѣя Григорьевича Орлова я учился верховой ѣздѣ; по этому, впослѣдствіи онъ благосклонно принималъ меня въ Дрезденѣ.

Поработавъ однажды съ неумолимымъ его берейторомъ Ипатомъ до поту въ ненастный осенній день, я прошелъ еще версты четыре пѣшкомъ по грязи до дома; простудился и слегъ. Въ одну ночь сдѣлалось мнѣ очень дурно: не дожить мнѣ, думалъ я, до свѣта; такъ испугался. И какъ стало мнѣ легче, то испугъ мой вылился на бумагу въ «Утреннихъ мысляхъ

послѣ безпокойной ночи», памятныхъ мнѣ и потому, что ими совсѣмъ и на вѣкъ заколодило во мнѣ ключь Кастальской воды; бились въ думѣ какъ птички въ клѣткѣ, такъ и вылетѣли. Напечатаны въ Другѣ Юношества Невзорова. Сказано (вѣрно въ шутку), что Державинъ желалъ бы быть сочинителемъ этой поэзіи.

Оправясь отъ болѣзни, продолжалъ я обычныя прогулки съ Иваномъ Владиміровичемъ. Побывъ съ нимъ часъ-другой, мнѣ казалось, я дѣлался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою Евангельскою добродѣтелью соединялъ онъ столько простоты, доброжелательства, пріятства въ обхожденіи, что не разстался бы съ нимъ, не пересталъ бы его слушать. Сомнѣваюсь, было ли въ Москвѣ такое глухое захолустье, куда бы онъ по временамъ не заходилъ и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу. «Не даромъ ты зашелъ къ намъ, Московскій нашъ Іоаннъ Милостивый,—говорили,—есть у насъ и круглые сироты, и неизлѣчимо больные, и немощные старцы. Покажемъ тебѣ ихъ, не изволишь ли помочь имъ?» Пріятно ему было желаніе жителей помощи отъ него тѣмъ, кто въ ней подлинно нуждался. Страсть по евангельской любви помогать ближнему завлекала его: лѣвая рука не знала, что̀ дѣлала правая. Не это была главная причина долговъ и неразлучныхъ съ ними заботъ его: были другія важнѣйшія, не отъ него. По смерти его однакоже все его имѣніе продано; старинный домъ Лопухинскій обратился въ достойное употребленіе, въ церковь, а кредиторы всѣ свое получили и не безъ лихвы.

Одинъ изъ кредиторовъ Ивана Владиміровича самъ разсказывалъ мнѣ. Просилъ онъ его уплатить ему часть должной суммы на приданое дочери, замужъ выходила; обѣщано, сумма и день уплаты назначены; должникъ самъ хотѣлъ прійти съ деньгами и сдержалъ слово. Кредиторъ ожидалъ его съ роскошнымъ завтракомъ, не мало и другихъ гостей со стороны жениха и невѣсты. Закусили. Лопухинъ съ привѣтнымъ спасибо ушелъ, не сказавъ ни слова о деньгахъ. Кредиторъ за нимъ; тотъ поворотилъ въ калитку ветхаго домика въ переулкѣ; кредиторъ за угломъ притаился и, выждавъ, пока тотъ вышелъ, вошелъ и спрашивалъ, былъ ли тамъ Лопухинъ. Лопухинъ ли сейчасъ отъ нея вышелъ, отвѣчала заливаясь слезами, мать, окруженная шестью малолѣтными дѣтьми,—она не знаетъ, а Богъ черезъ этого господина сотворилъ чудо милосердія, даровалъ ей изъ рукъ его 4000 рублей на искупленіе мужа ея (дѣтей этихъ отца) изъ ямы, гдѣ онъ содержится по неосторожному ручательству. Не угощать бы мнѣ завтракомъ!

Въ 1794-мъ году Иванъ Владиміровичъ подарилъ мнѣ книгу La Philosophie Divine, совѣтуя читать на досугѣ и по силѣ помочи размышлять о томъ, что̀ пойму, не ломая себѣ головы надъ тѣмъ, что̀ покажется не яснымъ. Вѣкъ проводишь въ чтеніи; съ однимъ сочинителемъ порадуешься, съ другимъ подосадуешь, съ инымъ и поплачешь; что̀ написано съ чувствомъ, и особенно что̀ писано съ душевною скорбію или съ живымъ отъ сердца желаніемъ истиннаго добра, то едвали и читается безъ слезъ и безъ порыва въ душѣ къ тому же добру. Живетъ подъ мертвою буквою и тотъ

духъ, который дышетъ идѣже хощетъ, и тотъ гласъ мраза тонка, идѣже Господь Знаю человѣка, на котораго эта книга, по милосердію Господа Спасителя нашего, имѣла благодатное вліяніе на всю его жизнь переломомъ въ мысляхъ и въ сердцѣ.

II.

Разбирая бумаги князя Николая Васильевича *), я нашелъ между ними превѣжливыя и предпочтительныя собственноручныя письма къ нему Потемкина съ дороги отъ Очакова; нашелъ списки и съ нѣкоторыхъ отвѣтовъ князя Н. В. Князь Потемкинъ не четко, а умно и складно изъяснялъ политическія наши отношенія къ другимъ государствамъ, связь ихъ съ тогдашнею войною, мысли какъ лучше для насъ та война могла бы окончиться; въ двухъ или трехъ письмахъ ясно намекалъ, что не надобно было предпринимать ничего рѣшительнаго до дальнѣйшихъ повелѣній. На отвѣты князя Николая Васильевича не нашелъ я въ бумагахъ ни одного отзыва отъ Потемкина. Пришло мнѣ это, лѣтъ черезъ двадцать, на память въ разговорѣ съ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ. «Да, говорилъ онъ, я тогда струсилъ: присылаютъ ко мнѣ ночью съ приказомъ быть въ Царское Село къ Императрицѣ въ шестомъ часу утра. Не въ духѣ была. Правда ли, спросила меня, что цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина живетъ у васъ въ Петербургѣ?—До десяти наберется.—Зачѣмъ же не отправляете ихъ?—Нѣтъ приказанія.—Зачѣмъ же не спрашиваете?—По бумагамъ, что̀ сданы мнѣ, спрашивалъ; ничего не приказано.—Да развѣ вы не все то знаете, съ чѣмъ кто присланъ?—И третьей части не знаю. —Такъ скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непремѣнно сегодня, онъ отвѣчалъ Репнину, что̀ по нужнѣе; скажите ему: я велю; а мнѣ пришлите записку, въ которомъ часу курьеръ вашъ уѣдетъ. Въ тотъ же день всѣ курьеры отправлены; но тотъ, съ кѣмъ бумаги посланы, встрѣтился на половинѣ дороги съ донесеніемъ князя Репнина о Мачинскомъ дѣлѣ.»

«Не добились мы, продолжалъ Василій Степановичъ, отъ кого Императрица узнала про курьеровъ. Ходилъ передъ тѣмъ по городу слухъ, что однажды прежде чѣмъ Государыня вышла къ столу, гости пошли къ закускѣ, въ томъ числѣ гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Сей послѣдній, въ общей бесѣдѣ о войнѣ, говорилъ, что изъ арміи не было извѣстій, и Репнинъ-де ничего не дѣлалъ. Орловъ, молча, подобралъ къ себѣ всѣ ножи со стола, и потомъ просилъ Нарышкина отрѣзать ему чего-то кусокъ. Тотъ туда и сюда: нѣтъ ножа. «Такъ-то и Репнину, когда ничего не даютъ ему, нечего дѣлать,— сказалъ Орловъ.»

Въ тѣхъ же бумагахъ было письмо Ивана Ивановича Шувалова къ князю Николаю Васильевичу. Рѣдкій день, писалъ онъ, не вижу я Императрицы; видѣлъ ее во всякомъ расположеніи духа, и въ кручинѣ, и въ радости; но не помню, чтобы она была когда нибудь такъ довольна, такъ счастлива и весела, какъ по полученіи донесенія о Мачинскомъ дѣлѣ и особенно еще о подписаніи прелиминарныхъ мирныхъ пунктовъ. Эта война, писалъ Шуваловъ, такъ уже была тяжела для нея, что если

*) Генерала фельдмаршала князя Репнина.

бы не это донесеніе, она рѣшилась просить Прусскаго короля о посредничествѣ между нею и султаномъ; а эта мысль убивала ее.

Тамъ же находилась переписка о Польскихъ дѣлахъ, и между прочимъ о необходимости, а потому и желаніи Императрицы взять Варшаву. „Если угодно,—отвѣчалъ на это кн. Николай Васильевичъ,—я пойду и возьму Варшаву, и скоро возьму; только теперь то не можетъ быть безъ пролитія крови и весьма большаго съ обѣихъ сторонъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ займемъ Варшаву безъ всякаго. За то отвѣчаю». Поэтому ли, или по обстоятельствамъ посланъ Суворовъ подъ Варшаву, гдѣ и совершилось Прагское побоище во славу великаго нашего лирика.

Назначилъ князь П. В. молодаго офицера полковымъ адъютантомъ въ Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ подполковникомъ. Нѣкоторые обидѣлись, съ ними всѣ зашумѣли. «Есть въ полку не мало достойнѣйшихъ; тотъ ничѣмъ еще не отличился; нельзя было ожидать такой несправедливости; нельзя равнодушно перенести столь явной обиды всему полку». Все это одинъ изъ офицеровъ по уполномоченію и именемъ всѣхъ помѣстилъ въ письмѣ къ подполковнику. Князь отвѣчалъ ему, что въ правилахъ службы, равно извѣстныхъ и имъ и ему, нѣтъ того, чтобы начальнику спрашивать у подчиненныхъ, чтó ему дѣлать; если онъ съ товарищами и поразгорячился, то вѣроятно самъ уже сожалѣетъ о томъ, что написалъ ему. На этотъ отвѣтъ другое письмо отъ того же офицера съ раскаяніемъ въ заблужденіи отъ запальчивости. Ошибаться всякому свойственно, отвѣчалъ ему князь, но увидѣть и признать свою ошибку еще лучше, нежели никогда не ошибаться.

У фельдмаршала графа Гудовича въ Москвѣ послѣ обѣда (гдѣ случилось и мнѣ быть) зашла рѣчь о знаменитыхъ нашихъ полководцахъ, между прочими и о кн. Н. В. Репнинѣ. Говорили о Кагульскомъ, Рымникскомъ, Анапскомъ, Мачинскомъ дѣлахъ. Степанъ Степановичъ Апраксинъ разсказывалъ при этомъ, что онъ и кн. В. В. Долгоруковъ командовали полками подъ Очаковымъ и по приказу главнокомандующаго полки у нихъ отняты. Огорчились, бросили Потемкина, стали ходить къ Репнину; но ошиблись въ разсчетѣ: Репнинъ ни слова имъ ни о Потемкинѣ, ни объ отказѣ имъ отъ команды. По утру однажды при нихъ онъ велѣлъ показать себѣ рыбу: принесли большое корыто съ животрепещущею. Объяснялъ повару, какую и какъ изготовить. «Вчера, говорилъ имъ, Запорожцы прислали мнѣ рыбы; я обѣдалъ у князя Григорія Александровича и попросилъ его къ себѣ сего дня на рыбу. Вы у меня же обѣдаете». Извинялись по непріятнымъ отношеніямъ ихъ къ кн. Потемкину. «Улыбались вы, сказалъ имъ князь, когда я говорилъ съ своимъ поваромъ. Ефремъ мой не знаетъ вкуса князя Григорія Александровича, не обѣдалъ еще у него, а я частехонько;—вольно звать и не звать, а позовешь, такъ угощай гостя по его, а не по своему вкусу. Чтó же лежитъ до вашихъ отношеній къ кн. Григорію Александровичу, то здѣсь у насъ въ лицѣ его—главнокомандующій. Сдѣлаетъ онъ то, другое и не по нашему: повинуйся и не ропщи и дурнаго примѣра другимъ собою не подавай. Мнѣ и всякому вольно думать, чтò угодно, о князѣ Гри-

горіѣ Александровичѣ; но главнокомандующему Русскою арміею, имя рекъ Потемкину, я всегда слуга покорный и всеохотный. Не мнѣ выбирать главнокомандующаго; мое дѣло слушаться; а это что за послушаніе, когда я думаю только о томъ, чѣмъ бы мнѣ кольнуть его, да ужалить? Это не дѣло; упаси насъ Богъ отъ такой неурядицы: у насъ тогда была бы татарщина. Извольте у меня сего дня обѣдать». Хозяинъ вышелъ навстрѣчу гостю. Князь Потемкинъ былъ въ духѣ, взглянулъ и на нихъ не гнѣвно. За столомъ онъ и всѣ были веселы; но подъ конецъ обѣда онъ уже былъ совсѣмъ не тотъ. «О чемъ такъ вдругъ закручинились ваша свѣтлость?» спросилъ хозяинъ. —Не взыщите, князь Николай Васильевичъ, отвѣчалъ гость: грусть находитъ вдругъ на меня, какъ черная туча, ничто не мило, иногда помышляю идти въ монахи*).—Чтожъ, ваша свѣтлость, не дурное дѣло и это: сего дня іеромонахомъ, чрезъ день архимандритомъ, черезъ недѣлю во епископы, затѣмъ и бѣлый клобукъ; будете благословлять насъ обѣими, а мы будемъ цѣловать у васъ правую». Расхохотался главнокомандующій, за нимъ и всѣ.

*

Явился я къ князю Николаю Васильевичу въ Гроднѣ, гдѣ онъ по занятіи Литвы имѣлъ пребываніе: принялъ меня милостиво и отдалъ на руки Ѳ. И. Энгелю, тогда правителю его канцеляріи по гражданской части.

Въ Гроднѣ онъ жилъ на походную ногу, все же какъ Русскій бояринъ. Не было у него блеску для глазъ, роскоши, пышности; но были довольство во всемъ и приличіе. Каждый день съ 7 часовъ утра онъ занимался дѣлами, принимая между тѣмъ всякаго, кто имѣлъ къ нему надобность: не любилъ заставлять дожидаться. Въ два часа пополудни къ столу выходилъ. Столъ его въ Гроднѣ каждый день накрывался на 120 персонъ; и то еще иногда адъютантамъ за столомъ не было мѣста. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ минутъ двадцать, много полчаса; опять занимался дѣлами; а въ хорошую погоду ѣздилъ верхомъ дышать загороднымъ воздухомъ. На конюшнѣ его было до сорока верховыхъ лошадей; но за старшими и за гостями часто недоставало ихъ для всѣхъ адъютантовъ. Въ 8 часовъ вечера приходилъ въ гостиную къ княгинѣ, у которой десятка три-четыре дамъ и мужчинъ каждый день ужинали; въ 11 часовъ оставлялъ общество. Два раза въ недѣлю были балы; пріѣзжали въ Гродну на балы изъ Варшавы и Львова. Полковникъ Багмевскій, по преданности къ нему, завѣдывалъ тогда его хозяйствомъ и, въ послѣдствіи, говорилъ мнѣ, что когда сказалъ ему о большихъ издержкахъ по такой жизни, то онъ отвѣчалъ: „Государыня не давно пожаловала мнѣ пять тысячь душъ; но и безъ того я отдалъ бы послѣдній свой рубль, чтобы привязать новыхъ ея подданныхъ къ ней и къ Россіи, а на это нѣтъ другаго способа, кромѣ ласки съ одной, справедливости съ другой стороны. Сверхъ того у меня и не безъ такихъ гостей которымъ не всегда есть на что пообѣдать; да безъ обращенія съ людьми какъ ихъ и узнаешь?»

Въ Гроднѣ тогда стояли два пѣхотныхъ полка: Старооскольскій и Псковскій. Полковники, перваго Ко-

*) Извѣстно, что въ 1776 г. по возвращеніи изъ Москвы, уже въ полной милости, Потемкинъ удалялся въ Александро-невскую лавру и носилъ монашеское платье. *П. Б.*

новницынъ, послѣдняго Өедоръ Ливенъ, обязаны были не только сами часто обѣдать у князя, но приводить съ собою къ столу и тѣхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, по ихъ мнѣнію, заслуживали того, чтобы князь ближе узналъ ихъ. У нихъ же столъ былъ также каждый день для своихъ офицеровъ; уходя, просили старшаго штабъ-офицера хозяйничать. Вспоминая о тогдашнихъ удовольствіяхъ Гродненской жизни, не забылъ я до сихъ поръ перваго по службѣ окрика на меня за бумагу, которую заполѣнился я переписать къ назначенному часу. Ни малѣйшаго упущенія молодыхъ подчиненныхъ князь не оставлялъ безъ замѣчанія; въ этихъ случаяхъ даже вспыльчивость въ немъ проявлялась. Бумагу же ту, совсѣмъ почти перепра вленную княземъ собственноручно, помню, пробѣжалъ я не безъ удивленія, какъ онъ могъ терять время, спускаться до такихъ мелочей и подробностей, какими бумага была наполнена. Рѣчь шла о томъ, что̀ и сколько кому выдавать, по тогдашнему положенію края, изъ казны и что̀ отъ земства. Гораздо послѣ уже я гдѣ-то читалъ, что когда Питтъ вступилъ въ министерство и увидѣлъ надобность поправить финансы, то началъ съ мелочей и прежде всего съ пересмотра, сколько кто получалъ жалованья изъ казначейства, чѣмъ кто сверхъ того пользовался, какіе обороты дѣлались казенными деньгами, сколько ихъ не въ прокъ уходило.

*

Князь пріѣхалъ заранѣе изъ Гродны въ Вильну, чтобы открыть въ Екатерининъ день Виленскую губернію по учрежденію; здѣсь получилъ 9-го Ноября 1796 года слѣдующее собственноручное письмо отъ Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича: «Князь Николай Васильевичъ, обстоятельства требуютъ присутствія вашего при мнѣ; распорядясь, пріѣзжайте. Мать моя кончается.» Черезъ два дня, безъ всякой огласки, онъ отправился по Рижскому тракту, взявъ съ собою двухъ младшихъ своихъ адъютантовъ, въ томъ числѣ и меня.

Въ Митавѣ былъ уже полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Павла I. Пріѣхавъ въ столицу, князь нашелъ себя генералъ-фельдмаршаломъ и гвардіи Измайловскаго полка баталіоннымъ командиромъ.

Литва, Лифляндія и Эстляндія оставлены по прежнему въ его управленіи, также и войска, тамъ находившіяся, съ наименованіемъ его инспекторомъ Литовской инспекціи. Я сталъ инспекторскимъ при немъ адъютантомъ.

Былъ я тогда очень молодъ, а нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Еще до пріѣзда князя эта эпоха имѣла уже свои названія. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; въ тайнѣ между четырехъ глазъ — затмѣніемъ свыше. Не наше это дѣло, исторіи, которая, а съ нею и потомство, можетъ быть, будутъ и справедливѣе современниковъ. Не забыть мнѣ однако, что еще въ Москвѣ случалось мнѣ подслушивать, какъ умные люди перешептывались, что въ послѣдніе передъ этою эпохою годы темныя пятна вездѣ пробивались сквозь мерцаніе славы, отъ оскудѣнія бдительности; даже въ войскахъ по-

жилые бригадиры находили, что Потемкинскій солдатъ совсѣмъ непохожъ былъ на солдата Румянцовскаго, и какъ ни мало времени былъ я на службѣ при Императрицѣ, но когда бывало на смотру войскъ, на ученьѣ, на маневрахъ, князь Николай Васильевичъ строго взыскивалъ за неисправность и упущенія, то и мнѣ случалось слышать отзывы сквозь зубы, что Суворовъ на все такое сквозь пальцы смотрѣлъ. Если же дозволено по такому говору заключать о надобности такъ названнаго возрожденія, то нельзя не согласиться, что идея разбудить и двинуть все свѣжею силою была благовременна, особенно еще подъ заревомъ Французской революціи. Но такова судьба человѣчества: высокія, благонамѣренныя и общеполезныя идеи въ мужѣ ума, власти и силы, не всегда дѣйствуютъ согласно съ духомъ мужа совѣта и желаній, долготерпѣливаго и коснаго во гнѣвѣ. Царь самъ за работою (такъ тогда говорили о возрожденіи) съ ранней зари, съ 6 часовъ утра. Генералъ-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ 5 ½ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. И. Салтыкову, въ исходѣ 6-го часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Наслѣдника. Ad exemplum regis componitur orbis *). Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ на столахъ свѣчи горѣли съ 5 часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камины ярко пылали. Сенаторы съ 8 часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ Георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспантономъ. Объ этомъ ратномъ строѣ въ послѣдствіи времени одинъ старый и разумный генералъ говорилъ мнѣ, что идея дать войскамъ свѣжую силу все же не безъ пользы прошла по Русской землѣ: обратилась-де въ постоянную и недремлющую бдительность съ грозною взыскательностью, и тѣмъ заранѣе приготовляла войска къ великой отечественной брани. Потомъ онъ же, оборотивъ медаль, говаривалъ, что отсюда починъ преобладанія наружнаго вида, всего глазамъ на показъ, замѣняющаго трудъ ума наглядною механическою работою.

За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною, былью въ кругахъ службы, не безъ удовольствія воспоминаешь, что, не взирая на то, народъ, тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ мнѣ случилось быть въ эту годину, отъ Нѣмана до Оки, до Волги и до Вологды, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы совсѣмъ въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль, да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось.

Предстояла печально-торжественная церемонія перенесенія тѣла императора Петра III изъ Невскаго монастыря въ Зимній Дворецъ. Заранѣе самъ Государь изволилъ дѣлать реког-

*) Міръ живетъ примѣромъ государя.

носцировку отъ Зимняго Дворца до Лавры. Войска отданы были подъ команду кн. Николая Васильевича, приказано собрать генераловъ на военный совѣтъ и обо всемъ окончательно распорядиться. Дня за два до этой церемоніи была другая процессія, которой унылѣе ничего въ жизни я не видѣлъ: перевозили изъ Дворца въ Невскій къ гробу Петра III государственныя регаліи. Процессія началась въ 7 часовъ вечера, въ Декабрѣ, при 20 градусахъ стужи, въ темнотѣ отъ густаго тумана. Болѣе тридцати каретъ, обитыхъ чернымъ сукномъ, цугами въ шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади съ головы до земли были въ черномъ же сукнѣ; у каждой шелъ придворный лакей съ факеломъ въ рукѣ, въ черной епанчѣ съ длинными воротниками и въ шляпѣ съ широкими полями, обложенной крепомъ; въ такомъ же нарядѣ, съ факелами же въ рукахъ, лакеи шли съ обѣихъ сторонъ у каждой кареты; кучера сидѣли въ шляпахъ какъ подъ наметами. Въ каждой каретѣ кавалеры въ глубокомъ траурѣ держали регаліи. Мракъ ночи, могильная чернота на людяхъ, на животныхъ и на колесницахъ, глубокая тишь въ многолюдной толпѣ, зловѣщій свѣтъ отъ гробовыхъ факеловъ, блѣдныя отъ того лица, все вмѣстѣ составляло печальнѣйшее позорище *).

Торжественное перенесеніе гроба со всѣми Императорскими почестями, не смотря на сильную стужу, совершилось благополучно. Войска стояли отъ монастырскихъ воротъ до Зимняго Дворца; Государь и Великіе Князья пѣшкомъ слѣдовали за колесницею; потерпѣлъ отъ стужи, говорили, только траурный рыцарь. Князь, командуя войсками, не былъ въ церкви; я за нимъ потому же. С. И. Плещеевъ разсказывалъ князю, что гробъ вскрытъ на моментъ—ни образа, ни подобія;—уцѣлѣли только шляпа, перчатки, ботфорты; а самая процессія съ перваго шага было замялась. Тотъ, кому назначено было нести корону Императорскую (гр. А. Г. О. *) зашелъ въ темный уголъ и взрыдъ плакалъ. Съ трудомъ отыскали, а еще съ бóльшимъ трудомъ убѣдили его взять корону въ трепетавшія руки. Гробъ Петра III стоялъ нѣсколько дней въ Зимнемъ Дворцѣ рядомъ съ гробомъ Екатерины. Въ день выноса въ крѣпость, гробъ Императора предшествовалъ гробу Императрицы; за симъ послѣднимъ Государь изволилъ итти пѣшкомъ въ черномъ одѣяніи, съ воротникомъ изъ кружевъ въ нѣсколько рядовъ; за нимъ Императрица, Великіе Князья и Великія Княгини, всѣ въ такомъ же глубокомъ траурѣ.

Имѣлъ я въ это время два поучительные урока. Кн. Пл. Ал. Зубовъ жилъ уже не въ Зимнемъ Дворцѣ, мало кто потому и знать любопытствовалъ, въ живыхъ ли еще его свѣтлость обрѣтался; все же онъ былъ еще генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Кн. Ник. Васильевичъ послалъ меня доложить ему о военномъ совѣтѣ по случаю перенесенія тѣла Петра III и спросить, угодно ли будетъ его свѣтлости пожаловать въ собраніе. Жилъ онъ въ домѣ сестры своей Жеребцовой на Англійской набережной. Ни души не нашелъ я ни на лѣстницѣ, ни въ передней; далѣе встрѣтилъ въ сумрачномъ углу частнаго пристава, который, удивленный, показа-

---

*) См. о вторичномъ погребеніи Петра III-го въ Р. Архивѣ 1871 года.

*) Участникъ кончины Петра III-го, гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій. *П. Б.*

лось мнѣ, нечаяннымъ явленіемъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и, допросивъ, кто я, откуда, отъ кого и зачѣмъ, сперва позамялся, потомъ бросился въ переднюю; минутъ черезъ пять дверь траурной гостиной отворилась. Князь читалъ книгу на диванѣ и всталъ, какъ я вошелъ. На блѣдномъ и уныломъ его лицѣ пробѣжало неожиданное, по видимому, удовольствіе, когда онъ услышалъ, за чѣмъ я присланъ; благодарилъ за вниманіе и сожалѣлъ, что по болѣзни не могъ быть ни въ совѣтѣ, ни въ церемоніи. Принявъ приказаніе, хотѣлъ я откланяться;—остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и распрашивалъ, откуда я, кто отецъ мой, гдѣ я учился, давно ли въ службѣ, давно ли при князѣ Николаѣ Васильевичѣ? Разговоръ этотъ онъ заключилъ, и не безъ чувства, слѣдующими словами: «Какъ вы счастливы! Я завидую вамъ: начинаете службу при великомъ всѣми доблестями государственномъ мужѣ; не всѣ такъ счастливы».

Надобно было писать къ гр. Суворову по службѣ, а вмѣстѣ и письмо, не помню о чемъ. Онъ командовалъ еще тогда войсками, кажется, въ Умани; но въ столицѣ переставалъ уже славиться знаніемъ службы. Написалъ я официальную бумагу и письмо; князь одѣвался, велѣлъ мнѣ прочитать, обѣ одобрилъ; я положилъ ихъ на столъ къ подписанію. Взялъ въ руку перо. «Это что?» съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ; бумага была написана въ формѣ отношенія.—«Да какъ я прежде писалъ официально къ графу Александру Васильевичу?“—Рапортами—„ А теперь я-де самъ фельдмаршалъ. Полно, братецъ; онъ все таки сталъ выше меня; подит-ка, напиши попрежнему: его сіятельству.... отъ фельдмаршала князя Репнина рапортъ. Да и въ письмѣ то, вижу, къ милостивый государь ты пришилъ *мой*, и это шалость. Переписать, да и впредь это помнить.»

Съ пріѣзда въ столицу до окончанія погребальныхъ церемоній князю Николаю Васильевичу при Дворѣ было какъ лучше желать нельзя. И кто у него тогда не былъ съ поклономъ? Кто и насъ не ласкалъ? Былъ у него и великій нашъ лирикъ Державинъ. Доложивъ о немъ князю, я бросился на встрѣчу къ обожаемому мною тогда творцу Фелицы, оды Богъ, Водопада, Памятника герою и проч. Князь принялъ его передъ кабинетомъ, пробылъ съ нимъ въ кабинетѣ около часа, проводилъ его потомъ до третьей комнаты и разстался съ нимъ, говоря: «Прощай другъ мой, Гаврило Романовичъ». Бывъ очевидцемъ пріема, въ которомъ съ простотою пріязни и искренняго доброжелательства соединялось уваженіе къ личному достоинству, я не могъ безъ негодованія читать лжесловнаго описанія этого самаго пріема, помнится, въ Библіотекѣ для Чтенія *), гдѣ Репнинъ выставленъ напоказъ гордецомъ, безчувственнымъ къ тогдашнему положенію Гаврила Романовича. А по запискѣ его дѣло было вотъ въ чемъ. Не везло ему тогда; приписывая эту невзгоду завистникамъ, онъ метался неудачно во всѣ углы и, исчисливъ свои труды по службѣ и по литературѣ, просилъ князя подать ему руку, подняться, доложить о немъ Императору. Отъ князя онъ, конечно, не имѣлъ, да и не могъ имѣть инаго отвѣта, какъ самаго чистосердечнаго, безъ всякаго ненавистнаго ему обнадеживанія, а поэтъ, вѣроятно, растолковалъ себѣ это иначе.

*

Скоро по пріѣздѣ князя Николая Васильевича въ столицу Императоръ

*) Не въ Библіотекѣ для чтенія, а въ Русской Бесѣдѣ. *П. Б.*

приказалъ ему послать за двумя арестантами, которые содержались въ Динаминдѣ; приказано привезти ихъ съ дороги прямо во дворецъ къ Его Величеству. Прямо туда и привезъ ихъ въ началѣ Декабря 1796 года Егоръ Егоровичъ Гине, въ послѣдствіи президентъ Лифляндскаго оберъ-гофъ-герихта. Были они скопцы изъ числа главныхъ учителей этого толка. По разсказу Гине, Императоръ довольно долго, но тихо говорилъ съ ними въ кабинетѣ; потомъ, обратясь къ Гине, велѣлъ ему отдать ихъ на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же, пока останется въ Петербургѣ, бывать у нихъ и о чемъ нужно докладывать кому слѣдовать будетъ. Гине прожилъ три недѣли въ одной комнатѣ со мною; въ одинъ вечеръ воротился въ такомъ встревоженномъ духѣ, съ лицомъ, до того разстроеннымъ, что я не узналъ его; спѣшилъ собраться въ дорогу, послалъ за лошадьми; съ нетерпѣніемъ ожидалъ князя съ куртага; откланялся,—получилъ, де, изъ дому печальное извѣстіе, — и ускакалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Гине пріѣзжалъ въ Петербургъ и жилъ у меня; тутъ только, вспоминая былое, сказалъ мнѣ, отчего тогда чуть было съ ума не сошелъ и такъ торопился уѣхать. Скопцы въ тотъ вечеръ жаловались ему на Архарова, но о себѣ не просили, а умоляли его, Гине (какъ они къ Государю другой дороги не имѣли) сказать Его Величеству, чтобы изволилъ глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ,—и то не за горами. Съ такою увѣренностью, говорилъ Гине, они предсказывали, что волосы у него дыбомъ стали на головѣ; не зналъ, на что рѣшиться; вспомнилъ о женѣ и о дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза и уши, и уѣхалъ.

Приходитъ здѣсь мнѣ на память, изъ Записокъ г-жи Оберкирхъ, между прочимъ и о путешествіи В. К. П. П. за границею, слышанный ею отъ самаго его разсказъ о призракѣ, который въ Петербургѣ являлся ему и пожалѣлъ объ немъ и объ ожидавшемъ его жребіи*); также молва, что адмиралъ Рибасъ, умершій не за долго передъ кончиною Императора, на смертномъ одрѣ захотѣлъ повидаться съ графомъ Кушелевымъ, котораго считалъ первымъ своимъ недоброхотомъ, и когда тотъ пришелъ къ нему, то онъ долго молчалъ и, помолчавъ простился съ нимъ, сказавъ только «Авось еще я встану»; и еще молва объ арестантѣ Авелѣ, который содержался въ Шлиссельбургѣ за какія-то пророчества. Захотѣли говорить съ нимъ; спрашивали его о многомъ, изъ любопытства и о себѣ. При разсказѣ Императора объ этомъ разговорѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, съ трепетомъ она зарыдала, испуганная и растроенкая.

Императоръ, не смотря ни на какую погоду, каждый день выходилъ къ разводу, рѣдко когда безъ ученья. Послѣ развода богатый завтракъ былъ во дворцѣ для офицеровъ. Спустя нѣсколько дней послѣ печальныхъ церемоній, былъ сильный морозъ съ рѣзкимъ вѣтромъ. До развода въ тотъ день флигель-адъютантъ пріѣзжалъ сказать князю отъ Государя, чтобы до стола зашелъ въ кабинетъ къ Его Величеству. У развода проходя мимо князя: «Каково, князь Н. В.?» сказалъ Императоръ. — «Холодно, Ваше Величество,» отвѣчалъ князь. Разводъ по обыкновенію долго тянулся По·

*) См. Р. Архивъ 1869, стр. 517.

томъ проводили мы князя до кареты. Черезъ полчаса онъ возвращается; мы перепугались, а онъ преспокойно сѣлъ съ нами за столъ и порядочно покушалъ. Когда онъ по приказанію хотѣлъ войти въ кабинетъ: не велѣно пускать тѣхъ, кому холодно, сказалъ ему Кутайсовъ; и съ того дня стало вдругъ такъ смирно и тихо около князя! Отъ «холодно» Богъ вѣсть какимъ образомъ родилась холодная оппозиція противъ новыхъ воинскихъ строевъ. Не на долго однакожъ: скоро все пошло по прежнему, хотя также не надолго.

Въ самомъ началѣ 1797 г. на стеклянномъ заводѣ одного изъ Вологодскихъ помѣщиковъ, Поздѣева, крестьяне (всѣхъ ихъ было не болѣе 400 душъ) перестали исправно выходить на работу; приказчикъ изъ дворовыхъ не умѣлъ съ ними сладить; закричалъ исправнику—бунтъ; исправникъ губернатору; губернаторъ, чтобы не пропустить почты, генералъ-прокурору; сей послѣдній Императору—бунтъ! Слонъ выросъ изъ мухи, и кто же могъ предупредить повсемѣстный пожаръ, какъ не князь Николай Васильевичъ? Послали князя въ Вологду спасать отечество, и въ тотъ же день отправленъ туда на подводахъ Егерскій гвардейскій баталіонъ съ полковникомъ, помнится, Рачинскимъ *).

Въ это путешествіе князь заѣзжалъ къ княгинѣ Дашковой, которая витала тогда въ Череповскомъ своемъ захолустьѣ, верстъ за десять въ сторонѣ отъ дороги въ Вологду черезъ Тихвинъ. Въ числѣ знаменитостей предъидущаго царствованія суждено было и ей удалиться въ пустыню. Въ крестьянскихъ пошевенькахъ въ одну лошадь (иначе невозможно было проѣхать по замерзшимъ тундрамъ) онъ нашелъ ее въ деревнишкѣ ея Коротовой, въ крестьянской избѣ, въ опальномъ одиночествѣ, въ длинномъ мужскомъ сюртукѣ изъ сѣрой байки, съ подобіемъ чепца на головѣ, со щитомъ на груди — звѣздою ордена Екатерины отъ внезапной напасти, въ страхѣ и чаяніи грядущихъ. Неописанно утѣшенная неожиданнымъ посѣщеніемъ, она встрѣтила гостя радостнымъ словомъ: Въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ **).

Пріѣхали въ Вологду гусемъ по глубокимъ снѣгамъ. Губернаторъ Шамшевъ встрѣтилъ князя обычнымъ благовѣстіемъ, что и въ губернскомъ городѣ обстояло благополучно и во всей губерніи тишина царствовала. Не успѣли мы еще порядочно обогрѣться, какъ фельдъегерь прискакалъ съ высочайшимъ собственноручнымъ рескриптомъ, въ которомъ Императоръ, возлагая всю надежду въ столь важномъ происшествіи на испытанную преданность князя къ нему и къ отечеству, требовалъ немедленнаго увѣдомленія, — не нужно ли личное присутствіе Его Величества въ Вологдѣ для совершеннаго усмиренія бунта?

Былъ я тогда очень молодъ, а начиналъ понимать, какъ мало совѣсти въ людяхъ, когда не тому-другому нужно съ рукъ сбыть антипода по мыслямъ и намѣреніямъ: ничѣмъ не дорожатъ, ниже славою, ниже покоемъ того самаго лица, которое осыпаетъ ихъ почестями и благодѣяніями. Такая неблагодарность въ послѣдствіи нерѣдко

*) Подробности см. въ Р. Архивѣ 1869, стр. 525.

**) Въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Архива кн. Воронцова будутъ помѣщены письма княгини Дашковой изъ ея ссылки. *П. Б.*

поражала меня. Не знаю въ жизни ни горшаго несчастія, какъ заблуждаться, ни бо́льшаго грѣха, какъ держать другаго въ заблужденіи по своимъ видамъ.

Три недѣли пробыли въ Вологдѣ; надобно было послать за бунтовщиками, а они жили не близко. Между тѣмъ самъ помѣщикъ, пріѣхавъ въ свое имѣніе, совершилъ на мѣстѣ судъ и расправу патріархальнымъ порядкомъ: посѣкъ пьяныхъ буяновъ, и все пошло по прежнему. Привезли бунтовщиковъ. Повалились къ ногамъ князя: «Съ дурости, ваше сіятельство, ей Богу съ дурости! Выпили грѣшные люди! Народъ темный! Согрѣшили передъ Богомъ. Баринъ, отецъ нашъ! заступись за насъ у его сіятельства.» Все кончилось тихо и смирно; баталіонный командиръ только сѣтовалъ, что возвращался безъ побѣдныхъ лавровъ.

Вологодскіе дворяне какъ по заказу сбѣжались. Губернаторъ крайне заботился, не оставить бы фельдмаршала безъ общества. Князь побоялся отдать себя въ кабалу на вечера; къ столу принималъ; за обѣдомъ каждый день было до 15 собесѣдниковъ. До обѣда другаго разговора не было, какъ только о сельскомъ хозяйствѣ: «Сысой Панкратіевичъ говоритъ *такъ* у него, а у васъ, Трофимъ Савельевичъ, *какъ*?» — И каждый, видя съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ его слушали, не истощался въ объясненіяхъ объ ужи́нѣ и умолотѣ. За столомъ же съ перваго раза, какъ показались Вологодскіе рыжички, они одни и играли исключительную роль. За то князь говорилъ, что онъ въ Вологдѣ прошелъ полный курсъ науки о приготовленіи рыжичковъ. Нельзя было довольно надивиться доступности его, простотѣ въ обращеніи съ величіемъ въ лицѣ и походкѣ, искусству равняться съ другими, не показывая и вида того. Въ Вологдѣ были еще тогда богатые домы купцовъ Митрополовыхъ. Одинъ изъ нихъ позвалъ князя къ себѣ на обѣдъ. Послѣ привѣтствій фельдмаршалъ спросилъ у хозяина: гдѣ же хозяйка дома?—Какъ ей смѣть показаться въ присутствіи вашего сіятельства? — Поведите же меня къ ней.—И вышелъ съ нею объ руку; повелъ ее къ столу и посадилъ подлѣ себя.

Собирались мы въ обратный путь, какъ князь получилъ повелѣніе спѣшить, по укрощеніи Вологодскаго бунта, для того же въ Орелъ, куда уже двинуты были: гусарскій Линденера и пѣхотный князя Алексѣя Ив. Горчакова полки съ артилеріею.

Въ Брасовѣ, главномъ селѣ имѣнія Степана Степановича Апраксина, скопилось до 12 т. крестьянъ своихъ и пришлыхъ: бросили господскія работы, опустошили запасы хлѣба для винокуренія, выкатили изъ подваловъ бочки съ виномъ и пьяные провозгласили себя государевыми; убили управителя, а присланнаго на слѣдствіе совѣтника губернскаго правленія держали въ кандалахъ подъ карауломъ; провѣдавъ о войскѣ, что шло къ нимъ, устроили батарею на погостѣ противъ главной улицы селенія, отыскали на господскомъ дворѣ порохъ и полдюжины пушекъ и открыли огонь, какъ только войско показалось. На требованіе выслать стариковъ, лучшихъ людей, выдать зачинщиковъ и повиниться, отвѣчали пальбою съ погоста. Вдругъ толпа съ погоста и съ улицы ринулась съ крикомъ: бери пушки! Двѣ пушки поставлены были противъ улицы у въѣзда въ село. Одинъ выстрѣлъ картечью, и вся толпа на колѣна, и

бунту конецъ. Сами выдали зачинщиковъ съ проклятіями и обычнымъ воплемъ: люди мы темные, народъ неученый, пьяное дѣло. Больно контуженъ при этомъ Линденеръ; поставленъ былъ съ полкомъ за погостомъ, хотѣлъ поговорить съ стариками и подъѣхалъ къ батареѣ. Тутъ одинъ изъ выборныхъ (самъ этотъ арестантъ разсказывалъ намъ) зашедши сзади, огромною дубиною со всего маху въ спину пугнулъ генерала. «Ахъ! ты нехристь! что ты толкуешь православнымъ ломанымъ своимъ языкомъ?»

*

Воротился князь Николай Васильевичъ изъ Орла въ Павловскъ передъ отъѣздомъ Двора въ Москву къ коронаціи. Помѣстили его во дворцѣ, только на рукахъ не носили, и до Москвы онъ ѣхалъ въ одной каретѣ съ Императоромъ и Императрицею. Отпустивъ меня съ послѣдняго ночлега, приказалъ мнѣ пріѣхать за нимъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ Государь имѣлъ пребываніе до торжественнаго вшествія въ первопрестольный градъ.

Въ день прибытія всѣ, въ толпѣ и я, были свидѣтелями магической силы слова, сказаннаго кстати и во время. Митрополитъ Платонъ, когда Ихъ Величества вышли принимать поздравленія, сказалъ краткую рѣчь съ лицемъ, по тогдашнему недугу его блѣднымъ и страждущимъ, но голосомъ свѣтлымъ и съ какимъ-то отъ души чувствомъ. Императоръ до того растрогался, что закрылъ платкомъ лицо и заплакалъ; Императрица за нимъ, и во всемъ собраніи развѣ десятый не плакалъ. «Преосвященный, громко сказалъ ему Государь, отирая слезы, не забылъ я, сколько я обязанъ вамъ, и признательность мою покажу передъ свѣтомъ.» Въ тотъ же день присланъ ему Андреевскій орденъ.

Въ Вербное Воскресеніе совершился торжественный въѣздъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободскій дворецъ. На страстной недѣли два раза была въ присутствіи Государя рекогносцировка въ Кремлѣ, гдѣ войскамъ стоять въ день коронаціи. Коронація совершилась въ Свѣтлое Воскресенье 7-го Апрѣля. Князь Николай Васильевичъ командовалъ войсками; Карнѣевъ и я были за нимъ. Императоръ, въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, подъ балдахиномъ шелъ изъ собора въ соборъ бодрымъ шагомъ и съ веселымъ лицемъ. Поровнявшись съ княземъ: Fais—je bien mon rôle, mon prince? сказалъ ему; а Императрица, слѣдуя за нимъ, тутъ же два раза вслухъ повторила: Mais plus doucement, mon ami, plus doucement *). На другой день Императоръ и Императрица на тронѣ въ грановитой палатѣ принимали поздравленія. Тутъ читанъ списокъ пожалованныхъ въ предъидущій день милостей; однихъ крестьянъ, говорили, болѣе ста тысячъ душъ, земли по 15 десятинъ на каждую душу. Здѣсь между прочимъ всѣ офицеры, переведенные изъ Гатчины въ гвардію, получили значительныя имѣнія.

Въ досужный отъ нарядныхъ тогда праздниковъ день кн. Николай Васильевичъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ стариковъ, давнишнихъ пріятелей и сослуживцевъ. За столомъ было, со внукомъ хозяина и съ нами, двумя адъютантами, шестнадцать персонъ, безъ насъ троихъ юношей — невступно полное тысячелѣтіе. Старики встрѣтились радостно, какъ родные послѣ

*) Князь, хорошо ли я выполняю мою роль? — Но потише, мой другъ, потише.

долгой разлуки, отъ удовольствія помолодѣли; бесѣда оживлялась воспоминаніями; каждый прилагалъ свое къ взаимной общей потѣхѣ, безъ оглядки на себя, съ свободною простотою и чистосердечіемъ. Совсѣмъ, кажется, сошло у насъ въ гробъ съ стариками умѣнье вести въ обществѣ такія умныя и вмѣстѣ пріятнѣйшія бесѣды. Отъ стола съ возвеселившимся сердцемъ, проходя мимо бюста покойной Императрицы, словно опомнились, остановились, молча смотрѣли какъ на живую, молча, взглянувъ другъ на друга, отерли глаза и отошли.

Изъ Москвы Императоръ изволилъ отправиться въ Литву. Князь Н. В., Литовскій военный губернаторъ, принялъ Его Величество въ Гроднѣ. Во все время пребыванія въ Литвѣ Государь былъ отмѣнно доволенъ и веселъ; да и въ пути, по разсказу очевидцевъ изъ свиты, незабавный случай былъ лишь одинъ, но и тотъ окончился смѣхомъ по милости таракана. Его Величество желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты, гати и дѣлать какія бы то ни было приготовленія. Въ Смоленской губерніи Государь замѣтилъ на мосту по неубраннымъ щепамъ свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ кн. Безбородко написать что-то весьма не легкое. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его Величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу: «Намъ здѣсь рады», сказалъ пришедшему.—Столько ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко. — А что съ нимъ?—Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку; боится, какъ огня, таракановъ; выскочилъ изъ избы и какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ. — «Въ погоню за нимъ и сюда привести.» «Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте» *).

Разводы и ученья, полковыя и баталіонныя, въ Вильнѣ и Гроднѣ, шли препорядочно и съ похвалою. Не такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, было бы въ Ковнѣ, если бы тамъ шефъ полка, Таврическаго гренадерскаго, что̀ былъ кн. Потемкина, полуслѣпой и ветхій Якоби совсѣмъ не оглохъ. Пришелъ онъ съ полкомъ въ Литовскую инспекцію въ отсутствіе кн. Н. В. изъ Литвы, былъ подъ судомъ и подъ спудомъ въ продолженіи не одной земской давности; нечаянно назначенъ шефомъ полка и произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Взглянувъ на роту, приготовленную къ разводу и съ перваго шага увидѣвъ, что тамъ все еще было по старому, Императоръ обратился къ шефу не безъ гнѣвнаго слова. Тотъ со слезами благодарилъ за всемилостивѣйшій отзывъ о полку и о немъ. Подоспѣлъ князь съ докладомъ, что старикъ, совсѣмъ оглохлый, плохо и видѣлъ. Тутъ же велѣно генералъ-адъютанту отдать въ приказѣ объ увольненіе Якоби отъ службы по прошенію за старостью съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Смотря на роту, Его Величество изволилъ сказать: «Львы, а не люди, да неучь»; и тутъ же приказалъ барону А. А. Аракче-

---

*) Читалъ я описаніе этого случая, цѣлую драму, гдѣ М. М. Философовъ не пустилъ Императора въ соборную церковь въ Смоленскѣ, пока онъ не простилъ предводителя. Философовъ, хотя былъ тогда Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ, но Государя въ Смоленскѣ не видѣлъ, находился на ту пору въ Минскѣ по особому порученію. Самый мостъ, предметъ драмы, былъ гораздо за Смоленскомъ къ Бѣлоруссіи.

еву остаться въ Ковнѣ, выучить полкъ. Адъютанта его не было съ нимъ; оставленъ я при немъ.

Шесть недѣль находился я при Алексѣѣ Андреевичѣ, и два раза въ день, съ ранней зари и послѣ обѣда, подготовлялъ полкъ на смотръ ему и на ученье. Онъ былъ тогда въ полномъ разгарѣ ратнаго рвенія; къ тому же довѣріе, по которому онъ, въ неожиданномъ отдѣленіи (Государь возвратился въ столицу черезъ Ригу) остался на берегу Нѣмана, не совсѣмъ, казалось мнѣ, было ему по сердцу. Отъ всего этого, чего я тутъ не видѣлъ, чего не слышалъ! Самъ же до сей поры не понимаю, какъ тогда все сходило съ рукъ мнѣ. Не только нынче, но и тогда не было во мнѣ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ томъ, чтобы самый младшій изъ офицеровъ не зналъ во сто разъ лучше меня хитросплетеній воинскаго строя. При всемъ томъ не постигаю, откуда бралась тогда во мнѣ такая находчивость, что ни ротные, ни баталіонные начальники, ни самъ полковой командиръ, старый служака Булгаковъ, не замѣчали темнаго невѣжества въ животрепещущей моей скороговоркѣ и по какому-то затмѣнію себя же называли непонятливыми. Самъ Алексѣй Андреевичь, при прощаньи съ полкомъ, благодаря всѣхъ за усердіе, благодарилъ и меня за содѣйствіе ему въ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на него порученія; тоже писалъ и фельдмаршалу, похваляя способность мою къ военному дѣлу. Читая это письмо, князь, посмотрѣвъ на меня съ ногъ до головы, молвилъ: таковскій!

Сколько строгъ и грозенъ былъ Алексѣй Андреевичъ передъ полкомъ, столько же дома былъ привѣтливъ и ласковъ. Походное хозяйство, по лучшему моему въ этой части разумѣнію, тотчасъ образовалось. Поручено мнѣ пригласить офицеровъ однажды навсегда на чай къ А. А. послѣ вечерняго ученья. Собиралось каждый день человѣкъ 10—15. Послѣ обычныхъ вопросовъ, откуда кто, давно ли въ службѣ, былъ ли въ походахъ, генералъ благосклонно и вразумительно изъяснялъ равненіе строя, плутонги, эшелоны, пуань-де-вю, пуань-д'аппюи и прочія мистеріи воинскаго устава; дозволялъ, даже и не безъ удовольствія; вопросы себѣ, отвѣчалъ терпѣливо и съ знаніемъ дѣла; самъ вопросами удостовѣрялся, хорошо ли понято, о чемъ вчера говорено.

Два раза въ недѣлю А. А. отправлялъ длинныя письма къ Государю Наслѣднику Цесаревичу, а мнѣ поручалъ списывать ихъ отъ слова до слова для архива его. Каждое письмо начиналось, каждое же и оканчивалось, хотя не всегда въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіямъ, изліяніемъ изъ глубины сердца одной и той же приверженности душевной, живѣйшей, вѣчно непоколебимой; а между началомъ и заключеніемъ каждое письмо наполнялось пространнымъ описаніемъ, съ перваго шага—невѣдѣнія во всѣхъ строевыхъ эволюціяхъ, потомъ—надежды къ исправленію при неусыпномъ трудѣ о точномъ исполненіи монаршей воли, наконецъ—вождѣленныхъ успѣховъ и усовершенія.

Кратковременная бытность моя подъ начальствомъ гр. А. А. не осталась безъ возмездія: при всякой встрѣчѣ онъ узнавалъ меня; иногда жалъ мнѣ и руку, а когда я приходилъ къ нему съ бумагами по разнымъ комитетамъ, то никогда не заставлялъ дожидаться, что̀ въ ту пору имѣло свою пріятность. Рано еще теперь, да и не мнѣ, судить о гр. А. А. Аракчеевѣ; не въ судъ же и не въ осужденіе будь сказано, что

въ положеніи, въ которое судьба завела его, онъ едвали и могъ не почитать себя государственнымъ человѣкомъ, и мнился потому службу приносити Россіи.

По возвращеніи изъ Риги фельдмаршалъ скоро отправился по инспекціи и изъ адъютантовъ взялъ меня съ собою: привыкъ ко мнѣ, жаловалъ меня, такъ что и секретныя бумаги, и деньги, и бриллiанты, и весь походный домъ его были на моихъ рукахъ. За то и я, при всей моей тогда вѣтренности, ничего такъ не боялся, какъ навлечь на себя его неудовольствіе; любилъ его, какъ отца и съ 7 часовъ утра до 9-ти вечера не отходилъ отъ него. Оттого во все время службы при немъ ни однажды не удалось мнѣ быть въ обществѣ молодыхъ людей, а послѣ охота отпала. Такая отеческая милость его ко мнѣ не мѣшала ему быть взыскательнымъ и строгимъ по службѣ; ни малѣйшей неисправности, ни минутнаго упущенія онъ не оставлялъ безъ замѣчанія мнѣ, иногда и не безъ гнѣва. Чувствительнѣйшее для меня изъ подобныхъ взысканій было слѣдующее. Приказано мнѣ написать, не помню о чемъ, отношеніе къ канцлеру; написано, поправлено, мнѣ же велѣно и переписать его тотчасъ послѣ обѣда; фельдъегерь изъ заграницы остановленъ въ Вильнѣ за этой депешей. Случись это на бѣду въ тотъ день, въ который дамы Виленскія просили князя на каву въ Закретъ *). Отправились съ нимъ верхомъ на лошадяхъ десятка три кавалеровъ,—какъ и мнѣ тамъ же не быть? Дамы выходили уже на встрѣчу, какъ онъ, завидѣвъ меня, спросилъ: «И вы здѣсь? А отношеніе къ канцлеру? Воротиться»;—велѣно тотчасъ переписать. Нельзя же было мнѣ, посрамленному такъ явно и гласно, не надуться. Подписавъ бумагу: «служба, другъ мой,—сказалъ мнѣ,—требуетъ точности; стерпится, слюбится». По службѣ онъ всегда и со всѣми былъ строгъ и взыскателенъ; за то и люди выходили изъ его школы. Назову нѣкоторыхъ, кого зналъ лицемъ къ лицу: Я. И. Булгаковъ, Н. А. Львовъ, Д. П. Трощинскій, Н. П. Панкратьевъ, И. А. Алексѣевъ, кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій, Я. Д. Мерлинъ, Ѳ. И. Энгель, П. А. Багмевскій, Н. И. Литке, Е. Е. Гине, И. Н. Инзовъ, Е. В. Карнѣевъ. Никто изъ нихъ по службѣ не ударилъ лицемъ въ грязь, а духъ Репнина и по кончинѣ его соединялъ всѣхъ насъ, не смотря на разстояніе въ лѣтахъ, чинахъ и почестяхъ, взаимною, словно родственною любовью и доброжелательствомъ.

Пріѣхавъ въ Полангенъ для смотра 4 егерскаго баталіона, князь занемогъ и три дня пробылъ у командира, подполковника Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Послѣ смотра, при отъѣздѣ, Михаилъ Богдановичъ верхомъ на лошади провожалъ его. Замѣтивъ это, князь остановился, обнялъ и отпустилъ подполковника, а мнѣ сказалъ: «Отличнѣйшій офицеръ Михайло Богдановичъ; мнѣ не дожить до того, а вы увидите, какъ онъ далеко пойдетъ и по заслугѣ и съ пользою». Рѣдкій даръ имѣлъ князь Николай Васильевичъ предузнавать людей. Такъ и послѣ того, отлучаясь за границу, онъ назначилъ на свое мѣсто, по предоставленной ему Императоромъ власти, инспекторомъ Литовской арміи младшаго изъ всѣхъ тамъ бывшихъ генераловъ, генералъ-маіора барона (въ послѣдствіи фельдмаршала, графа и князя) Сакена, по совѣсти, писалъ Государю, и убѣжденію для пользы служ-

*) Закретъ—въ Вильнѣ за городомъ гулянье. На каву—попольски на кофе.

бы; а были тамъ не только генералъ-маіоры старше его, но и генералъ-лейтенанты и генералы отъ инфантеріи.

Возвращаясь въ Вильну, князь не долго могъ заниматься устройствомъ края, не долго и пожилъ по прежнему. Всемилостивѣйше дозволено было ему имѣть за столомъ и болѣе положенныхъ по уставу фельдмаршалу приборовъ; вызванъ въ Августѣ на маневры въ Гатчину и поселенъ во дворцѣ, гдѣ и мы, Карнѣевъ и я, преизобильно снабжаемые всѣмъ изъ придворнаго буфета и кухни, въ маслѣ катались.

Первые это были маневры по восшествіи на престолъ Императора. Командовали — авангардомъ Наслѣдникъ Цесаревичь, аріергардомъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, фельдмаршалъ кн. Репнинъ былъ главнокомандующимъ. Не проходило дня безъ дождя, не взирая на то все шло превосходно. Государь оттого былъ еще довольнѣе и веселѣе. И въ мелкихъ стычкахъ и въ главныхъ битвахъ случилась лишь одна невзгода, — пыжъ изъ пушки угодилъ въ ребро фельдмаршалу Каменскому: приказано контуженнаго охранно отнести въ вагенбургъ. За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Адъютанты, въ томъ числѣ и я, пріютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождями, Императоръ, изустно повторивъ все то, что было отдано въ приказѣ, особенное всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать (такъ у меня записано): „Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось, вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія Россійскаго.“ Маневры заключились парадомъ, на которомъ, проходя мимо Императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ Императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ, оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ.

Въ это время по общему производству поступилъ я въ поручики, и когда у развода благодарилъ Государя по тогдашнему обряду съ колѣнопреклоненіемъ, съ лобзаніемъ руки Его Величества и принятіемъ отъ него лобзанія въ щеку, Императоръ взялъ меня за палецъ и, обратясь къ князю Н. В., спрашивалъ: хорошо ли служу, кто отецъ мой, богатъ ли?, а на отвѣтъ: что отецъ мой ѣстъ и булку по праздникамъ, изволилъ пожать мнѣ палецъ и сказалъ съ царскою улыбкою благоволенія: «Служи, примѣръ у тебя передъ глазами; прочее придетъ».

По снѣгу уже отпустили князя въ Вильну. На дорогѣ въ Литвѣ мы встрѣтили старика Тимана (отставной маіоръ), который изъ за границы ѣхалъ на житье къ князю по древней къ нему привязанности. Нельзя было желать разумнѣйшаго, болѣе начитаннаго, болѣе богатаго разнородными свѣдѣніями и любезнѣйшаго собесѣдника - христіанина. Былъ онъ нѣкогда отправленъ, по назначенію покойной Императрицы, за границу съ гр. Бобринскимъ и другими молодыми людьми; не могъ ужиться съ ними, въ Неаполѣ отсталъ отъ нихъ и съ той поры, съ однимъ вѣрнымъ червонцемъ на прожитокъ въ сутки, бѣгалъ по бѣлому свѣту и изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ не былъ только въ Константинополѣ; живалъ

по году, по два при разныхъ Нѣмецкихъ дворахъ, былъ въ сношеніи съ извѣстнѣйшими учеными тогдашняго времени, зналъ и Месмера и Каліостро, живой Conversation-Lexicon, съ здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ на дѣла и на вещи; пріѣхалъ умереть въ домѣ кн. Н. В., но прежде его похоронилъ. Не наслушаешься бывало этого добраго, умнаго и всегда веселаго старика. Не изъ послѣднихъ магнетизеровъ, онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вовсе пересталъ магнетизировать. Я долго ходилъ за нимъ, чтобы узнать, отъ чего онъ, христіанинъ, не внемля никакимъ убѣжденіямъ, бросилъ этотъ способъ помогать страждущимъ, между тѣмъ какъ самъ же разсказывалъ о полезномъ дѣйствіи магнетизированія въ разныхъ болѣзняхъ. По словамъ его, въ искренности которыхъ не находилъ я и не нахожу причины усомниться, магнетизируя, онъ чувствовалъ силу, которой не замѣчалъ въ себѣ въ обыкновенномъ, нормальномъ своемъ состояніи; возбужденіе въ себѣ этой силы онъ не приписывалъ одному необходимому и рѣшительному, въ такхъ случаяхъ, напряженію мысли и воли, а разбирая себя не понималъ, что̀ то за сила и откуда она; по этому единственно недоумѣнію пересталъ магнетизировать, хотя магнетизировалъ довольно удачно и всегда безмездно. «Обѣдняу Русскихъ, — сказалъ онъ мнѣ при этомъ, — оканчивается молитвою, гдѣ говорится, что всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ отъ Отца Свѣтовъ; свѣтъ — премудрость, которая въ душу злохудожную не входитъ и въ тѣлѣ повинномъ грѣху не живетъ».

Князь надѣялся воротиться на долго въ Вильну, куда и семейство его прибыло. Подъ начальствомъ его были Литва, Лифляндія, Эстляндія и до 70 т. войска, а насъ при немъ всего было шестеро. Дѣла намъ было много, слишкомъ много, при большой и скорой тогда ломкѣ и переломкѣ, а шло. Князь, отдавъ приказанія по бумагамъ, на иныя не рѣдко самъ диктовалъ мнѣ отвѣты или представленія, гдѣ не всегда перемѣнялъ слова два-три: такъ они были рѣшительны, ясны и полны. Выраженія «поступить по законамъ, по усмотрѣнію, по мѣстному соображенію обстоятельствъ» были антиподы его; не употреблялъ и не терпѣлъ ихъ. Надо писать, говорилъ, такъ, чтобы никому не нужно было ломать себѣ голову, какъ исполнить предписанное, и неудачу сваливать съ себя на другаго не должно.

При всемъ томъ рѣдкій день онъ не выходилъ къ разводу. Я всегда былъ при немъ, какъ младшій изъ адъютантовъ. Кто не поспѣвалъ къ нему въ домъ, подавали меморіалы на улицѣ. Такъ однажды мальчикъ везъ за веревку тележку, въ которой сидѣла, согнувшись, тѣнь человѣка. Надѣвъ очки, князь всматривался и приказалъ мнѣ распросить, кто онъ, что̀ нужно ему и какъ онъ старъ. Подавая иссохшею рукою меморіалъ, старикъ-шляхтичь сказалъ, что ему 114 лѣтъ, въ чемъ по видимому грѣшно было и усомниться; а въ меморіалѣ просилъ о рѣшеніи процесса объ уволокѣ земли, захваченной у него богатымъ сосѣдомъ еще при Августѣ III. — Есть-ли родня? — Ни роду, ни племени. — Сколько дохода надѣется имѣть отъ той уволоки? — До трехъ червонцевъ. — Будетъ ли доволенъ, если я буду давать ему 25 червонныхъ въ годъ, пока онъ живъ, да затѣмъ перестанетъ-ли тягаться? — Дорога старику была уволока; не тотчасъ, а согласился. Велѣно мнѣ отнести ему 25 червонныхъ за первый годъ и усло-

виться, куда впредь высылать; а адвокатъ подалъ просьбу въ судъ о прекращеніи тяжбы. «Стыдно и срамно для человѣчества, сказалъ князь, въ такой старости и немощи тягаться изъ пяди земли». Вообще онъ не умѣлъ пройти мимо просящаго, не сказавъ мнѣ: «подай ему, другъ мой», и я каждый разъ, выходя съ полнымъ серебра, возвращался съ пустымъ карманомъ. Однажды, прошедши мимо нищаго и тоже сказавъ мнѣ, онъ воротился къ нему и вынувъ, сколько захватилъ, изъ кошелька серебра и золота, положилъ мнѣ въ руку. Я подалъ ему.—„Видно больше ему нужно: сердце покоя не давало.“

Удивительны были всегдашняя готовность его на помощь нуждающимся и великодушіе. Сопернику, который велъ съ нимъ незаконную тяжбу объ имѣніи изъ трехъ тысячъ душъ крестьянъ, онъ, по рѣшеніи дѣла въ его пользу, подарилъ эти три тысячи душъ для дѣтей его, оставшихся безъ кола и двора. Нѣкто получилъ отъ него изъ моихъ рукъ сто тысячъ рублей. Выборные изъ пожалованнаго ему Императоромъ въ Нижегородской губерніи на Волгѣ имѣнія, шесть тысячъ душъ, явились къ нему съ просьбою отъ міра не посылать къ нимъ управителя и получать отъ нихъ по 90/т. рублей въ годъ. Управителя не послалъ, а оброку назначилъ по 60/т. руб. въ годъ. По старымъ, адъютантами писаннымъ приходамъ и расходамъ, онъ втайнѣ издержалъ до 200 тысячъ рублей на пособія офицерамъ и даже солдатамъ въ Очаковскую кампанію. Расточи, даде убогимъ. Изъ всѣхъ его дѣлъ любви къ ближнему, извѣстныхъ и скрытныхъ, особенно прекрасны двѣ черты его великодушія. — Командовалъ онъ войсками въ Уманѣ (*) и неожиданно получилъ другое назначеніе; на подъемъ при этомъ Императрица приказала выдать ему 60/тысячъ рублей. Начальникъ коммиссіи, откуда эта сумма была назначена, проигравъ въ карты больше того, не зналъ, куда броситься, въ огонь или въ воду или въ казенный сундукъ, — рѣшился на послѣдній. Львовъ долженъ былъ открыть князю тайну. Князь призвалъ къ себѣ начальника коммиссіи, крѣпко журилъ его, потомъ вынесъ ему изъ кабинета росписку въ полученіи изъ комиссіи 60/т.р. и его же просилъ пріискать ему денегъ въ займы. Изъ конфискованныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ пожаловано ему 5 или 6 тысячъ душъ крестьянъ, принадлежавшихъ одному изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ Польскихъ сановниковъ, семидесятилѣтнему графу Огинскому, у котораго за конфискаціею, болѣе 30 т. душъ, едвали осталась одна полная тысяча червонныхъ въ годъ на прожитокъ. Пославъ принять имѣніе, онъ велѣлъ узнать, сколько дохода получалъ оттуда прежній помѣщикъ и высылалъ ему по смерть его, въ продолженіи 6 или 7 лѣтъ, тотъ же доходъ, по пяти тысячъ червонныхъ ежегодно. Нельзя не влюбиться въ такую чистую, высокую и свѣтлую душу.

(*) Разсказывалъ мнѣ это Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, тогда генеральсъ-адютантъ его; подтвердилъ мнѣ тоже и самъ виноватый.

Въ началѣ Марта 1798 года князь вновь получилъ отъ Императора собственноручное приглашеніе прибыть въ столицу и принятъ съ отличною милостью. Назначено ему отправиться въ Берлинъ къ коронаціи, Huldigung, короля Фридриха Вильгельма III. Сверхъ Тимана и трехъ адъютантовъ: Ивана Никитича Инзова, Карнѣева и меня, онъ взялъ съ собою старшаго внука своего, князя Николая Волконскаго (потомъ Репнина). Остановка была за секретною инструкціею, за которою не одинъ разъ

я ходилъ къ канцлеру кн. Безбородкѣ. Находилъ я канцлера въ 6 часовъ утра каждый разъ въ безпрекословной преданности лихому парикмахеру. Въ послѣдній разъ, какъ только завидѣлъ меня сквозь облако пудры: «За инструкціею? пишу, пишу (сказалъ мнѣ съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ), вчера лишь получилъ приказаніе отъ Его Величества; надобно было дождаться отвѣта изъ Вѣны». Дѣйствительно, между тѣмъ какъ художникъ трудился надъ волосами его, онъ продолжалъ писать карандашемъ на колѣнахъ и написанные листы бросалъ на полъ. Удивлялись въ свое время быстротѣ и легкости князя Безбородки въ работѣ; но въ этомъ, кажется, не много чудеснаго, когда съ хорошею памятью все напередъ порядочно обдумано. Переломъ въ дѣловомъ слогѣ у насъ отъ князя Безбородки.

Князю Виктору Павловичу Кочубею достались отъ него разныя рукописи; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи онъ поручалъ мнѣ переводить: такъ онѣ писаны связно и неразборчиво карандашемъ на скорую руку; во всѣхъ заключались здравыя и свѣтлыя мысли, дѣльное и основательное знаніе.

Двѣ бумаги были особенно для меня замѣчательны: о государственныхъ фондахъ и о раздѣленіи внутренняго управленія въ государствѣ на министерства, о чемъ вѣроятно и тогда уже думали. Не жаловалъ князь Александръ Андреевичь ни министерствъ, ни министровъ; боялся отъ того въ самодержавномъ правленіи какого-то ущерба въ единой власти, а болѣе всего самолюбія съ властью въ рукахъ и безотчетностью.

Былъ у него подкамердинеръ Степанъ, отпущенъ на волю и долго впослѣдствіи служилъ у меня по найму; много разсказывалъ мнѣ о послѣднемъ времени его жизни. Былъ спокоенъ; но задумчивъ, любилъ уединяться; одинъ гр. Петръ Васильевичь Завадовскій входилъ къ нему безъ доклада. Однажды Степанъ отворилъ ему дверь кабинета; графъ въ удивленіи на порогѣ остановился: «Помилуйте князь Александръ Андреевичь (говорилъ) какое малодушіе! На что это похоже!» Князь на колѣнахъ молился; услышавъ голосъ гостя, вскочилъ, отиралъ слезы и извинялся. Когда болѣзнь его усилилась такъ, что онъ слегъ, да никого изъ чужихъ притомъ у него не было, то онъ читалъ не рѣдко со слезами, не большую не Русскую книжку съ картинкою, распятіемъ, и пряталъ ее подъ подушку, когда кто входилъ къ нему. Увидѣвъ у меня Подражаніе Іисусу Христу на Французскомъ языкѣ съ тѣмъ же изображеніемъ, Степанъ сказалъ, что точно такую книжку князь Александръ Андреевичь любилъ читать, пока могъ, на смертнотъ одрѣ.

*

Съ большимъ удовольствіемъ я поѣхалъ за границу: поѣздки въ чужіе края не были еще тогда такъ обыкновенны, какъ нынче; но надежды мои съ перваго шага осѣклись. Ни Берлинъ и песчаныя окрестности его, ни праздники, по случаю Huldigung, при дворѣ и у знати, ни военные парады, ни коллекціи рѣдкостей (для науки было въ нихъ не мало, для глаза не много) ни произведенія изящныхъ художествъ, ни сліяніе шума и скрипа мельничныхъ колесъ по сосѣдству со звуками музыки въ бѣлой залѣ королевскаго замка, ни переданные потомству въ мраморахъ герои семилѣтней войны (одинъ въ Испанскомъ парикѣ и Римской тогѣ, другой въ огромной треугольной шляпѣ на го-

ловѣ съ косою въ аршинъ по хребту, третій въ полномъ гусарскомъ облаченіи и т. д.) ни завѣтный по вечерамъ побѣгъ Берлинскихъ гражданъ ins grüne, гдѣ тысячи садились въ тѣни Тиргартена за длинные столы (молчатъ, мужъ съ трубкою во рту передъ кружкою пива, жена съ чулкомъ и съ вѣчнымъ движеніемъ пальцевъ передъ тою же кружкою) все это не было ни прелестно, ни ослѣпительно. За то я не рѣдко являлся съ глубокимъ почтеніемъ къ живымъ еще тогда современникамъ Фридриха Великаго, то съ вопросомъ, то за отвѣтомъ отъ князя. Суждено же было и имъ старцамъ дожить до Іены!

Отъ Французскаго правительства присланъ былъ къ коронаціи извѣстный въ революціи Сіесъ. Ни старъ, ни молодъ, средняго роста, съ кошачьими глазами, съ багровымъ цвѣтомъ въ угрюмомъ лицѣ, не словоохотливый, на Француза по всему этому мало похожій; рѣдко съ кѣмъ онъ, а еще рѣже кто съ нимъ начипалъ говорить; подозрѣвали, не прикрывалъ ли онъ молчаніемъ и сумрачнымъ взглядомъ иные—глубокаго умысла; другіе—отсутствія способностей. Фельдмаршалъ Калькрейтъ на какой-то вопросъ во дворцѣ отвѣчалъ ему весьма отрывисто: non, monsieur, non, sans phrases. Былъ онъ въ Берлинѣ, по видимому, какъ незваный гость хуже Татарина, такъ что когда, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ его, фабричный народъ сдѣлалъ ночью буйство за Бранденбурскими воротами, то Подъ Липами тотчасъ прокричали: бунтъ по наущенію Сіеса. Смуты не были еще тогда по вкусу Берлинцамъ.

По мундиру (*) звали и меня всюду за княземъ. Пріятные обѣды, и часто, бывали у фельдмаршала Меллендорфа и у всеобщаго тогда въ Берлинѣ пріятеля мануфактуръ-совѣтника Шмидса, богатаго весельчака, великана ростомъ и брюхомъ. Памятны мнѣ два обѣда; для одного у Меллендорфа я бѣгалъ, какъ угорѣлый. Отдавая письмо часовъ въ девять утра въ воскресный день, князь велѣлъ мнѣ ѣхать тотчасъ къ банкиру его, взять у него тысячу фридрихсдоровъ и отвезти туда и тому, куда и кому въ письмѣ написано, да непремѣнно до обѣда. Письмо было отъ сына одного изъ Австрійскихъ магнатовъ, фельдмаршала: получилъ-де приглашеніе на обѣдъ отъ Меллендорфа, неожиданно арестованъ; не пріѣдетъ къ обѣду, арестъ огласится, и онъ тогда посрамитъ не только себя, но и отца и всю фамилію. Слышавъ отъ отца, что князь въ молодости, въ Парижѣ, былъ ему добрымъ пріятелемъ, просилъ его прислать ему 1000 фридрихсдоровъ и спасти отца его отъ неизбѣжнаго срама; да не замедлить, чтобы онъ поспѣлъ къ обѣду по приглашенію. Поскакалъ я къ банкиру, метался во всѣ углы, нашелъ его за городомъ, съ трудомъ убѣдилъ его ѣхать со мною въ контору и доставилъ еще во время сумму по назначенію. Нашелъ сіятельнаго въ гостинницѣ подъ охраненіемъ двухъ драгунъ съ обнаженными саблями: уѣхалъ изъ Берлина, не расплатившись; кредиторы подстерегли его, какъ онъ снова пожаловалъ въ Прусскую столицу, и приняли въ обезпеченіе себя эту тамъ обычную мѣру.

За другимъ обѣдомъ разговоръ зашелъ о Франціи. Прославляли, кто помоложе, дальновидность тѣхъ правительствъ, которыя дорожили друж-

(*) На мнѣ былъ мундиръ, тотъ же что и на князѣ, Псковскаго пѣхотнаго полка.

бою Франціи; любопытствовали знать, какъ думалъ о томъ Русскій фельдмаршалъ, который не принималъ участія въ бесѣдѣ, пока и старики не заговорили. «Не дальновидоность въ этомъ нахожу я, сказалъ онъ, а просто какое-то затмѣніе и, если у васъ все также пойдетъ еще лѣтъ восемь, много десять, то не пришлось бы бояться уже не за честь только, но и за жизнь».«Князь, вы пугаете насъ», въ одинъ голосъ сказали Меллендорфъ и Калькрейтъ. «Сожалѣю, отвѣчалъ онъ, а не могу отступить отъ своей мысли».

Князь Николай Васильевичъ имѣлъ отъ Императора важное по тогдашнему положенію дѣлъ въ Европѣ порученіе, цѣлью котораго было единодушное, твердое противуборство идеямъ, отъ которыхъ до сихъ поръ несчастныя смуты на Западѣ и которыхъ распространеніе и дѣйствіе Императоръ издалека такъ вѣрно предвидѣлъ. Но Прусскій кабинетъ, во главѣ котораго былъ тогда гр. Гаугвицъ, полагалъ все спасеніе Пруссіи въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ изъ Берлина, князь писалъ Государю, «что Пруссія скоро и дорого заплатитъ за угодничество Французскому правительству; но дѣлать нечего, способа нѣтъ убѣдить Гаугвица и короля». На вопросъ о тамошнихъ войскахъ, описавъ всѣ подробности, такъ заключилъ: «Упаси Господи, чтобы въ гвардіи и арміи Вашего Величества было такъ мало воинскаго духа и чтобы нижніе чины у насъ такъ отолстѣли, какъ здѣсь».

Изъ Берлина для того же велѣно князю отправиться въ Вѣну, но и тамъ баронъ Тугутъ, не во всемъ впрочемъ согласный съ графомъ Гаугвицемъ, находилъ безопаснѣйшимъ сидѣть у моря и ждать погоды. Эрцгерцогъ Карлъ, съ которымъ князь три дня пробылъ въ Прагѣ, былъ прозорливѣе. Былъ онъ тогда молодъ, но не здоровьемъ. Князь изъ Вѣны писалъ объ немъ Государю, что онъ орелъ изъ всей фамиліи, съ вѣрнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на людей, на дѣла и на вещи, съ горячею любовью къ отечеству, но и съ безпредѣльною покорностью брату-императору, скроменъ въ разсказѣ о военныхъ своихъ дѣйствіяхъ, съ отличнымъ умомъ и сердцемъ, но въ крайне-болѣзненномъ состояніи. Требовались тогда всѣ эти подробности объ эрцгерцогѣ не безъ причины.

Изъ Вѣны отправились мы во свояси. На послѣдней передъ Тешеномъ станціи отсталъ я отъ князя за починкою экипажа, пріѣхалъ туда уже въ сумерки; вся городская площадь и на ней домъ, который князь занималъ во время Тешенскаго конгресса, были ярко освѣщены. Биргеръ-мейстеръ и магистратъ, сожалѣя, что князь не принялъ приготовленнаго ему угощенія, убѣдили меня посмотрѣть на городскую ихъ гвардію въ строю подъ ружьемъ и на жилище бывшаго Европейскаго посредника. Здѣсь я не умѣлъ отказаться отъ роскошнаго ужина и догналъ князя уже гораздо за полночь. Какъ же онъ обрадовался мнѣ и какъ я сѣтовалъ самъ на себя, когда увидѣлъ, что онъ даже не раздѣвался отъ безпокойства, не случилось ли что со мною!

Въ Берлинѣ князь Н. В. получилъ отъ Императора весьма благосклонныя письма; а два собственноручныхъ письма, полученныя въ Вѣнѣ, были и тѣхъ еще милостивѣе. Въ Люблинѣ фельдъегерь встрѣтилъ его также съ собственноручнымъ высочайшимъ письмомъ въ пріятнѣйшихъ выраженi-

яхъ и съ приглашеніемъ ѣхать прямо въ Петербургъ, «дать скорѣе обнять себя».

Отъ Люблина далеко ли до Брестъ-Литовска? Въ самый день пріѣзда въ Брестъ, князь получилъ съ фельдъегеремъ именный, уже не собственноручный, указъ — не ѣздить въ Петербургъ, а по обстоятельствамъ остаться въ Литвѣ. По числамъ этотъ указъ былъ отправленъ на другой день послѣ полученнаго въ Люблинѣ рескрипта. На ночлегѣ въ Слонимѣ, встрѣтилъ князя третій фельдъегерь, по словамъ его и по числу отправленный черезъ нѣсколько часовъ вслѣдъ за вторымъ: привезъ вторичное именное высочайшее повелѣніе князю — не ѣздить въ Петербургъ, а остаться въ Вильнѣ. Князь видѣлъ тучу, собравшуюся надъ нимъ такъ внезапно и такъ неожиданно; но былъ спокоенъ, какъ въ ясную погоду: давно онъ пересталъ считать себя своимъ. Третій гонецъ съ ума было свелъ меня и Тимана, сказавъ на ухо, что генералъ Римскій - Корсаковъ часа за два передъ нимъ прискакалъ въ Вильну; свободно мы вздохнули уже на мѣстѣ. Генералъ Римскій-Корсаковъ вдругъ, за что самъ не зналъ, высланъ изъ Петербурга на житье въ Вильну.

Князь нашелъ въ Вильнѣ семейство свое, но не на радость. Княгиня занемогла; вслѣдъ за нею занемогла и дочь, кн. А. Н. Волконская. Въ этомъ семейномъ горѣ его, три Петербургскія почты, одна вслѣдъ за другою, привезли: первая — высочайшій приказъ о назначеніи начальникомъ Литовской инспекціи генерала Ласси; другая — указъ изъ Сената о назначеніи его же Литовскимъ военнымъ губернаторомъ; третья — указъ изъ Сената о назначеніи гр. Эльмпта Лифляндскимъ и Эстляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Князя Репнина словно не стало; ни слова о немъ. Въ это самое время княгиня Наталья Александровна скончалась, а княгиня Волконская лежала при смерти. Послѣ похоронъ князь продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо къ Императору: «Убѣждаясь совѣстью, что не могу уже быть полезенъ въ службѣ В. И. В., всеподданнѣйше прошу В. В. уволить меня отъ службы.» — Въ приказѣ отдано: «Генералъ-фельдмаршалъ кн. Репнинъ по прошенію увольняется отъ службы съ мундиромъ».

Дождавшись выздоровленія дочери, онъ уѣхалъ въ Москву, сопровождаемый благословеніями всего края. Какъ всегда, такъ и во все это время семейной печали его, бывъ при немъ неотходно, я не слышалъ отъ него слова, не замѣтилъ въ немъ и любопытства знать, отъ чего бы могъ быть въ сердцѣ царевомъ такой переходъ отъ милости къ гнѣву — и въ одни сутки.

Не забыть мнѣ отеческой заботливости его о мнѣ, тогда юношѣ, даже и при отъѣздѣ: сверхъ денегъ съ избыткомъ, онъ оставилъ мнѣ прекрасную верховую лошадь и все необходимое для холостаго хозяйства. Два походныхъ подсвѣчника, его же прощальный подарокъ, до сихъ поръ хранятся у меня, какъ драгоцѣнность. «Служи, другъ мой, сказалъ онъ, обнимая меня при прощаньи, вѣрно, прилежно и честно; старайся понравиться начальнику; будетъ въ чемъ тебѣ нужда, пиши ко мнѣ; а случится невзгода, пріѣзжай прямо на дворъ къ другу твоему Репнину».

Не одинъ разъ я спрашивалъ самъ себя, въ чемъ бы состояло существенное, отличительнѣйшее качество государственнаго человѣка? Зналъ я многихъ у насъ во главѣ не той-другой части управленія; не съ однимъ и

дѣло имѣлъ, съ инымъ глазъ на глазъ до ранней зари; ни въ комъ не было недостатка въ добромъ желаніи; не въ одномъ проявлялась и свѣтлая, не-та-другая черта изъ тѣхъ, которыя, по общему разумѣнію и требованію, всѣ вмѣстѣ должны составлять прямо государственнаго мужа. Но ни въ комъ не случилось мнѣ замѣтить того простаго, нелукаваго ока, безъ котораго все тѣло темно.

Оглядка на самаго себя въ государственномъ дѣлѣ заслоняетъ простое око: не сказать бы чего не впопадъ, не забыть бы чего, не вставить бы чего лишняго, не разстроить бы связей, не навлечь бы на себя гнѣвнаго взгляда. Отъ всѣхъ такихъ и подобныхъ расчетовъ и отъ боязливаго по нимъ пересмотра себя, какъ передъ зеркаломъ, человѣкъ, сколько бы ни было въ немъ ума, и знанія, и опыта, вслушиваясь безпретанно въ свои мысли, въ одну вслѣдъ за другою, разъединяется до того, что съ волненіемъ въ душѣ и языкъ пріучается называть вещи не своимъ именемъ. Простое око въ государственномъ человѣкѣ не то, что̀ искренность: это постоянное и неуклонное взираніе на одну и единственную цѣль — на благо и славу Отечества, съ такою къ нему любовью, для которой самая тяжелая для сердца человѣческаго жертва не дорога, которая не ищетъ своихъ-си. Такой любви нельзя возъимѣть безъ того, чтобы не забыть, не отчудить себя отъ самого себя, а забвеніе, отчужденіе себя отъ самого себя пріобрѣтается только рѣшительною борьбою съ самолюбіемъ и другими не столь благовидными, но столько же, по временамъ еще и болѣе сильными, страстями, и благодатною надъ ними побѣдою; и едва ли не оно-то и есть отличительнѣйшее, существенное достоинство истиннаго государственнаго мужа. Съ этой стороны не встрѣчалъ я, да и теперь не знаю, другаго князя Николая Васильевича. Но Репнины и родятся вѣками.

*

Генералъ Ласси скоро прибылъ въ Вильну. Изъ адъютантовъ, по производству въ отсутствіе князя и по другимъ причинамъ разсѣявшихся, остались при немъ уже только Карнѣевъ и я: сокращенный штабъ всего военнаго и гражданскаго въ Литвѣ управленія. Новый начальникъ не переставалъ повторять намъ — быть всему такъ, какъ было при князѣ; щадилъ насъ, до того дорожилъ нашимъ временемъ, что самъ приходилъ къ намъ по нѣскольку разовъ въ день слушать доклады и подписывать бумаги; мы приходили къ нему только обѣдать. Столъ у почтеннаго Бориса Петровича Ласси былъ Русско-шотландскій: завѣтныя, каждый день тѣ же, четыре блюда — щи, картофель съ рыбою на раскаленной сковородѣ, ростбифъ, плумъ-пудингъ; вино въ глазахъ его было лишнее снадобье: у честнаго-де человѣка сердце весело и безъ вина. Самъ не садился за столъ, а, ходя около, въ мундирѣ, при шпагѣ, съ генеральскою шляпою на головѣ, любилъ поджигать аппетитъ у гостей прибаутками; по привычкѣ ли или по заповѣди, ложился спать въ семь часовъ вечера, вставалъ въ три часа утра, начиналъ день двумя чашками крѣпкаго кофе, въ 6 часовъ кушалъ овсяную кашу на сливкахъ, затѣмъ до 5 часовъ пополудни жевалъ шоколадъ, котораго достаточный запасъ не выходилъ у него изъ кармана, въ шесть часовъ заключалъ свой день двумя же чашками крѣпкаго кофе. Неизбѣжное из-

рѣдка отступленіе отъ этого правила было ему весьма непріятно. Послѣ стола, обыкновенно говаривалъ намъ: «черезъ два часа приду подписывать», и рѣдкій день не заходилъ къ намъ въ семь часовъ утра съ вопросомъ: нѣтъ-ли чего подписывать? Прислана была между тѣмъ новая форма мѣсячныхъ рапортовъ по инспекціямъ, на одной страницѣ почтоваго листа, при малѣйшемъ недосмотрѣ въ графахъ и числахъ преопасная, а потому и хлопотливая. Карнѣевъ взялъ на себя это дѣло и для того каждый мѣсяцъ обыкновенно на три дня запирался. Все прочее въ этотъ промежутокъ времени я — валяй да катай! Впослѣдствіи Карнѣевъ и я тѣшились воспоминаніемъ, какъ все это шло у насъ, да еще и съ рукъ сошло.

Объѣхавъ инспекцію, Борисъ Петровичъ получилъ повелѣніе сдѣлать вновь строгій инспекторскій смотръ расположенному въ Брестѣ Литовскомъ полку, котораго шефомъ, мѣсяца за два передъ тѣмъ, назначенъ былъ генералъ Римскій - Корсаковъ. Пріѣхали въ Брестъ въ концѣ Ноября, ночью; холодно было, къ тому жъ меня сонъ давилъ. Принявъ приказаніе отъ генерала, я побѣжалъ на квартиру и легъ спать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, будетъ ли у меня завтракъ и моя, тогда по обезьянству, любимая овсяная каша на сливкахъ. Между этою мыслью и лѣнью встать и спросить деньщика, поднялась во мнѣ такая борьба, что я не только не могъ заснуть, но просто въ потъ меня бросило; съ досады я вскочилъ и вышелъ спросить о своей кашѣ; спросивъ не успѣлъ оборотиться, слышу что-то обрушилось; прибѣжалъ деньщикъ со свѣчею, и что же?—въ комнатѣ, гдѣ я легъ было спать, потолокъ обвалился, и доски свисли концами прямо на дорожную подушку, на которой за минуту передъ тѣмъ лежала голова моя. Возовъ двадцать вывезли песку, глины и всякаго хлама изъ развалины, пока то дорылись до моей дорожной подушки. Очевидный перстъ милосердія Божія! Страннымъ покажется, что пошлой овсяной кашѣ суждено было спасти меня отъ неминуемой смерти. Въ Нѣмецкой книгѣ «Ahnungs-Vermögen» и во многихъ другихъ есть разные толки на подобные случаи. Душѣ человѣческой, въ какомъ-то ея состояніи, присвоивается какая-то способность предчувствовать и предугадывать. Я плохо понялъ всѣ эти психологическіе толки и держусь въ простотѣ сердца вѣры въ милосердіе Господа Спасителя нашего, долготерпящаго и призывающаго насъ къ покаянію. Души человѣческія такъ дороги Ему, Искупителю нашему, что для спасенія ихъ, гдѣ-то сказано, Онъ посылаетъ вой небесныхъ.

Новый 1799-й годъ мы встрѣтили въ Вильнѣ. Въ этомъ—хорошо не помню—или въ 1798 г. я видѣлъ въ Вильнѣ прохожденіе Венеры черезъ меридіанъ. Въ тамошнемъ университетѣ обсерваторія снабжена была весьма порядочными инструментами, и живъ еще тогда былъ извѣстный астрономъ, старикъ-каноникъ Почебутъ. Я нерѣдко забѣгалъ къ нему навѣдываться, что̀ дѣлалось на небѣ. Позвалъ онъ меня посмотрѣть на Венеру въ славѣ ея. Было это пополудни; день былъ тихій и свѣтлый, небо безоблачное, солнце въ полномъ сіяніи. Стрѣла изъ лука не такъ быстро летитъ, какъ эта ярко-алая въ безпредѣльности искра летѣла съ бѣлымъ, широкимъ и длиннымъ, какъ у кометы 1811 года, хвостомъ, обсыпаннымъ милліонами разноцвѣтныхъ

бриллiантовъ; безчисленные милліоны этихъ эфирныхъ, краше всѣхъ земныхъ, драгоцѣнностей, горѣли съ чудеснѣйшими переливами свѣта, вдругъ собирались въ густыя радуги, вдругъ тѣ же радуги ломались: подумалъ бы, что солнце тѣшилось дивною и неизообразимою игрою лучей своихъ. Во всю мою жизнь я не видѣлъ ни другаго такого явленія въ природѣ, ни подобнаго ему въ великолѣпіи. На небо, повѣдающее славу Божію, и на твердь, возвѣщающую твореніе рукъ Его, смотрѣли въ Вильнѣ въ эту минуту Почебутъ, да я, да его famulus; оттого какое-то сожалѣніе смѣнило во мнѣ восторгъ благоговѣйнаго удивленія. Есть радости въ жизни, которыми хотѣлось бы подѣлиться съ знакомымъ и незнакомымъ.

*

Неожиданно Ласси получилъ повелѣніе перевести главную свою квартиру въ Гродну, куда мы и прибыли вмѣстѣ съ весною 1799 года. Громогласная наша главная квартира все еще состояла изъ Бориса Петровича, Карнѣева, меня и четырехъ писарей унтеръ-офицеровъ. Скоро затѣмъ присланъ къ генералу отъ иностранной коллегіи Петръ Яковлевичъ Убри для переписки съ пограничными властями. Явился и назначенный къ нему бригадъ-маіоромъ полковникъ Ивановъ. Намъ, адъютантамъ, отъ нихъ было не легче, но подъ одной крышею веселѣе. Стали между тѣмъ и полки приходить въ Литву одинъ за другимъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. По присылаемымъ съ границы губерніи рапортамъ и маршрутамъ видно было, когда они выступили изъ прежнихъ квартиръ, а Ласси не имѣлъ объ нихъ и намеку. Возрасла Литовская армія до 90 т. войска. Не замедлили прибывать въ главную квартиру подъ начальство Бориса Петровича и генералы: Віоменилъ, Дотишанъ, Нумсенъ, Ланжеронъ, Бенкендорфъ, Титовъ и другіе. Становилось у насъ что-то похожее на главную квартиру.

Недолго генералъ былъ въ неизвѣстности о такомъ приливѣ къ намъ войскъ и военачальниковъ: получилъ высочайшій секретный рескриптъ, въ которомъ кратко и ясно было сказано, что онъ могъ получить повелѣніе выступить со всѣми ввѣренными ему войсками черезъ 24 часа въ походъ за границу, и потому былъ бы въ готовности. Борисъ Петровичъ Ласси былъ храбрый генералъ и человѣкъ преблагородный и преблагомыслящій, а на тотъ разъ призадумался. Тотчасъ отправленъ бригадъ-маіоръ во всѣ полки для осмотра и понужденія, а мы составили статистику всѣхъ полковъ по послѣднимъ рапортамъ. Оказался богатый во всемъ недостатокъ; у начальника же провіантскаго депо, Скосаревскаго, денегъ не нашлось всего на все и 25 т. руб., такъ что продовольствіе, и особливо фуражъ войскамъ, и то очень скудный, нужда заставляла уже добывать реквизиціями. Борисъ Петровичъ, исчисливъ все то, безъ чего онъ не могъ ступить шага впередъ, велѣлъ намъ написать подробное представленіе, полагалъ сперва Императору, согласился потомъ Обольянинову, тогда генералъ-провіантмейстеру. Бумага подписана и приготовлена къ отправленію по эстафетѣ. Ушедши отъ насъ, генералъ встрѣтился съ Віоменилемъ. Этотъ переувѣрилъ его, что надобно писать обо всемъ прямо Государю и въ собственныя руки, а Обольянинову послать списокъ съ представленія. Воротясь, Борисъ Петровичъ велѣлъ

такъ и сдѣлать, и сверхъ того написать рапортъ Императору о назначеніи къ нему Бенигсена. Сей послѣдній жилъ тогда въ своемъ имѣніи Минской губерніи, гдѣ нашъ дядя Карнѣевъ былъ губернаторомъ: отъ дяди мы имѣли двусмысленныя свѣдѣнія о Бенигсенѣ и доложили о томъ генералу; не внялъ намъ; пошли наши бумаги. Вмѣсто ожидаемаго по разсчету времени отвѣта, пріѣхалъ въ Гродну В. В. Ханыковъ, тогда членъ провіантскаго департамента; не выходилъ почти отъ насъ изъ канцеляріи, но ни слова не молвилъ ни генералу, ни намъ о нашихъ бумагахъ; черезъ три дня уѣхалъ обратно въ столицу. Едва онъ успѣлъ воротиться, по нашему разсчету, какъ Борисъ Петровичъ получилъ съ фельдъ-егеремъ высочайшій рескриптъ въ отвѣтъ на свое представленіе: признано неумѣстнымъ. Велѣно быть въ готовности къ походу; слѣдовало то и исполнить; не спрашивалось, что̀ нужно войскамъ въ походѣ: будетъ сказанъ походъ, дастся и все потребное. Просьба же о Бенигсенѣ приписана наущеніямъ окружающихъ, которыхъ, сказано въ рескриптѣ, лучше удалить, нежели слушать. Вслѣдъ затѣмъ другой фельдъегерь привезъ генералу высочайшій рескриптъ съ извѣщеніемъ, что Его Величество изволилъ признать за благо Карнѣева и Лубяновскаго отставить отъ службы. Не лгу: добрый, почтенный Борисъ Петровичъ плакалъ, объявляя намъ этотъ указъ.

Какъ мы попали подъ руку во время оно̀, не ранѣе какъ уже въ 1817 г. П. Х. Обольяниновъ разсказывалъ мнѣ про то съ повинною, самъ говорилъ, головою.

Продолженіе впредь.

ПИСЬМО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XVIII ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ МИТАВѢ КЪ ГРАФУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ.

(Изъ автографическихъ писемъ и коресподенціи графовъ Николая и Сергѣя Петровичей Румянцевыхъ, хранящейся у Зинаиды Сергѣевны Дивовой. Извлечено графомъ М. Д. Бутурлинымъ, коему принадлежатъ и примѣчанія къ сему письму.)

A Mittau $^{1}/_{13}$ février 1805.

Je suis enchanté, mon cher comte, de trouver une occasion de vous parler de mon amitié, d'avoir recours à la vôtre, et de vous donner un témoignage particulier de cette confiance et de cette estime qui me rendent si doux le souvenir de Namur [1]). Sans plus de préambule, je viens au fait.

Parmi les afflictions dont je suis assailli, il en est une plus cuisante que toutes les autres, en ce que la patience n'y peut rien. J'ai près de moi, à tout autre je dirois deux fidèles serviteurs, à vous, mon cher comte, je dirai deux amis, dont la position m'inquiète et me tourmente. L'un est d'Avaray; ce nom dit tout à votre coeur, mais ce n'est pas à lui seul que je m'adresse. Vous avez vû en lui l'ami de ma jeunesse, celui qui a brisé mes fers, qui aidait Monsieur [2]) à supporter des peines alors très supportables. Songez à tout ce qui s'est passé depuis; voyez le au milieu des orages, constamment à côté du

---

[1]) Городъ нынѣшней Бельгіи, не подалече отъ Кобленца, гдѣ находилась главная квартира изгнанныхъ Французскихъ принцовъ въ началѣ революціи; при нихъ былъ акредитованъ, въ качествѣ нашего представителя графъ Н. П. Румянцовъ.

[2]) Monsieur de France, названіе Людовика XVIII до смерти малолѣтняго дофина, сына злополучнаго Людовика XVI.

Roi [3]) et lui donnant à chaque pas, dans chaque circonstance, ou une vérité, quelqu' austère qu'elle pût être, ou un conseil marqué au sceau de la raison et de la noblesse, ou un encouragement, ou mêmes des larmes, et jugez ce qu'il est pour moi. L'autre est m. l'archevêque de Rheims, vieillard respectable, le seul des amis de mon père qui vive encore, l'exemple du clergé de France, celui qui par sa vertu défend son illustre maison de l'opprobre d'un indigne rejetton. Tous deux viennent de me donner la plus grande preuve d'attachement ou, pour mieux parler, de dévouement possible.

C'est ici que j'aime à parler avec confiance à mon cher et estimable comte Nicolas Pétrowitch; ce sera nous rajeunir un moment tous deux. Qu'il sache donc quel fût l'objet principal de mon voyage en Suède et de ma réunion à mon frère [4]). J'y ai arrêté une déclaration faite *sur la Baltique* et dont l'objet est de mettre au jour les sentimens et les principes qui m'ont constamment animé, et d'attaquer, de démasquer le tyran [5]). Je voulois l'adresser sans retard à mon peuple, mais helas! mon cher comte, je crains bien d'être de nouveau abandonné de partout et sans appui pour un pareil acte, sans aucun moyen d'argent pour le répandre en France et tromper la surveillance du tyran;—quel succès, quel sort pourroit avoir ma déclaration?

Quoiqu'il en soit, m. l'archevêque de Rheims et le c-te d'Avaray ont accepté le dangereux honneur de signer après moi cette pièce, qui, nécessairement connue des cabinets de Pétersbourg, de Londres et de tous les miens, aura été dans les mains d'un trop grand nombre de personnes, pour que, si la publication en est entravée (comme je n'ai que trop lieu de le craindre) son existence et les signatures dont elle aura été revêtue, ne soyent parfaitement connues du Corse. C'est dire assez que voilà mes amis en butte aux fureurs d'un homme dont la vengeance est le premier besoin et auquel tous les moyens sont bons pour l'assouvir. Mais, me dirat-on, que craignez vous pour eux dans les Etats de l'Empereur? Aussi ne s'agit-il pas du moment présent. D'Avaray, malgré l'état de souffrance continuelle où l'a laissé la cruelle maladie qui faillit me l'enlever en 1801, et la nécessité où le met cet état habituel de passer les hyvers dans des climats chauds, n'a pu songer à y céder et n'y songera pas tant que durera cette grande crise. M. l'archevêque, presque septuagénaire, et dont l'extrême délicatesse ne lui rend pas moins nécessaire d'habiter sous un autre ciel, ne songe pas plus en ce moment à s'éloigner. Mais je dois prévoir d'autres circonstances. Il en est une dont je ne parlerois à nul autre, mais je pense tout haut avec vous. La crise actuelle ne sera pas la dernière. Elle peut aboutir à une paix du genre de celles qui l'ont précédée, car en peut-il être de solide avec un volcan? Mais cette paix cependant procureroit à l'Europe un calme trompeur, même pendant quelques années. Alors on pourroit croire qu'au point de splendeur où serait parvenu l'usurpateur il ferait peu d'attention à des ennemis sans moyens de lui nuire et que chacun pourroit aller sans inquiètude dans les lieux où sa santé, ou bien ses affaires l'appeleraient. Mais un Corse perd-il jamais de vûe sa vengeance? D'Avaray et m. l'archevêque ont signé cet été le rap-

---

[3]) Таковымъ считалъ себя Людовикъ XVIII со смерти дофина.

[4]) Le comte d'Artois, впослѣдствіи король Карлъ X.

[5]) Конечно Наполеона.

port de cette affreuse affaire du poison (?), l'usurpateur le sçait. Si mes malheureux amis, se fiant à une trompeuse bonnace, alloient chercher de ces hyvers qu'on ne connoit dans aucune partie de l'Empire Russe, et que Buonaparte les crût sans appui, je les verrois, d'Avaray surtout, sans cesse éxposés au sort de mr le duc d'Enghien, tandis que s'il les sçait revêtus d'une protéction puissante, de celle d'Alexandre I-er, il la respectera malgré lui, et sous une telle égide, mes amis pourront respirer librement. Tel est donc mon voeu le plus ardent: une protection pour mes amis. Passons aux moyens de la faire valoir.

D'Avaray a des titres particuliers aux bontés de l'Empereur. Il est commandeur de l'ordre de St Jean de Jerusalem au grand Prieuré de Russie; il a, comme mon capitaine des gardes, commandé pendant trois ans ici cent gentilshommes, à la fois mes gardes du corps et les fidèles soldats de l'Empereur: tous les officiers étaient généraux-majors. Enfin il possède une lettre de Paul I-er, la plus honorable peut-être qu'un gentilhomme ait jamais reçue d'un grand Souverain. D'après ces titres et les circonstances particulières où il se trouve, ne puis-je avec quelque confiance solliciter pour lui de la générosité de l'Empereur, le grade de l-ant-général de ses armées, grade qu'il auroit en France, en raison de sa position, de son âge et de ses services: il y a bientôt vingt trois ans qu'il fut fait colonel pour action de guerre. En même temps et par une circonstance heureuse je croirois rendre l'obtention de cette grâce plus facile, en la demandant aussi pour un autre de mes serviteurs que je serais fort aise d'obliger, distinguer et mettre sur la voie de quelque bienfait justement mérité. Le dduc de Grammont est, comme d'Avaray, commandeur etc., également mon capitaine des gardes, puisqu'il l'étoit du Roi mon frère, il a commandé au même titre ces 100 gentilshommes, aussi bons Russes que François. Il y auroit, militairement parlant, une sorte d'injustice à faire pour l'un, ce qu'on ne feroit pas pour l'autre, et du coté de la politique l'Empereur pourrait avoir plus de difficulté à accorder isolément une faveur à un homme que l'usurpateur doit honorer d'une haine particulière, au lieu qu'en distinguant deux officiers qui déjà ont des recommandations auxquelles l'Empereur peut attacher la valeur qui lui convient, la chose devient toute simple. Vous comprenez d'ailleurs que ni l'un ni l'autre ne voudroient se targuer de la grâce obtenue et barrer le chemin aux élèves, aux successeurs de Sadunaiskoi.

Mais ce n'est pas tout: d'Avaray, appellé à une superbef ortune en France, dont il pourroit encore aujourd'hui recouvrer une partie, en a fait et consommé irrévocablement le sacrifice. L'en dédommager n'est pas, ne sera peut-être jamais en mon pouvoir. Ne puis-je m'adresser au Souverain sur l'amitié du quel j'ai le plus de droit de compter pour assurer l'existence de mon ami malade et par conséquent plus nécessiteux? Tous les serviteurs de mon frère ont leur sort assuré par S. M. Britannique; je n'auroi pas la douleur de ne pouvoir rien pour les miens, parcequ'ils sont en Russie. Je demanderois à l'Empereur d'accorder au c-te d'Avaray, comme il y en a beaucoup d'éxemples, une starostie [6]) de quelque valeur, car si S. M. I. se montre favorable à ma prière, vous

[6]) Изреченіе, заимствованное отъ Польскаго и соотвѣтствующее почти арендѣ.

jugerez sûrement avec moi, mon cher comte, que tout mérite, tous besoins à part, ne fut-ce que pour ma propre dignité, mon ami ne devroit pas être traité comme un émigré ordinaire.

Je craindrois d'être indiscrêt en parlant en ce moment pour le duc de Grammont autrement que je ne l'ai fait plus haut; il avait la perspéctive d'une grande fortune, et il a tout perdu au service de mon malheureux frère et au mien. Ce sont des titres que je me réserve de faire valoir.

Quant à m. l'archevêque de Rheims, il n'est pas susceptible d'une grâce honorifique, mais d'après la très noble loi de Pierre le Grand, tout pensionnaire de l'Empereur a droit à sa protection. Je demanderois donc qu'il fût accordé à ce respectable prélat une pension à l'instar de celle qui fut faite par l'Empereur Paul à l'archevêque d'Alby. En apportant quelque soulagement à sa vieillesse, l'Empereur me donneroit en même temps toute sécurité ultérieure sur son compte.

J'ai pensé, mon cher comte, que sur des choses qui touchent de si près mon coeur, je ne pourrois mieux faire que de m'adresser à celui de l'Impératrice-mère. Mais entrer avec elle dans tant de détails, ce serait abuser de sa bonté, au lieu que je ne craindrai jamais d'abuser de l'amitié dont vous m'avez donné tant de preuves. D'ailleurs j'ai crû rendre ma lettre et ma démarche plus agréables à S. M. I. en les faisant passer par vous. Je vous prie donc, mon cher comte, si, comme je le crois, vous étes en mesure de me rendre ce service, de vouloir bien, après en avoir pris connoissance par la copie cy-jointe, remettre ma lettre à l'Impératrice, avec la copie de celle de l'Empereur Paul au c-te d'Avaray; elle vous sera fournie par le c-te de Blacas [7]) et mise sous les yeux de S. M. I. Cette honorable lettre assurera son intérêt pour mon ami. Enfin je n'ai pas besoin de vous dire combien j'ai été sensible aux soins touchants que vous vous étes donnés pour ce brave et fidèle Du Moustier et que dans cette circonstance, vous devoir le succès que j'espère, en doubleroit le prix a mes yeux.

Adieu, mon cher comte, vous connoissez toute mon amitié pour vous.

Louis.

ПЕРЕВОДЪ.

Митава 1/13 Февраля 1805 года.

Я очень радъ, любезный графъ, что нашелъ случай поговорить о дружбѣ моей къ вамъ, прибѣгнуть къ вашей и выразить вамъ довѣріе и уваженіе, которыя услаждаютъ для меня воспоминаніе о Намюрѣ. Безъ предисловій, приступаю къ дѣлу.

Среди многихъ огорченій, испытываемыхъ мною, есть одно, которое тѣмъ тяжелѣе другихъ, что терпѣніемъ его не одолѣешь. Близь меня находятся двое вѣрныхъ слугъ, сказалъ бы я другому, а вамъ скажу, любезный графъ, два друга, которыхъ положеніе безпокоитъ и крайне тревожитъ меня. Одинъ изъ нихъ Даваре; при имени этомъ сердце ваше все уразумѣетъ, но не къ одному сердцу обращаюсь я. Въ немъ вы видили друга моей молодости, человѣка, освободившаго меня отъ заточенія, помогавшаго мнѣ переносить испытанія, бывшія весьма сносными въ ту пору, когда я не былъ наслѣдникомъ престола. Подумайте обо всемъ что̀ произошло съ того времени, вспомните, какъ онъ держалъ себя посреди политическихъ бурь; находясь постоянно со мною, когда я уже былъ королемъ, онъ при всякомъ слу-

[7] Повѣренный въ дѣлахъ Людовика XVIII при Петербургскомъ дворѣ.

чаѣ высказывалъ мнѣ правду, какова бы она ни была, давалъ разумный и честный совѣтъ, ободрялъ меня или даже самъ плакалъ обо мнѣ. Судите, какъ онъ долженъ быть дорогъ моему сердцу. Другой, архіепископъ Реймскій, почтенный старецъ, единственный изъ друзей моего отца, оставшійся въ живыхъ. Онъ служитъ образцомъ Французскому духовенству, ограждаетъ отъ позора знатное имя, запятнанное однимъ изъ недостойныхъ потомковъ его рода. Оба они только что оказали мнѣ величайшую привязанность или, вѣрнѣе сказать, самую глубокую преданность.

Пріятно мнѣ искренно побесѣдовать съ моимъ любезнымъ и уважаемымъ Николаемъ Петровичемъ. Бесѣда эта перенесетъ насъ во дни молодости. Да будетъ ему извѣстенъ главный поводъ поѣздки моей въ Швецію и сближенія съ братомъ моимъ. Съ его согласія я рѣшился обнародовать отзывъ, составленный мною на пути; въ немъ я высказываю чувства и правила, которыми я постоянно руководствовался, вызывая на судъ и обличая тирана. Не медля намѣревался я обратиться съ этимъ заявленіемъ къ моему народу; но увы, любезный графъ, я опасаюсь снова быть всѣми покинутымъ. Безъ опоры въ этомъ предпріятіи, не имѣя денежныхъ средствъ для обнародованія его во Франціи, при бдительности тирана, какой же успѣхъ можетъ имѣть мое заявленіе и какая участь ожидаетъ его?

Какъ бы то ни было, архіепископъ Реймскій и графъ Даваре́, не страшась отвѣтственности, имѣли честь подписать вслѣдъ за мною этотъ актъ, который неизбѣжно дошелъ до свѣдѣнія Петербургскаго и Лондонскаго кабинетовъ, и всѣхъ моихъ приверженцевъ, побывалъ въ рукахъ у множества лицъ и потому, буде даже не удастся его обнародовать (чего не безъ основанія слѣдуетъ ожидать) все же о существованіи его и о подписяхъ дойдетъ вѣсть до Корсиканца. Тутъ ясно для всякаго, что друзья мои подвергнутся неистовству человѣка, который жаждетъ мести, не разбирая средствъ для удовлетворенія ея.

Однако, скажутъ мнѣ, развѣ вы сомнѣваетесь въ ихъ безопасности во владѣніяхъ Императора? Но дѣло идетъ не о настоящей минутѣ. Даваре́ постоянно хвораетъ, со времени опасной болѣзни, отъ которой онъ чуть не умеръ въ 1801 г. и, не смотря на необходимость проводить зиму въ тепломъ климатѣ, до сихъ поръ не рѣшается ѣхать и не рѣшится, пока будетъ продолжаться настоящее положеніе дѣлъ. Архіепископу почти 70 лѣтъ; по слабости сложенія ему слѣдовало бы жить въ теплой странѣ, но онъ не отваживается уѣхать отсюда. Мнѣ слѣдуетъ предвидѣть другія обстоятельства. Есть одно, о которомъ другому я бы не заикнулся, но для васъ я думаю вслухъ. Настоящій кризисъ не есть послѣдній. Онъ можетъ разрѣшиться миромъ на подобіе предшествовавшихъ (ибо есть ли что надежное вблизи волкана), хотя вслѣдствіе этого мира Европа и будетъ наслаждаться обманчивымъ спокойствіемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Тогда можно бы было предположить, что узурпаторъ, достигнувъ высоты величія, не сталъ бы обращать вниманія на враговъ, не имѣющихъ средствъ вредить ему и что никому не воспрещалось бы ѣхать туда, куда призываютъ его забота о здоровіи или собственныя дѣла. Но развѣ Корсиканецъ когда либо теряетъ изъ виду месть? Даваре́ и архіепископъ нынѣшнимъ лѣтомъ подписали донесеніе объ ужасномъ дѣлѣ касательно отравленія. Это извѣстно узурпатору. Если мои несчастные друзья, положившись на обманчивую безопасность, вздумаютъ искать сносной зимы необрѣтаемой въ Россіи, и Бонапартъ предположитъ, что они лишены опоры, я увѣренъ, что обоимъ имъ, особенно Даваре́, будетъ предстоять участь герцога Енгіенскаго; ежели же ему будетъ извѣстно, что они находятся подъ могущественнымъ покровитель-

ствомъ Императора Александра, онъ нехотя уважитъ такую защиту, и друзьямъ моимъ можно будетъ жить спокойно. И такъ покровительство для моихъ друзей составляетъ предметъ самаго пламеннаго моего желанія. Перейдемъ къ тому, какъ устроить это дѣло.

Даваре́ достоинъ милостей Императора; онъ командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго въ Русскомъ пріорствѣ. Будучи моимъ гвардіи капитаномъ, онъ въ теченіи трехъ лѣтъ находился во главѣ ста дворянъ, моихъ лейбъ-гвардейцевъ, преданныхъ воиновъ Императора; всѣ офицеры этого отряда были генералъ-маіорами. Наконецъ у него хранится письмо отъ императора Павла, самое лестное, какое когда либо получалъ дворянинъ отъ великаго государя. Вслѣдствіе этихъ данныхъ, а равно и исключительнаго положенія, въ которомъ онъ находится, я не безъ основанія могу расчитывать на великодушіе Императора въ отношеніи къ нему, прося назначить его генералъ-лейтенантомъ своей арміи. Чинъ этотъ онъ получилъ бы во Франціи, благодаря своему положенію, лѣтамъ и заслугамъ; скоро 23 года какъ онъ былъ произведенъ въ полковники на полѣ брани. Въ тоже время, благодаря счастливому обстоятельству, я надѣюсь легко выхлопотать эту милость, прося ея также для одного изъ моихъ приближенныхъ, которому я очень радъ бы былъ выхлопотать отличіе и оказать услугу и благодѣяніе, которыхъ онъ вполнѣ достоинъ. Герцогъ Граммонъ, какъ и Даваре́, командоръ и т. д., капитанъ моей гвардіи, такъ какъ онъ исправлялъ эту должность при королѣ братѣ моемъ, бывъ начальникомъ ста дворянъ, любившихъ Россію не менѣе Франціи. Выражаясь по военному, несправедливо было бы одного наградить, а другому не оказать заслуженной милости. Въ отношеніи политики Императору труднѣе было бы оказать милость лишь одному лицу, именно такому, къ которому узурпаторъ питаетъ особенную ненависть, между тѣмъ какъ Императору весьма легко облагодѣтельствовать двухъ лицъ одинаково достойныхъ награды. Вы понимаете, что ни тотъ ни другой не станутъ злоупотреблять полученною милостью и не загородятъ дороги воспитанникамъ и преемникамъ Задунайскаго.

Но это еще не все. Даваре́ отказался отъ прекраснаго состоянія во Франціи, часть котораго онъ могъ бы получить и въ настоящее время. Я не въ силахъ и можетъ никогда не буду имѣть возможности вознаградить его. Не могу ли я обратиться къ Государю, на дружбу котораго имѣю право расчитывать, и просить его обезпечить нуждающагося и больнаго друга моего? Приверженцы брата моего обезпечены Англійскимъ королемъ; неужели я не въ состояніи буду оказать помощи моимъ приближеннымъ лишь потому, что нахожусь въ Россіи? Я попросилъ бы Императора дать графу Даваре́ небольшую аренду. Много было такихъ примѣровъ. Коль скоро Его Императ. Величество исполнитъ мою просьбу, вы согласитесь, любезный графъ, что если и забыть его заслуги и нужды, мое собственное достоинство требуетъ, чтобы съ другомъ моимъ не обращались какъ съ обыкновеннымъ эмигрантомъ.

Въ настоящую минуту я боюсь показаться нескромнымъ, распространяясь о герцогѣ Граммонѣ; достаточно того, что́ я высказалъ выше. Ему предстояло получить большое состояніе по наслѣдству, и онъ всего лишился, служа моему несчастному брату и мнѣ. Авось когда нибудь вознагражу я его.

Что́ касается архіепископа Реймскаго, его нельзя наградить повышеніемъ званія; но, согласно съ благимъ закономъ Петра Великаго, состоящіе на пенсіи у Императора имѣютъ право на его покровительство. Я попросилъ бы пожаловать достоуважаемому прелату пенсію подобную той, которую императоръ Павелъ назначилъ архіепископу Альбійскому. Обезпечивъ его старость, Им-

ператоръ успокоилъ бы меня на счетъ его будущности.

Я подумалъ, любезный графъ, что мнѣ лучше всего обратиться за помощію къ вдовствующей Императрицѣ, въ дѣлахъ столь близкихъ моему сердцу. Но входя въ подробности, я злоупотребилъ бы ея добротою, между тѣмъ какъ не боюсь отягощать васъ, имѣя много доказательствъ вашей дружбы ко мнѣ. При томъ я полагалъ, что Ея Императорскому Величеству пріятнѣе будетъ, ежели письмо мое и просьба переданы ей будутъ вами. Прошу васъ, любезный графъ, ежели вы можете оказать эту услугу, то, прочитавъ приложенную при семъ копію, подайте Императрицѣ письмо мое, равно и копію съ письма императора Павла къ гр. Даварѐ, которую передастъ вамъ графъ Блака. Если представить это лестное письмо Ея Императорскому Величеству, оно непремѣнно возбудитъ въ ней участіе къ другу моему. Наконецъ, излишнимъ считаю сказать вамъ, сколько благодаренъ я вамъ за участіе, которое вы принимаете въ храбромъ и преданномъ Мутье. Мнѣ тѣмъ дороже будетъ успѣхъ въ настоящемъ дѣлѣ, ежели я добуду его черезъ ваше посредничество.

Прощайте, любезный графъ; вамъ извѣстна дружба моя къ вамъ.

Людовикъ.

ЗАПИСКА А. С. ПУШКИНА КЪ БАРОНУ М. А. КОРФУ.

Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ. Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле — эта новѣйшая Русская Исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, Русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего, человѣческая природа лѣнива (Русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра вѣроятно мы увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный

А. П.

14 Окт.

Печатается съ подлинника, принадлежащаго К. Д. Шидловскому. Писано, судя по черной печати, коею было запечатано, въ 1836 году (годъ смерти матери Пушкина). Какъ извѣстно, Пушкинъ имѣлъ порученіе отъ правительства писать Исторію Петра Великаго. Баронъ М. А. Корфъ (и тогда уже знатокъ Русской Исторіи) сообщилъ ему списокъ иноязычныхъ сочиненій о временахъ Петра Великаго. Настоящая записка написана по поводу сего сообщенія.

П. Б.

ЗАПИСКА А. С. ПУШКИНА КЪ КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦѢ Н. А. ДУРОВОЙ.

Вотъ начало вашихъ записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются [1]). Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое, искреннее и безкорыстное—оставить какъ есть. *Записки Амазонки* какъ-то слишкомъ изыскано, манерно, напоминаетъ Нѣмецкіе романы. *Записки Н. А. Дуровой* просто, искренне и благородно. Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое Васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся.

Весь Вашъ А. П.

Домъ мой къ Вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева у Прачешнаго мосту.

Примѣчанія. Въ 1838 г., находясь еще въ Училищѣ Правовѣдѣнія, я началъ собирать автографы, и это подлинное письмо Пушкина, писанное на двухъ страницахъ полулиста почтовой бумаги въ 8-ку, было подарено мнѣ моимъ школьнымъ товарищемъ Леонидомъ Ивановичемъ Бутовскимъ (нынѣ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, секретаремъ совѣта воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и пользующимся извѣстностью въ литературѣ своими стихотвореніями). Письмо Пушкина относилъ онъ тогда, если не ошибаюсь, къ 1836 году. *Надежда Андреевна Дурова* приходилась Л. И. Бутовскому троюродною теткою съ материнской стороны и не разъ навѣщала его въ училищѣ, по средамъ, т. е. въ пріемный, для родителей и родственниковъ, день. Мать Л. И. Бутовскаго (отецъ его, Иванъ Григорьевичь, проживаетъ теперь близъ г. Кременчуга, въ с. Пропозовкѣ) и мать Дуровой были двоюродныя сестры, обѣ рожденныя Александровичь, дочери родныхъ братьевъ, помѣщиковъ Полтавской губерніи. Въ 1808 г. дѣвица Дурова (уроженка Вятской губерніи, но проведшая дѣтство въ Малороссіи) поступила на службу гусарскимъ юнкеромъ, совершила всѣ кампаніи по 1815 г. включительно, получила юнкерскій знакъ Военнаго Ордена и оберъ-офицерскій чинъ. Потомъ вышла въ отставку, но продолжала носить мужское платье, т. е. синій чекмень на крючкахъ, шаровары и фуражку на покрой военный; черные и довольно рѣдкіе волосы ея въ 1836-1838 г. были обстрижены по мужскому, и проборъ былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны. Отсутствіе усовъ (которые тогда носили всѣ отставные военные) и множество мелкихъ морщинъ на смугломъ и весьма утомленномъ лицѣ, сильно поражали въ ней съ перваго взгляда, такъ что и тотъ, кто и не зналъ бы, что это не мужчина, могъ заподозрить въ этомъ существѣ что-то неестественное... Портретъ Н. А. Дуровой, находящійся въ изданной въ 1839 г. Смирдинымъ книгѣ: Сто Русскихъ литераторовъ (стр. 553) при ея статьѣ: Сѣрный Ключь (Черемисская повѣсть) довольно похожъ. Еще съ 1812 г. Надежда Андреевна начала называться, въ честь Императора Александра Павло-

[1]) Несомнѣнное свидѣтельство того, что Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи довольно рѣдкой нынѣ книги, появившейся въ Спб. въ 1836 году, въ Августѣ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ: „Кавалеристъ-Дѣвица. Происшествіе въ Россіи. Издалъ *Иванъ Бутовскій*“. 8º 2 части: I, 289, II, 292 стр. Но въ чемъ именно состояло это участіе, мы не вполнѣ знаемъ. На книгѣ означено, что издалъ ее г. Бутовскій; а между тѣмъ во второмъ, вышедшемъ въ Іюлѣ 1836 г., томѣ Пушкинскаго Современника помѣщенъ отрывокъ изъ второй части этой книги, озаглавленный: „Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ“, и въ прекрасномъ предисловіи своемъ къ этимъ запискамъ (съ эпиграфомъ: modo vir, modo foemina) Пушкинъ прямо говоритъ: „мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ“. Изъ послѣднихъ строкъ можно подумать, что Пушкинъ предлагалъ Н. А. Дуровой остановиться у него въ квартирѣ. Самъ онъ жилъ тогда на дачѣ на Каменномъ острову. Личность удивительной женщины очевидно занимала его. Не познакомился ли онъ съ нею въ бытность свою въ Казани въ 1833 году? *П. Б.*

вича, разрѣшившаго ей вступить въ службу, *Александромъ* Андреевичемъ *Александровымъ*, а впослѣдствіи *корнетомъ* Александровымъ.

Надо полагать, что при личномъ свиданіи съ Пушкинымъ, послѣдовавшемъ за его письмомъ, окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о заглавіи книги, приготовленной Н. А. Дуровою къ печати, такъ какъ наша Іоанна д' Аркъ *вступила на поприще литературное*, выпустивъ въ 1836 г. свои воспоминанія не подъ прежде-задуманнымъ ею названіемъ и не подъ тѣмъ, которое предлагалъ ей Пушкинъ, а подъ третьимъ, вѣроятно ими вмѣстѣ придуманнымъ и довольно заманчивымъ заглавіемъ: *Кавалеристъ-Дѣвица*. Въ дополненіе къ этому труду появились, но лишь въ 1839 году (по кончинѣ Пушкина), въ Москвѣ въ одномъ томѣ *Записки Н. А. Дуровой* (ср. Каталоги Межова, №№ 10518 и 10896).

Письмо, написанное ей А. С. Пушкинымъ предъ самымъ изданіемъ перваго произведенія Н. А. Дуровой, есть трогательное свидѣтельство его живаго сочувствія къ литературнымъ трудамъ. Изъ содержанія этого письма можно заключить, что Н. А. Дурова хотѣла задержать изданіе своихъ записокъ единственно для того, чтобы перемѣнить ихъ заглавіе.

Домъ, о которомъ упоминаетъ А. С. Пушкинъ (третій по Гагаринской набережной, идя отъ Прачешнаго моста) до сихъ поръ принадлежитъ г. г. Баташевымъ (между домовъ княжны Гагариной и Ѳ. К. Опочинина). Сколько намъ извѣстно, Пушкинъ жилъ тамъ въ нижнемъ этажѣ и чуть-ли не въ 1836-мъ году переѣхалъ на Мойку, между Конюшеннаго и Пѣвческаго мостовъ, въ домъ кн. Волконскихъ. Тамъ жилъ онъ также въ нижнемъ этажѣ и въ этой квартирѣ скончался 29 Генваря 1837 года. Это было Воскресенье и, возвращаясь въ училище, я, подъ вліяніемъ разнесшейся по городу горестной вѣсти, зашелъ поклониться праху великаго поэта. Народъ туда валилъ толпами, и постороннихъ посѣтителей пускали чрезъ какой-то подземный ходъ и черную лѣстницу. Оттуда попалъ я прямо въ небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтою краскою и выходившую двумя окнами на дворъ. Совершенно посреди этой комнаты (а не къ углу, какъ это водится) гдѣ раздавались вздохи и разговаривали лишь шопотомъ, стоялъ гробъ, обитый краснымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ и обращенный стороною головы къ окнамъ, а ногами къ двери, отпертой настежъ въ гостинную, выходившую окнами на Мойку. Всѣ входившіе благоговѣйно крестились и цѣловали руку покойнаго. На рукахъ у него положенъ былъ простой образъ, безо всякаго оклада и до того-стертый, что никакого изображенія на немъ нельзя было въ скорости разглядѣть; платье было на Пушкинѣ изъ чернаго сукна, стараго фасона и очень изношенное. Въ ногахъ дьячекъ читалъ Псалтырь. Катафалкъ былъ низкій, и подсвѣчники весьма старые; вообще, замѣтно было, что все устроено было какъ-то на скоро и что домашніе и семья растерялись вслѣдствіе ужасной, внезапной потери. Даже комната, гдѣ покоилось тѣло, скорѣе походила на прихожую или опорожненный отъ шкафовъ буфетъ, чѣмъ на сколько нибудь приличную столовую. Помню, что въ дверяхъ сосѣдней гостинной я узналъ въ этотъ вечеръ В. А. Жуковскаго, князя П. А. Вяземскаго и графа Г. А. Строганова.

Пушкина видѣлъ я передъ тѣмъ одинъ только разъ, въ 1831-мъ году, вмѣстѣ съ его молодою красавицею-женою, въ саду Александравскаго дворца, въ Царскомъ Селѣ. Онъ тогда провелъ тамъ все лѣто по случаю свирѣпствовавшей въ С. Петербургѣ холеры. Однажды онъ везъ оттуда женѣ своей въ подарокъ дорогую Турецкую шаль; ее въ карантинѣ окурили и всю искололи. Мнѣ, послѣ этой единственной встрѣчи съ Пушкинымъ, на всегда остались памятны: его проницательный взглядъ, его кудрявые волосы и его необыкновенно длинныя

руки. Нелишнее будетъ сказать, что приглашенія на отпѣваніе тѣла Пушкина были разосланы въ церковь Адмиралтейства (замѣнявшую тогда для его прихода недостроенный еще Исакіевскій Соборъ); но что во избѣжаніе демонстраціи, которой будто бы ожидали со стороны студентовъ (?), тѣло перевезено было, чуть ли не въ самый день, назначенный для отпѣванія (или наканунѣ, поздно вечеромъ), не въ Адмиралтейство, а въ сосѣднюю съ домомъ кн. Волконскихъ церковь придворнаго конюшеннаго вѣдомства, откуда оно тогда же отвезено въ Псковскую губернію. До демонстраціи едва ли бы дошло тогда дѣло, и ея могли опасаться только нѣкоторые, довольно сильные враги Пушкина, бывшіе главными виновниками дуэли его съ д' Антезомъ Геккерномъ (*). *Огромное большинство* Петербурскаго общества (и, дѣйствительно, въ особенности молодежь) было крайне возбуждено противъ нихъ, и имъ оставалось только прикидываться раздѣляющими общее горе. Увѣряли, будто одинъ изъ нихъ даже шелъ за гробомъ Пушкина. Но было незначительное *меньшинство*, которое держало сторону д' Антеза, именно: его полковые товарищи, навѣщавшіе его на гауптвахтѣ и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса, друзья его секунданта виконта д'Аршіака (секретаря Французскаго посольства) и его нареченнаго отца, Голландскаго посланника барона Геккерна (**).

Въ 1840-хъ годахъ, въ одну изъ литературно-музыкальныхъ субботъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго, мнѣ случилось засидѣться до того, что я остался въ его кабинетѣ самъ четвертъ съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ и Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, извѣстнымъ въ свое время подъ названіемъ *Левушки*. Онъ тогда только-что прибылъ съ Кавказа, въ обще-армейскомъ кавалерійскомъ мундирѣ съ маіорскими эполетами. Чертами лица и кудрявыми (хотя русыми) волосами онъ нѣсколько напоминалъ своего брата, но ростомъ былъ меньше его. Подали ужинъ, и тутъ-то *Левушка* въ первый разъ узналъ изъ подробнаго, въ высшей степени занимательнаго разсказа графа Віелегорскаго всѣ коварныя подстреканія, которыя довели брата его до дуэли. Передавать въ печати слышанное тогда мною и теперь еще неудобно. Скажу только, что извѣстный въ послѣдствіи писатель-генеалогъ князь П. В. Долгоруковъ былъ тутъ поименованъ въ числѣ авторовъ возбудительныхъ подметныхъ писемъ.

Домъ, гдѣ Пушкинъ окончилъ свою драгоцѣнную и незабвенную для Россіи жизнь, принадлежалъ тогда супругѣ фельдмаршала и министра Двора княгинѣ С. Г. Волконской, а теперь принадлежитъ ея сыну гофмейстеру князю Г. П. Волконскому. Не пора ли эту часть набережной Мойки, между мостами Пѣвческимъ и Конюшеннымъ, назвать *Пушкинскою*; а ту часть набережной Фонтанки, гдѣ находится Римско-Католическая Духовная Коллегія (бывшій домъ Г. Р. Державина), *Державинскою*?

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

(*) Онъ поступилъ вольноопредѣляющимся иностранцемъ въ кавалергардскій полкъ подъ *первою* изъ этихъ фамилій, а *вторую* присоединилъ къ ней, когда его усыновилъ бывшій въ то время въ С. Петербурѣ Голландскій посланникъ баронъ Геккернъ; вслѣдствіе чего солдаты того полка говаривали: „былъ сперва *дантистомъ*, а теперь сдѣлался *лекаремъ*!“ Приговоренный военнымъ судомъ за дуэль къ разжалованью въ рядовые, д' Антезъ Геккернъ былъ отвезенъ за границу въ солдатской шинели. При Наполеонѣ III онъ попалъ въ сенаторы и даже былъ присланъ въ Берлинъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ, къ находившемуся тамъ Императору Николаю Павловичу. *Б. Ѳ. Б.*

(**) Баронъ Геккернъ (Heeckeren) съ 1842 г. состоитъ Голландскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ (Almanach de Gotha 1871, Annuaire diplomatique, p. 355). *Б. Ѳ. Б.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КОНЧИНѢ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И О ДУЭЛИ ЕГО СЪ Н. С. МАРТЫНОВЫМЪ.

За послѣднее время появилось нѣсколько статей и отрывочныхъ разсказовъ о смерти Лермонтова, въ коихъ мое имя было упомянуто въ числѣ свидѣтелей дуэли. Въ приложеніяхъ къ Запискамъ г-жи Хвостовой помѣщено заявленіе Н. С. Мартынова, который прямо ссылается на мои показанія [1]). Въ тѣхъ же приложеніяхъ къ Запискамъ г-жи Хвостовой и въ статьѣ журнала «Всемірный Трудъ» сообщается много подробностей, столько же интересныхъ, сколько и невѣрныхъ.

Это вынуждаетъ меня прервать 30-ти лѣтнее молчаніе, чтобы возстановить факты и описать это горестное происшествіе, которому я дѣйствительно имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ на 22 году моей жизни. Молчалъ же я по сіе время потому, что не считалъ себя въ правѣ, по смерти одного изъ противниковъ, безъ уполномочія другаго, живаго, излагать мое мнѣніе о событіи, въ свидѣтели коего я былъ приглашенъ по довѣренности обѣихъ сторонъ. Но 30-ти лѣтняя давность, посмертная слава Лермонтова и наконецъ заявленіе Мартынова, напечатанное въ Русской Старинѣ и вызывающее меня къ сообщенію подробностей, все это побудило меня сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на неточные и пристрастные отзывы.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1841 года Лермонтовъ, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ А. А. Сталыпинымъ и тяжело раненнымъ М. П. Глѣбовымъ возвратились изъ экспедиціи, описанной въ стихотвореніи «Валерикъ», для отдыха и леченія въ Пятигорскъ. Я съ ними встрѣтился, и мы поселились вмѣстѣ въ одномъ домѣ, кромѣ Глѣбова, который нанялъ квартиру особо. Позже подъѣхалъ къ намъ князь Трубецкой [2]), которому я уступилъ половину моей квартиры.

Мы жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ, 20—25 лѣтъ. Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовымъ, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать наша дружба, были искренны, чистосердечны. Однако глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцею Лермонтова.

Въ Лермонтовѣ (мы говоримъ о немъ какъ о частномъ лицѣ) было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ.

Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всѣхъ Сталыпинъ (прозванный имъ же Монго), Глѣбовъ, бывшій его товарищъ по гусарскому полку, въ послѣдствіи тоже убитый на дуэли князь Александръ Николаевичь Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ бли-

[1]) Издатель Записокъ Е. А. Хвостовой обращался къ Н. С. Мартынову съ приглашеніемъ сообщить подробности о кончинѣ Лермонтова. Мартыновъ заявилъ, что объ этихъ подробностяхъ можно узнать отъ князя А. И. Васильчикова. *П. Б.*

[2]) Князь Сергѣй Васильевичь (1814—1859), отецъ графини Морни. *П. Б.*

жайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ по его понятіямъ весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и подшучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками.

Но кромѣ того въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно соглашается съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и геніальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился въ краткой и бурной своей жизни.

Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серіозными занятіями и чтеніями, и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-ти лѣтнему школьному мальчику; напримѣръ, когда къ обѣду подавали блюдо, которое онъ любилъ, то онъ съ громкимъ крикомъ и смѣхомъ бросался на блюдо, вонзалъ свою вилку въ лучшіе куски, опустошалъ все кушанье и часто оставлялъ всѣхъ насъ безъ обѣда. Разъ какой-то проѣзжій стихотворецъ пришелъ къ нему съ толстой тетрадью своихъ произведеній и началъ ихъ читать; но въ разговорѣ между прочимъ сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ Россіи и везетъ съ собой боченокъ свѣжепросольныхъ огурцовъ, большой рѣдкости на Кавказѣ; тогда Лермонтовъ предложилъ ему придти на его квартиру, чтобы внимательнѣе выслушать его прекрасную поэзію и на другой день, придя къ нему, намекнулъ на огурцы, которые благодушный хозяинъ и поспѣшилъ подать. За тѣмъ началось чтеніе, и покуда авторъ все болѣе и болѣе углублялся въ свою поэзію, его слушатель Лермонтовъ скушалъ половину огурчиковъ, другую половину набилъ себѣ въ карманы и, окончивъ свой подвигъ, бѣжалъ безъ прощанья отъ неумолимаго чтеца-стихотворца.

Обѣдая каждый день въ Пятигорской гостинницѣ, онъ выдумалъ еще слѣдующую проказу. Собирая столовыя тарелки, онъ сухимъ ударомъ въ голову слегка ихъ надламывалъ, но такъ что образовывалась только едва замѣтная трещина, а тарелка держалась крѣпко, покуда не попадала при мытьѣ посуды въ горячую воду; тутъ она разомъ расползалась, и несчастные служители вынимали изъ лахани вмѣсто тарелокъ груды лома и черепковъ. Разумѣется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтовъ поспѣшилъ самъ заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатился щедро за свою забаву.

Мы привели эти черты, сами по себѣ ничтожныя, для вѣрной характеристики этаго страннаго, игриваго и вмѣстѣ съ тѣмъ заносчиваго нрава. Лермонтовъ не принадлежалъ къ числу разочарованныхъ, озлобленныхъ поэтовъ, бичующихъ слабости и пороки людскіе изъ зависти, что не могутъ насладиться запрещеннымъ плодомъ; онъ былъ вполнѣ человѣкъ своего вѣка, герой своего времяни: вѣка и времени, самыхъ пустыхъ въ исторіи Русской гражданственности. Но живя этою жизнію, къ коей всѣ мы, юноши 30 годовъ, были обречены, вращаясь въ средѣ великосвѣтскаго общества, придавленнаго и кассированнаго послѣ катастрофы 14-го Декабря, онъ глубоко и горько со-

знавалъ его ничтожество и выражалъ это чувство не только въ стихахъ «Печально я гляжу на наше поколѣнье», но и въ ежедневныхъ, свѣтскихъ и товарищескихъ своихъ сношеніяхъ. Отъ этаго онъ былъ, вообще, не любимъ въ кругу своихъ знакомыхъ въ гвардіи и въ Петербургскихъ салонахъ; при Дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и при томъ, по фрунту, дурнымъ офицеромъ, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться «*что туда ему и дорога*». Все Петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово надъ храбрымъ офицеромъ и великимъ поэтомъ.

И такъ, отдавая полную справедливость внутреннимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе отъ современнаго общества, нельзя однако не сознаться, что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей, безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность.

Однажды на вечерѣ у генеральши Верзилиной, Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-то новую шутку, болѣе или менѣе острую, надъ Мартыновымъ. Что́ онъ сказалъ, мы не разслышали; знаю только, что, выходя изъ дома на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему, очень тихимъ и ровнымъ голосомъ пофранцузски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ», на что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «*а если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія*». Больше ничего въ тотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни, до дуэли, между ними не было, по крайней мѣрѣ намъ, Столыпину, Глѣбову и мнѣ неизвѣстно, и мы считали эту ссору столь ничтожною и мелочною, что до послѣдней минуты увѣрены были, что она кончится примиреніемъ. Тѣмъ не менѣе всѣ мы и въ особенности М. П. Глѣбовъ, который соединялъ съ отважною храбростію самое любезное и сердечное добродушіе и пользовался равнымъ уваженіемъ и дружбою обоихъ противниковъ, всѣ мы, говорю, истощили въ теченіи 3-хъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что вышеприведенныя слова Лермонтова «потребуйте отъ меня удовлетворенія» заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію.

На этомъ сокрушились всѣ наши усилія; трехъ-дневная отсрочка не послужила ни къ чему, и 15 Іюля часовъ въ 6—7 вечера мы поѣхали на роковую встрѣчу; но и тутъ, въ послѣднюю минуту, мы, и я думаю самъ Лермонтовъ, были убѣждены, что дуэль кончится пустыми выстрѣлами и что, обмѣнявшись для соблюденія чести двумя пулями, противники подадутъ себѣ руки и поѣдутъ... ужинать.

Когда мы выѣхали на гору Машукъ и выбрали мѣсто по тропинкѣ ведущей въ колонію (имени не помню*),

*) Шотландка. *П. Б.*

темная, громовая туча поднималась изъ за сосѣдней горы Бештау.

Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10 шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я другой Лермонтову и скомандовали: сходись. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные

Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія.

Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ на отрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь) они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго.

Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ; около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуели.

Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу.

Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню странный эпизодъ этого роковаго вечера; наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извощики, слѣдуя примѣру храбрости г. г. докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той-же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло и, чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять; отъ этого движенія, какъ и обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ.

Наконецъ часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извощикомъ, наряженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры.

Вотъ и все что́ я могу припомнить и разсказать объ этомъ происшествіи случившемся 15-го Іюля 1841 года и много описываемомъ въ Іюлѣ 1871 года, ровно чрезъ 30 лѣтъ. Если въ

подробностяхъ вкрались ошибки, то я прошу единственнаго оставшагося въ живыхъ свидѣтеля Н. С. Мартынова ихъ исправить. Но за вѣрность общаго очерка я ручаю ь.

Нужно ли за тѣмъ возражать на нѣкоторыя журнальныя статьи, придающія, для вящаго прославленія Лермонтова, всему этому несчастному дѣлу видъ злонамѣреннаго, презрѣннаго убійства? Стоитъ ли опровергать разсказы въ родѣ того, какой приведенъ въ статьѣ Всемірнаго Труда (1870 года № 10), что будто бы Мартыновъ, подойдя къ барьеру, закричалъ: «Лермонтовъ! Стрѣляйся, а не то убью» и проч. проч.; наконецъ, что̀ должно признать вызовомъ, слова ли Лермонтова «потребуй у меня удовлетворенія» или послѣдовавшее за тѣмъ и почти вынужденное этими словами самое требованіе отъ Мартынова.

Положа руку на сердце, всякій безпристрастный свидѣтель долженъ признаться, что Лермонтовъ самъ, можно сказать, напросился на дуэль и поставилъ своего противника въ такое положеніе, что онъ не могъ его не вызвать.

Я, какъ свидѣтель дуэли и другъ покойнаго поэта, не смѣю судить такъ утвердительно, какъ посторонніе разсказчики и незнакомцы, и не считаю нужнымъ ни для славы Лермонтова, ни для назиданія потомства обвинять кого либо въ преждевременной его смерти. Этотъ печальный исходъ былъ почти неизбѣженъ при строптивомъ, безпокойномъ его нравѣ и при томъ непомѣрномъ самолюбіи или преувеличенномъ чувствѣ чести (point d'honneur), которое удерживало его отъ всякаго шага къ примиренію.

Князь А. Васильчиковъ.

ПИСЬМО БАРОНА М. А. КОРФА КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

Вамъ угодно было, многоуважаемый Михаилъ Петровичъ, сообщить въ «Русскій Архивъ» нѣсколько новыхъ свѣдѣній о графѣ М. М. Сперанскомъ, которыя и напечатаны въ XI выпускѣ «Р. Архива», 1871 года подъ заглавіемъ: «Къ біографіи Сперанскаго».

Въ числѣ полученныхъ Вами свѣдѣній, Вы дали мѣсто отрывку изъ письма къ Вамъ Андрея Николаевича Муравьева, въ которомъ содержатся два слышанные имъ разсказа: первый отъ одного сановника, фамиліи котораго онъ, за давностію времени, не помнитъ, второй — отъ памятнаго еще многимъ въ Петербургѣ Николая Александровича Челищева.

Не буду останавливаться на первомъ изъ этихъ разсказовъ. Подобныхъ ему, т. е. столь же мало удостовѣренныхъ и доказанныхъ положительными данными, хотя иногда болѣе или менѣе вѣроподобныхъ, я слышалъ безчисленное множество *). Переходя непосредственно ко второму разсказу, я вижу, что здѣсь или почтенному Николаю Александровичу, передававшему событія, вѣроятно, уже долгое время спустя, совершенно измѣнила старческая память, даже и въ отношеніи къ собственному его лицу, или, быть можетъ, А. Н. Муравьевъ, припоминая въ письмѣ къ Вамъ слышанное отъ Николая Александровича, впалъ въ нѣкоторыя неточности и ошибки. Вотъ какъ было на самомъ дѣлѣ.

Коммиссія для повѣрки Свода (а не Собранія Законовъ) упоминаемая г.

*) См., Жизнь Графа Сперанскаго Т. II, стр. 16 и выноску къ ней.

Челищевымъ, составлена была не изъ министра юстиціи князя Лобанова, еще прежде переставшаго быть министромъ, и не изъ трехъ сенатскихъ оберъ-прокуроровъ, а изъ управлявшаго министерствомъ юстиціи князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукаго, двухъ сенаторовъ, оберъ-прокурора перваго департамента Правительствующаго Сената и директора департамента министерства юстиціи; сенаторы же были: Болгарскій и Челищевъ. Слѣдственно послѣдній былъ въ то время не оберъ-прокуроръ (какъ онъ то говорилъ), а сенаторъ.

Но что̀ гораздо еще знаменательнѣе, это то̀, что I-я часть I-го тома Свода т. е. «Основные законы» ни упомянутой Коммиссіи, ни вообще кому либо прежде появленія ея въ свѣтъ сообщаема не была. На Коммиссію исключительно была возложена обязанность повѣрки Свода Законовъ *гражданскихъ* и *уголовныхъ*. Слѣдственно ни г. Челищевъ, ни его сотрудники вовсе не были призваны къ разсмотрѣнію той именно части Свода, въ которой шла рѣчь о верховной Императорской власти, и какъ эта часть могла сдѣлаться ему извѣстною только по изданіи въ свѣтъ всего Свода, когда уже поздно было поправлять замѣченный имъ будто бы пропускъ, то изъ этого самаго и достаточно уже обнаруживается степень достовѣрности его разсказа.

Обращаясь за тѣмъ къ указываемому г. Челищевымъ мнимому пропуску, замѣчу, что всѣхъ редакцій «Основныхъ законовъ» было три: первоначальная, составленная мною, вторая — исправленная Сперанскимъ, и третья окончательная, въ томъ видѣ, какъ эти законы, по просмотрѣ ихъ Императоромъ Николаемъ I-мъ, вошли въ текстъ Свода. Въ первыхъ двухъ редакціяхъ дѣлались постепенно разныя перемѣны, поправки и перестановки, но въ самой *первой* была включена статья слѣдующаго содержанія: «Власть Монарха есть Самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ».

Всѣ эти свѣдѣнія извлечены изъ подлинныхъ дѣлъ Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Позвольте мнѣ еще одну маленькую замѣтку по другому предмету. «Сперанскій — сказано въ концѣ той же статьи—неправильно далъ колоссальнымъ своимъ трудамъ титулъ Собранія и Свода Законовъ; они должны быть названы Собраніемъ и Сводомъ Высочайшихъ указовъ.» Это едва ли такъ: уже не говоря о Собраніи, въ самый Сводъ вошло, сверхъ Высочайшихъ указовъ, и множество опредѣленій и указовъ Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, прежнихъ Коллегій и пр.

Примите свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

С. Петербургъ.
2 Декабря 1871.
Его Пр-ву М. П. Погодину.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1872

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ выходитъ въ 1872 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя девять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года (12 тетрадей котораго разсылаются *по мѣрѣ отпечатанія* и составятъ до 2000 и выше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1872 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Русскій Архивъ 1872 года вмѣстѣ съ первыми двумя книгами XIX Вѣка— **ДВѢНАДЦАТЬ** р. съ пересылкою. Вмѣстѣ съ первыми 4 книгами XVIII Вѣка цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года— **ШЕСТНАДЦАТЬ** рублей, съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ОСТАВШІЕСЯ (СОЕДИНЕННЫЕ ВЪ ОДНУ КНИГУ) ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 И 1871 Г. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПО ШЕСТИ РУБЛЕЙ (ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЕТСЯ).

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. 1872.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографіи Грачева и К. у Пречист. вор. д. Шиловой и Іогансона на Нов. Басм., д. Соколова.

1872.

ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ КНИГИ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЫДУТЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ СЕГО ГОДА.

ПИСЬМА И РЕСКРИПТЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

КЪ МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ[1]).

I. Къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому.

1.

Князь Василій Михаиловичъ. Пожаловавъ приданое фрейлинѣ Александрѣ Левшиной двадцать пять тысячъ рублей, да за четыре года процентовъ шесть тысячъ девять сотъ пятдесятъ семь рублей, а всѣхъ и съ обыкновеннымъ фрейлинскимъ сорокъ три тысячи девятьсотъ пятьдесятъ семь рублей, при нынѣшнемъ ея вступленіи въ супружество съ капитанъ-поручикомъ гвардіи княземъ Черкаскимъ, я желаю, чтобъ сія сумма въ пользу ея обнадежена была обращеніемъ оной въ недвижимое имѣніе. Для сего я поручаю вамъ купить на оную въ Москвѣ домъ и деревню по разсмотрѣнію вашему, повелѣвъ между тѣмъ дѣйствительному тайному совѣтнику Олсуфьеву сохранить ту сумму до востребованія вашего. Пребываю и пр.

«Екатерина» [2]).

Въ Царскомъ Селѣ.
Апрѣля 25. 1780.

2.

Князь Василій Михаиловичъ. Пріемля за благо всѣ распоряженія по смерти бригадира князя Сергѣя Кантемира учиненныя вами на первый случай объ имѣніи его, доставляемъ вамъ копію письма отъ покойнаго князя Сергѣя Кантемира къ намъ присланнаго въ концѣ 1776 года, коимъ онъ двоюроднаго брата своего, сына князя Дмитрія Кантемира, отрѣшая отъ наслѣдства по немъ за разныя причиненныя ему озлобленія и за продерзости, просилъ, чтобъ имѣніе его присоединить по смерти его къ коронѣ, отъ которой отецъ его тѣмъ и пожалованъ былъ. Состояніе сего оставшагося Кантемира извѣстно вамъ и самимъ, какъ мы изъ донесенія вашего усматриваемъ; почему повелѣваемъ помянутое письмо предложить Сенату нашему, дабы отъ онаго предписано было кому надлежитъ объ опредѣленіи къ тому имѣнію опекуновъ съ наставленіемъ для нихъ потребнымъ. Деньги наличныя, и тѣ что по векселямъ или закладнымъ въ сроки вступать станутъ, прикажите отдать на сохраненіе въ банкъ дворянской, о всемъ же его имуществѣ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, которые хранятся въ Московскомъ генералъ-губернаторскомъ архивѣ. Вмѣняемъ себѣ въ обязанность засвидѣтельствовать здѣсь глубочайшую признательность его сіятельству князю Владиміру Андреевичу Долгорукову за просвѣщенное радушіе, съ коимъ открытъ былъ намъ доступъ къ этимъ бумагамъ. Изъ нихъ письма къ князю М. Н. Волконскому напечатаны нами въ первой книгѣ «Осмнадцатаго Вѣка» и потому здѣсь не помѣщаются. *П. Б.*

[2]) При дальнѣйшихъ письмахъ опускаются обычное окончаніе и подпись; а тѣ письма, которыя Государыня писала своею рукою, равно и собственноручныя ея приписки, обозначаются вносными знаками. *П. Б.*

доставьте намъ вѣдомость, въ ожиданіи дальнѣйшихъ нашихъ повелѣній.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 3-го дня 1780 г.

3.

Князь Василій Михаиловичъ. Отъ бригадирши Александры Дмитріевой-Мамоновой подано намъ прошеніе, что хотя Юстицъ-Коллегія въ слѣдствіе повелѣнія нашего, даннаго генералу князю Волконскому Марта 4-го дня прошедшаго года и опредѣлила опекуновъ къ мужу ея по состоянію его, но до сего времени опись движимаго имѣнія еще не сдѣлана и она съ сыномъ своимъ ничего изъ доходовъ не получаетъ на свое содержаніе; а какъ при учрежденіи сего опекунства намѣреніе наше состояло въ томъ, чтобы больной былъ въ призрѣніи и чтобъ сохранено было имѣніе въ пользу наслѣдниковъ, то повелѣваемъ вамъ поручить Московскому оберъ-полицеймейстеру, чтобъ онъ съ опредѣленными отъ Юстицъ-Коллелгіи опекунами устроили призрѣніе больнаго, опредѣливъ на содержаніе его потребную сумму, учредили о выдачѣ потребнаго на содержаніе женѣ его и сыну и всякія распоряженія къ пользѣ ихъ служащія учинили, особливо же къ уплатѣ долговъ съ возможнымъ отвращеніемъ потери недвижимаго имѣнія ихъ. Отъ ихъ разсмотрѣнія зависѣть будетъ, оставить ли больнаго въ деревнѣ, гдѣ нынѣ находится, или перевезти въ Москву ради удобнѣйшаго надъ нимъ присмотру. Нужныя для сей опеки наставленія могутъ заимствованы быть изъ главы XVI Учрежденій нашихъ объ управленіи губерній.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 5, 1780 года.

4.

Князь Василій Михаиловичъ. Графъ Фалькенштейнъ во время пребыванія своего въ Кіевѣ между прочими разговорами своими объявилъ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому свое желаніе видѣть столичный городъ Москву. Для сего нужно есть, чтобы вы къ переѣзду его и благопристойному принятію учинили надлежащія распоряженія; а дабы въ разсужденіи строго наблюдаемаго со стороны его инкогнито могли вы сходственно тому учредить ваши пріуготовленія, я за нужное почла сообщить для лучшаго руководства два послѣднія донесенія графа Румянцева-Задунайскаго, въ коихъ найдете вы, въ какомъ числѣ свита его состоитъ, сколько потребно поставлять лошадей для переѣзда его и что̀ нужно для выгоды его въ переѣздѣ. Дальнѣйшія по сему увѣдомленія не премину я доставить вамъ, прежде нежели буду видѣть васъ въ Смоленскѣ.

Въ Полоцкѣ.
Мая 22, 1780.

5

Князь Василій Михайловичъ. Намѣреніе графа Фалькенштейна о поѣздкѣ его въ Смоленскъ, Москву и Санктпетербуръ рѣшительно уже имъ объявлено. Я не сомнѣваюсь, что вы по первому моему письму, изъ Полоцка отправленному, не упустили сдѣлать заврременно потребныя распоряженія. Но, дабы наилучше вамъ въ томъ способствовать, за нужное нахожу дать вамъ знать, чтобъ во 1-хъ по дорогамъ: Смоленской къ Москвѣ и отъ Москвы къ Санктпетербургу идущимъ для переѣзда его, приказали поставить на каждой станціи по сту лошадей. Въ Москвѣ для пребыванія его назначили домъ, а какъ онъ неохотно становится индѣ какъ въ вольныхъ домахъ, то и поставить на немъ вывѣску. Такимъ же образомъ и въ Можайскѣ домъ для него приготовить съ вывѣскою и убрать оный бумажками Московскими

и простыми мебелями, а по Санктпетербургской дорогѣ исправить и такъ же убрать путевые дворцы. Вы не оставите о всевозможномъ поправленіи дороги постараться, а впротчемъ о дальнѣйшихъ подробностяхъ, къ сему его путешествію касающихся, не преминетъ увѣдомить васъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, а вы равно о томъ же сообщите генералъ-поручику Сиверсу.

Въ Могилевѣ.
Мая 25, 1780 г.

6.

Князь Василій Михайловичъ. Генералъ - поручикъ и генералъ - провіантмейстеръ князь Щербатовъ и лейбъ - гвардіи коннаго полку ротмистръ Григорій Васильчиковъ, поданнымъ намъ прошеніемъ принося жалобу на дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, въ чинимомъ имъ якобы неправильномъ взысканіи съ нихъ 8733 руб. 70 коп., за неисправную поставку каменьщиковъ къ строенію въ Москвѣ Екатерининскаго дворца, по учиненному крестьянами ихъ договору, по которымъ оба они состоятъ поруками, и что поручительство ихъ по тѣхъ крестьянахъ состояло въ строеніи одного главнаго корпуса дворца, а не службъ, въ строеніи которыхъ та неисправность послѣдовала, и означенное взысканіе съ нихъ чинится, просятъ объ уничтоженіи онаго. Мы, препровождая къ вамъ при семъ помянутое прошеніе, повелѣваемъ предложить оное Московской Губернской Канцеляріи съ тѣмъ, чтобъ по истребованіи отъ кого слѣдуетъ всѣхъ касающихся до сего доказательствъ, рѣшила оная на основаніи законовъ, и что̀ потому учинено будетъ, о томъ имѣете намъ донести.

Октября 26, 1780 г.
С.-тъ Петербургъ.

7.

Князь Василій Михайловичъ. Отъ лейбъ-гвардіи ротмистра князя Ивана Лобанова - Ростовскаго прислано къ намъ письмо, въ оригиналѣ симъ препровождаемое, объ утвержденіи духовной покойнаго оберъ-шталмейстера князя Репнина, въ 20-й день Генваря 1778 г. состоявшейся, по которому истребовали мы отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго заключеніе о упомянутой духовной, равнымъ же образомъ здѣсь прилагаемое. Послѣ того подано намъ письмо отъ генерала князя Репнина съ опровerженіемъ той духовной и съ прошеніемъ объ изслѣдованіи о томъ чрезъ особъ нами назначаемыхъ. Мы, желая, чтобъ между толь близкими свойственниками тяжба упреждена и споры прекращены были, дѣла же ихъ взаимныя воспріяли окончаніе образомъ миролюбивымъ и по самой совѣсти, исполненіе того препоручаемъ вамъ, какъ особѣ, къ коей обѣ стороны безъ сомнѣнія имѣютъ равную надежду и довѣренность; и ежели они, споспѣшествуя окончанію дѣла сего, разсудятъ за благо для пособія вамъ выбрать отъ себя по одному довѣренному человѣку, то мы сіе позволяемъ. Впрочемъ вы не оставите изыскать средства къ пресѣченію распрей между нимъ и семействами ихъ и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ учинить рѣшительное положеніе, которое и взнесете къ намъ на конфирмацію.

Въ С.-Петербургѣ.
4 Ноября, 1780.

8.

«Князь Василій Михаиловичъ. Писала я на сихъ дняхъ къ вамъ по дѣлу князей Лобановыхъ и Репниныхъ и поручила вамъ полюбовной разборъ между ими по духовной и по имѣнію покойнаго князя Петра Ивановича

Репнина, которая духовная, какъ вы увидите изъ заключенія къ вамъ посланнаго (отъ) генералъ-прокурора, весьма сумнительна. По раздѣлу между ими, надѣюсь, что вы потребуете отъ каждой стороны по полномочному. Но какъ здѣсь слухъ открылся, что духовная Лобановымъ куплена у Вердеревскаго, то буде у васъ окажется малѣйшее сумнѣніе, что та духовная лжесоставленная, то прикажите изслѣдовать и обнаружить бездѣльство, соединенное съ образцовою еще по нынѣ дерзостью. Лжесоставленую подобную бумагу прислать ко мнѣ на конфирмацію.

Ноября 6 числа 1780 г. изъ Санктп.»

9.

Князь Василій Михаиловичъ. Прилагая при семъ письмо намъ поданное отъ надворнаго совѣтника и архитектора Баженова, по принужденію его со стороны дѣйствительнаго статскаго совѣтника Демидова къ скорой заплатѣ векселей, на кои онъ, Баженовъ, получалъ отъ Демидова деньги, признавая его въ томъ къ себѣ тогда оказанное благодѣяніе, мы желаемъ, чтобъ вы сами или черезъ кого разсудите за благо приложили стараніе окончить сей между ними разсчетъ образомъ на обѣ стороны выгоднымъ по добровольному ихъ согласію.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 9-го дня, 1780 г.

10.

Нашему генералу въ Москвѣ главнокомандующему князю Долгорукову-Крымскому.

Отъ Сената нашего увѣдомлены вы будете, что мы въ первый день сего Генваря указали нашему генералъ-маіору и Московскому оберъ-полицеймейстеру Архарову быть Московскимъ губернаторомъ. Въ слѣдствіе сего онъ Архаровъ долженствуетъ принять надлежащимъ образомъ ввѣренную ему губернію отъ генерала-поручика графа Остермана и подъ главнымъ руководствомъ вашимъ, осмотрѣвъ ее самолично, изготовить примѣрнымъ раздѣленіемъ на уѣзды и назначеніемъ новыхъ городовъ по удобности къ устроенію ея въ образѣ, учрежденіями нашими предписанномъ. Полиція Московская, будучи управляема оберъ-полицмейстеромъ по примѣру, какъ и въ здѣшней нашей столицѣ, имѣетъ зависѣть отъ губернатора, а посредствомъ его отъ васъ, яко главнокомандующаго. Строенія въ Кремлѣ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и по дорогѣ къ Санктпетербургу путевыхъ дворцовъ мы препоручаемъ ему же Архарову подъ главнымъ вѣдѣніемъ вашимъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 2-го дня, 1781 года.

11.

Князь Василій Михаиловичъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 21-го изшедшаго Декабря, что вы по открывшимся на статскаго совѣтника Вердеревскаго сомнѣніямъ относительно оказавшейся у него послѣ смерти покойнаго оберъ-шталмейстера князя Репнина отъ имени его духовной предписали Юстицъ-коллегіи учинить на основаніи законовъ строжайшее изслѣдованіе къ обнаруженію бездѣльства въ семъ случаѣ подозрѣваемаго; какъ въ томъ же донесеніи вашемъ встрѣчаемъ, что уполномоченный со стороны генерала князя Репнина генералъ графъ Панинъ, представляя поступокъ со стороны князя Репнина, въ пользу князя Лобанова и его семейства, уничтоженіемъ великаго на немъ иска, дачею женѣ его дома, а дѣтямъ до полуторы тысячи душъ крестьянъ, со стороны же Лобанова предполагая непризнательность къ сему благодѣянію въ явленіи помянутой духовной, отрекся входить въ дальнія миролюбивыя условія, безъ ма-

лѣйшаго впрочемъ нарушенія однажды сдѣланныхъ ему Лобанову награжденій; то и желаемъ, чтобъ вы объявленную отъ имени оберъ-шталмейстера князя Репнина, послѣ смерти его оказавшуюся духовную съ поданнымъ намъ отъ генералъ-прокурора объ ней заключеніемъ отослали въ Юстицъ-коллегію для законнаго потому о сей духовной рѣшенія.

Въ С.-Петербургѣ,
Генваря 15. 1781.

12.

«Князь Василій Михаиловичъ. Слышу я, что князь Василій Влад. Долгорукой сбирается пріѣхать въ Петербургъ. Мнѣ сіе тѣмъ удивительнѣе, что ему нельзя не знать, что его пріѣздъ сюда мнѣ не пріятенъ, о чемъ можете ему объявить безъ всѣхъ обиняковъ; что за симъ послѣдуетъ, по тому и мѣры свои расположу. Остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Февраля 23, 1781 г.»

13.

Князь Василій Михаиловичъ. Мы увѣдомились, что между откупщиками обоихъ столичныхъ нашихъ городовъ Санктпетербурга и Москвы учинено распоряженіе, чтобъ бывшимъ у сборовъ Московскихъ принять въ управленіе здѣшніе, а здѣшнимъ взять смотрѣніе за Московскими. А какъ находившіеся въ Санктпетербургѣ коронные повѣренные Иванъ Голиковъ съ товарищами состоятъ подъ судомъ за доказанный ихъ умыслъ провесть водку Французскую чрезъ Выборгъ въ Санктпетербургскую губернію, по видимому похищая пошлину казнѣ принадлежащую и за поддѣланіе водки подъ Французскую и уже дѣло сіе входитъ на рѣшеніе въ Палату Уголовныхъ Дѣлъ, то мы и признаемъ необходимо нужнымъ предувѣдомить васъ, чтобъ вы Камеръ-коллегіи и Московскому губернатору предписали съ крайнею точностію и осторожностію наблюдать, дабы коронные повѣренные Московскіе исправно и бездоимочно платили по срокамъ надлежащую по контракту сумму, не дѣлая послабленія и отсроченія; ибо если отъ таковыхъ попущеній сдѣлается недоборъ, то и поставленъ онъ будетъ на щетъ тѣхъ, кто обязаны были взысканіемъ. Мы желаемъ, чтобъ вы какъ о настоящемъ сего сбора состояніи насъ увѣдомить приказали, такъ и впередъ не оставляли доносить намъ, если бы начинали оказываться неисправность и безнадежность откупщиковъ, дабы завременно можно было принять средства къ отвращенію казеннаго ущерба.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 11, 1781.

14.

«Князь Василій Михайловичъ. Писалъ князь Василій Володимір. ко мнѣ письмо и проситъ меня, чтобъ ему объявить, почему онъ подъ гнѣвомъ моимъ. Прошу ему сказать моимъ именемъ, что я гнѣва на него не имѣю.

Марта 28 ч. 1781 г.»

15.

Князь Василій Михайловичъ. Поданныя отъ вдовы умершаго генерала графа Ефимовскаго намъ прошенія о наказаніи крестьянъ ея и дѣтей ея за учиненныя предъ нею продерзости и приведеніи въ надлежащее повиновеніе и съ жалобами опекуновъ препровождаемъ при семъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ вы о скорѣйшемъ по онымъ разсмотрѣніи и рѣшеніи, гдѣ надлежитъ по законамъ, учинили именемъ нашимъ предписанія; да и не оставили бы подавать сей просительницѣ охраненіе, гдѣ оное съ справедливостію вмѣстно быть можетъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 7. 1781.

16.

«Князь Василій Михайловичъ. Въ Кремлѣ въ моей столовой комнатѣ на

стѣнѣ у дверей къ спальнѣ стоитъ мой портретъ, писанный графомъ Ротаріемъ. Прикажите пожалуй оный портретъ скопировать подъ надзираніемъ Рокотова и прикажите по окончаніи заплатить изъ остаточнаго казначейства на счетъ Кабинета, а копію прошу прислать ко мнѣ.

Изъ Царскаго Села.
15 Іюня 1781 г.»

17.

Князь Василій Михайловичъ. Прилагая при семъ прошеніе намъ поданное отъ коллежскаго ассессора Якова Твердышева по дѣлу о раздѣлѣ его съ дочерьми умершаго родственника его Мясникова, соизволяемъ, чтобъ вы, въ прекращеніи тяжбы, предложили обѣимъ сторонамъ выбрать по одному или по два посредника, которые подъ надзираніемъ вашимъ могли бы по справедливости разобрать взаимныя ихъ требованія и потомъ въ рѣшеніи дѣла ихъ поступить сходственно 400 статьѣ Учрежденій нашихъ объ управленіи губерній. Вслѣдствіе чего здѣсь же прилагается и прошеніе поданное отъ дочерей Мясникова.

Въ Петербургѣ.
Іюля 7 дня 1781.

18.

Князь Василій Михайловичъ. Съ упраздненіемъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ отчасу болѣе оказывается надобность устроить Московскую губернію въ образѣ Учрежденіями нашими преднаписанномъ, чтѣ и предполагаемъ исполнить въ концѣ будущаго 1782 года. Мы въ слѣдствіе того соизволяемъ, чтобъ вы, по окончаніи осмотра той губерніи, указомъ нашимъ отъ 2-го Генваря сего года повелѣннаго, разсмотря все учиненное тамошнимъ губернаторомъ генераломъ-маіоромъ Архаровымъ, прислали къ намъ съ Архаровымъ, препровождая тутъ и ваши примѣчанія, дабы мы могли по тому дать наши дальнѣйшія повелѣнія. На сей случай мы предусматриваемъ токмо надобность въ строеніи для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ. Но сіе учинить можно на первое время покупкою нѣсколько сряду домовъ, кои можно соединить по примѣру здѣшнихъ, не смотря на то, хотя бы тутъ случилися и деревянныя строенія. Для таковой покупки и перестройки мы назначаемъ въ будущемъ году 100,000 рублей, желая, чтобъ вы съ губернаторомъ представили намъ планы таковымъ домамъ и тѣмъ передѣлкамъ, кои вы за нужное почитаете.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 18 дня, 1781.

19.

Князь Василій Михайловичъ. По сдѣланному отъ меня заступленію, его величество Римскій императоръ приказалъ освободить изъ заключенія князя Кантакузина, находившагося въ здѣшней службѣ генералъ-маіоромъ, и отпустить въ Россію. Мнѣ не извѣстно, въ живыхъ-ли жена его и гдѣ дѣти его находятся. Почему и поручаю вамъ доставить имъ сіе извѣстіе и сказать, что онъ вскорѣ къ нимъ будетъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Октября 3-го дня, 1781.

20.

Князь Василій Михайловичъ. Прилагая при семъ письмо, полученное нами отъ жены умершаго гвардіи капитана-поручика Якова Римскаго-Корсакова Варвары Римской-Корсаковой о дозволеніи ей отъѣхать въ Польшу съ братомъ ея княземъ Четвертинскимъ, мы желаемъ, чтобы вы, удостовѣряся въ подлинности того, объявили ей, что она можетъ туда отправиться и снабдили ее пашпортомъ, а ежели тутъ встрѣтится какое-либо сомнѣніе, то дайте намъ знать.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 9, 1781.

21.

Князь Василій Михаиловичъ. Изъ прилагаемой при семъ челобитной содержателя Московскаго клуба Лефевра усмотрите жалобу его на генералъ-поручика Степана Ржевскаго и полковника князя Николая Одоевскаго во взятіи якобы у него непозволеннымъ образомъ обязательства совсѣмъ несогласнаго тому, которое ему на Французскомъ языкѣ предложено было. Мы повелѣваемъ вамъ препоручить Московской губернской канцеляріи дѣло сіе безъ малѣйшаго продолженія изслѣдовать, разсмотрѣть и рѣшить по законамъ и справедливости; и о таковомъ рѣшеніи доставьте намъ въ свое время рапортъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 21 дня,
1781 г.

22.

Князь Василій Михаиловичъ. По завѣщанію умершей вдовы президента Юстицъ-коллегіи Алексѣя Яковлева Натальи Борисовой*) дочери, свидѣтельствуемому взрослыми ея сыновьями, мы позволяемъ надлежащій раздѣлъ въ имѣніи между оными взрослыми и малолѣтными дѣтьми ея учинить сестрѣ ея Яковлевой княжнѣ Аннѣ Мещерской, обще съ просимыми сею послѣднею въ помощь полковникомъ Борисомъ Островскимъ и титулярнымъ совѣтникомъ Васильемъ Ивановымъ, равно какъ и продать домы Санктпетербургской и Московской съ подмосковною деревнею, обратя выручаемыя за то деньги въ пользу наслѣдниковъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 11 дня,
1781 г.

*) Урожд. княжны Мещерской. Это родная бабка Герцена. *П. Б.*

23.

Князь Василій Михаиловичъ. Изъ донесенія вашего отъ 1-го сего Генваря открывается, что Московскій магистратъ не имѣлъ никакого права настоять на запечатаніе лавокъ иностранныхъ купцовъ, въ подданство здѣшнее записавшихся, тѣмъ болѣе, что различіе времяннаго съ вѣчнымъ подданствомъ нимало не вмѣстно, ибо всякъ изъ таковыхъ иностранцевъ вписывается въ оное до тѣхъ поръ, покуда собственную для себя выгоду находитъ; а со стороны гражданскаго управленія и должно наблюдать только, чтобъ таковые удовлетворяли всему, что̀ по законамъ и состоянію ихъ свойственно. Равнымъ образомъ и торгъ ихъ, въ лавкахъ близъ гостиннаго двора и въ виду онаго терпимый довольное число лѣтъ, не могъ служить къ тому поводомъ; а что̀ до проѣзжей пошлины, если оная по сіе время собираема не была, потому что вмѣсто оной наложены (съ крайнимъ облегченіемъ для внутренней торговли) въ пошлинахъ таможенныхъ нѣкоторые проценты, да и какъ сами вы изъясняете, представлено уже о томъ въ Коммерцъ-коллегію, то и слѣдовало ожидать рѣшешенія, не приступая къ предварительному исполненію. По симъ причинамъ соизволяемъ мы, чтобъ лавки иностранныхъ купцовъ въ Москвѣ тотчасъ распечатаны были и торгъ ихъ поставленъ былъ въ то состояніе, въ каковомъ онъ отправлялся до сего въ ожиданіи изданія нашихъ учрежденій о городахъ и торговлѣ. Что̀ же касается до наблюденія, дабы тѣ не торговали, коимъ то вовсе по законамъ не принадлежитъ, или чтобы неявленные и запрещенные товары въ продажѣ не обращалися, въ томъ магистраты и прочіе кому оное въ должность предписано обязаны поступать по точности узаконеній.

Въ С.-Петербургѣ.
11 Генваря 1782.

24.

Нашему генералу въ Московской губерніи главнокомандующему князю Долгорукову-Крымскому.

Настоящее Всероссійской Имперіи раздѣленіе на губерніи, умноженіе губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, приращеніе внѣшней и внутренней торговли и оборотовъ поставляютъ государство наше въ необходимость имѣть порядочныя почты, которыя могли бы облегчать между всѣми мѣстами сообщеніе, заимствуя отъ себя содержаніе свое, а со временемъ присовокупляя и нѣкоторые для казны доходы. Къ основанію таковаго о почтахъ установленія нужны подробныя извѣстія о дорогахъ, станціяхъ и о всемъ къ тому принадлежащемъ по всей Имперіи. Чего ради и разсудили мы за благо дать наши повелѣнія нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы каждый изъ нихъ во ввѣренной ему губерніи приказалъ сочинить примѣрную почтовую карту всѣхъ дорогъ: первое отъ города губернскаго къ обѣимъ столицамъ, показывая только станціи своей губерніи и первую прикосновенной; второе отъ города губернскаго къ городамъ губернскимъ прикосновенныхъ намѣстничествъ, означая такимъ же образомъ станціи своей губерніи и первыя соприкосновенныхъ; третье отъ города губернскаго къ городамъ уѣзднымъ той губерніи; четвертое, между уѣздными городами того намѣстничества отъ одного къ другому; пятое, отъ каждаго уѣзднаго города къ обѣимъ столицамъ, показывая также станціи своей губерніи и первыя смежныхъ. Къ симъ примѣрнымъ картамъ присоединить точное росписаніе станцій и описаніе дорогъ, переправъ и лежащихъ по дорогамъ селеній.

По сочиненіи таковыхъ примѣрныхъ картъ, основываясь въ нихъ не на догадкѣ, но на мѣстномъ чрезъ кого пристойно обозрѣніи, соизволяемъ, чтобъ каждый генералъ-губернаторъ или правящій ту должность не оставилъ снестися съ генералами-губернаторами смежныхъ губерній и съ нимъ условиться о дѣйствительной связи почтъ одного намѣстничества съ почтами другаго, о точномъ назначеніи дорогъ между губернскими и другими знатнѣйшими городами, и проложеніи таковыхъ же дорогъ по способности къ столицамъ и къ дальнѣйшимъ мѣстамъ, кои важны суть по торговлѣ, или по другимъ обстоятельствамъ; а дабы все сіе съ надлежащею точностію и единообразіемъ исполнено было, наблюдать слѣдующія вообще правила: 1) хотя всемѣрно надлежитъ стараться находить ближайшія дороги, можно однако же такой близости предпочесть выгодность пути, удобство проѣзда и содержанія или исправленія дорогъ, такъ какъ и сокращенія разныхъ дорогъ въ одну, для уменьшенія издержекъ; 2) чтобъ станціи назначаемы были одна отъ другой не далѣе какъ отъ пятнадцати до двадцати пяти верстъ; 3) чтобы доставлены были обстоятельныя извѣстія о нынѣшнемъ состояніи почтъ въ каждомъ намѣстничествѣ, на каковомъ основаніи и когда онѣ заведены, кто сію общественную службу исправляетъ, о ямщикахъ, гдѣ они находятся и какимъ образомъ, гдѣ они употребляются и о всѣхъ по временамъ учиненныхъ перемѣнахъ и распоряженіяхъ; 4) потребны притомъ мнѣнія каждаго генералъ-губернатора или правящаго ту должность, коимъ образомъ по состоянію того края и жителей его признаютъ они удобнѣе распорядить почты для возки писемъ, а между большими и торговыми городами, наипаче же къ столицамъ, для проѣзжающихъ и для пересылки товаровъ обыкновенныя и чрезвычайныя; 5) о дорогахъ, какимъ способомъ привести ихъ въ надлежащую исправность со всѣми лежащими на нихъ переправами и

потомъ содержать, раздѣля по дистанціямъ; 6) о почтовыхъ дорогахъ и о прочемъ для выгоды проѣзжихъ необходимомъ; 7) о прогонныхъ деньгахъ, какія гдѣ платить слѣдуетъ; 8) о таксахъ съ посылки писемъ и товаровъ на почтахъ; 9) о водяныхъ дорогахъ и о способахъ и судахъ употребляемыхъ для сообщенія водою.

Всѣ таковыя свѣдѣнія и мнѣнія по губерніи вамъ ввѣренной повелѣваемъ вамъ представить на разсмотрѣніе наше, какъ скоро оныя изготовлены будутъ.

Въ С. Петербургѣ. Января 13, 1782.

25.

Князь Василій Михаиловичъ. Варварѣ Римской-Корсаковой, урожденной княжнѣ Четвертинской, мы позволяемъ отъѣхать въ Польшу къ родственнику ея князю Марцелліяну Четвертинскому. Увѣдомляя ее о семъ нашемъ дозволеніи, вы можете обнадежить ее о продолженіи всемилостивѣйшаго нашего покровительства.

Въ С.-Петербургѣ,
Генваря 21, 1782 г.

II. Къ графу З. Г. Чернышеву.

1.

Нашему генералъ-фельдмаршалу графу Чернышеву.

Уважая надобность въ учрежденіи при Казенныхъ Палатахъ особливыхъ экспедицій для успѣшнѣйшаго производства относящихся къ нимъ дѣлъ, по изданнымъ нами уставамъ о винѣ и о соли, предписали мы Сенату нашему, дабы сіи экспедиціи совершенно были устроены до перваго числа будущаго Іюля мѣсяца, повелѣвая вамъ, избравъ способныхъ къ тому людей, представить Сенату для скорѣйшаго ихъ опредѣленія; но какъ губернія Московская не получила еще новаго образованія по изданнымъ отъ насъ учрежденіямъ, то упомянутой экспедиціи быть при Губернской Канцеляріи до устроенія Московской губерніи, а тогда вступить въ составленіе тамошней Казенной Палаты. Причемъ возлагаемъ мы на особенное ваше попеченіе о поспѣшеніи вызовомъ сидѣльцевъ въ казенные питейные дома на основаніи указовъ отъ Сената разосланныхъ 21 Декабря прошедша 1781 года, спрашивая ихъ, не согласятся ли, на точныхъ правилахъ въ уставѣ о винѣ изображенныхъ, принять на откупъ съ 1783-го года тѣ казенные питейные дома, къ коимъ въ сидѣльцы опредѣлиться желаютъ? Какъ же соизволяемъ мы и на то, чтобъ для побужденія сидѣльцевъ къ вящшей радѣтельности о умноженіи расхода вина дать имъ по содержанію 90-го пункта устава о винѣ нѣкоторую отъ продажи умѣренную прибыль, то и назначаемъ до 5 процентовъ съ прибыльныхъ денегъ отъ каждаго ведра, за вычетомъ изъ продажной цѣны во что вино въ казну обошлось; или, для повсемѣстнаго уравненія и минованія мелочныхъ расчетовъ, до четырехъ процентовъ со всей суммы выручаймой по узаконенной цѣнѣ чрезъ винную продажу. Объявляя вамъ крайнюю волю нашу для условія съ вызываемыми сидѣльцами, какими процентами они будутъ довольны, не предполагаемъ мы, чтобъ назначаемое нами число процентовъ сдѣлалось гласно, ибо сіе прописывается для потребнаго единственно вамъ свѣдѣнія, до сколькихъ процентовъ вы условія свои съ сидѣльцами располагать мо-

жете, надѣяся, впрочемъ, что стараніемъ своимъ преклоните ихъ къ соглашенію и на меньшее число процентовъ. Наконецъ препоручаемъ вамъ, дабы по губерніи вамъ ввѣренной получено было въ Сенатъ нашъ прежде Іюня мѣсяца настоящаго года вѣрное исчисленіе о количествѣ денегъ на винный капиталъ, на приготовленіе водокъ, пивъ и медовъ, на разные необходимые къ тому припасы, на посуду надобную для казенныхъ питейныхъ домовъ на вѣрѣ состоящихъ и на платежъ сидѣльцамъ.

Въ Санктпетербургѣ.
Февраля 4 дня,
1782 г.

2.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Во всѣхъ предъидущихъ вашихъ донесеніяхъ, особливо же въ послѣднемъ отъ 7-го Марта, нашла я къ удовольствію моему труды и старанія ваши, прилагаемые о содержаніи въ порядкѣ ввѣренной вамъ столицы и губерніи. Я принимаю то съ полнымъ признаніемъ къ извѣстной мнѣ вашей ревности къ службѣ и желаю вамъ добрыхъ успѣховъ въ вашихъ распоряженіяхъ. Согласна я съ вами, что скорѣйшему окончанію множества нерѣшеныхъ дѣлъ по старымъ присутственнымъ мѣстамъ пособить нѣтъ другаго средства, кромѣ введенія въ исполненія Учрежденій; но чтобъ и новыя мѣста въ самомъ ихъ началѣ не были обременены на долго разборомъ прежнихъ дѣлъ и тѣмъ отвлечены отъ настоящаго своего упражненія, я предполагаю взять мѣры такія, какъ и здѣсь то учинено, и именно назначеніемъ срока для явки челобитныхъ по старымъ дѣламъ и оставленіемъ на нѣкоторое время прежнихъ Приказовъ для рѣшенія ихъ, о чемъ и не премину дать мои повелѣнія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 14 дня,
1782 г.

3.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Прилагая при семъ прошеніе намъ поданное отъ женъ коллежскаго прокурора Никиты Панина Ольги и полковника Михаила Рахманова Надежды Борисовыхъ дочерей съ жалобою на полковника Ивана Колошина въ перекрѣпленіи разнаго имѣнія, оставшагося послѣ умершей сестры ихъ, жены помянутаго Колошина, и во взятіи векселя, соизволяемъ, чтобъ вы въ упрежденіе тяжбы предложили обѣимъ сторонамъ выбрать по одному или по два посредника, которые могли бы подъ надзираніемъ вашимъ разсмотрѣть сіе дѣло и потомъ въ рѣшеніи ихъ поступить по правиламъ Совѣстнаго Суда Учрежденій нашихъ въ главѣ 26-й начертаннымъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 1, 1782 г.

4.

НАШЕМУ ГЕНЕРАЛУ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ВЪ МОСКВѢ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ГРАФУ ЧЕРНЫШЕВУ.

Въ указѣ нашемъ, Сенату данномъ въ 19 Мая прошедшаго 1781-го года, изъяснили мы необходимую надобность скорѣйшаго положенія границъ между губерніями и въ нихъ между уѣздами, въ чаяніи, что то новое положеніе границъ, по крайней мѣрѣ между губерніями, въ томъ же еще году восприиметъ окончаніе; но между тѣмъ имѣя съ одной стороны извѣстія, что оное и по сіе время въ дѣйство не произведено; а съ другой усматривая крайнюю въ томъ нужду по чинимой нынѣ во всемъ государствѣ ревизіи, дабы иногда цѣлыя селенія безъ свѣдѣнія объ нихъ, куда принадлежатъ, не осталися, признали мы за благо подтвердить, дабы во всѣхъ губерніяхъ таковое положеніе границъ, какъ между ними, такъ и внутрь ихъ между уѣздами, безъ всякаго отлагательства и съ крайнимъ поспѣшеніемъ учинено

было непремѣнно, соизволяя, чтобъ вы объ успѣхахъ въ томъ намъ доносили.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 5-го, 1782.

5.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Всѣ донесенія ваши по ввѣренной вамъ столицѣ и тамошней губерніи я получаю тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, колико въ каждомъ изъ нихъ видна свойственная вамъ добрая воля споспѣшествовать намѣреніямъ моимъ о введеніи всемѣстнаго благоустройства. Совершенно согласна я съ мнѣніемъ вашимъ, чтобъ къ Московской губерніи по ея многолюдству прибавить еще одинъ уѣздъ, почему и желаю, чтобъ вы увѣдомили меня о мѣстѣ вами для уѣзднаго города избираемомъ и о числѣ душъ къ составленію новаго округа, дабы я могла дать Сенату мои повелѣнія.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 12, 1782.

6.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. По представленнымъ отъ васъ докладнымъ пунктамъ повелѣваемъ: первое, къ ототкрытію Московской губерніи на основаніи Учрежденій нашихъ назначить мѣсяцъ Октябрь; 2) на содержаніе переводчиковъ и толмачей иностранныхъ языковъ для дѣлъ, кои часто случаются въ Москвѣ, мы опредѣляемъ по тысячѣ рублей на годъ, о полученіи коихъ снестися съ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генераломъ прокуроромъ княземъ Вяземскимъ; что̀ же изъ этого оставаться будетъ, причислять въ сумму, на канцелярскихъ служителей и расходы по Губернскому Правленію и Палаты назначенную; 3) о старыхъ присутственныхъ мѣстахъ, коимъ по окончаніи дѣлъ ихъ быть болѣе не слѣдуетъ, указъ нашъ данъ будетъ вскорѣ; 4) о показанныхъ въ записке вашей колодникахъ, особливо въ Московскомъ Магистратѣ въ большемъ количествѣ содержащихся, мы желаемъ, чтобъ вы приказали дѣла какъ наискорѣе окончить и присутственныя мѣста отъ оныхъ очистить; 5) для производства и окончанія въ Кремлѣ строенія присутственныхъ мѣстъ оставить архитектора съ помощниками, производя имъ жалованья изъ суммы, на то строеніе отпускаемой; 6) что̀ принадлежитъ до починки стѣнъ Китая-города, Землянаго и такъ называемаго Компанейскаго вала, тако-жъ построенія каменныхъ карауленъ у Варварскихъ, Ильинскихъ и Никольскихъ воротъ, мы на сіе соизволяемъ, для чего и назначили мы въ распоряженіе ваше 50,000 рублей изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 25. 1782.

7.

Нашему генералу фельдмаршалу и въ Москвѣ главнокомандующему графу Чернышеву.

Предполагая вскорѣ издать положеніе о строеніи и содержаніи дорогъ по всѣмъ губерніямъ Всероссійской Имперіи, мы находимъ нужнымъ подтвердить нашимъ генералъ-губернарорамъ и правящимъ ту должность о немедленномъ доставленіи намъ картъ и свѣдѣній о дорогахъ, во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, лежащихъ между губернскими и уѣздными городами, съ показаніемъ ширины ихъ, образа, коимъ они сдѣланы, грунта земли, переправъ на оныхъ и лежащихъ на нихъ селеній и съ объясненіемъ какимъ образомъ оныя нынѣ содержатся, какъ привести ихъ въ лучшее по возможности состояніе и во что примѣрно обойтися можетъ какъ построеніе каждой дороги, такъ и содержаніе ея потомъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюня 25, 1782.

8.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. По прочтенiи рѣшенiя Московской Губернской Канцелярiи по дѣлу содержателя Московскаго клуба Лефевра съ генераломъ-поручикомъ Степаномъ Ржевскимъ и полковникомъ княземъ Николаемъ Одоевскимъ, и вслѣдствiе новой просьбы, намъ принесенной отъ помянутаго Лефевра, повелѣваемъ дѣло сiе предоставить разбору Совѣстнаго Суда Московской губернiи, какъ скоро оный учрежденъ будетъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ разсмотрѣнiи и окончанiи его поступилъ по Учрежденiямъ нашимъ. Читая означенное рѣшенiе, не могло намъ не показаться страннымъ и непристойнымъ, что войскъ нашихъ генералъ-поручикъ и нѣсколько князей вступили въ общество съ трактирщикомъ и въ подѣлъ его барышей. Мы не сомнѣваемся, что вы не оставите, наблюдать, дабы таковыя непристойности упреждены были и всякъ упражнялся бы въ томъ, что его состоянiю приличествуетъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 3, 1782.

9.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. По причинѣ увольненiя въ чужiе краи камергера князя Гагарина, находившуюся въ вѣдомствѣ его въ Московской губернiи волость Кiасовскую препоручите до будущаго моего повелѣнiя въ смотрѣнiе директора домоводства Московской губернiи, съ тѣмъ, чтобъ онъ управлялъ тою волостью по заведенному въ ней порядку, и въ собранiи доходовъ, употребленiи и отсылкѣ оныхъ поступалъ по тѣмъ самымъ повелѣнiямъ, кои даны были князю Гагарину.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 22, 1782.

10.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Генералъ-маiору князю Меншикову я позволяю принять и носить присланные ему отъ курфирста Фалцскаго знаки орденовъ Губерта и Льва. Что же касается до письма Гишпанскаго езуита Емануила Мендеца изъ Бононiи, вы можете отвѣтствовать ему, что въ его волѣ состоитъ упоминаемую имъ книгу сюда прислать, препоручая се для доставленiя кому-либо изъ министровъ моихъ въ Италiи, и что оная, если найдена будетъ полезною, здѣсь можетъ быть издана въ печать съ его пользою.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 21, 1783.

11.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Препровождая симъ прошенiе намъ поданное Московкаго уѣзда экономическаго села Троицаго, Голенищево тожъ, съ деревнями отъ старосты со крестьяны, повелѣваемъ разсмотрѣть подлинно-ли по указамъ предковъ нашихъ велѣно учинить имъ зачетъ рекрутъ въ томъ прошенiи ихъ упоминаемый; ежели такъ окажется, то и предпишите какъ слѣдуетъ о томъ зачетѣ, а насъ увѣдомить не оставьте.

Въ С.-Петербургѣ,
Марта 3. 1783.

12.

Нашему генералу-фельдмаршалу и въ Москвѣ главнокомандующему графу Чернышеву.

Видѣвъ изъ рапортовъ, поданныхъ намъ отъ нашего оберъ-гофмейстера Елагина, что слѣдующiе нашей Дворцовой Канцелярiи доходы изъ многихъ губернiй не съ надлежащею точностiю доставляются и во взысканiи оныхъ оставляемы бываютъ недоимки, а чрезъ то какъ придворные служители, такъ и подрядчики за поставляемые ими для Двора припасы не могутъ исправно получать заплаты, мы нужнымъ находимъ предписать нашимъ генерамъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы они Казеннымъ Паламъ ввѣренныхъ имъ намѣстничествъ

строжайшимъ образомъ подтвердили и о исправномъ сборѣ доходовъ вѣдомства Дворцовой Канцеляріи, не запуская недоимки и дѣлая сходственныя распоряженія ко взысканію до сего запущенныхъ и о точномъ въ опредѣленныя времена доставленіи оныхъ въ свое мѣсто, съ тѣмъ, что медленность и неисправность въ семъ дѣлѣ отнесется на счетъ вице-губернаторовъ и прочихъ въ Казенныхъ Палатахъ присутствующихъ, и за оную непремѣнно строгое взысканіе учинено будетъ; чего ради и указали мы оберъ-гофмейстеру Елагину въ случаѣ упущенія представлять Сенату для таковаго взысканія съ неисправныхъ. А дабы мы и сами могли быть тѣмъ надежнѣе въ благовременномъ полученіи дворцовыхъ доходовъ, повелѣваемъ впредь посылать намъ отъ Казенныхъ Палатъ чрезъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность всякой мѣсяцъ краткія донесенія о сборѣ и доставленіи оныхъ съ показаніемъ недоимокъ, буде оныя паче чаянія случиться могутъ и съ изъясненіемъ какъ причинъ онымъ, такъ и средствъ, кои ко взысканію неотлагательному со стороны Казенныхъ Палатъ и другихъ мѣстъ приняты.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 6, 1783.

13.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Возвращая при семъ планъ арсенала Московскаго съ профилями сводовъ, сочиненный полковникомъ Герардомъ подъ смотрѣніемъ покойнаго генерала инженера Боура, повелѣваемъ по оному стараться тотъ арсеналъ исправить. Мы пріемлемъ за благо сдѣланное вами обще съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Измайловымъ положеніе объ отдѣленіи на нынѣшній годъ для сего зданія изъ суммы на Кремлевское строеніе отпускаемой 45,000 рублей и матеріаловъ и въ вѣдомости отъ васъ присланной показанныхъ, такъ какъ и употребленіе заготовленныхъ для того арсенала вещей отъ Артиллерійской Конторы. Равнымъ образомъ согласны мы на употребленіе людей къ тому строенію вами представляемыхъ съ полагаемыми имъ прибавками за труды ихъ изъ суммы на оное отпускаемой. Но какъ архитекторъ Казаковъ опредѣленъ въ команду генерала князя Потемкина, то и надлежитъ на мѣсто его пріискать другаго искуснаго и надежнаго. Московскій губернаторъ долженствуетъ вамъ въ надзираніи за производствомъ сего зданія способствовать, о чемъ вы ему силою сего объявите.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 18. 1783.

14.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Препровождая симъ прошеніе намъ поданное отъ вдовы умершаго отставнаго маіора Александра Салтыкова Марьи Салтыковой, мы желаемъ, чтобъ относительно призрѣнія дѣтей, послѣ него Салтыкова оставшихся, и сохраненія имъ принадлежащаго, надлежащія на основаніи законовъ и учрежденій нашихъ опредѣленія и распоряженія учинены были. Что касается до просьбы помянутой Салтыковой объ удовлетвореніи ей по рядной и по указной части, сіе дѣло разсмотрѣть въ тамошнемъ Совѣстномъ Судѣ и въ рѣшеніи поступить по учрежденіямъ; но поелику въ томъ судѣ предсѣдательствуетъ отецъ умершаго Салтыкова и братьевъ его, на которыхъ и просьба означенной вдовы простирается, для того вы не оставьте предложить г. губернскому предводителю, не согласится ли онъ взять на себя трудъ по дѣлу сему воспріять предсѣданіе въ Совѣстномъ Судѣ и доставить обѣимъ сторонамъ скорое прекращеніе распри и упрежденіе тяжбы; но буде бы что ему препятствовало занять себя симъ дѣломъ, въ такомъ случаѣ выбрать

для онаго въ Совѣстный судъ отъ присутственныхъ мѣстъ, сходно учрежденіямъ нашимъ, особу, на которую не было бы отъ обѣихъ сторонъ зазрѣнія.

Въ Царскомъ Селѣ.
Апрѣля 25 дня, 1783 г.

15.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Здѣсь дошелъ слухъ, что генералъ-кригсъ-комиссару Дурнову сдѣлался припадокъ, который разстроилъ не только его здоровье, но и разумъ; а какъ должность его въ настоящее особливо время не можетъ ни на малое время оставлена быть безъ исправленія, то поспѣшите мнѣ дать знать съ нарочною стафетою о подлининности и обстоятельствахъ сего припадка, въ какомъ онъ теперь состояніи, есть-ли надежда къ его исцѣленію и кто въ болѣзни его отправляетъ его должность.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 3 дня, 1783 г.

16.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Лавки, на каменномъ мосту въ Москвѣ построенныя, разобрать по случившемуся того моста паденію и всѣ мѣры къ обезпеченію проѣзда принять весьма нужно; что̀ же касается до перестройки онаго, я буду ожидать отъ васъ плана и смѣты.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 12 дня, 1783 г.

17.

Нашему генералу фельдмаршалу и въ Москвѣ главнокомандующему графу Чернышеву.

Видѣвъ изъ поданной намъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго вѣдомости, что изъ многихъ губерній доходы, назначенные въ Санктпетербургскія и Московскія казначейства, для статныхъ и остаточныхъ суммъ учрежденные сполна въ немаломъ количествѣ не высланы; а отъ таковой неисправности происходятъ большія затрудненія и остановки въ удовлетвореніи разнымъ государственнымъ издержкамъ, кои отлагательства времени терпѣть не могутъ, мы признали за нужное предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ эту должность, а гдѣ нѣтъ оныхъ губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы они Казеннымъ Палатамъ ввѣренныхъ имъ губерній строжайше подтвердили о непремѣнной и исправной высылкѣ въ назначаемые сроки казенныхъ доходовъ въ казначейства, пользуясь средствами къ таковому точному доставленію оныхъ доходовъ, преподанными имъ по дозволенію нашему отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго. Впрочемъ медленность и неисправность въ томъ со стороны Казенныхъ Палатъ взысканы будутъ на присутствующихъ въ нихъ неослабно; а дабы мы могли быть вящше удостовѣрены въ точномъ исполненіи сего, долженствуютъ наши генералъ-губернаторы и правящіе ту должность, гдѣ же ихъ нѣтъ губернаторы, получая отъ Казенныхъ Палатъ всякой мѣсяцъ, присылать къ намъ краткія вѣдомости съ показаніемъ, сколько денегъ къ высылкѣ въ казначейства назначено и въ то число дѣйствительно отправлено, или же сколько и за чѣмъ именно не дослано.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 15 дня, 1783.

18.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. По прилагаемымъ при семъ бумагамъ, поданнымъ намъ отъ статсъ-дамы княгини Дашковой, по управленію ею Академіею Наукъ, мы желаемъ, чтобъ вы въ разсужденіи уклоненія камергера Домашнева отъ возвращенія того, что̀ осталося у него принадлежащее Академіи, приказали Московско-

му губернатору генералу-поручику Архарову сдѣлать въ домѣ его, Домашнева, обыскъ и ежели что̀ найдется изъ требуемаго Академіею въ оную доставить, а меня увѣдомить.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 12, 1783.

19.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Возвращая при семъ представленное при донесеніи вашемъ содержателя Московскаго публичнаго театра Медокса прошеніе о ненарушеніи данной ему привиллегіи на содержаніе одному въ теченіи 10-тилѣтняго времени театровъ и прочаго тому подобнаго, въ уваженіи построенія имъ каменнаго зданія, вопреки котораго дѣлается со стороны Воспитательнаго Дома заведеніе, повелѣваемъ вамъ дѣло сіе отдать на разборъ и рѣшеніе мѣста, къ коему оное по существу своему относиться можетъ и каковому не трудно будетъ согласить цѣлость даннаго означенному Медоксу дозволенія съ прямымъ разумомъ правъ Воспитательнаго Дома, какъ оныя отъ насъ изданы.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 24, 1784.

20.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. По содержанію представленія вашего отъ 17-го Февраля, повелѣваемъ: 1) водяныя Московскія работы продолжать, сходственно поднесенному отъ васъ плану полковника Герарда, при семъ возвращаемому; 2) строеніе въ Кремлѣ дома для присутственныхъ мѣстъ стараться согласно съ мнѣніемъ вашимъ окончить скорѣе назначеннаго времени, чего ради и даны будутъ отъ насъ повелѣнія объ отпускѣ денегъ на то потребныхъ, сообразно вашему требованію; 3) на строеніе Московскаго арсенала указали мы отпустить въ нынѣшнемъ году 50,000 рублей; 4) равнымъ образомъ назначили мы и на починку Всесвятскаго каменнаго моста, по плану полковника Герарда требуемые 213,000 рублей, о коихъ въ какіе сроки отпустить не оставьте условиться съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ; 5) пріемля за благо мнѣніе ваше о построеніи каменнаго замка для содержащихся подъ стражею вмѣсто бывшаго острога, позволяемъ вамъ матеріалы и деньги, оставшіеся отъ бывшаго Каменнаго Приказа, обратить на сіе строеніе, а для показанія внутренняго его расположенія доставляемъ при семъ планъ, по которому оное здѣсь производится.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 24, 1784.

21.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Посылая при семъ прошеніе къ намъ дошедшее отъ князя Михаила Долгорукова объ утвержденіи распоряженія, имъ учиненнаго въ имѣніи его, соизволяемъ, чтобы вы, призвавъ его предъ Палату Гражданскаго Суда, буде онъ въ Москвѣ находится, а буде въ другомъ городѣ, то поручить уѣздному Суду той округи, въ коемъ онъ пребываніе имѣетъ, спросить, по волѣ-ли его и намѣренію то прошеніе сочинено и его ли рукою подписано, и потомъ донести намъ, возвратя и оное прошеніе въ оригиналѣ.

С.-Петербургъ.
Марта 12 1784.

22.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Для сокращенія излишней роскоши дозволивъ каждому намѣстничеству присвоить особые цвѣты для платья находящимся тамъ у дѣлъ, такожъ дворянству и гражданству, мы препроводили въ Сенатъ нашъ рисунки съ описаніемъ для лучшей ясности въ исполненіи, дабы вы старалися вводить оные въ употребленіе для обоего по-

ла жительствующихъ въ губерніи вамъ ввѣренной предпочтительно всякому излишнему наряду и украшенію. Сверхъ того желали бы мы для собственной пользы нашихъ подданныхъ, чтобъ гдѣ суть заведенныя фабрики суконныя Россійскія и тому подобныя нужныя вещи для одежды домовыхъ служителей и на прочее домашнее употребленіе оттуда же преимущественнѣе были заимствуемы, нежели иностранныя, распространяя то и на всякія Россійскія рукодѣлія и произрастенія. Примѣръ начальствующихъ и у дѣлъ находящихся болѣе можетъ служить къ тому побужденіемъ, нежели принужденіе, которое мы и тутъ не дозволяемъ и вовсе запрещаемъ; но притомъ для удобнѣйшаго и надежнѣйшаго доставленія всякихъ надобностей въ домашней жизни необходимо нужно есть, чтобъ наши генералы-губернаторы и правящіе ту должность, губернаторы и прочіе начальствующіе, до коихъ должности то относиться будетъ, поощряли и склоняли торгующихъ въ губерніяхъ къ размноженію всякаго внутренняго торга, употребляя возможные средства и совѣты къ склоненію людей обрабатывать болѣе свои внутреннія произрастенія и заниматься устроеніемъ небольшихъ заводовъ, фабрикъ и сколько можно особливо частныхъ рукодѣлій и станковъ, пріохочивать другихъ Россійскихъ купцевъ оныя скупать и развозить по губерніямъ, производя таковыя закупки и по селеніямъ, гдѣ найдутся какіе либо обдѣланные товары и снабдѣвая такимъ образомъ собственнымъ своимъ рукодѣліемъ разные города и уѣзды, чѣмъ гораздо можетъ уменьшиться надобность въ иностранныхъ товарахъ къ отвращенію многихъ частныхъ людей отъ излишнихъ издержекъ и къ доставленію имъ способовъ обращать избытки ихъ на иное что либо прочнѣйшее и самимъ имъ, потомкамъ ихъ и государству полезнѣйшее. Таковое соизволеніе наше долженствуетъ быть всѣмъ извѣстно; для чего списки сего разослать во всѣ присутственныя мѣста въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и раздать дворянскимъ предводителямъ и городскимъ головамъ. Впрочемъ мы удостовѣрены, что вы, по усердію вашему къ службѣ нашей и къ пользѣ общей, не упустите стараться о достиженіи въ семъ добрыхъ и нами желаемыхъ успѣховъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 6, 1784.

23.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Разсмотрѣвъ прошенія намъ поданныя отъ Московскихъ купцевъ Зубцова и Іевлева съ жалобою въ непорядочномъ и притѣснительномъ сужденіи ихъ по дѣлу касающемуся до Армянскаго купца Михаила Алабова, оказавшагося въ сочиненіи подложныхъ векселей и собранныя по тому дѣлу свѣдѣнія, соизволяемъ, чтобъ вы Палатѣ Уголовнаго Суда предписали взнесенное къ ней на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло разсмотрѣть и рѣшить безъ всякаго отлагательства и когда, по основанію изданнаго отъ насъ Учрежденія о управленіи губерній 86-й и 113-й статей, то дѣло отъ той Палаты представлено будетъ къ вамъ, то вы съ приложеніемъ и вашего по дѣлу мнѣнія имѣете взнести къ намъ. Но какъ кредиторы купца Алабова имѣютъ еще дѣло въ Городовомъ Магистратѣ нерѣшенное, якобы въ захваченіи купцами Зубковымъ и Іевлевымъ Алабова товаровъ, то и оное Городовому Магистрату прикажите разсмотря рѣшить немедленно жъ, съ тѣмъ чтобъ по рѣшеніи, если кто изъ тяжущихся сами, или отъ нихъ уполномоченные повѣренные, опредѣленіемъ того Магистрата въ чемъ будутъ недовольны, въ такомъ случаѣ предоставлена бы была изъ нихъ каждому сво-

бодная апелляція, не только на тотъ Магистратъ, но и далѣе, какъ точно въ изданномъ отъ насъ для управленія губерній Учрежденіи во 131 и 316 статьяхъ предписано. Между тѣмъ же какое гдѣ будетъ рѣшеніе, объ ономъ давать знать намъ для полученія отъ насъ вообще по тому дѣлу повелѣній, а до того времени означенные просители Зубковъ и Іевлевъ долженствуютъ пользоваться надлежащею свободою и безопасностію.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 13, 1784.

24.

Графъ Захаръ Григорьевичъ. Собираемые изъ Кіасовской волости доходы, сколько оныхъ за необходимыми тамъ хозяйственными издержками въ остаткѣ быть можетъ, повелѣваемъ отсылать ежегодно къ дѣйствительному тайному совѣтнику Бецкому. Что же касается до приходной и расходной книги по той волости, вамъ отъ директора домоводства Московской губерніи Энгельгарда за 1783 годъ поданной и намъ отъ васъ представленной, мы желаемъ, чтобъ вы ему силою сего дали надлежащее свидѣтельство, что приходъ и расходъ по оной книгѣ показаны вѣрно.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 8-го,
1784.

III. Къ графу Я. А. Брюсу.

1.

Нашему генералу и въ Москвѣ главнокомандующему графу Брюсу.

Для отвращенія бѣдствій приключающихся судамъ, по разнымъ рѣкамъ плавающимъ, мы признали за нужное предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, чтобъ каждый изъ нихъ въ губерніяхъ ему ввѣренныхъ приказалъ немедленно всѣ судоходныя рѣки въ оныхъ текущія промѣрить, и гдѣ найдутся мели, оныя означить вехами для безопасности водоходства, а притомъ подтвердить земскимъ исправникамъ, дабы всякій изъ нихъ въ своемъ уѣздѣ, повѣряя ежегодно промѣры рѣкъ судоходныхъ въ немъ протекающихъ, не только наблюдалъ за сохраненіемъ поставленныхъ признаковъ мелей, но чтобъ въ случаѣ бываемаго иногда перенесенія таковыхъ мелей, или открытія новыхъ, равнымъ же образомъ оные означены были.

Въ С.-П.-бургѣ.
Сентября 11, 1784.

2.

Графъ Яковъ Александровичъ. По дошедшимъ къ намъ просьбамъ отъ Наталіи Пассековой, мы желаемъ, чтобъ вы подтвердили, какъ Совѣстному Суду, такъ и другимъ мѣстамъ въ Москвѣ или въ тамошней губерніи, гдѣ дѣла ея имѣются, о скорѣйшемъ и съ законами и съ справедливостію согласномъ окончаніи тѣхъ ея дѣлъ.

Въ С.-Петербургѣ.
1-го Ноября, 1784 г.

3.

Графъ Яковъ Александровичъ. Не имѣвъ по сіе время никакого обстоятельнаго донесенія по двумъ указамъ нашимъ, къ генералу-поручику Архарову отправленнымъ, объ изслѣдованіи дѣла вдовы умершаго тайнаго совѣтника Стрѣшнева съ статскимъ совѣтникомъ Васильемъ Сушковымъ по подозрѣнію въ отравѣ и о разсмотрѣніи по закладной у Сушкова явившейся на деревню означенной Стрѣшневой, препоручаемъ вамъ взять отъ

тѣхъ мѣстъ, гдѣ сіи дѣла производятся, надлежащія свѣдѣнія, что по нимъ учинено, и за чѣмъ оныя безъ рѣшенія остаются и намъ донести; и притомъ понуждать помянутыя мѣста къ скорѣйшему сихъ дѣлъ окончанію. Между тѣмъ покуда о закладной дѣло рѣшено будетъ, на имѣніе въ оной означенное учинить запрещеніе.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 19, 1784.

4.

Графъ Яковъ Александровичъ. По представленію вашему отъ 16-го Декабря, повелѣваемъ таковыхъ, кои бывъ однажды высланы изъ столицы, съ тѣмъ, чтобы въ оную не въѣзжать, паки самовольно возвращаются, посадить на два года въ смирительный домъ въ наказаніе непослушанія и дерзости; по прошествіи же сего срока отсылать для житья въ уѣздный городъ, гдѣ способнѣе, препоруча за нимъ присмотръ городничему того города.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 23, 1784.

5.

Графъ Яковъ Александровичь. Мы уже предписали вамъ отъ 1-го Ноября сего года и теперь еще подтверждаемъ, чтобъ вы напоминали 6-му Департаменту Сената о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ Наталіи Пассековой, какъ вшедшихъ въ тотъ Департаментъ изъ Совѣстнаго Суда одного вексельнаго съ Сухановымъ, а другаго о проданномъ ея дворѣ, такъ и прочихъ, буде какія есть въ Сенатѣ по жалобамъ ея, Пассековой, или на нее отъ кого. Равнымъ образомъ подтвердите всѣмъ мѣстамъ въ Москвѣ или въ тамошней губерніи, гдѣ дѣла помянутой Пассековой производятся, о немедленномъ оныхъ окончаніи и о доставленіи законнаго ей удовлетворенія и не упустите настоять, чтобъ сіе дѣйствительно исполнено было, особливо же, чтобъ по одному изъ дѣлъ ея въ Совѣстномъ Судѣ съ секретаремъ Львовымъ имѣющемуся, означенный Львовъ сысканъ и надлежащее въ томъ судѣ разсмотрѣніе и окончаніе учинено было.

Въ С. Петербургѣ.
Декабря 27, 1784.

6.

Графъ Яковъ Александровичъ. По содержанію представленія вашего отъ 6-го Января повелѣваемъ Московскаго оберъ-полицеймейстера бригадира Бориса Островскаго отрѣшитьотъ мѣста и отдать Палатѣ Уголовныхъ Дѣлъ подъ судъ, приказавъ Московскому губернскому стряпчему уголовныхъ дѣлъ быть истцемъ и для того собрать ему стряпчему всѣ нужныя свѣдѣнія и доказательства въ злоупотребленіи власти и корыстолюбіи означеннаго Островскаго, а именно: 1-е. Въ какихъ мѣстахъ, въ городѣ Москвѣ построены лавки, по билетамъ отъ него даннымъ, каменныя или деревянныя, что онъ взялъ съ кого и какую дань теперь беретъ за тѣ лавки? 2-е. По полицейскому штату, сколько лошадей, въ какое время не доставало и сколько фуража на полное число самъ онъ, Островскій или его подчиненные перебрали? 3-е. Какіе иные сборы незаконные имъ налагаемы и собираемы были. 4-е. Какую незаконную и прямо въ противность Устава Благочинія имѣлъ онъ при себѣ канцелярію, какъ посредствомъ оной безъ свѣдѣнія и мимо Управы Благочинія раздавалъ квартиры, производилъ суды и дѣлалъ распоряженія? 5-е. Куда именно и какимъ образомъ употреблялъ сумму денежную на содержаніе полицейское опредѣленную, или на надобности случающіяся отпущенную. По изслѣдованіи и разсмотрѣніи всего того Палата долженствуетъ заключить приговоръ на основаніи законовъ и посредствомъ вашимъ взнесть оный на

разсмотрѣніе Сената. Между тѣмъ должность Московскаго оберъ-полицеймейстера поручить, до будущаго нашего соизволенія, Московскому полицеймейстеру полковнику Толю, а должность полицеймейстера Московской Управы Благочинія приставу подполковнику Годеину.

Въ С. Петербургѣ.
Января 13, 1785.

7.

Графъ Яковъ Александровичъ. По дѣламъ касающимся до статскаго совѣтника Василія Сушкова и бригадира Островскаго, прикажите тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя производятся, чтобъ онѣ вамъ еженедѣльно доносили, что̀ происходитъ, скоро ли приведены будутъ къ окончанію и въ точности ли стряпчіе исполняютъ должность ихъ по симъ дѣламъ; буде же они окажутся нерадивыми, то дайте знать Сенату, дабы неисправные смѣнены, а другіе на ихъ мѣста опредѣлены были. Мы будемъ отъ васъ ожидать по означеннымъ дѣламъ увѣдомленій.

Въ С. Петербургѣ.
Января 27, 1785.

8.

Графъ Яковъ Александровичъ. Свѣдавъ, что въ Москвѣ хлѣбъ продается дорогою цѣною, мы находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали еженедѣльно въ вѣдомостяхъ тамошнихъ печатать цѣны какъ хлѣбу, такъ и прочимъ съѣстнымъ припасамъ и тому подобнымъ вещамъ, необходимо нужнымъ для народа; дабы промышляющіе оными, вѣдая цѣны и находя свою собственную пользу, могли дѣлать подвозъ всего того; а сіе и есть самое надежнѣйшее средство упредить не только недостатокъ, но и большую дороговизну. Сверхъ того при обыкновенныхъ донесеніяхъ вашихъ къ намъ не оставьте пріобщать и росписи, по чему хлѣбъ, овесъ и сѣно продаются.

Въ С. Петербургѣ.
Февраля 3. 1785.

9.

Графъ Яковъ Александровичъ. Дѣло касающееся до напечатанной книги Арндта надлежитъ предать молчанію, ибо когда никто оной у себя не объявляетъ, то нѣтъ возможности настоять на истребленіе той книги, которая впрочемъ и такой заботы не заслуживаетъ. Сходно сему приказала я изъясниться и съ оберъ-прокуроромъ синодальнымъ.

Въ С. Петербургѣ.
Февраля 11, 1785.

10.

Графъ Яковъ Александровичъ. По разсмотрѣніи послѣдняго донесенія вашего съ приложеніемъ относительно бывшаго оберъ-полицмейстеромъ Московскимъ бригадира Островскаго, подтверждаемъ и при семъ случаѣ о предписаніи стряпчему уголовныхъ дѣлъ и о наблюденіи за нимъ, дабы онъ имѣлъ недреманное бдѣніе въ скорѣйшемъ окончаніи изслѣдованія и рѣшенія по законамъ дѣлъ, до означеннаго Островскаго касающихся.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 4 дня, 1785 г.

11.

Графъ Яковъ Александровичъ. Для пособія гражданамъ города Клина построить дома и лавки ихъ по апробованному плану, указали мы Кабинету нашему отпустить въ распоряженіе ваше въ будущемъ 1786 году 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобъ изъ оныхъ желающимъ построить домы и лавки дѣлаема была ссуда съ возвратомъ на 10 лѣтъ безъ процентовъ. А сверхъ того на обстроеніе неимущихъ и именно такихъ, кои въ срединѣ города построиться не въ состояніи, приказано отъ насъ отпустить 2,000 рублей изъ Кабинета нынѣ же.

Въ Клину.
Іюня 2 дня, 1785 г.

12.

Графъ Яковъ Александровичъ. Желая, чтобъ престольный нашъ городъ

Москва снабденъ былъ всѣми нужными и полезными заведеніями, повелѣваемъ: 1) больницы и богадѣльни, для призрѣнія немощныхъ и способовъ къ пропитанію лишенныхъ, умножить въ числѣ людей сообразно многолюдству города, а дабы Приказъ Общественнаго Призрѣнія удобнѣе могъ имѣть подъ руками своими большую часть заведеній попеченію его подлежащихъ, жалуемъ оному домъ, лежащій на выѣздѣ изъ города въ Преображенской слободѣ, гдѣ прежде была адмиралтейкая парусная фабрика, въ Новгородъ переведенная, съ всѣмъ тамъ имѣющимся строеніямъ и съ землею къ тому принадлежащею; 2) Приказу Общественнаго призрѣнія стараться завести тамъ кирпичный заводъ для умноженія своихъ доходовъ на пользу общую; 3) дабы Приказъ Общественнаго Призрѣнія былъ въ состояніи соорудить нужныя на томъ мѣстѣ зданія, въ прибавку денежныхъ суммъ въ вѣдѣніи его имѣющихся, жалуемъ ему собранныя отъ аукціонной продажи деньги, коихъ по запискѣ вашей показано 15,922 руб.; 4) по всѣмъ частямъ города завести школы народныя, а сверхъ того одно главное народное училище на основаніи, отъ насъ для всѣхъ училищъ принятомъ и утвержденномъ, заимствовавъ наставленія отъ Коммиссіи, о заведеніи народныхъ училищъ въ Имперіи учрежденной; впрочемъ Московскій университетъ и Заиконоспасская академія обязаны въ дѣлѣ семъ подать помощь всевозможную; 5) для умноженія городскихъ доходовъ на таковыя полезныя заведенія съ будущаго 1786 года причислить къ онымъ доходы съ торговыхъ бань, поступая въ употребленіи оныхъ по изданному отъ насъ Городовому Положенію; 6) что̀ принадлежитъ до требуемыхъ вами денегъ на исправленіе мостовъ образомъ прочнымъ, мы не умедлимъ назначить оныя, равно какъ и на другія нужнѣйшія по столицѣ и по Московской губерніи исправленія. Мы совершенно удостовѣрены, что всѣ здѣсь учиненныя отъ насъ предписанія благоразумнымъ распоряженіемъ вашимъ и радѣніемъ со стороны тѣхъ, кому оныя по учрежденіямъ нашимъ ввѣрены быть должны, исполнены будутъ въ точности наилучшимъ образомъ ко благоугодности нашей.

Въ Клину.
Іюня 7 дня, 1785 г.

13.

Графъ Яковъ Александровичъ. Прилагая при семъ прошеніе намъ поданное отъ генералъ-поручика и гофмаршала князей Барятинскихъ по дѣлу объ оказавшихся по смерти дяди ихъ подполковника кн. Александра Барятинскаго безденежныхъ векселяхъ въ рукахъ полковника Ѳедора Вишневскаго на имяна купцевъ написанныхъ, повелѣваемъ о тѣхъ векселяхъ надлежащее изслѣдованіе, разсмотрѣніе и непродолжительное по законамъ рѣшеніе учинить въ томъ мѣстѣ, гдѣ по учрежденіямъ нашимъ слѣдуетъ, о чемъ вы предписать оному не оставите.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 11 дня, 1785 г.

14.

НАШЕМУ ГЕНЕРАЛУ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ МОСКВѢ И ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ГРАФУ БРЮСУ.

Въ отвращеніе, дабы оставшіеся за штатомъ и надобностію для церквей дьячки и церковники не были безъ пропитанія и въ тягость обществу и желая, дабы они при собственной ихъ выгодѣ обратились къ пользѣ государственной, назначили мы для поселенія ихъ земли обширныя и плодоносныя въ Таврической области, предписавъ нашему генералъ-фельдмаршалу, Военной Коллегіи президенту, Екатеринославскому и Таврическому генералъ-губернатору, князю Потемкину сдѣлать къ населенію ихъ всѣ нужныя

распоряженія: а вамъ повелѣваемъ по сношенію съ означеннымъ генералъ-фельдмаршаломъ отправлять сихъ людей, во ввѣренной вамъ губерніи находящихся, внушая имъ при томъ отправленіи, что сверхъ многихъ выгодъ, каковыя плодоносіе земли и положеніе края жителямъ оного доставляютъ, получатъ они изъ казны нашей довольное снабденіе на построеніе домовъ ихъ и хозяйственное заведеніе, при 4-хъ лѣтней льготѣ отъ всякихъ податей. Впрочемъ мы удостовѣрены, что вы не оставите взять надлежащія осторожности, дабы таковое переселеніе въ добромъ порядкѣ происходило, дабы подъ именемъ излишнихъ церковниковъ другіе поселяне, казнѣ или частнымъ людямъ принадлежащіе, не отправлялися, и дабы всякое неустройство и замѣшательство упреждены были.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 1 дня, 1785 г.

15.

Графъ Яковъ Александровичъ. Профессора Ивана Комова, обучавшагося въ Англіи земледѣлію и другимъ наукамъ, пожаловавъ титулярнымъ совѣтникомъ, препровождаемъ къ вамъ для употребленія въ помощь директору домоводства Московской губерніи, повелѣвая производить ему по 600 рублей на годъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 1, 1785.

16.

Графъ Яковъ Александровичъ. Прошеніе поданное намъ отъ Оренбургскаго купца Дмитрія Крашенинникова, по притязаніямъ его на имѣніе оставшееся послѣ сестры его вдовы Твердышевой и о прочемъ, симъ препровождаемъ, съ тѣмъ, чтобы вы оное отослали въ Совѣстный Судъ Московской губерніи, которому въ разборѣ и окончаніи того дѣла поступить по правиламъ должности его, въ Учрежденіяхъ нашихъ предписаннымъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 27, 1785.

17.

Графъ Яковъ Александровичъ. Съ того времени какъ въ здѣшней губерніи со введеніемъ управленія по Учрежденіямъ нашимъ открытъ и Приказъ Общественнаго Призрѣнія, принято за правило, чтобъ имѣющіяся въ губерніи школы и училища, исключая тѣ, кои, по 381-й статьѣ, по точной волѣ или жалованнымъ нашимъ грамотамъ изъяты, состояли въ зависимости и наблюденіи Приказа Общественнаго Призрѣнія. При вступленіи въ дѣйствіе Коммисіи объ установленіи Народныхъ Училищъ, оная по соизволенію нашему учинила здѣсь осмотръ всѣмъ таковымъ школамъ, пансіонамъ и другаго названія училищамъ и сдѣлала въ разсужденіи ихъ надлежащее распоряженіе. Сходственно тому мы почитаемъ за нужное, чтобъ и въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ, исключая тѣ училища, кои, по установленіямъ или жалованнымъ грамотамъ, особымъ правленіямъ духовнымъ или свѣтскимъ ввѣрены, всѣ прочія вообще, не исключая пансіоны и всякія подъ какимъ бы то ни было именованіемъ школы или училища, тотчасъ освидѣтельствованы были въ образѣ ученія, опредѣляя къ тому членовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и истребовавъ отъ преосвященнаго архіепископа Московскаго двухъ ученыхъ духовныхъ особъ, отъ Московскаго же университета двухъ профессоровъ. При осмотрѣ долженствуетъ быть наблюдаемо, чтобъ ученіе въ сихъ школахъ, пансіонахъ или тому подобныхъ училищахъ, происходило относительно Закона Божія для Россійскихъ по точности догматовъ Православной вѣры нашей, а для иновѣрныхъ по ихъ исповѣданіямъ; чтобы тутъ вся-

кое суевѣріе, развращеніе и соблазнъ терпимы не были; чтобъ для ученія присвоены были книги въ другихъ училищахъ употребляемыя, преимущественно же изданныя и впредь издаваемыя отъ Коммиссіи объ установленіи Народныхъ Училищъ; и чтобъ учители не инако употребляемы были, какъ по испытаніямъ въ знаніи и способности и по вѣрнымъ одобреніямъ въ ихъ нравахъ и образѣ мыслей. Всѣ тѣ училища, кои несходными сему окажутся, упразднить; а и впредь до будущаго распоряженія нашего не позволять инако пансіоны и школы заводить, какъ по точному дозволенію Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ которой на сей случай приглашать какъ со стороны архіепископа Московскаго двухъ ученыхъ духовныхъ особъ, такъ и отъ университета двухъ профессоровъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 7, 1785.

18.

Графъ Яковъ Александровичъ. На донесеніе ваше о продажѣ построеннаго въ Москвѣ театра, предписываемъ вамъ оставить на волю содержателя театра Медокса уступить оный желающимъ со всѣми принадлежностями, по добровольному между ними условію; но какъ нынѣшній содержатель театра не властенъ продать болѣе того, на что только самъ право собственности имѣетъ, то и уступаемая отъ него привиллегія покупающимъ не далѣе положеннаго въ 1791 году срока продожиться можетъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 6-го, 1785 года.

19.

Графъ Яковъ Александровичъ. Докладывалъ мнѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, что казенный каменный домъ, въ которомъ помѣщенъ Московскій университетъ, такъ ветхъ, что угрожаетъ разрушеніемъ; но какъ безъ моего дозволенія не смѣютъ къ тому приступить, чтобы разобрать стѣны казеннаго дома, то и предписываю вамъ, по осмотрѣ настоящей въ томъ надобности, объявить мое повелѣніе для разломки того дома.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 8, 1785 г.

20.

Графъ Яковъ Александровичъ. Польскій камергеръ Козьма Буйницкій, находившійся здѣсь 8 мѣсяцевъ, 9-го сего Декабря скрылся изъ квартиры своей куда неизвѣстно; и хотя оставилъ письмо на имя наше и другое къ женѣ своей, въ коихъ говоритъ, что онъ умираетъ; но по извѣстіямъ о прежнемъ его поведеніи болѣе заключать должно, что онъ, проживъ свое и жены своей имѣніе, бѣжалъ. Прилагая при семъ описаніе примѣтъ его, повелѣваемъ прилежно чрезъ кого надлежитъ наблюдать, не сыщется ли онъ въ Москвѣ, или гдѣ въ Московской губерніи; и буде сысканъ будетъ, тотчасъ, взявъ подъ стражу, препроводить его въ Санктпетербургъ въ Губернское Правленіе и намъ донести.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 12, 1785 г.

21.

Графъ Яковъ Александровичъ. По разнымъ представленіямъ отъ васъ, въ нынѣшнюю бытность вашу здѣсь поданнымъ, повелѣваемъ: 1) для продолженія строенія Московскаго арсенала въ теченіи настоящаго года употребить, въ число нужной на то суммы, изъ остающихся по экспедиціи Кремлевскаго строенія 50,000 рублей: 2) какъ состоящій въ Москвѣ, въ Китаѣ-Городѣ, каменный гостинный дворъ пришелъ въ таковую ветхость, что угрожаетъ разрушеніемъ, то оный дворъ со всѣмъ строеніемъ и мѣстомъ отдать городу для умноженія доходовъ

его на разныя нужныя и полезныя издержки, особливо же по части Приказа Общественнаго Призрѣнія, съ тѣмъ, что въ пользу городовой казны можетъ продано быть какъ строеніе, такъ и мѣсто стоящее подъ онымъ желающимъ выстроить вновь по планамъ; 3) для скорѣйшаго исполненія предполагаемаго вами устроенія богадѣленъ въ бывшемъ подъ адмиралтейскою парусною фабрикою домѣ, въ число недостающей на отдѣлку богадѣленъ суммы, указали мы нашему дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову отпустить въ два года кирпича, извести и всякихъ нужныхъ матеріаловъ на 25,000 рублей, поставя на счетъ суммъ, отпускаемыхъ на строеніе Екатерининскаго Дворца; 4) на очищеніе всей площади Охотнаго ряда и Моисеевскихъ богадѣленъ, на построеніе каменнаго вмѣсто сломаннаго питейнаго дома и галлереи съ колонами противу части Монетнаго Двора, по представленнымъ отъ васъ чертежамъ, надобныя деньги 13,500 рублей, употребить изъ наличныхъ въ экспедиціи Кремлевскаго строенія; 5) для приведенія Красной Площади въ видъ вами предполагаемый, перевесть въ Кремль какъ мѣсто парадное съ караульнями, такъ и пушки, на что и взять изъ той же экспедиціи 9,900 рублей; а притомъ и матеріаловъ изъ оставшихся отъ строенія прежняго дворца въ Кремлѣ по сношенію вашему съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Измайловымъ, которому о семъ указъ нашъ данъ; 6) хотя вышеписаннымъ образомъ вмѣсто нынѣшнихъ безобразныхъ и въ крайнюю ветхость пришедшихъ лавокъ часть оныхъ въ лучшемъ видѣ устроена будетъ; но тѣмъ не меньше нужнымъ и выгоднымъ почитаемъ, чтобъ и въ Москвѣ, по примѣру здѣшняго столичнаго нашего города, рынки по частямъ городскимъ учреждены, и въ нихъ лавки по свойству и разности продаваемыхъ припасовъ и вещей разведены были, и чтобъ въ томъ наблюдалися въ точности правила предписанныя въ указѣ нашемъ отъ 28-го Іюня 1782 года Сенату данномъ, котораго копія при семъ прилагается: 7) потребные на строеніе въ Кремлѣ присутственныхъ мѣстъ 105,850 рублей, да на докончаніе Всесвятскаго каменнаго моста 37,631 рубль, всего 143,481 рубль повелѣли мы нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Вяземскому ассигновать въ 3 года изъ Московскаго для остаточныхъ суммъ казначейства, назнача къ отпуску въ нынѣшнемъ и будущемъ 1787-мъ году по 50,000 рублей въ каждый, а остальныя деньги въ 1788 году.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 11, 1786.

22.

Графъ Яковъ Александровичъ. Неоднократныя уже даны отъ насъ повелѣнія о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ поручицы Натальи Пассековой, въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ Москвѣ имѣющихся. По безпрестанному возобновленію отъ нея Пассековой прошеній, мы, подтверждая прежнія наши предписанія, повелѣваемъ вамъ: дѣло ея съ секретаремъ Львовымъ о закладной, подтвердить Московскому Совѣстному Суду рѣшить немедленно, выславъ въ оный помянутаго Львова непремѣнно для надлежащаго разбирательства; но ежели бы, по несоглашенію тяжущихся или ихъ посредниковъ, Совѣстный Судъ немогъ положить окончательнаго рѣшенія сему дѣлу, въ такомъ случаѣ отослать оное на разборъ куда по законамъ слѣдуетъ, съ тѣмъ однакожъ со стороны вашей и Губернскаго Правленія наблюденіемъ, дабы оно во всѣхъ мѣстахъ, отъ нижняго до самаго верхняго, чрезъ которыя по аппелляціямъ той или другой стороны проходить будетъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ годоваго времени дѣйствительнаго достигло окон-

чанія. Равнымъ образомъ и всѣмъ прочимъ ея Пассековой дѣламъ, каковыя имѣетъ она по присутственнымъ мѣстамъ въ Москвѣ или въ тамошней губерніи, назначить годовой же срокъ, въ который бы они непремѣнно окончены и рѣшены были, въ чемъ не упустите должнаго имѣть наблюденія и намъ въ свое время донести.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 16, 1786.

23.

Графъ Яковъ Александровичъ. Предпріятое нами путешествіе для осмотра разныхъ губерній положили мы съ помощію Божіею исполнить въ Генв. будущаго 1787 года; въ слѣдствіе чего данъ указъ нашъ Сенату о поставкѣ для проѣзда нашего потребнаго числа лошадей по новой Порховской дорогѣ чрезъ Смоленскъ, Мстиславъ, Новгородъ-Сѣверскій, Черниговъ, Кіевъ, откуда шествіе наше будетъ до Екатеринослава водою; отъ Екатеринослава же чрезъ Херсонъ въ область Таврическую и возвратно Черкаскъ, Бахмутъ, Торъ, Изюмъ, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву. Доставляя при семъ маршрутъ, увѣрены мы, что со стороны вашей всѣ потребныя пріуготовленія и распоряженія къ выгодному проѣзду нашему учинены будутъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 2, 1786.

24.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и Московской губерніи графу Брюсу.

Возложивъ на попеченіе нашихъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность заготовленіе провіанта и фуража для продовольствія войскъ нашихъ во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ пребывающихъ, находимъ мы за нужное, чтобъ помянутые наши генералы-губернаторы и правящіе ту должность приказали каждый мѣсяцъ состоящіе по мѣстамъ въ тѣхъ губерніяхъ въ вѣдомствѣ у провіантскихъ чиновъ денежную казну и наличный хлѣбъ свидѣтельствовать губернаторамъ и членамъ отъ Казенной Палаты отряжаемымъ обще съ тѣми провіантскими чинами; гдѣ же губернаторамъ и членамъ Казенной Палаты за дальностію мѣста или другими неудобствами то учинить не можно, тамъ сіе свидѣтельство производить оберъ-коммендантамъ, коммендантамъ и городничимъ и объ ономъ въ Главную Провіантскую Канцелярію доставлять помѣсячно вѣрныя и обстоятельныя увѣдомленія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 3, 1786.

25.

Графъ Яковъ Александровичъ. Разсмотрѣвъ поданные доклады отъ васъ и потомъ отъ Коммиссіи о строеніи столичныхъ и другихъ городовъ съ примѣчаніями на прежній планъ города Москвы, повелѣваемъ: 1) по разломкѣ стѣны, окружающей Бѣлый городъ открылося довольное мѣсто для всякихъ въ городѣ подвозовъ, коимъ большая часть города и пользоваться можетъ; то и нѣтъ нужды производить въ дѣйство всѣ площади на планѣ назначенныя, особливо же такія, гдѣ встрѣтится трудность ломать строенія частнымъ людямъ принадлежащія; достаточны же быть могутъ изъ оныхъ площадей назначенныя въ Бѣломъ городѣ: у Тверскихъ воротъ, на Моховой, и за Моисеевскими богадѣльнями; въ Китаѣ-городѣ: Красная, вокругъ Лобнаго мѣста, Ильинская и по стѣнѣ города Китая отъ Никольскихъ воротъ до Москвы рѣки; за Москвою рѣкою на урочищѣ, называемомъ Болото, при въѣздѣ у Серпуховскихъ воротъ, на полянѣ и у Калужскихъ воротъ; въ Земляномъ городѣ и за онымъ у Красныхъ воротъ и Тріумфальныхъ Тверскихъ воротъ: 2) въ которыхъ

частяхъ города положено по плану каменное строеніе, тамъ отнюдь не дозволять дѣлать деревянные заборы; 3) равнымъ образомъ въ тѣхъ же частяхъ и домы священниковъ и церковныхъ служителей долженствуютъ быть каменные: но понеже всѣхъ вдругъ по множеству церквей въ Москвѣ начать неудобно, для того нужно есть, чтобы согласились съ преосвященнымъ архіепископомъ Московскимъ о назначеніи въ каждой части города церквей по лучшей удобности, при которыхъ сіе строеніе начать надлежитъ, и насъ увѣдомили. О прочихъ же таковое распоряженіе впредь послѣдуетъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 27, 1786.

26.

Графъ Яковъ Александровичъ. Изъ приложеннаго при семъ росписанія становъ для предпріемлемаго нами путешествія, усмотрите, въ которыхъ именно мѣстахъ назначены обѣды и ночлеги, а въ доставляемыхъ тутъ же чертежахъ найдете, какіе въ оныхъ мѣстахъ дворцы путевые достаточны быть могутъ. Строеніе оныхъ предполагается въ тѣхъ единственно мѣстахъ, гдѣ неудобно воспользоваться обывательскими домами; гдѣ же назначены станы для перемѣны только лошадей, тамъ довольно будетъ имѣть, по лѣтнему времени, по одному или по два чистыхъ покоевъ, или шалашей или палатокъ. О потребной суммѣ на содержаніе означенныхъ дворцовъ не оставьте заблаговременно снестися съ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, дабы о назначеніи ея не умедлить дать наше повелѣніе. Впрочемъ увѣрены мы, что не оставите тутъ сохранить всевозможное хозяйство.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 6, 1786.

27.

Графъ Яковъ Александровичъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 8-го сего Іюня о возвышеніи цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ и что онаго не великое число на то время было въ привозѣ, увѣрены мы, что вы не оставите, руководствуяся правилами, въ Учрежденіяхъ нашихъ о должности генералъ-губернатора или главнокомандующаго въ статьѣ 87-й начертанными, принять всевозможныя мѣры и стараніе къ отвращенію сего недостатка.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 15, 1786.

IV. Къ П. Д. Еропкину.

1.

Петръ Дмитріевичъ. Коммиссія объ учрежденіи училищъ, продолжая по волѣ нашей труды ея къ снабженію Имперіи народными училищами, пріуготовилася уже къ открытію оныхъ въ 25 губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Московской губерніи. Утвержденныя нами уставъ и штатъ сихъ училищъ, равно какъ и потребные для нихъ учители, съ книгами симъ заведеніямъ присвоенными, будутъ къ вамъ отъ Коммиссіи посланы. Въ слѣдствіе чего возлагаемъ мы на попеченіе ваше, чтобъ къ открытію оныхъ къ назначаемому отъ Коммиссіи времени, т. е. 22 Сентября все нужное было пріуготовлено. И хотя не вездѣ Приказы Общественнаго Призрѣнія столь достаточные капиталы имѣютъ, чтобъ изъ процентовъ ихъ удовлетворять всѣмъ предметамъ попе-

ченію ихъ предоставленнымъ; но какъ доходы оныхъ при добрыхъ и усердныхъ стараніяхъ начальства и разныхъ обществъ отъ времени далѣе могутъ умножаться, сверхъ того снабдивъ города наши разными выгодами въ Городовомъ Положеніи изображенными, доставили мы имъ и доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями просвѣщеніе народное одною изъ первыхъ почитаться долженствуетъ, содержаніе же народныхъ училищъ не требуетъ большаго иждивенія, какъ то въ штатѣ ясно показано, и при томъ на первое время довольно будетъ открытія въ губернскомъ городѣ главнаго, да еще тамъ же и по самымъ знатнѣйшимъ городамъ малыхъ народныхъ училищъ: то и увѣрены мы, что вы изыщете средства заимствовать нужное сихъ училищъ содержаніе безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заведеній, о чемъ и будемъ ожидать вашего увѣдомленія. Впрочемъ нашъ тайный совѣтникъ Завадовскій, по предсѣданію его въ Коммиссіи о народныхъ училищахъ, о всемъ до установленія оныхъ касающемся не упуститъ съ вами снестися.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 12, 1786.

2.

Петръ Дмитріевичъ. По представленію вашему о поставленныхъ въ Кремлѣ пушкахъ, повелѣваемъ съ артиллерійскимъ и инженернымъ въ Москвѣ начальствомъ распорядить, гдѣ удобнѣе и какимъ образомъ помѣстить тѣ пушки съ отвращеніемъ всякой опасности для зданій и представить намъ съ планомъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 27, 1786.

3.

Петръ Дмитріевичъ. Получивъ донесеніе ваше о случившемся въ Москвѣ наводненіи и сожалѣя о вредѣ, отъ того происшедшемъ, приказала я тотчасъ къ вамъ послать инженеръ-маіора Де-Витте, какъ человѣка искуснаго въ водяныхъ работахъ. Вы велите ему осмотрѣть всѣ сіи мѣста, изыскать причины сему происшествію и представить средства къ поправленію того и къ предохраненію себя впредь отъ подобнаго вреда, при могущихъ случиться наводненіяхъ; да и нужно немедленно приступить къ починкамъ и работамъ, кои необходимо нужными и полезными признаны будутъ, употребя потребныя деньги на первый случай изъ наличной суммы, назначенной на построеніе каменнаго моста, и донеся притомъ намъ обстоятельно о всемъ что̀ усмотрѣно и надобнымъ признано будетъ. Ему же Де-Витте прикажите послѣ осмотрѣть Московскій водоводъ и примѣчанія его вамъ подать. Впрочемъ за благо пріемлю я всѣ ваши тутъ учиненныя распоряженія.

Въ С. Петербургѣ.
Августа 31, 1786.

4.

Петръ Дмитріевичъ. По поводу донесенія вашего отъ 10-го сего мѣсяца. мы желаемъ, чтобъ вы отъ инженеръ-маіора Де-Витте и прочихъ чиновъ, къ водянымъ работамъ въ Москвѣ опредѣленныхъ, истребовали мнѣніе, не отвратится ли разливъ Москвы рѣки и подмытіе ея береговъ, буде оные одѣть камнемъ, и купно съ другими по сей матеріи положеніями, планами и смѣтами намъ представили.

Въ С. Петербургѣ.
Сентября 18, 1786.

5.

Петръ Дмитріевичъ. Представленныя отъ васъ работы, для безопасности отъ наводненій въ Москвѣ по планамъ съ инженеръ - маіоромъ Де-Витте присланнымъ, повелѣваемъ произвесть въ дѣйство, употребя надоб-

ныя на то деньги 22,041 рубль съ копѣйками, изъ суммы на строеніе каменнаго моста назначенной, а чего не достанетъ на тотъ мостъ, оное можетъ отпущено быть къ истеченію срока, для всей сей работы предполагаемаго. Что же касается до Московскаго водовода, мы не оставимъ сдѣлать всевозможныя къ скорѣйшему и прочному его окончанію распоряженія. Между тѣмъ доставьте намъ свѣдѣнія о доходахъ городскихъ тамошней нашей столицы, какіе именно и въ какомъ количествѣ состоятъ, куда и сколько изъ нихъ употребляется, и что за тѣмъ остается?

Въ С. Петербургѣ.
Сентября 26, 1786.

6.

Петръ Дмитріевичъ. Предмѣстникъ вашъ имѣлъ неоднократные отъ насъ повелѣнія о скорѣйшемъ окончаніи дѣлъ поручицы Наталіи Пассековой, въ приложенной при семъ запискѣ означенныхъ; но какъ оныя и до сего времени продолжаются, отъ нея же Пассековой доходятъ къ намъ частыя по онымъ прошенія; то и поручаемъ вашему попеченію и наблюденію, дабы дѣла ея безъ малѣйшаго отлагательства въ назначаемые отъ васъ сроки воспріяли конецъ ихъ по законамъ и справедливости, и чтобъ по которымъ изъ нихъ слѣдуетъ ей, Пассековой, удовлетвореніе, оное ей доставлено было; при чемъ не оставьте безъ взысканія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣла ея за многими повелѣніями подвержены таковому медленію, и намъ донесите.

Въ С. Петербургѣ.
Сентября 28, 1786.

7.

Петръ Дмитріевичъ. Получа донесеніе ваше объ открытіи въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ одного главнаго и трехъ малыхъ народныхъ училищъ, мы съ удовольствіемъ пріемлемъ труды ваши въ семъ полезномъ дѣлѣ и похвальное ревнованіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Прокофія Демидова, подавшаго дѣятельное въ ономъ пособіе; за что объявите ему монаршее наше благоволеніе, котораго суть достойны и всѣ тѣ, кои пріимутъ участіе въ толико благихъ подвигахъ, общее добро заключающихъ. Что касается до опредѣленія директора главнаго народнаго училища, какъ нужно есть, чтобъ мѣсто сіе заступалъ преимущественно предъ другими человѣкъ по лѣтамъ и по основательному ученію право къ тому имѣющій, то и желаемъ, чтобъ къ оному употребленъ былъ коллежскій совѣтникъ и Московскаго Губернскаго Правленія совѣтникъ Тимофей Миславскій, имѣющій сіи качества, при долговременной службѣ, которому возлагаемое на него званіе не помѣшаетъ исправлять и нынѣшней его должности.

Въ С. Петербургѣ.
Октября 5, 1786.

8.

Петръ Дмитріевичъ. Прикажите полицейскимъ офицерамъ наблюдать въ клубахъ, маскарадахъ и другихъ публичныхъ сборищахъ, чтобъ въ оныхъ игоръ въ банкъ и другихъ запрещенныхъ не было, увѣдомляя насъ, есть-ли гдѣ таковыя игры окажутся, для поступленія съ виновными по законамъ.

Въ С. Петербургѣ.
Октября 16, 1786.

9.

Петръ Дмитріевичъ. Имѣющіеся при Кремлевскомъ строеніи подмостные лѣса, буде въ оныхъ тамъ болѣе нужды нѣтъ, прикажите отдать въ Московскій университетъ на употребленіе ему полезное.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 23 дня, 1786 г.

10.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и тамошней губерніи Еропкину.

Пріемля за благо докладъ вами представленный о заведеніи въ тамошней столицѣ запаснаго хлѣбнаго магазейна для отвращенія недостатка въ хлѣбѣ и возвышенія цѣны на оный и находя всѣ средства предполагаемыя вами по сему предмету основательными, сверхъ утвержденія оныхъ предписываемъ вамъ: 1) запасной хлѣбный магазейнъ учредить въ Москвѣ на томъ основаніи и на тѣхъ правилахъ, кои присвоены здѣшнему запасному магазейну. На подкрѣпленіе же его указали мы отпустить изъ Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка въ распоряженіе ваше 60,000 рублей; 2) при открытіи Московскаго запаснаго магазейна для наблюденія порядка при продажѣ хлѣба и для отвращенія непозволеннаго перекупа опредѣлить изъ Городовой Думы двухъ гласныхъ, кои бы, смѣняяся помѣсячно, присутствовали въ городовомъ запасномъ магазейнѣ при продажѣ и въ въ случаѣ покушеній на перекупъ, или же буде что̀ усмотрятъ нужнымъ или полезнымъ, какъ управляющему магазейномъ, такъ и вамъ могли учинить ихъ представленія; 3) для закупки хлѣба въ магазейнъ стараться получать оный изъ первыхъ рукъ въ мѣстахъ, Москву окружающихъ, или тамо откуда обыкновенно привозится и откуда съ выгодою въ цѣнѣ доставленъ быть можетъ, а не съ возовъ и судовъ въ Москву приходящихъ: ибо не выходило бы уже тутъ прибавки хлѣба, но дѣйствительно бы убавилось то количество, которое вошло въ городъ; 4) опредѣленный отъ васъ къ управленію магазейномъ подъ собственнымъ вашимъ вѣдѣніемъ, обязанъ по соображенію количества запаснаго хлѣба и перемѣнныхъ цѣнъ въ городѣ доносить вамъ какъ въ разсужденіи установленія цѣны хлѣбу изъ магазейна продаваемому, такъ и во всякомъ нужномъ случаѣ разрѣшенія вашего требующемъ; 5) для помѣщенія хлѣба къ составленію городоваго запаснаго магазейна назначаемаго, выбрать на Москвѣ рѣкѣ удобное къ развозу мѣсто и, ежели казеннаго нынѣ къ тому способнаго строенія не отыщется, построить на первое время хотя деревянные амбары.

Подробности порядка наблюдаемаго въ здѣшнемъ запасномъ магазейнѣ при продажѣ изъ онаго хлѣба, не преминутъ сообщить вамъ наши дѣйствительные тайные совѣтники графъ Шуваловъ и графъ Воронцовъ присутствовавшіе въ коммиссіи по предмету снабденія хлѣбомъ здѣшней столицы учрежденной, и мы надѣемся, что вы, руководствуясь оными и извѣстнымъ намъ усердіемъ вашимъ, ничего не упустите, что̀ можетъ служить къ пользѣ и выгодѣ жителей столицы, управленію вашему ввѣренной.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 23 дня, 1786 г.

11.

Петръ Дмитріевичъ. По содержанію прилагаемаго при семъ прошенія намъ поданнаго отъ жены подполковника Александра Писарева, Дарьи Писаревой, какъ намѣреніе ея есть, чтобъ дѣти ея получили воспитаніе въ учрежденныхъ отъ насъ для того мѣстахъ въ пользу благородныхъ, гдѣ конечно болѣе за ними будетъ призрѣнія, нежели въ домѣ родителей ихъ, по ихъ несогласному житію, объявите помянутому подполковнику Писареву, чтобъ онъ сыновей прислалъ въ здѣшніе кадетскіе корпуса, а дочерей въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, убѣждая его въ томъ самою пользою дѣтей.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 3 дня, 1786 г.

12.

Петръ Дмитріевичъ. По прошенію гвардіи нашей Московскаго батальона прапорщика Ивана Олешева, за старостію лѣтъ всемилостивѣйше увольняемъ отъ всѣхъ дѣлъ, повелѣвъ производить ему по смерть нынѣшнее его жалованье.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 5, 1786.

13.

Петръ Дмитріевичъ. По рапорту нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Камынина съ представленіемъ, что покои, въ коихъ помѣщаются нынѣ дѣла бывшей Вотчинной Коллегіи, пришли въ крайнюю ветхость и что необходимая настоитъ надобность или ихъ перестроить вновь, или другой къ помѣщенію тѣхъ дѣлъ выгодный домъ назначить, указали мы ему снестися о семъ съ вами и, постановя на мѣрѣ, общее ваше положеніе намъ представить на утвержденіе съ принадлежащими къ тому планами и смѣтами. Вы потомъ не оставьте сдѣлать исполненіе и распоряженіе отъ васъ зависящее.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 15, 1786.

14.

Петръ Дмитріевичъ. По настоящей надобности при арміяхъ нашихъ въ чинахъ генеральнаго штаба, повелѣваемъ вамъ находящихся въ Москвѣ при водяныхъ работахъ оберъ-квартермистровъ Медера и Филиппи, такъ какъ и другихъ того штаба офицеровъ отпустить немедленно къ командамъ, куда кто изъ нихъ требуется. А дабы и водяныя работы безъ присмотра оставлены не были, могутъ быть для сего употреблены офицеры изъ состоящихъ здѣсь при строеніи Фонтанки, по сношенію и соглашенію вашему съ нашимъ дѣйствительномъ тайнымъ совѣтникомъ и генераломъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, о чемъ ему и указъ нашъ данъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 1, 1787.

15.

Петръ Дмитріевичъ. По содержанію представленій вашихъ въ Сенатъ о прилучающихся въ столицѣ кражахъ, за кои по законамъ не положено ссылать въ Сибирь и о происходящихъ злоупотребленіяхъ въ дачѣ аттестатовъ отъ городовъ для подрядовъ или откуповъ, я буду ожидать Сенатскихъ докладовъ, чтобъ дать о сихъ дѣлахъ мои рѣшительныя повелѣнія.

Что̀ же принадлежитъ до наполненія со стороны Верхняго Земскаго Суда мѣста дворянскаго уѣзднаго предводителя, учинившагося празднымъ во время текущее между двумя сроками выборовъ, то какъ по 76 статьѣ Учрежденій подобныя наполненія мѣстъ, отъ избранія общественнаго зависящихъ, предоставлено Верхнему Земскому Суду и прочимъ среднимъ мѣстамъ, каждому по своей части; да и засѣдатели сихъ судовъ уже сами себѣ въ теченіи времени отъ одного выбора до другаго представляютъ нѣкоторымъ образомъ общество, изъ среды коего они выбраны: то и должно оставить означеннымъ судамъ полную волю наполнять убылыя мѣста, лишь бы только въ утвержденіи кандитата ими назначаемаго не встрѣтилось законнаго препятствія.

Въ Кіевѣ.
Февраля 12, 1787.

16.

«Петръ Дмитріевичъ. Письмо ваше отъ 28 Февраля до моихъ рукъ доставлено. Погода у насъ весьма дурная и непрестанныя вьюги. Однако мы всѣ здоровы. У насъ здѣсь слышно, будто между Москвы и Клина какой-то гвардіи офицеръ изъ лѣса

невѣдомо кѣмъ застрѣленъ. Прошу мнѣ увѣдомить, правда-ли и именно кто, буде слухъ неложенъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Изъ Кіева.
11 Марта 1787.»

Получено 24 Марта по полудни въ 6 часу.

17.

Петръ Дмитріевичъ. Апробуя учиненное вами распоряженіе о перемѣщеніи Межевой Канцеляріи съ чертежною и архивою по ветхости занимаемаго ею дому въ новопостроенной въ Кремлѣ для присутственныхъ мѣстъ, мы равномѣрно утверждаемъ и то, чтобъ въ семъ послѣднемъ домѣ полы высланы были вмѣсто Мячковской лещади изъ кирпичной плиты, тѣмъ болѣе, что нужно только, дабы тутъ ни половъ, ни лѣстницъ не было деревянныхъ для предосторожности отъ пожара.

Въ Кіевѣ.
Марта 23, 1787.

18.

Петръ Дмитріевичъ. Препровождая при семъ прошеніе дошедшее къ намъ отъ царевны Анны Грузинской, мы соизволяемъ: 1-е, чтобъ пенсія, которую она получала при жизни брата ея царевича Георгія на содержаніе по 500 рублей на годъ, производима была изъ казначействъ по смерть ея, и 2-е, чтобъ вы поручили Сената нашего оберъ-прокурорамъ князю Гагарину и Салтыкову сдѣлать и намъ представили заключеніе ихъ, можетъ ли сіе прошеніе утверждено быть относительно назначенія къ упоминаемому въ ономъ имѣнію наслѣдникомъ князя Багратіона и не встрѣчается ли тутъ какого законнаго препятствія.

Въ Кіевѣ.
15 Апрѣля, 1787.

19.

Петръ Дмитріевичъ. Состоящее въ Москвѣ на Тверской улицѣ подворье, бывшее сперва во владѣніи первокласнаго Савина Сторожевскаго монастыря, а потомъ отданное Крутицкому архіерею, по неимѣнію нынѣ сего послѣдняго, повелѣваемъ отдать по прежнему во владѣніе помянутому Савину Сторожевскому монастырю, которому и содержать оное подворье изъ штатной своей суммы.

Въ Коломенскомъ.
Іюня 26, 1787.

20.

Петръ Дмитріевичъ. По представленіямъ вашимъ повелѣваемъ: 1) село Всесвятское, не включая въ число дворцовыхъ, поручить оное въ вѣдомство надворнаго совѣтника Сорочинскаго, на такомъ основаніи какъ состоятъ села Царицыно и Конково и крестьянъ тамошнихъ обложить оброкомъ по три рубли съ души съ накладными по двѣ копѣйки на рубль, каковой оброкъ положить и на крестьянъ Царицынскихъ и Конковскихъ вмѣсто работъ, отъ которыхъ ихъ уволить; 2) ветхое строеніе съ селѣ Всесвятскомъ продать, мельницу отдать въ оброкъ, оранжерею и прочее содержать изъ оброчныхъ выручаемыхъ за плоды денегъ и другихъ сего села доходовъ; земли же изъ общаго владѣнія съ княземъ размежевать къ однимъ мѣстамъ на обѣ стороны безобидно; 3) состоящимъ въ вѣдомствѣ директора домоводства экономическимъ и конюшеннымъ крестьянамъ по скудости ихъ въ земляхъ дозволить по примѣру дворцовыхъ крестьянъ покупать у смежныхъ помѣщиковъ малыя деревни и пустоши; 4) какъ по усмотрѣнію вашему мѣсто на планѣ назначенное для строенія города Подола неудобно за глубокими буераками, большими косогорами и крутыми и трудными къ объѣзду бе-

регами, то и производить сіе строеніе отдаляяся влѣво на довольное разстояніе, наблюдая только, чтобъ тутъ частнымъ людямъ не сдѣлано было притѣсненія присвоеніемъ земель, имъ принадлежащихъ; 5) городскія стѣны древнія въ городахъ Коломнѣ, Серпуховѣ и Можайскѣ возобновить нужно; чего ради велѣно будетъ отъ насъ артиллеріи генералу Меллеру прислать нарочнаго къ вамъ для полученія отъ васъ надлежащихъ приказаній и пособій къ сочиненію таковому возобновленію стѣнъ плановъ и смѣтъ; 6) мостъ въ городѣ Серпуховѣ чрезъ рѣку Серпейку построить казеннымъ иждивеніемъ, но не касаяся камня бывшей тамъ городовой стѣны; потребныя же деньги на сіе строеніе, на содержаніе мостовъ въ Серпуховѣ чрезъ Оку, въ Подолѣ чрезъ Пахру, равно и на другія исправленія необходимыя и въ прежнихъ представленіяхъ вашихъ изъясненныя, мы по прибытіи нашемъ въ Санктпетербургъ назначимъ; 7) Воробьевскій дворецъ и отдѣлку Царевоборисовской и Шипиловской плотинъ отдать въ вѣдомство нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова и употребленные на строенія послѣднихъ Коммиссіею водяныхъ работъ 19,597 рублей записать въ расходъ; а остальныя на окончаніе сихъ плотинъ деньги 6,528 рублей, помянутый дѣйствительный тайный совѣтникъ употребить имѣетъ заимообразно на счетъ Кабинета изъ суммъ по Кремлевской экспедиціи.

Іюля 3, 1787.

21.

Петръ Дмитріевичъ. Отданныя университетскимъ сторожемъ на сохраненіе родственницѣ его деньги 7800 рублей, найденныя имъ якобы въ Охотномъ ряду, когда пройдетъ указной срокъ, прикажите удовольствовавъ женщину о семъ объявившую узаконенною частію, отдать остальныя въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи, съ тѣмъ чтобъ въ случаѣ востребованія тѣмъ, кому сіи деньги принадлежали и предъявленія ясныхъ на то доказательствъ, оныя ему возвращены были; а Приказъ Общественнаго Призрѣнія будетъ до того времени пользоваться процентами съ того капитала.

Въ Твери.
6 Іюля, 1787 г.

22.

«Петръ Дмитріевичъ. Къ сожалѣнію моему усмотрѣла я изъ послѣдняго письма вашего, что тайный совѣтникъ и камергеръ Василій Бибиковъ скончался. У него осталось много рукописныхъ ѳеатральныхъ сочиненій, мною ему отданныхъ. Также хоры изъ Олега, коихъ онъ отъ капельмейстера Сарти въ Кременчугѣ получилъ, о чемъ самъ Сарти Степану Ѳедоровичу Стрекалову сказалъ. Пожалуй, пошлите къ брату Бибикова о семъ спросить и чтó получите обратно, пришлите ко мнѣ. При семъ прилагаю также письмо Стрекалова къ г. м. Гаврилѣ Бибикову о сей же матеріи. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Изъ Царскаго Села.
Іюля 26, 1787.»

Получено 1 Августа.

23.

Петръ Дтитріевичъ. По установленіямъ предковъ нашихъ печатаніе книгъ церковныхъ и до закона нашего православнаго вообще относящихся присвоено единственно типографіямъ духовнымъ. Свобода отъ насъ дарованная напечатаніе книгъ въ свѣтскихъ публичныхъ и частными людьми заводимыхъ типографіяхъ ни мало не противорѣчитъ сему узаконенію, ибо оная простирается на книги свѣтскія, къ пользѣ общественной служащія; и для того симъ повелѣваемъ вамъ подтвердить полиціи Московской наблюдать,

дабы ни изъ одной свѣтской типографіи или свѣтской книжной лавки въ Москвѣ не были продаваемы молитвенники, не отъ Синода изданные, такожъ книги церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны въ Синодской или иныхъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода нашего состоящихъ или же отъ Коммиссіи народныхъ училищъ съ дозволенія нашего изданы и впредь издаваемы будутъ. Въ слѣдствіе сего во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобныя, не въ помянутыхъ духовныхъ типографіяхъ печатанныя, или же не отъ Коммиссіи народныхъ училищъ изданныя, оныя тотчасъ запечатавъ отдать на сохраненіе Синодальной Конторы до будущаго нашего предписанія.

Въ Царскомъ Селѣ.
27 Іюля, 1787 г.

24.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и тамошней губерніи Еропкину.

Удостовѣрившися собственнымъ нашимъ обозрѣніемъ въ плодоносіи пространныхъ земель въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической и въ разныхъ выгодахъ для обитателей сихъ странъ отъ мѣстнаго положенія проистекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства по разнымъ губерніямъ находятся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа и вящую въ томъ нужду имѣть могутъ, признали мы за благо предписать нашимъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства разнаго званія, наипаче же такихъ селеній, кои въ земляхъ недостатокъ и нужду ощущаютъ, что они могутъ переселиться на земли плодоносныя въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области состоящія. Надлежащія распоряженія по случаю таковыхъ переселеній долженствуютъ быть учинены подъ наблюденіемъ нашихъ генераловъ - губернаторовъ и правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ посредствомъ Казенныхъ Палатъ и директоровъ экономіи, произведя потребныя сношенія съ нашимъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ заблаговременно.

Въ Царскомъ Селѣ.
3 Августа, 1787 г.

25.

Петръ Дмитріевичъ. Извѣстная вамъ вдова Наталья Пассекова, въ присланномъ къ намъ письмѣ изъявляя бѣдное свое состояніе, писала, что она и ея люди помираютъ голодомъ. Чего ради мы, по врожденному человѣколюбію, соизволяемъ, чтобъ вы приказали секретно навѣдаться, подлинно ли оная Пассекова въ таковомъ бѣдномъ положеніи находится и буде по развѣдыванію найдется сіе истиннымъ, то предпишите секретно Московскому Приказу Общественнаго Призрѣнія, дабы оный, по долгу своему, изъ сожалѣнія о человѣчествѣ, давалъ оной Пассековой впредь до будущаго нашего указа по 400 рублей въ годъ изъ процентной суммы, или доходовъ его, не сказывая отнюдь ей, что сіе велѣно давать по волѣ нашей, но якобы единственно по доброму попеченію о человѣчествѣ того Приказа.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 3, 1787.

26.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ тамошней губерніи Еропкину.

Изъ манифеста нашего, въ 7-й день сего Сентября даннаго, извѣстны вы

какимъ вѣроломнымъ и неистовымъ образомъ Порта Оттоманская объявила намъ войну и тѣмъ понудила насъ обратить оружіе наше на оборону Православной церкви и достоинства Имперіи нашей. Мы хотя увѣрены, что вы и всегда не преставали имѣть по ввѣренной вамъ губерніи должное радѣніе о сохраненіи надлежащаго порядка и тишины, но отъ избытка осторожности не можемъ оставить на настоящее время, чтобъ не подтвердить вамъ объ усугубленіи со стороны вашей таковаго наблюденія и о предписаніи состоящимъ подъ начальствомъ вашимъ комендантамъ, городничимъ, земскимъ исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, дабы они имѣли недреманное ихъ бдѣніе, чтобъ въ вѣдомствѣ каждаго изъ нихъ ничто доброму устройству несогласное и общественной тишинѣ противное не происходило, чтобъ всякъ изъ нихъ другъ другу по дѣламъ службы нашей и пользы общей подавали руку помощи, чтобъ о всемъ, къ тому относящемся, начальство свое увѣдомляли немедленно и въ чемъ слѣдуетъ и гдѣ разрѣшеніе или наставленіе начальства нужно, требовали онаго. Для лучшаго надзиранія въ прехожденіи помянутыми чинами служенія ихъ и въ исполненіи вышеозначеннаго, если бы другія важнѣйшія дѣла вамъ не дозволяли самолично осматривать губернію, вамъ порученную, вы можете возлагать сіе на губернатора и на другихъ чиновниковъ, коихъ отлучка не причинитъ въ теченіи прочихъ дѣлъ остановки. О состояніи губерніи, вамъ ввѣренной, вы долженствуете присылать къ намъ по прежнему еженедѣльно рапорты, изъясняя въ нихъ всякое происшествіе, которое могло бы заслуживать вниманіе, смотря же по важности и кромѣ того времени, да иногда и съ нарочными, таковыя донесенія, буде надобно, доставляя. Впрочемъ, гдѣ польза государственная востребуетъ, обязаны вы съ окрестными генералами-губернаторами, или правящими эту должность, въ небытность же ихъ съ губернаторами, производить сношеніе и другъ другу взаимно подавать руку пособія къ сохраненію порядка, исполненію законовъ и удержанію спокойства и безопасности общественной.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 10, 1787.

27.

Петръ Дмитріевичъ. Предъ недавнимъ временемъ явился въ границахъ нашихъ нѣкто подъ именемъ графа Шидловскаго, коего поведеніе не соотвѣтствовало подложно принятому имъ на себя званію камергера и кавалера орденовъ Польскихъ, и который ничто иное какъ бродяга и обманщикъ, каковымъ признанъ и отъ министерства Польскаго. Мы тогда же объявили волю нашу о высылкѣ его за границу, коль скоро онъ еще покажется гдѣ-либо въ предѣлахъ здѣшнихъ. Нынѣ дошло до насъ извѣстіе, что сей самый бродяга, называющійся графомъ Шидловскимъ, находится въ оныхъ дѣйствительно, производя разныя мошенничества и развраты. Прилагая при семъ описаніе примѣтъ его, повелѣваемъ вамъ подтвердить въ губерніи вамъ ввѣренной кому слѣдуетъ о прилежномъ присматриваніи помянутаго обманщика и буде-бы онъ гдѣ показался, то его тотчасъ задержавъ прислать сюда подъ крѣпкимъ карауломъ.

Въ С.-Петербургѣ.
11 Сентября, 1787.

28.

Петръ Дмитріевичъ. Представленіе ваше, чтобъ для вящшей осторожности противу наноса заразы, отчего да сохранитъ Богъ, учредить, по примѣру прежней войны, заставы въ Московской губерніи по рѣкѣ Окѣ, мы пріемлемъ за благо, соизволяя, чтобъ

вы то въ дѣйство тотчасъ приказали произвесть, съ наблюденіемъ, дабы таковая осторожность не была обращаема въ тягость или притѣсненіе чье-либо, въ чемъ на усердіе и бдѣніе ваши полагаемся.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 23, 1787.

29.

Петръ Дмитріевичъ. По содержанію доклада вашего отъ 18 сего мѣсяца, мы соизволяемъ, чтобъ государственный архивъ помѣщенъ былъ въ новомъ Кремлевскомъ зданіи, гдѣ для него довольное уже число покоевъ и шкафовъ приготовлено.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 27, 1787.

30.

Петръ Дмитріевичъ. Препровождая симъ прошеніе Коломенской волости крестьянина Василія Иванова, повелѣваемъ князя Алексѣя Хованскаго убѣдить честію и совѣстію къ немедленному возвращенію сему просителю взятыхъ у него подъ видомъ обмѣна на ассигнаціи денегъ; въ случаѣ же его отъ того уклоненія предписать куда слѣдуетъ о доставленіи обиженному справедливаго и безволокитнаго удовлетворенія по законамъ.

Въ С.-Петербургѣ.
13-го Ноября 1787.

31.

Петръ Дмитріевичъ. Изъ репортовъ Ассигнаціоннаго Банка усмотрѣли мы, что въ Московскомъ отдѣленіи того банка во всѣ дни открытія онаго выходятъ на промѣнъ за ассигнаціи великія суммы мѣдныхъ денегъ, напротивъ того ассигнацій почти вовсе не вымѣниваютъ, вмѣсто того что въ здѣшней столицѣ нашей при больщихъ оборотахъ торговли и знатныхъ платежахъ таковый промѣнъ ассигнацій въ банкѣ на мѣдныя деньги отнюдь не къ ущербу банка обращается. Для узнанія истинной тому причины и особливо не скрывается ли тутъ лихоимственное какихъ либо купцовъ или другихъ людей покушеніе забирать мѣдныя деньги, чтобъ послѣ ими въ тягость общую дѣлать промѣнъ на банковыя ассигнаціи, мы находимъ за нужное, чтобъ вы самымъ секретнѣйшимъ образомъ приказали Московскому оберъ-полицмейстеру примѣчать за вымѣнивающими немалыми суммами, кто они и не для того ли единственно достаютъ въ свои руки мѣдную монету, чтобъ оною послѣ производить промѣнъ ассигнацій въ бóльшую себѣ корысть и въ убытокъ другимъ; но при таковыхъ примѣчаніяхъ надобно, чтобъ тѣ, кои ихъ дѣлать будутъ, отнюдь ни малѣйшаго и вида не подали, что имъ сіе наблюдать велѣно, а чрезъ то не оказался бы поводъ къ непристойнымъ и вреднымъ толкованіямъ. Неизлишно будетъ, если вы прикажите развѣдывать и вообще о таковыхъ промѣнахъ денежныхъ, кѣмъ оныя дѣлаются и сохраняя тѣже самыя осторожности, о чемъ и будемъ ожидать ежечасно вашихъ увѣдомленій.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 21, 1787.

32.

Петръ Дмитріевичъ. Получивъ извѣстіе отъ генералъ-поручика, правящаго должность генералъ-губернатора Иркутскаго и Колыванскаго, Якобія, что Американецъ Джонъ Ледіарди за учиненнымъ ему, на прошеніе его о позволеніи ѣхать чрезъ Иркутскъ и Охотскъ до Америки, отказомъ явился въ тамошнихъ мѣстахъ, указали мы помянутому генералу-поручику Якобію выслать его за надлежащимъ присмотромъ въ Москву, не чиня однакожъ ему никакого озлобленія. Вамъ же повелѣваемъ, когда сей Американецъ къ вамъ присланъ будетъ, препроводить его такимъ же образомъ чрезъ Смоленскъ

въ Полоцкъ, откуда онъ, по данному отъ насъ тамошнему генералъ-губернатору Пассеку предписанію, за границу высланъ быть долженствуетъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 21, 1787.

33.

Петръ Дмитріевичъ. Разсмотрѣвъ донесеніе ваше отъ 24-го Декабря по дѣламъ поручицы Натальи Пассековой, находимъ, что ассесоръ Львовъ, полковникъ Вишневскій и маіоръ Бахметевъ, къ коимъ она, Пассекова, имѣетъ притязанія, не могутъ отказаться отъ разбирательства въ Совѣстномъ Судѣ, не подвергая себя сущему предосужденію, ибо никто отъ сего суда уклоняться не можетъ, кто имѣетъ чистую совѣсть и добрую надежду на правость дѣла своего. А потому и ничто не препятствуетъ, чтобъ вы приказали разобрать оныя, поручицы Пассековой, дѣла съ ними въ Совѣстномъ Судѣ Московскомъ, если помянутые Львовъ, Бахметевъ и Вишневскій находятся въ Москвѣ. Совѣстный же Судъ въ разбирательствѣ и окончаніи сихъ дѣлъ поступать имѣетъ по предписаніямъ въ Учрежденіяхъ нашихъ о его должности въ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 31, 1787.

34.

Петръ Дмитріевичъ. Какъ отпускъ денегъ, потребныхъ на окончаніе въ Москвѣ водопроводнаго канала, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, есть неудобенъ, то и повелѣваемъ оставшіеся въ наличности отъ означенныхъ работъ 65,400 рублей обратить въ сумму на каменный мостъ опредѣленную для намѣщенія взятыхъ изъ нея заимообразно на другія нужныя исправленія денегъ и на совершенное сего моста будущимъ лѣтомъ окончаніе.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 8, 1788.

35.

Петръ Дмитріевичъ. Препровождая при семъ прошеніе вдовы капитанши Ѳеклы Тургеневой съ жалобою на долговременную волокиту по дѣлу ея за неотдачу бѣглыхъ крестьянъ наслѣдникомъ царевича Грузинскаго Георгія княземъ Голицынымъ, который, согласясь сперва на окончаніе ея тяжбы третейскимъ судомъ и избравъ посредниковъ, напослѣдокъ какъ отъ оныхъ отрекся, такъ и Совѣстнымъ Судомъ разобраться съ нею не хочетъ, въ крайнее просительницы разореніе, судьбу ея весьма отягчающее, повелѣваемъ вамъ предписать Московскому Совѣстному Суду войти въ разсмотрѣніе сего дѣла, и въ окончаніи онаго поступить по правиламъ его должности, въ Учрежденіяхъ нашихъ предписаннымъ.

Въ С.-Петербургѣ.
10 Февраля, 1788.

36.

Петръ Дмитріевичъ. По разнымъ представленіямъ вашимъ, оставшимся безъ рѣшенія, волю нашу симъ объявляемъ: 1) Строеніе Московскаго арсенала продолжаемо быть не можетъ инако, какъ по мѣрѣ до сего отпущенной суммы, ибо новую на совершенное его окончаніе назначить по настоящему военному времени не удобно; что̀ же касается до образа кровли, въ томъ держаться плана и фасада за благо принятыхъ, а въ разсужденіи связи оной опредѣлить по разсмотрѣнію и положенію искусныхъ архитекторовъ, каменьщиковъ и прочихъ мастеровъ, коихъ мастерство тутъ входитъ. 2) О департаментѣ Ревизіонъ-Коллегіи, который, за упраздненіемъ ея, для окончанія старыхъ дѣлъ и счетовъ оставить слѣдуетъ, вскорѣ дадимъ мы наше предписаніе. 3) Каменный мостъ съ полагаемыми на немъ лавками стараться окончить, имѣя теперь наше дозволеніе о за-

имствованіи потребной на то суммы изъ остающейся на водоводъ Московской; но притомъ и о семъ самомъ водоводѣ прислать къ намъ мнѣніе, сколько необходимо нужно денегъ на его содержаніе, покуда обстоятельства дозволятъ начать паки отпускъ на его окончаніе. 4) Изъ собранныхъ въ Московскомъ аукціонѣ двупроцентныхъ денегъ 3,000 рублей отдать въ Управу Благочинія, для возвращенія издержанныхъ заимообразно на построеніе новаго моста чрезъ Москву рѣку и на содержаніе его, а остальныя хранить до будущаго нашего повелѣнія. 5) О суммѣ, полагаемой на окончаніе тюремнаго замка, такожъ объ укрѣпленіи берега рѣки Москвы, сколько возможно снестися съ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Измайловымъ, не можетъ ли потребная на то сумма, хотя раздѣля на два года, удѣлена быть изъ имѣющейся въ остаткѣ отъ Кремлевской и ваше общее мнѣніе намъ представить. 6) Назначеніе суммы на построеніе въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ при церквахъ домовъ для священниковъ и причетниковъ, по нынѣшнимъ об стоятельствамъ, не удобно, а должно отложить до другаго времени. 7) Изъ отпускаемыхъ въ Управу Благочинія на разныя исправленія денегъ случающіеся остатки, такъ какъ и отъ прочихъ мѣстъ, присвоены остаточнымъ казначействамъ, на которыя возлагаются самонужнѣйшіе расходы, а потому и отсылка остатковъ сихъ есть необходима. 8) О надобности оставить въ городѣ Бронницахъ для казеннаго конскаго завода мѣста́, по плану для городскихъ потребностей назначенныя, разсмотрѣно будетъ. 9) Что же касается до удостоиваемыхъ вами къ награжденію чинами и орденомъ, объ оныхъ наше разсмотрѣніе и рѣшеніе послѣдуетъ вмѣстѣ съ другими удостоенными.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 10, 1788.

37.

Петръ Дмитріевичъ. Прошеніе намъ отъ князя Дмитрія Циціанова поданное, что царевичъ Грузинскій Георгій, благотворя ему и женѣ его, подарилъ имъ собственный свой въ Москвѣ домъ, назнача ему цѣну, объявленную только для пошлинъ, 10,000 рублей, и что по кончинѣ его царевича внуки его, (князя Алексѣя Голицына дѣти), означенный подаренный домъ берутъ на выкупъ въ противность воли завѣщателя, основанной на силѣ грамоты нашей на права и вольности дворянству пожалованной, чѣмъ, при всей справедливости дѣла сего, оное подвергается долговременному прехожденію по судебнымъ мѣстамъ, а проситель разстройству состоянія, судьбу его отягощающему, препровождая къ вамъ въ оригиналѣ, повелѣваемъ поручить Совѣстному Суду Московской губерніи разсмотрѣть оное, и въ разборѣ и окончаніи сего дѣла поступить по правиламъ, въ Учрежденіяхъ нашихъ въ должность тому суду предписаннымъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Фераля 16, 1788.

38.

Петръ Дмитріевичъ. Продовольствіе народное почитая дѣломъ вниманія нашего весьма достойнымъ и имѣя попеченіе объ отвращеніи всякаго въ томъ недостатка, соизволяемъ, чтобъ вы немедленно дали намъ знать, засѣяны-ли въ губерніи, вамъ ввѣренной, поля озимымъ хлѣбомъ и имѣютъ ли обитатели тамошніе довольное число для посѣву яроваго? Въ случаѣ неимѣнія онаго, есть ли и сколько именно въ запасныхъ магазинахъ хлѣба для ссуды на посѣвъ недостаточнымъ изъ крестьянъ вѣдомства директора экономіи, и какія вы вообще находите средства къ предупрежденію оскуденія въ пропитаніи и къ возможному пособію имѣющимъ

въ томъ нужду, ожидаемъ о семъ подробнаго объясненія вашего.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 21, 1788.

39.

Петръ Дмитріевичъ. Посылая прошеніе генерала-поручика Лопухина о сдѣланномъ имъ постановленіи съ умершею невѣсткою его Анною Лопухиною въ имѣніи, оставшемся по смерти ея мужа, а его брата Степана Лопухина, которое слѣдуетъ теперь утвердить и исполнить родному брату Лопухиной капитану Алексѣю Панину, вступившему во владѣніе того имѣнія, повелѣваемъ вамъ предписать Совѣстному Суду Московской губерніи, дабы, войдя въ подробное разсмотрѣніе сего дѣла, поступилъ въ окончаніи онаго по правиламъ его должности, въ 400 статьѣ Учрежденій нашихъ изъясненнымъ.

25 Февраля 1788.

40.

Петръ Дмитріевичъ. Въ отвѣтъ на докладъ вашъ объ упраздненіи города Никитска, а вмѣсто его о назначеніи городомъ села Пахрина, даемъ вамъ знать, что по теперешнему военному времени неудобно таковое преобразованіе, которое за собою влечетъ нѣкоторыя распоряженія касательно денегъ, кои на другія государственныя нужды потребны; и въ слѣдствіе того повелѣваемъ городъ Никитскъ оставить городомъ, село Пахрино въ нынѣшнемъ его состояніи и Каширской дороги не перемѣнять до будущаго нашего усмотрѣнія.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 28 дня, 1788 г.

41.

Петръ Дмитріевичъ. Въ слѣдствіе донесенія вашего отъ 21-го сего мѣсяца и таковаго жъ приложеннаго при ономъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, предписали мы ему для укрѣпленія Москворѣцкаго берега противъ Кремля деревяннымъ обрубомъ потребныя деньги 9,506 руб. отпустить изъ имѣющейся въ вѣдомствѣ его суммы, опредѣленной на починку и поправку стараго Кремлевскаго дворца, въ ваше распоряженіе.

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 28 дня, 1788 г.

42.

Петръ Дмитріевичъ. Посылая прошеніе Матвѣя Чурсина, бывшаго въ Весіегонскѣ уѣзднымъ казначеемъ, который, описывая о дѣлѣ своемъ и о жительствѣ въ Москвѣ пятый годъ, заключаетъ тѣмъ, что можетъ донести намъ о нужнѣйшемъ сего, повелѣваемъ вамъ, призвавъ его къ себѣ, спросить точно, о чемъ нужнѣйшемъ объявить онъ хочетъ, и при увѣдомленіи насъ о томъ, не оставьте примѣтить, какого состоянія сей человѣкъ, имѣетъ ли свободу жить въ Москвѣ, и отчего пропитаніе свое получаетъ?

Въ С.-Петербургѣ.
3 Марта, 1788 г.

43.

Секретно.

Петръ Дмитріевичъ. Донесенія ваши отъ 6 и 13 Марта мы получили. Учиненное вами распоряженіе о размѣнѣ ассигнацій на мѣдныя деньги въ Казенной Палатѣ на опредѣленное вами въ день количество, мы находимъ весьма полезнымъ и надежнымъ средствомъ къ уменьшенію корыстолюбія мѣновщиковъ. Мы также за благо пріемлемъ и учиненныя вами имъ увѣщанія, желая, чтобъ вы намъ дали знать, кто именно таковые мѣновщики, кои съ толикимъ отягощеніемъ другихъ сіе производятъ. Но не можемъ оставить безъ примѣчанія, колико нужна тутъ крайняя осторожность, дабы запрещеніемъ брать наддачу за промѣнъ мѣдныхъ денегъ не дать поводъ подобнымъ мѣновщикамъ

поднять еще выше ажіо, обратя промѣнъ въ потаенный; что же касается до вывоза изъ Москвы въ другіе города мѣдной монеты, въ семъ отнюдь не слѣдуетъ дѣлать препятствія, дабы не причинить людямъ утѣсненія въ ихъ надобностямъ, не уменьшить способовъ у жителей другихъ городовъ и уѣздовъ промѣнивать для себя потребную мелкую монету, а чрезъ то и не сдѣлать бо́льшаго вреда ассигнаціямъ. Полагаяся въ томъ на извѣстное намъ ваше усердіе и осмотрительность и ожидая по временамъ надлежащихъ увѣдомленій пребываемъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 22 дня, 1788 г.

44.

«Петръ Дмитріевичъ. На донесеніе ваше о иностранцѣ Вульфѣ, почитаемъ нужнымъ написать въ отвѣтъ, что правило всякаго суда есть слѣдующее: въ чемъ застану, въ томъ и сужу. Ни маіорскій патентъ, ни дипломъ на орденъ столько же здѣсь неизвѣстный, сколько и самъ раздаватель онаго, не могутъ служить ко остановленію правосудія въ такомъ дѣлѣ, гдѣ уже подозрѣнія являются во лживыхъ поступкахъ, какъ-то: по фальшивому пашпорту, двойному названію, и тому подобному; и для того, не смотря на предъявленный абшидъ и дипломъ, прикажите приводить къ окончанію дѣло на основаніи закона».

Въ С.-Петербургѣ.
22 Марта, 1788 г.

45.

Петръ Дмитріевичъ. Прочитавъ донесеніе ваше отъ 20 марта о секундъ-маіорѣ Чурсинѣ и не желая оставить его въ нынѣшнемъ положеніи, повелѣваемъ препоручить его Приказу Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи и изъ доходовъ онаго опредѣлить потребное содержаніе безъ излишества, по разсмотрѣнію вашему.

Въ С.-Петербургѣ.
27 Марта, 1788 г.

46.

Петръ Дмитріевичъ. Вы получите изъ втораго департамента Сената нашего бумаги до дѣлъ Китайскихъ касающіяся, по содержанію коихъ препоручаемъ вамъ взять объясненіе отъ живущаго нынѣ въ Москвѣ генерала-маіора Николая Ладыженскаго, бывшаго въ Троицкой крѣпости оберъ-комендантомъ, и представить къ намъ. Желаемъ мы, чтобъ вы безъ огласки, призвавъ его къ себѣ, объявили ему, что мы надѣемся получить вѣрное и безпристрастное показаніе о всѣхъ обстоятельствахъ вопрошаемаго и о настоящихъ причинахъ закрытія Китайскаго торга.

Въ С.-Петербургѣ.
13 Апрѣля, 1788 г.

47.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ тамошней губерніи Еропкину.

Предположивъ заштатныхъ церковниковъ, дабы они праздно и въ тягость обществу не оставалися, обратить для наполненія полевыхъ полковъ и пограничныхъ гарнизоновъ, соизволяемъ, чтобъ вы въ губерніи вамъ ввѣренной съ надлежащею осторожностью и безъ дальней огласки приказали оныхъ переписать, отмѣтя сколько окажется годныхъ, разумѣя не моложе 16 и не старѣе 30 лѣтъ, для употребленія въ воинскую службу, по сказанному выше сего нашему предположенію, донеся намъ о семъ немедленно; и притомъ такія со стороны вашей учинили распоряженія, дабы какъ скоро Военная Коллегія по соизволенію нашему дастъ знать, сколько и въ какія мѣста помянутыхъ заштатныхъ церковниковъ отправить, оные тотчасъ могли быть туда доставлены. Сверхъ того, буде въ губерніи, вами управляемой, имѣются такіе люди, кои, объявивъ себя выходцами изъ — за границы, но обращаяся въ праздности, никуда еще точно, по

силѣ указовъ нашихъ, не записалися, таковыхъ отыскавъ безъ огласки чрезъ градскую и сельскую полицію отослать въ ближайшія военныя команды для причисленія ихъ въ службу воинскую, давъ знать о томъ Военной Коллегіи; имена же ихъ записать, дабы, на основаніи указа нашего о выходцахъ Мая 5 дня 1779 года, можно было учинить зачетъ кому слѣдуетъ.

Въ обоихъ сихъ поручаемыхъ вамъ дѣлахъ полагаемся мы на осмотрительность вашу, что вы предписанное отъ насъ произведете въ дѣйство съ такою осторожностью, что оное ни малѣйшимъ не послужитъ поводомъ къ каковому либо безпорядку, своевольству или притѣсненію.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 19 дня, 1788 г.

48.

Петръ Дмитріевичъ. Мѣдныя деньги, кои между сборами соляными и съ питейныхъ домовъ, на вѣрѣ состоящихъ, вступаютъ въ Московскую Казенную Палату, для приведенія сея монеты въ вящее обращеніе, повелѣваемъ отдавать въ отдѣленіе тамошнее Ассигнаціоннаго Банка, получая изъ онаго въ Казенную Палату ассигнаціи, оставляя однакожъ мѣдной монеты, сколько потребно на разныя казенныя надобности; о чемъ вы и не оставьте списаться съ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 26 дня, 1788 г.

49.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и тамошней губерніи Еропкину.

Признали мы за нужное предписать всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторамъ, о подтвержденіи Казеннымъ Палатамъ, Губернскимъ, Областнымъ и Уѣзднымъ Казначействамъ, дабы при сборѣ личныхъ податей съ народа установленныхъ, пріемлема была монета всякая въ Имперіи нашей ходячая, или и банковыя ассигнаціи, ее представляющія, коихъ перевозъ и доставленіе еще вяще облегчителенъ, не дѣлая въ томъ никому ни малѣйшаго принужденія или притѣсненія подъ страхомъ суда и неизбѣжнаго взысканія за преступленіе противу указовъ нашихъ. Соизволяемъ, чтобъ наши генералъ-губернаторы, правящіе ту должность и губернаторы въ непремѣнномъ и точномъ сего исполненіи особливое имѣли бдѣніе и въ случаѣ увѣдомленія ихъ или жалобы о какихъ либо въ томъ притѣсненіи или принужденіи, виновныхъ отсылали къ суду для законнаго осужденія. Подтверждаемъ притомъ, чтобъ въ казначействахъ хранимы и куда слѣдуетъ доставляемы были деньги, разумѣя въ монетѣ и въ банковыхъ ассигнаціяхъ, тою самою монетою, какою оно въ казначейство вступили, не дозволяя имъ самимъ собою инако промѣнивать, какъ буде то отъ начальства для надобности казенной или же для выгоды и облегченія народнаго приказано будетъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Апрѣля 26 дня, 1788 г.

50.

Петръ Дмитріевичъ. Увѣдомяся, что по резолюціи преосвященнаго митрополита Платона разосланы изъ Московской Духовной Консисторіи указы во всѣ приходы той эпархіи, дабы священно и церковнослужители, исключая монашествующихъ, единожды въ годъ добровольное дѣлали подаяніе и всѣ собранныя деньги отсылали въ Заиконоспасское училище на содержаніе учениковъ неимущихъ, препоручаемъ вамъ изъясниться о семъ обстоятельствѣ съ преосвященнымъ митрополитомъ и представить къ намъ,

какая потребна годовая сумма для вспоможенія ученикамъ Заиконоспасскимъ? А притомъ нынѣ же остановить сборъ предписаннаго подаянія и вступившія деньги раздать обратно тѣмъ, отъ кого что́ взято.

Въ С.-Петербургѣ.
27 Апрѣля, 1788 г.

51.

Петръ Дмитріевичъ. Принявъ за благо представленіе ваше, повелѣваемъ отпущенныхъ помѣщиками на волю людей и дѣтей ихъ, которые, бывъ уволены еще до ревизіи, не записались до нынѣ по узаконенному порядку ни въ какое состояніе и находятся праздными, дабы они болѣе не оставались въ тягость и во вредъ обществу, выбравъ способныхъ отъ 16-ти до 50-ти лѣтъ для опредѣленія въ воинскую службу, препроводить ихъ въ Контору Военной нашей Коллегіи, или въ ближнія воинскія команды.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 9, 1788 г.

52.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ Московской губерніи Еропкину.

Какъ попеченіе о пропитаніи народномъ, по точной силѣ Учрежденій нашихъ и разныхъ указовъ, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ должностей нашихъ генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту должность и губернаторовъ, то, при напоминаніи и подтвержденіи объ исполненіи сего, не можемъ оставить безъ примѣчанія, что съ нѣкоторыхъ губерній, гдѣ по неурожаю прошлогоднему жители болѣе нужды и скудости въ пропитаніи ихъ потерпѣли, подробныя и точныя о томъ къ намъ и въ Сенатъ нашъ донесенія дошли не въ то время, когда бы вскорѣ послѣ жатвы возможно было добрыми распоряженіями подать имъ пособіе, но когда уже и самое время въ таковой помощи положило разныя затрудненія. Въ отвращеніе сихъ неудобствъ повелѣваемъ нашимъ генераламъ - губернаторамъ, правящимъ ту должность, и губернаторамъ отнынѣ впредь не позже Ноября каждаго года присылать къ намъ и въ Сенатъ нашъ обстоятельныя донесенія о урожаѣ въ губерніи озимаго и яроваго хлѣба съ точнымъ показаніемъ, могутъ-ли жители тамошніе продовольствоваться своимъ хлѣбомъ, остается-ли довольно онаго на сѣмяна и въ избыткѣ на продажу, въ случаѣ же недостатка, откуда способнѣе оный наполнить полагается, дабы имѣя свѣдѣніе о всѣхъ сихъ подробностяхъ, можно было благовременно подать средства къ отвращенію скудости въ пропитаніи народномъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 11, 1788 г.

53.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и тамошней губерніи.

Многократно уже предписано отъ насъ было всѣмъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность и губернаторамъ о прилежномъ и точномъ наблюденіи, дабы доходы въ казну нашу въ узаконенные сроки взносимы были бездоимочно, въ чемъ помянутые начальники и самыми учрежденіями должности ихъ обязаны. Исполненіе сего тѣмъ паче нужно въ нынѣшнее военное время, что всякое въ томъ медленіе и неисправность обращаются въ затрудненіе расчетовъ и соображеній по неминуемо нужнымъ расходамъ и во вредъ службѣ нашей. По вѣдомостямъ же обыкновенно подносимымъ намъ отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генерала-прокурора князя Вяземскаго усматриваемъ, что доходы весьма медленно въ казну вступаютъ, и большая оныхъ часть остается не во взысканіи, отчего казначейства наши не могутъ съ такою исправностію и скоростію какъ надлежитъ удовлетворять

возложеннымъ на нихъ нужнымъ расходамъ. Въ разсужденіи сего за необходимо признали мы подтвердить вновь всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, а гдѣ оныхъ нѣтъ губернаторамъ, дабы они, по хозяйственному ихъ свѣдѣнію, всѣ зависящія отъ нихъ старанія употребили къ исправному и бездоимочному въ свое время собранію всѣхъ положенныхъ податей и другихъ узаконенныхъ сборовъ, донеся притомъ намъ подробно и немедленно, могутъ-ли они по разосланнымъ изъ Экспедиціи о государственныхъ доходахъ на нынѣшній годъ росписаніямъ въ полной мѣрѣ оныя исполнить; буде же не могутъ, то сколько именно въ недоборѣ почитать будутъ и по какимъ точно причинамъ. При чемъ нужнымъ находимъ предписать, чтобъ генералы-губернаторы, правящіе ту должность и губернаторы, имѣя всемѣрное стараніе во взысканіи доходовъ и недоимокъ, объ успѣхѣ въ томъ присылали ежемѣсячно и къ намъ въ Экспедицію вѣдомости, показывая тутъ, сколько денегъ по таковымъ взысканіямъ вступило и куда по разнымъ ассигнаціямъ доставлено. Впрочемъ всякое по сему упущеніе и медленность отнесется на счетъ тѣхъ, коихъ попеченію предоставлено по учрежденіямъ наблюденіе порядка, точности въ сборахъ и бдѣніе, дабы подчиненныя имъ мѣста и люди проходили служеніе на каждаго возложенное усердно, радѣтельно и исправно.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 10, 1788.

54.

Петръ Дмитріевичъ. Въ предосторожность, дабы по нѣкоторымъ обстоятельствамъ Архангельскаго собора протоіерей Петръ Алексѣевъ не понесъ гнѣва отъ своего начальника и не былъ притѣсняемъ, препоручаемъ мы его въ особенное защищеніе ваше. Прикажите ему безъ огласки въ нужныхъ случаяхъ имѣть къ вамъ прибѣжище и увѣдомляйте въ томъ насъ, въ чемъ сами рѣшиться вы не можете.

Въ Царскомъ Селѣ.
1-го Іюня, 1788 г.

55.

Петръ Дмитріевичъ. Разсмотрѣвъ донесеніе ваше о происшествіяхъ по дѣлу въ Московскомъ Совѣстномъ Судѣ, производившемуся между купцовъ Крашенинниковыхъ и душеприкащиковъ умершей ассесорши Твердышевой, повелѣваемъ вамъ предложить Сенату о поступленіи съ душеприкащиками, тайнымъ совѣтникомъ Рожновымъ и отставнымъ артиллеріи капитаномъ Блудовымъ, по указу 13 Сентября 1764 года, за неоказаніе должнаго уваженія къ Совѣстному Суду и за непристойныя въ объясненіи и въ доношеніи отъ перваго въ тотъ судъ присланномъ, а отъ втораго въ отзывѣ на способы къ примиренію предложенные, назнача штрафныя съ нихъ деньги въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи.

Въ Царскомъ Селѣ.
2-го Іюня, 1788 г.

56.

Петръ Дмитріевичъ. Видя изъ донесеній вашихъ, что, по свидѣтельству артиллерійскихъ и инженерныхъ чиновъ, такожъ архитекторовъ и каменныхъ мастеровъ избраннаго въ Кремлѣ и назначеннаго отъ васъ на планѣ мѣста для постановленія пушекъ, во время пальбы изъ оныхъ, не можетъ произойти никакой опасности стоящимъ въ окрестности церквамъ и другимъ каменнымъ зданіямъ, позволяемъ вамъ учиненное о помѣщеніи на томъ мѣстѣ пушекъ распоряженіе произвесть въ дѣйство.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 9-го, 1788 г.

57.

Петръ Дмитріевичъ. Въ разсужденіи представляемаго вами недостатка въ войскахъ для стражи въ Москвѣ, соизволяемъ, чтобъ вы сдѣлали распоряженіе ваше объ умноженіи полицейской команды въ тамошней столицѣ нашей наборомъ одного или двухъ конныхъ эскадроновъ изъ праздношатающихся, по примѣру, какъ во время бывшей войны сдѣлано было въ Москвѣ, поставя составленіе и содержаніе ихъ до будущаго повелѣнія на щетъ годовыхъ доходовъ и наблюдая, чтобъ изъ сего набора никакого злоупотребленія не послѣдовало. Объ успѣхѣ въ дѣлѣ семъ мы будемъ ожидать вашихъ донесеній.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 20-го, 1788 г.

58.

Петръ Дмитріевичъ. Изъ приложеннаго при семъ манифеста, который сего дня обнародованъ будетъ, усмотрите, что король Шведскій началъ противу насъ военныя дѣйствія, не объявивъ ниже причины разрыва, въ вящее же доказательство своего неистовства доставилъ сюда ноту, въ которой, послѣ многихъ непристойныхъ израженій и клеветъ, предъявилъ условія, на каковыхъ онъ съ нами миръ сохранить желаетъ и именно: 1) наказать министра нашего графа Разумовскаго, котораго иной вины не было, какъ только что онъ отъ имени нашего увѣрялъ министерство королевское о нашемъ желаніи быть въ мирѣ и согласіи съ королемъ и націею Шведскою; 2) въ замѣну его вооруженій отдать ему Карелію и часть Финляндіи по Нейштадтскому и Абовскому договорамъ Россіи уступленныя, «до Систербека, то есть близко къ Петербурху»; 3) принять его посредство для примиренія съ Портою, которой уступить Крымъ, вывести войска наши изъ новыхъ границъ, разоружить флотъ нашъ, оставляя его напротивъ того вооруженнымъ, покуда миръ съ Турками заключенъ будетъ. Въ таковомъ положеніи дѣлъ дали мы повелѣнія, какъ сухопутной арміи нашей отражать сего новаго врага, такъ и флоту нашему искать морскихъ его силъ и оныя атаковать. Все наше попеченіе къ тому теперь направлено, чтобъ, при толь неправедномъ и нежданномъ хищническомъ нападеніи, поспѣшить пріуготовленіями нашими къ оборонѣ и испровержению злыхъ противу государства нашего намѣреній.

Тенгинской пѣхотной полкъ старайтесь укомплектовать людьми тамъ набираемыми изъ выходцевъ и тому подобными, и содержать въ такой готовности, чтобъ по первому повелѣнію можно было его послать, куда нужно.

«Флотъ нашъ высланной состоитъ изъ 19 линейныхъ, а всего на все въ морѣ находящихся 74 военныхъ судовъ».

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 2-го, 1788 г.

59.

Петръ Дмитріевичъ. Вчерашняго числа я получила отъ адмирала Грейга пріятное извѣстіе, что 6-го числа Іюля нашъ флотъ имѣлъ съ флотомъ Шведскимъ сильное и упорное сраженіе съ обѣихъ сторонъ, продолжавшееся отъ 5-ти часовъ вечера до 10 часовъ безпрерывно. Мы взяли семидесятипушечный корабль, принцъ Густавъ именуемый, на которомъ находился графъ Вахтмейстеръ, командовавшій авангардіею флота непріятельскаго, подъ флагомъ вице-адмирала; онъ отдался, спустя свой флагъ предъ кораблемъ Ростиславомъ, надъ которымъ былъ флагъ нашего адмирала Грейга. Сраженіе кончилось при темнотѣ ночной. Малой былъ вѣтръ при началѣ, но во время дѣла настала тишина совершенная. Непріятель отступилъ и отдаляяся оставилъ насъ гос-

подствующими на мѣстѣ побѣды, бывшей между Штіенскара и Кальбо-де-Грундъ, въ семи Нѣмецкихъ миляхъ къ востоку Гогланда. Непріятель уклонился къ Свеабургу въ Шведской Финляндіи. Онъ имѣлъ 15-ть линейныхъ кораблей семидесяти и шестидесяти пушечныхъ и 8-мь большихъ фрегатовъ, которые вошли въ ихъ линію баталіи. Адмиралъ Грейгъ пишетъ, что никогда еще не видалъ сраженія столь жаркаго или лучше выдерживаемаго съ одной и съ другой стороны. Теперь военно-плѣнный Шведскій вице-адмиралъ графъ Вехтмейстеръ привезенъ въ Кронштатъ, и я приказала препроводить его чрезъ Ораніенбаумъ и городъ Софію прямо по Московской дорогѣ въ Москву, препоручая вамъ содержать его въ Москвѣ, какъ знатнаго военноплѣннаго, но притомъ, по извѣстному съ ихъ стороны вѣроломству, со всевозможною осторожностью и приличнымъ за нимъ присмотромъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюля 10, 1788.

«Сія побѣда можетъ имѣть важныхъ и полезныхъ для насъ наипаче слѣдствій».

60.

Петръ Дмитріевичъ. Признавая за благо ваши распоряженія о пребываніи плѣннаго Шведскаго вице-адмирала графа Вахтмейстера и будущихъ съ нихъ и о надлежащемъ за ними присмотрѣ, на вопросы ваши по сей матеріи отвѣтствую: 1-е Нѣтъ нужды запрещать ему проѣзжаться въ городѣ и за городомъ не въ дальнемъ разстояніи. 2-е Можетъ онъ также ѣздить въ домы знатныхъ людей въ тамошней столицѣ, равнымъ образомъ и отъ нихъ принимать посѣщенія. 3-е Письма отъ него и другихъ плѣнныхъ Шведскихъ въ отечество ихъ, или и внутрь Россіи, къ кому бы то ни было, приказать секретно на почтовомъ дворѣ въ Москвѣ осматривать и копіи съ нихъ при вашихъ реляціяхъ ко мнѣ присылать, да и самыя письма, въ Швецію слѣдующія, сюда доставлять, ибо, за пресѣченіемъ другихъ сообщеній съ Швеціею, оныя отсюда пересылаются по Германской почтѣ.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюля 19, 1788.

61.

Петръ Дмитріевичъ. Столичнаго нашего города Москвы головѣ, именитымъ гражданамъ и купечеству объявите отъ имени нашего, что положеніе ими сдѣланное дать на нынѣшній годъ съ объявленныхъ ими капиталовъ по полупроценту на содержаніе двухъ конныхъ эскадроновъ въ томъ городѣ учреждаемыхъ въ пользу гражданскаго благоустройства принято нами съ особливымъ благоволеніемъ, какъ подвигъ, проистекающій отъ ихъ усердія къ добру общему. Потребную на составленіе сихъ эскадроновъ сумму въ дополненіе къ помянутой дачѣ повелѣваемъ заимствовать изъ городскихъ доходовъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюля 20, 1788.

62.

Петръ Дмитріевичъ. Какъ по принятымъ здѣсь мѣрамъ на первое время войскъ для отраженія покушеній новаго непріятеля нашего короля Шведскаго будетъ достаточно, то и нѣтъ надобности изъ поселянъ вѣдомства директора экономіи въ Московской губерніи дѣлать наборъ и потому болѣе, дабы отъ того въ обыкновенномъ рекрутскомъ наборѣ не произошло замѣшательства и излишняго въ расчетахъ затрудненія.

Въ С.-Петербургѣ.
Іюля 20, 1788.

63.

Петръ Дмитріевичъ. Давъ приказаніе наше объ остановленіи подписки по Московской губерніи на доброволь-

ную дачу людей для службы военной, соизволяемъ, чтобъ и упоминаемые въ реляціи вашей отъ 3-го Августа отъ дворянъ Серпуховскаго, Подольскаго и Никитскаго округовъ предлагаемые 143 человѣка не были приняты, объявя помянутымъ дворянамъ благоволеніе и признаніе наше къ усердному ихъ подвигу.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 15, 1788.

64.

Петръ Дмитріевичъ. Видѣвъ изъ донесеній вашихъ, что число людей, на службу нашу отъ дворянства добровольно назначаемыхъ, по случаю настоящей войны съ королемъ Шведскимъ, умножается, препоручаемъ вамъ повторить вновь монаршее наше удовольствіе и признаніе къ подвигу отличнаго усердія помянутаго дворянства къ намъ и отечеству. А какъ съ помощію Божіею не токмо первое стремленіе новаго непріятеля нашего остановлено, но и оружіе наше на водѣ и твердой землѣ одержало поверхность, войска же наши обыкновеннымъ порядкомъ въ свое время умножены будутъ по мѣрѣ надобности; то и соизволяемъ, чтобъ добровольная подписка дворянъ на дачу людей остановлена была; а тѣхъ, кои къ пріему по учиненной до полученія сего подпискѣ слѣдуютъ, прикажите, за укомплектованіемъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, на основаніи указа Военной Коллегіи сего дня даннаго, прочихъ препроводить къ генералу графу Брюсу для помѣщенія въ здѣшнихъ войскахъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 14, 1788.

65.

Петръ Дмитріевичъ. Объявите графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой, что назначеніе ею знатнаго числа людей изъ деревень, во владѣніи ея состоящихъ, на службу военную, по случаю нечаянной войны королемъ Шведскимъ начатой, отношу я къ особливому ея усердію ко мнѣ и къ добру отечества и увѣрьте ее въ моемъ къ ней благоволеніи; но какъ уже теперь войска противъ непріятеля въ довольномъ количествѣ обрѣтаются, да и умножены будутъ средствами обыкновенными, то не настоитъ надобности въ принятіи предлагаемыхъ отъ нея людей.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 15, 1788.

66.

Петръ Дмитріевичъ. По представленію вашему отъ 14-го Августа казенный домъ въ Китаѣ у Варварскихъ воротъ, гдѣ прежде была Юстицъ-Коллегія съ Суднымъ Приказомъ, повелѣваемъ отдать для главнаго Народнаго училища въ Москвѣ, съ тѣмъ что бы Приказъ Общественнаго Призрѣнія сдѣлалъ надлежащее распоряженіе о нужной отдѣлкѣ его изъ суммъ его вѣдомства. Что же касается до другихъ казенныхъ домовъ въ Москвѣ, о которыхъ вы прежде представляли, оные, если ни на какое казенное употребленіе не надобны и починка ихъ весьма дорого станетъ, позволяемъ продавать съ публичнаго торгу, бывъ увѣрены, что вы тутъ не оставите по всей возможности наблюсти казенную пользу; а выручаемыя деньги за оныя отдавать въ тамошнее казначейство для остаточныхъ суммъ учрежденное.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 21 дня, 1788 г.

67.

Петръ Дмитріевичъ. По представленію вашему въ награжденіе усердія московскаго головы Ситникова, всемилостивѣйше жалуемъ ему чинъ титулярнаго совѣтника, который вы ему объявите.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 4 дня, 1788 г.

68.

Петръ Дмитріевичъ. Всѣхъ плѣнныхъ Шведовъ нынѣ въ Москвѣ находящихся, не выключая ни единаго, прикажите препроводить въ Калугу, сообща генералу-поручику Кречетникову, какимъ образомъ, по предписанію нашему, они въ Москвѣ содержались и какой назначенъ за ними присмотръ.

Въ С.-Петербургѣ.
19 Сентября, 1788 г.

69.

Петръ Дмитріевичъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего, что открылось въ Москвѣ новое общество любителей учености и находя въ изданномъ нами Уставѣ Благочинія въ статьяхъ 64, 65, 208 и 250 ясное предписаніе о всякихъ обществахъ, товариществахъ или иныхъ подобныхъ установленіяхъ, препоручаемъ вамъ истребовать обстоятельное свѣдѣніе о обязательствахъ, правилахъ и положеніяхъ того общества и, сообразя оныя съ упомянутыми статьями Устава Благочинія, донести намъ прежде дозволенія къ основанію таковаго заведенія.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 12 дня, 1789 г.

70.

Петръ Дмитріевичъ. Изъ вѣдомости представленной намъ отъ коммиссіи о народныхъ училищахъ, видимъ мы, что въ Московской губерніи въ нѣсколькихъ только городахъ народныя училища заведены, да и въ самой столицѣ не во всѣхъ частяхъ оныя открыты, малое же число учениковъ ни пространству, ни многолюдству того города не соотвѣтствуетъ, сравнивая особливо съ здѣшнею столицею, гдѣ оное едва не четверократно превосходитъ.

Установленіе и распространеніе народнаго ученія почитая дѣломъ полезнымъ, относящимся къ добру подданныхъ нашихъ, мы поручаемъ особенному наблюденію вашему, чтобъ часть сія стараніемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и прочихъ, до кого она касается, приведена была въ надлежащее устройство и на ту степень, до какой достигли къ удовольствію нашему народныя училища въ здѣшней столицѣ и въ прочихъ Имперіи нашей губерніяхъ отличными трудами и усердіемъ директоровъ сихъ училищъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. При чемъ нужно есть изыскать, какія подлинно находятся причины толь малому успѣху въ Московской столицѣ заведенія народныхъ школъ и толь ограниченному количеству въ оныхъ учениковъ и не полагаются ли въ числѣ другихъ препятствій разные партикулярные пансіоны, кои, если не по правиламъ отъ Коммиссіи о народныхъ училищахъ поступаютъ въ преподаваніи ученія, не должны быть дозволяемы; и для того о семъ будемъ ожидать обстоятельнаго вашего донесенія.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 3 дня, 1788 г.

71.

Петръ Дмитріевичъ. При настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ весьма нужно есть для пользы службы нашей, чтобъ не только назначенные по послѣднему набору, но и по прежнимъ въ недоимкѣ остающіеся рекруты, непремѣнно и безъ продолженія времени собраны и въ надлежащія, по росписанію нашей Военной Коллегіи, мѣста доставлены были. Возлагая исполненіе сего на особливое попеченіе ваше, соизволяемъ, чтобъ вы доносили намъ объ успѣхѣ, какой въ томъ стараніемъ вашимъ происходить будетъ, доставляя чрезъ каждыя двѣ недѣли краткія вѣдомости, сколько съ губерніи, вамъ ввѣренной, по числу душъ надлежало собрать рекрутъ, колико ихъ собрано въ натурѣ и куда доставлено и много ли еще осталось

ко взысканію, такожъ сколько зачтено по квитанціямъ, или инымъ документамъ, и какимъ именно.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 25 дня, 1788 г.

72.

Петръ Дмитріевичъ. Въ подтвержденіе прежнихъ указовъ нашихъ относительно распространенія народныхъ училищъ и въ слѣдствіе донесенія вашего отъ 20 Ноября, признаемъ мы за благо объявить вамъ волю нашу: 1) малое число учениковъ, отдаваемыхъ въ народныя школы, не долженствуетъ останавливать заведенія оныхъ ни по частямъ столичнаго города, ни по уѣзднымъ городамъ, въ коихъ устроить помянутыя училища, ученики же со временемъ прибавляться могутъ, когда граждане удостовѣрятся о пользѣ изъ того для нихъ происходящей; 2) постороннія училища и пансіоны отнюдь не могутъ инако допускаемы быть, если они преподаютъ ученіе не по правиламъ изданнымъ отъ Коммиссіи о народныхъ училищахъ, которая объ нихъ полное свѣдѣніе имѣть должна; о чемъ вы, по главному начальству въ Москвѣ и тамошней губерніи, наблюденіе приложить не оставите.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 1, 1788.

73.

Петръ Дмитріевичъ. Препроводивъ къ вамъ при указѣ отъ 16-го Февраля сего года прошеніе князя Дмитрія Циціанова, относительно подареннаго ему и женѣ его царевичемъ Грузинскимъ Георгіемъ собственнаго его въ Москвѣ дому, которой генералъ-маіора князя Алексѣя Голицына дѣти, внуки помянутаго царевича, по его кончинѣ требуютъ на выкупъ, предписали мы вамъ поручить сіе дѣло Совѣстному Суду Московской губерніи для надлежащаго разбора и окончанія, по правиламъ въ должность ему предписаннымъ въ Учрежденіяхъ нашихъ; а какъ нынѣ означенный князь Дмитрій Циціановъ вторично намъ принесъ просьбу, что Совѣстный Судъ сего дѣла доселѣ не приступилъ къ разобранію: то вслѣдствіе сего мы находимъ нужнымъ вновь предписать вамъ учинить Совѣстному Суду подтвержденіе, дабы помянутое дѣло безъ дальняго продолженія окончаніе свое воспріяло на законномъ основаніи.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 2, 1788.

74.

Петръ Дмитріевичъ. Видѣвъ изъ реляціи вашей отъ 27-го Ноября, что питомцы Воспитательнаго Дома въ казенномъ питейномъ домѣ произвели драку съ военно служащими Тенгинскаго пѣхотнаго полку, изъ коихъ одинъ на другой день и умеръ, желаемъ, чтобы вы освѣдомились и намъ дали знать, какихъ лѣтъ сіи приличившіеся въ дракѣ, такожъ кто и какой за питомцами того дома вообще, наипаче же за взрослыми, имѣетъ присмотръ и неужели имъ позволено таскаться по питейнымъ домамъ? Притомъ какъ вы объясняете, что слѣдствіе о семъ происшествіи производится въ Воспитательномъ домѣ, не можемъ оставить безъ примѣчанія, что оное отнюдь тому Дому свойственно быть не можетъ, а долженствуетъ дѣло сіе, какъ уголовное, разобрано и разсмотрѣно быть въ томъ мѣстѣ, коему по закону подобныя дѣла предоставлены и по приговору котораго виновные имѣютъ быть наказаны. Подтвердить сверхъ того управляющимъ Воспитательнымъ Домомъ, дабы они лучше и прилежнѣе надъ ввѣренными имъ воспитанниками наблюдали.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 6, 1788.

75.

Петръ Дмитріевичъ. Вчера къ вечеру получили мы извѣстіе отъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, что 6-го Декабря городъ и крѣпость Очаковъ взяты приступомъ отъ войскъ нашихъ. Непріятель потерпѣлъ великой уронъ. Командовавшій тутъ трехбунчужный Гюссей-паша со всѣми чиновниками, съ многолюднымъ гарнизономъ и великимъ числомъ жителей взятъ въ плѣнъ. Наша потеря невелика и главнѣйшая состоитъ въ офицерахъ, кои, подавая собою примѣръ войску, первыми вездѣ въ опасности находились. Въ числѣ ихъ суть генералъ-маіоръ князь Волконскій и бригадиръ большой Горичъ, которые, съ отличною храбростью взошедъ одинъ на ретраншаментъ, а другой на крѣпостную стѣну, были первою жертвою. Поспѣшаемъ увѣдомить васъ о семъ важномъ происшествіи.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 16, 1788.

76.

Петръ Дмитріевичъ. Упоминаемыхъ въ донесеніи вашемъ отъ 7-го сего мѣсяца двухъ принятыхъ въ рекруты старообрядцевъ, препроводить сюда къ нашему генералу Салтыкову, для опредѣленія ихъ въ Остзейскіе гарнизоны.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 18, 1788.

77.

Петръ Дмитріевичъ. Московскому вице-губернатору статскому совѣтнику Небольсину на 29 день отлучиться въ Санктпетербургъ позволяемъ. Что касается до выбору въ губернскіе дворянства предводители дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, какъ онъ занятъ разными по службѣ нашей дѣлами, то если найдетъ для себя тягостною возлагаемую на него отъ общества должность и отъ нея уволиться самъ пожелаетъ, справедливость требуетъ уважить таковое желаніе. А впрочемъ на пріѣздъ его сюда съ депутатами, отъ губерніи выбранными, соизволяемъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 28, 1788.

78.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ тамошней губерніи Еропкину.

Исправность въ сборѣ государственныхъ доходовъ и точность въ исполненіи распоряженій управляющаго оными во всякое время должны почитаемы быть главною обязанностію служенія возложеннаго отъ насъ на генераловъ-губернаторовъ и должность ихъ правящихъ, тѣмъ болѣе, что отъ ненаблюденія сего можетъ учиниться существенный вредъ службѣ нашей и въ дѣлахъ оной послѣдовать разныя затрудненія. Въ отвращеніе того признали мы за благо подтвердить вновь всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, а въ отсутствіи ихъ губернаторамъ: 1) Чтобы никто собою безъ вѣдома и сношенія съ отправляющимъ должность государственнаго казначея ни расходовъ, ни ассигнацій не чинилъ, такъ какъ при учрежденіи Экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ отъ насъ предписано подъ опасеніемъ за противное тому отвѣта и неминуемаго взысканія. 2) Чтобъ по указу нашему отъ 26-го Апрѣля 1788 года ко всѣмъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность и губернаторамъ посланному, въ Казенныхъ Палатахъ, такожъ Губернскихъ, Областныхъ и Уѣздныхъ Казначействахъ при сборѣ личныхъ податей съ народа установленныхъ, пріемлема была всякая монета въ имперіи нашей ходячая, или банковыя ассигнаціи, ее представляющія, коихъ перевозъ и доставленіе

еще вяще облегчительны, не дѣлая никому въ томъ ни малѣйшаго принужденія, или притѣсненія подъ страхомъ суда и неизбѣжнаго взысканія за преступленія противъ указовъ нашихъ и чтобъ въ наблюденіи за исполненіемъ сего и во взысканіи за противное тому начальствующіе въ губерніяхъ поступили по точной силѣ помянутаго указа. 3) Чтобъ въ случаѣ буде въ сходство того же указа нашего отъ начальства казеннаго приказано, или отъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность признано будетъ надобнымъ для казны, или для выгоды и облегченія народнаго, промѣнять мѣдную монету на ассигнаціи, оное не инако производимо было, какъ въ Губернскихъ и Уѣздныхъ Казначействахъ, гдѣ сборы вступаютъ, дабы въ той или другой монетѣ они всегда на лицо были, но притомъ строжайше наблюдать, дабы сіе для выгоды казны или облегченія народнаго предполагаемое дѣло не обращаемо было въ корысть недозволенную и въ отягощеніе общества, пріобрѣтеніемъ частными людьми процентовъ за промѣнъ денегъ казенныхъ подъ какимъ бы названіемъ тѣ проценты ни были, въ чемъ оказующихся подвергать законному сужденію и наказанію. 4) Начальникамъ губерній, не распоряжая инако государственными приходами, какъ по волѣ нашей, отъ управляющаго ими предписано будетъ пещися всемѣрно, дабы доходы безъ малѣйшаго упущенія вступали и во взысканіи оныхъ исправномъ, бездоимочномъ, управляющіе губерніями и Губернскія Правленія обязаны имѣть особенное бдѣніе, пособствуя въ семъ случаѣ отправляющему должность государственнаго казначея въ его изворотахъ. Мы надѣемся, впрочемъ, что каждый, поспѣшествуя пользѣ службы и общему добру, приложитъ труды къ трудамъ на ревностное исполненіе всѣхъ вообще вышеизъясненныхъ нашихъ предписаній, на отвѣтѣ начальствующихъ лежащее; увѣдомляя насъ обстоятельно, буде какія отъ кого либо противныя сему произойдутъ поступки.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 29, 1789 г.

79.

Петръ Дмитріевичъ. По донесенію вашему о бродягѣ, называющемся монахомъ Захаріемъ, прикажите снять съ него желѣзныя вериги, потому что не долженъ никто самъ себя изнурять, или себѣ вредить; и хотя сіе дѣло уваженія не великаго достойно, но понеже онъ фанатикъ, то, подтвердя о скорѣйшемъ объ немъ изслѣдованіи по законамъ, разобрать обстоятельства къ нему относящіяся нужно, какъ-то: какого онъ происхожденія, какихъ лѣтъ, точно ли монахъ, гдѣ былъ и въ чемъ упражнялся?

Въ С.-Петербургѣ.
31-го Генваря, 1789.

80.

Петръ Дмитріевичъ. На донесеніе ваше отъ 1-го сего Марта я не могу оставить вамъ безъ примѣчанія, что въ разсужденіи взысканія личныхъ податей съ крестьянъ казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ, хотя и надлежитъ всемѣрное прилагать стараніе, дабы оныя въ недоимкахъ запускаемы не были, и чтобъ таковыя за прежнее время недоимки взыскивались; но притомъ нужно остерегаться, чтобъ средства тутъ употребляемыя не были такія, кои могли бы обратиться въ разореніе земледѣлію и прочему хозяйству, въ угнѣтеніе народное, или въ какое либо замѣшательство и неустройство. Въ сей самой осторожности я нахожу нужнымъ, чтобъ вы не приказали брать въ секвестръ недвижимыхъ имѣній за недоимки по личнымъ податямъ; а что касается до неплательщиковъ, какимъ образомъ во взыска-

ніи экзекуціею поступать, имѣются въ Учрежденіяхъ нашихъ точныя предписанія.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 7, 1789.

81.

Петръ Дмитріевичъ. Изъ находящихся въ Московской губерніи плѣнныхъ Шведовъ, сколько имѣется плотниковъ и кузнецовъ, прикажите отправить Екатеринославскаго намѣстничества въ губернскій городъ Екатеринославъ, препроводя оныхъ къ губернатору тамошнему; равнымъ образомъ, если отъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго присланъ будетъ нарочный выбрать изъ тѣхъ же плѣнныхъ Шведовъ и другихъ мастеровъ, и оныхъ туда же отослать.

Въ С.-Петербургѣ.
Марта 15, 1789.

82.

Петръ Дмитріевичъ. Вамъ извѣстно, что по указу нашему отъ 23-го Генваря сего года, изъ отставныхъ въ разныхъ губерніяхъ поселенныхъ положено наполнять полки нашей гвардіи, лейбъ-гренадерскій и лейбъ-кирасирскій. Въ слѣдствіе сего по волѣ нашей для выбора и принятія изъ оныхъ потребныхъ, для укомплектованія полковъ гвардіи, людей отправлены будутъ отъ генерала Салтыкова нарочные офицеры, которымъ вы всякое отъ васъ зависящее пособіе оказать не оставите; для поспѣшнѣйшаго же ихъ сюда доставленія, дать нужное число подводъ за плату узаконенныхъ прогонныхъ денегъ.

Въ С.-Петербургѣ,
Марта 30 дня, 1789 г.

83.

Петръ Дмитріевичъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ третьяго дня присланнымъ отъ генерала Каменскаго изъ Молдавіи о весьма удачномъ поискѣ 16-го Апрѣля, произведенномъ генераломъ-поручикомъ Дерфельденомъ надъ непріятелемъ при Максиненахъ на рѣкѣ Серетѣ, гдѣ Турки потеряли болѣе 400 убитыхъ, мы же получили въ плѣнъ двубунчужнаго Якубъ-пашу, двухъ бинъ-башей и болѣе ста другихъ, да въ добычу пушку и четыре знамя; получила я вчера новое увѣдомленіе, что 20-го того же мѣсяца помянутый генералъ-поручикъ Дерфельденъ на Дунаѣ при Галацѣ одержалъ знатную побѣду, атаковавъ непріятеля въ двухъ укрѣпленіяхъ державшагося и выбивъ его изъ оныхъ по жестокой, болѣе трехъ часовъ продолжавшейся, оборонѣ. Непріятель потерялъ тутъ убитыми до 1,500 человѣкъ. Главнокомандовавшій симъ корпусомъ Ибрагимъ-паша со множествомъ чиновныхъ и болѣе 4000 другихъ Турковъ взяты въ плѣнъ. Весь лагерь, обозъ, артиллерія и знамена намъ въ добычу досталися. Потеря съ нашей стороны состоитъ до 60 убитыхъ и до 100 раненыхъ. Въ слѣдующее Воскресеніе принесено будетъ здѣсь при пушечной пальбѣ благодареніе Богу, Поборнику по справедливости дѣла нашего. Я желаю, чтобъ вы тоже сдѣлали и въ тамошней столицѣ.

Въ С.-Петербургѣ.
Мая 5 дня, 1789 г.

84.

Петръ Дмитріевичъ. Успѣхи дѣйствій арміи нашей Финляндской по вступленіи ея въ Шведскую границу и по занятіи Христины, усмотрите изъ приложенія. Мы ожидаемъ подробнѣйшихъ донесеній о всемъ полученномъ при Санктъ-Михелѣ; а между тѣмъ войска наши поиски ихъ простираютъ далѣе. Предваряя васъ о семъ, пребываю проч.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 12 дня, 1789 г.

85.

Приложенiе.

Послѣ вступленiя войскъ нашихъ въ границы Шведской Финляндiи, пораженiя непрiятеля, въ укрѣпленiяхъ его при Кири державшагося и по занятiи генераломъ-поручикомъ Михельсономъ Христины, сдѣлано было помянутымъ генераломъ - поручикомъ предпрiятiе на Санктъ-Михель, мѣсто снабденное немалымъ числомъ непрiятельскаго войска, защищаемое батареями и имѣющее въ себѣ большiе запасы и магазейны. И хотя сiе предпрiятiе при первомъ покушенiи не имѣло желаемаго успѣха, но вскорѣ потомъ по наведенiи непрiятелю новаго страха съ другой стороны Карелiи войсками нашими подъ командою генерала-маiора барона Шульца, разбитiемъ его предъ Сульковымъ и по принятiи надежнѣйшихъ мѣръ къ благоуспѣшному совершенiю поиска его на непрiятеля, помянутый генералъ-поручикъ Михельсонъ 8-го сего мѣсяца въ 12 часовъ предъ полуднемъ, приступя къ укрѣпленiю непрiятельскому предъ Санктъ-Михелемъ при Паросальмѣ находящемуся, сбилъ сперва батареи, а потомъ, поведя атаку съ разныхъ сторонъ, опрокинулъ непрiятеля въ немъ державшагося и преслѣдуя до самаго С.-Михеля безъ всякаго почти съ нашей стороны урону завладѣлъ симъ мѣстомъ и имѣющимися въономъ магазейнами наполненными съѣстными, оружейными и прочими припасами, кромѣ пороховаго погреба, которой успѣлъ непрiятель подорвать для облегченiя своего бѣгства и для затрудненiя легкихъ нашихъ войскъ, въ погоню за нимъ отправившихся. Подробныя донесенiя о семъ произшествiи вскорѣ ожидаются.

86.

Петръ Дмитрiевичъ. Отъ Сената обнародованъ будетъ указъ нашъ о непропускѣ съ 10-го Сентября сего года чрезъ пограничныя таможни въ губернiяхъ Бѣлорусскихъ, Малороссiйскихъ и Екатеринославской иностранныхъ товаровъ, оставляя ввозъ оныхъ на узаконенномъ основанiи чрезъ портовыя таможни, по лучшей къ тому удобности; а какъ между прочимъ предписано произвесть осмотръ иностранныхъ товаровъ по гостинным дворамъ и домовымъ лавкамъ и поставить на нихъ особыя клейма, то для сего и будутъ препровождены къ вамъ отъ президента Коммерцъ-коллегiи два или три изъ служителей здѣшней таможни, кои, по распоряженiю вашему, то сдѣлать должны съ надлежащимъ наблюденiемъ со стороны вашей и подчиненныхъ вамъ мѣстъ до кого сiе касается, дабы предписанное отъ насъ исполнено было въ точности и чтобъ тутъ никакое злоупотребленiе не встрѣтилось, въ чемъ мы на ваше извѣстное усердiе и раденiе полагаемся.

Въ Царскомъ Селѣ.
26 Iюня, 1789.

87.

Петръ Дмитрiевичъ. Въ разсужденiи предписаннаго указомъ нашимъ отъ 26-го Iюня осмотра иностранныхъ товаровъ въ лавкахъ Московскихъ чрезъ таможенныхъ служителей съ надлежащимъ со стороны городской и полицейской пособiемъ, за нужное находимъ вновь еще подтвердить, что мы на ваше попеченiе возлагаемъ, дабы сiе съ должнымъ устройствомъ исполнено было и чтобъ тутъ всякой поводъ къ притѣсненiямъ и всякое поползновенiе къ корыстямъ отвращены были.

Въ Царскомъ Селѣ.
Iюля 9, 1789.

88.

Петръ Дмитрiевичъ. По представленiю вашему отъ 16 Iюля о способѣ изобрѣтенномъ сенатскимъ штабъ-лекаремъ Венечанскимъ къ превращенiю

простаго хлѣбнаго вина во вкусъ Французской водки, соизволяемъ, чтобъ въ Казенной Палатѣ, приглася сверхъ того изъ профессоровъ и другихъ знающихъ людей, подъ собственнымъ вашимъ наблюденіемъ, произведенъ былъ тому опытъ для удостовѣренія какъ о дѣйствительности сего способа, такъ и о пользѣ онаго въ отношеніи не только къ выгодамъ казны и общества, но и къ здравію человѣческому. О чемъ и будемъ въ свое время ожидать вашего увѣдомленія.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 30, 1789.

89.

Петръ Дмитріевичъ. По докладу вашему о необходимой надобности, для безпрерывнаго и надежнѣйшаго сообщенія съ Замоскворѣцкою стороною, сдѣлать каменный мостъ чрезъ каналъ въ концѣ Козмодемьянскаго моста, и что Московское купечество, имѣющее по своей торговлѣ болѣе другихъ жителей въ томъ нужду, соглашается на построеніе означеннаго моста со стѣнами и прочими укрѣпленіями дать со своихъ капиталовъ по одному проценту, которые и могутъ составить потребную сумму, мы, пріемля за благо все сіе, позволяемъ произвесть оное въ дѣйство, съ тѣмъ, чтобъ собранныя такимъ образомъ отъ купечества деньги возвращены имъ были въ 4 года, изъ суммы, выручаемой за продажу упраздненныхъ казенныхъ домовъ и стараго гостиннаго двора, о коемъ сего числа данъ отъ насъ особый указъ нашему Сенату, для свѣдѣнія вашего и исполненія въ копіи при семъ прилагаемой.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 2, 1789.

90.

Петръ Дмитріевичъ. На прошедшей недѣлѣ въ четвергъ я пріѣхала въ городъ приносить Богу благодареніе за дарованную намъ надъ Турками побѣду надъ корпусомъ при Фокшанахъ изъ 30,000 состоящимъ, который не токмо разбитъ, но пушки, весь лагерь и знамена намъ остались. Сіе происходило 1-го Іюля. Сей же часъ получила я отъ принца Нассау-Зигенъ чрезъ гвардіи подпоручика графа Штакельберга добрую вѣсть о совершенно одержанной побѣдѣ 13 сего мѣсяца надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ между островами Кутца-Мулимъ и Котка. Адмиральское судно и еще 4 большія суда, одна галера и одинъ куттеръ взяты, множество офицеровъ и болѣе тысячи плѣнныхъ попались въ наши руки; и Шведскаго галернаго флота не болѣе, сказываютъ, осталось, какъ развѣ четвертая доля, которая загнана въ рѣку Кюмень. Съ симъ радостнымъ извѣстіемъ васъ поздравляю.

Въ С.-Петербургѣ.
Августа 15, 1789.

91.

Петръ Дмитріевичъ. Апробуя поступокъ вашъ въ разсужденіи запрещенія, сдѣланнаго вами содержателю университетской типографіи печатать впредь непристойныя и съ уставомъ благочинія несогласныя объявленія, соизволяемъ, чтобъ вы таковое данное отъ васъ запрещеніе приказали напечатать въ газетахъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 3-го, 1789.

92.

Петръ Дмитріевичъ. Разсмотрѣвъ представленіе ваше, по прошенію Московскаго купечества учиненное, относительно осмотра, описи и клейменія иностранныхъ товаровъ, пріемлемъ мы за благо мнѣніе ваше, чтобъ въ первый разъ тѣ изъ нихъ, на коихъ не найдется клеймъ, оставить безъ конфискаціи съ наложеніемъ на нихъ новыхъ штемпелей; но какъ неимѣніе клеймъ на товарахъ, хотя впрочемъ у однихъ безъ умыслу отъ

единаго только произошло нерадѣнія о сбереженіи оныхъ, можетъ у другихъ быть съ намѣреніемъ во вредъ казны нашей, то въ отвращеніе того на будущее время и въ прекращеніе всякаго по сей части злоупотребленія повелѣваемъ: 1) Осмотръ, опись и клейменіе товаровъ произвесть на основаніи указа нашего отъ 26-го Іюля сего года состоявшагося и на тѣхъ товарахъ, на коихъ клеймà таможеннаго не явится, приложить новое, разумѣя, на которыхъ оныя обыкновенно полагаются, ведя всѣмъ таковымъ вновь заклейменнымъ товарамъ вѣрную опись и счисленіе, сколько за нихъ долженствуетъ внести въ казну нашу пошлины и таковыя вѣдомости намъ представить, ожидая дальнѣйшаго повелѣнія нашего, предувѣдомя при томъ хозяевъ сихъ товаровъ, что если они въ теченіи времени докажутъ безсумнительнымъ образомъ платежъ пошлины, оная въ другой разъ взыскана съ нихъ не будетъ. 2) Полагаемое нынѣ вновь заклейменіе товаровъ, находимыхъ безъ клейма, не можетъ распростираться на тѣ товары, коихъ привозъ въ Россію, и до состоянія помянутаго указа, общимъ тарифомъ былъ запрещенъ и на которые потому и пошлины не положено; почему и слѣдуетъ съ ними поступить, по силѣ изданныхъ о томъ законовъ, безъ всякаго послабленія.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 4, 1789.

93.

Петръ Дмитріевичъ. Находящагося подъ судомъ въ Саратовской уголовной палатѣ коллежскаго ассессора Филиппа Исаева указали мы генералу-поручику Черткову препроводить подъ стражею къ вамъ. Между тѣмъ, по изготовленіи надлежащихъ ему вопросныхъ пунктовъ, касающихся до разныхъ его жалобъ и доносовъ, отправится къ вамъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шешковскій съ наставленіемъ отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора князя Вяземскаго, какимъ образомъ произвесть сему доносителю подъ вашимъ вѣдѣніемъ допросъ, привести въ ясность показанія его и возвратиться съ обстоятельнымъ потому донесеніемъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 10, 1789.

94.

Петръ Дмитріевичъ. Всевышній благословилъ повсюду оружіе наше противу врага имени Христіанскаго знаменитыми успѣхами. Мы сегодня получили отъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго изъ главной его квартиры у Каушанъ извѣстіе, что 7-го Сентября бригадиромъ и войска Донскаго походнымъ атаманомъ Орловымъ разбитъ на рѣкѣ Салчѣ Турецкій 5,000 корпусъ, при которомъ самъ сераскеръ Гассанъ-паша, бывшій капитанъ-пашею, находился; 8-го сераскеръ-паша при сближеніи войскъ нашихъ, оставя свой лагерь и пушки, бѣжалъ къ Измаилу. 11-го генералъ Суворовъ и Римско-императорскій генералъ принцъ Саксенъ-Кобургскій съ корпусами ихъ у Фокшанъ разбили на голову Турецкія силы, верховнымъ визиремъ предводимыя, взявъ 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь лагерь и обозъ, при чемъ непріятель потерялъ убитыми до 6,000 человѣкъ; 12-го сераскеръ Гассанъ-паша загнанъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ и заперся; 13-го въ Каушанахъ трехбунчужный Заинлы-Гассанъ-паша, беглербей Анадольскій и бывшій въ прошломъ году сераскеромъ у Рябой Могилы взятъ казаками подъ командою полковника Платова съ подкрѣпленіемъ конныхъ егерей: сей отрядъ былъ подъ предводительствомъ генерала-поручика принца Ангальта-Бернбургскаго, причемъ взято 3 пушки,

2 знамя и 160 плѣнныхъ, убито же болѣе 700 человѣкъ; 14-го замокъ Аджибейскій взятъ генераломъ-маіоромъ Рибасомъ въ виду всего флота непріятельскаго. Принося благодареніе Богу, Помощнику нашему, поспѣшаемъ вамъ о томъ сообщить для обнародованія въ столицѣ и губерніи вамъ ввѣренныхъ.

Въ С.-Петербургѣ
Сентября 23, 1789.

95.

Петръ Дмитріевичъ. По докладу вашему отъ 13-го Сентября, на починку въ бывшемъ Новинскомъ монастырѣ тѣхъ зданій, въ коихъ помѣщена гарнизонная школа, позволяемъ вамъ потребныя деньги, 2,500 рублей, употребить изъ собранной въ Московскомъ аукціонѣ за проданныя имѣнія двупроцентной суммы.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 25, 1789.

96.

Петръ Дмитріевичъ. По доходящимъ сюда слухамъ, что на Москвѣ хотятъ переводить новое изданіе Бомарше всѣхъ сочиненій Вольтера въ 69 томахъ состоящее, прикажите Управѣ Благочинія и оберъ-полицмейстеру наблюдать, чтобъ таковое изданіе отнюдь не было печатаемо ни въ одной типографіи безъ цензуры и апробаціи преосвященнаго митрополита Московскаго.

Въ С.-Петербургѣ.
Сентября 25, 1789.

97.

Петръ Дмитріевичъ. По наступленію времени къ исполненію повелѣннаго указомъ нашимъ, въ 27 день Августа изданнымъ, набора со всего государства рекрутъ, соизволяемъ, генералы-губернаторы и правящіе ту должность, въ отсутствіи же ихъ чтобъ губернаторы посредствомъ штатныхъ въ намѣстничествахъ командъ и другими по удобности распоряженіями способствовали, колико можно, скорѣйшему доставленію тѣхъ рекрутъ къ разнымъ назначеннымъ командамъ, дабы арміи и флоты наши могли получить ихъ заблаговременно; о происходящемъ же въ томъ успѣхѣ присылать къ намъ донесенія.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 2, 1789.

98.

Петръ Дмитріевичъ. Прошеніе нашихъ оберъ-шенка и оберъ-шталмейстера Нарышкиныхъ о наслѣдствѣ послѣ покойнаго статскаго совѣтника графа Ѳедора Апраксина къ вамъ вскорѣ за симъ доставлено будетъ; между тѣмъ соизволяемъ, чтобъ не оставили взять надлежащія мѣры, дабы имѣніе, по немъ оставшееся въ Москвѣ, было сохранено и сбережено законнымъ наслѣдникамъ; а какъ намъ представлено, что оное имѣніе въ тамошнемъ его домѣ запечатано княгинею Голицыною и управителемъ генерала-маіора Апраксина, то для лучшей осторожности прикажите приложить печать къ нему и отъ стороны присутственнаго мѣста, до котораго по учрежденіямъ сего рода дѣла относятся, до тѣхъ поръ, покуда предстанутъ законные наслѣдники.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 10, 1789.

99.

Петръ Дмитріевичъ. Вчера съ присланнымъ отъ Россійско-императорскаго посла князя Голицына изъ Вѣны курьеромъ получено извѣстіе, что по овладѣніи арміею его величества императора Римскаго, предводимою генераломъ-фельдмаршаломъ барономъ Лаудономъ, въ 21-й день Сентября двумя главными предмѣстіями города и крѣпости Бѣлграда, сей городъ, утѣсняемый дѣйствіемъ артиллеріи осаждающей, 27-го Сентября сдался на капитуляцію и въ слѣдствіе того вой-

сками Римско-императорскими королевскими занятъ.

Вслѣдъ за тѣмъ сего утра получила я отъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго увѣдомленіе, что городъ и крѣпость Бѣлгородъ на устьѣ рѣки Днѣстра 30-го Сентября сдался намъ на капитуляцію, при чемъ получено въ добычу пушекъ 51, знаменъ 32 и множество всякихъ запасовъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 14, 1789.

100.

Петръ Дмитріевичъ. Прикажите Московской полиціи подъ рукою имѣть прилежное наблюденіе надъ поступками и обращеніемъ разнаго званія Французовъ, въ тамошней столицѣ пребывающихъ; и буде кто изъ нихъ окажется въ какихъ либо продерзостяхъ или непорядкахъ, таковыхъ отправлять сюда подъ стражею къ генералу графу Брюсу, для высылки за границу, дая намъ знать о томъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Октября 25, 1789.

101.

Петръ Дмитріевичъ. Трагедію Владиміръ и Ярополкъ, какъ давно уже напечатанную и не одинъ разъ на театрѣ представленную, и въ которой ничего непристойнаго не усматривается, вы можете дозволить играть въ Москвѣ.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 3, 1789 г.

102.

Петръ Дмитріевичъ. Вчера въ 10-мъ часу по полудни получила я отъ генерала-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго извѣстіе, что по начатіи дѣйствій отъ арміи, имъ предводимой противу города и крѣпости Бендеръ, командующій тамъ сераскеръ и два еще трехбунчужные паши 3-го Ноября по полуночи въ первомъ часу прислали къ генералу-фельдмаршалу, отдаяся въ его волю; въ слѣдствіе чего 4 Ноября наши войска введены въ помянутые городъ и крѣпость, снабженные изобильно орудіями, снарядами и магазейнами. Сіе происшествіе соизволяемъ, чтобъ въ столицѣ и губерніи вамъ ввѣренныхъ было празднуемо принесеніемъ благодаренія Всевышнему, благословляющему толь великимъ успѣхомъ оружіе наше противу врага имени христіянскаго.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 15, 1789.

103.

Петръ Дмитріевичъ. Въ слѣдствіе доклада вашего, позволяемъ вамъ, вмѣсто прежде опредѣленной для строенія присутственныхъ и другихъ казенныхъ мѣстъ двадцати тысячной суммы, употребить для тѣхъ строеній въ будущемъ 1790-мъ году до 1,000 рублей, изъ денегъ за продажу гостиннаго двора и старыхъ казенныхъ домовъ выручаемыхъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 19, 1789.

104.

Петръ Дмитріевичъ. Прикажите оберъ-полицмейстеру Московскому подъ рукою и безъ огласки переписать всѣхъ Поляковъ, въ тамошней столицѣ имѣющихся, съ показаніемъ, откуда они, съ котораго времени живутъ и въ чемъ упражняются; а притомъ нужно наблюдать прилежнымъ, но также непримѣтнымъ образомъ за поведеніемъ ихъ и особливо, чтобъ отъ нихъ никакихъ шалостей и непристойныхъ поступковъ не происходило. Списокъ ихъ намъ доставьте.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 20, 1789.

105.

Петръ Дмитріевичъ. Разсмотрѣвъ поданное намъ дворцоваго села Коло-

менскаго отъ крестьянина Степана Иванова прошеніе, въ оригиналѣ при семъ прилагаемое, и собранныя по оному справки, находимъ, что съ одной стороны той волости голова Никита Алексѣевъ со крестьяны представляли на помянутаго просителя и сына его, отданнаго потомъ безъ очереди въ рекруты, что они безпокойнаго и дурнаго поведенія и чтобъ ихъ куда нибудь переселить; съ другой же означенный Ивановъ предъявлялъ въ оправданіе свидѣтельство данное ему той же волости отъ 58 крестьянъ за рукоприкладствомъ священника и отъ 27 купцовъ и мѣщанъ Московскихъ, жалуясь при томъ, что Нижнимъ Земскимъ Судомъ и исправникомъ обыскъ объ немъ, Ивановѣ, чиненъ пристрастно; и что сія жалоба ни въ которомъ присутственномъ мѣстѣ не уважена. Въ слѣдствіе чего и находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали разсмотрѣть оную надлежащимъ порядкомъ и буде подлинно оказана ему какая отъ кого обида и притѣсненіе, доставить справедливость. Если же, напротивъ, найдется прошеніе его несправедливымъ и затѣяннымъ по неспокойному только его нраву, склонному къ ябедѣ; то для воздержанія отъ таковыхъ поступковъ и для возстановленія въ мѣстѣ нынѣшняго его пребыванія спокойствія, приказать переселить его съ семействомъ въ другую какую-либо деревню вѣдомства директора экономіи по вашему усмотрѣнію.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 5, 1789.

106.

Петръ Дмитріевичъ. Отвѣтъ вами сдѣланный предварительно на прошеніе Французовъ въ Москвѣ обитающихъ о дозволеніи построить имъ церковь Римскаго закона мы пріемлемъ за благо; но что̀ касается до назначенія къ тому удобнаго мѣста, то всего лучше было бы, еслибы они нашли и избрали оное въ Нѣмецкой Слободѣ.

Декабря 5, 1789.
Въ С.-Петербургѣ.

107.

Петръ Дмитріевичъ. По докладу вашему о путевомъ деревянномъ дворцѣ въ городѣ Подолѣ *) построенномъ, нужнымъ находимъ предписать вамъ, что продажа его немного принесетъ казнѣ прибыли, и для того не лучше ли будетъ обратить его или на присутственныя мѣста, или же на другое какое-либо казенное въ томъ городѣ употребленіе.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 5, 1789 г.

108.

Петръ Дмитріевичъ. Для лучшаго наблюденія надъ поведеніемъ Поляковъ въ Москвѣ обрѣтающихся, прикажите Московскому почтдиректору осматривать ихъ письма и къ нимъ слѣдующія, и вамъ содержаніе ихъ представлять; а вы не оставьте намъ о томъ доносить, если усмотрѣно будетъ что либо важное или примѣчанія заслуживающее.

Прилагаются при семъ письма, изъ Москвы въ Варшаву отправленныя, по которымъ въ разсужденіи пересылки ассигнацій, выписыванія лентъ Польскихъ и тому подобнаго нужно, чтобъ вы освѣдомилися, что̀ за люди ведутъ сію переписку и въ ней упоминаются, какое ихъ поведеніе и упражненіе; о чемъ намъ дайте знать, а вообще за ними имѣть надлежащее наблюденіе.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 13, 1789.

109.

Петръ Дмитріевичъ. По содержанію доклада вашего отъ 5-го сего мѣсяца, соизволяемъ, чтобъ объ упраздненіи

*) Подольскѣ?

за ветхостію дворцовой комнатной деревянной церкви во имя Воскресенія Словущаго, снеслися вы съ преосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ; по исполненіи же того утварь изъ нея отдать въ богадѣленную церковь, къ которой причислить и бывшаго при первой священника съ причетниками, съ получаемымъ ими нынѣ жалованьемъ. Равнымъ образомъ находящійся въ вѣдомствѣ Придворной Экспедиціи колодезь, по близости къ помянутой богадѣльнѣ и по удобности, повелѣваемъ присоединить къ богадѣльному дому.

Въ С-Петербургѣ.
Декабря 14, 1789.

110.

Петръ Дмитріевичъ. Изъ представленія вашего отъ 27-го Декабря, такъ и изъ предъидущихъ таковыхъ же, касательно находящагося въ Москвѣ Польскаго тайнаго совѣтника и камергера Вуича, не можно инаго заключить, какъ что сей человѣкъ обманщикъ, который ищетъ у нашихъ выманивать деньги подъ разными предлогами и обѣщаніями. Чего ради повелѣваемъ вамъ, освѣдомясь, буде долги, подъ видомъ взысканія коихъ помянутый Вуичъ въ Москвѣ находится, не иначе какъ карточные, то выслать его за присмотромъ чрезъ Смоленскъ за границу; буде же окажутся тѣ долги дѣйствительными по векселямъ, счетамъ и другимъ справедливымъ обязательствамъ, то заставить немедленно заплатить, и потомъ выслать же его. Но между тѣмъ не оставьте вѣрнѣйшимъ образомъ удостовѣриться, не имѣетъ ли поведеніе его и другихъ ему подобныхъ чего либо общаго съ извѣстнымъ дѣломъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 3, 1790.

111.

Петръ Дмитріевичъ. Видѣвъ изъ донесенія вашего отъ 24 минувшаго Декабря, съ какимъ успѣхомъ произведенъ и оконченъ осмотръ состоящихъ въ Московскомъ гостинномъ дворѣ и въ домовыхъ лавкахъ иностраныхъ товаровъ, относимъ мы оное во первыхъ добрымъ вашимъ распоряженіямъ, а потомъ усердію и радѣнію опредѣленныхъ отъ васъ чиновъ и таможенныхъ служителей, коимъ всѣмъ объявите наше благоволеніе.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 4, 1790.

112.

Петръ Дмитріевичъ. По представленію вашему отъ 24-го минувшаго Декабря, недостающія на окончаніе въ Москвѣ каменнаго Всесвятскаго моста деньги до 30,000 рублей, позволяемъ употребить изъ суммы выручаемой за продажу гостиннаго и другихъ казенныхъ домовъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 4, 1790.

113.

Петръ Дмитріевичъ. Военноплѣнныхъ Шведовъ, учинившихъ побѣгъ, по наказаніи за оный въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нынѣ находятся, не возя туда, откуда побѣгъ они сдѣлали, прикажите отправить въ Екатеринославское намѣстничество, на основаніи прежнихъ предписаній нашихъ.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 4, 1790.

114.

Петръ Дмитріевичъ. Согласно съ представленіемъ вашимъ отъ 14-го сего мѣсяца, повелѣваемъ проживающаго въ Москвѣ Польскаго надворнаго совѣтника Бржезина, яко человѣка подозрительнаго и въ разныхъ обманахъ упражняющагося, выслать чрезъ Смоленскъ за границу, на томъ основаніи, какъ о подобномъ ему Вуичѣ указомъ нашимъ отъ 3-го нынѣшняго мѣсяца вамъ предписано.

Въ С.-Петербургѣ.
Генваря 22, 1790.

ЗАПИСКА КАНЦЛЕРА ГРАФА К. В. НЕССЕЛЬРОДА

о политическихъ соотношеніяхъ Россіи.

(Писана 11 Февраля 1856 г., передъ заключеніемъ Парижскаго мира и выходомъ графа Нессельрода въ отставку).

Si les prochaines négociations amènent la conclusion de la paix, la Russie aura à adopter un système de politique étrangère différent de celui qu'elle a suivi jusqu'à présent.

Des circonstances impérieuses lui en font une loi. La guerre a imposé au pays des sacrifices dont on ne connait pas au juste l'étendue et les conséquences. On peut toutefois se dire dès aujourd'hui qu'il en résulte pour la Russie une nécessité, presqu' absolue, de s'occuper de ses affaires intérieures et du développement de ses forces morales et matérielles. Ce travail intérieur étant le prémier besoin du pays, toute activité extérieure qui y ferait obstacle devrait être soigneusement exclue.

Jusqu'au commencement de la crise actuelle, notre système politique extérieur impliquait l'obligation de soutenir par les armes les stipulations des traités européens et celles des conventions particulières conclues avec quelques Puissances.

A l'avenir, ou du moins pendant un nombre d'années indeterminé, on ne se déciderait à exécuter de semblables engagemens qu'après avoir pris conseil des intérêts de la Russie.

Pacifique dans sa tendance générale, notre politique n'admettrait l'éventualité de la guerre que lorsque son inévitable nécessité, ou son avantage évident pour la Russie, aura été bien constaté.

rAfin de pouvoir réaliser ce systême éclamé par nos intérêts intérieurs, il faut se maintenir ostensiblement sur le terrain des transactions existantes, mais, par contre, éviter de nouveaux engagemens.

Ce principe devra s'appliquer à nos relations futures avec la France. Entrer, dès à présent, dans une alliance formelle et étroite avec elle, ce serait contrevenir prématurement à ce systême.

Certain de notre appui, Napoléon III serait dès lors encouragé à se lancer dans de nouvelles entreprises où il ne pourrait pas convenir de le suivre aussi loin qu'il le voudrait.

Ainsi les guerres où il appellerait à son aide, soit les passions révolutionnaires, soit les nationalités opprimées, ne devraient jamais recevoir notre approbation, et encore moins notre appui matériel; parceque, en tout état de cause, notre politique doit, dans le véritable intérêt de la Russie et de la Dynastie, rester, comme par le passé, *monarchique* et *antipolonaise.*

Nous ne pourrions pas non plus faire cause commune avec Napoléon, s'il voulait conquérir la rive gauche du Rhin; car nous ne devons pas oublier que dans la crise actuelle la Prusse, seule de toutes les Puissances, a fermement manifesté l'intention de ne pas nous être hostile.

En faisant espérer à la France que nous nous opposerons à toute coalition européenne que l'Angleterre dirigerait contre elle, nous lui donnerons un gage de notre bonne volonté, en lui-

même très considérable et suffisant pour obtenir en retour sa coopération efficace et décisive pour la paix.

Ce but doit être la mesure de nos engagemens. Il serait imprudent d'aller au delà de cette limite.

L'extrême importance que Napoléon attache à l'alliance anglaise et les ménagemens délicats dont il entoure encore cette Puissance nous présage que cette alliance pourra survivre à la guerre, et que si elle vient à se relâcher, ce ne sera que lentement et dans un avenir qu'on ne saurait déterminer.

Nos offres de rapprochement avec la France pourraient dès lors ne pas être suivis d'effet et fournir seulement à Napoléon le moyen d'inspirer contre nous: à la Prusse des soupçons fondés, à l'Autriche une haine nouvelle et de maintenir, en l'étendant, la coalition contre la Russie.

Au milieu de l'incertitude qui résultera de la conclusion de la paix, il se passera quelque tems avant que nous ne puissions connaitre si de nouvelles combinaisons politiques sont possibles. Jusque là il ne serait pas prudent de compromettre, sur la parole de Louis-Napoléon, nos relations si bonnes et si utiles avec la Prusse, ni d'envenimer celles avec l'Autriche, qu'au prix de tant de sacrifices nous avons conservé par nécessité.

Or, cette même nécessité nous force et nous forcera longtems encore de la ménager. N'avons nous pas vu toute la Confédération Germanique prête à la défendre contre nous et disposée même à l'aider de sa coopération dans de certaines éventualités?

De plus, depuis le partage de la Pologne, il existe entre la Russie, l'Autriche et la Prusse une solidarité d'intérêts, et nous sommes celle de ces trois Puissances à la quelle la conservation de celle solidarité est la plus nécessaire.

La révolution de la Pologne l'a bien prouvé.

D'ailleurs, n'avons nous pas vu en dernier lieu aussi, la coalition, dont la question d'Orient était le prétexte, près de se resserer encore, en prenant pour pivôt la question polonaise?

Ainsi, avant de rompre entièrement avec un système politique suivi pendant quarante ans, non par prédilection ou par caprice, mais par la force irrésistible des principes et des choses, nous devons nous rappeler, qu'en politique toute intimité équivaut à un engagement. Or, ne serait-il pas imprudent et prématuré de fonder un système politique sur une alliance étroite avec un pays qui depuis 1815, et malgré toutes les garanties européennes, a été le théâtre de trois révolutions, l'une plus violente, plus démocratique que l'autre et où nous avons vu deux dynasties, à l'apparence plus solidement établies que celle de Napoléon, disparaître en vingt quatre heures.

Pour nous résumer, nous dirons:

Dans l'intérêt bien-entendu de la Russie, notre politique ne peut pas cesser d'être *monarchique* et *antipolonaise;*

notre rapprochement avec la France, comme moyen de dissoudre la coalition contre nous et d'empêcher qu'elle ne survive à la guerre, doit rester subordonné à ces deux principes fondamentaux;

il ne revêtirait le caractère d'une alliance plus étroite que si des conjonctures favorables le prescrivaient.

(Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, въ спискѣ, на которомъ означено, что записка эта была вѣрнѣ составлена барономъ Петромъ Казиміровичемъ Мейендорфомъ, бывшимъ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ).

Переводъ.

Въ предположеніи, что предстоящіе переговоры поведутъ къ заключенію мира, Россіи предстоитъ усвоить себѣ систему внѣшней политики иную противъ той, которою она доселѣ руководствовалась. Крайнія обстоятельства ставятъ ей это въ законъ.

Размѣръ и послѣдствія жертвъ, понесенныхъ страною отъ войны, остаются еще неизвѣданными. Но, отнынѣ уже, можно опредѣлительно сказать, что война вызвала для Россіи неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними дѣлами и развитіемъ своихъ нравственныхъ и матеріяльныхъ силъ. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внѣшняя дѣятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена.

Наша внѣшняя политическая система, до возникновенія настоящаго кризиса, возлагала на насъ обязанность отстаивать, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, условія Европейскихъ трактатовъ и частныхъ соглашеній, заключенныхъ нами съ нѣкоторыми Державами.

На будущее время или, покрайней мѣрѣ, на неопредѣленное число лѣтъ, слѣдовало бы не рѣшаться на отстаиваніе таковыхъ соглашеній иначе, какъ сообразуясь съ требованіями Русскихъ интересовъ.

Политика наша, миролюбивая въ общемъ своемъ направленіи, можетъ допускать возможность войны, но лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ сознательно явствовать неуклонная необходимость или явная выгода оной для Россіи.

Для осуществленія этой системы, неукоснительно требуемой нашими внутренними условіями, слѣдуетъ стать открыто на почву существующихъ трактатовъ, избѣгая, съ другой стороны, всякихъ новыхъ обязательствъ.

Правило это должно лежать въ основѣ нашихъ будущихъ сношеній съ Франціею. Войти съ нею немедленно въ положительный и тѣсный союзъ, значило бы измѣнить преждевременно нашей новой системѣ. Увѣренный въ нашей поддержкѣ, Наполеонъ III видѣлъ бы въ ней поощреніе пуститься въ новыя предпріятія, въ которыхъ могло бы оказаться для насъ невыгоднымъ ему сопутствовать въ той мѣрѣ, въ какой бы онъ того желалъ.

Такъ, напримѣръ, вооруженныя столкновенія, для которыхъ онъ искалъ бы опоры въ революціонныхъ страстяхъ или въ угнетенныхъ національностяхъ, не должны бы никогда имѣть ни нашего согласія, ни еще менѣе, нашей матеріяльной поддержки: ибо, во что бы то ни стало, политика наша въ прямыхъ интересахъ и Россіи, и Династіи, должна оставаться, по прежнему, *монархическою и анти-польскою*.

Равнымъ образомъ не могли бы мы подать руку Наполеону, еслибъ онъ задумалъ захватить лѣвый берегъ Рейна, ибо намъ нельзя забывать, что, въ настоящемъ кризисѣ, Пруссія, одна среди всѣхъ Державъ, твердо выразила свое намѣреніе не быть намъ враждебною.

Обнадежить Францію, что мы воспротивимся всякой Европейской коалиціи, какую бы Англія вздумала противъ нее направить, было бы залогомъ весьма существеннымъ и достаточнымъ, дабы заручиться, въ отвѣтъ, ея дѣятельнымъ и рѣшительнымъ содѣйствіемъ къ возстановленію мира. Вотъ цѣль, которая должна быть мѣриломъ нашихъ обязательствъ.

Идти далѣе было бы неосторожно.

Чрезвычайное значеніе, придаваемое Наполеономъ Англійскому союзу, и тонкая предупредительность, какую онъ продолжаетъ оказывать этой Державѣ, предвѣщаютъ, что союзъ ихъ можетъ пережить и войну. Если же ему и предстоитъ ослабнуть, то лишь мало по малу и въ весьма неопредѣленномъ будущемъ. А въ такомъ случаѣ наши старанія сблизиться съ Франціей могли бы не достигнуть цѣли и дать лишь поводъ Наполеону внушить противъ насъ: Пруссіи — справедливыя подозрѣнія, Австріи — новый предлогъ ненависти, и упрочить, такимъ образомъ, въ бо́льшемъ объемѣ, коалицію противъ Россіи.

Среди неопредѣлительности отношеній, какія послѣдуютъ за заключеніемъ мира, не мало времени пройдетъ, пока мы усмотримъ возможность какихъ либо новыхъ политическихъ комбинацій; а до того, и основываясь лишь на словахъ Людовика Наполеона, было бы крайне неосторожно подрывать наши добрыя и полезныя сношенія съ Пруссіей, или растравлять тѣ, какія мы имѣемъ съ Австріей и на сохраненіе которыхъ, ради необходимости, мы поплатились цѣною столькихъ жертвъ.

А между тѣмъ, таже необходимость заставляетъ, и на долго еще будетъ насъ заставлять, ее щадить. Такъ мы видѣли весь Германскій союзъ изъявляющимъ свою готовность защитить ее противъ насъ и даже помочь ей своимъ содѣйствіемъ въ извѣстныхъ случайностяхъ.

Сверхъ того, съ раздѣла Польши, между Россіею, Австріею и Пруссіею установилось взаимоохраненіе интересовъ, соблюденіе коего, изъ этихъ трехъ Державъ, наинеобходимѣе именно для насъ. Польское возстаніе послужило тому достаточнымъ доказательствомъ.

Да и въ послѣднее время, коалиція, вызванная подъ предлогомъ восточнаго вопроса, не угрожала ли сплотиться еще сильнѣе пріобщеніемъ къ нему и вопроса Польскаго?

Итакъ, прежде чѣмъ стать въ разрывъ съ политическою системою, которой держались сорокъ лѣтъ, и не по особому предпочтенію или по блажи, а по непреодолимой силѣ принциповъ и обстоятельствъ, мы должны хранить въ умѣ, что, на почвѣ политики, всякое тѣсное сближеніе равносильно обязательству. Но кромѣ того, не представляется ли и неосторожнымъ, и несвоевременнымъ, основывать политическую систему на тѣсномъ союзѣ съ страною, которая, съ 1815 года, и помимо всѣхъ Европейскихъ гарантій, была поприщемъ трехъ революцій, одна другой неистовѣе и демократичнѣе, среди которыхъ обрушились въ 24 часа двѣ династіи, тверже, по видимому, установленныя, чѣмъ Наполеоновская.

Въ заключеніе повторимъ уже сказанное:

Въ разумныхъ интересахъ Россіи, политика наша не должна переставать быть *монархическою и антипольскою.*

Этимъ двумъ основнымъ началамъ должно быть подчинено наше сближеніе съ Франціей, какъ средство къ тому, чтобы расторгнуть сплотившуюся противъ насъ коалицію и не допустить ее пережить войну.

Сближеніе это можетъ со временемъ перейти и въ болѣе тѣсный союзъ, но лишь въ томъ случаѣ, если бы того потребовали благопріятныя обстоятельства.

Нѣсколько словъ по поводу записки гр. Нессельрода.

Всѣмъ, кому дорога память почтеннаго государственнаго дѣятеля, управлявшаго въ теченіи 40 лѣтъ внѣшнею политикою Россіи, нельзя не отнестись съ благодарностью за оглашеніе этой лебединой пѣсни нашего маститаго старца-дипломата.

По выставленному числу составленія этой записки, она имѣетъ значеніе политическаго завѣщанія, совпадая вполнѣ съ срокомъ, за долго до того предназначеннымъ себѣ гр. Нессельродомъ къ отдохновенію. «Предѣломъ моей службы я себѣ поставилъ тотъ день, когда мнѣ минетъ 75 л.», говаривалъ онъ одному изъ любимѣйшихъ имъ и достойнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ *). Срокъ этотъ насталъ въ 1855 году (гр. Нессельродъ родился, какъ извѣстно, въ 1780 г.) и вѣрный своей рѣшимости канцлеръ просилъ тогда же о своемъ увольненіи, но среди обстоятельствъ и военно-политическихъ замѣшательствъ того времени долженъ былъ отсрочить свое желаніе и рѣшился ожидать заключенія мира.

Въ Февралѣ 1856 года мирные переговоры подвигаются къ благопріятному исходу, и вотъ уже, стоя на порогѣ своей государственной жизни, старецъ оглядывается на пройденное поприще, смотритъ и въ даль будущаго и твердою еще рукою, бодрымъ и свѣтлымъ, до послѣдняго своего дня, умомъ, набрасываетъ въ сжатыхъ, но полныхъ политическаго смысла строкахъ, очеркъ минувшаго-прошедшаго и предстоящаго-будущаго.

Остроумной находчивости его преемника предстояло обрисовать однимъ удачнымъ словомъ найденное имъ во врученномъ ему министерскомъ портфелѣ завѣщаніе: «Россія не дуется, Россія вдумывается» *). Да, именно, вдуматься въ самое себя, въ свои недостатки, въ собраніе и развитіе своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, заняться своими внутренними дѣлами и этой первой, главной своей задачѣ подчинить безусловно свои внѣшнія обязательства; стать твердою ногою на почву существующихъ трактатовъ, но отнюдь не ратовать за нихъ, какъ въ былое время, ради одного чувства рыцарской чести, а сообразуясь лишь съ требованіями Русскихъ интересовъ и съ явною выгодою того для Россіи,— вотъ послѣдній совѣтъ сорока-лѣтняго опыта, начертываемый рукою сорокалѣтняго дѣятеля.

Истинно - Русская программа, исполненная Русскаго чувства, знанія Россіи и чисто - русскаго пониманія ея неотлагательныхъ нуждъ и потребностей: программа, однимъ словомъ, дающая полное право Русскаго доблестнаго гражданства ея составителю, не взирая на его иноплеменное происхожденіе.

Но здѣсь слышится намъ вопросъ. не должна ли-бы была политика Россіи всегда быть таковою? А въ теченіи 40 лѣтъ управленія оною графомъ Нессельродомъ, можно-ли сказать, что онъ оставался всегда вѣренъ столь благоразумно начерченной имъ программѣ? Не обинуясь отвѣтимъ: нѣтъ. Но тотчасъ же прибавимъ, что такого рода вопросъ умѣстенъ лишь въ Англіи, относительно министровъ королевы Викторіи, и то лишь съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла.

*) Левъ Григорьевичъ Сенявинъ, бывшій директоромъ Азіятскаго департамента, а въ послѣдствіи товарищемъ министра съ званіемъ управляющаго министерствомъ иностр. дѣлъ. Отъ него лично позаимствовались мы этими подробностями.

*) «La Russie ne boude pas, la Russie se recueille». (Изъ извѣстной депеши кн. Горчакова).

Впрочемъ гр. Нессельродъ и не старается укрываться за высшею отвѣтственностію;—онъ прямо отмѣчаетъ ту политику, которой онъ былъ исполнителемъ, «не политикою блажи или предпочтенія, а непреодолимой силы обстоятельствъ и принциповъ».

Политику эту онъ называетъ—*монархическою и анти-польскою.* Императоръ Николай ее всецѣло себѣ усвоилъ, и среди всюду рушившихся понятій о вѣковыхъ началахъ законности и божественныхъ правъ властителей и о святой обязанности взаимоохраненія братьевъ-вѣнценосцевъ въ дѣлѣ управленія Богомъ ввѣренныхъ ими народовъ,—онъ твердою рукою поднялъ, съ перваго шага своего на престолъ, завѣтную хоругвь, и преклонилъ ее лишь предъ Богомъ Силъ, падая, во всеоружіи брани, на твердынѣ своихъ убѣжденій, въ защиту ихъ неприкосновенности.

Лишь въ отношеніи къ Франціи политическій взглядъ Императора Николая, теченіемъ времени и обстоятельствъ, измѣнился. Послѣ паденія двухъ Бурбонскихъ династій, и старшей, и младшей, при явномъ разрывѣ страны со всѣми своими историческими преданіями и видимомъ преобладаніи избирательной формы правленія, случайные властители, какихъ, со дня на другой, могъ себѣ ставить народъ, не могли, естественнымъ образомъ, быть допущены въ братское общеніе съ Помазанникомъ Божіимъ. Охранять во Франціи не оставалось ничего; оставалось лишь охранять себя отъ увлеченій вождей, обязанныхъ народу своимъ возвеличеніемъ, а потому самому и подчиненныхъ всѣмъ проявленіямъ народныхъ фантазій.

Такъ была оцѣнена Императоромъ Николаемъ Республика 1848 года; такъ имъ была привѣтствована и Имперія 1852 года. Онъ въ ней видѣлъ, какъ оно несомнѣнно и было, не торжество собственныхъ достоинствъ изъ ряду выступающей личности, но отголосокъ первой Имперіи, со всѣми одурявшими народное воображеніе преданіями побѣдъ, военной славы и Европейскаго преобладанія. Лозунгъ второй Имперіи «l'Empire-c'est la paix,» ни на одно мгновеніе не обманулъ его политической прозорливости; условія жизни для Наполеона III были наружный блескъ и трескъ. Отместка за крушеніе великаго дяди, возвратъ территоріяльныхъ утратъ—вотъ цѣли, рисовавшіяся въ воображеніи недоросшаго племянника и восьми милліоновъ его избирателей.

Такъ, говоримъ мы, была понята въ Петербургѣ вторая Имперія.

Эти соображенія Императора Николая, вполнѣ (какъ чувствуется изъ его записки) усвоенныя его канцлеромъ, были, сколько намъ извѣстно, предметомъ предварительнаго обсужденія съ нашими союзниками праваго и лѣваго фланговъ. Добрыя отношенія съ Франціей должны были оставаться неизмѣнно тѣми же, будь во главѣ ея президентъ Луи Наполеонъ или императоръ Наполеонъ III, безъ всякаго измѣненія, относительно императора, наружныхъ формъ, установленныхъ для сношеній съ президентомъ. Принятая, собща, всѣми тремя союзниками, наружная форма имѣла здѣсь ту важность, что она, видимымъ знакомъ, осуществляла общность политическаго взгляда, заручала состоявшееся политическое соглашеніе и представляла осязательный оплотъ противъ весьма правдоподобныхъ случайностей.

Всякое, напротивъ, видимое разногласіе въ видахъ и настроеніи трехъ Державъ (говорило Русское сообщеніе союзнымъ Дворамъ) будетъ ревностно уловлено Наполеономъ, какъ способъ

разорвать союзъ, дабы сводить свои Имперскіе счеты не съ коалиціею трехъ, а поодиночно, съ каждымъ порознь.

И въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, все это повидимому поняли, и соглашеніе состоялось, но.... въ Парижѣ исполненія по немъ не послѣдовало, и, не впервыя, Россія, одна дѣйствовавшая тутъ прямодушно и имѣвшая въ виду лишь огражденіе общественнаго мира и Европейскаго строя, оказалась въ послѣдній часъ одною на полѣ дѣйствія. Зловѣщая рознь уже бросила свои корни между Германскими союзниками. Имъ уже грезились Богемскія поля 1866 года, и каждый заручалъ себѣ, на случай, возможнаго союзника, или хотя бы доброжелателя, на берегахъ Сены.

Въ запуски бросились ихъ представители въ Тюльери привѣтствовать «добраго брата» (bon frère). Послѣднимъ явился представитель Россіи, съ своимъ полномочіемъ къ «высокому и доброму другу» (grand et bon ami).

Переговоры не могли оставаться втайнѣ; разладъ за тѣмъ выказался самъ собой. Клинъ былъ пущенъ, и съ слѣдующаго же года событія стали оправдывать всю вѣрность предзнаменованій Русскаго Кабинета, всю зоркую дальновидность и Императора и его канцлера.

Вотъ обстоятельства, предшествовавшія восточному вопросу *), подъ впечатлѣніемъ коихъ графъ Нессельродъ, прощаясь съ дѣлами, предохраняетъ своего преемника отъ притворныхъ заманиваній Французской дружбы:

Time Danaos et dona ferentes!

И здѣсь, говоря о родѣ возможныхъ для насъ сношеній съ Франціей, онъ какъ будто озаряется даромъ предвидѣнія: призывъ себѣ въ опору и революціонныхъ страстей и угнетенныхъ національностей, и стараніе насъ перессорить съ нашими ближайшими сосѣдями, и отвратить всякое сближеніе между нами и Англіей возбужденіемъ всевозможныхъ противъ насъ подозрѣній, все это—и мало ли что другаго—предстояло намъ видѣть въ политической игрѣ жалкаго преемника великой тѣни!

Но—судьбы свершились! Наполеоновская династія не пережила сроковъ жизни своихъ двухъ предшественницъ, и пройдетъ, конечно, не мало времени, пока намъ придется искать политическихъ союзовъ на этой столь глубоко-изрытой почвѣ современной Франціи. Однако и на другихъ почвахъ, при сближеніи съ какою бы то ни было иною Державою, не мѣшало бы намъ имѣть всегда на умѣ мудрые совѣты старца-дипломата, и твердо помнить выведенную имъ аксіому.

Одного не могъ предвидѣть современникъ Меттерниха, говоря о нашихъ отношеніяхъ къ Австріи. Онъ не могъ предвидѣть упадка, до котораго она, въ столь короткое время, дошла, и той утраты значенія, какую она понесла въ совѣтахъ Европы. Не могъ онъ предугадать быстроты и тяжести ударовъ, обрушившихся на нее, какъ Божія кара, за ея вѣроломство и за безстыдство, съ какимъ она поспѣшила «удивить Европу своею неблагодарностью».

В. Н.

*) Изъ нашихъ служебныхъ воспоминаній.

ПИСЬМО Е. А. БАРАТЫНСКАГО КЪ Н. А. ПОЛЕВОМУ.

Получилъ я, любезный Николай Алексѣевичъ, Дива, Онѣгина и мои стихотворенія. Дивъ, какъ мнѣ кажется, вами оцѣненъ безпристрастно въ Телеграфѣ. Подолинскій конечно съ талантомъ. Про Онѣгина что̀ и говорить. Какая прелесть! Какой слогъ блестящій, точной и свободной! Это рисовка Рафаеля. Живая и непринужденная кисть живописца изъ живописцевъ. Что̀ касается до меня, то не могу сказать, какъ я вамъ обязанъ. Изданіе прелестно. Безъ васъ мнѣ никакъ бы не удалось явиться въ свѣтъ въ такомъ красивомъ уборѣ. Много, много благодаренъ. Довершите ваши одолженія, исполнивъ еще одну покорнѣйшую просьбу. Пошлите барону Антону Антоновичу Дельвигу 600 экземпляровъ на Большой Милионной, въ домъ г-жи Эбелингъ. Между нами особые счеты и отношенія. Остальными не откажитесь располагать по вашему разсмотрѣнію. Для отсылки такого количества экземпляровъ, разумѣется, нужны деньги; можетъ быть, вы теперь не имѣете готовыхъ, и потому я пишу къ моему тестю (*), чтобъ онъ доставилъ вамъ 100 р. Я вамъ безъ того много долженъ. Позвольте васъ увѣрить, что ежели не окупится изданіе, я все равно буду исправнымъ должникомъ. При выпускѣ изданія, сдѣлайте одолженіе доставьте моему тестю 12 экз., въ томъ числѣ 1 на Александрійской бумагѣ. Это для раздачи моимъ Московскимъ роднымъ. Васъ же, любезный Николай Алексѣевичъ, прошу доставить по экземпляру: к. Вяземскому, Дмитріеву, Погодину; попросите вашего братца принять отъ меня на память мои мелочи, а вашъ крѣпостной экземпляръ удостойте поставить въ вашей библіотекѣ между Батюшковымъ и В. Л. Пушкинымъ. Пришлите мнѣ еще 8 экземпляровъ. Сколько коммиссій! Бѣда имѣть дѣло съ стихотворцемъ. Простите мнѣ все это во имя господа Феба. Прощайте, обнимаю васъ отъ всей души.

Е. Баратынскій.

P. S. 300 экземпляровъ, какъ я думаю, по почтѣ отправить будетъ черезчуръ дорого; нельзя ли по какой нибудь оказіи?

Почтовой штемпель: 25 Ноября 1827. Кирсановъ.

Адресъ: Милостивому государю Николаю Алексѣевичу Полевому. Въ Большой Мѣщанской за Сухаревой башней, въ домѣ Поля. Въ Москвѣ.

(Сообщено А. Ѳ. Бычковымъ).

(*) Льву Николаевичу Энгельгардту, автору извѣстныхъ Записокъ. *П Б.*

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

Прямые и кривые въ Смутное Время.

I.

Наше «Смутное Время» — эпоха чрезвычайно любопытная и особенно замѣчательная именно со стороны *исторіи народа* (какъ можно говорить, если ограничимъ понятіе государства только государственною властью съ ея органами и представителями).

Въ общихъ чертахъ «Смута» представляетъ явленіе весьма своеобычное. Это не революція, не перестановка старыхъ порядковъ по новому Это только глубокое потрясеніе, великое «шатаніе» именно государства въ сказанномъ смыслѣ: ибо въ это время всестороннимъ банкротомъ оказался не народъ, а само правительство, сама правящая и владѣющая власть и въ своей единицѣ, и въ общемъ составѣ своихъ представителей; между тѣмъ, какъ народъ-то именно обнаружилъ такое богатство нравственныхъ силъ и такую прочность своихъ историческихъ и гражданскихъ (именно гражданскихъ) фондовъ, какой въ немъ и предполагать было невозможно.

Смута началась прежде всего во дворцѣ, по видимости, съ того важнаго обстоятельства, что тамошняя среда поспособствовала преждевременному прекращенію Рюриковой династіи съ тайнымъ намѣреніемъ самой начать опасную и азартную игру въ цари. Темное это дѣло обозначилось именемъ Годунова. Но Годуновыхъ было тогда много, полонъ дворъ, и настоящій Годуновъ, болѣе другихъ сильный, способный и дальновидный, по тѣмъ самымъ причинамъ выдвинулся только наиболѣе замѣтнымъ ихъ типомъ. Въ существенномъ же смыслѣ, исторію нашей Смуты нельзя начинать со дня кончины послѣдняго Рюриковича или съ прекращенія только династіи, ибо и здѣсь послѣднимъ Рюриковичемъ въ сущности былъ Иванъ Грозный. Тѣмъ менѣе можно ее начинать съ появленія перваго Самозванца, который былъ уже прямымъ и непосредственнымъ, вполнѣ созрѣлымъ и сочнымъ ея плодомъ. Смута издавна гнѣздилась въ государевомъ дворѣ и всегда болѣе или менѣе жарко вспыхивала, какъ скоро открывался ей выходъ на Божій свѣтъ, какъ скоро наготовлялись для нея горючіе матеріалы. Еще за сто слишкомъ лѣтъ до появленія Самозванцевъ, она уже вполнѣ ясно обозначила свои стремленія и цѣли. Ея историческіе корни уходятъ далеко въ глубину прожитыхъ вѣковъ и могутъ быть указаны чуть не на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ, самовластномъ, своевольномъ и

крамольномъ духѣ той среды боярства, которая крѣпко помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины владѣть Землею, господствовать въ Землѣ за одно съ своимъ княземъ; непререкаемое право властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли; право очень древнее, которое въ первое время возникло естественно, было историческою необходимостью и, такъ сказать, историческою нравственностью, твердымъ и благимъ уставомъ самой жизни. Но съ теченіемъ вѣковъ, по ходу Исторіи, оно, если хотѣло быть добрымъ уставомъ жизни, должно было-бы переродиться во что-либо новое, политически-годное для дальнѣйшаго развитія народной исторіи. Между тѣмъ въ теченіи этихъ вѣковъ, особенно въ періодъ княжескихъ междоусобій, оно еще больше усиливало тольк свои старыя, допотопныя начала жи ни и поддерживало въ Землѣ такую же нескончаемую Смуту.

Началами дружинной жизни (если объяснять ихъ одними только существенными, хотя и рѣзкими чертами), были самоволіе и самовластіе, властолюбіе и честолюбіе, добываніе *высокихъ столовъ* для своего князя, т. е. великихъ, старшихъ волостей или княженій, слѣдовательно жадность къ захвату новой власти и многаго имѣнія. Все это конечно утверждалось на первобытномъ историческомъ корнѣ отношеній дружины — боярства къ лицу своего князя и въ первую пору вполнѣ единило интересы дружины съ интересами князя, по той причинѣ, что въ ту пору и самъ князь, въ собственныхъ глазахъ, былъ столько же главою Земли, сколько главою дружины, былъ самъ только первымъ дружинникомъ и въ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ лишь свои личныя эгоистическія цѣли. Очень понятно, что такія начала и даже задачи жизни должны были воспитывать дружинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были вырабатывать ея нравы и обычаи по особому складу, свойственному тѣмъ началамъ. Она по этому развила въ себѣ нравы и инстинкты исключительно личнаго, своекорыстнаго свойства, развила стремленія только къ личному благу и добру, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей Земли, которая не даромъ же ее кормила.

Но Исторія шла впередъ. Въ ней стали просыпаться идеи и объ общихъ земскихъ цѣляхъ, объ общемъ земскомъ добрѣ. Суздальскіе князья первые внятно заслышали добрыя внушенія такихъ идей и первые поворотили слѣдомъ за ними; особенно знаменитый Всеволодъ Большое Гнѣздо, который, благодаря служенію общимъ идеямъ, и тогда уже могъ Волгу веслами раскропить, а Донъ шеломами разлить. Дружина этого поворота Исторіи не поняла и не послѣдовала за новымъ движеніемъ. Ей предстояло устроить свое положеніе въ Землѣ на твердомъ какомъ либо политическомъ основаніи, связавши свои интересы съ интересами земства, куда именно повернулъ самъ князь. Она, напротивъ, осталась при своей старинѣ, помнила только свою прежнюю *волю* и надъ Землею и надъ княземъ. Она осталась глухою на очень слышный зовъ Исторіи. Но, не захотѣвши сдѣлаться слугою Землѣ, она за это самое должна была поневолѣ сдѣлаться слугою князя. Ея общіе съ нимъ интересы стали расходиться все дальше, древняя *дружба* стала разстроиваться.

Стремясь за общеземскими цѣлями, князь, въ Москвѣ, выросъ цѣлою головою выше старыхъ дружинныхъ связей и отношеній. Стремясь исключительно только за своими личными цѣлями и интересами, дружина понизилась до значенія холопства. Но, не выучившись ничему новому, она крѣпко держала въ памяти свое старое, крѣпко жила своими старыми преданіями и не думала измѣнять своимъ древнимъ нравамъ и обычаямъ. Собравшись въ Москвѣ около государя-самодержца, она все еще думала, что это только первый ея дружинникъ и стала постоянно заводить тѣже самыя исторіи, какими была ознаменована междоусобная жизнь прежнихъ волостныхъ и удѣльныхъ князей.

Главнѣйшимъ пунктомъ дружиннаго самоволія и властолюбія, какъ прежде, такъ и теперь, являлось наслѣдованіе престола и вообще малолѣтство или неспособность наслѣдника. Въ эти времена съ необыкновенною силою просыпались необузданныя и ничѣмъ неукротимыя стремленія дружинниковъ захватить господство надъ властью и Землею въ свои руки. Здѣсь въ полной мѣрѣ и обнаруживалось самое существо древне-дружиннаго обычая—это неизмѣнное стремленіе властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ. Само собою разумѣется, что въ глубинѣ такого жизненнаго начала лежали сами собою, какъ зародыши, и стремленія ко всякой земской или государственной розни, какою обозначена наша Исторія именно въ тотъ ея періодъ, когда дружинное начало было господствующимъ. Разносить Землю *розно* заставлялъ именно интересъ дружиннаго властолюбія, для котораго удѣльное устройство Земли было всегда торжествомъ всякихъ самовольныхъ правъ, въ родѣ права перехода отъ князя къ князю, и вообще торжествомъ *своей воли* и конечно всегдашнимъ бѣдствіемъ для Земли. Поэтому и въ государевой Москвѣ древніе дружинники долго старались тоже заводить эту рознь, поддерживая удѣльныхъ, возбуждая споры и смуты о прямыхъ наслѣдникахъ, вообще же стремясь овладѣть государевою властью. Однако идеи государственнаго единства, перешагнувши чрезъ множество неповинныхъ жертвъ, восторжествовали. Но въ этой безпощадной борьбѣ за единодержавіе и самодержавіе государя, династія, по весьма понятнымъ причинамъ, уничтожая самое себя, должна была къ концу истощить свои силы и совсѣмъ угаснуть. Это былъ неотразимый трагическій исходъ дѣла посреди тѣхъ стихій жизни, въ которыхъ велась эта борьба. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ первый актъ драмы, которую мы спеціально называемъ «Смутнымъ Временемъ». Главная роль здѣсь принадлежитъ Грозному. Какъ губитель, онъ является непосредственнымъ произведеніемъ и воспитанникомъ Смуты. Какъ сказано, онъ въ сущности и былъ послѣднимъ государемъ изъ династіи Рюрика. Второе дѣйствіе драмы, гдѣ главную роль игралъ Годуновъ, началось въ ночь того же дня, какъ умеръ главный герой перваго дѣйствія, Грозный *). Тогда боярскому властолюбію открылась широкая, хотя и опасная, дорога къ постанов-

*) Оно началось крушеніемъ Нагихъ и удаленіемъ ихъ съ царевичемъ Димитріемъ въ Угличъ. За тѣмъ вскорѣ слѣдуетъ крушеніе Богдана Бѣльскаго, о которомъ распространенъ былъ слухъ, что онъ „извелъ царя Ивана, хочетъ побить бояръ, хочетъ искать смерти царю Ѳеодору, а по немъ быть бы ему самому на царствѣ.“ Объявлялась, слѣдовательно, затаенная программа будущихъ событій. Движеніемъ руководятъ тоже будущіе герои: Шуйскіе, Ляпуновы.

кѣ новой династіи и вмѣстѣ съ тѣмъ открылось широкое поприще показать всей Землѣ, чѣмъ жили и на чемъ собственно стояли древне-дружинныя стремленія въ нашей Исторіи. Они и въ это время не только не попомнили о Землѣ-народѣ, но успѣли даже совсѣмъ закрѣпить крестьянъ себѣ въ собственность.

Достигая въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ царскаго престола, эти стремленія, посреди собственной же зависти и ненависти соперниковъ и въ сокрушеніе имъ, стали дѣлать всяческіе подлоги и неслыханныя по коварству преступленія. Вся правящая и владѣющая среда въ государствѣ утратила такимъ образомъ въ глазахъ народа и малѣйшее нравственное значеніе. Она вся изолгалась, перессорилась, потянула въ разныя стороны, завела себѣ особыхъ царей, кто иноземныхъ, кто доморощенныхъ, преслѣдуя, отъ перваго и до послѣдняго человѣка, лишь однѣ цѣли — захватъ власти, захватъ владѣнія.

Извѣстно, что Русскій материкъ-общество состоялъ въ то время изъ трехъ пластовъ, кои отдѣлялись другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачъ жизни. Съ государевой, а стало быть и съ государственной точки зрѣнія, эти пласты именовали сами себя *богомольцами* (духовенство), *холопами* (всѣ служилые люди) и *сиротами* (все земство, народъ). Смуту искони производилъ, а теперь распространилъ ее на всю Землю, именно пластъ служебный, по древнему — дружинный, а нынѣ уже холопій, или еще точнѣе—дворовый.

Когда, какъ мы сказали, государь-хозяинъ дома померъ, не оставивъ прямаго наслѣдника, то слуги-холопи бросились къ его сундукамъ, стали хватать имѣнье, разумѣется безъ пощады уничтожая соперниковъ... Иные осиливали всѣхъ (Годуновъ, Шуйскій) и успѣвали всенародно записать все имѣніе за однимъ своимъ лицомъ... Иные, желая отнять такимъ способомъ захваченное наслѣдство, поставляли поддѣльнаго наслѣдника—самозванца и для помоги своему дѣлу приводили въ домъ иноземные полки, собирали всякихъ безъименныхъ гулящихъ людей... Иные, наконецъ, кто съ желаніемъ успокоить государство, а кто съ желаніемъ тоже половить въ мутной водѣ рыбу, призвали на владѣнье сосѣда (Польскаго королевича или собственно Поляковъ). Сосѣдъ, давнишній завистникъ покойника, былъ очень радъ такому случаю и сталъ владѣть и хозяйничать въ дому по-свойски...

Однако всѣ эти разновидныя на взглядъ стремленія и дѣйствія тянули къ одному или обнаруживали одно: бояринъ подъискивался на царство, хотѣлъ быть царемъ; рядовой дворянинъ подъискивался на боярство, хотѣлъ боярскаго сана и боярскихъ вотчинъ; низшая степень—холопъ (не царскій, а боярскій) искалъ казачества,—для него это былъ такой же боярскій санъ и чинъ. Всѣ искали и хватали себѣ побольше личнаго благополучія и вовсе забывали о томъ, что̀ надо было всей Землѣ.

Сирота-народъ долго стоялъ предъ домомъ покойника и все видѣлъ, и все слышалъ, что̀ тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло *воровствомъ*, а всѣхъ заводчиковъ Смуты—*ворами*. Но онъ не зналъ, какъ помочь бѣдѣ, какъ взяться за дѣло. Онъ было сначала и самъ смѣшался съ холопскою толпою, вмѣстѣ съ боярскими людьми и подъ предводительствомъ холопа Болотникова доходилъ даже

до Москвы, а по городамъ сталъ было казнить по своему, даже распинать на стѣнахъ воеводъ, отомщая боярскому сословію всѣ старыя его обиды и общую теперешнюю Смуту. Но скоро онъ понялъ, что все это было холопское дѣло, что ему здѣсь кромѣ своихъ боковъ отстаивать и защищать нечего.

Богомольцы въ страхѣ и ужасѣ молили Бога о помощи, призывали всѣхъ къ покаянію, проповѣдывали о грѣхахъ, увѣряли, что за грѣхи Богъ всѣхъ и наказываетъ.

Богомольцы особенно ужасались разоренія православной вѣры отъ сосѣдскаго латынства и наконецъ первые, въ лицѣ патріарха Гермогена, провозвѣстили всему народу, что настало время стать крѣпко и помереть за православіе, а Латынскую силу совсѣмъ изгнать изъ государства. Это было дѣло досточудное и храброе, ибо всѣ уже отчаялись. Ни заступающаго, ни помогающаго не было, ни дѣломъ, ни словомъ. Не токмо вѣру попрать, но хотя бъ на всѣхъ *хохлы* захотѣли (Поляки) учинить, и за то бъ никто слова не смѣлъ молвить, боясь Литвы и Русскихъ злодѣевъ. Весь народъ того только и ждалъ, чтобъ укрѣпиться на чемъ нибудь и обрадовался слову патріарха, какъ Божьей вѣсти о спасеніи. Весь народъ своими очами видѣлъ, что за то за все, чего ему надѣлали Поляки и воры, дѣйствительно настало время всѣмъ стать и помереть. Изъ города въ городъ побѣжали гонцы съ призывными грамотами, и вскорѣ многіе люди собрались подъ Москву очищать Землю отъ враговъ.

Но это первое движеніе, Ляпуновское, находилось исключительно въ рукахъ того же служилаго разряда людей, который самъ же и завелъ Смуту. Подъ Москву собрались тѣ же ихъ замыслы, какъ бы что захватить въ свои руки, какъ бы самому чѣмъ завладѣть. Господствовали здѣсь понятія, что очищать Землю отъ злодѣевъ значитъ собирать съ нея дани и пошлины и всякіе поборы, владѣть всякими вотчинами, а тамъ пока что Богъ дастъ. Собрались сюда (главными воеводами по крайней мѣрѣ здѣсь были) все люди той же Смуты, отъ которой иные изъ нихъ (Трубецкой и Заруцкій) получили даже боярскіе саны. Да и самый лучшій, передовой человѣкъ изъ этого движенія, Ляпуновъ, извѣстнымъ приговоромъ всего Ополченія о правильной раздачѣ вотчинъ всенародно обличившій своекорыстныя цѣли своихъ товарищей и за то погибшій, тѣмъ именно сначала и прославился, что былъ руководителемъ Смуты противъ Василья Шуйскаго, въ пользу другаго Шуйскаго—Михаила Скопина, а потомъ въ пользу Василья Голицына, стало быть въ пользу тоже своихъ любимыхъ людей и любимыхъ цѣлей. Конечно его цѣли были истинно-патріотическія, онъ желалъ въ цари человѣка достойнаго; но въ этомъ желаньи было слишкомъ много своего, Ляпуновскаго, что̀ и должно было оскорблять чувство общее, всенародное. Вѣдь и вся Смута исключительно двигалась только личными, *своими*, а не общественными побужденіями и интересами. Для борьбы съ ней нужны были совсѣмъ другіе люди. Ляпуновъ, въ добавокъ, подлилъ въ огонь масла: онъ призвалъ подъ Москву въ помощь своему ополченію боярскихъ холопей, которыхъ и безъ того уже много бродило по Землѣ, украдкой, самозванно называясь казаками. Всенароднымъ обѣщаніемъ Ляпунова, чтобъ «шли они безо всякаго сомнѣнія и

боязни, всѣмъ имъ *воля* и жалованье будетъ, какъ и инымъ казакамъ, и грамоты имъ на то отъ всей Земли дадутъ», холопы, прежніе бѣглые и теперь побѣжавшіе, получили законное освобожденіе и потянули къ Москвѣ большими толпами. Кромѣ холоповъ здѣсь были всякіе воры, ерыжные и зернщики, и все это безъименное, гулящее, однимъ разомъ пріобрѣло свободное имя казаковъ и наполнило таборы Заруцкаго и Трубецкаго. Ясно, какого рода была помога со стороны такихъ полковъ. Ляпуновъ самъ же первый и поплатился за свою ошибку.

Ополченіе разстроилось отъ ненадежной, на половину измѣнной и развращенной холопствомъ среды. Лучшіе, настоящіе люди разбѣжались по домамъ.

Сирота-народъ и это все видѣлъ. Онъ, хотя и помогалъ своимъ хребтомъ этому движенію, но не занималъ въ немъ никакого самостоятельнаго мѣста. Онъ видѣлъ, напротивъ, что самостоятельное мѣсто здѣсь было дано его же разорителямъ, боярскимъ холопамъ и всякимъ ворамъ. Дѣло было не ладное, а помочь бѣдѣ не доставало смысла. Но пришла, наконецъ, очередь совершить свой подвигъ и сиротѣ-народу, ибо настоящихъ защитниковъ и избавителей нигдѣ уже не видѣлось.

Богомольцы сдѣлали свое дѣло, подняли, возбудили народные умы изображеніемъ страданій и беззащитнаго положенія церкви; поставили этимъ умамъ ясную, опредѣленную задачу— спасти православіе. Служилые люди тоже сдѣлали свое дѣло, собрались спасать Отечество, но не съ той стороны зашли; своею неспособностью поставить общее дѣло Земли выше своего личнаго дѣла разорили свой трудъ и оставили подъ Москвою зелье (таборы помянутыхъ холопскихъ казаковъ), которое разъѣдало силы Земли пуще Поляковъ.

Оставалась очередь за «сиротами».

Они въ то время, въ лицѣ своего старосты Козмы, и кликнули свой знаменитый кличъ, что если помогать Отечеству, такъ не пожалѣть ни жизни и ничего; не то что думать о какомъ захватѣ, или искать боярскихъ чиновъ, боярскихъ вотчинъ и всякихъ личныхъ выгодъ, а отдать все свое, женъ, дѣтей, дворы, имѣнье, продавать, закладывать, да бить челомъ, чтобъ кто вступился за истинную православную вѣру и взялъ бы на себя воеводство. Этотъ кличъ знаменитъ и по истинѣ великъ, потому что онъ выразилъ нравственный, гражданскій поворотъ общества съ кривыхъ дорогъ на прямой путь. Онъ никѣмъ другимъ не могъ быть и сказанъ, какъ именно достаточнымъ посадскимъ человѣкомъ, который конечно не отъ бѣдной голыдьбы, а отъ достаточныхъ же и требовалъ упомянутыхъ жертвъ. Онъ прямо ударялъ по кошелямъ богачей. Если выбрать хорошаго воеводу было дѣломъ очень важнымъ, то еще важнѣе было дѣло собрать денегъ, безъ которыхъ нельзя было собрать и вести войско. Вотъ почему посадскій умъ прямо и остановился на этомъ пунктѣ, а главное—далъ ему въ высшей степени правильную организацію.

Сироты посадскіе, взявшись за дѣло, повели его по своему, своимъ умомъ-разумомъ, какъ бывало у нихъ искони-вѣковъ въ обычаѣ. Все у нихъ дѣлалось по выбору, да по мірскому совѣту, да и по всемірному приговору. Людей они выбирали своихъ, даже и въ воеводы. У нихъ самъ никто не овладѣвалъ властью, будь то бояринъ, или думный. Не по боярству они и людей выбирали, а по истиннымъ заслу-

гамъ, лишь были бы такія заслуги всему міру извѣстны.

И вотъ здѣсь-то, въ этотъ моментъ нашей Исторіи, и представляется до крайности любопытное и назидательное зрѣлище: спокойный, вѣчно страдающій и бѣдствующій сирота-народъ двинулся собраннымъ на свои послѣднія деньги Ополченіемъ усмирять буйство своего правительства; двинулся возстановлять въ государствѣ тишину и спокойствіе, нарушенное не имъ, народомъ, а его правительствомъ, которое между тѣмъ всегда жаловалось только на бунты и неповиновеніе народа же; онъ пришелъ спасать, поднимать правительство, изнеможенное въ крамолахъ и смутахъ, запродавшее родную Землю въ иновѣрныя руки; пришелъ выручить изъ бѣды свое правительство, сидѣвшее, по своей же винѣ и въ томъ же Кремлѣ, въ плѣну у Поляковъ.

Ясно, что всѣ герои этого движенія должны быть иные люди, чѣмъ герои прежняго движенія. Они не порывисты, какъ Ляпуновъ, степенны, до крайности осторожны и осмотрительны, а потому медлительны, и отъ того на театральный взглядъ вовсе не замѣчательны и даже не замѣтны. Но такъ всегда бываетъ со всѣми, когда люди работаютъ не для себя, а для общаго дѣла, когда они впередъ выставляютъ не свою личность, какъ Ляпуновъ, а прежде всего это общее дѣло. Общее дѣло, которое несли на своихъ плечахъ наши герои, Мининъ и Пожарскій, совсѣмъ покрыло ихъ личности; изъ-за него ихъ вовсе не было видно, и они вовсе о томъ и не думали, видно ли ихъ, или не видно. Напротивъ, личность Ляпунова сильно бросается въ глаза по той причинѣ, что много въ ней театральнаго. Онъ тоже понесъ на своихъ плечахъ общее дѣло, но никакъ не могъ схоронить въ немъ своей «самости», если можно такъ выразиться. Въ добавокъ, по существу своихъ дѣйствій, онъ является прямымъ революціонеромъ. Онъ низвергаетъ Шуйскаго, объявляетъ волю боярскимъ холопамъ, слѣд. переставляетъ порядки. Такими дѣлами можно было только еще больше раздражать общественныя страсти и давать Смутѣ новый огонь, а не умирять ее. Теперешніе герои всего этого довольно испытали и шли къ своей цѣли уже другою стороною. Они шли не переставлять, а уставлять по старому, уставлять покой и тишину и соединенье государству, «какъ было доселѣ, какъ было при прежнихъ государяхъ». Такъ они сами говорили и писали. Понятно, что по этому пути ничего особеннаго, яркаго, театральнаго, сдѣлать было не возможно. Герои принимаютъ облики рядовыхъ людей и, когда оканчивается ихъ подвигъ, на самомъ дѣлѣ поступаютъ въ рядовые и ничѣмъ театральнымъ не выказываются передъ всенародными очами.

Тѣмъ не меньше Нижегородскій подвигъ въ нашей Исторіи дѣло великое, очень великое, потому что оно въ полномъ смыслѣ дѣло народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты-народа, у котораго всѣ другія сословія явились на этотъ разъ только помогателями.

Каковъ же былъ первый человѣкъ этого подвига, Козма Мининъ? Имѣть по возможности близкое къ истинѣ понятіе о замѣчательныхъ личностяхъ своей Исторіи по многимъ отношеніямъ очень важно.

Мы остановимся только на требованіяхъ, заявляемыхъ со стороны нашихъ художниковъ, которые, обыкно-

венно, при постановкѣ исторической Русской картины встрѣчаютъ неодолимыя затрудненія въ изученіи задуманнаго сюжета и особенно его лицъ. Въ общемъ историческомъ повѣствованіи всякая личность, задерживаемая въ своихъ дѣяніяхъ или ходомъ событій или ходомъ самаго разсказа, теряетъ по необходимости очень многое изъ своего характера и притомъ нерѣдко теряетъ самыя живыя свои черты, столько цѣнимыя художниками. Отдѣльныхъ біографій у насъ очень немного, да и тѣ по большой части писаны безъ всякой критики, а иныя съ безсознательною мыслью, что если описывать героя, такъ непремѣнно нужно со всѣхъ сторонъ его хвалить и выгораживать отъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, такъ точно какъ, въ другой крайности, иные безъ малѣйшей же критики возводятъ на нихъ разныя напраслины. Такимъ образомъ художнику почти не бываетъ возможности добиться настоящаго толку, какой историческій смыслъ и какой личный характеръ имѣетъ избранная личность? Естественно, что историческія картины очень рѣдко намъ удаются и именно только потому, что историки мало, или вовсе не помогаютъ художникамъ. Единственнымъ источникомъ художественныхъ историческихъ созерцаній остается и до сихъ поръ все тотъ же Карамзинъ, который имѣлъ достойную памяти привычку обставлять свои общія описанія и изображенія частными примѣчаніями, гдѣ всегда можно встрѣтить живыя черты времени и лицъ.

Намъ говорятъ, что источники нашей Исторіи очень скудны и потому всѣ наши историческія личности неясны, тусклы, освѣщены неправильнымъ, фальшивымъ свѣтомъ, при помощи уже нашего воображенія. Но, чтобы такъ говорить, надо попытать, порыться въ источникахъ; быть можетъ, они будутъ на столько достаточны, что изъ неяснаго и тусклаго выйдетъ ясное и свѣтлое. Мы вообще убѣждены, что источники тутъ не причина. Если можетъ что̀ затруднить дѣло, такъ это только самая работа надъ источниками, тяжелая, мелочная, до крайности скучная, въ которой сохнетъ умъ, вянетъ воображеніе, но за то выростаетъ достовѣрность. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ обременять художниковъ не возможно, и отъ нихъ требовать подобнаго изученія несправедливо. Здѣсь должны начать свое дѣло труженики науки. Художникъ совершенно справедливъ, когда говоритъ, что источники нашей Исторіи очень скудны, ибо у него въ умѣ совсѣмъ другое понятіе объ источникѣ, чѣмъ у труженика науки. Для художника источникомъ служитъ вообще что-либо обработанное, цѣльное, полное, въ родѣ обстоятельнаго изслѣдованія, цѣлой повѣсти, разсказа и т. п.; труженикъ науки принимаетъ за источникъ одинъ намекъ, одно указаніе изъ двухъ-трехъ словъ и изъ такихъ мелочей уже лѣпитъ свою мозаику, для которой крѣпкимъ цементомъ должна быть только здравая критика. Очень понятно, что работа труженика науки и есть источникъ для художника, и вотъ почему надо очень желать, чтобы наука помогала въ этомъ случаѣ художеству.

Недавно художественная исторія изобразила намъ Минина слѣдующими широкими чертами: «Это былъ человѣкъ тонкій и хитрый, съ крѣпкою волею, крутаго нрава, человѣкъ въ полномъ значеніи слова практичный, т. е. такой, который, идя къ

цѣли, выбираетъ ближайшій путь и не останавливается ни передъ какими бы то ни было тягостями и бѣдствіями для другихъ, не заботится о томъ, что̀ произойдетъ послѣ, лишь бы скорѣе была достигнута намѣченная цѣль».

Сначала Мининъ разъигрываетъ передъ Нижегородцами роль театральнаго пророка, говоритъ имъ о видѣніи св. Сергія съ цѣлью «показать себя человѣкомъ, осѣненнымъ благодатію, навести на слушателей обаяніе чудесности и такимъ образомъ внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ и заставить покоряться своей волѣ». Словомъ сказать, онъ «не считаетъ безнравственнымъ обманывать людей чудесами для хорошей цѣли». Затѣмъ онъ выпрашиваетъ у народа крѣпкую диктатуру и изъ пророковъ является жестокимъ, по театральному, диктаторомъ, который, чтобы собрать деньги, пускаетъ въ продажу бѣдняковъ и тѣмъ «накатываетъ» на Русь большое внутреннее зло, порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ, зло, котораго послѣдствія очень чувствовались и при царѣ Михаилѣ. Вообще рука этого человѣка была тяжела, мѣры его были круты и жестоки, но конечно неизбѣжны. По видимому онъ умышленно выбралъ въ воеводы и Пожарскаго (какъ человѣка дюжиннаго и малоспособнаго) съ тою цѣлью, чтобъ удобнѣе было самому одному безусловно всѣмъ распоряжаться. Наконецъ, по случаю одного дѣла, видится, что и способы обращенія его съ собранною земскою казною не совсѣмъ были безкорыстны. Таковъ новый портретъ Минина.

Источники чертятъ намъ совсѣмъ другое лицо. Существуетъ дѣйствительно легенда (въ спискѣ XVIII в.) которая извѣщаетъ, что Мининъ, выйдя на свой подвигъ, заявилъ народу о видѣніи ему св. Сергія, то есть началъ дѣло, такъ сказать, благословясь. Легенда разсказываетъ коротко, что, при полученіи въ Нижнемъ Троицкой грамоты, Мининъ на городскомъ совѣтѣ объявилъ: «Св. Сергій явился мнѣ и повелѣлъ возбудить спящихъ. Прочтите же грамоту Троицкихъ властей въ соборѣ, а (потомъ) что̀ Богъ велитъ!...» Тутъ стряпчій Биркинъ «сумняшеся», но чему именно, легенда не отмѣчаетъ. Козьма же рече ему: «Аще хощеши, исповѣдаю тя православнымъ. Той же умолча». И только!

Нельзя сомнѣваться, что эта легенда составлена уже послѣ, какъ составлялись и составляются всѣ легенды, какъ пишется и легенда-исторія, т. е. обычными пріемами вообразительнаго творчества. Одна голая мысль, одно голое слово, голое свидѣтельство, какъ простыя отвлеченности, облекаются въ одежду живой реальности, въ одежду жизненнаго вещества, пріобрѣтаютъ плоть, воплощаются въ живые *образы*. Въ настоящемъ случаѣ голое свидѣтельство заключалось въ томъ, что, по преданію, Мининъ самъ послѣ сказывалъ знаменитому архимандриту Троицкой Лавры Діонисію, что возбужденъ былъ къ своему подвигу явленіемъ ему прп. Сергія еще въ Нижнемъ Новгородѣ. Намъ здѣсь не слѣдуетъ разсуждать о томъ, что монастырскіе Троицкіе писатели, келари, Аврамій Палицынъ и Симонъ Азарьинъ, столько были привязаны къ своей обители, что всякій важный подвигъ въ государствѣ естественно приписывали почину, вліянію, покровительству, назиданію именно ихъ обители; что ихъ обитель во всякое время была источникомъ всякаго добра и блага для Русской земли; что имя св.

Сергія по всюду являлось чудесною, спасительною силою во всѣхъ трудныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ Отечества. Они были вполнѣ правы и ничего новаго не говорили, когда такъ, а не иначе, разумѣли значеніе своей обители. Ихъ мысли были общимъ искреннимъ убѣжденіемъ для всего Московскаго народа и особенно для его владѣющей и правящей среды. Эта слава монастыря утвердилась еще при жизни прп. Сергія достославною побѣдою на Куликовомъ полѣ, которая была одержана по его благословенію. Съ той поры Московскіе государи постоянно ходили на поклоненіе къ «великому отцу и чудотворцу Сергію, заступнику и крѣпкому молитвеннику и скорому помощнику» во всякихъ напастяхъ и трудныхъ случаяхъ.

Очень естественно, что послѣ Смутнаго Времени въ монастырѣ осталось преданіе, что Минину, наканунѣ его подвига, было явленіе прп. Сергія. Келарь Симонъ Азарьинъ, спустя много лѣтъ послѣ Смуты, записалъ это событіе въ число новоявленныхъ чудесъ преподобнаго. Намъ неизвѣстно, съ какими подробностями оно тамъ записано, но было бы почти удивительно, еслибъ оно не попало въ монастырскую лѣтопись *). Подвигъ Минина, когда онъ достославно окончился, представлялся самъ по себѣ чудомъ. Самъ Мининъ былъ чудомъ между современниками. Какъ, въ такомъ незамѣтномъ чинѣ совершить такое великое и благодатное дѣло! По убѣжденію вѣка, это не могло произойдти безъ наитія Божіей благодати, и самъ Мининъ былъ потомъ искренно и религіозно убѣжденъ, что онъ только орудіе Промысла. Такъ въ то время мыслили люди и не могли иначе мыслить, по той причинѣ, что во всѣхъ дѣлахъ своихъ видѣли или благословеніе, или наказаніе Божіе, или козни и ненависть врага роду человѣческому. Поэтому сила видѣній, искреннихъ и истинныхъ для тогдашней мысли и чувства, была силою всего тогдашняго умоначертанія. Въ образѣ видѣнія могла воплощаться даже теплая молитва о Божіей помощи. И нѣтъ ничего удивительнаго, что такимъ путемъ въ дѣйствительности имѣлъ видѣніе и знаменитый Мининъ. Но все дѣло въ томъ, былъ ли фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ приводимая легенда? Какъ бы ни было, но существовало уже послѣ смерти Минина преданіе о видѣніи и существовало, конечно, въ монастырѣ, который приписывалъ своимъ грамотамъ особенное дѣйствіе именно въ Нижнемъ Новгородѣ. Современные лѣтописцы и даже келарь Аврамій объ этомъ ничего не знаютъ, а именно Аврамій никакъ бы не пропустилъ въ своемъ сочиненіи такого важнаго для его цѣли факта. Онъ, напротивъ, о Мининѣ говоритъ какъ-то вскользь, мимоходомъ, не останавливая на немъ особаго вниманія. Между тѣмъ задачею его сочиненія были слава чудесъ прп. Сергія и слава своего монастыря.

И такъ народъ получилъ одно простое свѣдѣніе, простое извѣстіе о видѣніи. Для народнаго ума этого было недостаточно. У него является тотчасъ потребность обставить это извѣстіе соотвѣтствующими обстоятель-

*) Благочестивый и усердный панегиристъ своей обители, Симонъ дополнилъ своими сказаніями житіе прп. Сергія, которое его стараніями и было напечатано въ 1646 году. Печатники или типографскіе справщики не захотѣли однако напечатать всѣхъ его сказаній и многое выпустили. Они сомнѣвались въ нѣкоторыхъ его писаніяхъ и по его же словамъ: „истину бо глаголаху ложь быти и вмѣняху въ *случай*, а не въ чудеса.“

ствами, и такимъ образомъ является разсказъ-легенда о томъ, какъ было дѣло, при какихъ обстоятельствахъ. Выходитъ на сцену и сомнѣвающійся, и никто другой, какъ именно Биркинъ, самъ человѣкъ весьма сомнительныхъ достоинствъ по своимъ измѣннымъ поступкамъ. Ясно, что легенда, рисуя одно только начало, знаетъ уже конецъ, т. е. всю послѣдующую исторію событія, и въ сущности рисуетъ очень правильно историческія роли своихъ лицъ. Но она дальше не пошла и подробнѣе ничего не сказала, а этого, въ свою очередь, недостаточно стало для Исторіи. На помощь легендѣ явился историкъ и разрисовалъ своими красками уже самую легенду.

«Когда разсуждали о мѣрахъ для возбужденія Нижегородцевъ ко всеобщему возстанію, Мининъ *всталъ* и, *какъ вдохновенный*, сказалъ: Св. Сергій явился мнѣ *сегодня ночью* и повелѣлъ возбудить уснувшихъ.... Биркинъ усомнился въ справедливости словъ Минина, но былъ обличенъ имъ. «Или хочешь ты, сказалъ ему Козма, чтобъ я открылъ православнымъ то, что замышляешь ты?» Биркинъ замолчалъ, и *всѣ согласились съ мнѣніемъ Минина*». *)

Другой варіантъ того же автора: «Во время совѣта, Мининъ сказалъ: Св. Сергій явился мнѣ *нынѣ во снѣ* и повелѣлъ возбудить уснувшихъ.... Стряпчій Биркинъ *противорѣчилъ* (уже не сомнѣвался!), но Мининъ остановилъ его, замѣтивъ ему, что онъ *догадывается* о его замыслѣ». **)

Третій варіантъ другаго историка: «Мининъ сказалъ: мнѣ было видѣніе, явился Св. Сергій *во снѣ* и повелѣлъ разбудить спящихъ. Тутъ стряпчій Биркинъ, *недоброхотъ* Минину, сказалъ: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!» Этотъ Биркинъ былъ человѣкъ двусмысленнаго поведенія и служилъ прежде Тушинскому вору. За нимъ водились грѣхи; Мининъ зналъ про нихъ, могъ обличить его и сказалъ ему теперь *тихо*: «Молчи,—а не то я тебя выявлю передъ православными!» Биркинъ принужденъ былъ *прикусить языкъ*. Видѣніе Минина *пошло за правду*...»

Четвертый варіантъ—того же автора: «Мининъ заявилъ народу, что ему были *видѣнія* (уже не одно!), являлся Св. Сергій. «Не было тебѣ никакого видѣнія!» сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ бы *холодною водою окатившій восторженное* заявленіе Козьмы Минича.—«Молчи! сказалъ ему Козьма М. и *тихо* пригрозилъ объявить православнымъ то, что зналъ за Биркинымъ; и Биркинъ долженъ былъ замолчать». *)

Изъ этихъ варіацій одного и того же простаго свидѣтельства мы можемъ составить себѣ весьма наглядное понятіе о томъ, какъ создаются, органически наростаютъ всякія легенды и всякія сказанія, какъ они постепенно одѣваются красками воображенія и поэзіи. Къ простому свѣдѣнію: «явился мнѣ», прибавляется: незамѣтно новое свѣдѣніе: «сегодня ночью», или: «нынѣ во снѣ»; къ простому слову «сказалъ», прибавляется; «тихо пригрозилъ»; потомъ: «вдохновенный, восторженный, холодная вода, прикусилъ языкъ», и т. д.

И все это очень понятно, когда легенда переходитъ изъ устъ въ уста въ

*) Нижній Новгородъ и Нижегородцы, Пав. Мельникова. От. Зап. 1843, т. XXIX, 23 и 32.
**) Москвитянинъ 1850 г. № 21, стр. 9. См. и въ Исторіи Россіи г. Соловьева, VIII. 443.

*) Вѣстн. Европы, Сент. 1867, стр. 3; Іюнь 1871, стр. 512, статьи г. Костомарова.

народѣ. На этотъ счетъ народъ—всегда поэтъ и художникъ, свободно создающій изъ встрѣченнаго имъ матеріала всякія сказанія. Но совсѣмъ уже непонятно, когда тѣмъ же самымъ путемъ легенда переходитъ изъ страницы въ страницу въ Исторіи, всегда претендующей на строгую критику источниковъ и на свою ученость, всегда грозящей «безпощаднымъ ножемъ критическаго анализа».

Мы вовсе не думаемъ отнимать у историка принадлежащее ему право возстановлять сухой и черствый фактъ во всей его живой истинѣ при помощи даже поэтическихъ и драматическихъ прикрасъ. Исторія, вообще говоря, столько же искусство, сколько и наука. Но искусство-то именно и требуетъ, чтобы сухой и тощій фактъ былъ возстановленъ по крайней мѣрѣ въ своей поэтической правдѣ, если въ немъ недостаточно видна правда въ собственномъ смыслѣ историческая, т. е. правда живой дѣйствительности, критически провѣренной наукою. А какую же поэтическую правду возстановляютъ здѣсь наши историки!..

О Биркинѣ первоначальное показаніе говоритъ: «Биркинъ же сумняшеся»... и только! Оно не отмѣчаетъ, въ чемъ? Ибо, по смыслу легенды, онъ могъ сомнѣваться и въ начинаніи дѣла или, вѣрнѣе, могъ отрицать это начинаніе, чтобъ оно не заводилось, такъ какъ не въ томъ были его выгоды. Вотъ почему первый варіантъ нерѣшительно говоритъ, что Биркинъ усомнился въ справедливости словъ Минина; второй уже отступаетъ отъ неясности и прямо говоритъ, что Биркинъ противорѣчилъ, сталъ противорѣчить. Но чему? Какимъ словамъ или какой мысли? Замѣчаніе Минина, что онъ догадывается о его замыслѣ и готовъ всѣмъ разсказать, объясняетъ дѣло неиначе, что Биркинъ противорѣчилъ именно начинанію подвига. Остальные два варіанта останавливаются только на видѣніи и заставляютъ Биркина сказать: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!» Мининъ отвѣчаетъ ему *тихо*: «молчи, а не то» и пр. Биркинъ прикусилъ языкъ, и видѣніе пошло за правду!

Легенда очень просто выставила Биркина сумнительнымъ, ибо уже знала подробно о томъ, что онъ сдѣлаетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Казани и въ Ярославлѣ, гдѣ остановилось двинувшееся Нижегородское ополченіе и куда къ нему въ помогу Биркинъ привелъ ратныхъ изъ Казани. Въ Казани онъ замыслилъ другое. Въ Ярославлѣ онъ содѣялъ многую смуту, хотѣлъ быть въ начальникахъ, и такую пакость содѣялъ, что едва межъ себя бою не сотворили, и потому вся Нижегородская рать откинула его. Вотъ о чемъ могъ быть у него споръ съ Мининымъ. Впрочемъ въ первыхъ грамотахъ Ополченія Биркинъ стоитъ вторымъ лицомъ послѣ Пожарскаго, слѣд. тоже участвуетъ въ собраніи. Вначалѣ они вмѣстѣ собираются вести Ополченіе подъ Москву. Потомъ уже Биркинъ былъ посланъ въ Казань за ратными, гдѣ сошелся съ Шульгинымъ, и оба замыслили властвовать въ Казани и богатиться, а для того радовались продолженію Смуты и тому, что Москва за Литвою. Свѣдѣніе объ этомъ Мининъ и все Ополченіе получили отъ возвратившихся прежде пословъ изъ духовенства.

Словомъ сказать, Биркинъ въ Казани измѣнилъ Ополченію. Зналъ ли впередъ сам Мининъ, что Биркинъ измѣнитъ, неизвѣстно. Но легенда объ этомъ очень хорошо знала, ибо составлялась послѣ всѣхъ этихъ собы-

тій. Видимо, что Мининъ подозрѣвалъ его и для того отпустилъ съ нимъ поповъ, какъ людей болѣе вѣрныхъ, которые, возвратясь, и разсказали объ измѣнѣ. Но всетаки это извѣстіе поразило Нижегородское ополченіе. Тогда всѣ ратные люди возложили упованіе на одного Господа и, помянувъ Іерусалимское плѣненіе, какъ по разореніи Іерусалима, собрались послѣдніе люди Іудеи и, пришедъ подъ Іерусалимъ, очистили его; такъ и Московскаго государства *послѣдніе* люди, собравшись, пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Такими чертами рисуютъ это обстоятельство лѣтописцы и тѣмъ указываютъ, что Нижегородцы, хотя и имѣли причины подозрѣвать Биркина, но такой развязки дѣла вовсе не ожидали.

Такимъ образомъ легенда остается легендою и, въ качествѣ историческаго свидѣтельства, въ Исторію принята быть не можетъ, какъ не могутъ быть туда же приняты напр. всѣ легенды о смерти Сусанина, созданныя точно также изъ одного голаго свидѣтельства, что онъ былъ замученъ Поляками, не сказавши, гдѣ находится царь Михаилъ. На легенды смѣшно даже поднимать и безпощадный ножъ критическаго анализа. Ихъ область Поэзія, а не Исторія. Другое дѣло, если онѣ напрашиваются быть свидѣтельствами, исторически-достовѣрными, какъ иные разсуждаютъ о легендахъ Сусанина и какъ разсуждаютъ даже историки о настоящей легендѣ Минина. Но и въ этомъ случаѣ достаточно одного здраваго смысла, чтобы рѣшить дѣло.

Нельзя, основываясь на легендѣ, сочинять характеръ исторической личности и размышлять о томъ, какъ эта личность сказала такое-то слово: тихо или громко, между тѣмъ какъ личность вовсе такого слова никогда и не говорила, а сказывала за нее это слово легенда, спустя много лѣтъ уже по смерти личности. Нельзя, слѣд., выводить отсюда и никакихъ заключеній о томъ, что Мининъ былъ способенъ обмануть народъ своимъ видѣніемъ, хотя бы и для хорошей цѣли.

Минину совсѣмъ не нужно было обманывать народъ чудесами, чтобъ внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ. Онъ въ Нижнемъ занималъ такое положеніе, которое и безъ того внушало уваженіе къ его рѣчамъ и совѣтамъ. Онъ былъ *земскій староста*, былъ *начальникъ* въ то время *судныхъ дѣлъ* у своей братьи, посадскихъ людей, вручившихъ ему эту должность разумѣется неиначе, какъ по общему мірскому выбору; слѣд. онъ и безъ того былъ человѣкъ замѣтный въ народѣ и уважаемый. Художествомъ онъ былъ говядарь, не гуртовщикъ, а «продавецъ мяса и рыбы». Его промыслъ или богатство, торговые обороты, оцѣнивались въ 300 р.,—достатокъ немалый по тому времени, но и невеликій, если лѣтописецъ прибавляетъ вообще, что онъ «убогою куплею питался».

Если онъ былъ избранъ еще прежде начальникомъ судныхъ дѣлъ у своей братьи, то, намъ кажется, это одно уже достаточно рисуетъ его личность. Намъ кажется, что онъ за то былъ избранъ въ судные начальники, что не былъ способенъ дѣлать подлоги и обманы, хотябы и съ хорошею цѣлью. Онъ занималъ свою должность по выбору народа, а не по назначенію правительства, въ чемъ есть великая разница, и трудно представить себѣ, чтобы народъ добровольно посадилъ себѣ на хребты человѣка со-

мнительныхъ достоинствъ, когда при выборѣ людей въ подобныя должности всегда народомъ же ставились и неизмѣнныя условія, чтобъ человѣкъ былъ добръ (въ общемъ смыслѣ), разуменъ, душею прямъ.

Земскій староста, начальникъ судныхъ дѣлъ долженъ былъ имѣть типическія черты, которыми народъ вообще опредѣлялъ это важное въ его быту званіе и которыя конечно не могли быть худыя или сомнительныя черты. Не въ игрушки же народъ игралъ, поручая управлять своими дѣлами и судить себя кому ни попало, или людямъ хитрымъ, крутаго нрава, съ тяжелою рукою, вообще диктаторамъ. Диктаторовъ-то пуще всего народъ и не терпѣлъ, когда самъ выбиралъ людей, и по закону черезъ годъ же могъ смѣнять ихъ безвозвратно. А диктаторъ Мининъ, на оборотъ, изъ земскихъ старостъ посада былъ утвержденъ даже выборнымъ отъ всей Земли. Чтобы понять такія несообразности, надо представить себѣ Нижегородскій народъ народомъ театральнымъ, пейзаномъ, который поступаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по заученному ходу пьесы. Къ сожалѣнію, у нашихъ историковъ народъ такъ почти всегда и представляется.

Когда, по вызову Минина, Нижегородцы рѣшились помочь Отечеству, по своему, своимъ умомъ и обычаемъ, то первымъ ихъ дѣломъ былъ выборъ воеводы. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что въ этомъ случаѣ выборъ былъ свободный, всѣмъ міромъ, хотя иные описываютъ вообще, что все устроилъ Мининъ, что онъ же «совосприподобилъ» и князя Пожарскаго. Но такъ говорятъ, съ понятною симпатіею къ Минину, именно тѣ лѣтописцы, которые и все Нижегородское событіе, по его внутреннему смыслу, сливаютъ въ одно имя Минина. Здѣсь лѣтописцы стоятъ на общей, высшей, идеальной точкѣ зрѣнія въ изложеніи событія и не вдаются ни въ какія частныя, реальныя подробности. Здѣсь несомнѣннымъ фактомъ является не подробность, а смыслъ и значеніе всего дѣла. Но какъ скоро они сходятъ на землю и описываютъ, какъ на самомъ дѣлѣ происходило событіе, то касаются и подробностей, которыя и являются уже фактами. Они тутъ и говорятъ, что выборъ воеводы происходилъ всѣмъ міромъ. Конечно, очень вѣроятно, что одинъ изъ первыхъ на Пожарскаго указалъ Мининъ. Но по какой причинѣ, съ какою цѣлью, почему именно указалъ на Пожарскаго, а не на кого другаго? Историки объ этомъ ничего не знаютъ. Они видятъ только, что Мининъ хотѣлъ Пожарскаго, а Пожарскій потомъ хотѣлъ Минина; а откуда возникла такая взаимность, они не знаютъ. По портрету Пожарскаго, ими же написанному, они допускаютъ предположеніе, весьма вѣроятное по ихъ замѣчанію, что Мининъ умышленно пригласилъ въ воеводы такого князя, «чтобы удобнѣе было самому безусловно всѣмъ распоряжаться».

Посмотримъ на этотъ портретъ.

Лицо Пожарскаго, по начертанію историковъ, не имѣло никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ *дюжинныхъ* личностей. Это былъ человѣкъ малоспособный. Онъ не совершилъ ничего необыкновеннаго, дѣйствовалъ за урядъ съ другими, не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушались. Онъ самъ сознавалъ за собою духовную скудость. Въ званіи главноначальствующаго онъ дѣлалъ

поступки, которые современники считали ошибками. Онъ шелъ къ Москвѣ чрезвычайно медленно, сворачивалъ съ дороги, ѣздилъ въ Суздаль кланяться гробамъ своихъ отцовъ; а между тѣмъ всѣ умоляли его идти скорѣе, и онъ очень хорошо зналъ, въ какой опасности была Москва. Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвой, онъ почти не показалъ своей личности. Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданиномъ и государственнымъ человѣкомъ? Къ сожалѣнію тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ ничего. Мы знаемъ только, что подъ его предводительствомъ происходили ссоры, несогласія, и онъ долго не могъ съ ними сладить. Конечно, прямо возводить за это на него *вину* мы не можемъ, потому что ничего не знаемъ. Почему его выбрали въ воеводы, мы находимъ себѣ удовлетвореніе въ одномъ: мы *полагаемъ*, что этотъ человѣкъ заслужилъ уваженіе за безупречность поведенія, за то, что не приставалъ, подобно многимъ, ни къ Полякамъ, ни къ Шведамъ, ни къ Русскимъ ворамъ. Но если это и способствовало его выбору, то едвали было единственною на то причиною. Были лица не менѣе его безупречныя и болѣе его заявившія о своихъ способностяхъ. Современники и самъ царь не считали за нимъ особыхъ великихъ заслугъ Отечеству, которыя бы выводили его изъ ряда другихъ; не считали его, подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси.... Такимъ образомъ, *держась строго источниковъ*, мы должны представить себѣ Пожарскаго совсѣмъ не такимъ лицомъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ; мы и не замѣчали, что образъ его созданъ нашимъ воображеніемъ по *скудости источниковъ*... Это неболѣе, какъ неясная тѣнь, подобная множеству другихъ тѣней, въ видѣ которыхъ наши источники передали потомству дѣятелей прошлаго времени.

Истина дѣла заключается въ томъ, что Нижегородцы выбрали Пожарскаго всенародно, помимо всѣхъ другихъ и самаго Биркина, жившаго и дѣйствовавшаго у нихъ еще со времени Ляпунова, что всѣ они Пожарскому били челомъ, просили, чтобъ былъ у нихъ воеводой и пошелъ бы съ ними очищать Москву. Пожарскій самъ пишетъ во всенародной же грамотѣ, что присылали къ нему «многажды», слѣдоват. избраніе его сдѣлано не въ одинъ разъ, а шли долго переговоры. Онъ жилъ тогда, изнемогая отъ ранъ въ своей Суздальской вотчинѣ, около 120 верстъ отъ Нижняго. Онъ не отказывался, а напротивъ изъявилъ радость и полную готовность идти съ ними, положить голову, дабы очистить Москву; но *многажды*, вѣроятно, онъ толковалъ о томъ, какъ лучше устроить дѣло, ибо въ виду были разные образцы, которыми ничего добраго не совершено. Приходилось хорошо подумать—дѣло было великое! Онъ передъ послами засвидѣтельствовалъ великое усердіе Нижегородцевъ къ Отечеству, но вмѣстѣ заявилъ, что боится измѣны и поворота вспять, и что вообще Нижегородцы упрямы и къ воеводамъ не послушны, что слѣд. воеводству можетъ случиться помѣха, что дѣло надо чѣмъ нибудь укрѣпить, чтобъ было оно вѣрно и несомнѣнно. Козма Мининъ, еще прежде прихода пословъ, далъ ему совѣтъ одному не браться за дѣло, а просить о выборѣ изъ посадскихъ добраго человѣка, съ кѣмъ бы у такого великаго дѣла быть и кому казну

собирать. Это было первое и утвержденіе, и укрѣпленіе дѣла, и самое разумное, какое только возможно было придумать въ тѣхъ обстоятельствахъ.

Главная сила, конечно, была въ деньгахъ, и съ ними слѣдовало вести себя осторожно. Выборъ посадскаго для завѣдыванія казною, которая главнымъ образомъ отъ посадскихъ же и поступала, совсѣмъ отдѣлялъ денежную статью отъ ратной, отдавалъ ее на руки самимъ же жертвователямъ, чѣмъ и очищалъ ратную статью отъ всякихъ навѣтовъ и подозрѣній въ неправильномъ и своекорыстномъ расходованіи земской суммы. Подъ Москвою казна, привозимая изъ городовъ, поступала вся въ руки Заруцкаго; онъ ею пользовался, какъ хотѣлъ и раздавалъ только своимъ единомышленникамъ, а другіе помирали съ голоду и брели со службы прочь. Такъ поступали или могли поступать и другіе воеводы. Всегда они бывали полными распорядителями казны. Но такой образецъ теперь не годился. Теперь отъ воеводы для укрѣпленія дѣла требовалось, чтобъ онъ былъ чистъ, чтобъ никому отъ него обиды не было. Только въ такомъ случаѣ возможно было устроить крѣпкое, единодушное Ополченіе. Пусть, кто даетъ деньги, кто ихъ между себя собираетъ, пусть тотъ ихъ и расходуетъ, покупая самъ запасы, выдавая самъ жалованье. Деньги будутъ всегда у него на счету и на лицѣ. Это было такое простое и обычное дѣло въ тогдашнихъ земскихъ общинахъ, что стоило только ввести его въ устройство Ополченія, то и можно было этимъ однимъ вызвать въ немъ самое крѣпкое единодушіе.

Вотъ о чемъ у Козмы съ Пожарскимъ было «по слову», какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, т. е. было полное соглашеніе на томъ, чтобы воеводство и все ратное дѣло совсѣмъ начисто вывести изъ мутной воды поборовъ, грабежей, насилій, хищничества и всѣхъ подобныхъ дѣйствій, какими вообще отличалось всякое воеводство въ то время. Въ этомъ же случаѣ подлѣ воеводы становился выборный посадскій человѣкъ, и не въ подчиненномъ, а въ равномъ къ нему отношеніи. Сирота—посадскій, на равной ногѣ, въ равныхъ отношеніяхъ съ служилымъ (собственно съ дворянствомъ и всякимъ воеводствомъ) беретъ общее дѣло въ свои руки и руководитъ имъ въ тѣсномъ союзѣ, въ полномъ единеніи съ воеводою, чего доселѣ не бывало. Пишутъ они въ города грамоты и въ послахъ посылаютъ въ ряду съ дворянами непремѣнно и посадскаго, который въ городахъ долженъ дѣлать свое денежное дѣло, какъ дворянинъ дѣлаетъ свое ратное дѣло.

Такъ было устроено, по новому образцу, воеводство Нижегородскаго ополченія. Но нужна была и еще самая важная крѣпость. Нижегородцы, въ часъ своего воодушевленія, рѣшили на мірскомъ совѣтѣ собрать между себя деньги; но требовалось, чтобы денегъ достало не только на подъемъ, но и на продолженіе до конца этого патріотическаго движенія; требовалось обезпечить ратное дѣло со всѣхъ сторонъ; нужно было вѣрное и крѣпкое ручательство, что деньги будутъ, и ратные не будутъ сами ходить по крестьянскимъ избамъ собирать себѣ продовольствіе, какъ водилось тогда во всѣхъ другихъ полкахъ. Выборный земскій человѣкъ, на которомъ ложилась тяжелая обязанность обезпечить во всемъ новую рать, по необходимости тоже долженъ

былъ заручиться чѣмъ нибудь, чтобъ не разстроить всего подвига.

Когда, по указанію Пожарскаго,— что распорядителемъ этого дѣла могъ бы быть Мининъ, что ему то дѣло за обычай, бывалъ онъ служилый человѣкъ,— Нижегородцы приступили къ Минину съ просьбами взяться за дѣло, онъ долго отказывался, по совѣту съ Пожарскимъ же, и именно для той цѣли, чтобы выпросить мірской приговоръ или неподвижное заручное утвержденіе всего того, въ чемъ была крайняя необходимость, дабы установить Ополченіе на твердомъ, неколебимомъ основаніи. Приговоръ былъ данъ, и въ приговорѣ написано: «стоять за истину всѣмъ безъизмѣнно, къ начальникамъ быть во всемъ послушными и покорливыми и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ—брать не только имущество, а и дворы, и женъ, и дѣтей закладывать и продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было».

Мининъ приговоръ этотъ тотчасъ послалъ къ Пожарскому изъ боязни, чтобъ не взяли его назадъ. Но изъ этого видно, что приговоръ не былъ данъ на одно лицо Минина, а вѣроятнѣе всего былъ данъ, такъ сказать, самому дѣлу, столькоже и на имя Пожарскаго, или вообще на имя всей рати, ибо главный его пунктъ состоялъ въ томъ, чтобы ратнымъ деньги давать. Иначе не было причины посылать его скорѣй къ Пожарскому. Это же показываетъ, что народъ Нижегородскій вовсе не былъ народомъ театральнымъ. Онъ съ готовностью соглашался на всякія жертвы, ибо видѣлъ безъисходную гибель Отечества. Онъ желалъ одного—устроить крѣпкое и правильное Ополченіе и потому искренно радовался всякому доброму совѣту въ выборѣ достойныхъ къ этому дѣлу людей. Онъ обсуждалъ и эти выборы и самое дѣло безъ торопливости и не спѣша, многажды примѣривая, какъ будетъ лучше; ибо зналъ, что дѣло было великое, т. е. собственно трудное, которое, чтобы поднять однимъ посадомъ, надобны были великія, послѣднія силы. Но, какъ живая среда, онъ могъ передумывать свои рѣшенія, особенно на счетъ денежныхъ жертвъ, самаго важнаго и чувствительнаго пункта въ этомъ случаѣ. Онъ могъ подвергаться многочисленнымъ вліяніямъ, разнымъ враждебнымъ вѣтрамъ, въ виду общей бури, и вслѣдствіе того, могъ, какъ самостоятельная сила, разстроить доброе начинаніе. Необходимо было эту силу установить неподвижно на одномъ. Для этого искони-вѣковъ существовало въ земствѣ одно средство:—всемірный приговоръ, заручное утвержденіе своихъ рѣшеній всѣмъ міромъ. Очень хорошо понимая, что въ людяхъ всякое бываетъ, міръ по этому всегда въ надобныхъ случаяхъ и утверждалъ надъ собою широкую власть избраннаго дѣлать его мірское дѣло. Такъ утверждались въ своихъ должностяхъ даже земскіе старосты и другіе чины, ходившіе у мірскихъ дѣлъ: «намъ мірскимъ людямъ его сторосты во всякихъ мірскихъ дѣлахъ слушати; а не учнемъ его слушати, и ему насъ вольно и неволею къ мірскому дѣлу нудити; а ему намъ (міру) ни которыя грубости не учинить...» Вотъ что писывали въ своихъ приговорахъ земскіе люди и въ частныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ земскій приговоръ на какое либо общее дѣло всегда давалъ извѣстную степень диктатуры для исполнительной власти,

безъ чего, конечно, и по тому же разуму земства, невозможно было дѣлать никакое мірское дѣло. Но какая бы ни давалась диктарура, она всегда была ограничена, вопервыхъ цѣлями общаго дѣла, а потомъ обычаями и порядками земскаго юридическаго и общиннаго быта. Диктаторъ не могъ ничего дѣлать только по своей фантазіи: иначе возсталъ бы на него весь міръ. Въ такую фантазію историки нарядили Минина, заставивши его продавать бѣдныхъ богатымъ, чтобъ вытянуть у богатыхъ запрятанныя даже въ землѣ деньги. Фантазія эта основывается на буквальномъ толкованіи извѣстной рѣчи Минина: дворы, женъ, дѣтей закладывать и продавать, слова, которыя онъ внесъ и въ приговоръ. Историки говорятъ, что эти слова имѣли вовсе не риторическій, а дѣйствительный, буквальный и при томъ тяжелый смыслъ, именно, что «Мининъ, для пріобрѣтенія денегъ, пустилъ въ торгъ бѣдняковъ: за неимѣніемъ у нихъ денегъ, оцѣнивали и продавали ихъ имущества и отдавали ихъ семьи и ихъ самихъ въ кабалу; что имущества и люди шли за безцѣнокъ, потому что въ деньгахъ была нужда, а выставленнаго товара было много; да и требовалось, чтобъ покупать и брать въ кабалу богатымъ было очень выгодно, ибо только тогда они рѣшатся пустить въ обращеніе свои деньги!»

Можно себѣ вообразить этихъ несчастныхъ Нижегородскихъ богачей, накупившихъ себѣ въ кабалу на этомъ Африканскомъ аукціонѣ за безцѣнокъ по 50, по 100, по 200 дворовъ или хотя и меньше, но съ бѣдными, голодными семьями, которыхъ по этому слѣдовало кормить, обувать, одѣвать, отапливать, и безъ малѣйшей отъ нихъ пользы; ибо куда жъ было ихъ употреблять въ осеннюю и зимнюю пору, когда именно и происходила эта достопамятная торговля. Да и можно себѣ вообразить этихъ опять-таки театральныхъ бѣдняковъ, уныло и безсловно ожидавшихъ на торгу своей участи: изъ свободнаго посадскаго сдѣлаться на вѣчно или на время (объ этомъ историки не говорятъ) кабальнымъ холопомъ богача. И это все дѣлалось въ то время, когда государственной власти не существовало, и народъ, хотя и давшій приговоръ о послушаніи, но не давшій приговора о продажѣ въ кабалу людей, могъ даже законно, по приговору, тотчасъ, воспользоваться свободою всякаго буйства и непослушанія.

Но историки такъ убѣждены въ этомъ *фактѣ*, что усиливаются объяснить, какія отъ того случились для Руси зловредныя послѣдствія уже въ позднее время и указываютъ на множество бѣглыхъ кабальныхъ при царѣ Михаилѣ и на тѣсноту въ посадахъ отъ «мужиковъ-горлановъ», которые почему-то подразумѣваются богачами. Стало быть бѣдняки, распроданные Мининымъ, впослѣдствіи всѣ разбѣжались, и Нижній долженъ былъ опустѣть, остаться только съ богатыми?

Однакожъ источники прямо говорятъ, что Мининъ собиралъ деньги инымъ способомъ. Онъ «посадскихъ, торговыхъ и всякихъ людей *окладывалъ* съ кого, что̀ денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ»... Обычай былъ брать извѣстный процентъ, извѣстную долю, или съ капитала пожитковъ, или съ капитала промысловъ, напр. *пятую, третью долю*. Такъ было при сборѣ денегъ въ этотъ разъ. Кто напр. торговалъ на 300 р., какъ Мининъ, съ того брали 100 р., которые Мининъ и внесъ; у кого было

три копѣйки пожитковъ, съ того брали копѣйку и т. д., платили всѣ ровно, т. е. третью, пятую, десятую долю своего дохода или достатка, какъ назначалось по *окладу*. Если для кого было особенно больно такое равномѣрное собираніе оклада, такъ разумѣется для богачей. Они въ этомъ случаѣ должны были слишкомъ много платить сравнительно съ общимъ уровнемъ всякихъ житейскихъ даяній. Имѣвшій примѣрно три милліона долженъ былъ отдать цѣлый милліонъ. Это было до чрезвычайности тяжело, необычно и непривычно, ибо вообще богачи, хотя и много даютъ противъ ходячей цифры, но всегда даютъ очень и очень мало противъ своего достатка, сравнительно съ тѣмъ, что̀ даетъ бѣдный отъ своего достатка. Меньше полушки уже дать ничего нельзя, но полушка отъ рубля и рубль отъ тысячи, или сотня ото ста тысячь рублей-жертва слишкомъ различная. Чтобы такимъ образомъ уравнять плательщиковъ, земство и производило свои *оклады* по пожиткамъ и промысламъ, кто что имѣлъ. Слово *окладъ* не простой звукъ, который стоило произнести, и дѣло кончено. Это была цѣлая связь земскихъ отношеній. Въ окладчики выбирали міромъ людей честныхъ и душею прямыхъ, чтобъ богатымъ не дѣлали поноровки, а бѣднымъ неправеднаго утѣсненія. Они принимали присягу окладывать: «въ Божію правду, по Христовѣ Евангельской, непорочной заповѣди, еже ей ей»... По присягѣ они должны были опредѣлить въ точности достатокъ каждаго, кто что̀ могъ и долженъ былъ дать, слѣд. они должны были хорошо знать состояніе капиталовъ въ своей общинѣ, за что и призывались въ выборные. Кромѣ того, всѣ ихъ дѣйствія всегда были на глазахъ у всего міра, ибо окладываніе происходило на мірскомъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ плательщиковъ, гдѣ очень трудно было и утаивать свои промыслы и достатки. Вотъ съ какими порядками производились и оклады Минина. Они производились всею общиною; всѣ должны были другъ про друга сказывать правду— стоять за истину, какъ гласилъ общій приговоръ.

Впрочемъ есть положительныя оффиціальныя свидѣтельства, что никакого диктаторства со стороны Минина въ этомъ случаѣ не было и быть не могло. Изъ Нижегородской приходной книги этого времени узнаемъ, что сборы назначались не однимъ лицомъ Минина, а по приговору воеводы съ дворянами, и дьяковъ, и Козмы Минина съ земскими старостами и всѣми посадскими; а въ другихъ случаяхъ по такому же приговору, только безъ Козмы. Словомъ сказать, въ старомъ нашемъ земствѣ всякій, даже и копѣечный сборъ и на всякій случай, всегда неотмѣнно производился міромъ, по его разверсткамъ и розрубамъ, по самому возможно-вѣрному распредѣленію, кому что̀ въ силахъ платить. Плательщики могли сами продавать свое имущество или отдавать его натурою, чтобы уплатить по окладу свою долю; но по какому случаю должно было ихъ самихъ продавать въ кабалу, этого мы никакъ понять не можемъ. Они должны были принести долю своего достатка: каковъ былъ достатокъ, такова была и доля; дѣло тѣмъ и кончалось. Кличъ Минина: «женъ, дѣтей закладывать и продавать», обращался не столько къ бѣднымъ, сколько, и главнымъ образомъ, къ богатымъ, показывая имъ мѣру жертвы, которую должны были всѣ принести, т. е. высшую мѣру, какой не бывало. О богатыхъ и достаточ-

ныхъ и говорится въ грамотахъ, что они не пощадили себя. Пожарскій пишетъ между прочимъ, что въ Нижнемъ и въ иныхъ городахъ, люди сами себя ни въ чемъ не пощадили, сбирая съ себя деньги, *сверхъ окладныхъ* денегъ. (Вотъ въ чемъ собственно заключалась безпощадность сбора). Кто могъ сбирать съ себя деньги кромѣ денежныхъ же людей, кромѣ тѣхъ, у кого онѣ были?

Мы не стали бы долго останавливаться на измышленной продажѣ Мининымъ людей, еслибъ историки на этомъ основаніи не открывали у него измышленной же новой стороны характера: крутости его нрава, тяжести его руки и того, что онъ дѣйствовалъ, не останавливаясь предъ бѣдствіями другихъ и предъ тѣмъ, что̀ произойдетъ послѣ, т. е. былъ жестокъ, лишь бы была достигнута цѣль. Тяжесть его руки подтверждается напр. тѣмъ, что онъ не жаловалъ ни поповъ, ни монастырей, (хотя какъ завѣрялъ, ему и являлись святые прибавляютъ историки). Все это нежалованье заключается въ самомъ обычномъ въ то время обстоятельствѣ, что Мининъ обложилъ сборомъ монастыри и церковниковъ съ ихъ землями; а это всегда дѣлывало и государство въ подобныхъ общихъ сборахъ, иногда по настоянію земскихъ же выборныхъ, и духовенство всегда съ готовностью приносило и свои жертвы.

Такимъ образомъ, подумавши хорошенько, мы можемъ оставить Минина свободнымъ отъ взводимаго на него историками тяжкаго обвиненія.

Такъ какъ дѣла людей служатъ въ дѣйствительности лучшею характеристикою ихъ нравовъ, то посмотримъ, какъ Мининъ исполнилъ земскій приговоръ въ той его статьѣ, которая обозначена выраженіемъ: «а ратнымъ людямъ деньги давать, чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было».

Всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что ратные люди Нижегородскаго ополченія были во все время вполнѣ и съ довольствомъ обезпечены и жалованьемъ, и кормомъ; что не только свои, но и чужихъ полковъ люди, именно подмосковныхъ, отъ Заруцкаго и Трубецкаго, приходившіе въ станъ Пожарскаго, всегда получали довольное содержаніе и денежную помогу; что Мининъ «жаждущія сердца ратныхъ утолялъ, и наготу ихъ прикрывалъ, и во всемъ ихъ покоилъ, и сими дѣлами собралъ воинство немалое», прибавляетъ лѣтописецъ. Въ этомъ и состояла главнѣйшая и великая заслуга Минина; въ этомъ и обнаруживался его дальновидный, практическій умъ. Онъ хорошо понималъ, что никакіе диктаторскіе приговоры и никакія патріотическія воодушевленія не собрали бы ратныхъ, еслибъ нечего имъ было ѣсть или скуднобъ имъ было жить; а еслибъ и собрали, то отъ скудости развратили бы Ополченіе, и оно снова разсыпалось бы отъ буйства и грабежей. Довольное содержаніе служило крѣпкимъ основаніемъ для нравственнаго устройства полковъ. Жалованье онъ давалъ большое: первой статьѣ по 50 р., второй по 45 р., третьей по 40 р., и меньше 30 р. не было; по крайней мѣрѣ такъ устроены были въ началѣ самаго дѣла Смольняне, пришедшіе въ Нижній совсѣмъ раззоренными.

Какъ только промчалась молва о Нижегородскомъ собраніи и о такомъ устроеніи рати, то стали ратные съѣзжаться изо всѣхъ городовъ, а города по призыву Пожарскаго тоже

обрадовались и стали присылать и людей на совѣтъ и многую казну на расходы; ибо одной Нижегородской казны уже не доставало, о чемъ Пожарскій и писалъ грамоты. И была въ то время въ Нижнемъ во всѣхъ людяхъ тишина. Богъ призрѣлъ на ту рать и далъ между ними совѣтъ и любовь, такъ что отнюдь не было у нихъ никакой вражды и во всемъ была спорина: которые покупали лошадей за малую цѣну тощихъ, безсильныхъ, тѣхъ же лошадей черезъ мѣсяцъ продавцы не узнавали; отъ хорошаго корма и скотинка становилась доброю. Лѣтописцы не пропустили этого малаго случая и усердно занесли его въ лѣтопись наравнѣ съ большими дѣлами, что вполнѣ и характеризуетъ всякія другія свойства Нижегородскаго движенія и даетъ немалое освѣщеніе его главнымъ личностямъ.

За это въ высшей степени практическое и вмѣстѣ гуманное устроеніе рати Мининъ съ Пожарскимъ пріобрѣли однакожъ многія нареканія отъ извѣстнаго Аврамія Палицына, который обвинялъ ихъ за то, что въ Ярославлѣ они все только *учреждали*—кормили, обезпечивали, покоили ратныхъ жалованьемъ и трапезами, и затѣмъ будто бы и походъ очень медлился... Мы увидимъ, какъ былъ справедлявъ этотъ Палицынъ.

Таковъ былъ способъ расходованія Мининымъ собранной общественной казны. Онъ ее раздавалъ щедро, но разумно, ибо на ней держался весь этотъ достославный народный подвигъ. Ни одного намека въ лѣтописяхъ и въ другихъ актахъ о томъ, чтобы Мининъ обращался съ этою казною нечестно. Ни одного лѣтописнаго замѣчанія о томъ, чтобы Нижегородская рать была когда либо оскорблена со стороны расходованія казны, чтобы происходили въ казнѣ самовольные захваты со стороны начальниковъ. Между тѣмъ лѣтописцы никогда не молчатъ о такихъ дѣлахъ, у кого бы они ни случились.

Исторія недавно открыла новое свидѣтельство для біографіи Минина, которое даетъ указаніе, что онъ будто бы бралъ посулы-взятки и стало быть даетъ указаніе и о способахъ его обращенія съ общественною казною, т. е., говоря яснѣе и просто, даетъ намекъ на то, что онъ, беря посулы, могъ красть и казну. Свидѣтельство это состоитъ вотъ въ чемъ. Былъ противъ Нижняго монастырь, называемый Толоконцевскій, построенный бортниками при царѣ Ѳеодорѣ. Игуменъ этого монастыря проворовался, и пропилъ всю монастырскую казну, и всѣ грамоты и документы отдалъ Печерскому монастырю въ Нижнемъ. Печерскій и сталъ имъ владѣть, но незаконно будто бы. Въ Смутное Время бортники жаловались на это въ приказъ Большаго Дворца Борису Салтыкову да Ивану Болотникову (дьяку), которые, надо сказать, стали засѣдать въ этомъ приказѣ только съ 1613 г., съ прихода царя Михаила въ Москву. Но (говоритъ свидѣтельство) 22 Февраля 1612 г., то есть, когда Мининъ съ Нижегородцами шли къ Ярославлю, назначено было произвести обыскъ. Оказалось, что бортники были правы, что Нижегородскіе посадскіе старосты Андрей Марковъ и Кузма Мининъ Сухорукъ, «норовя Ѳеодосію архимандриту Печерскому, по дружбѣ и посуламъ, опять отдали Толоконцевской монастырь Печерскому». Вотъ и все. Свѣдѣніе невнятное и къ сожалѣнію невѣрное въ указаніи чи-

селъ. Не ясно, по какому праву посадскіе старосты распоряжались монастыремъ, какъ собственностью. Вообще это свѣдѣніе ничего доказывать не можетъ, ибо Толоконцевцы могли легко и прибавить о посулахъ, какъ въ подобныхъ челобитныхъ обыкновенно прибавлялись всякія вещи для бо̀льшаго объясненія своей правды. Надо отыскать особое слѣдствіе объ этихъ посулахъ, которое непремѣнно и разъяснило бы, кто правъ и кто виноватъ; а въ теперешнемъ видѣ это свидѣтельство представляется только сплетнею, недостаточною для тяжкихъ намековъ о личности Минина. Отъ сплетенъ никто не избавленъ. Что̀ же касается «бортниковъ» и ихъ вражды съ Нижегородскимъ посадомъ, то надо замѣтить, что вѣроятно это была вражда старинная и велась изъ-за какихъ либо поземельныхъ отношеній, какъ видно и изъ приводимаго спора о монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бортники усердно служили Смутѣ и еще въ 1607 г.: когда сосѣдніе Арзамазъ и Алатырь съ уѣздами отложились было отъ царя Василья, предавшись разумѣется измышленному царю, то и бортники за одно съ Мордвою и Русскими ворами тоже поднялись и осадили Нижній, который крѣпко стоялъ за настоящаго царя и освободился отъ враговъ лишь по случаю усмиренія Смуты царскими войсками въ Арзамасѣ и Алатырѣ, чего бортники съ дружиной испугались и разбѣжались прочь отъ города. Ясно, такимъ образомъ, изъ какого стана люди взводили на Минина, т. е. на Нижегородскій посадъ въ лицѣ его земскихъ судей, обвиненіе во взяткахъ и посулахъ.

Авторитетъ Минина, какъ человѣка высокой честности, высокихъ патріотическихъ добродѣтелей, утвердился не фантазіями нашихъ современниковъ, а правдивыми свидѣтельствами его современниковъ, которыя были въ великомъ множествѣ распространены въ хронографахъ въ теченіи всего XVII ст. и не подвергались сомнѣніямъ. Да и записали эти свидѣтельства очевидцы событій, принадлежавшіе къ различнымъ сторонамъ и партіямъ. У всѣхъ мы, напротивъ, находимъ особую симпатію къ Минину, а у иныхъ восторженныя ему похвалы. Легенды же пошли разумѣется еще дальше, и въ одной присвоивается ему же, помимо Пожарскаго, даже и воеводство надъ Ополченіемъ и всѣ побѣды подъ Москвою, съ изображеніемъ боярскаго высокомѣрія со стороны Трубецкаго, говорившаго: «вотъ мужикъ нашу честь хочетъ взять на себя, а наша служба и радѣнье ни во что будетъ! Я стою подъ Москвой немалое время... Посмотрю, что̀ будетъ у мужика того, увижу его промыслъ!»*)

Объ этомъ-то мужикѣ вотъ что писали его современники: „Воздвизаетъ Богъ нѣкоего мужа отъ христіанскаго (крестьянскаго) благочестиваго народа, не славнаго родомъ, но мудраго смысломъ, который, видя многихъ насильствуемыхъ, зѣло оскорбился и Зоровавельски поболѣлъ душею за людей Господнихъ: принялъ на себя молву безчисленныхъ печалей, всегда носился бурями различныхъ попеченій, непрестанно о своемъ дѣлѣ попеченіе имѣлъ; если и не искусенъ воинскимъ стремленіемъ, но смѣлъ (гражданскимъ) дерзновеніемъ, собралъ отъ народа многая сокровища сребра; одарилъ ратныхъ людей оброками довольными и такимъ способомъ собралъ многіе полки. И военачальника, искуснаго во бранѣхъ, кн. Д. М. Пожарскаго, совоспри-

*) Архивъ Историко-Юрид. Свѣдѣній, г. Калачова, кн. 1.

способилъ: самъ же никогда отъ полковъ не отлучался: какъ древній Гедеонъ всѣхъ сердца укрѣплялъ на враговъ: благимъ добронравіемъ своимъ, какъ солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ, военачальниковъ совокупилъ и всѣхъ храбрыхъ во едино собралъ...“

Витіеватыя фразы, изысканныя слова бывали въ то время всегда фразами и словами писательскаго восторга, о чемъ безъ риторики говорить было невозможно. Но поддѣльнаго восторга мы здѣсь не находимъ. Это только книжное выраженіе того, что другіе лѣтописцы обозначаютъ словами простыми, дѣловыми, излагая *дѣло*.

Однакожъ, какія черты личнаго характера мы можемъ раскрыть во всѣхъ этихъ словахъ? Первая и самая важнѣйшая черта, это то, что Мининъ способенъ былъ сильно, до глубины души, оскорбляться общественнымъ зломъ; не могъ онъ холодно и безучастно смотрѣть на насильство, которому подверглась вся Земля отъ иноземцовъ, а еще больше отъ своихъ воровъ. Душа его способна была заболѣть Зоровавельски, т. е. заболѣть чувствомъ народной свободы, какъ болѣла душа Зоровавеля, освободившаго свой народъ изъ Персидскаго плѣна, возстановившаго этому народу его храмъ Іерусалимскій. Но душа Зоровавеля высилась также чувствомъ истины, правды. Онъ лучше всѣхъ растолковалъ значеніе истины Персидскому Дарію. Параллель личности Минина съ этою библейскою личностью вспомянулась не безъ основанія, ибо и Мининъ служилъ правдѣ, занимая начальство «судныхъ дѣлъ» у своей братьи. Точно также указана другая пареллель, съ личностью Гедеона, возставшаго за свободу своего народа, съумѣвшаго собрать во едино всѣхъ храбрыхъ и достословно исполнившаго дѣло народнаго освобожденія. Можно понять, какъ современники смотрѣли на подвигъ Минина, когда приводили себѣ на память подобныя уподобленія. За тѣмъ изъ ихъ свидѣдельствъ видно, что, взявшись за дѣло, Мининъ отдался ему всѣмъ сердцемъ, не смотря на молву, т. е. на гнетъ безчисленныхъ печалей и всевозможныхъ затрудненій и препонъ; и способенъ былъ довести дѣло до конца, своимъ непрестаннымъ попеченіемъ о немъ со стороны денежнаго и матеріальнаго обезпеченія ратныхъ, своимъ благимъ добронравіемъ, т. е. своею гуманностью и любовью, со стороны примиренія враждующихъ интересовъ между начальниками рати, изъ которыхъ сумнящійся Иванъ Биркинъ отставленъ былъ отъ Ополченія приговоромъ всѣхъ же ратныхъ. Вотъ за эти-то основныя черты характера Мининъ естественно воспринялъ во всѣхъ людяхъ своей Нижегородской страны *власть* и *силу*, какъ выражается одинъ лѣтописатель, подавая поводъ къ зачисленію Минина и по этимъ словамъ къ сонму народныхъ демагоговъ. Но лѣтописецъ выразился: «во всѣхъ людяхъ», а не «надъ всѣми людьми», въ чемъ есть значительная разница въ смыслѣ самого дѣла. Эта сила и власть здѣсь значатъ не иное что, какъ общее довѣріе, общее уваженіе къ личности; это здѣсь значитъ, что Мининъ сдѣлался выборнымъ человѣкомъ всей Земли, исполнителемъ великаго земскаго дѣла.

Быть выборнымъ человѣкомъ въ своемъ посадѣ, да еще на должность начальника судныхъ дѣлъ—вещь немалая для любой личности; но стать выборнымъ человѣкомъ отъ всей Земли на подвигъ освобожденія Отечества, —это тоже не простой звукъ, а

весьма сложная связь жизненныхъ земскихъ отношеній, для которыхъ все это дѣло вовсе не было театральною игрушкою, а требовало послѣднихъ жертвъ, послѣднихъ силъ, и потому призывало или должно было призвать къ себѣ людей чистыхъ во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ, крѣпкихъ, прямыхъ душею и въ высокой степени честныхъ, не говоря о спеціальныхъ способностяхъ, какія были надобны уже непреложно. Конечно, если народъ Нижегородскій и весь нашъ старинный народъ, въ дѣйствительности былъ народъ театральный, сценическій пейзанъ, тогда подобныя соображенія не должны и въ голову приходить. Но пока мы будемъ искренно вѣрить и вѣровать, что у нашего стариннаго народа было несравненно больше здраваго смысла, чѣмъ въ написанной нами объ немъ Исторіи, то придется по необходимости внимательнѣе взглянуть на то обстоятельство, чѣмъ люди руководились и руководились ли чѣмъ нибудь, когда добровольно, безъ всякаго гнета предержащихъ властей, избирали и выбирали людей въ исполнители своего земскаго дѣла? Руководились ли они чѣмъ нибудь, когда отдавали въ полное распоряженіе свои послѣднія деньги въ руки, способныя вообще къ подлогамъ, чего на міру никакъ утаить было нельзя, и тотъ же Биркинъ постарался бы распространить худую молву о подложномъ видѣніи по всему народу? Руководились ли они чѣмъ нибудь, когда на-слово повѣрили Минину, что Пожарскій человѣкъ порядочный и въ воеводы годится, на-слово повѣрили Пожарскому, что Мининъ человѣкъ хорошій и способенъ справить дѣло? Много и очень много вопросовъ прежде необходимо рѣшить въ этомъ направленіи, а потомъ уже, для совершенной очистки дѣла, очень поможетъ этому дѣлу и возбужденіе вопросовъ обвинительныхъ, вопросовъ, оставляющихъ личность въ подозрѣніи.

По свидѣтельству наиболѣе достовѣрныхъ лѣтописей, Мининъ, начавшій народный подвигъ въ Нижнемъ, былъ первымъ же его двигателемъ и въ окончаніи дѣла, въ Москвѣ въ битвѣ съ Ходкѣвичемъ, о чемъ скажемъ ниже.

Царю Михаилу, въ чину думнаго дворянина, онъ послужилъ не долго, всего три года и скончался въ 1616 году, возвращаясь съ трудной и тяжелой службы розысковъ въ Казанскихъ мѣстахъ (съ пытками и даже казнями) по случаю какого-то возстанія Татаръ и Черемисы. Царь и слѣд. весь Дворъ питали къ нему большое довѣріе, которое выразилось въ 1615 г. порученіемъ ему беречь Москву вмѣстѣ съ ближними боярами на время путешествія къ Тройцѣ. Сынъ Минина Нефедъ началъ службу во дворцѣ, какъ и Пожарскій, въ чинѣ стряпчаго съ платьемъ и стольника, но тоже пожилъ недолго.

Въ жизни Пожарскаго, избраніе его въ воеводы всенароднаго Ополченія является дѣломъ первой важности, которое и придаетъ этой личности особенное значеніе. Почему избранъ былъ Пожарскій, а не другой кто? Воеводъ было много, а онъ въ добавокъ еще лѣчился отъ ранъ въ своей Суздальской вотчинѣ и слѣдовательно былъ удаленъ отъ сцены дѣйствій и дѣлъ. Историки говорятъ, что они не знаютъ, почему избранъ именно Пожарскій, и употребляютъ стараніе пояснить это темное мѣсто нашей Исторіи. Однако

его современники объ этомъ очень хорошо знали и записали все обстоятельство въ свои лѣтописи. Они разсказывали, что когда въ Нижнемъ, послѣ рѣчи Минина, пошелъ толкъ о выборѣ воеводы, какого человѣка выбрать, то положены были такія условія: выбрать «мужа честнаго, кому заобычно ратное дѣло, который въ такомъ дѣлѣ искусенъ и который въ измѣнѣ не явился»... Послѣднее условіе для Нижегородцевъ было важно не менѣе перваго. Они сами ни разу не являлись въ измѣнѣ и потому дружились только съ людьми, подобными себѣ, съ людьми крѣпкими и неизмѣнными. Они присягнули Шуйскому и въ виду даже общей измѣны стояли за него крѣпко, не вертѣли душой, какъ другіе, туда и сюда. Ихъ преданность, все-таки законно избранному государю, была извѣстна всѣмъ и когда Шуйскаго сводили съ престола, то ему было предложено, чтобы вмѣсто государства взялъ себѣ въ удѣлъ Нижній Новгородъ. Это была преданность не личности Шуйскаго, а преданность чему нибудь одному, одной мысли, одному какому порядку. Въ этомъ случаѣ Нижегородцы мыслили за одно съ главою духовенства, съ крѣпкимъ тоже человѣкомъ, патріархомъ Гермогеномъ. Такъ точно мыслилъ, какъ увидимъ, и Пожарскій, и вотъ чѣмъ объясняется его нравственная связь и быть можетъ настоящая дружба съ Нижегородцами. Затѣмъ Пожарскій всѣмъ извѣстенъ былъ, какъ храбрый и искусный во браняхъ воевода; даже и Поляки называли его искуснымъ воиномъ. Вольно объ этомъ не знать нашимъ историкамъ!

Первое, записанное лѣтописью, дѣло Пожарскаго, еще при Шуйскомъ, въ 1608 г., было подъ Коломною. Пришла въ Москву вѣсть, что отъ Владиміра идутъ подъ Коломну Литовскіе полки и Русскіе воры. Царь послалъ туда первымъ воеводою Пожарскаго, который, не дожидаясь прихода враговъ подъ городъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу, развѣдалъ тайно, гдѣ находится ихъ станъ, придвинулся туда въ ночь и на утренней зарѣ внезапно напалъ на враговъ, разбилъ ихъ на-голову, отгромивъ многую казну и запасы, «поби ихъ язвою великою». Въ это время воеводѣ было 30 лѣтъ.

На другой годъ онъ сѣлъ въ Москвѣ съ царемъ Шуйскимъ въ осадѣ отъ Тушинскаго вора. Извѣстно, каково было сидѣть въ этой осадѣ. Отъ голода и всякой нужды, а больше всего отъ измѣны, несчастный царь былъ почти всѣми покинутъ. Еще вначалѣ, послѣ первой боевой неудачи, тотчасъ многіе потянули въ Тушино съ князьями во главѣ, извѣстнымъ Трубецкимъ, Сицкимъ, Черкасскимъ-Мастрюкомъ и др. Это двинулся собственно царскій Дворъ искать въ Тушинѣ боярства и чиновъ, стольники, стряпчіе, жильцы, Московскіе дворяне, подъячіе и помѣщики разныхъ городовъ; а потомъ дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ поѣхали по домамъ, такъ что осталось изъ города человѣка по два и по три. Одно только дворянство Зарѣчныхъ далекихъ городовъ осталось крѣпкимъ царю и, сколько было силъ, защищало Москву.

Великое утѣсненіе Москвѣ въ то время дѣлалъ новоявленный воръ, Хатунскій мужикъ Сальковъ: запасы въ городъ приходили по одной Коломенской дорогѣ, — онъ и ту совсѣмъ отнялъ. Царь послалъ на Коломну князя Мосальскаго собрать запасы и доставить бережно въ Москву; но Сальковъ разбилъ его, отнялъ всѣ за-

пасы, а чего не могъ забрать съ собою, все пожегъ. Москва погибала отъ голода. Сальковъ двигался ближе къ столицѣ и сталъ у Николы на Угрѣшѣ. Посланъ былъ новый воевода Б. Сукинъ, ходившій тоже безъ успѣха. Царь наконецъ послалъ нѣсколько воеводъ по разнымъ дорогамъ. Изъ нихъ сошелся съ воромъ на Владимірской дорогѣ, на рѣчкѣ Пѣхоркѣ, князь Пожарскій. Былъ бой великій на многое время. Сальковъ былъ разбитъ и самъ едва успѣлъ убѣжать съ 30 человѣками, съ которыми послѣ и явился къ царю съ повинною.

За Московское осадное сидѣнье Шуйскій наградилъ Пожарскаго вотчиною, на которую грамата утверждена была и царемъ Михаиломъ. Въ ней писано: «Пожаловали за его прямую службу, что, будучи въ Москвѣ въ осадѣ въ нужное и въ прискорбное время, противъ враговъ онъ стоялъ крѣпко и мужественно и многую службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости...» Все это, конечно, были дѣла обыкновенныя, рядовыя, но только для прямыхъ и честныхъ людей, которыхъ оставалось въ то время не совсѣмъ много, такъ что ихъ пожалуй можно и по пальцамъ перечесть.

Въ 1610 г. съ 8 Февраля мы находимъ Пожарскаго воеводою въ Зарайскѣ. И здѣсь, на воеводствѣ, онъ во многомъ отличается отъ другихъ воеводъ. Еслибъ такіе воеводы были рядовыми и дюжинными въ то время, то не настала бы и не разошлась бы по всей Землѣ и самая Смута.

Извѣстно, что по смерти Скопина Шуйскаго, Ляпуновъ за одно съ бояриномъ кн. В. В. Голицинымъ завели бойкую агитацію противъ царя Василья, желая поскорѣе ссадить его съ царства, разумѣется для того, чтобы Голицину же сѣсть на его мѣсто. Ляпуновъ поднялся было на царя Василья еще въ первый годъ его царствованія. Онъ вмѣстѣ съ Сунбуловымъ, Пашковымъ, Болотниковымъ пришелъ подъ Москву. Стали они близь города въ Коломенскомъ и въ другихъ мѣстахъ и надѣлали царю много тревоги. Однако Скопинъ Шуйскій разбилъ ихъ всѣхъ и разсѣялъ; многіе тутъ же сдались или понесли повинную царю Василью, въ томъ числѣ Пашковъ и Ляпуновъ. Царь на радости все имъ простилъ, а Ляпунова пожаловалъ даже въ думные дворяне. Думный дворянинъ все таки царя не любилъ и не долго служилъ ему прямо. Въ томъ же 1610 г. онъ написалъ къ знаменитому Скопину Шуйскому грамотку: аки змія, такъ и онъ, льстивый человѣкъ, поздравлялъ князя Скопина на царствѣ, а царя Василья описалъ укорными словами, желая возъярить князя на царя, а предложеніемъ князю царства—остудить передъ царемъ его самаго. Такъ по крайней мѣрѣ повѣствуетъ лѣтописецъ. Скопинъ дѣйствительно, прибывши въ Москву и попировавши у дяди Дм. Шуйскаго, вскорѣ скончался, говорятъ отъ отравы. Ляпуновъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ разсылать грамоты по городамъ, разсказывая, что Скопина уморилъ царь Василій и что необходимо мстить его смерть и ссадить царя съ престола. Съ этой цѣлью онъ сталъ ссылаться и съ Тушинскимъ воромъ, стоявшимъ тогда въ Калугѣ. Въ Зарайскъ, гдѣ воеводствовалъ По-

жарскій, Ляпуновъ послалъ съ грамотою своего племянника. Это одно показывало, что агитаторъ хорошо зналъ мысли и характеръ Пожарскаго и чтобы успѣшнѣе склонить его къ своему дѣлу, отправилъ посломъ человѣка близкаго. Но Пожарскій не покривилъ душой и не согласился вести игру въ цари, ибо не могъ не видѣть, что здѣсь двигаетъ людьми не общій, земскій интересъ, а только личные, своекорыстные и честолюбивые замыслы. Посла онъ отпустилъ съ отвѣтомъ, что къ ихъ дѣлу не пристанетъ, а грамоту Ляпунова на-скоро отослалъ къ царю, требуя на помощь войска. Помощь была тотчасъ прислана, и Зарайскъ остался крѣпокъ отъ измѣны, вслѣдствіе чего и Ляпуновъ пересталъ ссылаться съ Калужскимъ воромъ. Но была дума у него большая на царя Василья; стали они съ кн. Голицинымъ крѣпко помышлять, какъ бы ссадить его съ царства. Явилось въ людяхъ такое мнѣніе, что отъ Тушинскаго царика отстать, да чтобы и царь Василій оставилъ царство. Тушинцы заговорили объ этомъ первые и говорили обманомъ. Бояре и вся Палата въ тихомолку были очень рады такой сдѣлкѣ и ссадили своего царя. Но отъ вора никто не отсталъ, а на оборотъ потянулись къ нему и тѣ, кто и прежде у него не бывалъ. Какъ же послѣ и позорили Тушинцы Московскихъ простаковъ! Они-то, по ихъ словамъ, и были настоящіе измѣнники, ибо не только ссадили своего царя, но еще больше опозорились тѣмъ, что отдали его своими руками въ плѣнъ Полякамъ. Бранное, позорное слово *измѣнникъ*, которымъ обыкновенно укоряли Москвичи Тушинцовъ, совсѣмъ потеряло свой истинный смыслъ. Всѣ поголовно сдѣлались измѣнниками и ворами. Того только и надобно было настоящимъ ворамъ.

Однако среди этого всеобщаго позора оставались личности чистыя, крѣпкія и прямыя.

Когда дѣло Шуйскаго клонилось уже совсѣмъ къ упадку, и разные города стали мало по малу отдаваться въ руки самозванца, городъ Коломна многое время стоялъ *въ правдѣ*, ни на какую вражью хитрость не прельщался. Но наконецъ покривились и Коломничи и присягнули самозванцу. Ни духовный ихъ владыка, епископъ, ни воеводы не въ силахъ были ничего сдѣлать. Воеводъ-то Коломничи заставили присягнуть первыхъ, а потомъ и сами стали присягать и послали грамоты въ Каширу и въ Зарайскъ, требуя и тамъ такой же присяги. Кашира съ радостью исполнила ихъ желанье. Тамошній воевода князь Ромодановскій, стоя за правду, воспротивился было цѣловать крестъ вору; но его едва не убили, заставили силою присягнуть, да въ добавокъ самого же послали къ вору съ повинною. Дошла очередь и до Зарайска. Здѣсь, по полученіи Коломенской грамоты, всѣ градожители стеклись къ воеводѣ Пожарскому, чтобъ также цѣловалъ крестъ вору. Но Пожарскій сталъ крѣпко съ немногими людьми, которые безъ сомнѣнія потому и не колебались, что видѣли опору въ воеводѣ. Толпы приходили къ нему, хотѣли тоже убить; но ни на что не прельщался воевода. Сильно укрѣплялъ его и соборный протопопъ Дмитрій, благословляя лучше умереть, чѣмъ приставать къ злому совѣту. Воевода, видя, что поборниковъ за правду мало, заперся съ ними въ кремлѣ въ осаду. Впрочемъ сильнымъ его союз-

никомъ въ этомъ случаѣ было то обстоятельство, что для смутнаго времени въ кремль свезено было все имущество и всѣ кормовые запасы горожанъ, такъ что, оставшись за стѣнами, они остались и безъ денегъ и безъ продовольствія. Это принудило мятежниковъ покориться; они прислали къ воеводѣ съ повинною и съ рѣчами, что цѣлують крестъ тому, кто будетъ Московскому государству царь. Пожарскій отвѣчалъ, что и теперь есть царь; для чего требуете другаго? Пожалуй, говорили горожане, мы согласны; если царь Василій будетъ по старому, будемъ и ему служить, а будетъ кто иной, и тому будемъ служить. Все дѣло, слѣд. состояло въ томъ, чтобъ служить избранному царю, а не вору; этого добивался Пожарскій, на чемъ и укрѣпился съ народомъ крестнымъ цѣлованьемъ. Послѣ того начало быть въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія; всѣ утвердились межъ себя и на воровскихъ людей начали ходить и ихъ побивать и вскорѣ обратили на свой путь и городъ Коломну. Такимъ образомъ Пожарскій умѣлъ быть храбрымъ, умѣлъ и пользоваться обстоятельствами, способными дать храбрости прочное положеніе. Воеводою въ Зарайскѣ онъ оставался и во время Междоцарствія.

Царя Василья ссадили съ царства и даже постригли, съ тою конечно цѣлью, чтобъ совсѣмъ изчезла въ народѣ мысль воротить его снова за престолъ. Приняли власть Русскаго государства *семь* Московскихъ бояриновъ; но ничтожно было для нихъ управленіе, иронически замѣчаетъ лѣтописецъ. Только два мѣсяца насладились властью! Очень многіе изъ нихъ тянули къ Литвѣ и наконецъ избрали себѣ въ цари Польскаго королевича Владислава, думая утишить тѣмъ Смуту, а главное получить отъ него вотчины и почести. Поляки вошли въ Москву, какъ въ свою вотчину и зажили припѣваючи. «Седмочисленные бояры», продолжаетъ свою иронію лѣтописецъ, отдали всю власть Русской земли въ руки Литовскихъ воеводъ. «Оскудѣша убо премудрые старцы и изнемогоша чудные совѣтники!» Правду писалъ къ народу и патріархъ Гермогенъ: «солгалось про старыхъ (старшихъ, большихъ) то слово, что красота граду старые мужи; а тѣ старые и молодому бѣду доспѣли!»

Боярскій подвигъ отдать Русскую землю во власть Поляковъ, конечно, вскорѣ долженъ былъ встрѣтить сильный отпоръ и негодованіе по всей Землѣ. Коварство враговъ тотчасъ было почувствовано и понято вполнѣ, и Земля стала собираться на свою защиту. Первое слово было произнесено патріархомъ Гермогеномъ. Оно, какъ тихій музыкальный, берущій за сердце, звукъ сначала прокрадывалось таинственно, становилось все громче и громче и затѣмъ охватило всѣ умы однимъ торжественнымъ аккордомъ. Но болѣе яркимъ запѣвалою и здѣсь явился тотъ же Прокопій Ляпуновъ. Первые же и независимо отъ него поднялись Нижегородцы. Тогда общею мыслію было: стать всѣмъ за одно, чтобъ выгнать изъ государства Ляховъ.

Чудные совѣтники-бояре употребляли всѣ мѣры, чтобы остановить движеніе. Зная, что первый его стремитель-патріархъ Гермогенъ, они требовали отъ него новыхъ грамотъ къ Прокофью и въ города, чтобы къ Москвѣ не собирались. Салтыковъ съ ножемъ даже приставалъ къ святителю. Но патріархъ, напротивъ, благословлялъ всеобщій походъ къ Москвѣ, разрѣ-

шалъ самую присягу королевичу, ставя неизмѣннымъ условіемъ его крещенье въ православіе и очищеніе государства отъ Литовскихъ полковъ.

Когда патріархъ остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи, правящая измѣнная власть, чтобы разстроить походъ Ляпунова, подозвала воевать на Рязанскія мѣста такъ называемыхъ Черкасъ, Малороссійскихъ казаковъ, съ которыми, конечно, тотчасъ соединились и толпы Русскихъ воровъ подъ предводительствомъ Исая или Исака Сунбулова. Повоевавъ многія мѣста, они между прочимъ захватили городъ Пронскъ. Ляпуновъ выбилъ ихъ изъ этого города, затѣмъ самъ былъ загнанъ въ него въ тѣсную осаду. Тогда не дремалъ Зарайскій воевода, Пожарскій. Собравшись съ Рязанцами и Коломничами, онъ двинулся къ Пронску и освободилъ Прокопія. Черкасы отступили къ Михайлову. Проводивъ Ляпунова къ Рязани, онъ поспѣшилъ въ свой Зарайскъ ибо ожидалъ и туда враговъ. Дѣйствительно, слѣдомъ за нимъ явились Черкасы и Сунбуловъ и въ ночь взяли Зарайскій острогъ—городовое укрѣпленіе вокругъ кремля. Пожарскій съ малыми людьми вышелъ противъ нихъ изъ кремля, выбилъ ихъ вонъ изъ острога и гналъ далече, безъ пощады побивая. Сунбуловъ утекъ къ Москвѣ, а Черкасы побѣжали на Украйну. Подвигъ былъ чуденъ и потому приписанъ чудотворенію Николы Зарайскаго.

Вотъ дѣла Пожарскаго до прибытія его въ Москву, описанныя современниками, слѣд. всѣмъ извѣстныя.

Мы видимъ, что онъ теперь усердно помогаетъ Ляпунову, выручаетъ его изъ бѣды, того именно Ляпунова, съ которымъ за нѣсколько времени не хотѣлъ соединиться противъ царя Василья, котораго грамоту отослалъ тотчасъ къ царю, какъ явное свидѣтельство его измѣнныхъ замысловъ, а вмѣстѣ и того, что требуется скорая ратная помощь. Теперь онъ съ Ляпуновымъ за одно; вмѣстѣ идутъ въ родной Ляпунову Рязанскій Переяславль, гдѣ Пожарскій принимаетъ отъ архіепископа Ѳеодорита благословеніе и возвращается защищать Зарайскъ. Теперь у обоихъ одна мысль—очистить Землю отъ Литвы и Поляковъ. И благословеніе Ѳеодорита, очень вѣроятно, еще больше освящало и укрѣпляло эту мысль, ибо не частный же случай это благословеніе, записанное лѣтописцемъ въ ряду разныхъ событій. Нѣтъ сомнѣнія, что архіепископъ благословлялъ ихъ на задуманный походъ.

Когда побѣдою Пожарскаго Рязанская земля была очищена отъ казаковъ и всякихъ воровъ, воеводы изо всѣхъ городовъ собрались и двинулись къ Москвѣ.

Пожарскій пришелъ первый. Какъ онъ пришелъ, намъ неизвѣстно. Былъ ли онъ передовымъ всей Рязанской рати, которою предводительствовалъ Ляпуновъ или, по общему совѣту, пришелъ независимо отъ Ляпунова, какъ независимый воевода Зарайскій: лѣтописцы не упоминаютъ объ этомъ. Они утверждаютъ только, что къ Москвѣ пошли всѣхъ городовъ воеводы. Само собою разумѣется, что самъ по себѣ, однимъ лицомъ, Пожарскій не могъ явиться въ Москвѣ. Не могъ онъ самовольно оставить воеводство, да и очень не безопасно было ѣздить тогда безъ ратныхъ людей. Какъ бы ни было, но Пожарскій былъ уже въ Москвѣ, и выпала ему завидная доля первому же и начать борьбу съ Ляхами для очищенія Москвы и государства.

Это первое, чудовищное дѣйствіе драмы прозывалось потомъ Московскимъ раззореньемъ, «Московскою розрухою». Послушаемъ, что̀ разсказываетъ объ этой розрухѣ самовидецъ и участникъ въ дѣйствіи, Полякъ Маскѣвичь.

«Мы были осторожны, вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ многочисленныя войска къ столицѣ. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу... Во вторникъ (на Страстной) по утру въ Китай-городѣ наши поссорились съ Русскими. По совѣсти не умѣю сказать, кто началъ ссору, мы ли, они ли. Кажется однако, наши подали первый поводъ къ волненію, поспѣшая очистить Московскіе домы до прихода другихъ: вѣрно кто нибудь былъ увлеченъ оскорбленіемъ, и пошла потѣха.... Завязалась битва сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40000); потомъ въ Бѣломъ городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, раставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ за ограды: они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столы и лавки и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, каменями, дрекольемъ... Жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ, ибо, по тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ. Каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: огня! огня! жги домы!.. Пожаръ занялся и погналъ Русскихъ изъ засадъ... На другой день отданъ былъ приказъ зажечь весь городъ, гдѣ только можно... Пламя охватило домы и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало Русскихъ.... Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны; огонь охранялъ насъ... Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ *бояръ*, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться.... И такъ (уже и на третій день) мы снова запалили ее, по изреченію Псалмопѣвца: «градъ Господень измету, да ничтоже въ немъ останется». Смѣло могу сказать, заключаетъ Маскѣвичь, что въ Москвѣ не осталось ни кола, ни двора».

Записки Жолкѣвскаго прибавляютъ, что во время общей борьбы «въ чрезвычайной тѣснотѣ людей, происходило великое убійство. Плачь, крикъ женщинъ и дѣтей представляли нѣчто подобное дню Страшнаго Суда; многіе изъ нихъ съ женами и дѣтьми сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ... Такимъ образомъ столица Московская сгорѣла съ великимъ кровопролиті-

емъ и убыткомъ, который и оцѣнить нельзя.»

Согласно разсказываютъ объ этой Московской розрухѣ и наши лѣтописцы. Они говорятъ, что на Страсной недѣлѣ, во вторникъ, 19 Марта, на разсвѣтѣ, Ляхи начали побивать Москвичей сначала въ Китай-городѣ, въ торговыхъ рядахъ, гдѣ всѣхъ посѣкли, кого только нашли. Изъ Китая пошли къ Тверскимъ воротамъ, но тамъ встрѣтили сильный отпоръ со стороны стрѣльцовъ, которые не выпустили ихъ изъ города. Отсюда они кинулись на Срѣтенку, прокладывая себѣ дорогу безпощаднымъ убійствомъ. Здѣсь ихъ ожидалъ Пожарскій въ соединеньи съ пушкарями (по близости былъ Пушечный дворъ). При помощи пушекъ, онъ отбилъ враговъ, *втопталъ* ихъ обратно въ Китай-городъ и поспѣшно устроилъ острожекъ-крѣпостцу у церкви Введенія Богородицы. Иныя Польскія роты бросились на Кулишки;— тамъ заперъ имъ выходъ изъ города Ив. Бутурлинъ, стоявшій у Яузскихъ воротъ. Опустошивъ Кулишки, враги перебрались за Москву рѣку, но и тамъ встрѣтили отпоръ отъ Ив. Колтовскаго. Послѣ того занялся пожаръ. Первый сталъ поджигать свой же дворъ начальникъ всему злу, Михаилъ Салтыковъ.

На другой день, въ среду, пришелъ на помощь передовой отрядъ Ляпунова съ воеводою Ив. Плещеевымъ, а въ тоже время пришелъ на помощь Полякамъ полковникъ Струсь. Плещеевъ былъ отбитъ и прогнанъ отъ Москвы. Между тѣмъ враги зажгли деревянный городъ. Замоскворѣцкій отрядъ Ив. Колтовскаго въ ужасѣ отъ пожара весь разбѣжался, кто куда. Поляки двинулись снова на Срѣтенку и на Кулишки. Пожарскій съ малыми людьми остановилъ ихъ натискъ у своего Введенскаго острожка. Онъ бился съ ними цѣлый день, не давалъ имъ жечь этой мѣстности и не пропустилъ ихъ за Бѣлый городъ. Наконецъ, изнемогши отъ великихъ ранъ, палъ на землю, заплакавши горько, «не терпя видѣти толикія скорби людямъ» и желалъ лучше умереть, чѣмъ жить посреди такого бѣдствія.

Его отвезли въ Сергіевъ монастырь. Съ паденіемъ Пожарскаго пала и послѣдняя оборона Москвы. Оставшіеся люди, увидѣвши, что нѣтъ у нихъ помогающаго и владѣющаго, кто бы могъ управить оборону, всѣ въ отчаяніи побѣжали изъ Москвы, куда глаза глядятъ. Большая часть однако направилась на сѣверъ по Троицкой дорогѣ. Помощи дѣйствительно ни откуда не было. Воеводы, шедшіе изъ городовъ, сами не ускорили своего похода и впередъ себя никого не прислали. Такъ окончился первый актъ освобожденія Москвы.

Мы видѣли, что центромъ обороны въ это время былъ поставленный Пожарскимъ Введенскій острожекъ, а центромъ энергіи, нравственной поддержки и вліянія былъ самъ Пожарскій. Онъ упалъ, и все ослабѣло, распустилось и побѣжало, кто куда. Онъ не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго. Но въ его обстоятельствахъ было и то необыкновенно, чтобъ не уйдти съ поля, какъ напр. ушелъ Колтовской, испугавшись пожара. Онъ, напротивъ, сталъ еще крѣпче и долго не давалъ жечь по крайней мѣрѣ того, что̀ оставалось еще подъ его защитою.

Въ его обстоятельствахъ было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ воспользоваться тѣми средствами обороны, какія еще оставались въ рукахъ. Онъ сосредоточилъ свою энергію около пу-

шкарей и Пушечнаго двора, поставилъ для пушекъ же и Введенскій острожекъ. Маскѣвичь засвидѣтельствовалъ, какъ дѣйствовали эти пушки. Такимъ образомъ Пожарскій не выпустилъ обыкновеннаго дѣла изъ своихъ рукъ и съумѣлъ нанести врагу достаточно вреда. Пожарскій израненный въ отчаяніи горько плакалъ, видя неминуемую погибель народа и не видя никакихъ средствъ помочь ему. Въ эту минуту онъ естественно желалъ лучше помереть, чѣмъ жить. Онъ не сдѣлалъ ничего необыкновеннаго. Онъ чисто и честно исполнилъ обыкновенный долгъ сына родной земли, и только! Точно также обыкновенно онъ велъ себя и во всѣхъ прежнихъ своихъ дѣлахъ съ врагами, поражая Салькова, Черкасъ, Сунбулова, отказываясь отъ измѣны Ляпунова и потомъ энергично помогая тому же Ляпунову... Не нужно особенно зоркихъ глазъ, чтобы разсмотрѣть, чѣмъ именно были всегда исполнены побужденія Пожарскаго. Не за личныя цѣли онъ стоялъ и не цѣлямъ какой либо партіи онъ служилъ; онъ стоялъ за общее земское дѣло и служилъ ему чисто, прямо и честно. Вотъ эти-то обыкновенныя его дѣла и дѣйствія и придали его личности необыкновенное для того времени значеніе, которое было хорошо понято въ Нижнемъ и тамъ же обозначено желаніемъ найдти воеводу, который бы «въ измѣнѣ не явился», который бы не припадалъ на всякія стороны, смотря, гдѣ выгоднѣе для чести или для корысти, какъ поступало большинство тогдашнихъ князей, бояръ и воеводъ.

Такимъ образомъ Нижегородскій народъ, выбирая Пожарскаго, поступалъ со всѣхъ сторонъ очень разсудительно, основательно и самостоятельно, ибо хорошо зналъ, кого выбиралъ и вовсе не нуждался въ томъ, чтобъ его въ этомъ выборѣ кто либо особенно подгонялъ. Какъ только было произнесено имя Пожарскаго, то весь городъ и остановился на этомъ лицѣ, не отыскивая другаго, и стоялъ въ своей мысли въ теченіи всей зимы. Стояли на той же мысли и съѣхавшіеся потомъ въ Нижній князья, бояре, воеводы, очень бо́льшіе передъ Пожарскимъ честью своего отечества. Но историки говорятъ, что были и другіе хорошіе люди, «не менѣе Пожарскаго безупречные и болѣе его заявившіе о своихъ способностяхъ» и при этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, указываютъ на Ѳедора Шереметева. Если это пожалованный Разстригою бояринъ Ѳед. Ив. Шереметевъ, то извѣстно, что онъ при Шуйскомъ безуспѣшно и долго стоялъ подъ Астраханью и потомъ съ большимъ успѣхомъ шелъ оттуда къ Москвѣ, побивая мятежниковъ, очищая отъ нихъ поволжскіе, понизовые города вплоть до Касимова, хотя, въ заключеніе, у Суздаля, былъ съ многочисленнымъ войскомъ на голову разбитъ Лисовскимъ, по той причинѣ, что, при движеніи къ Суздалю, того не вѣдалъ, что у Суздаля крѣпкаго мѣста нѣтъ, гдѣ бъ было пѣшимъ людямъ укрѣпиться — все пришли поля. Самъ воевода едва утекъ во Владиміръ. Этой неудачей онъ безславно покрылъ всѣ прежнія удачи и такъ тогда смутилъ Москву, что она не хотѣла вѣрить даже и успѣхамъ Скопина, побѣдоносно двигавшагося также къ Москвѣ, съ Сѣвера. Затѣмъ, въ Междуцарствіе, этотъ Ѳед. Ив. Шереметевъ находится въ томъ седмочисленномъ сонмѣ бояръ, который поспѣшилъ присягнуть королевичу Владиславу и потомъ отдалъ правящую власть въ руки Поля-

ковъ, о чемъ такъ иронически разсказываетъ лѣтописецъ. Самый договоръ съ Жолкѣвскимъ объ избраніи Владислава на царство, велъ и утвердилъ тотъ же Шереметевъ, какъ избранный Думою, въ числѣ троихъ бояръ, третьимъ послѣ Мстиславскаго и Голицина. Дальше: въ концѣ Генваря 1612 года, слѣдовательно, когда почувствовано было этими чудными совѣтниками настоящее движеніе народа и именно на Низу, тотъ же Шереметевъ подписывалъ вмѣстѣ съ другими, но кромѣ патріарха, увѣщательныя грамоты въ города, напр. на Кострому, въ Ярославль, наказывая народу, чтобъ не собирались идти подъ Москву (для ея освобожденія!) а чтобъ вѣрны были присягѣ Владиславу. Вотъ чѣмъ Шереметевъ заявлялъ свою безупречность и свои способности въ бóльшей степени, чѣмъ Пожарскій. Здѣсь умъ Шереметева совсѣмъ расходился съ умомъ народа, который совсѣмъ не такъ понималъ свои отношенія къ Русской землѣ. Всѣ бояре послѣ говаривали, что они подписывали позорныя грамоты изъ подъ неволи, изъ смертной боязни; но передъ ними же, передъ всѣми, стоялъ неколебимо патріархъ и грамотъ не подписывалъ. Стало быть онъ одинъ только былъ храбрый человѣкъ! Оттого Мих. Салтыковъ и забралъ себѣ всю власть, что всѣ остальные были или трусы, или сторонники Поляковъ. Середнее положеніе было только за патріархомъ Гермогеномъ. Но онъ себѣ подражателей не нашелъ. Вообще же историки не замѣтили главной причины, почему Нижегородцы совсѣмъ не могли выбрать въ воеводы Шереметева. Этотъ герой находился тогда очень далеко отъ нихъ. Онъ сидѣлъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ рукахъ у Поляковъ, по указкѣ которыхъ, если не по собственной волѣ, и разсылалъ грамоты, чтобъ Нижегородцы и никто изъ городовъ подъ Москву спасать Отечество не собирались. Ѳед. Шереметевъ занялъ очень видное мѣсто при царѣ Михаилѣ, по той особенно причинѣ, что былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, княжнѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской. Лучшею характеристикою этого боярина, какъ и многихъ другихъ тогдашнихъ бояръ и сановниковъ, служитъ существующее (по свидѣтельству П. И. Мельникова) его письмо къ Голицину, въ которомъ онъ объявляетъ: «Выберемъ (на царство) Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ». Смыслъ этого письма таковъ, какъ очень справедливо замѣчаетъ г-нъ Костомаровъ, что бояре склонились къ выбору Романова, между прочимъ потому, что при его молодости и неопытности думали править сами и поступать по своей волѣ. Такъ въ дѣйствительности и было въ первое время царствованія Михаила, пока не явился дѣятелемъ управленія его отецъ Филаретъ, одинъ изъ крѣпкихъ людей смутной эпохи.

Ровно черезъ недѣлю послѣ Московскаго разгрома пришли, наконецъ, воеводы изъ городовъ, первый—Прокопій Ляпуновъ съ Рязанцами, Трубецкой и Заруцкій изъ Калуги, дружина Тушинскаго вора; пришелъ кн. Репнинъ съ Нижегородцами, пришли съ воеводами Арзамазцы, Муромцы, Владимірцы, Костромичи, Ярославцы, Романовцы, Угличане, Каширяне,—и Москву осадили нà крѣпко. Но прежде чѣмъ разсказывать, какъ дѣйствовали эти воеводы, лѣтописецъ тотчасъ же прямо начинаетъ повѣсть о томъ, что была у нихъ подъ Моск-

вою *разнь* великая и безо всякаго дѣла стояли многіе дни. Ратные люди всѣхъ полковъ сошлись на совѣтъ, объяснили, что отъ множества воеводъ и отъ ихъ несогласій только замѣшательство ратному дѣлу, не знать, кого изъ нихъ слушать; и порѣшили выбрать начальниковъ, кого бъ одного слушаться. Выбрали Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова. Выборъ первыхъ двухъ прямо и показывалъ, что въ войскѣ господствовала партія Тушинская, казацкое *атаманье*, какъ выражался патріархъ Гермогенъ. Однако Ляпуновъ, какъ настоящій диктаторъ, забралъ всю власть въ руки къ себѣ. Ненавидя вообще измѣнниковъ-бояръ, призвавъ въ ополченіе ихъ же холоповъ, съ объявленіемъ имъ свободы, онъ давалъ сильно чувствовать свою власть *отецкимъ* дѣтямъ, т. е. тому же боярскому сословію, у котораго однакожъ, какъ у сословія помѣщиковъ, онъ всетаки былъ главнымъ представителемъ. Приходили къ нему на поклоненіе и стаивали у его избы многое время, дожидаясь, когда приметъ или когда выйдетъ. Съ казаками Тушинской дружины онъ поступалъ еще хуже. За то была на него ненависть великая. Съ другой стороны Заруцкій опирался только на своеволіе казаковъ, понабралъ себѣ въ кормленіе много городовъ и волостей и на казацкое насиліе и буйство всегда смотрѣлъ сквозь пальцы, потому что искренно дружилъ только Полякамъ. За то и на него отъ всей Земли была ненависть великая. Трубецкой во всѣхъ случаяхъ держался стороны Заруцкаго. Таковъ былъ составъ этого ополченія.

Очень понятно, что среди такихъ огней скоро должна была возродиться мысль объ избраніи какого либо законнаго царя, хоть «гиршого да иншого», чтобъ по крайней мѣрѣ освободить себя отъ деспотизма избранныхъ воеводъ. Еще больше должны были разсуждать объ этомъ сами воеводы, чтобъ избавиться другъ отъ друга и именемъ новаго царя завладѣть властью вполнѣ. Придумали послать въ Новгородъ просить царя изъ за моря, у Варяговъ, Шведскаго королевича Филиппа. У Заруцкаго же съ казаками и съ иными боярами и дворянами была другая мысль: они хотѣли подойти поближе къ цѣли и думали посадить на царство Калужскаго воренка, Маринкина сына. Она же въ ту пору и жила не далеко отъ Москвы, въ Коломнѣ.

Между тѣмъ ратнымъ людямъ отъ воеводскаго управленія пришло не-въ мочь. Снова они собрались на совѣтъ и написали воеводамъ отъ всей рати челобитную, въ которой просили чтобъ воеводы были между собою въ совѣтѣ и ратныхъ людей жаловали бъ по достоинству, а не выборомъ и не черезъ мѣру; и себѣ бы взяли вотчины тоже въ мѣру, а остальныя вотчины и всякія земли взять бы во Дворецъ и тѣмъ кормить и жаловать ихъ, ратныхъ людей. Также между собою всѣмъ ратнымъ другъ друга не попрекать—кто служилъ въ Тушинскихъ таборахъ и кто служилъ въ Москвѣ царю Василью. А о боярскихъ дворовыхъ людяхъ, которые ушли отъ бояръ-измѣнниковъ и теперь въ казакахъ, помыслить и сказать имъ указъ, въ какомъ чинѣ имъ служить... Ясно, что въ ратныхъ людяхъ просыпались здравыя политическія стремленія: они хотѣли порядка, правильнаго устройства, хотѣли забыть позорное прошлое, кто, какъ и гдѣ измѣнно служилъ или дѣйствовалъ, въ Тушинѣ или въ Москвѣ; хотѣли

какъ бы обновиться, начать новую жизнь... Начальники, прочитавши челобитную, стали судить объ ней разно. Трубецкому и Заруцкому она очень не полюбилась, именно по поводу вотчинъ, что̀ вполнѣ и обнаруживало, съ какими цѣлями и зачѣмъ именно они передвинулись отъ Калуги къ Москвѣ. Ради окаянныхъ вотчинъ передвигались они отъ одного самозванца къ другому, а потомъ и пришли къ Москвѣ, гдѣ пока еще мутной воды было много и еще можно было уловить не одну рыбку, а пожалуй и цѣлую рыбицу, какъ уловилъ себѣ Заруцкій богатую область Вагу, а за нимъ потомъ и Трубецкой уловилъ ее же.

Ляпуновъ, починомъ котораго вѣроятно и челобитная была написана, показалъ себя другимъ человѣкомъ. Онъ примкнулъ къ челобитной и, вопреки желанію товарищей - воеводъ, велѣлъ составить приговоръ, который былъ написанъ 30 Іюня и съ большими подробностями распространялся главнымъ образомъ о правильномъ распредѣленіи помѣстій и вотчинъ, грозя отнимать, кто забралъ не по своей мѣрѣ, слишкомъ много, взыскивать неправильно собранные доходы и т. п., что̀ все должно было окончательно возстановить противъ Ляпунова всѣхъ воровъ и грабителей. Замѣчательно, что въ приговорѣ, наравнѣ съ другими, участвовали и *дворовые*, т. е. боярскіе холопи. Таковы были внутреннія, домашнія отношенія въ первой рати, собравшейся на очищеніе Москвы. Съ Поляками она билась все таки крѣпко и храбро, почти каждый день. Три дня дрались съ Сапѣгою и заставили его отойдти отъ Москвы; очистили отъ враговъ весь Бѣлый Городъ, надѣлали въ немъ много укрѣпленій. Но все это строилось энергіею Ляпунова. Писался онъ третьемъ послѣ Тушинскихъ бояръ, какъ думный дворянинъ; но на дѣлѣ былъ первымъ и главнымъ, и распоряжался самостоятельно. Но скоро насталъ часъ и для него. Какъ слѣдовало ожидать, дѣло вышло изъ за казаковъ. Казаки больше всего воевали по селамъ и деревнямъ и по большимъ дорогамъ, грабя и побивая торговыхъ и всякихъ запасистыхъ людей. Прокопій много разъ въ разрядѣ говорилъ князю Трубецкому, Заруцкому, Просовецкому, чтобъ унимали своихъ казаковъ, что торговымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ проѣзда въ Москву, а оттого и всей рати нужда во всемъ. Атаманье объясняло, что воровать казакамъ оно не позволяетъ, а что если кто тайно ѣздитъ, тѣхъ велитъ ловить, казнить смертью, а нельзя поймать, такъ на мѣстѣ ихъ побивать. Порѣшивши такъ (о чемъ Прокопій разослалъ по городамъ и грамоты), казаки стали ѣздить на грабежъ уже станицами, человѣкъ по 200, по 300 и больше. Какъ ихъ ловить и какъ на мѣстѣ побивать? Однако подобный случай не замедлилъ. У Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ поймалъ такихъ воровъ 28 человѣкъ и посажалъ ихъ въ рѣку, потопилъ. Но трупы были привезены въ Москву на зрѣлище всему казачеству. Тогда оно и поднялось на Прокопья всѣмъ казацкимъ *кругомъ*. Прокопій было побѣжалъ въ свою Рязань, но ратные возвратили его и упросили остаться по прежнему. Тогда принялся за дѣло соперникъ его Заруцкій, сговорившись съ Гонсѣвскимъ, Польскимъ воеводою Кремля. Была поддѣлана подъ руку Ляпунова измѣнная грамотка, что онъ сносится съ Поляками. Казаки потребовали его въ кругъ для земскаго дѣла. Онъ было не шелъ,

но атаманье поклялось, что ничего худаго ему не сдѣлаютъ. Однако для земскаго дѣла ни Трубецкой, ни Заруцкій не вышли въ кругъ. Начался великій шумъ, споръ; но атаманъ Сергѣй Карамышевъ разомъ все покончилъ, начавъ Прокопья сѣчь саблею. Сказалъ было прежній великій недругъ Прокопья Ив. Ржевскій прямое, смѣлое слово, что губятъ Прокопья неповинно, но тутъ же и погибъ за одно съ нимъ.

Смерть Ляпунова произвела потрясающее впечатлѣніе на всю рать, особенно на дворянское земство, на прямыхъ служилыхъ людей, которые и поспѣшили убраться подальше отъ Москвы. Иные, кто былъ повороватѣе и похитрѣе, покупали себѣ у Заруцкаго воеводства и начальства и тоже по добру по здорову удалялись отъ злодѣевъ. Какъ потомъ неистовствовали казаки надъ служилымъ дворянствомъ, объ этомъ лѣтописцы разсказываютъ слѣдующее. Вскорѣ принесенъ былъ изъ Казани образъ Богородицы, списокъ съ чудотворной. Всѣ ратные вышли встрѣчать святыню пѣшими, а Заруцкій съ казаками выѣхалъ на коняхъ, непочтительно и невѣжливо. При этомъ казаки явили великое самовластіе: всѣхъ ратныхъ позорили, лаяли и поносили, а многихъ и били; ратные въ великомъ ужасѣ и страхѣ думали, что ихъ всѣхъ побьютъ, какъ Ляпунова. За тѣмъ во время отбоя отъ Поляковъ Дѣвичьяго монастыря, на битвахъ, многіе *честные* люди, стольники, дворяне, искали сами себѣ смерти, отъ казачьяго насилія, безчестія и позору. Особенное гоненіе и тѣсненіе было отъ понизовыхъ казаковъ, отъ Волжской вольницы, въ которой много было боярскихъ холопей. Они продолжали мстить боярству помѣщичьи обиды и наказывали его за начатую смуту тѣмъ же оружіемъ. Служилые почти всѣ разошлись по домамъ. Осталась подъ Москвою рать Тушина и Калуги, рать Тушинскаго царика, подъ начальствомъ его бояръ Трубецкаго и Заруцкаго, который сдѣлался теперь полнымъ властелиномъ, ибо Трубецкой игралъ при немъ ничтожную роль. Конечно, эта рать приносила Москвѣ весьма двусмысленную помощь. Она и не устояла противъ Сапѣги, который успѣлъ спокойно доставить запасы осажденнымъ въ Кремлѣ Полякамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбилъ ее съ Бѣлаго Города. Потомъ она отбила Ходкѣвича; но, вѣроятно, потому что онъ пришелъ прямо на таборы, значитъ было уже необходимо за себя постоять; а затѣмъ во все время дорога врагамъ въ Кремль и изъ Кремля была вообще не совсѣмъ закрыта, и особенной тѣсноты имъ не было. Такъ вели себя Тушинскіе воеводы потому, что имъ главнымъ образомъ нужно было только *стоять* у Москвы, какъ они стояли еще въ Тушинѣ, ибо это *стоять* значило пользоваться кормленьемъ и доходами съ городовъ, дворцовыхъ богатыхъ селъ, съ вотчинъ и волостей, раздавать вотчины своимъ доброхотамъ и совѣтникамъ, первенствовать и владычествовать надъ Землею. Вотъ почему они хотѣли сначала присягнуть Калужскому воренку, а потомъ присягнули новому самозванцу, появившемуся во Псковѣ, но ими же вѣроятно и поставленному. Съ такими царями можно было очень долго *стоять*, домогаясь будто бы очистить Москву отъ Польской силы.

Ив. Забѣлинъ.

(Продолженіе впредь)

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ ГРАФИНѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ПОТЕМКИНОЙ.

Je suis bien heureux, madame, que le triste service que j'ai pu vous rendre, ait pu vous offrir quelques instants de consolation. Je désire que vous puissiez vous persuader, combien il est pénible pour moi d'être forcé à des mesures, qui, tout indispensables qu'elles sont pour le bien-être *de tous*, plongent des familles entières dans le désespoir;—je crois que je ne suis pas moins à plaindre qu'eux!

Puissai-je être à même de pouvoir vous être utile en quoique ce fut; vous avez besoin de consolation, *je le sais*, et pardonnez moi l'expression, je ne vous en estime que plus dans votre résignation. Disposez de moi toujours, et croyez que c'est une jouissance que vous m'accorderez et un service que vous me renderez.

Les ordres sont donnés pour l'entrevue que vous me demandez; je l'ai fixée au lundi de Pâques, ce jour étant le plus rapproché de l'époque que vous m'avez désignée.

Conservez moi votre confiance et veuillez croire à la parfaite et sincère estime que je vous porte.

Votre bien sincèrement affectionné

Nicolas.

Sarskoe-Selo
le 4 Avril 1826.

Подлинникъ писанъ на траурной бумагѣ. На конвертѣ, запечатанномъ печатью съ двуглавымъ орломъ, своеручная надпись: „Ея сіятельству Елизаветѣ Петровнѣ Потемкиной". Она просила Государя дозволить брату ея, князю Сергѣю Петровичу Трубецкому, заключенному въ Петропавловской крѣпости, повидаться съ его супругою.

ПЕРЕВОДЪ.

Я весьма счастливъ, графиня, что печальная услуга, которую я имѣлъ возможность вамъ оказать, доставила вамъ нѣсколько минутъ утѣшенія. Желаю, чтобы вы убѣдились, какъ тяжело для меня быть вынужденнымъ на такія мѣры, которыя, при всей неизбѣжности ихъ въ виду *общаго* блага, погружаютъ въ отчаяніе цѣлыя семейства; мнѣ кажется, что я самъ не менѣе ихъ заслуживаю сожалѣнія.

Какъ бы я желалъ быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ. Вы нуждаетесь въ утѣшеніи, *я это знаю*, и простите мнѣ выраженіе, ваша покорность судьбѣ заставляетъ меня еще болѣе уважать васъ. Располагайте мною всегда и вѣрьте, что этимъ вы доставите мнѣ удовольствіе и окажите услугу.

Относительно испрашиваемаго вами у меня свиданія распоряженія сдѣланы; я назначилъ его въ понедѣльникъ на Пасхѣ, т. е. въ день наиболѣе близкій къ указанному вами мнѣ времени.

Сохраните свое довѣріе во мнѣ и вѣрьте совершенному и искреннему моему уваженію.

Искренно вамъ преданный

НИКОЛАЙ.

Царское Село,
4 Апрѣля 1826

О РУССОФИЛЬСТВѢ МИЦКЕВИЧА.

Слова Соболевскаго, приведенныя Н. Бергомъ (Русск. Архивъ 1871, стр. 170): „Мицкевичь всю жизнь ***любилъ*** Русскій народъ и отзывался о немъ ***сочувственно***", пробудили во мнѣ воспоминанія о тѣхъ тягостныхъ чувствахъ, которыя испытали я и мои соотечественники на лекціяхъ Мицкевича въ Collège de France[1]), и о письмѣ, которое по этому

[1]) Въ моихъ путевыхъ замѣткахъ сохранился разговоръ мой съ знаменитымъ, въ свое время, философомъ Кузеномъ о Мицкевичѣ. Кузень тогда (1841) уже не былъ ни профессоромъ, ни министромъ, но занималъ должность члена управленія университета (Université de France). "Каѳедру Славянской литературы создалъ я, говорилъ Кузень, и Мицкевичъ обязанъ ею мнѣ. Г. Мицкевичъ, кажется, иногда забываетъ, что его аудиторія состоитъ преимущественно изъ Славянъ: онъ

случаю было отослано къ знаменитому поэту двумя Русскими. Что это письмо не осталось безъ послѣдствій, доказываетъ лекція 17-го Мая 1842. г., которую профессоръ началъ такими словами: „Между письмами, которыя я получилъ, обратило на себя мое вниманіе письмо одного Русскаго, и я постараюсь извлечь пользу изъ его справедливыхъ, иногда даже глубокомысленныхъ, замѣчаній... Я не могу отвѣчать по пунктамъ, но торжественно протестую противъ того, что *цѣль* моихъ лекцій—питать и усиливать ненависть Поляковъ къ Русскимъ.... Въ публичныхъ листкахъ упрекаютъ меня въ совершенно противномъ стремленіи: уже одно это обстоятельство должно бы служить доказательствомъ моего безпристрастія.“

Замѣчу что въ письмѣ былъ выраженъ менѣе рѣзкій упрекъ: неодобрялись только ироническія и безпощадныя выходки противъ Русскаго народа, возбуждающія въ Полякахъ презрѣніе и препятствующія примиренію двухъ родственныхъ народовъ. На лекціи 6 Декабря 1842, Мицкевичь снова упомянулъ о Русскихъ, упрекающихъ его въ раскрытіи и обнаруженіи *тайнъ Русскаго могущества*, de la puissance russe [2]).

слишкомъ интересуется Французами, хотя съ другой стороны c'est son devoir de ne pas les negliger.„ (т. е. онъ обязанъ не пренебрегать ими). Это было сказано 26 Декабря 1841; курсъ же 1841 г. начатъ Мицкевичемъ 2 Дек., и потому я отношу этотъ приговоръ къ лекціямъ курса 1840, которыхъ я не посѣщалъ. На мое замѣчаніе, что Мицкевичь читаетъ преимущественно о Польской литературѣ, Кузень возразилъ: „Онъ долженъ читать о литературѣ всѣхъ Славянъ, и я хочу (je veux) чтобы онъ читалъ и о Русской и чтобы эти лекціи служили также для Русскихъ„. Я записалъ еще слѣд. пророческія слова Кузена. Освѣдомившись о каѳедрахъ философіи въ моемъ отечествѣ и узнавъ о жалкой участи ихъ, онъ сказалъ: „Consolez vous, votre peuple c'est un grand peuple, et il aura un bel avenir“ (т. е. утѣшьтесь, вашъ народъ — великій народъ, и ему предстоитъ прекрасная будущность).

[2]) Мицкевичъ читалъ на Французскомъ яз., но лекціи его были изданы однимъ изъ его слушателей на Польскомъ и съ него переведены на Нѣмецкій: Vorlesungen über Slavische Literatur u. Zustände, gehalten im College de France im Jahre 1840—1842 von Ad. Mickewicz II Th. Leipzig u. Paris 1843. Мои ссылки относятся къ этому изданію, а воспоминаніе—къ курсамъ 1841—42 и 1842—43 г. Послѣдній курсъ о Миѳологіи Славянъ не встрѣчался мнѣ въ печати. Нѣсколько лекцій изъ него были препровождены мною въ Отечеств. Записки, но тамъ не появлялись.

Могу увѣрить читателя, что въ такомъ заявленіи авторы помянутаго письма не причастны.

Чтобы вполнѣ понять мотивы, побудившіе Русскихъ писать Мицкевичу, необходимо представить себѣ обстановку, при которой поэтъ-профессоръ, или вѣрнѣе профессоръ-поэтъ, изливалъ свою желчь надъ всѣмъ тѣмъ что̀ дорого Русскому сердцу. Живо помню ту минуту, полную драматизма, когда появился Мицкевичь, шумно привѣтствуемый биткомъ набитой аудиторіей. Его въ безпорядкѣ падающіе, длинные съ просѣдью волосы, вся его страдальческая и изнуренная фигура посреди множества Польскихъ эмигрантовъ обоего пола, въ черныхъ болѣе или менѣе изношенныхъ чамаркахъ или изящныхъ аристократическихъ туалетахъ,—все это драстически и эфектно олицетворяло странныя судьбы Польской націи съ ея увлеченіями и несчастіями и не могло не подѣйствовать и на насъ Русскихъ 40-хъ годовъ, привыкшихъ въ каждомъ несчастномъ видѣть невиннаго. Лекціи Мицкевича сильно охладили наше сочувствіе впослѣдствіи. Кстати прибавлю, что на лекціяхъ Мицкевича присутствовалъ довольно часто А. И. Тургеневъ, рѣже его братъ Николай Ивановичъ. Вообще Русскихъ гораздо болѣе можно было встрѣтить на модныхъ лекціяхъ Кинэ и Мишлэ, нежели у Мицкевича. Еще рѣже заглядывали къ нему Французы. Но возвращаюсь къ описанію впечатлѣнія, которое произвела на авторовъ письма личность профессора Славянской литературы. Пламенная и обработанная, нѣсколько изысканная рѣчь друга Пушкина производила на молодыхъ людей, только оставившихъ студенческую скамью, чарующее дѣйствіе, лишавшее ихъ возможности отнестись трезво и критически

къ лекціямъ. Но враждебныя выходки противъ Русскаго народа и его правителей открыли наконецъ глаза молодымъ слушателямъ. Ихъ уязвленное національное чувство заговорило, и они рѣшились протестовать. Въ посланіи, писанномъ однимъ изъ товарищей и переведенномъ (не могу сказать для какой потребы) на Французскій языкъ другимъ, указывалось Мицкевичу недостойное его знаменитой личности занятіе утѣшать и потѣшать [3]) своихъ земляковъ не вполнѣ достовѣрными разсказами о Русскихъ государяхъ и глумленіемъ надъ народомъ, характеръ котораго ему слишкомъ мало знакомъ; рекомендовалась болѣе благородная роль примирителя, проповѣдника Славянскаго братства, стремленія общими силами къ прогресу и т. д. въ этомъ родѣ.

На слѣдующей же лекціи профессоръ, какъ было сказано выше, отозвался о нашемъ письмѣ въ словахъ, дѣлающихъ честь его характеру. Должно сознаться, что авторы письма были весьма удивлены тѣмъ, что ученый профессоръ отыскалъ въ ихъ наскорую руку составленной эпистолѣ какія-то „глубокія мысли". Какъ бы то ни было, доброжелательный совѣтъ, по видимому, не остался безъ видимыхъ послѣдствій: въ продолженіе остальной части курса уже не встрѣчаются болѣе рѣзкія выходки противъ всего Русскаго....

Слѣдующія извлеченія изъ записанныхъ мною лекцій могутъ служить подкрѣпленіемъ моего мнѣнія, что Мицкевичъ не *всю жизнь* отзывался сочувственно о Русскомъ народѣ. „Шпіонство и тайная расправа вытѣснили (изъ Россіи) Славянскіе обычаи и понятія. Русскіе властелины преслѣдовали свою цѣль (т. е. собираніе государства и укрѣпленіе монархическаго начала) не смотря ни на что.... Цѣлые классы жителей были избиваемы, цѣлые города сожигаемы... Они рѣшились истребить туземный элементъ народонаселенія и основать новое государство... Такая политика продолжаетъ развиваться и въ наше время.... Добросовѣстность не позволила(?) Карамзину коснуться дѣяній Петра. Слѣдующіе за Карамзинымъ историки повторяли одну и туже ложь безъ стыда и зазора, или проходили мрачныя событія молчаніемъ.... Петръ колебался въ выборѣ религіи не потому, чтобы его сердце лежало къ протестантской или римско-католической, но потому что не зналъ, которая изъ нихъ способнѣе для его плановъ. Выросши подобно Ивану Грозному посреди возмущеній и убійствъ, Петръ уже съ дѣтства привыкъ къ холодному расчету презирать людей и находить удовольствіе въ пролитіи крови. Онъ не былъ сумасшедшимъ тираномъ подобно Грозному. Петръ былъ жестокимъ философомъ: онъ убивалъ людей систематически; нанося смерть и мученіе собственноручно, дѣлалъ наблюденія надъ человѣческою природою... Въ первый разъ онъ отрубилъ только пять головъ, но впослѣдствіи пріобрѣлъ большую ловкость въ этомъ ремеслѣ, при чемъ должны были присутствовать всѣ высшіе сановники не только Русскіе, но и посланники иностранныхъ государствъ .. Особеннымъ искусствомъ колесовать и сажать на колъ отличался Меншиковъ... Самъ Петръ вскрывалъ ножемъ живыхъ бояръ, стрѣльцовъ и крестьянъ для упражненія въ анатоміи: такимъ способомъ замучилъ онъ до смерти нѣсколько тысячъ.... И такого то человѣка Парижская Академія, какъ она тогда выразилась, считала за честь имѣть своимъ членомъ! Послѣ неудачи при Нарвѣ, Петръ, желая возбудить религіозный фанатизмъ своего суевѣрнаго народа, приказалъ митрополиту распространить слѣд. молитву, сочиненную, вѣроятно, имъ самимъ: „ О великій святой Николай! Ты постоянный утѣшитель

[3]) Выходя однажды съ лекціи, я слышалъ, какъ одинъ Полякъ говорилъ другому, потирая отъ радости руки: „это онъ нарочно для Москалей". Впрочемъ бѣдственное положеніе въ Парижѣ большинства Поляковъ нѣсколько извиняло удовольствіе, которое они ощущали отъ приниженія всего Русскаго....

во всѣхъ нашихъ скорбяхъ. могущественнѣйшій между всѣми святыми, которые были и будутъ, чѣмъ мы такъ тебя огорчили, что ты покинулъ насъ? Мы вѣдь всегда молили тебя о помощи противъ этихъ дерзкихъ. жестокихъ, ужасныхъ, сумасбродныхъ и непокорныхъ враговъ и искоренителей. называющихся Шведами. Они могутъ одолѣть насъ не иначе какъ съ помощію заговора и колдовства, ибо мы укрѣпляли всегда твоимъ именемъ наши крѣпости, и потому прибѣгаемъ къ тебѣ, о великій святой Николай, будь нашимъ поборникомъ и хоругвеносцемъ", и т. д. Далѣе Мицкевичь сравниваетъ правительственную систему Петра съ омерзительными дѣлами Французскаго Конвента и увѣряетъ, что „Петръ соорудилъ изъ своего государства громадную разрушительную машину (въ подобіе гильотины)".

Желая, вѣроятно, поглумиться надъ неразвитостію Русскаго народа, профессоръ, разсказывая объ уничтоженіи конституціи, навязанной верховниками императрицѣ Аннѣ, позволилъ себѣ такое искаженіе историческаго факта: „Однажды собралась передъ дворцомъ огромная толпа народа, вломилась въ ворота, чтобы освободить скованную царицу, и громкими криками требовала возвращенія послѣдней ея могущества." „Что же вы написали въ этой хартіи? "спросила Анна великаго канцлера. Въ смущеніи и трепетѣ подалъ онъ ей конституціонную хартію, которую она изорвала въ клочки при громкомъ одобреніи ликующаго народа". При этой эфектной фразѣ аудиторія Мицкевича, состоявшая, какъ я уже замѣтилъ, преимущественно изъ Поляковъ, огласилась шумными рукоплесканіями.

Подобныя групировки и освѣщеніе событій изъ нашей исторіи свидѣтельствуютъ, если я не ошибаюсь, о чемъ-то другомъ, а не *о любви и сочувствіи* къ Русскому народу. по крайней мѣрѣ не въ Парижскій періодъ измѣнчивой жизни Мицкевича. Еще менѣе любви къ Русскому народу обнаруживаетъ окончательная дѣятельность Мицкевича въ Константинопольскій періодъ.

А. Чумиковъ.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬИ.

На статейку г. Чумикова о лекціяхъ Мицкевича, якобы обнаруживающихъ не-любовь къ Русскому народу, а что-то другое»—можно сказать, мнѣ кажется, слѣдующее Въ Мицкевичѣ всегда было два человѣка: Мицкевичъ — поэтъ, частное лицо, Мицкевичь небольшаго кружка друзей, и Мицкевичь—политикъ, человѣкъ публичный, воинъ, ратующій за народное дѣло, воинъ, попавшій въ повстанскіе ряды не совсѣмъ по своей воли, воинъ невоинственнаго характера, поддающійся чужому вліянію, воинъ, на котораго все смотрѣло выпуча глаза и ждало изъ него патріотическихъ громовъ и пѣсенъ.

Соболевскій, говоря, что «Мицкевичь любилъ нашъ народъ и высоко ставилъ его способности»—разумѣлъ первую, такъ-сказать, домашнюю, кабинетную половину Мицкевича, и былъ правъ. Эти свойства, эти чувства, если не любви въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то уваженія къ способностямъ нашего народа, Велико-Русской расы, оставались въ Мицкевичѣ неизмѣнны и искренны во всѣ минуты его жизни. Онъ не испугался даже, среди своихъ Польскихъ слушателей, на форумѣ, а не въ кабинетѣ, сказать однажды (во время лекцій о преобразованіяхъ Петра) такія слова о Великорусскомъ народѣ:... «Крестьяне губерній Московской, Архангельской и Новгородской, — того, что называлось тогда Велико-Россіей, образовали ядро этой (Петровской) арміи. Народъ этихъ губерній выдается изъ всѣхъ народовъ

Славянской расы. Это люди высокаго роста, сильные, крѣпкіе, способностей изумительныхъ; это, можетъ быть, самый способный народъ Европы» *).

Чего болѣе можно потребовать отъ независимаго Поляка, на Французской каѳедрѣ, передъ буйными и безумными чамарками?

Но если другая, политическая половина Мицкевича, повстанскаго воина, malgré lui, иногда переступала надлежащую черту, заносилась, подбирала неблагопріятные для насъ факты: чтожъ-дѣлать? Если это не такъ, ошибка: кто не ошибался, не сбивался съ толку, взобравшись на высокія подмостки, да еще не на тѣ, гдѣ бы ему слѣдовало быть! Недавно, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, Гарибальди, вообразивъ, что на него смотритъ весь свѣтъ и чего-то отъ него требуетъ, забрался въ такую чащу ошибокъ, что и до сихъ поръ оттуда не вылѣзетъ и вѣроятно, въ иныя минуты, молитъ всѣхъ своихъ Итальянскихъ святыхъ, чтобы они помогли какъ нибудь свѣту поскорѣе забыть этого другаго, не прежняго Гарибальди.

Мицкевичь забрался въ свою чащу не самъ, а... какъ-то такъ случилось. Мицкевичь другой образовался въ первомъ какъ-то нечаянно, въ слѣдствіе разныхъ, весьма сложныхъ обстоятельствъ. Слабость своихъ, ничтожество ихъ силъ, невозможность борьбы ихъ съ Русскими онъ понималъ лучше всякаго другаго. Какъ онъ безпощаденъ къ своимъ, это можно видѣть въ главѣ *Пана Тадеуша* о сборѣ шляхты въ наѣздъ. Тотъ-же безпощадный голосъ, родъ древняго хора, голосъ самого поэта, слышится въ иныхъ рѣчахъ *Матвѣя Кролика*, который, будучи насильно приведенъ въ Польскій лагерь, на ужинъ къ вождямъ, перевернулъ тарелку, ничего не ѣлъ и не пилъ, а подъ конецъ обругалъ всѣхъ и уѣхалъ домой. Это самъ поэтъ.

Такого-же дурака услыхало отъ Мицкевича и возстаніе 1830 года. Онъ рвалъ на себѣ волосы, конечно не для комедіи, передъ Соболевскимъ; лѣниво сталъ сбираться въ путь, въ лагерь, куда его звали пѣть патріотическія пѣсни и одушевлять воиновъ. Онъ такъ долго сбирался, что кампанія кончилась, и мы вошли въ Варшаву.

Въ послѣдніе годы Мицкевичь принесъ въ жертву политики всего себя, семью, тихій уголъ, поэзію. Онъ явился въ маскарадномъ легіонѣ Поляковъ, при арміи Наполеона III, затѣвавшаго Крымскую экспедицію, — и тамъ, уже бѣлый какъ лунь, съ плохимъ здоровьемъ, на воинскихъ попойкахъ захворалъ и умеръ. Объ этихъ минутахъ Мицкевича поэзія и добрые друзья наиболѣе должны плакать...

Вся жизнь Мицкевича за границей, Мицкевича, лишеннаго нормальной почвы, носимаго разными вихрями, генія, боровшагося съ нуждою, съ несчастіями семейными, представляетъ нѣчто трагическое, достойное того, чтобы чье-нибудь нелицемѣрное, честное перо изобразило все это по точнымъ историческимъ даннымъ. Десять - двадцать строкъ изъ иной его лекціи это еще не Мицкевичь,

*) Les paysans des gouvernements de Moscou, d'Archangel, de Novogorod, de ce, qu'on appelait alors la Grande Russie, formèrent le noyau de cette armée. Le peuple de ces gouvernements est remarquable entre tous les peuples de la race slave. Ce sont des hommes d'une grande taille, forts, robustes, d'une intelligence étonnante; c'est peut-être le peuple le plus intelligent de l'Europe. „Pisma Adama Miskiewicza", Paryż, 1860, tom VIII, стр. 403.

и нельзя рѣшить по нимъ, любилъ-ли онъ то, или другое, или не любилъ...

Другъ его, извѣстный Польскій поэтъ Одынецъ, до сихъ поръ еще живущій и пишущій, кому конечно представлялись случаи узнать сердце Мицкевича, говорилъ мнѣ однажды: «Panie kochany! Мы, консервативная партія, все, что есть въ Польшѣ желающаго добра и ладу и побѣдителямъ, и побѣжденнымъ, — мы смотрѣли какъ на великое явленіе милосердія Божія къ намъ обоимъ, что Богъ послалъ намъ въ одно и тоже время двухъ «вѣщихъ», сблизившихся между собой какъ братья. Pamiętasz, panie kochany.

Z wieczora, na dźdźu stali
dwoj młodzieńce
Pod jednym płaszczem, wziąwszy
się za ręce:
Jeden, òw pielgrzym, przybylec
z Zachodu,
Drugi był wieszczem Ruskiego
narodu [1]),
Znamy pieśniami na całej
Pòlnocy...

«Мы ждали чудесъ, и намъ снились Богъ знаетъ какіе сны... Какъ горьку было нашему сердцу, какъ оно оборвалось, когда мы узнали, что Мицкевичь вдругъ оставилъ Россію. Panie kochany, я кончу его стихами изъ *Пана Тадеуша*: Pan Bòg swoje, djabeł swoje» [2]). *Н. Бергъ.*

30 Генваря 1872, Варшава.

[1]) Стихотвореніе Мицкевича Pomnik Piotra Wielkiego.
Подъ вечеръ, на дождѣ, однимъ плащемъ
одѣты,
Схватившись за руки, сошлись друзья-поэты.
Одинъ — недавній былъ на Сѣверѣ пришлецъ,
Другой—Полуночи плѣнительный пѣвецъ,
Гремѣвшій пѣснями широко и далеко.

[2]) Т. е. Господь Богъ свое, а дьяволъ свое.

ВЪ БІОГРАФІИ НАПОЛЕОНА ТРЕТЬЯГО *)

I.

Правительственная Коммисія Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Секретно.

Собственная Канцелярія главнаго директора.

№ 190. 10/22 Февраля 1840 года.
Варшава.

Господину исправляющему должность Варшавскаго оберъ-полицмейстера.

По дошедшему до правительства свѣдѣнію, что принцъ *Луи Бонапарте* намѣренъ пріѣхать въ Россію, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: предписать посольствамъ и миссіямъ отказывать Луи Бонапарту въ засвидѣтельствованіи паспорта на проѣздъ въ Имперію.

Кромѣ того управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписалъ начальникамъ пограничныхъ губерній, чтобы, ежели Луи Бонапарте, не смотря на означенное распоряженіе, вознамѣрится прибыть въ предѣлы Россіи, то не дозволять ему дальнѣйшаго слѣдованія во внутрь Имперіи, но понудить его немедленно удалиться отъ нашихъ предѣловъ.

Получивъ повелѣніе его свѣтлости намѣстника Царства о сдѣланіи сообразнаго распоряженія по Царству, я предложилъ гражданскимъ губернаторамъ сдѣлать распоряженіе о невпускѣ въ предѣлы Царства Польскаго Луи Бонапарте и о побужденіи его, въ случаѣ прибытія сюда, удалиться немедленно отъ границы здѣшняго края.

*) Первая бумага печатается съ подлинника, вторая съ современнаго списка; тотъ и другой принадлежатъ В. А. Стороженкѣ. П. Б.

О таковомъ распоряженіи нужнымъ считаю увѣдомить ваше превосходительство.

Главный директоръ
генералъ-адъютантъ *Шиповъ*.

II.

Выписка изъ письма агента нашего во Франціи.

Нантъ, 3-е Октября 1840 г.

Конскриптовъ собираютъ во Франціи съ 1834 и 1835 годовъ и всѣми мѣрами увеличиваютъ войска и улучшаютъ укрѣпленія.

Франція—страшится Россіи. Здѣсь большая часть желаетъ мира. Пишутъ и говорятъ, что Англія и Россія стремятся къ разрыву и что послѣдняя ищетъ даже придирокъ къ войнѣ, но что Французы имѣютъ готоваго войска 800 т., которое будетъ подкрѣплено въ случаѣ войны надрейнскими Нѣмцами, Итальянцами, Венгерцами, а болѣе всего Поляками.

«Я навѣрно полагаю, пишетъ агентъ, что Французы проиграютъ; «ибо между ними нѣтъ никакого со«гласія, не повинуются ни королю, «ни властямъ, хотя король ихъ печет«ся о добрѣ народа и есть человѣкъ «самый лучшій для Французовъ, въ «настоящее время одурѣвшихъ. Что«бы ихъ образумить и успокоить, «надобно побить, и побить хорошень«ко.—Лудвикъ Бонапарте является «всегда предъ судомъ разряженнымъ, «имѣя на шеѣ орденъ, изображающій «орла Имперіи. Онъ говоритъ предъ «судьями смѣло и даже дерзко: что «Французская корона слѣдуетъ ему по «праву и что онъ прибылъ во Фран«цію, дабы установить въ оной поря«докъ, видя около 10-ти уже лѣтъ «совершенную анархію. Все обра«щается съ нимъ съ великимъ почте«ніемъ, а свита Лудвика Бонапарте «именуетъ его принцемъ-наслѣдни«комъ.»

Подарокъ изъ Скандинавіи.

(Письмо къ издателю).

Въ одномъ изъ многихъ писемъ, которыя сыплются ко мнѣ цвѣтами со всѣхъ сторонъ, по случаю праздника 29 Декабря, я получилъ сейчасъ отъ стараго своего товарища по университету, который былъ меня моложе, кажется, только однимъ курсомъ, А. З. Зиновьева [1]), такой привѣтъ, который доставилъ мнѣ удовольствіе сугубое, заключая слѣдующее любопытное для меня замѣчаніе.

«Въ нашихъ лѣтописяхъ рано упоминается слово дружина, и всѣ мы восхищаемся романическимъ представленіемъ, что первые Русскіе князья имѣли у себя цѣлые полки *друзей*, то есть, людей готовыхъ въ огонь и въ воду изъ любви къ своему начальнику. Это мнѣ кажется слишкомъ нѣжно! Въ Англійскомъ языкѣ есть слово *drudge*, пофранцузски *valet*, *goujat*, *mousse*. Это слово происходитъ отъ глагола *to drudge*, пошотландски *to drug*, поирландски *drugaire*, посаксонски *draggen* [2]) носить, волочить... Какъ имя, такъ и глаголъ, выражаютъ идею службы. Не оттуда-ли происходитъ дружина Рюрика, Олега и прочихъ? У меня собрано много словъ Русскихъ, поразительно сходнымъ съ Англійскими [3]). Если эта

[1]) Бывшій профессоръ Русской Словесности, потомъ директоръ Ярославскаго лицея и переводчикъ Мильтона. *М. П.*

[2]) Не сюда ли относится и Нѣмецкое *tragen*? *М. П.*

[3]) Я также замѣчалъ случайно такія слова, и теперь укажу на одно: *to slave, travailler comme un forçat*, работать покаторжному. Неужели оно не ясно указываетъ отношеніе когда-то какого нибудь Норманскаго племени къ одному Славянскому? *М. П.*

догадка хотя сколько нибудь покажется вамъ основательною, то и ее можно прибросить на вѣсы критики въ близкомъ для васъ историческомъ вопросѣ».

Прибросимъ, прибросимъ,—и она упадетъ на вѣсы тяжёленькой гирькой для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя. Слово дружина, чисто, казалось, наше, я считалъ переводомъ Норманскаго слова, означавшаго княжескую военную свиту, согласно съ мнѣніемъ Сенковскаго [4]). По моему, всѣ наши древнія до управленія, до гражданскаго устройства, относящіяся слова суть Норманскія, въ чемъ я вижу и одно изъ крѣпкихъ доказательствъ Норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси: бояре, тіуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скотъ, гривна, стяги.... Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, робичичѣ, огнищанахъ, закупахъ, слышится переводъ. Есть изслѣдователи, не признающіе норманства въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ, и я согласенъ, что можно благовидно это доказывать; но въ совокупности ихъ съ прочими, безспорными, въ согласіи со всѣми обстоятельствами, они, или понятія къ нимъ у насъ присоединенныя, представляютъ для меня, кто бъ что ни говорилъ, важное доказательство. Прутья изъ пучка можно перервать порознь, а весь пучекъ не подъ силу, говоритъ старая присказка.

Замѣчаніе Алексѣя Зиновьевича Зиновьева имѣю честь я представить одному изъ любезныхъ для меня людей, Д. И. Иловайскому, который опять поднимаетъ вопросъ о происхожденіи Варяговъ Руси. Я началъ было уже ему отвѣчать просьбою: «да дайтеже мнѣ умереть спокойно»... но отвлекся отъ отвѣта послѣдними своими радостями, такъ что до сихъ поръ не могу ничего дѣлать, и только благодаря Норманской электризаціи, написалъ эти строки, высылая въ нихъ впередъ на противниковъ приплывшую кстати изъ-за-моря вспомогательную *дружину*.

М. Погодинъ.

Января 4. 1872 г.

ЗАМѢЧАНІЕ Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.

Я не намѣренъ спѣшить отвѣтомъ на тѣ возраженія, которыя могутъ явиться со стороны норманистовъ и ихъ союзниковъ, по поводу моей статьи о мнимомъ призваніи Варяговъ. Буду ждать, пока наберется достаточная сумма этихъ возраженій, количественная и качественная.

Что касается до открытія, которое достоуважаемый Михаилъ Петровичъ сообщаетъ относительно якобы нерусскаго происхожденія слова *дружина*, предоставляю судить о томъ самой читающей публикѣ. Меня болѣе заняли слова: «да дайте же мнѣ умереть спокойно». Вопервыхъ, мы надѣемся, что отечественная литература еще долго будетъ пользоваться участіемъ своемъ славнаго ветерана; а во вторыхъ, ученый до конца дней своихъ долженъ преслѣдовать розысканіе истины. Неужели Скандинавская теорія Байеровъ и Шлёцеровъ такъ дорога нашему сердцу, что мы не можемъ относиться спокойно къ ея отрицанію? И такъ, въ интересахъ истины, ждемъ возраженій отъ своихъ противниковъ, но такихъ возраженій, изъ за которыхъ можно было бы ломать копья.

Д. Иловайскій.

18 Января 1872 года.

[4]) Давно прочелъ я гдѣ-то это мнѣніе Сенковскаго, и никакъ не могъ послѣ отыскать то Скандинавское слово, которое было переведено у насъ дружиною.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

Мнѣ вельце жичливый пріятелю, пане Семіонъ Тимофѣевичъ.

При поданой чрезъ посланниковъ моихъ въ Кіевъ оказіи, не судилемъ въ запомнѣніи оставити любви вашой, ею же мя благоволите въ толикомъ разстояніи посѣщати, але листовне [1]) также любовію за любовь, юже и къ моему убожеству, и къ моимъ племенникомъ, ко мнѣ идучимъ, во всякомъ угощеніи освѣдчали [2]), отвѣтуючи и дякуючи [3]), Божія на благочестный домъ вашъ и молитву твою милосерднаго желаю призрѣнія. Той да благословитъ вы и исполнитъ дни жизни вашей долговременнимъ здравіемъ и всякимъ благополучіемъ, о чемъ азъ, Бога моля, непремѣнной мя вашой вручаю пріязни.

Честности твоей, моему вельце жичливому пріятелеви, во всемъ жичливый богомолецъ и слуга

Смиренный Димитрій
Архіерей Ростовскій.

З Ростова 1706.
Сент. 15.

Мнѣ вельце жичливому пріятелеви пану Симеону Тимофѣевичу Доморци, честному гражданину Новгородскому.

(Сообщилъ А. И. Ханенко.)

ДАЛМАТИНСКІЙ ЕПИСКОПЪ ВЕНЕДИКТЪ КРАЛЕВИЧЪ.

Это—записка покойнаго Н. И. Надеждина о Далматинскомъ епископѣ Кралевичѣ, котораго искатели архіерейства, Бѣлокриницкіе иноки Павелъ и Алимпій, еще прежде знакомства своего съ Авросіемъ митрополитомъ Босносараевскимъ, приглашали на старообрядскую каѳедру. Кралевичъ, какъ извѣстно, не согласился на ихъ предложеніе. Записка писана въ 1845 году для представленія бывшему тогда министру внутреннихъ дѣлъ графу Л. А. Перовскому. На основаніи ея былъ всеподданнѣйшій докладъ. Собственноручная черновая рукопись Надеждина доставлена намъ П. И. Мельниковымъ.

По частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною въ прошломъ году изъ Вѣны и Песта, между раскольниками, живущими въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, обнаружилось сильное желаніе имѣть своего собственнаго архіерея, для каковой цѣли обратились они къ епископу Венедикту Кралевичу, имѣющему пребываніе въ Венеціи, безъ епархіи, на жалованьи Австрійскаго правительства.

Епископъ Кралевичъ (съ которымъ я въ 1841 году имѣлъ случай лично познакомиться) есть лицо, весьма примѣчательное своими похожденіями. Родомъ изъ Македонскихъ Сербовъ, онъ получилъ санъ архіерейскій еще въ началѣ текущаго столѣтія, съ одной изъ Южно-славянскихъ областей, подвластныхъ Турціи. Смуты, произшедшія въ слѣдствіе возстанія Георгія Чернаго, заставили его покинуть свою каѳедру и бѣжать въ Сербію, находившуюся тогда подъ покровительствомъ Россіи. Это было въ то время, когда Наполеонъ, присоединя бывшую Венеціанскую Далмацію къ составу образованнаго имъ Итальянскаго королевства, вознамѣрился устроить въ ней для большинства населенія, состоящаго изъ православныхъ, православную епархію. По рекомендаціи блаженной памяти государя императора Александра Павловича (такъ увѣряютъ туземцы), для этой новоустроенной епархіи вызванъ

[1]) Т. е. письменно.
[2]) Засвидѣтельствовали.
[3]) благодаря.

былъ Кралевичъ, который такимъ образомъ и сдѣлался первымъ православнымъ епископомъ Далматинскимъ. Въ послѣдствіи, когда, по паденіи Наполеона, Далмація вошла въ составъ владѣній Австрійской Имперіи, Кралевичъ, хитрый интриганъ, вошелъ въ тайныя сношенія съ Австрійскимъ правительствомъ, чтобы ввести въ Далмаціи Унію. Умыселъ этотъ обнаружился и возбудилъ въ жителяхъ, и безъ того не имѣвшихъ довѣрія къ своему новому пастырю, глубочайшую къ нему ненависть. Въ обширномъ заговорѣ, положено было, для пресѣченія зла въ корнѣ, убить измѣнника. Счастливый случай спасъ его отъ неминуемой смерти, жертвой которой сдѣлался комендантъ города Себенико, гдѣ Далматинскимъ архіереямъ указано было имѣть резиденцію: этотъ комендантъ былъ застрѣленъ въ каретѣ епископа, во время прогулки. Въ слѣдъ за тѣмъ, Кралевичъ бѣжалъ изъ своей епархіи, и правительство вознаградило его преданность, оставивъ при немъ все получаемое имъ по званію Далматинскаго епископа содержаніе, съ назначеніемъ имѣть мѣстопребываніе въ Венеціи. Чтобы очистить его отъ подозрѣнія въ отступничествѣ, выхлопотана была ему грамота отъ Константинопольскаго патріарха, свидѣтельствующая о его православіи. Тѣмъ неменѣе, онъ остается до сихъ поръ предметомъ непреодолимаго отвращенія не только для прежней своей паствы, но и для всѣхъ православныхъ Славянъ Австрійскихъ и Турецкихъ. Въ Венгріи издано было на-счетъ его много брошюръ, изъ коихъ въ одной доказывается, что онъ никогда не былъ посвященъ въ архіереи, что даже самое христіанство его подлежитъ сомнѣнію, что онъ будто-бы былъ въ молодости Мусульманиномъ и находился въ услугахъ одного Турецкаго паши, гонителя Христіанъ.

Судя по изложеннымъ здѣсь обстоятельствамъ и по личному наблюденію моему надъ характеромъ этого старика, для котораго нѣтъ ничего священнаго, я не удивляюсь, что онъ, какъ извѣщаютъ мои корреспонденты, изъявилъ согласіе пойти къ нашимъ раскольникамъ, сдѣлавшимъ ему богатыя предложенія. Пишутъ, что само Австрійское правительство сначала вызывалось было снабдить его на новомъ постѣ всѣми нужными пособіями къ устройству раскольничьей епископской каѳедры; но потомъ, по свойственной ему экономіи, оно предоставило всѣ издержки по сему предмету самимъ раскольникамъ, обѣщавъ только подарить имъ богатую ризницу, устроенную нѣкогда для тогоже Кралевича при ожиданіи обращенія его въ Унію, которая ризница съ тѣхъ поръ хранится въ Вѣнѣ. Въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло, свѣдѣній я не имѣю.

Между тѣмъ, извѣстіе о всемъ этомъ достигло и къ намъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, у раскольниковъ явился портретъ Кралевича, который они велѣли переписать иконнымъ письмомъ и съ торжествомъ отослали въ Москву, гдѣ этотъ ликъ новоявившагося первосвятителя древняго благочестія (такъ выражаются о немъ раскольники) принятъ, говорятъ, также съ общимъ восторгомъ. Слышно даже, что какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, дѣлаются отъ богачей складчины для вспомоществованія сему дѣлу, котораго послѣдствія, если оно точно приведется въ исполненіе, не могутъ не имѣть весьма важнаго вліянія на фанатизмъ нашихъ сектаторовъ.

О БИБЛІОТЕКѢ ПОКОЙНАГО С. П. ШЕВЫРЕВА.

Случай доставилъ намъ большую тетрадь съ перечнемъ книгъ покойнаго профессора Степана Петровича Шевырева. Сколько воспоминаній, благодарныхъ и горестныхъ, пробудилось въ насъ, когда мы перелистывали эту тетрадь! Благодарныхъ, потому что невозможно намъ, слушателямъ и ученикамъ покойника, безъ почтительной признательности относиться къ тому времени, когда въ Московскомъ университетѣ дѣйствовалъ этотъ великій трудолюбецъ, примѣромъ своимъ возбуждавшій и направлявшій ко благу свою аудиторію. Цѣлое поколѣніе молодыхъ людей находило въ немъ поддержку дѣльнаго труда и всегда готовыя указанія въ его обширной библіотекѣ, книгами которой такъ охотно ссужалъ онъ студента, коль скоро замѣчалъ въ немъ прямую любознательность. Говорить ли о томъ, что также скоръ былъ онъ на помощь денежную, на отысканіе уроковъ, на лестный, упрочивающій положеніе юноши отзывъ? — Но въ тоже время горькія ощущенія тѣснятся въ душу при мысли о томъ, какъ внезапно разрушилась это многополезная дѣятельность, какъ въ чужомъ краю, въ Парижѣ, долженъ былъ изнемогать и преждевременно погибъ достойнѣйшій профессоръ.

Библіотека Шевырева представляетъ собою, можно сказать, ученую его біографію. Сочиненій о Гомерѣ 25, о Дантѣ 26, о Греческой словесности 58, о Римской 45; цѣлыя сотни сочиненій о Шекспирѣ, о теоріи словесности, объ общей исторіи словесности всѣхъ вѣковъ и народовъ; за тѣмъ слѣдуютъ книжныя богатства по предмету исторія Русской словесности. Всего болѣе трехъ тысячь названій. Собрать такую библіотеку есть уже ученая заслуга, и въ настоящемъ составѣ своемъ она представляетъ особаго рода невещественную цѣнность.

До насъ дошли слухи, будто библіотека эта, по кончинѣ вдовы Шевырева, продается. Пожелаемъ, чтобы продажа не была раздробительная, чтобы пріобрѣлъ ее кто нибудь, желающій посвятить себя наукамъ словеснымъ, или чтобы она досталась какому либо учрежденію, напр. одному изъ молодыхъ нашихъ университетовъ, Варшавскому или Одесскому.

П. Б.

По напечатніи статьи князя А. И Васильчикова о кончинѣ М. Ю. Лермонтова, имѣли мы случай прочитать нѣсколько современныхъ писемъ и слышать новыя, достовѣрныя показанія, заключающія въ себѣ яркія подробности этого злосчастнаго событія во всей живой его обстановкѣ. Какъ только представится возможность, мы не замедлимъ подѣлиться съ читателями Русскаго Архива этими свѣдѣніями. *П. Б.*

Государственная служба и все Русское общество понесли великую утрату: 26 Генваря сего года скончался въ Москвѣ, на 54-мъ году возраста, *Николай Алексѣевичъ Милютинъ.* Заслуги его передъ Государемъ и Отечествомъ составляютъ истинную славу нынѣшняго царствованія, и Русскій Архивъ поставитъ себѣ въ обязанность ближе познакомить своихъ читателей съ его жизнію и дѣятельностію. Здѣсь ограничимся нѣсколькими словами глубокой скорби о кончинѣ его. Немного людей, въ которыхъ бы такъ олицетворились свойства истинно-Русскаго человѣка, какъ въ Н. А. Милютинѣ. Къ числу этихъ свойствъ принадлежала удивительная простота и —можно сказать—скромность его. Въ немъ ничего не было показнаго, разчитаннаго. Про его необыкновенно-крѣпкій умъ никакъ нельзя было сказать, чтобы онъ (по выраженію поэта), *любя просторъ, тѣснилъ.* Въ общежитіи, въ бесѣдѣ съ нимъ, ничѣмъ не давалъ онъ чувствовать, какъ много было имъ сдѣлано, для блага родины. Онъ привязывалъ къ себѣ людей и нравственно подчинялъ ихъ себѣ, но такъ, что имъ легко было отъ такого подчиненія, и они оставались преданы ему беззавѣтно и навсегда.

Какъ извѣстно, въ Москву онъ переселился уже полуразрушенный тяжкимъ недугомъ; но привлекательныя свойства этого необыкновеннаго человѣка, его широкія нравственныя сочувствія, его любознательность и участіе ко всякаго рода полезной, отечественной дѣятельности собирали въ его домъ лучшее общество. До послѣднихъ дней жизни не угасала въ немъ умная, изящная привѣтливость, которая невольно влекла къ нему даже и тѣхъ людей, которые по занятіямъ своимъ имѣли мало общаго съ его трудами и не въ состояніи были оцѣнять его государственное значеніе.

Отъ себя лично не можемъ не помянуть съ искреннею признательностью о томъ дѣятельномъ вниманіи, которое дорогой покойникъ оказывалъ скромному нашему дѣлу и нашимъ изданіямъ.

Благо странѣ, въ которой могутъ выступать на поверхность общества такіе люди, и слава времени, въ которое они дѣйствуютъ. Поболѣе для Россіи такихъ сыновъ, и свѣтлая судьба ея обезпечена.

Миръ его праху и вѣчная ему память.

П. Бартеневъ.

29 Генваря 1872.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1872

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ выходитъ въ 1872 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя девять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года (12 тетрадей котораго разсылаются *по мѣрѣ отпечатанія* и составятъ до 2000 и выше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1872 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Русскій Архивъ 1872 года вмѣстѣ съ первыми двумя книгами XIX Вѣка— **ДВѢНАДЦАТЬ** р. съ пересылкою. Вмѣстѣ съ первыми 4 книгами XVIII Вѣка цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года— **ШЕСТНАДЦАТЬ** рублей, съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ОСТАВШІЕСЯ (СОЕДИНЕННЫЕ ВЪ ОДНУ КНИГУ) ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 И 1871 Г. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПО ШЕСТИ РУБЛЕЙ (ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЕТСЯ).

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

3 и 4. ПРИ 1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречист. вор. д. Шиловой.

1872.

ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ (БУМАГИ ГРАФА АЛЕКСАНДРА РОМАНОВИЧА ВОРОНЦОВА) **КНИГИ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЫДУТЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ СЕГО ГОДА.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ.

Кромѣ Русскаго Архива, посвященнаго изученію нашего отечества *преимущественно* въ XVIII и XIX вѣкахъ, издатель, не имѣя возможности увеличивать объемъ Русскаго Архива и не желая откладывать обнародованіе собранныхъ имъ бумагъ, нашелъ удобнымъ печатать особые *безсрочные* историческіе сборники, подъ названіемъ „Осмнадцатый Вѣкъ" и Девятнадцатый Вѣкъ".

Четыре книги „Осмнадцатаго Вѣка" и первая книга „Девятнадцатаго Вѣка" вышли и продаются каждая отдѣльно тамъ же, гдѣ и Русскій Архивъ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр. съ азбучнымъ указателемъ)

ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ

ТРИ РУБЛЯ.

Иногородные обращаются въ Москву (Мясницкая № 7) къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ на пересылку за три фунта смотря по разстояніямъ.

Вторая книга XIX Вѣка печатается.

Книги XVIII Вѣка съ азбучными указателями, для справокъ.

1 я (516 стр.) цѣна 2 р. 50 к.
2-я (592 стр.) » 3 » — »
3-я (500 стр.) » 3 » — »
4-я (536 стр.) » 3 » — »

Пересылка по три фунта за каждую книгу.

Можно получать XVIII и XIX Вѣка вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1872 годъ, не платя ничего за пересылку, по цѣнѣ:

Русскій Архивъ съ первыми четырьмя книгами XVIII Вѣка—16 руб.

Русскій Архивъ съ первою книгою XIX Вѣка 10 руб.

МЕЛОЧИ изъ запаса моей памяти. Литературныя Записки *М. А. Дмитріева*. Вторымъ тисненіемъ, съ значительными дополненіями по рукописи автора. Изданіе Русскаго Архива. 8°. 300 стр. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 3 фунта.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ вер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛУБЯНОВСКАГО.

III.

Не исключенные, не выброшенные, не выкинутые изъ службы, а отставленные, мы потому могли пріѣхать въ Москву и водворились въ домѣ князя Николая Васильевича *). Принялъ насъ, какъ отецъ принимаетъ дѣтей. Карнѣевъ скоро уѣхалъ, а я вызвался быть по прежнему адъютантомъ, и зажилъ съ Тиманомъ въ избыткѣ и удовольствіи.

Образъ жизни князя Николая Васильевича по смерти княгини, къ тому же въ отставкѣ, былъ тихій, все же боярскій; ни за столъ онъ не садился, ни вечера онъ не проводилъ безъ гостей, нерѣдко во множествѣ, всегда незваныхъ; въ домѣ его простота со строгимъ приличіемъ, но безъ всякой затѣйливой роскоши, отличалась совершеннѣйшею чистотою; во всемъ были видны порядокъ, благородство, обиліе. Въ лицѣ его, даже и въ старости, трудно сказать, чего было болѣе, величія или пріятности; по такому лицу невольно почтилъ бы великаго человѣка и въ рубищѣ; огонь и разумъ изъ глазъ его изливались въ голосѣ свѣтломъ, въ рѣчи ясной, безхитростной, свободной, но кроткой. Въ гостинной онъ съ рѣдкимъ искусствомъ и съ постояннымъ радушіемъ заводилъ и оживлялъ отъ мелкихъ предметовъ общую бесѣду, всегда занимательную; съ однимъ дѣлилъ печалъ съ другимъ радость; никогда не выходило изъ устъ его слово презрѣнія; ни амъ онъ и никто у него не говорил о правительствѣ; не было также ни игры въ карты, ни злорѣчія, ни пересудовъ ни на чей счетъ; никогда онъ не говорилъ о себѣ и о службѣ своей; любилъ похвалить другаго, вспомнить о знаменитыхъ людяхъ прошедшаго времени, разсказывать случаи изъ практической жизни, слушать любопытные и забавные разсказы. Не проходило вечера, въ который не вынесъ бы я чего нибудь для себя новаго изъ гостиной князя Николая Васильевича. Нѣсколько такихъ пріобрѣтеній.

Зашла рѣчь о гр. Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ. Князь отозвался о немъ съ отличнымъ уваженіемъ, называлъ его разумнымъ и искуснымъ администраторомъ по военной и гражданской части. Не безъ грѣха же и онъ былъ, сказалъ при этомъ одинъ изъ собесѣдниковъ: Императрица вздумала прогуляться въ саняхъ; солдатъ прокрался при сходѣ съ лѣстницы съ просьбою на головѣ; велѣла флигель-адъютанту принять просьбу и доложить, когда воротится, а солдату дождаться. Была то жалоба отъ всего стоявшаго въ Казани полка на полковника. Въ тотъ же день на вечерней бесѣдѣ Императрица отдала жалобу графу Захару Григорьевичу и приказала нарядить на мѣстѣ строгое слѣдствіе, а солдата, пока оно кончится, у себя подержать. Розыскъ тянулся; потомъ и розыскъ, и солдатъ вышли изъ памяти. У полковника было много родни; наступили на Чернышева; тотъ, видя, что о слѣдствіи не спрашивали, послалъ солдата не въ ближнее мѣсто. Свѣдала про то Императрица: «А что наше Казанское слѣдствіе?» спросила Чернышева черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на вечерней же бесѣдѣ.—Еще не кончено.—«А солдатъ, что̀ подалъ мнѣ просьбу?»—Живетъ у меня; къ обѣду ему три блюда и къ ужину три, чарка вина, пива

*) Репнина.

бутылка. — «Imposteur, вспыхнула Императрица, меня спроси, гдѣ онъ». Велѣла возвратить солдата въ полкъ съ награжденіемъ и немедленно представить ей слѣдствіе. Полковникъ отставленъ. Что̀ же этимъ доказывается? говорилъ князь; что и разумный и правдолюбивый человѣкъ легко еще можетъ спотыкнуться, и что всякому изъ насъ надобно безсмѣнно стоять на часахъ у себя. Графъ Захаръ Григорьевичъ, впрочемъ, былъ дѣйствительно скоръ и горячъ. Въ семилѣтнюю войну чуть не оторвалъ пальца у главнокомандующаго Бутурлина. Совѣтовались, гдѣ и какъ дать сраженіе, ходили по картѣ; главнокомандующій искалъ Одеръ и спрашивалъ, гдѣ жъ эта рѣчка? Схватилъ Чернышевъ фельдмаршала за палецъ; этотъ кричитъ «больно! а онъ бѣгаетъ его пальцемъ по Одеру и твердитъ ему: «не рѣчка, ваше сіятельство, а рѣка, рѣчище, Одерище».

Пріѣхали на вечеръ съ большаго у кого-то обѣда, гдѣ говорено было о ревизіи губерній: разсылались въ ту пору сенаторы по губерніямъ. Старикъ въ звѣздахъ разсуждалъ за столомъ о пользѣ ревизіи для государства: обмоетъ губернію, выброситъ соръ, разбудитъ сонныхъ; народъ оживетъ и будетъ благословлять Государя. «Если только эта ревизія (вдругъ раздался голосъ съ конца стола) пойдетъ не такъ, какъ была ревизія при покойной Императрицѣ».—А какъ была та ревизія? спросилъ старикъ въ звѣздахъ.—«Не знаю гдѣ какъ, отвѣчалъ голосъ съ конца стола, а какъ она была въ Тулѣ, ваше превосходительство, про то нельзя мнѣ не знать: я былъ тамъ въ то время на службѣ».—Старикъ въ звѣздахъ замолчалъ. Другіе покоя не дали голосу съ конца стола, пока не разсказалъ, какъ дѣлается сенаторская ревизія. Онъ служилъ тогда депутатомъ отъ Ефремовскаго уѣзда; всѣ депутаты были собраны и съ двумя уѣздными предводителями верхомъ на лошадяхъ отправлены верстъ за пять отъ Тулы для встрѣчи сенаторовъ; приняты благосклонно и поскакали по два въ рядъ, кто какъ умѣлъ, передъ экипажемъ. Въ приготовленномъ для пребыванія сенаторовъ домѣ у подъѣзда ожидалъ ихъ намѣстникъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ со всѣми властями; послѣ чая пошли представленія, потомъ ужинъ. На другой день ихъ высокопревосходительства слушали молебствіе въ соборѣ и оттуда посѣтили присутственныя мѣста, гдѣ отъ всѣхъ высшихъ и нисшихъ начальниковъ милостиво приняли рапорты. Въ этотъ день обѣдъ былъ у намѣстника и балъ у него же. На третій день осматривали оружейный заводъ, обѣдали у губернатора, на балѣ были у губернскаго предводителя. На четвертый день обозрѣвали городъ и окрестности, кушали у вице-губернатора, вечеръ провели на балѣ у губернатора. Въ пятый день ревизія заключилась раннимъ обѣдомъ у намѣстника. Сенаторы, входя въ экипажъ, изъявляли всѣмъ, большому и малому, отличное удовольствіе и признательность за усердіе къ службѣ и найденный ими вездѣ отличный порядокъ; затѣмъ съ Богомъ отправились, а мы, депутаты, съ двумя предводителями какъ встрѣтили, такъ и провожали ихъ за городъ.—Старикъ въ звѣздахъ послѣ стола тотчасъ уѣхалъ. Ни хозяинъ и никто изъ гостей не вѣдали, ни гадали о допотопной ревизіи въ Тулѣ, а голосъ съ конца стола не узналъ старика въ звѣздахъ: онъ-то и былъ одинъ изъ сенаторовъ-ревизоровъ. Посмѣялись, и князь улыбался.—«Мо-

гло это и такъ быть, говорилъ, но могло такъ быть и потому, что ревизоры знали Кречетникова, а онъ зналъ свое дѣло; Михайло Никитичъ ни самъ, и подъ нимъ никто, не дремалъ».

«Послали меня въ молодости, по тогдашнему обычаю, въ Парижъ, гдѣ я весело жилъ и проказничалъ, — разсказывалъ князь. Пріѣзжаетъ къ нашему послу курьеръ и между прочимъ привозитъ ему отъ Императрицы Елисаветы Петровны повелѣніе—немедленно выслать меня въ Петербургъ; за что и про что, ни посолъ, ни я не понимали. Явился я къ Государынѣ».

— «Здравствуй, Николаша! — такъ изволила называть меня,—ты, небось, испугался? Въ Парижѣ, слышу, ужасть, какой развратъ и распутство: Бога забыли. Вспомнила о тебѣ: что̀ тебѣ дѣлать въ этомъ Содомѣ? Живи лучше дома!» — Елисавета Петровна, разсказывалъ князь, отмѣнно жаловала его еще съ ребячества; брали его потому и въ придворные маскарады, когда назначалось быть всѣмъ дамамъ въ мужскомъ платьѣ, а всѣмъ мужчинамъ въ женскомъ; во всей Венгріи и со свѣчею не отыскалось бы Венгерца прелестнѣе Императрицы; за нимъ же пожилыя статсъ-дамы бѣгали, не та-другая ловила его и уводила въ скромное мѣсто.... »

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, пока жилъ въ Москвѣ, рѣдкій вечеръ не былъ у князя Николая Васильевича. Однажды онъ разсказывалъ. Когда, по кончинѣ Императрицы Екатерины, Государь приказалъ ему, не помню съ кѣмъ, разобрать кабинетъ, то въ бюро найдены двѣ связки почтовой бумаги, перевязанныя на̀ крестъ голубыми ленточками, за собственною маленькою печатью и съ собственноручною надписью: à mon fils Paul après ma mort. Государь, удивленный, сорвалъ печати и съ нетерпѣніемъ пересматривалъ листы одинъ за другимъ; на одномъ листѣ остановился и со слезами сказалъ: «Боже мой! какъ я несчастливъ! Узнаю это только теперь» —оставилъ у себя эти бумаги.

Спустя много лѣтъ послѣ того, ходили по рукамъ записки, «Mémoires secrets de l'Impératrice Catherine II»: тѣ ли двѣ связки или другія подъ этимъ названіемъ, ея ли или чужое сочиненіе? Мнѣ удалось читать списокъ съ нихъ, оканчивающійся 1758-мъ годомъ. Много въ нихъ согласнаго съ преданіями о тогдашнемъ времени. Есть въ нихъ и историческіе факты: ихъ, впрочемъ, немного, да и описаны на̀ скоро, какъ то: низложеніе канцлера Бестужева. За то весь домашній бытъ Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, какъ на ладонѣ: много забавнаго, много мелкихъ интригъ между придворными, много игры словъ, несовсѣмъ непорочныхъ; много намековъ и поводовъ, Богъ вѣсть, къ какимъ толкамъ и заключеніямъ. Подумаешь, что само простосердечіе, съ нещадною для самого себя откровенностью, свободно ведетъ разсказъ про себя и про свои небезгрѣшныя молодецкія отъ скуки проказы и похожденія, вызовы кошачьимъ мяуканьемъ на ночныя свиданія, подготовленныя встрѣчи и проч., и проч. Но когда тоже перо и съ неменьшимъ простосердечіемъ передаетъ задушевную мысль, которая родилась въ молодой принцессѣ (коль скоро она, прибывъ къ чужому двору, осмотрѣлась) которая съ годами и съ обстоятельствами все болѣе въ ней укоренялась, въ которой одной наконецъ она находила успокоеніе, силу терпѣнія, отраду и крѣпость во всѣхъ огорченіяхъ, въ одиночествѣ и униженіи, въ горькихъ

слезахъ и лишеніяхъ, въ скорбяхъ и нуждахъ всякаго рода; — мысль, а потомъ таинственный, изъ глубины души, голосъ, что ей суждено быть Императрицею и Самодержицею всея Россіи: то трудно повѣрить, чтобы тотъ, кто столько лѣтъ жилъ одною непреоборимою вѣрою въ будущую высокую судьбу свою, рѣшился самъ собственноручно написать и потомству оставить такой аттестатъ о себѣ, да еще и не въ покаяніе.

Юрій Александровичъ Нелединскій Мелецкій также часто бывалъ у князя Николая Васильевича, — одинъ изъ пріятнѣйшихъ его собесѣдниковъ. Разсказывая про путешествіе Павла Петровича въ Казань, описывалъ, какъ однажды и онъ, и вся свита перепугались: — пріѣхали на станцію, гдѣ обѣдъ былъ приготовленъ. Императоръ вошелъ въ двухэтажную избу; на площади передъ избою было множество народа; вдругъ зовутъ къ Государю земскаго коммисара; черезъ нѣсколько минутъ этотъ выскочилъ ни живъ, ни мертвъ, бросился въ толпу, какъ угорѣлый. Въ одинъ моментъ вынесли столъ изъ избы: Государь не изволилъ кушать. Поставили столъ для свиты въ сараѣ; но до обѣда ли? Отыскали земскаго коммисара; было это въ Ярославской губерніи. Императоръ спросилъ его, имѣлъ ли онъ повелѣніе не выпускать никуда изъ деревни двухъ братьевъ Колоколовыхъ? и на отвѣтъ, что оно строго исполняется, указавъ ему изъ окна на стоявшаго въ толпѣ высокаго ростомъ, пожилаго мужчину въ длинномъ синемъ сюртукѣ, — Знаете ли вы, сказалъ коммисару, что это за человѣкъ? онъ..... отца моего. Прочь его съ глазъ, а вы впередъ будьте исправнѣе». Дѣйствительно, то былъ одинъ изъ Колоколовыхъ; жилъ послѣ Ропши въ деревнѣ, недалеко отъ той станціи. Весь тотъ день Его Величество былъ задумчивъ, но не гнѣвенъ. Впослѣдствіи крестьяне этого Колоколова принесли на него всеподданнѣйшую жалобу: велѣно разсмотрѣть ее, но Колоколова не обидѣть.

Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ собрались на святки къ митрополиту Платону въ Сергіеву лавру. Князь отпустилъ съ ними Тимана и меня. Болѣе двухъ недѣль мы прожили въ лаврѣ, гдѣ тогда, 25-го Декабря 1799-го года, рукоположенъ во епископы бывшій потомъ Новгородскій митрополитъ Серафимъ. Провели мы это время съ удовольствіемъ и не безъ пользы: осматривали святыню, сокровища, библіотеку, памятники лаврскіе; любимую свою Виѳанію митрополитъ самъ намъ показывалъ. Обѣдали у него въ часъ пополудни; за обѣдомъ и кромѣ насъ всегда были гости; въ 7-мъ часу вечера приходили къ нему чай пить, просиживали у него до 11 часовъ; ввечеру, кромѣ него, Лопухина, Тургенева, Тимана и меня, слушателя, никого не бывало.

Знатенъ и славенъ былъ на Руси Московскій митрополитъ Платонъ. Съ обширнымъ знаніемъ, съ короткимъ знакомствомъ съ знаменитыми людьми своего времени, съ наблюдательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи, съ счастливою памятью, онъ имѣлъ даръ слова, какъ въ проповѣди, такъ и въ разсказѣ, свободный, простой, живой, увлекательный; любилъ слушать, любилъ и самъ говорить. Проповѣди его — не образецъ краснорѣчія; но надобно было видѣть и слышать его декламацію, безъ порывовъ и вспышки, всегда умѣренную, всегда достойную сѣдинъ,

сана и святыни. Онъ зналъ тайную силу голоса, всегда у него свѣтлаго; зналъ, гдѣ возгремѣть и гдѣ стихнуть, для своей цѣли; разумѣлъ дѣйствіе движеній и силу неожиданнаго, пламеннаго взгляда. Онъ не поражалъ и не сокрушалъ, какъ Боссюэтъ требовалъ того отъ проповѣдника слова Божія; но рѣчь его была исполнена жизни, и если не всѣ, слушая проповѣди его, отирали слезы, то конечно никто не выходилъ изъ церкви безъ сожалѣнія и желанія еще бы послушать его. Не мало было бесѣдъ у него съ Тиманомъ о философскихъ и богословскихъ предметахъ. Проповѣдь, которую онъ говорилъ 25-го Декабря 1799-го года, Тиманъ и я перевели на Французскій языкъ и поднесли ему переводъ; Лопухинъ взялся напечатать его въ Парижѣ. Онъ былъ этимъ очень доволенъ. «Что, впрочемъ теперь, — сказалъ при томъ, — наши проповѣди! Было ихъ время при Елисаветѣ Петровнѣ: надобно было тому щелчка дать, другаго съ рукъ сбыть, — къ проповѣднику! Тотъ съ каѳедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола».

При насъ пріѣхалъ въ лавру новый Калужскій архіерей Ѳеофилактъ (экзархъ Грузіи). Калужская эпархія была до того подъ вѣдѣніемъ Московскаго архіерея. На докладъ о пріѣздѣ, митрополитъ не безъ чувства сказалъ: «Прощай, христолюбивая Калуга! Благословеніе Господне на тя Того благодатію и человѣколюбіемъ!» И, вставъ со стула, преподалъ ей обѣими руками прощальное архипастырское благословеніе. Затѣмъ говорилъ: «Не часто я бывалъ въ Калугѣ, а однажды былъ тамъ съ досады. Открывалась губернія по новому учрежденію; не пристойно же, полагалъ я, да и нельзя быть такому великому торжеству безъ архіерея; ожидалъ приглашенія; ждать-пождать, — не приходило, а назначенный для открытія день былъ уже не за горами; рѣшился я посѣтить свою Калужскую паству и невзначай прибылъ въ Калугу за два дня до открытія. Кречетниковъ, намѣстникъ, тотчасъ пріѣхалъ знакомиться и говорилъ мнѣ о какомъ-то у нихъ торжествѣ. Спрашиваю, что̀ за торжество и по какому случаю? Объясняетъ. Незванный гость, того ради и лишній: хочу уѣхать. Уговариваетъ; остался и спрашиваю: что̀ же мнѣ дѣлать на торжествѣ? Присылаетъ церемоніалъ. Смотрю, между прочимъ написано: палить изъ пушекъ и на всѣхъ колокольняхъ звонить во всѣ колокола, когда намѣстникъ, въ день открытія, отправится въ соборъ къ обѣднѣ. На все я согласился, кромѣ звона намѣстнику во всѣ колокола; пріѣхалъ въ соборъ и безъ колокольнаго звона. Открывъ губернію въ Калугѣ и потомъ въ Тулѣ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ съ донесеніями, какъ это водилось; на возвратномъ пути посѣтилъ меня и разсказывалъ, какъ былъ принятъ отмѣнно милостиво, въ уборной. — «Былъ у васъ въ Калугѣ при открытіи Московскій архіерей? спросила его между прочимъ Императрица: какъ вы встрѣтились? Вѣдь онъ не безъ норову». — Встрѣтились пріятелями, разстались друзьями. — «А здѣсь какая прошла клевета — продолжала — увѣряли, что онъ въ день открытія, при поѣздѣ въ соборъ, требо-

валъ отъ васъ для себя пальбы изъ пушекъ. Я не повѣрила: пришлось бы тогда вамъ требовать себѣ отъ него звона во всѣ колокола».

Много разсказывалъ митрополитъ о князѣ Потемкинѣ, называлъ его своимъ другомъ. Первый шагъ его: превосходно умѣлъ онъ языкъ ломать, поддѣлываться подъ чужой голосъ и выговоръ; забавлялъ тѣмъ Орлова Григорія; захотѣла по этому Императрица взгянуть на забавника. При первомъ представленіи онъ такъ удачно и смѣло отвѣчалъ на вопросъ ея порусски, ея голосомъ и выговоромъ, что она до слезъ расхохоталась. Черезъ нѣсколько дней на вечерней бесѣдѣ она играла въ карты. Орловъ былъ въ партіи. Потемкинъ, молодой офицеръ гвардіи, подошелъ къ столу, сталъ возлѣ Императрицы и руку на столъ положилъ. Орловъ тихомолкомъ хотѣлъ замѣтить ему неприличіе такой вольности.—«Оставьте его, сказала Императрица: онъ вамъ не мѣшаетъ».

Описывалъ митрополитъ торжественную аудіенцію, когда Сvнодъ благодарилъ Императрицу за освобожденіе архіеревъ и монастырей отъ суеты суетствій, отъ вотчинъ. Новгородскій (Димитрій Сѣченовъ) не былъ при этомъ; все дѣлалось черезъ него, да онъ уже видѣлъ свою ошибку въ надеждахъ: духу не достало сказать благодарственную рѣчь; говорилъ Гавріилъ, тогда Петербургскій, потомъ Кіевскій *). Собрались у Кулябки, Кіевопечерскаго архимандрита и, выпивъ рюмки по двѣ стараго Венгерскаго, отправились во дворецъ въ придворныхъ каретахъ. Было тамъ многое множество съ радостными лицами, какъ въ свѣтлый праздникъ или послѣ побѣды надъ супостаты. Отворились двери въ тронную. Въ порфирѣ и въ коронѣ, высоко и величаво, сидѣла Императрица подъ балдахиномъ; у подножія трона стояли съ одной стороны Русская знать, мужчины и женщины, съ другой — иностранная министерія. Церемоніймейстеры съ жезлами встрѣтили на порогѣ и ввели депутацію; совершивъ три поклоненія, стали по старшинству одинъ за другимъ; Платонъ послѣдній за великаномъ Кулябкою. Гавріилъ, ступивъ три шага впередъ, говорилъ благодарственную рѣчь. За вотчины даны штаты. Гавріилъ, въ продолженіе рѣчи, три раза восклицалъ: «о! блаженные штаты!» Кулябка, три же раза, поворачивая голову къ Платону, шепталъ на хохлацкомъ языкѣ что-то гораздо неблагодарственное. Платонъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Императрица потомъ сошла съ трона, сказала депутаціи милостивое слово, откланялась и удалилась. Конецъ дѣлу и Богу слава, а власти воротились къ Кулябкѣ допить Венгерское за упокой вотчинъ.

Знатному сановнику съ другими наградами за службу торжественно обѣщана похвальная грамата съ описаніемъ подвиговъ его во славу отечества: дорожилъ ею, но долго не получалъ ея; приписывая это забвенію при множествѣ дѣлъ, просилъ, кого слѣдовало, напомнить Императрицѣ о граматѣ. — «Ея Величество, тотъ отвѣчалъ, отозвалась на докладъ его, что грамата не прислана ему затѣмъ, что Московскій архіерей еще не сочинилъ ея». — Съ этимъ отвѣтомъ онъ по обычаю пріѣхалъ на вечеръ къ митрополиту. Оставшись глазъ-на-глазъ, гость началъ съ вопроса хозяину: какъ онъ назоветъ человѣка, который выдаетъ себя за

*) ?

друга его и которому стоило бы удѣлить не болѣе часа изъ своей жизни, чтобы утѣшить его на всю жизнь; а онъ и того не хочетъ сдѣлать?—Какой это другъ? Это обманщикъ, отвѣчалъ хозяинъ.—Самъ себя назвалъ, сказалъ хозяину гость, показывая письмо съ отзывомъ Императрицы.

Гость мой, говорилъ митрополитъ, принялъ тотъ отзывъ за чистыя деньги, а въ немъ сказано было ему вотъ что: довольно-де для тебя и той граматы, что̀ ты сочиняешь мнѣ съ Московскимъ архіереемъ. Мы видались весьма нерѣдко, и любимый нашъ разговоръ между четырехъ глазъ былъ объ Императрицѣ. Судили и рядили нещадно. Провѣдала и не пропустила случая дать намъ щелчка, не прямо въ глазъ, подолгоруковски, а мѣтко въ бровь.

Тиманъ спросилъ: Что это подолгоруковски?—Какой-то генералъ, отвѣчалъ митрополитъ, присталъ къ Долгорукову-Крымскому и добивался знать, что̀ онъ думалъ о немъ. Тотъ долго отнѣкивался, потомъ требовалъ слова не сердиться за то, что̀ сорвется у него съ языка, и послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей, какъ тотъ не отставалъ: — ты изъ каналій каналья, сказалъ ему; самъ хотѣлъ; слышали честные люди?

Императрица (разсказывалъ митрополитъ) на возвратномъ пути изъ Крыма пріѣхала въ Москву съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ какихъ-то мартинистовъ: негодовала, что улицы въ подмосковныхъ посыпаны были пескомъ; видя на улицахъ въ Москвѣ также песокъ, и къ тому еще темносѣрую краску на фонарныхъ столбахъ, называла это предзнаменованіемъ похоронъ ея, все по наущенію мартинистовъ. Въ Успенскомъ соборѣ архимандритъ въ ея присутствіи говорилъ проповѣдь; показался ей и онъ мартинистомъ. «Меня здѣсь погребаютъ, говорила Платону, да и проповѣдникъ вашъ долженъ быть темный мартинистъ; посмотрите на него, кости да кожа, весь высохъ».—Тогдашній же губернаторъ Московскій разсказывалъ мнѣ (продолжалъ митрополитъ), что она, призвавъ его въ кабинетъ, съ гнѣвомъ говорила ему о погребальномъ пескѣ, о злодѣйскихъ намекахъ въ газетахъ, объ изданіи возмутительныхъ книгъ подъ названіемъ духовныхъ, о потачкѣ его всему тому въ угодность мартинистамъ,—и выслала его изъ кабинета. Вскорѣ затѣмъ приказала воротить его и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы: «да ты, видно, сказала, и въ самомъ дѣлѣ не мартинистъ, пополнѣлъ; поди же конфискуй типографію Новикова».

Уходили мы отъ митрополита каждый разъ съ сожалѣніемъ, что надобно было перестать его слушать.

Воротились мы изъ лавры. Не безъ занятія былъ я у князя Николая Васильевича, а онъ все думалъ, что я жилъ въ праздности Родственница его, весною 1800 года *), ѣхала къ водамъ за границу: онъ отпустилъ меня съ нею. И онъ, и первый мой благодѣтель И. В. Лопухинъ благословили меня въ путь съ отеческою любовію, и между прочими наставленіями взяли съ меня клятвенное слово не вступать въ масонскія ложи и ни въ какія тайныя общества. Тиманъ отъ того же остерегалъ меня, давъ мнѣ множество писемъ къ своимъ знакомымъ въ Германіи и Италіи. Нога моя потому никогда не

*) Княгиня Лобанова-Ростовская, ур. Безбородко. *П. Б.*

была ни въ одной масонской ложѣ и ни въ какомъ тайномъ обществѣ, хотя я слылъ у многихъ не только масономъ, но и мартинистомъ.

Нѣмецкіе города были въ то время наполнены масонскими ложами, не взирая на то, что великіе мастера, такъ называемые отцы ихъ, завѣщательнымъ пастырскимъ посланіемъ—Hirten-Brief—заключили всѣ сношенія съ ними, положивъ на себя ненарушимое Silanum. Писано оно въ началѣ Французской революціи, когда мятежный духъ новой философіи и безвѣрія началъ проникать и въ эти общества. Съ тѣхъ поръ уже не было въ нихъ, да и не могло быть, ничего путнаго. У насъ эти ложи закрылись въ исходѣ минувшаго столѣтія, но въ началѣ нынѣшняго возобновились. Еще въ 1810 году знакомые въ Москвѣ приглашали меня въ ложи, показывали мнѣ и такъ называемыя работы свои: суесловіе, которое и разумные люди могутъ же, въ какомъ-то затмѣніи, считать важнымъ и полезнымъ. Это были овцы безъ пастырей въ разсѣяніи. Не было у нихъ чистой, высокой, нравственной цѣли; едва ли кто изъ нихъ и понималъ ее. Самъ Феслеръ, преобразователь масонскихъ ложъ въ Берлинѣ, основатель по своей системѣ ложи и въ С. Петербургѣ, не хотѣлъ ли, не умѣлъ ли сказать мнѣ, что̀ есть истинное масонство. Если вѣрить неложнымъ преданіямъ, стариннымъ, въ добромъ духѣ писаннымъ книгамъ и послѣднему прощальному посланію, то истый франмасонъ былъ не тотъ, кто зналъ обряды, знаки, пароли, лозунги, притчи, символы этого толка; и не тотъ, кто могъ разсказывать слышанное про Египетскія мистеріи, про труды въ строеніи Соломонова храма, про смерть великаго зодчаго Гирама, или про седмь столповъ, утвержденныхъ премудростью въ ея домѣ, или про сраженія съ химерою и другими чудовищами въ потьмахъ и еще на краю пропасти; и даже не тотъ, кто твердилъ себѣ и другимъ: будь благъ и совершенъ безъ страха наказанія, но и безъ всякой надежды на вознагражденіе; — а тотъ, кто, мимо всѣхъ символовъ и образовъ, съ твердою вѣрою въ воплотившагося спасенія нашего ради Сына Божія Іисуса Христа и съ любовью къ Нему, николиже отпадающею, работалъ съ простымъ окомъ и помышленіемъ надъ самимъ собою, надъ потаеннымъ сердца человѣкомъ, надъ внутреннимъ своимъ храмомъ, соединяя съ тѣмъ дѣло любви къ ближнему въ нравственныхъ и тѣлесныхъ его недугахъ, страданіяхъ, нуждахъ. Такихъ франмасоновъ вездѣ, и у насъ, какъ я слышалъ, было очень, очень немного. А обществъ мартинистскихъ, кажется, совсѣмъ у насъ не было, хотя они и были преслѣдуемы. Былъ во Франціи извѣстный писатель S-t Martin, человѣкъ весьма умный и глубоко-религіозный; изъ сочиненій его книга «Des erreurs et de la vérité» вышла до революціи, но уже тогда, когда имя Того, Кому Богъ даровалъ имя, еже паче всякаго имени, да о имени семъ всяко колѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, — между такъ называвшимися тогда мыслящими и просвѣщенными людьми безнаказанно не произносилось. Этою книгою онъ, одѣвъ искусно въ ней истину покровами, хотѣлъ заставить вѣтренныхъ, легкомысленныхъ, буйныхъ, но остроумныхъ своихъ соотечественниковъ одуматься и осмотрѣться. Сдѣлалась она извѣстною; но по духу вѣка нравилась не вездѣ, и у

насъ, весьма немногимъ. Оттого всякаго на кого падало подозрѣніе въ несогласіи съ философіею, тотчасъ записывали въ мартинисты.

*

Выѣхавъ за Русскую грань, спѣшили мы въ Карлсбадъ. Однажды тамъ, идучи въ 9 часовъ утра отъ Мельбруна домой, неожиданно я встрѣтилъ на улицѣ покойнаго гр. Николая Петровича Румянцова. Имѣлъ я честь видѣть его сіятельство въ домѣ князя Николая Васильевича; но не воображалъ себѣ, чтобы лицо мое могло быть не совсѣмъ чужимъ для него и еще на чужой сторонѣ; онъ былъ такъ милостивъ, что не только узналъ, но, остановивъ меня, съ благосклоннымъ участіемъ предостерегалъ отъ бѣды, которую я накликалъ самъ на себя тѣмъ, что одѣтъ былъ не по указной формѣ и ходилъ въ круглой шляпѣ. Самъ же его сіятельство въ 9 часовъ утра былъ во Французскомъ кафтанѣ, въ длинномъ камзолѣ, въ распудренныхъ букляхъ, съ длинною косой, съ треугольникомъ на головѣ, въ башмакахъ съ широкими пряжками. Заѣхалъ въ Карлсбадъ на нѣсколько часовъ повидаться съ знакомымъ.

Съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ въ томъ же году я познакомился въ Теплицѣ такимъ образомъ: выходя изъ дому, на крыльцѣ, я сказалъ что-то по русски своему человѣку; въ то самое время кто-то сходилъ съ крыльца смежнаго дома: это былъ графъ Сергѣй Петровичъ. Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Не успѣлъ я войти къ нему, какъ онъ съ веселымъ лицомъ и со смѣхомъ встрѣтилъ меня вопросомъ: изъ какой я школы — Лопухинской или Репнинской, и за тѣмъ осыпалъ меня вопросами о масонскихъ ложахъ и о мартинистахъ. Я руками и ногами отбивался, а онъ на своемъ стоялъ, называя меня молодымъ, но уже темнымъ мартинистомъ. Отсюда забавныя пренія между нами каждый день за обѣдомъ и послѣ въ прогулкахъ по окрестностямъ Теплица. Съ умомъ необыкновенно бѣглымъ и острымъ и съ счастливою памятью, графъ Сергѣй Петровичъ безмѣрно много читалъ и, выключая нѣкоторые предметы, о которыхъ онъ, казалось, ничего знать не хотѣлъ, мало было такихъ, о которыхъ онъ не имѣлъ бы разнообразнѣйшихъ свѣдѣній. Съ благодарностью вспоминаю о постоянной ко мнѣ его благосклонности.

Тогда же въ Теплицѣ я случайно познакомился съ докторомъ Гошъ: принялъ меня дружелюбно, и рѣдкое утро проходило безъ того, чтобы онъ послѣ ванны не бесѣдовалъ со мною въ роскошномъ саду князя Клари, — антиподъ графа Сергѣя Петровича по образу мыслей. Не одинъ разъ онъ со слезами говорилъ мнѣ, что младшій братъ его, знаменитый генералъ Гошъ, унесъ съ собою въ гробъ всю радость его жизни и оставилъ его сиротою на землѣ. Разсказывая про извѣстное 5-го Октября нападеніе Парижской сволочи на Версальскій дворецъ, онъ съ нѣкоторою гордостью говорилъ, что братъ его Гошъ, тогда еще сержантъ, съ другимъ, помнится Міомандромъ, двое, вѣрные долгу, прогнали отъ дверей кабинета несчастной Маріи Антуанеты цѣлую стаю голодныхъ тигровъ и кровожадныхъ фурій.

Зиму $\frac{1800}{1801}$ г. мы провели въ Дрезденѣ: тамъ получили извѣстіе о кончинѣ Императора Павла, прежде оффиціальнаго, частное—съ непонятною скоростью, хотя тогда не только не было телеграфовъ и желѣзныхъ до-

рогъ, но и шоссе еще рѣдко гдѣ показывалось. Изъ Русскихъ въ ту зиму въ Дрезденѣ составилась бы порядочная колонія; но всѣ мы, и знатные и безвѣстные, и старые, и молодые, мужчины и женщины, приняли эту вѣсть, къ удивленію туземцевъ, съ горестными и чувствами и лицами.

Къ Родіону Александровичу и Варварѣ Ивановнѣ Кошелевымъ я имѣлъ письмо отъ Сергѣя Ивановича Плещеева: принятъ ими съ отличнымъ благорасположеніемъ, и они же ввели меня въ домъ графа Виктора Павловича Кочубея, гдѣ я представленъ и Натальѣ Кириловнѣ Загряжской. При этихъ именахъ живо представляется мнѣ вся благосклонность, а когда я занемогъ въ Дрезденѣ, то и все заботливое попеченіе этихъ особъ обо мнѣ, безвѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не чужомъ для нихъ лишь потому, что и ихъ и моя родина была Русь святая. Довольно было бы и этого для души, незнакомой съ неблагодарностью; но я находилъ въ нихъ до конца ихъ жизни тоже, ничѣмъ съ моей стороны не заслуженное, но всегда неизмѣнное ко мнѣ благорасположеніе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни встрѣчалъ ихъ, и при всѣхъ со мною невзгодахъ. Наталья Кириловна была даже такъ милостива, что частехонько требовала отъ меня отчета въ моихъ занятіяхъ и Дрезденскихъ знакомствахъ. «Не хотѣлось бы мнѣ, мой милый,— говорила мнѣ, — чтобы ты избаловался».

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ въ Дрезденѣ былъ тотъ же знатный Русскій бояринъ по гостепріимству. Не говоря о балахъ у него и обѣдахъ, мнѣ онъ приказывалъ бывать у него и по утрамъ; иногда при мнѣ одѣвался; на рукахъ, какъ вервіи, сплетены были жилы; разсказывалъ о Чесменскомъ дѣлѣ. Останавливался съ флотомъ въ Ливорно. Тутъ заболѣла у него поясница; посовѣтовали ему обливаться холодною водою; вмѣсто обливанья, пошелъ въ море, а оно на ту пору разыгралось; сталъ лицомъ къ берегу и, опершись на шестъ, далъ волю морю обкачивать поясницу волнами: стало легче. Въ Москвѣ таже бѣда съ поясницею, а море не дошло туда; оборотился на порогѣ бани спиною наружу и приказалъ качать въ поясницу изъ пожарной трубы: отдало. Многое слышалъ я здѣсь отъ старика-очевидца о стоянкѣ въ Ливорно и о привезенной съ торжествомъ на корабль плѣнницѣ (княжнѣ Таракановой).

Въ Карлсбадѣ, куда мы возвратились на лѣто, получилъ я горестное для меня извѣстіе о кончинѣ князя Николая Васильевича. Отъ княгини Александры Николаевны Волконской, отъ сына ея князя Николая (потомъ Репнина), отъ И. В. Лопухина, И. П. Тургенева и князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго собралъ я слѣдующія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ его жизни.

Въ первыхъ числахъ Марта 1801 года онъ отправился въ Нижегородское свое имѣніе; пробылъ нѣсколько дней по нездоровью во Владимірѣ, а по манифесту о восшествіи на престолъ Александра I-го воротился въ Москву; не доѣзжая до дома, послалъ сказать о пріѣздѣ другу своему Лопухину. Не ожидали мы, другъ мой, (говорилъ ему) такъ скоро кончины Императора.—«Да еще какой!» сказалъ Лопухинъ. При этомъ словѣ онъ весь затрясся, и тутъ же ротъ у него покривило. Это нечаянное

потрясеніе не имѣло однакоже, по видимому, опасныхъ послѣдствій. Между тѣмъ получилъ онъ отъ новаго Императора приглашеніе прибыть въ столицу, и полагалъ отправиться въ Петербургъ послѣ именинъ своихъ 9-го Мая. Дня за три до этого числа пріѣхалъ къ нему оттуда внукъ его, князь Николай. Въ тотъ же день обѣдалъ у него И. П. Тургеневъ и нашелъ его въ домашнемъ саду. Когда внукъ туда же пришелъ, то онъ, посадивъ его подлѣ себя, со слезами спрашивалъ, не участвовалъ ли онъ въ несчастномъ событіи или не зналъ ли про то? Внукъ, призвавъ Бога въ свидѣтели, поклялся, что ничего не зналъ и не слышалъ. Тогда онъ, павъ на колѣни, благодарилъ Бога, что спасъ его внука отъ тяжкаго грѣха,—его отъ горести, а родъ его—отъ посрамленія. На другой день поѣхалъ онъ въ любимое свое Воронцово, и передъ обѣдомъ долго ходилъ по тамошнему парку съ внукомъ, преподавая ему наставленія, какъ вести себя въ различныхъ случаяхъ жизни, соблюдая въ сердцѣ страхъ Божій и вѣру въ Спасителя, любовь къ добродѣтели и къ ближнему; возвращаясь изъ саду въ домъ, совѣты и наставленія внуку такъ заключилъ: «Помни, другъ мой Николаша, слова мои; можетъ быть, мнѣ уже не удастся еще такъ поговорить съ тобою; помни Бога». Внукъ не одинъ разъ повторялъ мнѣ эти слова. Во весь тотъ день, равно какъ и въ день своего ангела, онъ былъ спокоенъ; къ вечеру 9-го Мая случился пожаръ въ сосѣдней деревнѣ; онъ стоялъ на балконѣ съ открытою головою, пока не поѣхали отъ него на помощь люди и трубы; ушелъ къ себѣ въ обычный часъ; на другой день вышелъ въ паркъ и тамъ, ходя обыкновеннымъ, бодрымъ своимъ шагомъ, вдругъ зашатался, не могъ идти, оперся на внука и на садовника; поданы кресла; самъ онъ тотчасъ велѣлъ послать за священникомъ, исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и всѣхъ своихъ благословилъ. Медицинскія пособія съ перваго приступа оказались недѣйствительными; говорилъ мало; скоро совсѣмъ не могъ говорить; нѣсколько часовъ еще дышалъ и въ тотъ же день скончался.

Не пересталъ князь Николай Васильевичъ благодѣтельствовать мнѣ и по кончинѣ своей. Въ Италіи получилъ я извѣстіе, что, по ходатайству добраго и почтеннаго Бориса Петровича Ласси, Императоръ Александръ во время коронаціи пожаловалъ отставнаго штабсъ-капитана Лубяновскаго, *служившаго съ отличіемъ при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Репнинѣ*, въ коллежскіе ассесоры съ причисленіемъ къ герольдіи до опредѣленія въ службу.

Служба заставила меня опомниться. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я: не вѣкъ же мнѣ баклуши бить! И, проживъ еще около года въ Италіи, воротился на родину. Какъ я убилъ три года въ тогдашнюю поѣздку мою за границу, про то теперь, конечно, никто не полюбопытствуетъ знать изъ «Путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ «*); да и мнѣ оно памятно не потому, что въ одинъ 1806 годъ разошлось его около сорока тысячъ экземпляровъ, а потому, что отъ него у меня, за всѣми издержками, изъ ничего оказалось сто двадцать пять тысячъ рублей *).

---

*) Спб. въ Медицинско тип. 1805. 8°. Три части, безъ имени сочи ителя.

**) Слышали мы отъ современниковъ, что это сочиненіе представляло собою одинъ изъ

Къ счастію моему, нашелъ я отца и мать еще въ живыхъ; но не при чемъ было мнѣ долго оставаться у нихъ, ни въ чемъ они не могли и помочь мнѣ. Отдавъ меня Господу Спасителю нашему, обливъ слезами, они благословили меня искать службы въ Петербургѣ, куда я и пріѣхалъ въ Октябрѣ 1802-го года.

IV

Съ перваго шага въ столицѣ, я въ полной мѣрѣ почувствовалъ злополучіе ищущаго должности: судьба до той поры такъ баловала меня, что мнѣ не о чемъ было, за тѣмъ и не умѣлъ я просить о себѣ. — Не успѣлъ еще я однакоже осмотрѣться, съ какого конца начать поискъ, какъ Н. К. Загряжская прислала за мною и съ прежнею благосклонностью совѣтовала мнѣ не шататься по улицамъ, а искать службы и во всякомъ случаѣ показаться гр. В. П. Кочубею. Графъ принялъ меня милостиво, и въ Ноябрѣ 1802 года я опредѣленъ секретаремъ къ министру внутреннихъ дѣлъ: — неожиданное въ тогдашнемъ быту моемъ счастіе, которое приписалъ я Божіему Промыслу, призрѣвшему на слезы добродѣтельныхъ моихъ родителей.

Министерство внутреннихъ дѣлъ съ учрежденія его было обширнѣе нынѣшняго. Изъ отрывковъ его въ послѣдствіи составились департаменты, цѣлыя министерства. Называли его тогда блистательнымъ, а оно въ сравненіи съ нынѣшними министерствами было не только скромно, но на людей даже скупо. Нынче сто рукъ нужны тамъ, гдѣ тогда одинадцатая была лишнею. Едвали однакоже это можно безусловно приписать лишь раздѣленію работы, впрочемъ до роскоши дробному. Нужда здѣсь, кажется, сама о себѣ промышляетъ: тысячи молодыхъ людей всякаго званія, рѣдкій изъ нихъ не нищій, приготовляютъ себя по отеческому преданію къ статской службѣ дома, въ судахъ, въ частныхъ, публичныхъ заведеніяхъ, и какъ на морѣ волна за волной, такъ они толпа за толпой спѣшатъ выйти на этотъ берегъ. Изъявъ немногихъ, которымъ способности, болѣе или менѣе обработанныя наукою, и еще немногихъ, которымъ счастливые случаи пролагаютъ дорогу, большая часть, и то не всѣ правильно, изучаютъ одно ремесло, не мудреное, но въ ихъ глазахъ выше всякой промышленности, ремесло владѣть перомъ какъ челнокомъ за ткацкимъ станомъ; этимъ ремесломъ начинаютъ и оканчиваютъ служебное поприще, не приготовивъ себя ни къ чему иному, не имѣвъ къ тому и способовъ. Гдѣ же внѣ службы эти люди съ семьями нашли бы себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Надобно и то сказать, что вѣкъ нашъ мало что оставилъ на мѣстѣ, чего не переломалъ бы и не переиначилъ; пришли съ нимъ новыя идеи, новыя надобности, новыя требованія, между прочимъ и въ управленіи и въ письмоводствѣ, по стремленію къ централизаціи, къ такъ называемому упрощенію, къ точной во всемъ, большомъ и маломъ, отчетности, къ вящшему всего усовершенствованію. На все это нужны руки, и не въ маломъ числѣ.

Въ атмосферѣ министерской нельзя же мнѣ было не уклонить сердца въ словеса лукавствія, и оттого ли, или отъ чего бы то ни было, знакомыхъ у меня скоро было множество.

первыхъ примѣровъ распространенія черезъ орудія правительственныя, чего не избѣгли въ послѣдствіи и сочиненія А. С. Пушкина, на Нижегородской ярмаркѣ 1855 и послѣдующихъ годовъ. *П. Б.*

Старики жаловали меня за рѣдкое уже, какъ они говорили, почтеніе къ ихъ сѣдинамъ, заслугамъ и опытности. Въ этомъ кругу старцевъ и юношей не помню, чтобы свиданія были безъ толковъ и пересудовъ о министерствахъ. Однимъ они были не по сердцу, другіе видѣли въ нихъ починный пунктъ сближенія съ просвѣщенною Европою и достославный потому памятникъ новаго царствованія; а были и такіе, которые не находили здѣсь въ сущности ничего новаго, а только перемѣну въ названіяхъ, въ распредѣленіи, въ формѣ: не безъ министровъ же у насъ-де было и прежде.

Инымъ слѣдомъ, кажется, вышедши на свѣтъ, обозначился у насъ девятнадцатый вѣкъ, не взявъ себѣ отъ предшественника своего ни вѣры въ старинныя установленія, въ отеческія преданія, ни той власти, которая, невидимая, умѣетъ держать всякаго въ своей границѣ и въ общежитіи слыветъ авторитетомъ.

Оттого духъ, словно изъ подъ пресса, излился на всяку плоть. Надобно было видѣть тогда движеніе свѣжей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по однимъ только лѣтамъ, поколѣніе прощалось не до свиданія, а уже на вѣки вѣковъ съ старосвѣтскими предразсудками; кругомъ пошли головы отъ смѣлаго говора о государственныхъ вопросахъ и рѣзкаго указанія, чему и какъ быть по извѣстной запискѣ Лагарпа; вслухъ развивались такія идеи, которыя можетъ быть и до того были не совсѣмъ новы у насъ, но были безгласны и безсловесны: надежда, какъ вино, веселила сердца. Вслушиваясь въ бесѣды, въ этихъ недеждахъ и радостяхъ, я впервыя услышалъ рѣчь о людяхъ aux idées libérales, или, какъ тогда переводили, о людяхъ съ высшимъ взглядомъ, о необходимости общаго преобразованія, о конституціи. Удалось мнѣ въ ту пору читать переписку между двумя сановниками, изъ которыхъ одинъ правилъ отдаленною провинціею, другой стоялъ на высокомъ мѣстѣ въ столицѣ. Тотъ изъ за горъ безъ умолка твердилъ о конституціи; этотъ доказывалъ ему, что у насъ есть конституція, и другой намъ не нужно. Но на всей этой прорвѣ отъ изліянія духа, отъ натиска идей былъ, кто, не взирая на лице благости и кротости, стоялъ твердою ногою и Русь держалъ въ рукѣ мощной и крѣпкой. Скоро за тѣмъ начались войны съ Франціею, послѣдовала война отечественная, за тѣмъ побѣды, торжества и слава со всѣмъ ея обаяніемъ.

*

Въ осенній сумрачный вечеръ Императоръ изъ Казанскаго собора отправился къ арміи подъ Аустерлицъ.

Памятенъ мнѣ этотъ вечеръ по слѣдующему странному случаю. Гине, о которомъ говорено выше, пріѣхавъ изъ Риги по надобностямъ, познакомился черезъ Ригскихъ скопцовъ здѣсь съ главнымъ изъ нихъ, возвращеннымъ изъ Нерчинска, и столько насказалъ мнѣ о немъ, что и я любопытствовалъ видѣть и слышать его. Жилъ онъ тогда въ домѣ съ свѣтелкой въ Измайловскомъ полку. Случись же такъ, что Гине и я поѣхали къ нему въ этотъ же вечеръ и отъ Казанскаго же собора. Входя въ свѣтелку, я видѣлъ, въ сторону отъ лѣстницы, въ большой горницѣ много народу шумно молились. Старикъ, какъ мы вошли къ нему, приподнялся съ постели и благословилъ меня: «Се! еще одна овца заблудшая, говорилъ, возвращается въ стадо!» Вдругъ потомъ,

взявъ меня за руку, спросилъ: «Что? Алексаша уѣхалъ?» Я смотрѣлъ въ глаза ему, не понимая, о комъ меня спрашивалъ. «Ну! Государь-то, продолжалъ онъ, уѣхалъ; что будешь дѣлать?—а еще третьяго дня вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, я умолялъ его не ѣздить и войны съ проклятымъ Французомъ теперь не начинать. Не пришла еще пора твоя, говорилъ ему; побьетъ тебя и твое войско; придется бѣжать, куда ни попало; погоди, да укрѣпляйся, часъ твой придетъ; тогда и Богъ поможетъ тебѣ сломить супостата. Упаси Его Боже! А добру тутъ не быть; увидите. Надобно было потерпѣть нѣсколько годиковъ; мѣра супостата, вишь, еще неполна». Ни одного слова здѣсь нѣтъ моего. Нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посѣщенію и непонятной терпимости. Старикъ этотъ, мѣщанинъ или крестьянинъ, прозвищемъ, помнится, Савостьяновъ *), слылъ у сообщниковъ своихъ Спасителемъ. Были у него и богородица, пожилая, но еще здоровая женщина, и пророчицы. При мнѣ четыре ихъ вошли въ свѣтелку, блѣдныя, но рослыя и красивыя дѣвки: поклонились Спасителю въ землю, приняли отъ него благословеніе и, взявшись за руки, стали въ кружокъ; когда же онъ запретилъ духу, то начали вертѣться,—словно колесо закружилось,—и въ этомъ странномъ круженьи вдругъ не запѣли, а завыли. Между тѣмъ четверо же мужчинъ, сидя на скамьѣ, въ кожаныхъ рукавицахъ, били тактъ, изо всей силы хлопали въ ладоши. Я ничего не разслушалъ и не понялъ, хотя старикъ повидимому хотѣлъ потѣшить меня, приговаривая, что онъ отъ всего отрекся и все Ему отдалъ. У скопцовъ есть подспудное, пренечестивое и преуродливое повѣрье, словно отрывокъ Далайламскаго толка.

*) Не Селивановъ ли? *П. Б.*

Въ общежитіи, какъ въ воздухѣ; здѣсь вѣтеръ, тамъ мысли перемѣняются. Съ Аустерлицкаго похода замѣтно стало движеніе совсѣмъ инаго духа, по тогдашнему прозванію, религіознаго, и съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ людей съ высшимъ взглядомъ выходили въ люди религіознаго духа. Вчастую бывало слышишь отъ кого и не ожидалъ: пора прійти въ разумъ истины, искать прежде всего царствія Божія и правды Его. И дѣйствительно искали того — въ масонскихъ ложахъ, у Экартсгаузена, у Шведенборга, у Генриха Штилинга, у Грабьянки. Я былъ знакомъ со многими ищущими, но ни разу не былъ съ ними на сходкѣ; хотя тихомолкомъ воспользовался именно этимъ разгаромъ, урывками и украдкой отъ обязанностей, перевелъ, мамоны ради, Штилингову «Тоску по отчизнѣ».

Грабьянка былъ какой-то необыкновенной феноменъ (въ 1806/1807 году):—перебѣгали къ нему даже и отъ Штилинга и отъ Экартсгаузена. Я познакомился съ нимъ такимъ образомъ: пожилой д. т. совѣтникъ Данауровъ, которому я былъ извѣстенъ еще по дому князя Николая Васильевича, встрѣтивъ меня на набережной, въ разговорѣ между прочимъ удивлялся, что я не былъ еще знакомъ съ графомъ Грабьянкой; чудеса насказалъ мнѣ о немъ и позвалъ меня къ себѣ на обѣдъ, гдѣ обѣщалъ быть и Грабьянка.

Въ назначенный день я нашелъ у него человѣкъ тридцать гостей, болѣе или менѣе тогда уже извѣстныхъ то

умомъ и дарованіями, то сѣдиною отъ трудовъ службы, чинами, крестами, звѣздами: во всемъ этомъ я былъ гораздо моложе всѣхъ ихъ. Входитъ Грабьянка, посѣдѣвшій, но еще бодрый старикъ, средняго роста, съ краснымъ лицемъ, съ яркимъ огнемъ въ глазахъ: вожделѣннѣйшій благовѣстникъ не былъ бы принятъ съ бо̀льшимъ радушіемъ и уваженіемъ. Послѣ общихъ привѣтствій и лакомой закуски, хозяинъ не успѣлъ назвать меня ему по имени, какъ онъ, взявъ меня за руку, отвелъ къ окну и обдалъ слѣдующимъ,—ни буквы не прибавляю,—привѣтомъ: vous savez donc, iak sie zowie (Польская эта присказка въ разговорѣ поминутно срывалась у него съ языка) Vous savez donc que le Ciel m'a envoyé ici pour établir et organiser le nouveau royaume de Jérusalem. Rendez grace, iak sie zowie, à la Providence qui vous montre cette planche de salut *). Много и скоро говорилъ въ этомъ смыслѣ; потомъ вызвался приготовить и принять меня въ общество; назначилъ дни и мѣсто свиданія; послѣ четырехъ бесѣдъ объявилъ, что не могъ уже ступить впередъ ни шага со мною, пока я не присягну въ храненіи дальнѣйшихъ тайнъ; показалъ мнѣ при этомъ длинный списокъ членовъ своего общества, многихъ весьма не юныхъ и въ лентахъ; показалъ и форму присяги и планъ будущаго храма въ новомъ Іерусалимѣ. Я вышелъ отъ него съ отсрочкою на недѣлю для размышленія, но и съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже къ нему не возвращаться. Вѣра въ него доходила до странностей: нѣкто, самъ учитель во Израилѣ, вошедши къ нему невзначай, видѣлъ лице его преобразившимся и клятвенно увѣрялъ меня въ истиннѣ видѣнія. Грабьянка же, когда показывалъ мнѣ планъ будущаго храма, говорилъ объ этомъ самомъ видокѣ и о другомъ не менѣе горячемъ ревнителѣ, что никакъ не могъ съ ними сладить: въ будущемъ храмѣ было одно мѣсто у ногъ Богородицы и одно же у ногъ Іоанна Евангелиста; тому и другому равно хотѣлось сидѣть у ногъ Матери Божіей. Грабьянка принадлежалъ къ старинному Авиньонскому обществу и былъ въ немъ безсмѣннымъ секретаремъ или, какъ называлъ себя, лѣтописцемъ. Объ этомъ обществѣ былъ у насъ какой-то розыскъ при Императрицѣ Екатеринѣ. По словамъ лѣтописца, они въ собраніяхъ въ Авиньонѣ при единодушной молитвѣ слышали по временамъ голосъ съ неба и имъ руководствовались; по такому же голосу съ неба общество закрылось и разсѣялось, а онъ, лѣтописецъ, по внушенію свыше, сохранивъ уставъ и тайну его, прибылъ въ Петербургъ основать новое царство Іерусалимское:—тоже масонство съ различіемъ въ формахъ и въ духѣ, здѣсь католическомъ. Все это кончилось тѣмъ, что Грабьянка арестованъ и, сколько мнѣ извѣстно, скоро умеръ (*). Я зналъ сына его въ Подольской губерніи. Отецъ, разстроивъ въ молодости свое имѣніе,—жена свое во̀время еще успѣла взять у него,—промышлялъ благовѣствіемъ о при-

*) Вы конечно, что̀ называется, знаете, что Небо послало меня сюда учредить и образовать новое Іерусалимское царство. Благодарны, что̀ называется, будьте Провидѣнію, что оно указываетъ вамъ этотъ якорь спасенія.

(*) Одинъ изъ вписанныхъ въ общество членовъ, по видимому, былъ вмѣстѣ и соглядатаемъ: думаю такъ потому, что онъ мнѣ читалъ умно составленную записку объ этомъ обществѣ и что скоро затѣмъ Грабьянка арестованъ.

ближеніи царствія новаго Іерусалима; находилъ ли гдѣ, не знаю, а у насъ въ столицѣ, въ XIX столѣтіи, нашелъ къ себѣ теплую вѣру. Не въ судъ и не во осужденіе, а нельзя не подивиться, какъ люди и мыслящіе, даже чающіе утѣхи Израилевы, падки на уду всякаго тайнаго общества; словно хотятъ, сошедши тихомолкомъ съ царской, битой дороги, въ обходъ по тропѣ, болѣе прямой и болѣе близкой, опередить толпу и скорѣе дойти до рая, хотя дверь тамъ на всякъ часъ и для всякаго настежъ отворена.

Общество Авиньонское при разгарѣ Французской революціи сроднилось съ иллюминатами, удержало однакоже въ обрядахъ своихъ духъ католицизма. Одинъ изъ сообщниковъ убійцы Густава III былъ принятъ и посвященъ въ это братство: Грабьянка едва ли не былъ вводителемъ его.

*

Отошелъ я отъ министерства. Первымъ у насъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ (князь) Викторъ Павловичъ Кочубей; до того при Императрицѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, при Императорѣ Павлѣ вице-канцлеромъ; потомъ жилъ до кончины его въ Дрезденѣ. Съ умомъ, отлично и счастливо образованнымъ, къ тому сметливымъ и, какъ говорили, даже болѣе, чѣмъ осторожнымъ, съ благороднѣйшими чувствами, съ искреннею привязанностью къ особѣ Царя, онъ былъ исполненъ наилучшихъ намѣреній, желалъ добра всею волею и всѣмъ помышленіемъ, въ трудѣ не щадилъ себя. Отъ богатаго въ это министерство его сѣва не все взошло; что́ и взошло не все принялось; остались однакоже полезные памятники, не на бумагѣ только (форма сношеній, введенная нынче во всеобщее употребленіе) но на самомъ дѣлѣ; между прочимъ: распространеніе тонкорунннаго овцеводства, пособіе государственному казначейству почтовымъ сборомъ, вольный промыселъ солью въ Имперіи, Одесса, настоящій кладъ для южныхъ и западныхъ губерній.

Съ учрежденія министерства в. д. Карлъ Ивановичъ Габлицъ и Михайло Михайловичъ Сперанскій были директорами департаментовъ, по тогдашнему — управляющіе экспедиціями. Габлицъ, въ послѣдствіи сенаторъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, потому старой школы и стараго штиля, съ знаніемъ дѣла, мѣстъ, мѣстныхъ обстоятельствахъ и съ большимъ запасомъ опытности, былъ, при спросѣ—мужъ совѣта, Нѣмецъ именемъ и по вѣроисповѣданію, истый Русскій душою и сердцемъ. Онъ занялъ у опыта что-то похожее на даръ предвѣдѣнія: дѣйствительно изъ того, что́ тогда дѣлалось, мало что подержалось далѣе срока его.

Братъ его Романъ служилъ нѣкогда при графѣ Яковѣ Александровичѣ Брюсѣ. Императрица Екатерина, по смерти друга своего графини Брюсъ, велѣла ему и одному ему собрать въ ея кабинетѣ и спальнѣ всѣ ея записки къ покойной, не читать ихъ и, запечатавъ, отдать изъ рукъ въ руки самой Императрицѣ, что́ онъ и исполнилъ, но не безъ грѣхопаденія: сердился потомъ самъ на себя, что самыя короткія, но за то любопытнѣйшія изъ тѣхъ записокъ, въ судъ и осужденіе ему, не только не умерли въ его памяти, но вчастую срывались и съ языка.

Совсѣмъ изъ другаго міра былъ Михайло Михайловичъ — въ послѣдствіи графъ Сперанскій. Въ исходѣ

1802 года я нашелъ его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и уже въ числѣ знаменитостей молодаго поколѣнія по уму и витійству;—таланты тогда были еще не такъ нерѣдки, какъ нынче, по преизбытку изліянія духа. По этой славѣ, не бывъ подчиненъ, я самъ искалъ подчиниться ему: надобно было изучать человѣка. Въ продолженіи семи лѣтъ рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ мы не видѣлись и не говорили о всемъ — о земномъ и неземномъ. Это время назову я весною Сперанскаго. Лѣто его, когда и зной, и трудъ въ потѣ лица, и грозы, началось по отъѣздѣ моемъ изъ столицы. Встрѣчались мы потомъ мимоходомъ, а переписывались часто, хотя не всегда постоянно. Не называю себя, на перекоръ самолюбію, другомъ Сперанскаго, а безгрѣшно могу сказать, что мы были довольно близки другъ къ другу такъ, чтобы по временамъ видѣть себя насквозь.

Вышелъ онъ изъ безвѣстности, по службѣ, собственною своею силою ума и способностей. Умъ его въ дѣлахъ съ перваго шага рѣзко обозначался отличною способностью по одному слову, по легкому намеку разгадывать и развивать чужую мысль въ полномъ ея объемѣ, еще болѣе рѣдкимъ умѣньемъ прививать другому свою мысль, такъ чтобы тотъ и не замѣтилъ, что то не его мысль. И все онъ имѣлъ для того: — разнородныя свѣдѣнія отъ непрестаннаго чтенія съ разборчивымъ и тонкимъ разсудкомъ, богатство отъ того мыслей и стройную въ расположеніи ихъ послѣдовательность, счастливую память, пылкое воображеніе, быстрый полетъ отъ ветхаго къ новому, легкость въ работѣ, не всегда опредѣлительной, но всегда изящно отдѣланной, власть надъ собою и со всегдашнею готовностью отразить противорѣчіе, такую же готовность сождать или и совсѣмъ уступить; пріятную, мужественную наружность; лице спокойное и тогда, когда глаза не то говорили; рѣчь нетолько въ добромъ расположеніи духа, но и въ разгарѣ сердца ровную, кроткую, увлекательную. Такимъ я находилъ его во все время службы его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ наукѣ письмоводства, на сценѣ тогда не было ему равнаго.

Цвѣтущимъ, блистательнымъ періодомъ службы и жизни его представляется промежутокъ времени отъ возвращенія его изъ Эрфурта, гдѣ онъ былъ въ свитѣ государевой по званію статсъ-секретаря, до высылки его изъ столицы. Я видѣлъ только восходъ этой, по тогдашней молвѣ, славы его, уѣхавъ въ Тверь на житье въ Сентябрѣ 1809 г.; но и при мнѣ еще молодое поколѣніе примѣтно начало отлагаться отъ него по изданіи извѣстнаго указа объ экзаменахъ: — на него возвергали печаль, хотя и не справедливо, по незнанію настоящихъ побужденій. Вскорѣ за тѣмъ и старѣйшее поколѣніе, неожиданно увидѣвъ на немъ Александровскую ленту, встревожилось.

Изъ Твери, въ 1810 г., я переселился въ Москву. Говоръ о Сперанскомъ былъ тамъ скромный, какъ о человѣкѣ случайномъ и близкомъ къ Царю. Но года не прошло, какъ послышались совсѣмъ не тѣ уже рѣчи въ домахъ и на Тверскомъ бульварѣ, особенно со времени начальства гр. Ростопчина въ старой столицѣ. Удачно пущенъ былъ въ обращеніе гулъ: «деретъ кожу съ Имперіи; сгубитъ этотъ Сперанскій государство» — какъ общее мнѣніе, голосъ Москвы передъ грозою.

Какъ бы то ни было, я не видѣлся съ Михайломъ Михайловичемъ съ Сентября 1809 по 1815 годъ. Въ этомъ году дозволено ему изъ Перми водвориться въ деревнѣ своей Великопольѣ, подъ Новгородомъ. Праздникъ для меня былъ свиданіе съ нимъ въ проѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Не могли мы довольно наговориться, я особенно не могъ довольно наслушаться, и прежде всего разсказа о послѣдней передъ высылкою изъ столицы аудіенціи его у Императора. По словамъ Михайла Михайловича, въ которыхъ здѣсь нѣтъ ни одного моего, это было такимъ образомъ. Дня для доклада не было ему назначено; велѣно было однажды навсегда спрашивать по мѣрѣ надобности записками, когда явиться съ докладомъ; нерѣдко и безъ того былъ призываемъ. Записки тѣ, съ назначеніемъ дня и часа, возвращались обыкновенно съ тѣмъ же посланнымъ, рѣдко на другой день, позже никогда. Нѣсколько дней прошло безъ зова и безъ записокъ; набралось между тѣмъ къ докладу, много бумагъ; отправлена обычная записка: день, другой, третій, недѣля — записка не возвращалась. Неизвѣстность, отъ чего бы то могло быть, встревожила; но, подумавъ, до какой степени военныя приготовленія, тогда въ полномъ разгарѣ, поглощали все время и все вниманіе, этой заботѣ приписалъ онъ молчаніе и съ дня на день болѣе свыкался съ этою мыслію. Такъ прошло невступно семь недѣль, пока-то онъ обратно получилъ послѣднюю свою записку съ обычной отмѣткой числа и 8 часовъ вечера. Никого не было ни въ секретарской, ни передъ кабинетомъ. Принятъ съ тѣмъ же свѣтлымъ лицемъ и съ прежнею милостью. Послѣ краткаго объясненія, отъ чего такъ долго не видѣлись, Его Величество слушалъ доклады: все представленное, что̀ подписано, что̀ утверждено, что̀ одобрено—все съ особеннымъ благоволеніемъ. Собравъ бумаги, Сперанскій ожидалъ приказанія, отпуска. Императоръ, прошедши отъ стола по кабинету, остановился и, принявъ царскій видъ: «Надобно мнѣ, изволилъ сказать, объясниться съ вами, Михайло Михайловичъ»;—и съ разу началъ съ обвиненій, безъ малѣйшаго гнѣва и неудовольствія, съ совершеннымъ спокойствіемъ, но такъ свободно, плавно и связно, что обвиняемому между предыдущимъ и послѣдующимъ обвиненіемъ не было мѣста ни на полъ-слова. Было четыре вины; въ подкрѣпленіе четвертой, показавъ ему собственноручную записку его, Государь предоставилъ самому разсудить, могъ ли онъ за тѣмъ остаться при особѣ Его Величества?—Заключилъ потому дозволеніемъ представить лично въ слѣдующее утро просьбу объ увольненіи отъ службы. Выходя изъ кабинета, опальный оборотился отъ двери и, видя Императора въ скорбной задумчивости, въ порывѣ сердца хотѣлъ еще разъ откланяться. Крѣпко обнявъ его, Александръ Павловичь со слезами сказалъ: «имѣлъ я несчастіе—отца лишился; это другое». Разстались.

Въ четырехъ обвиненіяхъ рѣчь была (здѣсь въ краткихъ словахъ, тогда пространная) о побужденіи къ войнѣ съ Наполеономъ, о вмѣшательствѣ въ дѣла дипломатическія, о намѣреніи измѣнить образованіе Сената, послѣдняго еще не тронутаго учрежденія Петра Великаго; наконецъ о примиреніи съ Балашовымъ. Собственноручная же записка была такого содержанія: Балашовъ и Сперанскій, Богъ вѣсть за что, разошлись и долго другъ на друга скоса глядѣли. Мѣсяца за два или за три до этого происшествія, близкій къ Балашову Воей-

ковъ, по короткой связи съ близкимъ къ Сперанскому Магницкимъ, взялся съ нимъ примирить ихъ. По многимъ совѣщаніямъ стороны согласились; оставалось рѣшить, кому ступить первый шагъ. Сперанскій принялъ то на себя; но въ назначенный для перваго свиданія часъ, раздумалъ ли, или же ему не поздоровилось —не поѣхалъ къ Балашову и запискою просилъ Магницкаго предварить его о томъ черезъ Воейкова. Магницкій эту записку подлинную послалъ Воейкову; тотъ отдалъ ее Балашову: представлена какъ неопровержимое свидѣтельство собственнаго и по закону совершеннаго признанія. Въ чемъ? Зналъ про то Александръ Дмитріевичъ Балашовъ.

Въ размышленіи, какъ лучше употребить по сказанному слѣдующее утро, онъ поздно воротился домой изъ огня по пословицѣ въ полымя; нашелъ у себя незваныхъ и нежданыхъ гостей,—въ передней частнаго пристава, далѣе министра полиціи съ извѣстнымъ Сангленомъ. Министръ объявилъ ему высочайшую волю взять изъ кабинета его всѣ бумаги, представить ихъ Его Величеству, а самаго его въ туже ночь отправить съ частнымъ приставомъ въ Нижній Новгородъ: приставъ и кибитка готовы. Не рѣшился онъ оставить бумаги въ рукахъ Балашова, а подъ глазами его всѣ до одной безъ разбора запечаталъ въ пакеты съ надписью Е. И. В. въ собственныя руки и пакеты счетомъ отдалъ подъ росписку министру полиціи. За тѣмъ, сопровождаемый Балашовымъ и Сангленомъ, сѣлъ съ своимъ Лаврентіемъ въ кибитку и съ частнымъ приставомъ на облуку отправился въ Низовскую землю. Здѣсь конецъ разсказа его.

Изъ Нижняго онъ переселился въ Пермь, изъ Перми въ Великополье, отсюда въ Пензу, изъ Пензы въ Иркутскъ, оттуда уже въ Петербургъ. Въ продолженіе этого времени, послѣ свиданія въ Великопольѣ, видѣлся я съ нимъ два раза въ Пензѣ передъ отъѣздомъ въ Сибирь и при возвращеніи его оттуда; оба раза все еще съ незажившею, даже свѣжею раною въ сердцѣ, не взирая и на полученное передъ отъѣздомъ въ Сибирь собственноручное царское письмо, исполненное милости, довѣрія, желанія вновь по прежнему сблизиться и соединиться.

Сошелся я съ нимъ въ столицѣ не ранѣе 1834 года. Въ доброжелательствѣ, любви и пріязни ко мнѣ былъ онъ тотъ же, во многомъ—другой человѣкъ. Такъ въ нерѣдкихъ нашихъ по прежнему бесѣдахъ никогда я не слышалъ отъ него любимой за 25 лѣтъ передъ тѣмъ въ министерствѣ в. д. поговорки: il faut couper dans le vif, tailler en plein drap *). Почтенный Михайло Михайловичъ уже говаривалъ, что и необходимыя по времени и обстоятельствамъ перемѣны надобно вводить постепенно, съ большою осторожностію, а не ломать и передѣлывать наскоро.

Необыкновенный былъ онъ феноменъ въ кругу службы по уму, дарованіямъ и трудамъ. И о чемъ не писалъ онъ, съ своей точки зрѣнія, всегда увлекательно, по обязанности, по охотѣ, по порученіямъ? Что же и не было ему поручаемо? Самъ говаривалъ мнѣ, что во всю свою жизнь онъ столько ни о чемъ не писалъ, сколько написалъ о финансахъ. Однажды же, говоря о Сводѣ Законовъ, изданія 1832 года, самъ припомнилъ, что, по выходѣ изъ министерства в. д., бывъ назначенъ членомъ комис-

*) Надо рѣзать по живому, кроить изъ цѣльнаго сукна.

сіи составленія законовъ и, встрѣтивъ меня въ лѣтнемъ саду, сказалъ мнѣ, что онъ въ своемъ элементѣ. Дѣйствительно суждено было ему совершить истинно полезный государственный трудъ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи: — Сперанскій тѣмъ не весь и умеръ у насъ. Но здѣсь еще не весь онъ. Не забыть мнѣ уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, когда бывало онъ, отдѣлясь отъ труда и пререканій по службѣ, отъ клеветъ и пересудовъ, отъ радостей и скорбей житейскихъ, заходитъ ли всегда смѣло и далеко въ лабиринтъ умствованій человѣческихъ, раскрываетъ ли въ видимомъ твореніи премудрость невидимую, указываетъ ли перстъ Всемогущаго и неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія въ событіяхъ міра, разлагаетъ ли лукавые изгибы сердца человѣческаго, возлетаетъ ли въ порывѣ умиленія въ горнюю страну міра любви и свѣта: не переставъ бы его слушать! Такъ можетъ говорить только тотъ, въ чьемъ сердцѣ свѣтится искра святаго огня.

Нарушилъ я, чтобы не раздробляться, хронологическій порядокъ. Возвращаюсь къ министерству в. д. Письмоводство по разнымъ комитетамъ сверхъ прочихъ обязанностей, и безъ того не легкихъ, на меня же возлагалось, въ томъ числѣ и по комитету о земскомъ войскѣ, милиціи, гдѣ присутствовали всѣ министры и сверхъ того нѣсколько заслуженныхъ старцевъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова. Бумага здѣсь много терпѣла; но памятно не то, а мощь и сила царскаго слова. Царь указалъ, для защиты вѣры и государства отъ враговъ, собрать земское войско, шесть сотъ тысячь ратниковъ, одѣть, на извѣстное время снабдить продовольствіемъ и чѣмъ гдѣ можно вооружить ихъ; далъ на то два мѣсяца сроку, раздѣлилъ это войско на области, назначилъ областныхъ главнокомандующихъ, прочихъ начальниковъ велѣлъ имъ взять отъ дворянства. Давно отслужившіе службу, ветхіе лѣтами и недугами, но не любовью къ Царю и отечеству, главнокомандующіе, услышавъ царское слово, забыли и старость, и покой, и болѣзни, и черезъ 24 часа были уже на пути—графъ Орловъ Чесменскій въ Курскъ, кн. Юрій Долгоруковъ въ Кострому, князь Прозоровскій въ Херсонъ, прочіе также. Духомъ все пошло, строилось и собиралось; отцы и матери сами отдавали дѣтей Царю-Государю; деньги, оружіе, вещи всякаго рода приносились въ жертву отечеству; косы въ сабли, шины съ колесъ въ пики передѣлывались; дворянинъ только тотъ не явился на службу, кому руки и ноги переставали служить; генералы просились въ ратники; образовались сотни, полки, отряды; черезъ два мѣсяца шесть сотъ тысячь воиновъ, казаковъ по одеждѣ, съ ружьями, саблями, пиками, кому что досталось, стояли въ строю и ждали манія, чтобы итти сквозь огонь и воду, бить и колоть супостата. Нельзя было—и кто же могъ бы? равнодушно читать донесенія объ этомъ пламенномъ движеніи Русскаго духа; старики въ комитетѣ слезы роняли. Событіе, которое, какъ явленіе силы царскаго слова и Русскаго духа, безъ сомнѣнія займетъ страницу въ Исторіи.

Хуже для меня 1807 годъ не могъ оканчиваться. Графъ В. П. Кочубей собирался сложить съ себя званіе министра в. д. Я же, при неизвѣстности, могу ли остаться при новомъ начальникѣ, совсѣмъ неожиданно накликалъ еще на себя другую бѣду;—спѣшилъ, пока не упалъ курсъ на разумъ исти-

ны (о чемъ выше) показаться на свѣтъ съ своимъ переводомъ Тоски по отчизнѣ. Первыя двѣ части вышли изъ цензуры и изъ печати, слѣдующія подготовлялись. Для опыта, послужитъ-ли мнѣ счастье, сказалъ я въ типографіи пустить въ ходъ сто экземпляровъ первой части; разобраны всѣ на расхватъ. Ничего болѣе по видимому нельзя было, и то лишь мнѣ, ожидать отъ того, кромѣ пользы или убытка: вышло совсѣмъ иначе. Вскорѣ за тѣмъ министръ в. д. семь разъ сряду, съ 9 часовъ утра до 3 пополудни, не былъ принятъ съ докладомъ. Въ недоумѣніи просилъ аудіенціи. Изъявлено крайнее неудовольствіе, что держалъ при себѣ человѣка, которому мѣсто въ Якутскѣ,—кого же?—издателя Тоски по отчизнѣ. Министръ такъ и сякъ огородилъ меня; разсказавъ однакоже весь разговоръ съ Императоромъ, заключилъ тѣмъ, что мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ пропасть года на три на четыре, пока забудется, какъ и звали меня. Въ слѣдъ за тѣмъ я позванъ къ Николаю Николаевичу Новосильцову: по высочайшему повелѣнію объявилъ мнѣ за переводъ и изданіе этой книги монаршее негодованіе. Дозволивъ мнѣ прочитать ему двѣ отмѣченныя собственноручно страницы, онъ похвалилъ и мысли, и изложеніе; когда же я пожалѣлъ, что такой просвѣщенный отзывъ не дошелъ до Государя, то почтенный Николай Николаевичъ и языкомъ и руками отвѣчалъ мнѣ: «О! это не мое дѣло»,—и повторилъ мнѣ монаршее негодованіе. Тогда я просилъ его повергнуть къ стопамъ Его Величества сердечное мое сокрушеніе, что такимъ несчастнымъ образомъ я навлекъ на себя царскій гнѣвъ, и честное мое слово—все, что было у меня въ рукописи, бросить въ огонь, а изъ напечатаннаго, кромѣ разобранныхъ ста экземпляровъ, ни одного листа этой книги не взять изъ типографіи. Николай Николаевичъ потомъ объявилъ мнѣ, что Императоръ на сей разъ всемилостивѣйше изволилъ принять дворянское мое честное слово съ строгимъ однако внушеніемъ мнѣ остерегаться. Я исполнилъ свое слово буквально, а изъ типографіи не требовалъ ни листа и заготовленной для третьей части бумаги. Тяжело мнѣ было оставаться хотя и не между Якутами, все же на замѣчаніи, въ тѣни подозрѣнія.

Провидѣніе здѣсь явилось мнѣ въ лицѣ досточтимаго старца, графа (князя) Николая Ивановича Салтыкова. Хотя по закрытіи комитета о милиціи не имѣлъ я уже и повода являться къ нему за приказаніями, но фельдмаршалъ, услышавъ объ моемъ горѣ, любопытствовалъ знать отъ меня какъ все то было: съ тѣмъ я и ушелъ отъ него. Спустя нѣсколько недѣль, приславъ за мной, «не на шутку же, сказалъ мнѣ, запятнали тебя добрые люди; за малымъ стало, что въ Сибирь не отправили. Надобно было мнѣ видѣться съ Государемъ; говорили много и долго; при прощаньи попросилъ я пожаловать тебѣ что нибудь за труды въ комитетѣ: отозвался весьма немилостиво, съ жаромъ и гнѣвомъ. Я далъ пылу пройти; сказалъ, какъ самъ знаю тебя и отвѣчалъ за тебя, какъ за дѣтей своихъ и за самаго себя: смягчился и былъ даже доволенъ; самому какъ будто на сердцѣ стало легче; зналъ тебя въ лице и по бумагамъ; спрашивалъ, чего хочу для тебя. Я выпросилъ тебѣ Анну на шею съ алмазами. (Это былъ первый мой знакъ отличія). Не погибать же тебѣ отъ на

вѣтовъ; служи вѣрой и правдой; Богъ честныхъ людей не покидаетъ».

Было это въ концѣ 1807; а въ 1816 году, къ удивленію моему, изданіе этой самой роковой книги по высочайшему повелѣнію, безъ всякаго отъ меня спроса, дозволено мнѣ окончить. Князь А. Н. Голицынъ писалъ мнѣ тогда, что это было у него долго на совѣсти, пока и онъ, хотя черезъ десять лѣтъ, нашелъ случай отдать мнѣ справедливость передъ Государемъ Императоромъ. Этотъ эпизодъ въ моей жизни, мелочный и для меня лишь немаловажный, заключаетъ въ себѣ не съ одной стороны крупные уроки. Я же тѣмъ горжусь, что удалось мнѣ застать еще въ девятнадцатомъ столѣтіи истаго, правдолюбиваго Русскаго боярина старыхъ вѣковъ —князя Салтыкова.

Съ увольненіемъ гр. Кочубея отъ министерства, я терялъ любимаго и уважаемаго по уму и по сердцу начальника. Сверхъ того я почти не выходилъ изъ его дома, откуда и лучшія мои знакомства того времени. Изъ числа ихъ отъ Василія Степановича Тамары (посланникъ въ Константинополѣ, потомъ сенаторъ) я слышалъ много полезнаго. Слѣдующій же, отъ слова до слова, разсказъ его не чудесный, а любопытный. Два штабъ-офицера, раненные въ Финляндскую войну, привезены въ столицу лечиться; одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ, возвращался въ армію и пришелъ проститься съ товарищемъ, съ которымъ былъ очень друженъ; этотъ въ шутку сказалъ, если пуля невзначай угодитъ ему прямо въ сердце, то навѣстилъ бы его съ того свѣта, сказалъ бы, что̀ и каково тамъ. Обѣщано хотя и неравнодушно;—разстались. Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій; больной тихо оправлялся. Въ одну ночь видитъ во снѣ товарища. «Вотъ я сдержалъ свое слово, тотъ говоритъ ему; я убитъ сегодня въ сраженіи; здѣсь хорошо; но я еще не осмотрѣлся. Ты сходи къ В. С. Тамарѣ и попроси у него себѣ книжку что̀ у него въ коробу подъ фаянсовымъ сервизомъ; въ ней все, что̀ тебѣ нужно знать». Больной записалъ число и сновидѣніе, а по приказамъ узналъ, что товарищъ дѣйствительно убитъ того числа въ сраженіи. Сколь скоро смогъ, бросился къ Василію Степановичу. Этотъ по своему обычаю руками и ногами отбивался отъ новаго знакомства съ человѣкомъ, совсѣмъ ему неизвѣстнымъ; уступилъ наконецъ убѣдительной просьбѣ. Незваный гость объяснилъ ему причину посѣщенія, разсказалъ все какъ было, прочиталъ записку о сновидѣніи и просилъ приказать отыскать въ коробѣ съ фаянсовымъ сервизомъ завѣтную книжку. Тамара въ первый разъ въ жизни слышалъ отъ него имя покойника, а о коробѣ съ сервизомъ не зналъ не вѣдалъ. Призванъ дворецкій, и тотъ не помнилъ въ домѣ короба съ фаянсовымъ сервизомъ. Хозяинъ потомъ самъ не хотѣлъ отпустить отъ себя гостя безъ осмотра всѣхъ угловъ въ своемъ домѣ. Дворецкій повелъ его въ кладовую, оттуда въ подвалъ. Тамъ, въ темномъ углу, подъ разнымъ хламомъ стоялъ ящикъ съ фаянсовымъ сервизомъ: изъ Англіи въ Константинополь, а оттуда, обогнувъ Европу, на кораблѣ привезенъ въ Петербургъ съ другими вещами и оставался въ забытьѣ по ненадобности. Что же? Подъ сервизомъ между листовъ оберточной бумаги нашлось, въ листахъ же, прекрасное изданіе Подражанія Іисусу Христу Ѳомы Кемпійскаго на Французскомъ языкѣ. Василій Степановичъ обѣими

руками отдалъ его гостю. Я смѣло могу прибавить къ этому его разсказу только то, что Тамара не умѣлъ и въ шутку сказать неправду или назвать вещь не своимъ именемъ.

О преемникѣ гр. Кочубея кн. Алексѣѣ Борисов. Куракинѣ мнѣніе было не единодушное. Судить впрочемъ о людяхъ, даже и вблизи, очень трудно; не легче, какъ знать, какъ люди въ душѣ судятъ о насъ. Для меня онъ и съ перваго шага и въ послѣдствіи постоянно былъ отмѣнно хорошій начальникъ, хотя нещадно налагалъ на меня работу и за другихъ, такъ что я не одинъ разъ въ недѣлю приходилъ отъ него домой не ранѣе 4-5 часовъ по полуночи. За то однажды, возвратясь съ докладомъ, онъ объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе — представить Его Величеству записку и въ ней безъ жеманства сказать, чѣмъ бы я самъ хотѣлъ, чтобы Государь Императоръ изъявилъ мнѣ благоволеніе. Нравилась Его Величеству моя редакція бумагъ, подносимыхъ къ высочайшему подписанію. Такой отзывъ, написалъ я, былъ для меня выше и дороже всякой награды. Государь не повѣрилъ и пожаловалъ меня, въ Іюнѣ 1808 года, въ статскіе совѣтники. Эта записка съ означеніемъ на ней высочайшей воли хранится до сихъ поръ у меня въ подлинникѣ. Не долго я былъ подъ начальствомъ князя Куракина; но это было для меня тяжелое время, мимо другихъ причинъ и потому, что ко мнѣ перешло и все то, что̀ прежде дѣлалъ М. М. Сперанскій.

Въ началѣ 1809 года я женился. Есть счастіе и на землѣ, не дорогое, для всѣхъ, для каждаго по состоянію, равно доступное: — спокойствіе въ душѣ отъ пребыванія въ вѣрѣ, въ любви и семейномъ согласіи; здоровье и отсутствіе нужды, другимъ словомъ, довольство. Для лучшаго счастія нужна иная, а не наша атмосфера, гдѣ еще безпрерывно видимыя и невидимыя силы междоусобно воюютъ. Пока же мы на землѣ, сомнѣваюсь, чтобы безъ этихъ трехъ предметовъ первой потребности счастіе жило гдѣ нибудь не только подъ соломой и тесомъ, но и подъ золотою крышею.

Продолжая, холостый и женатый, служить одинаково, какъ лучше не могъ и не умѣлъ, не успѣлъ еще я порядочно обзавестись хозяйствомъ, какъ получилъ приглашеніе отъ покойнаго принца Георгія Ольденбургскаго принять на себя управленіе письмоводствомъ по возложеннымъ на него званіямъ главноуправляющаго водяными и сухопутными сообщеніями и генералъ-губернатора трехъ губерній. Эго неожиданное приглашеніе съ перспективою вдаль, — не потаю грѣха, — было по вкусу моему самолюбію. Страннымъ однако же мнѣ показалось, что оно было мнѣ отъ лица и еще отъ принца, которому я совсѣмъ не былъ извѣстенъ, черезъ другое лице, Д. А. Гурьева, тогда министра удѣловъ, который также въ глаза не зналъ меня, и мимо начальника моего кн. Куракина, который имѣлъ уже полное право на мою благодарность. Оттого на все настойчивое требованіе Дмитрія Александровича Гурьева сказать ему рѣшительное да или нѣтъ, я могъ только предоставить ему самому объясниться съ моимъ начальникомъ, которому тотчасъ же безусловно отдалъ себя на волю. Оба были недовольны, — тотъ, что я по первому слову его не рѣшился на столь отличное призваніе; этотъ, что оно сдѣлано мнѣ мимо его. Довольно долго я ничего не зналъ и не любопытствовалъ знать о

послѣдствіи. Въ Маѣ 1809 г. наконецъ присланъ мнѣ списокъ съ указа Сенату о пожалованіи меня въ статъ-секретари съ повелѣніемъ находиться при принцѣ для управленія письмоводствомъ. Немедленно я имѣлъ счастіе представиться Императору. Его Величество изволилъ принять меня въ кабинетѣ, былъ доволенъ отвѣтами моими на вопросы, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось, и здѣсь я удостоился слышать изъ устъ Его Величества, что графъ Кочубей и кн. Куракинъ говорили ему обо мнѣ много хорошаго, а графъ Николай Ивановичь отвѣчалъ за меня, какъ за дѣтей своихъ и за самого себя. Выразивъ кратко и ясно высочайшее намѣреніе при опредѣленіи меня къ принцу, Императоръ отдалъ мнѣ записку съ приказаніемъ отнести ее отъ Его Величества къ принцу, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ по ней заключеніе. Это былъ маловажный и безполезный, но въ исполненіи (по закону о крѣпостномъ правѣ собственности) невозможный проэктъ и упалъ потому самъ по себѣ. Но пока дошло до того, случись же такъ, что съ этой самой бумаги, отъ оскорбленнаго своею же ошибкою самолюбія, въ послѣдствіи былъ починъ моихъ скорбей!

Не могъ я желать, а не исполнивъ неоднократнаго требованія Д. А. Гурьева предварительно представиться принцу и великой княгинѣ, тѣмъ еще менѣе могъ ожидать такой благосклонности и такого, не лгу, радушія, съ какими былъ принятъ принцемъ, герцогомъ отцемъ его, по тогдашней молвѣ Несторомъ Германскихъ владѣтелей, и великою княгинею Екатериною Павловною: не случалось еще мнѣ стоять на такомъ крупномъ дождѣ лестныхъ привѣтовъ. Вошелъ я къ принцу съ одною запискою, а вышелъ отъ него съ вязанкою бумагъ: съ того же дня началось его управленіе. Надобно было, спуская съ рукъ, что̀ не терпѣло отлагательства, спѣшить образовать губернскую канцелярію и учрежденіе управленія водяными и сухопутными сообщеніями, вошедшее въ хронологію достопамятныхъ происшествій Россійской Имперіи.

Принцъ самъ представилъ меня Ея Величеству Императрицѣ-матери. Всемилостивѣйше изволила между прочимъ сказать мнѣ: Soyez des notres *). Такъ вдругъ повезло мнѣ, что я, сидя съ родными за столомъ въ свои имянины, неожиданно получилъ отъ принца записку въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ со спискомъ съ высочайшаго, подписаннаго того числа, указа Сенату о пожалованіи меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ послѣдней половинѣ Августа 1809 г. великая княгиня и принцъ отправились въ новую свою резиденцію въ Тверь, черезъ Шлиссельбургъ и Ладогу: принцъ хотѣлъ видѣть Ладожскій каналъ, Маріинскую систему сообщенія и Матко-Озеро. Оттуда я воротился въ столицу съ изустными отъ принца донесеніями, на которыя удостоился принять отъ Императора, для передачи принцу, изустныя же высочайшія повелѣнія. Его Величество изволилъ выслушать меня съ благоволеніемъ, много за тѣмъ распрашивалъ о вещахъ и о людяхъ, былъ, казалось мнѣ, доволенъ представленными мною свѣдѣніями; изъяснялъ, чего желалъ и ожидалъ отъ ввѣреннаго принцу управленія, особенно требовалъ, чтобы ни въ чемъ не было ни малѣйшаго отступленія

*) Будьте однимъ изъ нашихъ.

отъ установленнаго порядка; заключилъ продолжительную аудіенцію этими словами: «Я вижу, что ты понялъ меня и свое назначеніе, и не сомнѣваюсь, чтобы не оправдалъ моего довѣрія». Потомъ изволилъ спросить меня, чтò мнѣ нужно,—прямо сказалъ бы; и какъ я отвѣчалъ единственнымъ желаніемъ сохранить столь мало заслуженную монаршую милость, то Его Величество, положивъ на плечо мнѣ руку и сказавъ мнѣ: «вини самъ себя», обнялъ и отпустилъ меня, приказавъ ѣхать въ Тверь, ни мало не медля. Императрицѣ-матери въ тотъ же день не могъ я откланяться; назначено мнѣ явиться на другой день въ шестомъ часу утра: и въ эту раннюю пору Ея Величество изволила принять меня уже за письменнымъ столомъ и за бумагами.

Въ Тверь я пріѣхалъ съ какимъ-то предубѣжденіемъ, что участь моя по службѣ, хорошо или худо, а тамъ рѣшится. Такъ и сбылось. Перелистывая Тверской дневникъ свой, нашелъ я въ немъ многое множество замѣтокъ о томъ, чтò видѣлъ и слышалъ, по производству же дѣлъ о забавныхъ, а часто (словно между двухъ огней) и затруднительныхъ встрѣчахъ. Не мало здѣсь любопытнаго, не мало и страннаго по уму и по сердцу. Но все то, чтò было, покрайней мѣрѣ казалось тогда немаловажнымъ и дѣльнымъ, все это теперь такъ мелко, такъ блѣдно!

Въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года Императоръ изволилъ прибыть въ Тверь; въ тотъ же день вечеромъ я позванъ къ Его Императорскому Величеству. «Не взялъ я съ собой никого изъ статсъ-секретарей,—сказалъ мнѣ Государь,—хотѣлъ ближе съ тобой познакомиться; поѣдешь со мною въ Москву; я говорилъ объ этомъ принцу».—И приказалъ написать, а если успѣю, то и отправить въ тотъ же вечеръ рескрипты къ главнокомандовавшему въ Москвѣ фельдмаршалу гр. Гудовичу и къ президенту Московской дворцовой конторы Валуеву о высочайшемъ намѣреніи прибыть въ Москву къ Николину дню съ великою княгинею и принцомъ и о нужныхъ по этому случаю распоряженіяхъ. Удалось мнѣ исполнить повелѣніе: рескрипты подписаны и въ тотъ же вечеръ отправлены.

Въ Москвѣ подано множество просьбъ, жалобъ, доносовъ, проэктовъ и писемъ на высочайшее имя. Не мало текущихъ дѣлъ ежедневно приходило и съ почтой. Приказано ни одной бумаги изъ поданныхъ и присланныхъ не оставить безъ разрѣшенія Его Величества въ Москвѣ же; назначенъ мнѣ часъ для доклада; но и сверхъ того не проходило утра и вечера, чтобы я не былъ позванъ для принятія высочайшихъ повелѣній. Исполненіемъ, казалось мнѣ, Государь былъ доволенъ и не одинъ разъ изволилъ изъявлять мнѣ благоволеніе.

Встрѣчаясь передъ кабинетомъ со знаменитостями и явственно читая на ихъ лицахъ истину словъ: «близь Царь-близь огня», я тѣмъ болѣе боялся осѣчься на паркетѣ Слободскаго дворца, и вотъ чтò между прочимъ нахожу въ тогдашнихъ замѣткахъ.

Приказываетъ Государь написать указы объ отставкѣ отъ службы двухъ дѣйствительныхъ, одного тайнаго, другаго статскаго совѣтниковъ, С.. и Б...; подъ конецъ доклада изволилъ спросить, зналъ-ли я Б..., и на отвѣтъ, что дѣла съ нимъ не имѣлъ, велѣлъ разузнать объ немъ и доложить. Результатъ распросовъ былъ

краткій: единогласное мнѣніе о знаніи дѣла; о прочемъ, все же только по слухамъ, не единодушное:—такъ и доложено. «Нельзя же не вѣрить»... сказалъ Императоръ и, прервавъ рѣчь, желалъ знать, какъ я думалъ по всему тому, что̀ слышалъ. — «По совѣсти вдругъ трудно рѣшиться», сорвалось съ языка у меня, и я струсилъ, почувствовалъ нескромность этого слова. Что же слышу?—«Упаси Богъ брать на совѣсть, произнесъ Императоръ; такъ надо бы всегда говорить мнѣ: что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ».—И произнесъ это съ такимъ спокойнымъ и свѣтлымъ лицемъ, съ такою ясностью во взорѣ, что то было словно проявленіе чистой души, глубоко-добросовѣстной. Такія выраженія или не всегда показываются, или не замѣчаются, или они неуловимы; а сколько мнѣ ни удавалось видѣть портретовъ Александра Павловича, во всѣхъ недостаетъ незнаю чего-то, но что̀ было въ немъ, и что̀ было въ немъ всего очаровательнѣе.—О Б... велѣно написать къ непосредственному его начальнику. Оттуда отрѣшеніе.

Въ другой разъ рѣчь не впопадъ. Прихожу съ докладомъ послѣ развода. Видя въ рукахъ у меня не мало бумагъ: «Отъ бумагъ, какъ и отъ толпы, никуда не уйдешь», сказалъ Государь.—«Всякой стремится, молвилъ я, имѣть счастіе взглянуть на Ваше Величество».—Ба!—въ отвѣтъ—поведи бѣлаго медвѣдя по улицамъ: побѣгутъ толпами и за медвѣдемъ». Много при дворѣ непостижимаго!

Въ это время я имѣлъ неожиданную радость: въ Москвѣ тогда пожалована благодѣтелю моему сенатору Лопухину Александровская лента, «Она давно его», сказалъ Императоръ, подписывая грамоту. За тѣмъ изволилъ спросить меня, зналъ ли я Лопухина, и когда я заключилъ отвѣтъ свой объ немъ признательностью за всѣ его мнѣ благодѣянія, назвавъ его другимъ отцомъ своимъ, то Его Величество не безъ удовольствія поздравилъ меня, что я не познакомился съ неблагодарностію: «Благодарность на семъ свѣтѣ,—говорилъ,—рѣже бѣлаго ворона; меня спроси; я про то знаю.» Обращаясь за тѣмъ къ Лопухину, изволилъ произнесть сіи слова: «Ты много объ немъ говорилъ, а я вотъ какъ знаю его: Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и для меня не покривитъ душою».—Много ли такихъ современниковъ, которые могли бы похвалиться такимъ же отъ Александра Павловича похвальнымъ словомъ, хотя и въ сторонѣ и вдалекѣ, все же достойно и праведно завиднымъ?

Государь съ великою княгинею и принцемъ уѣхали изъ Москвы въ часъ по полуночи съ придворнаго бала, а послѣ обѣда въ Твери, въ тотъ же день изволилъ отправиться въ С.-Петербургъ. Былъ тутъ забавный случай: — Ѳ. П. Уваровъ помчался къ обѣду въ Тверь въ слѣдъ за Императоромъ, но не въ пошевняхъ по царскому обычаю, а въ кибиткѣ плотно закрытой. Морозы постоянно продолжались, прямо Никольскіе. Отсталъ, и въ Завидовѣ не нашелъ уже ни почтовыхъ, ни земскихъ чиновниковъ; старики же коноводы пошли въ Капернаумъ выпить по чаркѣ за благополучное отбытіе. Между тѣмъ, какъ слуга метался по дворамъ за лошадьми, Ѳедоръ Петровичъ изъ подъ фартука кибитки вошелъ въ ямскую избу, присѣлъ въ углу и сладко заснулъ. Экипажъ какъ былъ закрытъ, такъ и остался. Старики, воротясь наве-

селѣ въ избу, сбирались также отдохнуть — смирно, не потревожить бы проѣзжаго барина. Самъ проснулся и вскрикнулъ: «готовы ли лошади? я васъ!»... Да во что прикажешь закладывать, баринъ? — Оказалось, что слуга, собравъ лошадей и полагая, что Ѳедоръ Петровичь все тамъ же, за фартукомъ, ускакалъ — поспѣть бы къ столу въ Городню, оттуда и до Твери, и тамъ уже только увидѣлъ, что генералъ пропалъ безъ вѣсти. Проподалъ до другаго утра. Смѣху было на цѣлые сутки, когда явился.

Со вступленіемъ въ новый 1810 годъ, мнѣ все еще было весьма не дурно у Тверскаго двора; всего же обворожительнѣе было то, что великая княгиня рѣдкій день не входила въ кабинетъ къ принцу при мнѣ и не удостоивала меня разговора: счастье, которое приписывалъ я прежде всего отсутствію лучшихъ интересовъ при сокращенномъ дворѣ, но которое отгого не было для меня менѣе лестно. Богатый, возвышенный и быстрый, блистательный и рѣзкій умъ изливался изъ устъ Ея Высочества съ волшебною силою пріятности въ рѣчи. Съ большимъ любопытствомъ она распрашивала и желала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о лицахъ, но не прошедшаго вѣка, а современныхъ; не жаловала скромныхъ и почтительныхъ моихъ отзывовъ; не вѣрила имъ; любила сама говорить о всемъ и обо всѣхъ; изъ бывшихъ тогда на сценѣ лицъ, начиная съ самой высшей ступени, никого не помню, мимо кого Ея Высочество изволила бы молча пройти; а заключенія ея всегда были кратки, полны, рѣшительны, часто нещадны. Есть души выспреннія, которыя могутъ быть довольны лишь совершенствомъ и въ глазахъ которыхъ за то все то блѣдно, слабо, низко и бѣдно, гдѣ еще замѣтны недостатки. Не потаю грѣха,—слушая, не рѣдко я въ душѣ изумлялся. Самъ принцъ, — праведный Іосифъ въ тѣни, — не всегда въ такихъ случаяхъ былъ равнодушенъ. Отсюда я началъ въ тайнѣ сердца бояться за М. М. Сперанскаго и за самаго себя.

Приглашали меня и на маленькіе вечера къ Ея Высочеству, когда гости одинъ за другимъ изъ Москвы пріѣзжали. Здѣсь между прочимъ отъ гр. А. И. Мусина-Пушкина, очевидца, я слышалъ всю исторію условленнаго, но не сбывшагося обрученія великой княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ, и поразительное дѣйствіе этой неожиданной неудачи на оскорбленную Императрицу. — Графъ Ростопчинъ отмѣнно искусно представлялъ въ лицахъ разные случаи изъ царствованія Императора Павла, между многими замѣчательное объявленіе войны Римскому тогда еще Императору Францу за неумѣнье жить въ свѣтѣ; объявленіе, послѣ неоднократныхъ поправокъ представленное къ подписи и вдругъ отмѣненное съ пѣніемъ: взбранной воеводѣ побѣдительная! Всѣ разсказы графа Ѳедора Васильевича имѣли полный успѣхъ, — со смѣху отъ нихъ помирали,—не смотря на то, что были— и передъ кѣмъ же? — о царѣ - благодѣтелѣ, который вывелъ разказчика въ люди, осыпавъ его милостями и почестями. — Иначе проходили вечера съ почтеннымъ исторіографомъ. Не одинъ разъ Николай Михайловичъ въ Твери читалъ Исторію Россійскаго государства, тогда еще въ рукописи. Боялись даже изъявленіемъ удовольствія перервать чтеніе,

равно искусное и увлекательное; слушали съ невозмутимымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что исторіографъ, казалось, любилъ и самъ себя слушать.

Памятно мнѣ 20 Февраля 1810 года. Принцъ, говоря, послѣ доклада, о Москвѣ, о Твери и о жизни губернской, разсуждалъ, — мнился бо службу приносити Россіи, — сколько добра онъ могъ бы сдѣлать Имперіи въ сферѣ болѣе обширной и болѣе видной; потомъ, отдавая мнѣ съ веселымъ лицомъ прочитать за тайну собственноручное письмо къ Императору, требовалъ отъ меня чистосердечнаго мнѣнія о томъ, о чемъ было писано. Судя по глазамъ его, онъ ожидалъ отъ меня безусловнаго, даже радостнаго согласія. Писанное показалось мнѣ совсѣмъ несбыточнымъ, и я, знавъ намѣреніе быть по веснѣ въ Петербургѣ, осмѣлился *только* сказать: отложить бы все до личнаго свиданія. Мысль эта не принята; письмо отправлено. Посланный воротился; спустя нѣсколько времени, принцъ назвалъ меня дурнымъ пророкомъ. Я наказанъ здѣсь за оглядку на самаго себя. Отсрочкою до личнаго свиданія хотѣлъ я, впрочемъ не безъ причины, оградить себя отъ возможной мысли о внушеніи съ моей стороны. Вмѣсто того я сталъ замѣчать съ того времени въ принцѣ, въ обращеніи со мною, что-то похожее на безпокойство сомнѣнія. Великая княгиня также приходила въ кабинетъ къ принцу при мнѣ уже изрѣдка.

Скоро за тѣмъ другая бѣда. Въ приготовленномъ къ подписанію донесеніи Государю о нѣкоторомъ важномъ происшествіи въ Новгородской губерніи сказано было: предписалъ губернатору. Употребленіе здѣсь прошедшаго вмѣсто настоящаго, по Тверскимъ понятіямъ, принято было не только за уголовный проступокъ, но за явный обманъ Государя. При бурной запискѣ въ этомъ смыслѣ, бумаги возвращены не подписанныя. *Предписалъ* обращено въ *предписываю*: тѣмъ все и кончилось. О запискѣ я ни слова. Черезъ нѣсколько времени принцъ самъ вспомнилъ объ ней, говоря въ хорошемъ расположеніи духа о любви своей къ лаконизму. Когда же я, и не думая оправдываться, только сказалъ, что Петербургъ все же отъ Твери далѣе Новгорода и пока донесеніе до столицы дойдетъ черезъ Новгородъ, въ Новгородѣ все можетъ быть и исполнено: то глаза ли прозрѣли, потряслась ли вся нервная система, только мнѣ тутъ суждено было внезапно быть свидѣтелемъ рыдательнѣйшей сцены, а по успокоеніи внезапный же взглядъ принца, словно опомнившагося, ясно сказалъ мнѣ, чего ожидать.

Пріѣхалъ между тѣмъ въ Тверь попечитель Московскаго учебнаго округа гр. А. К. Разумовскій. Случись тутъ въ тоже время и гр. Арк. Марковъ. Принцъ, который до того еще въ разговорахъ не одинъ разъ находилъ тотъ порокъ въ нашей администраціи, что онъ, генералъ-губернаторъ, устраненъ отъ управленія учебными заведеніями въ своихъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ онъ здѣсь-то и могъ бы сдѣлать нѣчто образцовое для всего государства, — послѣ первой бѣсѣды съ попечителемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ объявилъ мнѣ, что гр. Разумовскій безусловно отдавалъ ему всѣ учебныя заведенія въ Тверской и Ярославской губерніяхъ, находя эту мѣру не только полезною, но и salutaire *), съ чѣмъ-де согласенъ и гр.

*) Спасительною.

Марковъ, человѣкъ государственный; — поручилъ мнѣ потому объясниться съ попечителемъ о какой-то при этомъ формальности и покончить все дѣло такъ, чтобы тотчасъ можно было приступить къ преобразованіямъ. Пошелъ я къ попечителю; удивилъ потомъ принца его отзывомъ: стало на томъ, что я же не понялъ гр. Алексѣя Кириловича. Этотъ на другой день ранехонько собрался въ обратный путь и, сказавъ принцу, что или я не вразумился или онъ худо объяснился, повторилъ ему тоже увѣреніе объ учебныхъ заведеніяхъ. Приказано писать къ нему объ этомъ въ Москву официально. Изъ ревности не по разуму, я даже предсказывалъ отвѣтъ попечителя. «Не всегда же мнѣ быть дурнымъ пророкомъ», сказано мнѣ, и отношеніе послано. Попечитель смиренно обратилъ принца къ министру, а графъ Завадовскій отвѣтилъ посвойски. Рѣшился принцъ оскорбленый войти съ представленіемъ къ Императору. Отвѣтъ былъ короткій, — похвала за доброе намѣреніе, неудобство въ изъятіяхъ изъ общаго правила: повторены мои мысли и тѣми же почти словами. Я названъ фатальнымъ пророкомъ. — Небольшая хитрость отгадать по теченію дѣлъ отвѣтъ на вопросъ; но по Тверскимъ понятіямъ это было въ числѣ совершенныхъ невозможностей безъ тайныхъ интригъ и сношеній.

Отъ всего этого — вѣроятно нашлись, по обычаю въ такихъ случаяхъ, и другія причины — скоро я впалъ въ явную опалу, хотя производство дѣлъ все еще оставалось на моихъ рукахъ; портфели сдѣлались путемъ сообщенія въ оба конца. Не знаю, какъ при большомъ дворѣ, а при миніатюрномъ проходить мытарства опалы весьма не весело. Счастье мое, что, по принятому мною съ перваго шага правилу, ни одна докладная записка не разрѣшена, и ни одна исходящая бумага не была при мнѣ подписана; еще бо̀льшее счастье, что я могъ не сѣтовать самъ на себя, могъ не упрекать себя тѣмъ, что самъ искалъ себѣ скользкаго мѣста и самъ на себя накликалъ бѣду: — возвергъ на Господа печаль свою, и ожидалъ, что̀ denречетъ о мнѣ.

Въ эту пасмурную для меня погоду всѣ сослуживцы мои и знакомые дворяне постоянно оказывали мнѣ неизмѣнную любовь, о которой и теперь вспоминаю съ признательностью. Изъ военныхъ генералъ Бетанкуръ одинъ обходился со мною съ тою же, какъ и прежде, пріязнію.

Въ исходѣ Мая 1810 года получилъ я списокъ съ высочайшаго указа Сенату объ увольненіи меня отъ службы по прошенію за болѣзнью. Ни объ увольненіи отъ службы я не просилъ, ни боленъ не былъ: — уѣхалъ въ Бѣлокаменную.

Пересмотрѣвъ свои Тверскія записки, я бросилъ ихъ въ огонь, оставивъ изъ нихъ у себя только то, что̀ легче сберечь—нѣсколько благодарныхъ воспоминаній. По замѣткамъ о разныхъ, почти ежедневныхъ, случаяхъ собственно по службѣ, вѣрный долгу, я на томъ мѣстѣ также мыслилъ бы и нынче, тоже и говорилъ бы, но теперь вѣроятно съ бо̀льшимъ искусствомъ, съ лучшимъ умѣньемъ и съ меньшею оглядкою на самаго себя: вижу теперь, какъ сквозь всѣ мои представленія и такъ названныя пророчества пробивалось самолюбивое опасеніе, не назвали бы меня въ столицѣ невѣждою, не сказали бы «ошиблись». Лукаво и живуще самолюбіе.

Оставилъ я въ Твери часть себя, ущербъ въ здоровьи, отъ котораго до сей поры стражду. Послѣднее же мое тамъ пріобрѣтеніе было слѣдующее:—Дней за шесть до отъѣзда въ Москву, рано по утру, въ воскресный день, ходилъ я по рощѣ за городомъ на берегу Волги, усталъ и присѣлъ на скамьѣ. Шелъ крестьянинъ, старикъ, пошатнулся и сѣлъ на той же скамьѣ. «Что, другъ, отъ ранней, аль изъ питейнаго?» спросилъ я. Не отвѣчалъ мнѣ, палкою чертилъ по песку и самъ съ собою такъ разсуждалъ:—«Былъ у меня дѣдушка, отъ старости согнувшись ходилъ, да уменъ былъ, скопи домокъ, и въ почетѣ у всѣхъ; батюшка уже не то, отсталъ отъ него, все же былъ не безъ разума и дома не раззорилъ; за ними я многогрѣшный; да я что передъ ними? На что я гожъ? Все у меня валится сквозь пальцы; а дѣтки мои? Изъ нихъ и дубиною не выколотишь ничего путнаго: пошли себѣ во всѣ четыре конца». Русскій крестьянинъ, еще и не трезвый, а слово въ слово перевелъ притчу Гораціеву.

V.

Жить въ отставкѣ, у кого еще нѣтъ ни кола, ни двора своего, и кто не знатенъ, не славенъ,—не забавная проза. Бѣда нашей братьѣ съ нашимъ дворянскимъ образованіемъ: на то и дворянинъ, чтобы служить; а вытолкни тебя служба за порогъ, не знаешь, куда дѣваться. Одно прибѣжище—бумага и книги. И то, впрочемъ, правда, что всякое занятіе, всякій трудъ—какой бы ни былъ—знатное въ жизни подспорье и премилый товарищъ; съ нимъ никогда не бываешь одинокимъ; съ нимъ можно вѣкъ прожить и не знать, духъ ли, животное ли—скука. Бумага и отъ меня не мало терпѣла: перевелъ я остальныя части Тоски по отчизнѣ, заманчивую сказку богобоязненнаго Штилинга (*); его же Ѳеобальда, Любопытную Картину опасныхъ мечтаній (**); перевелъ и Телемака (***). Хотѣлъ попытаться, не удастся ли въ переводѣ подойти сколько-нибудь къ Фенелону въ первобытной, полной жизни, какъ природа свободной и ясной, какъ зеркало чистой души, простотѣ его въ словѣ, равно плѣнительной, разсказываетъ ли онъ быль стародавнюю, говоритъ ли о любви къ добру за его собственную прелесть или о вѣчной истинѣ небесной—всегда и вездѣ прямо къ сердцу. Гомеръ, вѣроятно, передалъ ему эту тайну неподражаемой простоты въ рѣчи; такъ показалось мнѣ по его переводу Одиссеи: здѣсь только я слушалъ въ сладость великаго праотца поэтовъ, хотя читалъ и Латинскій, и Нѣмецкій, и Русскій переводы поэмъ его.

Богатый монументъ Фенелону въ Камбре едва ли спасся отъ разрушенія въ разгарѣ Французской революціи; а скромный и убогій, безцѣнный только по воспоминаніямъ, памятникъ ему неожиданно, весною 1812 г., я нашелъ въ подмосковномъ сельцѣ Савинскомъ И. В. Лопухина, между плакучими березами.

Тамъ же я видѣлъ еще древній роскошный дубъ, подъ тѣнью котораго, по сохранившемуся между Савинскими крестьянами отъ дѣдовъ и отцовъ ихъ преданію, сочинитель столѣтняго календаря Брюсъ, въ

*) Напечатаны въ Москвѣ въ 1817 и 1818-мъ годахъ.

**) Въ 1819-мъ году.

(***) Въ С. Петербургѣ въ 1839 г. Прежній мой переводъ этой книги два раза былъ изданъ въ Москвѣ въ 1797 и 1814 г.

старые годы сосѣдъ ихъ, любилъ отдыхать съ книгою въ рукахъ, вчастую тамъ и обѣдалъ, а къ обѣду покупалъ у крестьянокъ ломоть ржанаго хлѣба, да кувшинъ молока.

Вдали за рѣчкою виднѣлась оттуда Бирлюковская пустынь: старцы разсказывали, что она была упразднена и совсѣмъ опустѣла; зашелъ туда невзначай какой-то Сергѣй или Сергачъ, унтеръ-офицеръ или сержантъ; мѣсто ему полюбилось; онъ что-то дѣлалъ въ 1762 г. въ Ропшѣ и получилъ за то немало денегъ; не зналъ, куда съ ними дѣваться: отдалъ ихъ на эту пустынь, которая на то, а послѣ и на приношенія, возобновлена и устроена. Тамъ онъ положилъ и кости свои, а пока живъ былъ, каждый годъ въ Іюнѣ ходилъ, согнувшись, въ Москву подъ Донской *) съ поздравленіемъ.

Въ 1812-мъ году Государь Императоръ, возвращаясь изъ арміи въ С.Петербургъ, нѣсколько дней пробылъ въ Москвѣ. — Дворянству и купечеству приказано собраться въ Слободской дворецъ. Императоръ, въ сопровожденіи главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и свиты, прибылъ въ залу къ дворянству и, положивъ руку на столъ, среди глубокаго молчанія, твердымъ голосомъ такъ говорилъ: «Господа, я хотѣлъ самъ объявить вамъ, что государство въ опасности. Непріятель съ большими силами вторгнулся въ наши границы; войска наши сдѣлали и дѣлаютъ все, что̀ возможно. Надежда на Бога. Но нужны усилія пособія. Не сомнѣваюсь я въ вашей любви къ отечеству». Произнесши эти слова, Государь, сопровождаемый восторженнымъ громомъ обычнаго Русскаго привѣта Царю, пошелъ въ залу къ купечеству. Этотъ моментъ истиннаго, основаннаго на глубокомъ самоотверженіи, собственнаго величія души, если бы перешелъ въ роды родовъ, не помрачилъ бы ни побѣдныхъ лавровъ, ни сіянія славы въ свѣтлые дни жизни Благословеннаго.

Доблестный мужъ — и не царь — въ упорной борьбѣ съ бѣдою всегда явленіе поучительное: надобно было видѣть Александра Павловича въ эту минуту. Во главѣ праваго дѣла за честь и свободу своего государства, крѣпкій вѣрою въ помощь свыше на начинающаго, оперщись на твердыню Русскаго духа, непоколебимый въ намѣреніи, готовый на всякій подвигъ и на всякую жертву собою, подъ заревомъ бурной грозы, лицомъ къ лицу съ бѣдою, онъ, спокойный, какъ тихій день, казалось, провидѣлъ сквозь тучу торжество праваго дѣла и только что не говорилъ: не вложу я меча въ ножны, пока хотя одна душа непріятельская живая останется на Русской землѣ.

Московское дворянство тотчасъ положило дать изъ крестьянъ своихъ десятаго на службу, что̀ и исполнено въ самый короткій срокъ. Купечество пожертвовало нѣсколько милліоновъ рублей. Выходя изъ дворца, я встрѣтилъ знакомаго Русскаго купца въ потѣ лица. На вопросъ, что̀ у нихъ? «Подписался, отвѣчалъ мнѣ, на 25-т. р.; а у меня, самъ знаешь, нѣтъ и 50-т. р. полныхъ; да тутъ зарыдалъ бы и камень».

По объявленіямъ главнаго тогда въ древней столицѣ начальника гр. Ростопчина, и по отъѣздѣ Императора, и послѣ Смоленскаго дѣла, еще и послѣ битвы Бородинской, Москвѣ нечего было бояться: не посмѣетъ

*) Т-е. къ героямъ 1762 года, графамъ Орловымъ, въ Нескучное. *П. Б.*

злодѣй, говорилъ онъ, приблизиться къ святынѣ Московской; не то—самъ грозилъ выйти съ дружиною на Поклонную гору, стѣною стать и грудью загородить супостату дорогу къ дому Пресвятой Богородицы. Кто не вѣрилъ словамъ его (которымъ менѣе всѣхъ вѣрилъ самъ онъ) и выѣзжалъ изъ Москвы съ семьею и скарбомъ: того, труса, онъ провожалъ забавными поговорками, ѣдкими насмѣшками, удачными до того, что вчастую по улицамъ горе ходило объ руку со смѣхомъ. Надобно ли было графу Ростопчину опасаться въ общей тревогѣ возстанія черни, и успѣлъ ли бы онъ, какъ провозглашали, отвести ее отъ того прибаутками, онъ про то зналъ; а по видимому ни у кого не было ничего похожаго на то и въ помышленіи: скорѣе можно бы было ожидать отъ черни своевольства отъ подстреканій тѣми же колкими шутками, если бы здравый смыслъ народный не сознавалъ и не уважалъ общаго бѣдствія. Какъ бы то ни было, не случись подъ рукой на ту пору Верещагинъ, графу Ѳедору Васильевичу, по разсказамъ, едва не пришлось бы изъ огня въ полымя. О молодомъ Верещегинѣ, купеческомъ сынѣ, странная молва была пущена въ обращеніе за найденный у него переводъ какой-то Французской прокламаціи; содержался онъ въ тюрьмѣ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Когда роковая вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ и сдачѣ Москвы, ночью наканунѣ сдачи, прошла съ быстротою молніи отъ края до края столицы: то народъ, обезпамятѣвъ, съ ранней зари, сталъ собираться на площадяхъ и на улицахъ, не зная, что̀ дѣлать—бѣжать ли къ дружинѣ на Поклонную гору или дожидаться приказа. Какъ же слетали, да свѣдали, что на Поклонной горѣ ни души не было и не бывало, то бросились опрометью на Лубянку, на дворъ къ Ростопчину. Очевидецъ, остававшійся въ Москвѣ во все утро того дня, человѣкъ пожилой и во лжи не замѣченный, разсказывалъ мнѣ на другой день въ Коломнѣ, что дворъ гр. Ростопчина биткомъ былъ набитъ съ ранняго утра; въ толпѣ стоялъ и онъ, очевидецъ. Показалось ему, что сбѣжались одни еще узнать, впрямь ли сдавали Москву Французамъ, другіе—попросить графа Ѳедора Васильевича словомъ и дѣломъ не покидать ихъ, а какъ потѣшалъ ихъ, такъ подѣлить съ ними и горе. Въ началѣ 11-го часа полицейская команда съ арестантомъ вошла съ Лубянки на дворъ и съ трудомъ сквозь толпу прорѣзалась къ дому. Вышелъ на крыльцо гр. Ростопчинъ съ гнѣвнымъ лицомъ. «Друзья мои, говорилъ онъ громкимъ голосомъ, темная измѣна! Вотъ кто (указалъ на арестанта) зазвалъ къ намъ Французовъ, измѣнникъ, шпіонъ отъ Бонапарта; возьмите его себѣ!» И тутъ же ударили его саблею по головѣ. Это былъ молодой Верещагинъ. Народъ бросился на него съ яростію: не стало его; потащили бездыханный трупъ на Лубянку; толпа за нимъ, а Ростопчинъ въ другіе ворота и на коня; въ 2 часа по полудни я видѣлъ его въ Люберцахъ, куда ожидали главнокомандовавшаго арміею.

Уѣхалъ я изъ Москвы въ 10-мъ часу утра того самаго дня, въ который непріятель вошелъ въ Москву передъ вечеромъ; со дня на день, съ часу на часъ отлагалъ отъѣздъ за болѣзнію тестя. Этотъ и передъ нимъ три—были подлинно страшные дни: не вспомнилъ бы объ нихъ и съ мѣдною грудью, безъ ужаса и трепета.

Съ той поры я переселялся изъ мѣста въ мѣсто, изъ губерніи въ губернію, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. И деревенская жизнь не совсѣмъ безполезна: чего не увидишь и чего не услышишь отъ православныхъ подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, гдѣ все на яву, что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ, и всякая вещь, и всякое дѣло называются своимъ именемъ, и весь разумъ и вся душа на распашку! И что̀ сказать о непоколебимой неизмѣняемости Русской жизни? Живетъ себѣ православный народъ, какъ жилъ за нѣсколько вѣковъ передъ симъ, наперекоръ преобразованію и нарядному просвѣщенію, — ниже всѣхъ умственныхъ и чувственныхъ силъ цивилизаціи, но за то безмѣрно выше непреложныхъ и разрушительныхъ законовъ-нуждъ той же цивилизаціи. Подумаешь, что у всѣхъ одно лишь въ памяти: не имамы пребывающаго града.

Черезъ два года я воротился на Московское пепелище; затѣмъ былъ въ Петербургѣ; въ эту же поѣздку, какъ выше сказалъ, и въ Великопольѣ. Въ столицѣ, чтобы оправдать довѣріе тестя по дѣламъ его, я сколько ни метался, а долженъ былъ принять на себя смиренный зракъ просителя и не одинъ мѣсяцъ переходилъ отъ одного мытарства тяжбы къ другому. Съ того времени крѣпко врѣзалось у меня въ памяти: miser sum, miseriis succurrere disco *).

Сло̀ва еще никому въ Петербургѣ я не молвилъ о свиданіи съ Сперанскимъ; а когда пришелъ на другой день по пріѣздѣ къ гр. Кочубею, то онъ встрѣтилъ меня не вопросомъ, а извѣстіемъ, что я заѣзжалъ къ Михаилу Михайловичу. Удивленный такою быстротою сообщеній, рѣшился я приставить къ устамъ своимъ дверь огражденія. Графъ Викторъ Павловичъ въ Сперанскомъ не обрѣталъ вины. По словамъ его, Императоръ до того времени говорилъ ему объ немъ только однажды, спустя мѣсяцъ послѣ происшествія, по поводу секретныхъ дипломатическихъ нотъ, которыхъ никто не имѣлъ ни приказанія, ни дозволенія повѣрять ему, и которыя, несмотря на то, найдены у него между бумагами. Затѣмъ большая часть изъ бельэтажныхъ усердно желали ему здравія же и спасенія и во всемъ благаго поспѣшенія, не выходилъ бы онъ только за грань своего Великополья.

Гр. Викторъ Павловичъ при этомъ разсказывалъ мнѣ, что при первомъ, по высылкѣ Сперанскаго, свиданіи его съ принцомъ Ольденбургскимъ, этотъ былъ внѣ себя отъ радости, что Императоръ наконецъ рѣшился прогнать отъ себя злодѣя, шпіона, и что онъ принцъ, съ своимъ такимъ же шпіономъ Лубяновскимъ, тотчасъ разстался.

Нашелъ я въ столицѣ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, и не могъ довольно ни нарадоваться, ни надивиться, какъ все у нихъ шло по добру по здорову. Давно-ли, лѣтъ шесть или семь передъ тѣмъ, я одинъ изъ всѣхъ ихъ за нѣсколько сотенъ своего путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи завелся холостымъ, скромнымъ хозяйствомъ? Не злобно всѣ они завидовали мнѣ, и вчастую не тотъ-другой изъ нихъ дѣлили со мною мои три блюда и бутылку медоку. Иной изъ нихъ женился; жена принесла ему всего на все только себя; другой сталъ на

*) Несчастенъ я; учусь помогать несчастіямъ.

ступень выше; все же и тотъ жилъ однимъ жалованьемъ, гораздо не тучнымъ; а всѣ кроили изъ полнаго и совсѣмъ затмѣвали меня. Спроси, говорили мнѣ, какъ живутъ въ Парижѣ порядочные люди. Непонятны были для меня способы къ такой изысканности и роскоши.

Въ эту же поѣздку неожиданно я открылъ важную тайну—предательскій умыселъ, да еще такой, что самъ же я былъ въ немъ сообщникомъ. По дружбѣ управлявшаго секретною канцеляріею министерства полиціи М. Н. Б., я читалъ подлинное отношеніе графа Ростопчина къ министру не за долго до занятія Москвы Французами; это же самое рукописаніе видѣлъ я потомъ у Михайловскаго-Данилевскаго между находившимися у него временно матеріалами для исторіи. Прозорливый графъ Ростопчинъ въ число немногихъ, которые, по его недремленнымъ наблюденіямъ, готовы были руками отдать Москву Бонапарту, благоволилъ помѣстить и отставнаго д. с. с. Лубяновскаго: нашелъ же таковскихъ! Между этими избранными былъ почтъ-директоръ Ключаревъ, съ которымъ, писалъ, онъ уже управился, а о прочихъ ожидалъ повелѣнія. Счастье, что наши имена не совсѣмъ были чужды для слуха Благословеннаго. Никогда я не могъ, и теперь не могу, постигнуть этой напасти. Графъ зналъ меня въ лицо, но я никогда не имѣлъ чести быть съ нимъ въ какомъ либо сношеніи, и стоялъ онъ слишкомъ высоко отъ меня. За что такой гнѣвъ,—не придумаю. Добрый другъ мой Б. говорилъ мнѣ, что самъ министръ полиціи читалъ въ свое время эту бумагу его не безъ изумленія. Упокой, Господи, душу раба твоего графа Ѳеодора! Три раза въ моей жизни гроза этого рода собиралась надъ моею головою; но каждый разъ, какъ и здѣсь, я узнавалъ о томъ тогда, когда, по милости Божіей, молитвами праведныхъ моихъ родителей, грозы не было уже и въ поминѣ.

Прочитавъ рукописаніе графа Ѳеодора Васильевича, я въ тотъ же день поспѣшилъ поклониться его сіятельству,—и не ошибся въ расчетѣ: встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, съ благодарностью за воспоминаніе, съ увѣреніемъ въ давнишнемъ, пріятельскомъ ко мнѣ расположеніи; чего не насказалъ мнѣ! Нескоро нашелся бы ровесникъ ему въ изящномъ художествѣ подбивать, по Русской поговоркѣ, слова бархатныя атласомъ. Для перемѣны я вспомнилъ о Московскомъ пожарѣ, какъ о славномъ для него памятникѣ: руками и ногами отбивался отъ этой славы. Дѣйствительно она могла бы отлиться на него лишь потому, что онъ велѣлъ вывезти изъ Москвы всѣ пожарныя трубы. Пожаръ начался съ обжорнаго и москательнаго рядовъ, гдѣ голодный народъ и выпущенные изъ тюрьмы преступники ночью съ огнемъ шарили въ лавкахъ, наполненныхъ съѣстными припасами, масломъ, скопидаромъ и проч. Тогдашнее, въ 1815 году положеніе Ростопчина, да и Балашова, въ столицѣ было весьма незавидное.

Много любопытнаго и новаго для меня я слышалъ объ нихъ отъ Сперанскаго при свиданіи съ нимъ, на обратномъ пути.

VI.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1818 г. Императоръ такъ былъ милостивъ и снисходителенъ, что всѣмъ дворянамъ отъ 1-го до 14-го

класса предоставилъ счастіе представляться Его Величеству. Въ одно изъ этихъ представленій и я записался. Было насъ въ этотъ день болѣе 400 человѣкъ. Оберъ-гофмаршалъ по списку называлъ каждаго чинъ и фамилію. Какъ мимо многихъ, такъ и мимо меня, Государь прошелъ со взглядомъ благоволенія; отъ третьяго или четвертаго за мною изволилъ обратить взоръ и поглядѣть на меня. Въ тотъ же день вечеромъ я получилъ отъ покойнаго князя А. Н. Голицына записку, повидался бы съ нимъ на другой день. Государь приказалъ ему спросить меня, зачѣмъ я не въ службѣ. Спустя нѣсколько времени, онъ же объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе сказать, куда желаю. Отвѣтъ мой былъ безусловная преданность. Дворъ между тѣмъ возвратился въ С. Петербургъ. Я считалъ себя въ числѣ забытыхъ; но въ первыхъ числахъ Апрѣля 1819 г. получилъ указъ о назначеніи меня Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

За разлитіемъ рѣкъ я нашелъ еще въ Пензѣ предмѣстника моего М. М. Сперанскаго и читалъ у него преисполненный милости высочайшій собственноручный къ нему рескриптъ, изъ котораго, однакоже, надобно было заключить, что обстоятельства, которыя въ 1812-мъ г. выслали его изъ столицы, въ 1819 г. не дозволяли еще ему возвратиться туда инымъ путемъ, какъ чрезъ Иркутскъ.

*

Не легко быть губернаторомъ послѣ Сперанскаго; самъ онъ зналъ это лучше всѣхъ и, любя меня, прощаясь, говорилъ и съ дороги писалъ мнѣ не брать его въ примѣръ. Неудобство безусловнаго послѣдованія само собою, впрочемъ, представилось мнѣ съ перваго шага.

Скоро по пріѣздѣ въ Пензу получилъ я письмо отъ осьмидесятилѣтняго старца, отца моего: «Первое письмо пишу къ тебѣ, сынъ мой, на новомъ твоемъ переселеніи въ Пензу. Начинаю изліяніемъ недостойныхъ моихъ моленій предъ Спасителемъ нашимъ Господомъ Богомъ Іисусомъ Христомъ, да просвѣтитъ, вразумитъ и наставитъ тебя проходить въ преподобіи и правдѣ званіе, въ которое божественный Промыслъ призвалъ тебя гласомъ Своего Помазанника. Слава Божія и польза ближняго да будутъ первою и послѣднею цѣлью трудовъ твоихъ. Такъ благоугодишь небесному и земному Царю и пребудешь непороченъ. Поручаю тебя вожденію всемилостиваго Провидѣнія Божія, которое, невидимое, видимо есть на насъ грѣшныхъ, и очима видимъ его и руками осязаемъ» Вкратцѣ полный наказъ губернаторскій.

Этотъ постъ имѣетъ трудныя, немаловажныя, поучительныя стороны многія, а пріятную одну: не безъ пользы можно слушать здѣсь, что̀ говорятъ о себѣ нужды людскія, по мѣстамъ съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами. Здѣсь же можно право судить, какъ нужно и какъ уже благовременно не просвѣщеніе, а простое, здравое вразумленіе народа, о которомъ не мало и высказано, и написано, но для котораго до сей поры въ шутку подумаешь, посылаются въ народныя училища молодые франты съ кличкою учителей Русской словесности. Здѣсь же можно вблизи явственно видѣть, что̀ для массы и поколѣнія, съ которымъ суждено жить, по силамъ, не столько еще физическимъ, сколько умственнымъ, quid ferre recusent, quid valeant humeri *),

*) Сколько откажутся и сколько вынесутъ плéча.

удобно, возможно, потому и общеполезно; здѣсь же порядочный человѣкъ губернаторъ можетъ дня не провести безъ того, чтобы не сдѣлать, вообще мелочнаго, все же добра. Затѣмъ эта должность есть безпрерывная борьба прежде всего съ самимъ собою, а потомъ съ нуждами и неумолимыми страстями людскими.

Въ 1824 году Императоръ изволилъ быть въ Пензѣ для смотра 2-го корпуса войскъ; прибылъ 30-го Августа на закатѣ солнца. Я старался безъ всякихъ затѣй и роскоши, просто и прочно, лишь бы не бѣдно и не безобразно, сдѣлать все, чтò могъ и умѣлъ, въ городѣ и по дорогѣ. Архіерей оканчивалъ свое привѣтствіе, какъ уже смерклось; зажжена иллюминація и, къ счастью, удачно: видна была вся изъ оконъ Государевой квартиры не только въ городѣ, но, по возвышенному мѣстоположенію дома, и вдали за рѣкою, гдѣ лагерь трехъ полковъ также былъ весь въ огнѣ. Принявъ рапортъ о состояніи губерніи, «давно не видѣлись, изволилъ сказать мнѣ Императоръ, кажется, со времени принца Ольденбургскаго; кто старое помянетъ, тому, по пословицѣ, глазъ вонъ». И, пожавъ мнѣ руку, приказалъ идти за собою. «Околдовала меня, продолжалъ, эта губернія: мѣстà одно другаго пріятнѣе; не воображалъ я, чтобы она была такъ хороша; изъ всѣхъ губерній, гдѣ я былъ, развѣ одна, можетъ быть, нѣсколько лучше, Подольская. И какое изобиліе хлѣба въ каждомъ селеніи! Вездѣ и народъ, показалось мнѣ, доволенъ и веселъ. Дороги и мосты не затѣйливо, просто да прекрасно устроены. Я осматривалъ мостъ на границѣ Нижеломовскаго уѣзда; ходилъ и по дорожнымъ аллеямъ: деревья молодыя, а ни одного не удалось мнѣ вырвать съ корнемъ». Изволилъ потомъ съ особеннымъ благоволеніемъ и похвалою смотрѣть на иллюминацію; спросилъ меня: гдѣ же самъ я? и на отвѣтъ мой, что осмѣлился остаться подъ одною кровлею съ Его Величествомъ, сказалъ: «и за это спасибо». Не умѣлъ я иначе изъявить благодарности за столь милостивые отзывы, какъ только желаніемъ, чтобы Его Величество во все время пребыванія въ Пензѣ не имѣлъ ни одной непріятной минуты. «Будь по твоему», сказалъ мнѣ на это Императоръ и вышелъ къ генераламъ.

Шесть дней Государь пробылъ въ Пензѣ, шесть дней радостныхъ для губерніи, счастливыхъ и въ моей жизни. Погода, какъ будто согласясь съ общимъ нашимъ желаніемъ, отмѣнно намъ благопріятствовала и ни на часъ во все это время не измѣнялась: въ Сентябрѣ такъ было тепло, тихо и ясно, что обѣдъ, который Государь принялъ отъ корпуса, данъ былъ за городомъ въ полѣ подъ наметомъ, на скатѣ горы, откуда открывался прелестный видъ на живописныя окрестности. Дворянство удостоилось дать балъ Его Величеству. Съ своими, съ военными и съ пріѣзжими изъ Саратовской, Нижегородской и Тамбовской губерній, собраніе было многочисленное. Генералъ-адъютанты увѣряли, что не помнили, когда и гдѣ бы Государь такъ долго оставался на балѣ и когда бы онъ былъ такъ доволенъ, снисходителенъ, привѣтливъ и веселъ. Дѣйствительно, было отъ чего всѣмъ быть въ восторгѣ.

Каждый день Государь отправлялся къ войскамъ въ шесть часовъ утра и возвращался во второмъ часу полудни; въ промежутокъ до обѣда осматривалъ городъ, тюремный замокъ, заведенія приказа общественнаго призрѣнія, и при этомъ изволилъ

распрашивать меня о нравственности въ народѣ, объ успѣхѣ въ теченіи судебныхъ дѣлъ, о состояніи земледѣлія, промышленности, торговли въ губерніи и о способахъ, какъ бы впередъ все то подвинуть.

Маневры шли превосходно; но четвертый, по запечатаннымъ пакетамъ, безъ даннаго плана, былъ блистателенъ, и когда Государь, возвратясь, изволилъ говорить мнѣ о точности и быстротѣ исполненія по приказамъ до полученія совсѣмъ неизвѣстнымъ, а я притомъ сказалъ о внезапномъ, но стройномъ движеніи дивизіи Сипягина съ высотъ на долину, то Его Величество былъ очень доволенъ, что и я замѣтилъ эту искусную эволюцію. По столь милостивому ко мнѣ снисхожденію, судя по лицу объ усталости, тутъ я осмѣлился сказать, что Имперія должна сѣтовать на Его Величество. — «За что?» — «Не изволите беречь себя». — «Хочешь сказать, что я усталъ? Нельзя смотрѣть на войска наши безъ удовольствія: люди добрые, вѣрные и отлично образованны; не мало и славы мы ими добыли. Славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю». Глубоко врѣзались эти слова въ моей памяти: такія рѣчи не забываются; но можно ли безъ слезъ слышать ихъ изъ устъ мудраго, побѣдоноснаго, великодушнаго, благонамѣреннѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ?

Наканунѣ отъѣзда Государю угодно было послѣ маневровъ проститься (такъ выразился) съ женою и дѣтьми моими. Затѣмъ Его Величество непрерывно былъ занятъ до поздней ночи. Я вышелъ отъ него въ полночь, вице-канцлеръ еще дожидался съ бумагами. «Подано множество просьбъ, сказалъ мнѣ Государь, но на тебя ни одной; всѣ о землѣ, да объ кантонистахъ.» И затѣмъ разговоръ со мною, исполненный благоволенія, заключилъ слѣдующими словами: «Я помню, ты желалъ мнѣ съ пріѣзда, чтобы я не имѣлъ здѣсь ни одной непріятной минуты. Не только я не имѣлъ никакой непріятности, но и не помню, когда бы я сряду шесть дней былъ такъ доволенъ и веселъ, такъ здоровъ, какъ у тебя». Всемилостивѣйшее царское слово сопровождалось многими наградами. Самъ изволилъ спросить меня, не хочу ли кого наградить изъ служащихъ? Готовый у меня на всякій случай списокъ съ предположеніемъ, что̀ кому, я тутъ же представилъ: то всѣмъ и пожаловано. Мнѣ присланъ Владимірскій 2-й степени крестъ.

Въ больницѣ тюремнаго замка оставалась до совершеннаго выздоровленія женщина, Мордовка, наказанная за умерщвленіе мужа. Государь выходилъ уже изъ больницы, какъ она вскрикнула: «Ваше Величество! судья взялъ съ меня пятьсотъ рублей». Воротясь къ ней, онъ долго распрашивалъ ее и потомъ приказалъ мнѣ представить записку о дѣлѣ; отдавая мнѣ ее на другой день, сказалъ, что онъ не совсѣмъ убѣжденъ въ виновности этой женщины; велѣлъ мнѣ самому все переслѣдовать и объ результатѣ прислать донесеніе въ собственныя руки Его Величества. «Ничего не опасайся, присовокупилъ, мы не ангелы: можемъ ошибаться». Сколько я ни старался найти какой-нибудь недостатокъ по производству дѣла и самаго себя обвинить въ недосмотрѣ,

—ничего не нашелъ; такъ и донесъ, испрашивая милосердія преступницѣ: отдать ее въ монастырь на покаяніе, а если и сослать, то не въ каторгу, а на поселеніе. Мѣсяца черезъ два получаю высочайшее повелѣніе прислать все дѣло, потомъ и Мордовку, къ гр. А. А. Аракчееву. Затѣмъ она и съ дѣломъ какъ будто безъ вѣсти пропала. Не прежде 1827 года полученъ указъ изъ Сената, изъ котораго я увидѣлъ, что и дѣло, и Мордовка были отосланы въ аудиторіатъ военныхъ поселеній, который, давъ во всемъ вѣру Мордовкѣ, даже и въ томъ, будто я предлагалъ ей отъ себя пятьсотъ же рублей за отмѣну показанія о судьѣ, нещадно каралъ всѣхъ отъ земскаго исправника до губернатора Пензенскаго. Дѣло разсматривалось затѣмъ въ комитетѣ министровъ, и въ память покойнаго Императора высочайше повелѣно отдать преступницу на покаяніе по жизнь въ монастырь, гдѣ она, неизвѣстно какими судьбами, плодотворила.

Съ перваго до послѣдняго дня житья своего въ Пензѣ я велъ себя и по службѣ и по образу жизни всегда одинаково, а по нѣкоторымъ успѣхамъ въ управленіи, по нѣкоторому вниманію ко моимъ представленіямъ, по виду довѣрія ко мнѣ большинства во всѣхъ сословіяхъ, считалъ себя не изъ дюжинныхъ. Неожиданно, въ концѣ 1827 года получаю указъ о высочайшемъ назначеніи сенатора для обревизованія Пензенской губерніи. Ревизія—губернія будь вся населена Демьянами - безсребренниками — съ перваго слова, такъ уже принято, есть огласка сомнѣнія не столько еще въ способности, сколько въ добросовѣстности и честности начальника губерніи и его собратій, служащихъ; дала она потому крѣпкаго щелчка моему самолюбію: не полагалъ я даже, чтобы оно было во мнѣ еще такъ живуче.

Ревизоръ сохранялъ все приличіе въ обхожденіи со мною; другіе смотрѣли на меня, какъ обыкновенно смотрятъ на опальнаго, пока рѣшится вопросъ, быть ему или не быть. Я же, зная всенощное бдѣніе въ розыскахъ, ночные обыски въ домахъ разныхъ чиновниковъ, неутомимость, съ которою посланные шарили во всѣхъ углахъ по городамъ и селеніямъ; видя болѣе ста человѣкъ, добрыхъ и бѣдныхъ людей, отрѣшенныхъ, удаленныхъ отъ должностей и преданнымъ уголовному суду; слыша ихъ вопль и рыданіе — не понималъ, отчего такая нещадная погоня за злодѣями и чего доискивались. Передъ отъѣздомъ уже только, ревизоръ показалъ мнѣ, надъ чѣмъ суждено было ему потрудиться. Былъ это доносъ на меня отъ нѣкоего изъ воиновъ, который сплели ему человѣка три-четыре недовольныхъ не только мною, но и собою, и никѣмъ и ничѣмъ, и который тотъ принялъ съ полною вѣрою, повѣривъ имъ прежде всего въ томъ, что, съ пріѣзда его къ рекрутскому набору, въ Пензѣ все вдругъ переродилось. Памятны мнѣ нѣкоторые пункты доноса: «Наклонность къ злоупотребленіямъ разительно развилась въ губернаторѣ Л. послѣ высочайшаго пребыванія покойнаго Императора въ Пензѣ; другой воспламенился бы новою ревностію, а Лубяновскій началъ грабить; городъ Пенза плохо освѣщенъ, оттого ночи не проходитъ безъ грабежа, и все, такимъ образомъ добытое, сносится передъ разсвѣтомъ въ домъ къ губернатору для дѣлежа; на базарахъ допущены азартныя игры, фортунка, юла, которыя губернаторъ

отдаетъ на откупъ и деньги себѣ беретъ." Во всѣхъ прочихъ пунктахъ не высшая поэзія. Есть наглости, которыми странно было бы оскорбляться; но эта показалась мнѣ до того гнусною, что я не вытерпѣлъ и, по отъѣздѣ ревизора, написалъ всеподданнѣйшее письмо Императору въ собственныя руки: ни о чемъ не просилъ и не оправдывался; писалъ только, что «эту смѣлость внушило мнѣ свойственное вѣрному подданному желаніе сохранить о себѣ доброе монаршее мнѣніе; что въ совѣсти своей ничего я не находилъ, что̀ заставляло бы меня блѣднѣть отъ обвиненій; болѣе десяти лѣтъ я считалъ себя и дѣйствительно былъ первымъ слугою губерніи; добро и порядокъ были единственною моею цѣлью; но я служилъ и трудился, какъ сынъ въ домѣ отца, и ниже мысль о мздѣ лихоимной и платѣ наемничей не обращалась во мнѣ ни на мгновеніе». Покойный Н. М. Лонгиновъ извѣщалъ меня, что письмо это представлено по назначенію. Въ отвѣтъ ни отъ кого не получилъ я ни слова; а гр. В. П. Кочубей говорилъ мнѣ, что ему два раза приказано было донесенія ревизора на мой счетъ разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ со всѣмъ безпристрастіемъ и строгостью. Ни въ чемъ я не найденъ подлежащимъ отвѣтственности. Длинный объ этомъ журналъ возвращенъ въ Комитетъ съ надписью: «согласенъ». Между тѣмъ простылъ и слѣдъ ревизіи. Тогда только я узналъ, до какой мѣры я весь покрытъ былъ черными и безобразными пятнами. Благословите клянущія вы!

Скоро затѣмъ разразилась надъ Пензою другая гроза, холера. Отъ страха всѣ обезпамятѣли; сердце у меня было также не на мѣстѣ, пока я не убѣдился въ больницахъ, что холера не чума, не прилипчива, не терпитъ отлагательства, требуетъ воздержанія, осторожности, но не карантиновъ и не оцѣпленій. Жертвъ было не мало; но по милосердію Божію, эпидемія въ Пензѣ была не надолго. Министръ внутреннихъ дѣлъ, посланный въ низовыя губерніи по случаю этого бѣдствія, пріѣхалъ въ Пензу къ благодарственному молебствію за прекращеніе холеры и одобрилъ всѣ мои распоряженія. Дней за десять передъ нимъ нѣкто изъ воиновъ и въѣхалъ въ неоцѣпленную, и выѣхалъ изъ неоцѣпленной же Пензы въ Сентябрѣ 1830 г.

Въ Октябрѣ 1830 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату объ увольненіи меня отъ службы съ причисленіемъ къ герольдіи. Нашелъ онъ меня въ минуту какой-то мертвенности, вѣроятно и потому, что это была уже третья, обычная моя отставка отъ службы безъ просьбы и по причинамъ, совсѣмъ мнѣ неизвѣстнымъ. Въ тотъ же день я сдалъ должность со всѣмъ, что̀ было на рукахъ моихъ, и преспокойно ночевалъ уже въ наемномъ домѣ. На вопросъ министра внутреннихъ дѣлъ изъ Саратова или изъ Казани, не зналъ ли я, за что̀ отставленъ, отвѣчалъ ему невѣдѣніемъ. Наказанъ я, однакоже, здѣсь по дѣломъ, хотя по другой службѣ. Не помню, когда бы я по виду такъ мало думалъ о себѣ, такъ забывалъ себя, какъ во время холеры въ Пензѣ; но все это дѣлалъ не съ простымъ окомъ, а съ тайною примѣсью самолюбія: хотѣлъ выказаться послѣ ревизіи, и посчастливилось!

Въ Февралѣ 1831 г. данъ Сенату высочайшій указъ о назначеніи меня Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Закревскій писалъ мнѣ,

что недоброжелатели мои успѣли навлечь на меня тучу непріятностей, и что онъ не хотѣлъ упустить первой удобной минуты, чтобы представить обо мнѣ Императору, потому самому и безъ предварительнаго со мною сношенія. Честь и слава почтенному графу Арсенію Андреевичу Закревскому за твердость его въ любви къ правдѣ, не въ одномъ подобномъ случаѣ.

Чего бы еще и хотѣть мнѣ, безъ другихъ тогда у меня житейскихъ печалей? — Къ тому же министръ не скрылъ отъ меня въ письмѣ своемъ, что надобно было мнѣ заставить разумѣть о себѣ лучше, нежели какъ то было дотолѣ, по дѣйствію моихъ недоброжелателей. Надобно мнѣ было потому съ головы начинать, не безъ опыта, какъ тяжело переработывать эти вещи.

Не участвовавъ въ этомъ назначеніи ни желаніемъ, ни помышленіемъ, я отдалъ себя Спасителю и, одинъ безъ семьи, уѣхалъ изъ Пензы. Харькова я не узналъ: такъ обстроился, обзавелся и расширился; отыскалъ, однакоже домы или мѣста, гдѣ были домы, въ которыхъ прошелъ мой отроческій возрастъ, и онъ представился мнѣ, какъ на ладонѣ. Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни!

Въ Полтавѣ встрѣтила меня добрая сестра моя и сорокалѣтній другъ мой князь Репнинъ, тогда Малороссійскій военный губернаторъ. По пути поклонился я праху блаженныхъ своихъ родителей, молитвами которыхъ Богъ до сего времени щадилъ меня. Не безъ удовольствія, но и не безъ слезъ, я завидѣлъ съ Млинянской горы домъ, гдѣ родился, и церковь, построенную моими родителями и обсаженную собственноручно отцомъ моимъ отборнѣйшими изъ своихъ лѣсовъ деревьями, удачно и роскошно разросшимися. Смотрю мѣстоположеніе: все также прелестно, и Ворскла по прежнему тихо струилась, и по рукавамъ ея луга разстилались по прежнему зелеными коврами, и вѣковые дубы въ садахъ и рощахъ не только не обветшали, но будто еще помолодѣли, вся природа въ прежней красѣ; у людей только все уже не постаросвѣтски. Куда дѣвалось все то довольство, въ которомъ еще на моей памяти Малороссійскіе казаки и крестьяне живали въ хуторахъ, въ селахъ и слободахъ, не зная нужды, беззаботно и весело, въ тѣни роскошныхъ садовъ?

Завидѣвъ Кіевъ, я, какъ ребенокъ, обрадовался, узнавъ церковь Святаго Андрея Первозваннаго. Мальчикомъ еще я былъ въ Кіевѣ съ отцемъ и матерью, и изъ всѣхъ тамошнихъ святынь одна эта церковь врѣзалась у меня въ памяти; я видывалъ ее даже во снѣ, и тутъ былъ доволенъ, что зеркало моей памяти не совсѣмъ заиндивѣло. Поклонившись св. Божіимъ угодникамъ Кіевскимъ, изъ разговора при свиданіи съ предержащими властями я долженъ былъ заключить, что пріѣду въ Каменецъ не на радость.

Пріѣхалъ туда въ Апрѣлѣ на страстной недѣлѣ, за два дня до свѣтлаго праздника; нашелъ въ этомъ городкѣ необыкновенно большое стеченіе людей всякаго рода съ явнымъ на лицахъ безпокойствомъ какого-то ожиданія; плохо потому вѣрилъ обычному благовѣстію, что въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи обстояло благополучно, а выходя изъ дому въ субботу въ полночь къ заутренѣ, получилъ донесеніе, что мятежники въ южныхъ уѣздахъ подняли Польское знамя и, съ оружіемъ въ рукахъ, ватагами двинулись къ сборнымъ мѣстамъ, разграбили почтовыя станціи, пресѣкли сообщеніе съ губернскимъ

городомъ. Нельзя было безъ негодованія, вмѣстѣ и безъ соболѣзнованія, смотрѣть на этотъ угаръ и круженіе отъ предательскаго умысла и преступнаго легковѣрія.

При этой кровавой вспышкѣ безразсудныхъ мечтаній, пока войска пришли изъ Бессарабіи, надобно было тотчасъ приступить къ исполненію требованій фельдмаршала графа Дибича, собрать съ губерніи до 80 т. четвертей провіанта и фуража, 10 т. быковъ, обратить муку въ сухари, взять изъ Хотинскаго запаса лекарствъ на 200 т. человѣкъ, и все это выслать въ назначенныя мѣста къ 1-му Іюня. «Иначе, писалъ фельдмаршалъ, войска съ того числа останутся безъ продовольствія, и Подольскій губернаторъ головою будетъ тогда отвѣчать за голодъ и всѣ отъ того послѣдствія въ арміи». Оставалось до срока не болѣе шести недѣль: каждый часъ былъ дорогъ, и много было труда и заботы, но за то не безъ успѣха. Съ помощію Божію къ 1-му Іюля, мѣсяцемъ позже, все было на мѣстѣ. Пособило мнѣ то, что ни я никого, ни меня никто еще не зналъ въ губерніи; я знать, а мнѣ никто показать не хотѣлъ, что̀ у кого было на сердцѣ.

Злоумышленники, собравъ и вооруживъ нѣсколько тысячъ бездомной шляхты и слугъ, подняли стягъ съ бѣлымъ орломъ, присягнули ойчизнѣ, ветхаго, немощнаго Колыску (товарища Костюшки) провозгласили воеводою посполитаго рушенья и отъ Ольгополя двинулись обогнуть всю губернію, дать время сообщникамъ примкнуть къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ на пути, цѣлымъ корпусомъ пробраться черезъ Галицію въ царство и съ тамошними стать за-одно. Войска изъ Бессарабіи догнали эти толпы на рубежѣ Кіевской губерніи; были жаркія сшибки подъ Дашевымъ, подъ Тавровымъ, подъ Майданомъ-Закревскимъ; здѣсь они разбиты на голову, разсыпались, а сотъ шесть или семь спаслись бѣгствомъ: прорвались въ Австрійскія владѣнія.

Съ паденіемъ Варшавы безразсудная надежда замерла и въ Подольской губерніи; обратилась въ плачъ и вопль отчаянія: отцы и матери не находили дѣтей, жены — мужей, сестры — братьевъ. Надобно было прежде всего прекратить томленіе неизвѣстности; во всѣхъ западныхъ губерніяхъ для разбора, кто правъ, кто виноватъ, учреждены были комиссіи подъ предсѣдательствомъ военныхъ генераловъ; въ Подольской коммиссіи велѣно мнѣ быть предсѣдателемъ. По положенію края, больнаго столько же отъ ложныхъ мечтаній, сколько отъ недостатка любви и довѣрія, никогда я такъ не боялся, какъ здѣсь, не доступить шага, или ступить лишній шагъ. Не говоря объ отъявленныхъ зачинщикахъ бунта, за которыхъ (по отсутствію иныхъ изъ нихъ до того еще изъ края, по бѣгству другихъ за границу съ мѣста послѣдней сшибки съ войсками), отвѣчало не лицо, а имѣніе; не одна тысяча розысковъ произведена о сообщникахъ-дворянахъ. Участь немногихъ могла разрѣшиться по изданнымъ правиламъ; затѣмъ о каждомъ съ мнѣніемъ коммиссіи испрашивались разрѣшенія. Не помню представленія отвергнутаго, а во всѣхъ высочайшихъ разрѣшеніяхъ дышало: милости хощу, а не жертвы. Всѣ до единаго розыски и слѣдствія при мнѣ еще рѣшительно окончены, такъ что, оставляя губернію 8-го Ноября 1833 г., невступно черезъ три года, я могъ сказать въ завѣщаніе: «иди и впредь не согрѣшай, и не буди невѣренъ но

вѣрсиъ».—Впослѣдствіи, всеподданнѣйше благодаря за сенаторство, удостоился я слышать изъ устъ Государя Императора, что Его Величество былъ «доволенъ, очень доволенъ моимъ управленіемъ Подольскою губерніею».

По климату не много у насъ такихъ прекрасныхъ губерній: столиственная роза въ садахъ тамъ красуется въ цвѣту до зимняго Николы; весенній посѣвъ на поляхъ нерѣдко начинается въ концѣ Февраля; виноградъ, другіе нѣжные плоды созрѣваютъ на воздухѣ; земля, не такъ какъ люди,—не умѣетъ быть неблагодарною; въ лѣсахъ, вездѣ береженыхъ, букъ, липа, грабъ, дубъ, ясень, кленъ; въ паркахъ тѣнистыя деревья, каштановыя, орѣховыя и исполинскіе пирамидальные тополи. Надобно было отправить поѣздъ не въ ближнее мѣсто за небывалою здѣсь и невиданною красавицею, за елью, по славѣ о неувядаемой зелени. Одна также во всей губерніи сосновая рощица, и та не природою посажена; одна же во всей губерніи березовая роща, нѣсколько сотенъ плакучихъ отшельницъ изъ сѣвера. Нигдѣ нѣтъ ни песковъ, ни болота, ни топи. Не отошелъ бы отъ живописныхъ береговъ Днѣстра, Збруча и Буга; не разстался бы съ роскошными долинами.

Каменецъ также замѣчателенъ по мѣстоположенію — гнѣздо на бугрѣ, котораго лишь темя удобно для поселенія, по крутизнѣ ската къ подошвѣ со всѣхъ сторонъ. Каменистый въ уровень съ этимъ бугромъ хребетъ, обогнувъ его дугою, съ одной только стороны пересѣкается долинами, между которыми выдвинулась, въ уровень же съ бугромъ, огромная груда, гдѣ Турками построена крѣпость. Бугоръ, на которомъ городъ, подумаешь, оторванъ отъ хребта и отброшенъ, словно отколокъ. Рѣчка Смотричъ, выходя изъ-за груды, вмѣсто того чтобы, перешагнувъ сажень десять, пойти за ту же груду въ другую долину, будто въ раздумьи поворотила обмыть прежде кругомъ всю подошву бугра. Геогносту здѣсь, да и во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, было бы надъ чѣмъ потрудиться.

20-го Іюня 1854-го года.

*

Этимъ заключаются Записки Ѳедора Петровича Лубяновскаго.

Оставивши Подольскую губернію, которою онъ управлялъ послѣднее время будучи уже сенаторомъ и гдѣ жива еще память о немъ, онъ съ 1834 г. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ присутствовалъ въ Сенатѣ и былъ первоприсутствующимъ въ департаментахъ и въ 1-мъ общемъ собраніи Сената до 1867 года.

До глубокой старости всегда готовый на помощь ближнему словомъ и дѣломъ, съ любознательностью слѣдилъ онъ за всѣмъ современнымъ, перечитывалъ все, что ни появлялось въ печати. При самыхъ обширныхъ, всестороннихъ познаніяхъ, съ умомъ испытующимъ, онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Его рѣчь была и поучительна, и привлекательна; въ служебномъ же мірѣ его память раскрывала цѣлый архивъ минувшихъ лѣтъ. Онъ скончался на 92-мъ году, 2 Февраля 1869 года. Послѣдній годъ жизни онъ угасалъ, но до того жилъ полною умственною жизнью.

Литература была любимымъ его отдохновеніемъ. Кромѣ изданныхъ имъ: Путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ и переводовъ—Телемака, Тоски по отчизнѣ, Ѳеобальда, онъ издалъ

въ 1839 году послѣдній свой переводъ Телемака и въ 1845 году Замѣтки за границею 1840 — 1843 года.

Издаваемыя теперь его Записки собраны имъ самимъ въ настоящемъ ихъ видѣ въ послѣдніе годы его жизни и окончательно въ 1867 году.

ПИСЬМА И РЕСКРИПТЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ МОСКОВСКИМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ (*).

V. КЪ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ.

1.

Князь Александръ Александровичъ. Препоручая вамъ главное начальство въ Москвѣ и во всей тамошней губерніи, увѣрена я, что вы таковое назначеніе примете за знакъ моего добраго къ вамъ расположенія и уваженія къ усердію и радѣнію, которыя вы по разнымъ прежде на васъ возложеннымъ должностямъ оказали. Не меньше надѣюся, что вы мою довѣренность оправдаете ревностнымъ сохраненіемъ нужнаго благоустройства и бдительнымъ наблюденіемъ въ томъ за подчиненными вамъ мѣстами и людьми. Въ какомъ состояніи вступятъ подъ команду вашу всѣ части, полицейская, судная и казенная, вы меня увѣдомите.

Дошли здѣсь слухи, что все управленіе тамошнее, въ томъ числѣ и полиція пришли въ слабость, что извѣстная шайка людей обществу вредныхъ подъ именемъ мартинистовъ умножается и что губернаторъ Московскій генералъ-маіоръ Лопухинъ самъ въ числѣ таковыхъ суевѣрныхъ и заблужденныхъ людей находится. Сообщая сіе для собственнаго знанія вашего, поручаю вамъ дать совѣтъ помянутому губернатору, чтобъ онъ чрезъ посредство ваше прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ настоящей должности для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Вы можете ему внушить, что гораздо приличнѣе для него просить о томъ, нежели безъ просьбы уволену быть отъ мѣста. Какъ скоро онъ пришлетъ просьбу, то на его мѣсто отправленъ будетъ Рижскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Беклешовъ; а въ оберъ-полицмейстеры я стараюся искать способнаго человѣка, и какъ скоро найду, не умедлю его назначить, а генерала-маіора Толя перевесть къ другому мѣсту. Впрочемъ что̀ до другихъ чиновъ касается, вы не оставьте разсмотрѣть ихъ поведеніе и способности, да и приложите попеченіе, чтобъ къ должностямъ употребляемы были люди надежные, исправные и такіе, отъ которыхъ народу притѣсненія и вообще никакія непристойности не происходилибъ.

Въ С.пбургѣ.
Февраля 19, 1790 г.

2.

Князь Александръ Александровичъ. Препровождая симъ прошеніе, поданное намъ отъ вдовы статскаго совѣтника Родіона Кошелева, Матрены Кошелевой, повелѣваемъ, по истеченіи срока назначенной указомъ нашимъ отъ 8-го Августа прошлаго 1785 года опеки надъ малолѣтными ея дѣтьми и имѣніемъ, дабы хозяйственнымъ управленіемъ сего послѣдняго и остальные долги заплачены быть могли съ выгодою наслѣдниковъ, продол-

(*) См. выше, стр. 225 и слѣд. Означенное кавычками писано государынею своеручно. Обычныя окончанія и своеручная подпись, повторяющіяся въ каждомъ письмѣ, для краткости опущены. *П. Б.*

жить ту опеку еще на два года, поруча оную, по избранію просительницы, свойственнику ея дѣйствительному статскому совѣтнику и двора нашего церемоніймейстеру Мусину-Пушкину, сходно съ выше помянутымъ указомъ нашимъ и сообразно наставленію, опекунамъ въ учрежденіяхъ нашихъ начертанному.

Въ Спбургѣ
Февраля 21. 1790.

3.

Князь Александръ Александровичъ. По представленію предмѣстника вашего генерала Еропкина о содержащемся въ Москвѣ подъ стражею иностранцѣ Вульфѣ, котораго Уголовная тамошняя Палата присуждаетъ за разныя его преступленія къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ на поселеніе, повелѣваемъ означеннаго иностранца Вульфа выслать подъ карауломъ чрезъ Смоленскъ за границу, подтвердя ему строжайше съ подпискою, дабы онъ впредь не въѣзжалъ въ предѣлы нашей имперіи, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго наказанія.

Въ Спбургѣ
Февраля 21. 1790.

4.

«Князь Александръ Александровичъ. По приложенной здѣсь запискѣ прикажите безъ большой огласки, но аки текущее къ просьбамъ родственниковъ дѣло, развѣдать въ точности, и что окажется ко мнѣ пришлите. Пребываю къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Марта 12 ч. 1790.

1. Была ли въ Москвѣ въ теченіи прошлаго года Француженка, именемъ Коломба или Декомба?

2. Умерла ли она скоропостижно или нѣтъ, и когда?

3. Буде была, гдѣ она и у ково жила?

4. Долго ли была на Москвѣ?

5. Когда умерла, куда дѣвались ея пожитки и письма?

6. Буде гдѣ понынѣ пожитки ея и письма хранятся, гдѣ бы ни было, прикажите къ нимъ приложить печать вашу и сохранить и оберегать въ цѣлости и дайте сюда знать.

7. Здѣсь слышно, будто она у какихъ то князей Голицыныхъ жила для компаніи.

8. Какія о сей женщинѣ обстоятельства въ Москвѣ извѣстны, прикажите записать и ко мнѣ пришлите.

9. Не называлась ли она еще какимъ именемъ?

10. Католитскіе патеры объ ней вѣдаютъ ли?»

5.

«Князь Александръ Александровичъ. На письмо ваше отъ 21 Марта въ отвѣтъ скажу, что переходъ вашъ въ домъ главнокомандующаго пріемлю за благо. Касательно развѣдываній о Француженкѣ, по которой вы прислали ко мнѣ записку на Французскомъ языкѣ содержанія такого, яко ни въ церкви католицкой, ни у вице-консула Французскаго не отыскалось извѣстій о смерти либо пребываніи на Москвѣ женщины именемъ Делакомбъ или Коломбъ; но будто догадываются, что прошлаго года умерла на Москвѣ или въ Смоленскѣ одна дѣвица, *именемъ Ледардъ*, коя была за мужемъ за купцомъ Коломбъ изъ *Меца въ Лотарингіи.* Сіи подчерченныя слова дали случай къ слѣдующему объ ней открытію. Сказываютъ, яко бы та женщина жила въ

домѣ графини Катерины Петровны Строгановой, гдѣ умерла скоропостижно, именовалась Декомбъ, родомъ была изъ Лотарингіи, роста была довольно высокаго, не толста, не худа, лѣтъ отъ 28 до 30, лицемъ не очень пріятна. Описаніе сіе довольно кажется явственно, дабы вы могли узнать, во первыхъ изъ дома граф. Строгановой, жила ли у ней въ домѣ и умерла ли скоропостижно или инако оная Декомбъ? Второе, какова была ростомъ, лѣтъ и примѣтъ? Третье, откудова родомъ? О семъ въ домѣ Строгоновой, кажется, причинъ нѣтъ утаить. Буде же дойдете сею дорогою до сходства въ имяни, въ примѣтахъ, мѣста откудова родомъ, тогда бъ приказали душеприкащиковъ *Munier* и *Du Fresne*, призвавъ къ себѣ, допросить: кѣмъ и какъ они душеприкащиками поставлены и въ прочихъ статьяхъ по вышеписанному. И буде найдете сходство, тогда поступить прикажите по моему первому приказанію, и постарайтесь паче, чтобъ письмы той мадамъ Декомбъ, какова бы рода ни были, утрачены не были, но достались въ наши руки и, запечатавъ, не читавъ подъ видомъ сбереженія оныхъ для ея родственниковъ, пришлите ихъ ко мнѣ. Пребываю доброжелательная

Екатерина.

Апрѣля 1 ч. 1790.“

6.

Князь Александръ Александровичъ. По разсмотрѣніи доклада вашего отъ 21-го минувшаго Марта, повелѣваемъ излишнихъ чиновъ учрежденной при Московской Казенной Палатѣ Дорожной Експедиціи, въ разсужденіи что по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ строеніе дороги между двумя столицами нашими остановлено, уволить по удовольствованіи заслуженнымъ жалованьемъ, оставя только въ той Експедиціи одного совѣтника и прочихъ необходимо нужныхъ чиновъ, въ представленномъ отъ васъ спискѣ означенныхъ, употребляя на содержаніе ихъ и на расходы по вашему назначенію въ годъ по 1268 рублей изъ имѣющей нынѣ на лицо въ Дорожной Експедиціи суммы, остающейся за удовольствіемъ подрядчиковъ и увольняемыхъ чиновъ, покуда о всемъ томъ особое повелѣніе наше послѣдуетъ.

Въ Спбургѣ
Апрѣля 5. 1790.

7.

Князь Александръ Александровичъ. Для свѣдѣнія вашего приложена при семъ копія письма, присланнаго изъ Парижа къ Генриху Вееру въ Москву, наполненнаго разными нескладными разсужденіями, по случаю произшедшей во Франціи перемѣны и сообщеніемъ о заведеніи въ Парижѣ особаго клуба, о которомъ мы имѣемъ извѣстіе, что составившіе оный положили въ основаніе стараться рапространять развратъ свой повсюду. Для сего нужно, чтобъ вы навѣдались подъ рукою, кто сей Генрихъ Вееръ, къ которому письмо здѣсь получено, давно ли живетъ въ Москвѣ и вообще въ Россіи, какое его упражненіе, у кого онъ живетъ, съ кѣмъ имѣетъ обращеніе и какое его поведеніе? Надлежитъ потомъ какъ за нимъ, такъ и за другими тому подобными имѣть весьма прилежное, но непримѣтное наблюденіе, не происходитъ ли отъ нихъ что̀ либо вредное и непристойное. Впрочемъ прикажите полиціи не дозволять и не терпѣть никакихъ тайныхъ собраній или сходбищъ; но

тутъ смотрѣть, чтобъ изъ таковаго запрещенія, которое касается до масонскихъ ложъ и другихъ тому подобныхъ потаенныхъ и нелѣпыхъ сборищъ, не вышло притѣсненія раскольникамъ или старообрядцамъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ наносить какое либо препятствіе въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, къ которымъ они, по ихъ предубѣжденію, не обыкли допускать разно съ ними мыслящихъ.

Въ Спбургѣ.
Апрѣля 10. 1790.

8.

Князь Александръ Александровичъ. Отъ адмирала Чичагова сего дня получили мы извѣстіе, что флотъ Шведскій подъ флагомъ адмиральскимъ, контръ-адмиральскимъ и командорскимъ въ 26-и линейныхъ корабляхъ и фрегатахъ, 2-го сего Мая на рейдѣ Ревельской атаковалъ часть флота нашего, въ 10-и корабляхъ и одномъ фрегатѣ линію державшую. Сраженіе продолжалось два часа. Непріятель, несмотря на превосходство силъ своихъ, былъ разбитъ и прогнанъ. Шестидесяти-четырехпушечный его корабль «Принцъ Карлъ» взятъ нашею эскадрою въ плѣнъ; три корабля непріятельскіе потерпѣли многія важныя поврежденія; два сверхъ того стали на мель, да и вообще судамъ его немалый вредъ нанесенъ. Признавъ Божію помощь въ семъ знаменитомъ происшествіи намъ ниспосланную, извѣщаемъ васъ, желая, чтобъ въ престольномъ нашемъ городѣ Москвѣ побѣда, надъ врагомъ нашимъ одержанная, торжествована была принесеніемъ благодаренія Всевышнему при пушечной пальбѣ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 4. 1790.

9.

Князь Александръ Александровичъ. По разсмотрѣніи собранныхъ справокъ относительно переписки Сената нашего съ главнокомандующими въ столицахъ, находимъ мы, что какъ Учрежденій нашихъ о управленіи губерній, въ коихъ столицы, въ статьѣ 86-ой изображено: Еслибъ въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо, то главнокомандующій можетъ остановить исполненіе и доносить Сенату; въ статьѣ 91: Главнокомандующій въ столицѣ засѣдаетъ въ Сенатѣ въ общемъ собраніи и въ томъ департаментѣ, гдѣ вѣдомы дѣла его вѣдомства, и въ ономъ бываетъ онъ ходатаемъ по дѣламъ ввѣренной ему губерніи и имѣетъ голосъ, такъ какъ и прочіе засѣдающіе въ Сенатѣ. То на основаніи сего законоположенія, мы не можемъ инаго сказать вамъ, какъ то, что переписка Сената нашего съ главнокомандующими въ столицахъ нашихъ долженствуетъ быть производима по примѣру другихъ генераловъ-губернаторовъ и прочихъ присутствующихъ въ Сенатѣ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 15. 1790.

10.

Князь Александръ Александровичъ. По надобности въ умноженіи войскъ на настоящее время, препоручаемъ вамъ составить въ Москвѣ четыребаталіонный мушкатерскій полкъ, обратя въ оный имѣющійся тамъ 3-ій баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полку, за тѣмъ употребить имѣющихся въ баталіонахъ гарнизона Московскаго людей непрестарѣлыхъ и къ службѣ годныхъ, такожъ рекрутъ, кои въ Москвѣ въ зачетъ набора отдаются; какимъ же образомъ остальное число

наполнить, о томъ вы вскорѣ за симъ получите наше предписаніе. О потребныхъ для сего полку офицерахъ, объ одеждѣ, оружіи и прочемъ нужномъ снестися съ генераломъ Салтыковымъ, которому дано отъ насъ приказаніе вамъ въ исполненіи порученнаго пособствовать.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 15. 1790.

11

Князь Александръ Александровичъ. По представленію вашему повелѣваемъ Орловскаго намѣстничества губернскому стряпчему надворному совѣтнику Ѳедору Яковлеву быть при васъ для исправленія дѣлъ, на мѣсто находившагося при предмѣстникѣ вашемъ генералѣ Еропкинѣ надворнаго совѣтника Ивана Бурнашева, съ жалованьемъ, какое получалъ сей послѣдній, который назначается ко опредѣленію къ другимъ дѣламъ. Равнымъ образомъ позволяемъ вамъ вмѣсто бывшаго при предмѣстникѣ вашемъ секретаря на опредѣленное отъ него жалованье прибавить канцелярскихъ служителей и на содержаніе ихъ, какъ и на расходы, назначенную указомъ нашимъ отъ 4-го Августа 1786 г. сумму, всего вообще въ 2,000 рубляхъ состоящую, указали мы нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору князю Вяземскому отпускать въ ваше распоряженіе.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 15. 1790.

12.

Князь Александръ Александровичъ. Разсмотрѣвъ разныя представленія ваши, по содержанію оныхъ нужнымъ находимъ предписать вамъ. 1, На содержаніе въ Москвѣ двухъ гусарскихъ эскадроновъ исчисленная вами по примѣрному штату сумма будетъ назначена изъ общихъ государственныхъ доходовъ на одинъ годъ; а на послѣдующее время откуда удобнѣе можно будетъ ассигновать, мы не оставимъ впредь разсмотрѣть и васъ увѣдомить; слѣдственно та сумма, которая опредѣлена на содержаніе запасныхъ сидѣльцевъ, должна остаться по ея назначенію. — 2, Домъ главнокомандующаго въ Москвѣ долженствуетъ состоять въ вѣдомствѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, у коего и всѣ тамошнія публичныя зданія находятся и по его разсмотрѣнію нужная починка и исправленіе онаго происходить будутъ, а для лучшаго за нимъ надзиранія помянутый дѣйствительный тайный совѣтникъ не оставитъ опредѣлить къ нему одного изъ придворныхъ нашихъ служителей при Екатерининскомъ дворцѣ находящихся.—3, Въ комнаты, для Сената въ Кремлѣ изготовленныя, перевести два Московскіе департаменты, оставя впрочемъ сіе строеніе подъ смотрѣніемъ архитектора Козакова, на основаніи записки отъ него вамъ представленной, и потребную по его исчисленію на случающіяся починки и прочія надобности ежегодно сумму заимствовать изъ остающихся вообще по тамошнимъ строеніямъ денегъ, въ вѣдомство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова отпускаемыхъ.—4, О наказаніи за кражу преступниковъ поступать по точнымъ словамъ законовъ нашихъ.— 5, Инвалидный домъ, оставя въ нынѣшнемъ его положеніи и не переводя находящихся въ немъ инвалидовъ въ Преображенскъ, содержать ихъ по точной силѣ предписанія объ означенномъ домѣ изданнаго.—6, Цензура книгъ долженствуетъ зависѣть отъ Управы Благочинія, отъ которой

и цензора назначить; однакожъ она сама же все отвѣтствовать обязана.—7, При написаніи купцовъ въ гильдіи. объявленіе отъ нихъ капиталовъ предоставляется имъ чинить по совѣсти и никакой доносъ въ утайкѣ таковыхъ капиталовъ мѣста имѣть не можетъ, по точной силѣ грамоты, отъ насъ городамъ пожалованной.—8, Касательно желанія обывателей Московскихъ давать ежегодно деньги съ дворовъ по числу квадратныхъ сажень, ради построенія на ту сумму казармъ для постоевъ и полицейскихъ въ частяхъ съѣзжихъ дворовъ, нужно есть, во 1-хъ измѣрить городъ и по выгодностямъ онаго назначить таксу, въ какой части сколько платить съ квадратной сажени; въ 2-хъ исчислить сколько потребно денегъ на построеніе домовъ для постоя нужныхъ, такъ какъ и на прочія надобности по Управѣ Благочинія, дабы можно было сообразить, достаточна ли будетъ на содержаніе сея части сумма съ квадратныхъ саженей собираемая; сверхъ того, много ли найдется обывателей такихъ, кои добровольно согласятся въ замѣну постою и полицейскихъ должностей платить сію подать; почему и не оставьте напередъ всѣ таковыя исчисленія и разсмотрѣнія учинить и, сообразивъ со всѣми нужными къ сему дѣлу обстоятельствами, представить намъ со мнѣніемъ вашимъ.—9, О дворянахъ, по основанію 92-й статьи изданнаго отъ насъ городоваго положенія записавшихся въ гильдіи, слѣдуетъ ли имъ позволить преимущество граждановъ, истребовавъ сходно съ учрежденіями нашими отъ прокуроровъ и стряпчихъ заключенія и мнѣнія Губернскаго Правленія и Палатъ, представить въ Сенатъ на разсмотрѣніе, котораго, если онъ найдется не въ состояніи дать вамъ, тогда не оставитъ взнести отъ себя докладъ, къ нашему разсмотрѣнію.—10, Въ пріемѣ залоговъ при откупахъ и подрядахъ наблюдать въ точности предписаніе о контрактахъ, 8-го Декабря 1776 года изданное; въ какой же цѣнѣ принимать въ залогъ помѣщичьихъ крестьянъ, исчислено въ манифестѣ нашемъ о учрежденіи Государственнаго Банка, состоявшемся въ 28 день Іюня 1786 года. А чтобъ недоимки и недоборы не умножались, нуженъ узаконенный досмотръ и сохраненіе пользы казенной со стороны мѣстъ и чиновъ, должностію къ тому обязанныхъ, поступая съ неисправными поставщиками и откупщиками по силѣ законовъ безъ всякаго послабленія.—11, О пивоварняхъ сдѣлано отъ Сената нашего предписаніе съ дозволеніемъ продавать имъ пиво и полпиво варями, полуварями и четверть варями, но не побутылочно; въ уставѣ же о винѣ изданномъ въ 58-й статьѣ также имъ позволено продавать пиво и полпиво, но оптомъ, а не въ розницу и не ниже узаконенной мѣры и за недозволенную продажу, по силѣ 117-ой статьи тогоже устава, положено равное наказаніе, какъ и за корчемство виномъ; напослѣдокъ же во 130 статьѣ точное есть узаконеніе, какъ поступать съ непокорливыми, то есть паки впадшими въ туже вину; въ слѣдствіе чего прекращеніе непозволеннаго корчемства пивомъ и полпивомъ зависитъ отъ точнаго и строгаго исполненія вышеписанныхъ законоположеній.—12, По множеству вступающихъ дѣлъ въ Палату Гражданскаго Суда и въ Московскій Уѣздный Судъ, для скорѣйшаго отправленія оныхъ, позволяемъ прибавить въ каждое изъ оныхъ мѣсто по одному секретарю, такожъ въ Палату одного регистрато-

ра, одного канцеляриста и двухъ подканцеляристовъ, а въ Уѣздный Судъ канцеляриста одного и двухъ копіистовъ, да въ Дворянскую тамошнюю Опеку одного подканцеляриста и одного копіиста, и потребную на жалованье имъ противъ прочихъ сумму заимствовать изъ остающейся вообще по губерніи отъ неполнаго комплекта чиновъ и служителей; а въ неимѣніи таковыхъ остатковъ, укажемъ мы ассигновать изъ казначействъ нашихъ, по полученіи отъ васъ о томъ представленія. 13, Воспитательный Домъ, какъ и всѣ прочіе въ Имперіи живущіе, долженъ непремѣнно держаться узаконеній и установленій для всѣхъ вообще изданныхъ; а потому не можетъ онъ изъятъ быть изъ правила, которому всякій обязанъ повиноваться въ разсужденіи строеній; Управы же Благочинія есть долгъ всемѣрно наблюдать, дабы оныя производились по апробованному отъ насъ плану, по коему и положенную новую улицу между стѣнъ города Китая и Москвы рѣки учредить надлежитъ; да и вообще помянутый Воспитательный Домъ, по распоряженіямъ вашимъ и требованіямъ Управы Благочинія по должности ея касающимся, неотложное удовлетвореніе чинить обязана. 14, Въ разсужденіи представленнаго вамъ при прошеніи Московскаго градскаго главы съ именитыми гражданами, купечествомъ и посадскими проекта, о построеніи въ Москвѣ Гостинаго Двора, мы находимъ, что опредѣляемый на сіе строеніе сборъ имѣлъ бы видъ принужденія, да и трудно полагать, чтобъ тутъ всѣ единодушно согласны были. Для того, ссылаяся на указъ нашъ отъ 2-го Августа прошлаго 1789 года, предмѣстнику вашему генералу Еропкину данный, подтверждаемъ и при семъ случаѣ объ исполненіи онаго. Что же принадлежитъ до церкви Введенія Богородицы, внутри того гостиннаго двора состоящей, оная должна ли тутъ остаться и на какомъ основаніи, предоставляется разсмотрѣнію преосвященнаго митрополита Московскаго, съ которымъ вы о семъ надлежащее сношеніе учините.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 15. 1790.

13.

Князь Александръ Александровичъ. Мѣсто противъ дому главнокомандующаго въ Москвѣ, принадлежащее князьямъ Долгорукимъ, почитаемъ нужнымъ пріобрѣсть въ казну, позволяя вамъ на покупку онаго употребить до 7,000 рублей.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 31. 1790 года.

14

Князь Александръ Александровичъ. Третьяго дня отъ вице-адмирала принца Нассау-Зигенъ получено извѣстіе, что онъ 21 Іюня, пришедъ съ гребнымъ флотомъ въ Березовый Зундъ, встрѣтившійся ему гребный непріятельскій флотъ по пяти-часовой перестрѣлкѣ обратилъ въ бѣгство далѣе къ Выборгскому заливу и самъ занялъ постъ противъ Березовой кирки. Вслѣдъ затѣмъ присланы и отъ генерала графа Салтыкова предварительныя слѣдующія увѣдомленія, что усмотрѣно съ береговъ о морскихъ происшествіяхъ. 22-го Іюня по утру въ 8-мъ часу Шведскій корабельный флотъ при способномъ вѣтрѣ, направивъ паруса, пустился сквозь блокирующій его къ Выборгской бухтѣ Россійскій корабельный флотъ. Тутъ съ берега усмотрѣно, что, подошедъ къ отряду контръ-адмирала Повалишина,

зачалася между ними сильная пальба, и что 5-ть Шведскихъ военныхъ кораблей зажжены и взорваны, 6-ой взятъ въ плѣнъ; проходя же мимо отряда контръ-адмирала Ханыкова, Шведскіе три корабля, одинъ фрегатъ, двѣ галеры и нѣсколько мелкихъ судовъ взяты тамъ же. Непріятельскія морскія силы обратилися въ бѣгъ въ крайнемъ безпорядкѣ: корабли его къ сторонѣ Аспо, а гребныя суда по шкерамъ, преслѣдуемы нашими. Изъ Шведскаго галернаго флота многія суда уже досталися нашему. Подробностей сихъ происшествій и слѣдствія оныхъ ожидаемъ какъ съ берегу, такъ и отъ командующихъ флотами, спѣша васъ о дошедшемъ къ намъ предувѣдомить.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 24. 1790.

15.

«Князь Александръ Александровичъ. Предварительно только васъ увѣдомляю еще, сколько на часть корабельнаго флота досталось взятыхъ у Шведовъ линейныхъ кораблей. Il paraît que la déconfiture est complète, но еще нѣсколько дней надобно, чтобъ порядочной реестръ и реляцію издать можно было».

Іюня 26 ч. 1790.

16.

Князь Александръ Александровичъ. Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской. Сочинитель сея книги оказался коллежскій совѣтникъ Александръ Радищевъ, утвердивши собственнымъ его признаніемъ, и присовокупивъ къ тому, что послѣ цензуры Управы Благочинія внесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, для чего и преданъ узаконенному уголовному суду. А какъ книга сія въ благоустроенномъ государствѣ отнюдь терпима быть не можетъ, то и прикажите кому слѣдуетъ наблюдать, дабы она въ Москвѣ въ продажѣ и печатаніи нигдѣ не была, подъ наказаніемъ преступленію сему соразмѣрнымъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 13. 1790.

17.

Князь Александръ Александровичъ. По докладу вашему и по уваженію обстоятельствъ, въ ономъ изображенныхъ, повелѣваемъ запасныхъ въ Москвѣ сидѣльцевъ, яко не надобныхъ, отмѣнить.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 16. 1790.

18.

Князь Александръ Александровичъ. Согласно съ донесеніемъ вашимъ о путевыхъ дворцахъ, на Черной Грязи и Подсолнечной построенныхъ, прикажите сдѣлать всѣ замѣченныя исправленія и нынѣшній годъ не оштукатуривать.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 27. 1790.

19.

Князь Александръ Александровичъ. Въ 3-й день сего Августа между нами и его величествомъ королемъ Шведскимъ заключенъ вѣчный миръ, и надлежащій договоръ съ утвержденіемъ границъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ оныя до войны настоящей

были, подписанъ уполномоченными съ стороны нашей генераломъ-поручикомъ барономъ Игельстромомъ, а со стороны короля Шведскаго первымъ его камеръ-юнкеромъ барономъ Армфельтомъ. Размѣна взаимныхъ государскихъ ратификацій назначена чрезъ 6-ь дней. Принося Богу, всѣхъ благъ подателю, благодареніе наше за прекращеніе пролитія крови человѣческой и возстановленіе въ здѣшнемъ краѣ спокойствія, поспѣшаемъ вамъ о томъ знать (дать), вѣдая, колико вамъ и всѣмъ вѣрнымъ поданнымъ нашимъ таковое извѣстіе будетъ пріятно.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 5. 1790 г.

20

Князь Александръ Александровичъ. По правиламъ отъ насъ изданнымъ комиссіи о Народныхъ Училищахъ въ государствѣ, содержатели домашнихъ училищъ или пансіоновъ должны употреблять книги въ помянутой комиссіи по повелѣнію нашему изданныя, въ числѣ коихъ имѣются сокращенный и пространный катихизисы, Синодомъ разсмотрѣнные и одобренные, кои при семъ вамъ доставляются; слѣдовательно содержатели пансіоновъ и не могутъ обучать Закону Божію, сами ли, или чрезъ духовныхъ, ими приглашаемыхъ, инако какъ по упомянутымъ катихизисамъ. Да вообще наблюдать должно, чтобъ предписанное отъ насъ въ уставѣ комиссіи о Народныхъ Училищахъ, данномъ въ 5-й день Августа 1786 года, что̀ касается до пансіоновъ, въ оныхъ точно исполняемо было и ничто противное тому или излишнее не происходило.

Въ С. п. бургѣ.
Августа 19. 1790.

21.

Князь Александръ Александровичъ. Какъ мѣсто купленное у князей Долгорукихъ, лежащее противъ дому главнокомандующаго въ Москвѣ, долженствуетъ устроено быть площадью, то соизволяемъ, чтобы приказали оное нивелировать и какимъ образомъ той площади быть сдѣлать планъ, представить намъ на усмотрѣніе и апробацію.

Въ С. п. бургѣ.
Ноября 16. 1790.

22.

Князь Александръ Александровичъ. Посылая прошеніе отъ статскаго совѣтника Луки Высоцкаго, ко мнѣ доставленное, и желая, чтобъ тяжба ассессора Чебышева съ его дочерью прекращена была миролюбно, препоручаю вамъ, призвавъ ихъ къ себѣ, разсмотрѣть, въ безумствѣ ли дочь, какъ отецъ показываетъ, или же правильно, что̀ въ противность того мужъ ея утверждаетъ; и въ первомъ случаѣ, опредѣля опекуновъ, а во второмъ изъясняясь съ нею самой, истолковать, сколь предосудительно въ столь близкомъ родствѣ производить тяжбу въ мѣстахъ присутственныхъ, и согласить ихъ на окончаніе дѣла миролюбнымъ постановленіемъ.

Въ С. п. бургѣ
Сентября 2. 1790.

23.

Князь Александръ Александровичъ. Прислано къ намъ по почтѣ изъ Москвы отъ 14-го Октября сего года письмо, писанное отставнымъ секундъ-маіоромъ Чюрсинымъ, которымъ онъ проситъ, чтобъ ему, какъ видно съ какимъ нибудь доносомъ, предъ насъ явиться; какъ же неизвѣстно въ чемъ оный его доносъ состоитъ, то и повелѣваемъ вамъ призвать его къ себѣ и объявить волю нашу, что ежели онъ имѣетъ какой либо доносъ, подлежащій до нашего разсмотрѣнія, чтобъ

подалъ вамъ оный письменно; буде жъ паче чаянія онъ дать вамъ онаго за чѣмъ либо не можетъ, то прикажите ему, чтобъ онъ, запечатавъ оный своею печатью, отдалъ вамъ, а вы имѣете оный прислать къ намъ. Между же тѣмъ прикажите навѣдаться о жизни и поведеніи его и насъ увѣдомьте. Присланное жъ къ намъ отъ него помянутое письмо къ вамъ препровождаемъ, по коему и сыскать его въ Москвѣ вамъ удобнѣе.

Въ С. п. бургѣ.
Декабря 13 1790.

24.

Князь Александръ Александровичъ. Какъ по смерти тайнаго совѣтника князя Щербатова осталися разные манускрипты, особливо же до Россійской Исторіи касающіеся, которые охотно бы я желала пріобрѣсть для себя; то и поручаю вамъ освѣдомиться о томъ у наслѣдниковъ его, и буде они согласятся продать, увѣдомить меня, дабы я могла назначить надлежащія за нихъ деньги, манускрипты же пришлите ко мнѣ прямо; да и въ такомъ случаѣ когда бы они не похотѣли инако продать ихъ, какъ со всею покойнаго библіотекою, я и на то соглашаюсь, ожидая отъ васъ увѣдомленія. «Пуще старайтесь, чтобъ изъ рукописнаго ничего ни пропало.»

Въ С. п. бургѣ.
Декабря 20. 1790.

25.

Князь Александръ Александровичъ. Сей день получили мы отъ генерала фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго извѣстіе, что 11-го Декабря городъ Измаилъ взятъ или прямо сказать армія Турецкая, въ 30000 чел. слишкомъ состоящая, истреблена въ пространныхъ и сильныхъ укрѣпленіяхъ, городъ оный окружающихъ. По важности положенія сего мѣста, наипаче исполняя данныя отъ насъ повелѣнія наносить вредъ врагу непокоряющемуся и невнемлющему миролюбивымъ и на самой умѣренности основаннымъ нашимъ расположеніямъ, генералъ-фельдмаршалъ рѣшился на приступъ, избравъ въ начальствованіе въ семъ предпріятіи храбраго генерала графа Суворова-Рымникскаго. Всевышній благословилъ дѣло сіе совершеннымъ успѣхомъ. Непріятель потерялъ убитыми болѣе 20,000 человѣкъ, въ плѣнъ взято до 11,000. Въ добычу получено 310 знаменъ и 300 пушекъ. Войска наши оказали неслыханное мужество, и генералъ-фельдмаршалъ заключаетъ свое краткое донесеніе, отдая справедливость отличному рвенію и храбрости командующаго генерала графа Суворова-Рымникскаго и всѣхъ его подчиненныхъ. Вслѣдъ за симъ ожидаемъ и обстоятельнаго увѣдомленія о сей знаменитой побѣдѣ.

Въ С. п. бургѣ.
Декабря 29. 1790.

26.

Князь Александръ Александровичъ. Прикажите подать себѣ расчетъ о городовыхъ доходахъ въ Москвѣ собираемыхъ и, разсмотря число вступленія оныхъ и издержки изъ того назначенныя, увѣдомьте насъ, выйдетъ ли удобность ассигновать изъ нихъ въ нынѣшнемъ году 8000 рублей на починки и строеніе при Московской Екатерининской больницѣ.

Въ С. п. бургѣ.
Генваря 9. 1791.

27.

Князь Александръ Александровичъ. Указомъ нашимъ отъ 10 Октября 1789 года, даннымъ предмѣстнику вашему генералу Еропкину, предписано было взять надлежащія мѣры, дабы имѣ-

ніе послѣ покойнаго статскаго совѣтника графа Ѳедора Апраксина оставшееся было сохранено и сбережено законнымъ наслѣдникамъ, приложа печать отъ стороны присутственнаго мѣста, до котораго по учрежденіямъ сего рода дѣла относятся до тѣхъ поръ, покуда предстанутъ законные наслѣдники. А какъ о семъ имѣніи производится дѣло, которое поступило уже въ Палату Гражданскаго Суда, то, подтверждая о скорѣйшемъ онаго окончаніи, повелѣваемъ, если тяжущіеся приговоромъ Палаты не будутъ довольны, отослать оное немедленно въ Сенатъ на рѣшеніе, и доколѣ въ семъ вышнемъ правительствѣ воспріиметъ оно окончаніе, означенное имѣніе оставить въ сбереженіи на основаніи указа нашего отъ 10-го Октября вышеупомянутаго.

Въ С. п. бургѣ.
Генваря 20. 1791.

28.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ тамошней губерніи князю Прозоровскому.

Давъ повелѣнія всѣмъ генералъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, а въ отсутствіи ихъ губернаторамъ, отъ 28-го Генваря 1789 года, касательно бездоимочнаго сбору податей, употребленія расходовъ и промѣна мѣдной монеты на ассигнаціи въ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ и о прочемъ, нужнымъ находимъ нынѣ вновь подтвердить: 1) Исполняя во всей силѣ и точности вышепомянутыя предписанія, наблюдать строго и неотложно, дабы вступающая въ казенный сборъ мѣдная монета Казенными Палатами, казначеями и приставами неинако употребляема была, какъ на расходы по росписанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ и для промѣна казеннымъ мѣстамъ, либо частнымъ людямъ на ассигнаціи. 2) При таковомъ промѣнѣ, которой предполагаетъ цѣлію вящее обращеніе мѣдной монеты, въ облегченіе Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка и къ выгодѣ народной, имѣть крайнее попеченіе съ стороны генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, дабы не происходило тутъ никакихъ злоупотребленій, и таковый для пользы общей дѣлаемый изъ казны промѣнъ не былъ обращаемъ въ корысть частныхъ людей, въ чемъ обличающихся подвергать неизбѣжно всей строгости законнаго взысканія. 3) Въ разсужденіи, что по продажѣ питейной большею частію вступаетъ мѣдная монета, то и относится къ попеченію генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, а особливо вице-губернаторовъ, довести до того, чтобъ откупщики, если болѣе невозможно, хотя половинное число или треть откупной суммы вносили въ казну мѣдною монетою: каковое обстоятельство и при заключеніи на будущіе откупы контрактовъ наблюдать и повозможности предостерегать. 4) Какъ еще по многимъ губерніямъ не окончены расчеты въ мелкихъ ассигнаціяхъ, въ Казенныя Палаты изъ Банка разосланныхъ на промѣнъ сторублевыхъ, то въ предупрежденіе, дабы не оставалось въ обращеніи ассигнацій больше опредѣленнаго количества, понудить кого слѣдуетъ о скорѣйшемъ приведеніи къ окончанію таковыхъ расчетовъ. Исполненіе всего вообще вышеписаннаго возлагая на неусыпное попеченіе и точный отчетъ нашихъ генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту

должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ, предоставляемъ имъ изъ сего указа нашего, что до кого слѣдуетъ, предписать къ непремѣнному исполненію, и вслѣдствіе того за Казенными Палатами и прочими вообще по губерніи мѣстами наблюдать, дабы ни въ чемъ упущенія не было, донося намъ при доставленіи вѣдомостей о сборахъ, сколько мѣдной монеты вступило, сколько и куда отправлено и коликое число употреблено гдѣ въ промѣнъ для облегченія народнаго.

Въ С. п. бургѣ.
Генваря 29. 1791.

29.

Князь Александръ Александровичъ. Препровождая симъ прошеніе полученное нами отъ дѣтей капитана Воейкова, соизволяемъ, чтобъ вы подтвердили опекѣ надъ ними учрежденной о лучшемъ призрѣнія за ними и за имѣніемъ ихъ, изъ доходовъ коего долги выплачиваемы быть долженствуютъ. А при томъ если изъ сихъ просителей есть такіе, которыхъ по лѣтамъ ихъ нужно пристроить къ мѣстамъ для обученія и воспитанія или же для службы, объ ономъ не оставьте распорядить по вашему усмотрѣнію, подтвердивъ имъ, дабы они, имѣя надъ собою узаконенное призрѣніе, впредь подобными прошеніями насъ не утруждали.

Въ С. п. бургѣ.
Марта 29. 1791.

30.

Князь Александръ Александровичъ. Разсмотрѣвъ доклады и представленія ваши, съ инженеръ-подполковникомъ Бланкенагелемъ къ намъ присланные, мы пріемлемъ за благо сдѣланное вами распоряженіе къ оцѣнкѣ вновь стараго въ Москвѣ Гостинаго Двора и продажу его съ публичнаго торгу, позволяя изъ вырученныхъ за оный денегъ отчислить на на разные, по указамъ отъ насъ предмѣстнику вашему даннымъ, необходимые расходы въ вѣдомости вашей показанные: 134,651 рубль 186 коп., и изъ остальныхъ отпустить на окончаніе Всесвятскаго моста 5000 рублей, а 100,000 рублей хранить до будущаго нашего приказанія; послѣднія же 6,927 рублей 18¼ коп. причислить къ городской суммѣ на непредвидимыя надобности. Что же касается до производства прочихъ строеній и приведенія ихъ въ порядокъ, сообразно плану, конфирмованному отъ насъ городу Москвѣ, какъ отъ васъ препоручено особой коммиссіи сочинить генеральный планъ, то во ожиданіи покуда оный приведенъ будетъ къ окончанію и въ разсужденіи настоящихъ военныхъ обстоятельствъ, требующихъ сбереженія казны на нужнѣйшія государственныя издержки, всякую по означеннымъ строеніямъ перемѣну, отдѣлку вновь вмѣсто деревяннаго чрезъ Москву рѣку каменнаго моста и устроеніе площади противу дому главнокомандующаго отложить до удобнѣйшаго времени, а только сію площадь очистить.

Въ С. п. бургѣ
Апрѣля 9. 1791.

31.

Князь Александръ Александровичъ. Препровождая присемъ прошеніе, поданное намъ отъ нашего камергера князя Путятина, соизволяемъ, чтобъ вы подтвердили Московской Гражданской Палатѣ имѣющееся въ оной дѣло его князя Путятина о наслѣдствѣ по завѣщанію родственника его умершаго

князя Алексѣя Путятина, рѣшить немедленно по законамъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 23. 1791.

32.

Князь Александръ Александровичъ. Получили мы увѣдомленіе о сдѣланномъ вами обще съ нашимъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Фитингофомъ положеніи, чтобъ Московскую главную аптеку раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ одна бы составляла магазейнъ для запасовъ, а другая служила для продажи медикаментовъ: но какъ подъ магазеинъ назначаете вы домъ Лефортовъ, въ которомъ во время язвы содержались больные, то и встрѣчается неудобность въ перестройкѣ его къ сбереженію запасныхъ лѣкарствъ. Сверхъ того сей домъ по близости ко дворцу во время пребыванія нашего въ Москвѣ необходимо надобенъ для помѣщенія придворныхъ служителей, и для того не оставьте принять лучшія мѣры къ перемѣщенію главной аптеки по соглашенію съ помянутымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Фитингофомъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
14 Іюня, 1791 года.

33.

Князь Александръ Александровичъ. Разсмотрѣвъ донесенія ваши о покупкахъ генераломъ-порутчикомъ Апухтинымъ и подполковникомъ Раковскимъ изъ недвижимаго имѣнія умершаго генерала Глѣбова и не находя, чтобъ относилось сіе къ производимому дѣлу о взысканіи расхищенныхъ въ коммисаріатѣ денегъ, повелѣваемъ: 1) предоставить оное скорѣйшему разбору судебныхъ мѣстъ на то учрежденныхъ, гдѣ каждый правость свою къ присвоенію имѣнія доказать долженъ по законамъ; 2) все то, что по указу нашему отъ 19-го Сентября 1784 года съ кого по взысканію слѣдуетъ, взыскать безъ упущенія времени чрезъ продажу безспорнаго имѣнія подсудимыхъ; 3) буде же чего въ положенное взысканіе доставать не будетъ, то поручить губернскому стряпчему казенныхъ дѣлъ, дабы онъ, при разборѣ о недвижимомъ имѣніи въ спорѣ состоящемъ, предохранялъ казнѣ принадлежащее и производилъ искъ на основаніи должности ему предписанной.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 19. 1791 года.

34.

Князь Александръ Александровичъ. По содержанію письма вашего къ генералу графу Салтыкову о доносѣ надворнаго совѣтника Алексѣя Агентова на Московскаго купца и аукціониста Ивана Шапошникова въ говоренныхъ симъ послѣднимъ словахъ, находимъ, что оныя суть ничто иное какъ сущее вранье презрѣнія достойное; потому повелѣваемъ помянутому аукціонисту объявить съ подтвержденіемъ строжайшимъ, чтобъ не дерзалъ впредь ни съ кѣмъ говорить о подобныхъ вещахъ до него не принадлежащихъ подъ опасеніемъ законнаго наказанія, отъ котораго онъ и теперь освобождается по его старости; послѣ сего его освободить, такъ какъ и надворному совѣтнику Агентову сказать, что дѣло сіе найдено незаслуживающимъ уваженія, и что онъ освобождается отъ подписки, его обязывающей безотлучно быть въ Москвѣ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 19. 1791.

35.

Нашему генералу князю Прозоровскому. Изъ доставленныхъ къ намъ

отъ Московскаго губернатора Лопухина письма и изъ Тайной Московской экспедиціи репорта усмотрѣли мы, что Верейской купецъ Михайло Митюшинъ въ домѣ у губернатора произнесъ дерзкія слова, но по свидѣтельству доктора и по усмотрѣнію въ Тайной Экспедиціи и наконецъ по повальному обыску оный Митюшинъ оказался въ умѣ помѣшаннымъ; чего ради и повелѣваемъ онаго Митюшина отослать для излѣченія и надлежащаго, по безумству его, за нимъ присмотра, доколѣ въ умѣ исправится, въ домъ сумашедшихъ.

Въ С. п. бургѣ.
12-го Ноября
1791 года.

36.

Князь Александръ Александровичъ. По содержанію разныхъ представленій, отъ васъ къ разсмотрѣнію нашему внесенныхъ, предписываемъ: 1) Городамъ Московской губерніи остаться по сдѣланному объ нихъ положенію безъ всякой перемѣны, во отвращеніе встрѣчающагося замѣшательства въ раздѣленіи селеній и разчисленіи душъ по новому распредѣленію уѣздовъ. 2) Равнымъ образомъ, не возобновляя въ Москвѣ Симонова монастыря, оставить монастырь Знаменской въ нынѣшнемъ его состояніи. Но что касается до казеннаго строенія межъ Ильинскихъ и Варварскихъ воротъ, назначеннаго отъ насъ для Главнаго Народнаго Училища, то препоручить Приказу Общественнаго Призрѣнія исправить оное изъ своихъ доходовъ для помѣщенія училища. 3) Представьте мнѣніе ваше Сенату объ отдачѣ въ Москвѣ Мытнаго Двора съ принадлежащими мѣстами въ содержаніе Московскому купечеству, такъ какъ и о прибавкѣ людей въ Московскую Палату Уголовнаго Суда и въ Управу Благочинія. 4) Всѣ ломки и новыя строенія безъ необходимости отлагая до удобнаго времени, не разбирать Борисова городка и тамошней церкви и оставить подобно сему проекты о каменной плотинѣ на Балчугѣ и о мостахъ Спасскомъ, Никольскомъ и Троицкомъ. 5) Иностранцевъ къ казеннымъ селеньямъ Московской губерніи не приписывать, доколѣ о семъ общее разсмотрѣніе сдѣлано будетъ. 6) Мѣщанамъ и селеніямъ казеннымъ при будущихъ наборахъ зачитать въ рекруты бѣглецовъ и праздношатавшихся, въ воинскую службу опредѣленныхъ и въ купечество и мѣщанство по городамъ записанныхъ, сходственно съ постановленіемъ о помѣщичьихъ крестьянахъ въ подобныхъ случаяхъ. 7) По сношенію вашему съ комиссіею о Народныхъ училищахъ избрать другаго директора для Московскихъ училищъ и тогда уволить отъ сей должности колежскаго совѣтника Миславскаго. 8) О содержаніи дорогъ въ исправности, о раздѣленіи ихъ селеніямъ по дистанціямъ и о дозволеніи обсаживать ихъ деревьями безъ тягости народной, указъ нашъ въ Сенатѣ объявленъ: слѣдовательно имѣете вы власть, не смотря на лица, привесть законъ въ исполненіе и препоручить наблюденіе онаго земскимъ исправникамъ по точному предписанію въ 230 статьѣ Учрежденій нашихъ. 9) Касательно винокуренія въ уѣздѣ Московскомъ держаться того, какъ гласятъ 52 статья устава о винѣ и 28 и 34 статьи грамоты дворянству отъ насъ пожалованной. 10) Осмотря патріаршее строеніе внутри Кремля противъ монастыря Чудова и сдѣлавъ смѣту, во что станетъ починка, представить намъ. 11) О гербергахъ

и трактирахъ можетъ сдѣлать свое положеніе Московская Городская Дума, подобно постановленію, о томъ въ здѣшней столицѣ утвержденному указомъ нашимъ 9-го Ноября 1790 года. О прочихъ же представленіяхъ вашихъ здѣсь невключенныхъ, не оставимъ мы объявить воли нашей по прибытіи въ Москву *).

Въ С. Петербургѣ.
Ноября 22-дня 1791.

37.

Князь Александръ Александровичъ. Мы, разсматривая присланное къ вамъ отъ надворнаго совѣтника Байкова письмо, которымъ онъ проситъ, чтобъ взятаго имъ изъ Москвы отставнаго маіора Чурсина, по причинѣ примѣченнаго вами въ немъ сумашествія по разнымъ его дѣяніямъ, по одному человѣколюбію и обязанности свойствомъ, для смотрѣнія и содержанія его какъ сумасшедшаго, такъ какъ и для воспитанія бывшаго при немъ малолѣтнаго сына отъ него взять, описывая при томъ, что оной Чурсинъ, по безумію и злонравію своему, наводитъ вредительнѣйшія ему и всему дому его безпокойства и озлобленія, повелѣваемъ онаго отъ него взять и доколѣ онъ совершенно въ умѣ исправится, посадить въ Москвѣ въ домъ сумашедшихъ, гдѣ и содержать его по предписаннымъ правиламъ нашего учрежденія. «Сына его отдайте въ школу, ежели таковыхъ лѣтъ».

Ч. 2 Декабря.
1791.

38.

Князь Александръ Александровичъ. По представленію вашему относительно выбора дворянствомъ Московской губерніи въ губернскіе предводители нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, который, исправляя уже сію должность два срока, проситъ отъ оной увольненія, мы находимъ нужнымъ въ резолюцію вамъ предписать: что въ Учрежденіяхъ нашихъ для управленія губерній, въ докладныхъ пунктахъ рѣшенныхъ нами въ 5-й день Ноября 1778 года, касательно возобновленія выборовъ и въ жалованной дворянству грамотѣ нѣтъ такого узаконенія, по которому бы надлежало выбирать людей къ должностямъ противу ихъ воли, не взирая ни на какія причины отъ нихъ представляемыя. Извѣстно, что по Учрежденію о губерніяхъ есть одинъ выборъ или назначеніе, отъ коего никто изъ живущихъ въ обществѣ отказаться не можетъ, но то не въ судьи или къ другимъ трехлѣтнимъ должностямъ, но въ посредники по Совѣстному Суду, на основаніи 400 статьи. Слѣдственно не видимъ, для чего бъ помянутый дѣйствительный тайный совѣтникъ Измайловъ не могъ быть уволенъ отъ принятія должности губернскаго предводителя, когда онъ о томъ просилъ и когда такое желаніе его заслуживаетъ тѣмъ болѣе уваженія, что онъ уже два срока пробылъ въ семъ званіи, а сверхъ того, состоя въ службѣ, обязанъ должностями и по Сенату и по строеніямъ, особо ему отъ насъ порученнымъ. Сверхъ того, какъ по 11-му докладному пункту должно по совершеніи присяги во первыхъ избирать губернскаго предводителя и потомъ приступать къ избранію уѣздныхъ предводителей, а по 39-й статьѣ жалованной дворянству грамоты надлежитъ собранію дворянства всякіе три года представить изъ уѣздныхъ

*) Это прибытіе не состоялось. Не имѣла ли Государыня намѣренія праздновать въ Москвѣ и второй миръ съ Портою? *П. Б.*

дворянскихъ предводителей двухъ государеву намѣстнику или правителю для назначенія въ губернскіе предводители; то при наблюденіи и въ настоящемъ случаѣ таковаго установленія и порядка не могло настоять затрудненія, уваживъ причины отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова предъявленныя, лѣты его и дѣла имъ отправляемыя, удовлетворить желанію его увольненіемъ его отъ должности губернскаго предводителя, когда оставаться долженствовалъ еще одинъ изъ представленныхъ двухъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, утвердя губернскаго предводителя порядкомъ въ законахъ на то установленнымъ, вы можете позволить ему съ депутатами пріѣхать сюда, имѣя и на сей случай ясное разрѣшеніе въ докладныхъ пунктахъ, гдѣ въ резолюціи на 15 пунктъ изображено тако: «Избраніе и отправленіе депутатовъ по выбору дворянъ дозволяется». Что̀ касается лично до помянутаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, если бы онъ, и не бывъ въ качествѣ губернскаго предводителя, пожелалъ пріѣхать сюда для собственныхъ ли своихъ надобностей, или по дѣламъ на него возложеннымъ, онъ можетъ то исполнить, будучи увѣренъ, что мы, отличая заслуги его, видимъ и пріемлемъ его всегда съ удовольствіемъ.

Декабря 24-го дня,
1791-го года.
Въ С Петербургѣ.

39.

Князь Александръ Александровичъ. На представленіе вамъ сдѣланное отъ попечителя и опекуновъ, опредѣленныхъ къ имѣнію дѣтей капитана Воейкова, чтобъ на платежъ долговъ продать два двора въ Москвѣ и три Рязанскія деревни съ конскимъ заводомъ, дайте имъ знать, что надлежитъ въ семъ случаѣ поступить по предписанію въ 215-й статьѣ Учрежденій для управленія губерній нами изданныхъ, гдѣ означено куда представлять опекунамъ о продажѣ недвижимаго имѣнія малолѣтнаго для заплаты долговъ.

Въ С. Петербургѣ.
3[?]-го Декабря 1791.

40.

Князь Александръ Александровичъ. Прикажите кому слѣдуетъ имѣть строгое надзираніе, непримѣтнымъ однакожъ образомъ, за поведеніемъ и отзывами находящихся въ Москвѣ Французовъ, а особливо вновь пріѣзжающихъ оттуда людей, коихъ прямое состояніе неизвѣстно; и если бы кто изъ нихъ оказался подозрительнымъ или обнаружился въ поступкахъ наглыхъ и другихъ въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимыхъ, таковыхъ повелѣваемъ высылать тотчасъ за границу, донося намъ въ тоже время, кто именно и за что высланъ будетъ.

Въ С. Петербургѣ.
Февраля 14-го 1792.

41.

Князь Александръ Александровичъ. По представленію вашему, согласному съ просьбою жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Челищева, Варвары Челищевой, объ отдачѣ имѣнія въ опеку ея мужу, соизволяемъ, дабы препоручена была опека надъ всѣмъ ея имѣніемъ генералу-маіору и нашей гвардіи Измайловскаго полку секундъ-маіору Кушелеву обще съ мужемъ просительницы, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Челищевымъ, возложа на ихъ попеченіе, чтобъ она и дѣти получали пристойное содержаніе безъ

излишества и законные долги удовлетворены были. Къ исполненію сего дозволяемъ опекунамъ учинить съ заимодавцами сдѣлки въ платежахъ, расположить долги по срокамъ и выплачивать изъ доходовъ съ имѣнія собираемыхъ, а въ случаѣ надобности и продажею части имѣнія, просительницѣ принадлежащаго.

Въ С. Петербургѣ.
23 Февраля 1792.

42.

Князь Александръ Александровичъ. Получивъ извѣстіе, что княгиня Варвара Шаховская, живущая уже давно въ Парижѣ, выдала безъ вѣдома нашего дочь свою замужъ за князя Аремберга, который участвовалъ въ двухъ бунтахъ противъ законной власти воздвигнутыхъ наглостію и своевольствомъ, одномъ Французскомъ, а другомъ Нидерландскомъ, указали мы пограничнымъ начальникамъ, дабы вышереченный князь отнюдь въ Россію пропущенъ не былъ; обѣимъ же княгинямъ не запрещено возвратиться въ очечество; да и объ имѣніи княгини Шаховской не оставимъ сдѣлать распоряженія, сходственнаго съ закономъ и благомъ Имперіи нашей для огражденія и сохраненія впредь спокойствія въ нѣдрахъ ея, равно и для сбереженія сего имѣнія въ родъ законныхъ наслѣдниковъ. Вамъ же повелѣваемъ: призвавъ къ себѣ означенной вышедшей замужъ княжны Шаховской отца, генералъ-маіора князя Бориса Шаховскаго, спросить у него, извѣстенъ ли онъ о семъ бракѣ, сообразно ли съ его волею совершенъ оный и дочь его просила ли у него родительскаго на то дозволенія, и что̀ въ отвѣтъ получите, донесите намъ немедленно. «А какъ слышно, что генералъ-маіору Борису Загряжскому поручено управленіе имѣніемъ княгини Шаховской, то дайте ему знать о семъ происшествіи и остерегите его отъ мошенничества князя Аремберха, которыя по скаскамъ всѣхъ его знающихъ людей далеко распространяются».

Въ С. Петербургѣ.
Марта 2 го 1792.

43.

Князь Александръ Александровичъ. Препровождая симъ поданное къ намъ прошеніе лейбъ-гвардіи коннаго полку секундъ-ротмистра князя Дмитрія Несвицкаго, относительно безпорядочнаго поведенія жены его Марьи Ильиной дочери, урожденной Мещериновой, повелѣваемъ по точномъ отъ кого слѣдуетъ удостовѣреніи о всемъ томъ, что̀ мужъ ея показываетъ, во отвращеніе, дабы не расточила она своего иждивенія и не лишила тѣмъ дѣтей ея пристойнаго воспитанія и содержанія, на основаніи Учрежденій нашихъ, приставить къ имѣнію въ Московской губерніи находящемуся опеку до совершеннолѣтія дѣтей ея, которыхъ и отдать въ присмотръ отца ихъ. А о томъ же снестися и съ прочими генералъ-губернаторами, правящими ту должность или съ правителями губерній, гдѣ въ вѣдомствѣ состоятъ другія ея имѣнія.

Въ С. Петербургѣ.
Марта 20-го дня, 1792.

44.

Князь Александръ Александровичъ. Доставленный къ вамъ извѣстный пасквиль, присланный изъ Москвы на имена оберъ-секретарей Синода и Сената, заслуживаетъ, дабы вы приложили крайнее стараніе о узнаніи, откуда оный вышелъ. Для чего и повелѣваемъ безъ огласки и съ великою осторожностію примѣчать наиболѣе

на почтовомъ дворѣ, не будутъ ли паки приноситься конверты, надписанные одинакою съ помянутымъ сочиненіемъ рукою и запечатанные таковою же печатью. Въ семъ случаѣ позволяемъ таковыя письма открыть, и если содержаніе оныхъ относится къ тому же, задержать приносителей и васъ о томъ немедленно увѣдомить.

5-го Апрѣля
1792 года.
Въ С. п. бургѣ.

45.

Князь Александръ Александровичъ. По требованіямъ губернатора Екатеринославскаго генералъ-маіора Каховскаго касательно переводимой изъ Купавны въ Екатеринославъ шелковой и прочихъ фабрикъ, повелѣваемъ вамъ оказывать ему все нужное способствованіе, преподавая оное и директору тѣхъ фабрикъ коллежскому ассесору Липрандію *).

Въ Царскомъ Селѣ.
Мая 20 дня 1792 года.

46.

Князь Александръ Александровичъ. Тайному совѣтнику Матвѣю Васильевичу Дмитріеву-Мамонову позволяемъ въ нынѣшнее лѣтнее время отлучаться отъ присутствія въ Сенатѣ въ подмосковныя деревни по его желанію, съ сохраненіемъ жалованья имъ получаемаго.

Въ Царскомъ Селѣ.
26 Мая 1792 года.

47.

Князь Александръ Александровичъ. Увѣдомившись изъ донесенія вашего о бывшемъ пожарѣ въ городѣ Воскресенскѣ, въ монастырѣ Новымъ Іерусалимомъ называемомъ, препоручаемъ вамъ дать приказаніе о скорѣйшемъ осмотрѣ сгорѣвшаго и прочихъ поврежденій, исправленія требующихъ, и чтобъ составя порядочную смѣту, во что обойдется приведеніе монастыря въ прежнее состояніе, доставили къ намъ для ассигнованія денегъ на то потребныхъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 6-го 1792.

48.

Князь Александръ Александровичъ. По прошенію находящагося нынѣ въ Москвѣ иностранца Доминика Феранда, вы можете дозволить ему на удобномъ мѣстѣ, отъ Управы Благочинія назначаемомъ, построить театръ для звѣринаго боя, поелику таковымъ позорищемъ, какъ вы сами доносите, тамошняя публика будетъ довольна.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 5. 1792.

49.

Князь Александръ Александровичъ. Давно мнѣ хотѣлось имѣть Царскосельскіе виды хорошею кистью написанные. Я слышала, что есть искусный живописецъ у князя Матвѣя Алексѣевича Гагарина по имени Павелъ Учителевъ, коего изящную работу много мнѣ хвалили. Пожалуйте попросите князя Гагарина, чтобъ онъ отпустилъ сего художника для снятія у меня въ Царскомъ Селѣ нѣкоторыхъ видовъ. Симъ онъ сдѣлаетъ мнѣ пріятное.

Іюля 17 дня 1792.
Въ Царскомъ Селѣ.

50.

Князь Александръ Александровичъ. Извѣстилися мы, что въ Москвѣ раскольники строятъ зданіе подъ именемъ часовни въ образѣ настоящей церкви, огромное и по обширности

---

*) Родителю извѣстныхъ генераловъ. Онъ былъ приглашенъ кн. Потемкинымъ изъ Италіи (Али-Бранди). *П. Б.*

своей большее, нежели Успенскій Соборъ, чего прежде ни для какой церкви въ тамошней столицѣ не дозволено было; а какъ строеніе отнюдь безъ вѣдома вашего, на казенной землѣ безъ указа, а буде на принадлежащей городу, то безъ дозволенія Городской Думы съ апробаціею также вышняго начальства мѣсто имѣть не долженствовало, для того и желаемъ знать, кто изъ помянутыхъ раскольниковъ, разумѣя живущіе ли въ Москвѣ, или же въ какихъ иныхъ слободахъ и какой секты, то зданіе сооружаютъ, въ какомъ именно мѣстѣ и на чьей землѣ, имѣли ли они отъ васъ дозволеніе, причемъ планъ той часовни намъ взнесите, донеся намъ о числѣ сихъ людей, въ Москвѣ обращающихся. Всѣ сіи свѣдѣнія соберите и доставьте безъ дальней огласки и не дѣлая никакой тревоги въ нихъ.

Въ С. п. бургѣ.
Сентября 17, 1792.

51.

Князь Александръ Александровичъ. Препровождая при семъ поданное намъ прошеніе отъ дѣвицъ Августы и Олимпіады Казариновыхъ съ жалобою на вотчима ихъ полковника Данилу Огаркова и брата ихъ роднаго, землемѣра Ивана Казаринова, якобы въ невозвращеніи первымъ принадлежащихъ имъ, по духовной бабки ихъ Дарьи Бородиной, 1500 рублей съ процентами и прочаго, а вторымъ слѣдующихъ имъ изъ имѣнія отца ихъ указныхъ частей, повелѣваемъ о состояніи просительницъ Казариновыхъ чрезъ кого слѣдуетъ развѣдать, и буде окажется, что они порядочнаго поведенія и что подлинно притѣсняются отъ тѣхъ, на кого жалуются, въ такомъ случаѣ предписать мѣсту, до разбору коего по существу своему претензія ихъ слѣдуетъ, дабы разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ оной по законамъ доставлено было просительницамъ справедливое и безволокитное удовлетвореніе.

Въ С. п. бургѣ.
Сентября 23, 1792.

52.

Князь Александръ Александровичъ. По присланному къ намъ отъ коллежскаго совѣтника Луки Татищева-Щубскаго прошенію о насильственномъ заключеніи его Московскою Управою Благочинія въ тюрьму вмѣстѣ съ преступниками за долговую ста рублевъ претензію, повелѣваемъ вамъ дать намъ знать о обстоятельствахъ, подвергшихъ его таковому строгому поступку, а при томъ, по причинѣ принесенной имъ жалобы на удержаніе его свояченицею дочери его съ имѣніемъ, приказать гдѣ слѣдуетъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить на основаніи законовъ и намъ донести.

Въ С. п. бургѣ.
Ноября 1, 1792.

53.

Князь Александръ Александровичъ. По прошенію къ намъ вдовы Маргареты Штольцевой и по собраннымъ справкамъ по дѣлу ея съ помѣщиками Ляпуновыми о правѣ наслѣдства ея къ имѣнію послѣ коллежскаго совѣтника Гауптфогеля, препровождая при семъ поданныя къ намъ отъ нея о томъ три свидѣтельства, для пріобщенія къ производству, соизволяемъ, чтобы вы предписали кому слѣдуетъ, дабы дѣло сіе во уваженіи ея бѣдности, согласно указу нашему отъ 18 Генваря 1789 года данному, подъ наблюденіемъ казенныхъ дѣлъ стряпчаго, немедленно рѣшено было по законамъ.

Въ С. п. бургѣ.
Ноября 13, 1792.

54.

Князь Александръ Александровичъ. Получа извѣстіе о кончинѣ генералъ-маіора князя Алексѣя Голицына, желаю я знать о осиротѣвшихъ дѣтяхъ его, въ какомъ они состояніи остались, какихъ лѣтъ и подъ чьимъ находятся попеченіемъ. Посвѣшите меня о семъ увѣдомить.

Въ С. п. бургѣ.
Ноября 16, 1792.

55.

Князь Александръ Александровичъ. По присланнымъ отъ васъ съ архитекторомъ Козаковымъ планамъ и смѣтамъ, суммы, потребныя на необходимо нужныя исправленія поврежденій и ветхостей въ строеніяхъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря, назначены будутъ немедленно къ отпуску въ вѣдомство Синодальной Конторы и ваше, въ теченій трехъ лѣтъ, начиная съ нынѣшняго 1793 года. Что̀ же касается до Московской Академіи, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ находящейся, оную въ разсужденіи самаго ея основанія въ семъ мѣстѣ и по многимъ удобствамъ къ содержанію учащихся, изъ которыхъ большая часть, яко живущіе въ Москвѣ, пищу свою имѣютъ въ домахъ отцевъ или родственниковъ ихъ, не находимъ ни надобности, ни пользы переводить въ помянутый Ставропигіальный монастырь. Построеніе новаго корпуса для помѣщенія Военной и Провіянтской Конторъ, казначейства и департамента бывшей Каморъ-Коллегіи въ Кремлѣ, на патріаршемъ дворѣ, гдѣ нынѣ ветхое зданіе находится, мы признали за благо отложить до времени, покуда съ разсмотрѣніемъ о доходахъ и расходахъ государственныхъ можемъ общее сдѣлать распоряженіе о всемъ подобномъ, а между тѣмъ означенныя мѣста должны остаться тамъ, гдѣ они состоятъ.

Въ С. П. бургѣ.
Генваря 5, 1793.

56.

Князь Александръ Александровичъ. Изъ суммы, полученной за проданный въ Москвѣ Гостинный Дворъ, повелѣваемъ отпустить заимообразно на строеніе въ селѣ Царицынѣ въ вѣдомство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова 60,000 рублей; кабинету нашему предписано сіи деньги въ помянутую сумму возвратить въ теченіи настоящаго и слѣдующаго 1794-го года.

Въ С. П. бургѣ.
Генваря 20, 1793.

57.

Князь Александръ Александровичъ. Купленный благороднымъ обществомъ въ Москвѣ домъ у покойнаго тайнаго совѣтника князя Михаила Долгорукова на имя покойнаго же князя Алексѣя Голицына, въ слѣдствіе 50-й статьи жалованной отъ насъ дворянству грамоты, повелѣваемъ счислять принадлежащимъ собственно помянутому благородному обществу.

Въ С. П. бургѣ.
Февраля 11, 1793.

58.

Князь Александръ Александровичъ. Тремъ дочерямъ покойнаго князя Алексѣя Борисовича Голицына объявите желаніе мое, чтобъ онѣ сюда пріѣхали.

Въ С. П. бургѣ.
Апрѣля 26, 1793.

59.

Князь Александръ Александровичъ. Находившіяся въ смотрѣніи покойнаго Московской губерніи директора

домоводства Карачинскаго собственныя наши волости, со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, поручаемъ мы въ управленіе отставному артиллеріи полковнику Александру Воейкову во всемъ на такомъ положеніи, какъ предмѣстникъ его оными имѣлъ распоряженіе, съ жалованьемъ по 1,200 рублей въ годъ изъ нашей Придворной Конторы.

Въ С. П. бургѣ.
Сентября 2, 1793.

60.

Князь Александръ Александровичъ. Въ ожиданіи покуда отъ Сената опубликовано будетъ учиненное нами продолженіе срока по 1-е Іюля 1794 года для продажи товаровъ, коихъ привозъ на будущія времена запрещенъ въ Россіи, сообщаемъ вамъ списокъ повелѣнія отъ насъ о томъ даннаго дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору Самойлову съ тѣмъ, чтобъ вы могли объявить оное Московскому купечеству въ отвѣтъ на прошеніе, къ намъ отъ онаго присланное. Вы не оставьте имъ подтвердить, дабы они таковою милостію нашею старалися воспользоваться, остерегаясь отъ неумѣреннаго возвышенія цѣнъ, которое имъ въ сущее предосужденіе и вредъ обратится и, вѣдая, что за симъ крайнимъ срокомъ никакая уже ни общая, ни частная просьба принята не будетъ вопреки тому, а въ случаѣ какого либо покушенія, учиненному запрещенію противнаго, поступлено будетъ по всей строгости законовъ.

Въ С. Петербургѣ.
Декабря 17.
1793.

61.

Князь Александръ Александровичъ. По содержанію донесенія вашего въ резолюцію предписываемъ старую Лютеранскую церковь въ Москвѣ оставить въ томъ состояніи, въ какомъ она нынѣ находится.

Въ С. Петербургѣ.
Декабря 30, 1793.

62.

Князь Александръ Александровичъ. Карту Французскаго королевства на Русскомъ языкѣ сдѣланную и при семъ обратно къ вамъ возвращаемую, вы можите дозволить напечатать безпрепятственно.

Въ С. Петербургѣ.
Генваря 25. 1794.

63.

Князь Александръ Александровичъ. Привезенные въ Москву на продажу календари Французскіе, съ новымъ счисленіемъ годоваго времени, прикажите всѣ отобрать и запечатать, объявивъ книгопродавцамъ, что и впредь подобныя нелѣпыя книжки, ими выписываемыя, будутъ отъ нихъ безденежно отбираемы и истребляемы.

Въ С. Петербургѣ.
Марта 4, 1794.

64.

Князь Александръ Александровичъ. Покойный дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, отличившій себя въ жизни долговременнымъ усерднымъ служеніемъ отечеству, оказалъ наконецъ и отличную любовь къ оному, оставя духовнымъ его завѣщаніемъ знатной капиталъ на заведеніе въ Москвѣ больницы. Родственники покойнаго и исполнители послѣдней его воли, нашъ оберъ-камергеръ князь Александръ и братъ его князь Михайла Голицыны представили намъ на утвержденіе генеральный планъ сея больницы, который мы, удостоивъ конфирмаціи нашей, препровождаемъ къ вамъ въ

оригиналѣ, соизволяя, чтобъ оный произведенъ былъ въ дѣйство и чтобъ сіе толико полезное и Богу угодное заведеніе сохраняемо было на вѣчныя премена въ ненарушимости. Впрочемъ объявите помянутымъ князьямъ Голицынымъ наше благоволеніе.

Въ С. Петербургѣ.
Марта 6, 1794.

65.

Нашему генералу, главнокомандующему въ Москвѣ и въ Московской губерніи князю Прозоровскому.

Между безчисленными благодѣяніями, которыя мы въ теченіи 32-хъ лѣтняго царствованія нашего непрерывно оказывали вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, даровавъ имъ разныя права, выгоды и преимущества, служитъ не меньшимъ доказательствомъ попеченія нашего о пользѣ и дозволеніе дворянамъ и дворянкамъ, въ отчинахъ ихъ, курить вино для своего обихода и для поставки въ казну. Сія отрасль хозяйства распространилась нынѣ даже за предѣлы желаемые; ибо съ одной стороны устроеніе многихъ винокуренныхъ заводовъ въ безлѣсныхъ и безхлѣбныхъ мѣстахъ подняло на сіи необходимыя вещи неслыханную до сего цѣну, а съ другой обращается оное въ сущій подрывъ казны нашей, производствомъ потаенной продажи вина или корчемства. Для положенія такому злоупотребленію нужной преграды соизволяемъ, чтобы генералы-губернаторы, правящіе ихъ должность, а въ отсутствіи ихъ, губернаторы чрезъ капитановъ-исправниковъ и нижніе земскіе суды немедленно освидѣтельствовали состоящія въ губерніяхъ, порученныхъ ихъ управленію, винокурни и доставили намъ подробныя вѣдомости: 1, о числѣ тѣхъ заводовъ и чьи они имянно; 2, сколько въ нихъ въ годъ выкуривается вина; 3, сколько на то издерживается дровъ и хлѣба; 4, припасы сіи собственнаго ли суть произведенія, или покупкою пріобрѣтаются и на коликую сумму; 5, изъ выспживаемаго вина какое дѣлается употребленіе, т. е. сколько его поставляется въ казну и какое количество оставляется на домашній обиходъ: а наконецъ 6, сколько владѣльцы сихъ винокуренныхъ заводовъ имѣютъ въ своемъ владѣніи душъ? Таковыя вѣдомости повелѣваемъ присылать къ намъ и впредь въ концѣ каждаго года непремѣнно, а другія на семъ же основаніи доставлять посредствомъ Казенныхъ Палатъ въ нашъ Сенатъ.

Въ С. Петербургѣ.
Апрѣля 1, 1794 года.

66.

Князь Александръ Александровичъ. Дошло до свѣдѣнія нашего, что гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Николай Хитрово и сестры его дѣвицы Катерина и Наталія, живущія въ Москвѣ, владѣя деревнею, состоящею Тверскаго намѣстничества въ Калязинской округѣ, пожалованною отъ насъ за службы умершему отцу ихъ камеръ-юнкеру Ѳедору Хитрову, отягощаютъ крестьянъ своихъ выше мѣры продажею на выборъ ихъ порознь по душамъ, отпускомъ таковыхъ же на волю со взятіемъ съ каждой души по триста рублей и что сверхъ того въ нынѣшнемъ году выбрано съ деревни и выслано въ Москву, къ сущему разоренію семействъ ихъ, 30 дѣвокъ и одна вдова съ дочерью, намѣреваясь и всѣхъ годныхъ распродать порознь, съ остальныхъ же взыскиваютъ оброку по 6-ти рублей и болѣе. Желая положить преграду подобнымъ поступкамъ, повелѣваемъ

вамъ подъ рукою освѣдомиться вѣрно и намъ донести: какого образа жизни и поведенія помянутые поручикъ Хитрово и его сестры; какихъ они лѣтъ; также давно ли и для какихъ причинъ первый изъ нихъ живетъ въ Москвѣ; есть-ли у нихъ родственники и кто они имянно; и неизвѣстно ли чего либо относящагося до вышесказанныхъ обстоятельствъ? Ожидаемъ подробныхъ вашихъ по сему случаю увѣдомленій.

Въ С. Петербургѣ.
Мая 11. 1794.

67.

Князь Александръ Александровичь. Изъ препровождаемаго при семъ меморіала и разныхъ актовъ къ нему приложенныхъ, относительно купеческаго въ Москвѣ дома Томсона, Рованда и компаніи, вы увидите, подъ какимъ неосновательнымъ предлогомъ Ярославскіе фабриканты Затрапезновы уклоняются отъ платежа слѣдующихъ помянутому дому по векселямъ денегъ. И какъ въ благосостояніи сего дома пріемлетъ участіе извѣстный вамъ Амстердамскій банкиръ Гопъ, многія услуги намъ и государству нашему показавшій, то въ уваженіи того поручаемъ особенному вашему попеченію и наблюденію, дабы спорное дѣло между Затрапезновыми и Московскимъ домомъ Томсона, Рованда и компаніи о платежѣ по векселямъ въ надлежащемъ мѣстѣ безъ малѣйшаго отлагательства и продолженія времени разсмотрѣно и рѣшено по законамъ и справедливой сторонѣ полное удовлетвореніе доставлено было.

Въ С. Петербургѣ.
Мая 11. 1794.

68.

Князь Александръ Александровичь. Прилагаю при семъ письмо, полученное мною изъ Варшавы отъ княгини Гагариной, и какъ по освѣдомленію нашлось, что изъ дѣтей ея, коимъ проситъ она моего покровительства, двое старшихъ сыновей находятся при ней, а три меньшія дочери живутъ съ мадамою въ Москвѣ, въ домѣ графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, то и желаю я, чтобъ вы къ симъ послѣднимъ опредѣлили кого-либо изъ родственниковъ княгини Гагариной, или же и посторонняго человѣка, добросовѣстнаго и надежнаго, который бы за содержаніемъ и воспитаніемъ ихъ до будущаго моего объ нихъ распоряженія имѣлъ призрѣніе и попеченіе, увѣдомляя васъ о всемъ для нихъ нужномъ, а вы о томъ меня по временамъ извѣщать не оставьте.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 22. 1794.

69.

Князь Александръ Александровичь. По приложенному при семъ прошенію отставнаго гвардіи прапорщика Собакина съ жалобою на роднаго его брата Василія Собакина, лишившаго его вопреки условій между ними на совѣсти основанныхъ недвижимаго имѣнія, отъ котораго не получаетъ онъ на содержаніе себя съ женою и семействомъ ниже малой части доходовъ и оттого претерпѣваетъ крайнюю бѣдность, соизволяемъ, чтобъ вы, призвавъ къ себѣ обоихъ братьевъ Собакиныхъ, старались прекратить тяжбу ихъ миролюбно, склонивъ старшаго изъ нихъ, дабы онъ меньшому на его содержаніе удѣлялъ часть изъ доходовъ его; а буде не предуспѣете сами

согласить ихъ къ примиренію, тогда предложите распрю ихъ на разборъ Московскаго Совѣстнаго Суда, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ рѣшеніи ея поступилъ по правиламъ должности своей, въ учрежденіяхъ нашихъ начертаннымъ.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 6. 1794.

70.

Князь Александръ Александровичь. По разсмотрѣніи представленныхъ отъ васъ допросовъ иностранца Вульфа, вдовы генералъ-маіора Ляпунова Марьи Ляпуновой и подпоручика Андрея Красовскаго, такожъ письма, поданнаго отъ брата помянутой вдовы Ляпуновой, бригадира Василія Лобкова и сестры артиллеріи полковника жены Настасіи Афросимовой, повелѣваемъ: 1) Иностранца Вулфа за продерзость его въ пріѣздѣ въ Имперію нашу, откуда онъ по имянному указу нашему былъ высланъ, съ запрещеніемъ впредь входить въ границы Россійскія, держать шесть недѣль въ смирительномъ домѣ и потомъ выслать за предѣлы Имперіи, подтвердя, что въ случаѣ подобнаго его дерзновенія подвергнетъ онъ себя строжайшему наказанію. 2) Вдовѣ Ляпуновой опредѣлить пребываніе въ монастырѣ женскомъ, покуда она исправится, препоруча имѣть за поведеніемъ ея пристойное наблюденіе. 3) Дворянской Опекѣ взять имѣніе ея въ надлежащій присмотръ и управленіе на основаніи учрежденій нашихъ, и съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго во первыхъ получала она приличное и достаточное содержаніе, а за тѣмъ бы то имѣніе предохранено было отъ расточенія. 4) Подпоручика Красовскаго, яко празднаго человѣка и подозрительнаго въ обманѣ ея Ляпуновой обѣщаніемъ стряпать о Вулфѣ, получивъ отъ нея и деньги, выслать изъ столицы въ Полоцкую губернію, гдѣ братъ его жительствуетъ, запретя ему въѣзжать въ обѣ столицы.

Въ С. п. бургѣ.
Октября 12. 1794.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

Прямые и кривые въ Смутное время *).

Обыкновенно историки разсказываютъ (и это стало уже непогрѣшимою истиною), что Нижегородцы поднялись и вошли, такъ сказать, въ разумъ только съ той минуты, какъ прочитали призывную грамоту изъ Троицкаго монастыря. Дѣло вообще представляется въ такомъ видѣ, что Нижегородцы до того времени, какъ будто по словамъ легенды, въ самомъ дѣлѣ спали и слухомъ не слыхали, что̀ дѣлается въ Москвѣ: изъ этой только грамоты они узнали именно о томъ, что настоитъ необходимость помочь Отечеству. Такъ написалъ объ этомъ Аврамій Палицынъ, и ему одному повѣрили историки предпочтительно предъ всѣми лѣтописцами, которые о такомъ дѣйствіи Троицкихъ грамотъ и даже о самыхъ грамотахъ не говорятъ ни слова.

Но уже доказано и довольно основательно, что старецъ Аврамій, въ своемъ „Сказаніи объ осадѣ Троицкаго монастыря", писалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпическую поэму, даже въ иныхъ мѣстахъ книжно-стихотворнымъ складомъ, а главное писалъ своему монастырю и особенно себѣ высокопарный панегирикъ, похвальное слово. Такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщаемыя старцемъ, Исторія должна принимать съ великою осторожностью, ибо это тѣже легенды. Дабы выставить на видъ благочестивому читателю, что все хорошее и доброе дѣлалось и совершалось въ то время почином Троицкаго монастыря, старецъ беззастѣнчиво, напр., расписываетъ, что Ляпуновское ополченіе было собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими же грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ Московской розрухи, т. е. въ то время, когда уже Ополченіе со всѣхъ сторонъ приближалось къ Москвѣ. О томъ, что поднялъ это Ополченіе не кто иной, какъ патріархъ Гермогенъ, старецъ Аврамій вовсе не знаетъ, или какъ бы не хочетъ знать, въ то время какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся тогдашняя переписка городовъ между собою. Онъ, напротивъ, говоритъ, что „тѣ ихъ грамоты отъ обители Живоначальныя Троицы во всѣ Россійскіе города достигли, и слухъ сей въ уши всѣхъ распространился, и милостію Пребезначальныя Троицы по всѣмъ городамъ всѣ бояре и воеводы и все воинство и всенародное множество православныхъ христіянъ малу по малу разгорались духомъ ратнымъ, и вскорѣ, сославшись между собою, сподвиглись отъ всѣхъ городовъ къ Москвѣ на отмщеніе крови христіянской...." Послѣ рати много храбрыхъ!

Этихъ грамотъ Исторія до сихъ поръ не открыла. Ей извѣстны двѣ окружныя грамоты отъ Троицы: одна писанная въ Іюлѣ, другая 6 Октября; обѣ писаны по просьбѣ стоявшихъ подъ Москвою воеводъ, а не по начину самого монастыря, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Аврамій. Первая писана еще при жизни Ляпунова и проситъ помощи

*) См. выше.

ратными людьми и казною. Самъ Ляпуновъ еще въ Апрѣлѣ писалъ въ Казань (гдѣ грамота получена Мая 1-го) о томъ же, объявляя и боярскимъ холопамъ волю, если пойдутъ къ Москвѣ. Но Казань не двигалась, и потому повторительная просьба пошла отъ Троицы кромѣ Казани и въ другіе города. Однако въ томъ же Іюлѣ пришла наконецъ Казанская рать съ бояриномъ В. П. Морозовымъ, но она Ляпунова уже не застала, и на приступахъ къ Дѣвичьему монастырю, вѣроятно, потерпѣла тотъ же позоръ отъ казаковъ, о которомъ говорено выше. Очень хорошо понималъ стремленія казаковъ и чутко слѣдилъ за ними патріархъ Гермогенъ. Въ Августѣ онъ торопливо и въ душевномъ волненіи (это очень замѣтно во всѣхъ его словахъ) пишетъ въ свой любезный Нижній Новгородъ грамоту съ твердымъ наказомъ скорѣй писать въ Казань къ Митрополиту, чтобъ писалъ въ полки (подъ Москву) къ боярамъ и казацкому войску *учительную* грамоту, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и боярамъ бы и *атаманьѣ* говорили (отъ Казани) безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына не сажали. „И на Вологду ко властямъ пишите, и къ Рязанскому (владыкѣ) пишите, да и во всѣ городы пишите (прибавлялъ патріархъ), чтобъ отвсюду писали въ полки къ бояромъ и атаманьѣ, что отнюдь Маринкинъ на царство не надобенъ: проклятъ отъ св. Собора и отъ насъ.“ Затѣмъ патріархъ приказывалъ имъ всѣ тѣ грамоты собрать къ себѣ въ Нижній и прислать въ полки къ боярамъ и атаманьѣ; а прислать съ прежними же безстрашными людьми Родіономъ Мосѣевымъ и ратманомъ Пахомовымъ, которымъ въ полкахъ говорить безстрашно, что проклятый отнюдь не надобенъ. „А хотя буде и пострадаете (заключалъ святитель), и васъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ. А въ города для грамотъ посылать ихъ же, а велѣть имъ говорить моимъ словомъ.“ Эта грамота была получена въ Нижнемъ 25 Августа. 30 числа она пошла въ Казань и по всѣмъ городамъ. Казанцы переслали ее въ Пермь. По всему Поволжью и съ притоками всѣ узнали, чего хотятъ казаки, и всѣ стали единодушно противъ ихъ мысли. Въ тоже самое время распространилась вѣсть и объ убійствѣ промышленика и поборателя по Христовой Вѣрѣ, Ляпунова. Казань и объ этомъ шлетъ поспѣшно грамоту въ Пермь (получена 16 Сент.) и увѣдомляетъ, что она сослалась уже съ Нижнимъ и со всѣми поволжскими городами, что „быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, за государство стоять, новыхъ начальствъ въ города не пускать, *казаковъ въ города не пускать*; если станутъ они выбирать государя, не сослався со всею Землею, того государя не принимать.“ Ясно, что вся Земля уже отложилась отъ подмосковнаго ополченія, отъ казаковъ и ихъ воеводъ, что въ ней уже зарождалось дѣло независимое и самостоятельное. По всей Землѣ только и говору было, что казаки опаснѣе Ляховъ, что идти къ Москвѣ значитъ идти къ казакамъ на позоръ и на смерть. Пожарскій въ первой своей окружной грамотѣ о сборѣ рати счелъ необходимымъ успокоить служилыхъ людей, что если опасаются они отъ казаковъ какого налогу или иныхъ какихъ воровскихъ заводовъ, то бъ были покойны: какъ будутъ всѣ верховые и понизовые города въ сходѣ, мы всею Землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ. Это вообще показываетъ, что казацкіе подвиги навели порядочный страхъ на всю Землю. Вся Земля теперь знала, что въ Москвѣ сидятъ собственно два врага Отечеству, Поляки и казаки, съ которыми требуются почти одинаковые счеты.

Объ этомъ очень мало знали только Троицкія власти съ своимъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ. Впрочемъ могло и то случиться, что, живя въ близи казаковъ и казацкихъ воеводъ, онѣ по необходимости должны были мир-

волить имъ и жить съ ними въ дружбѣ. Въ Октябрѣ сталъ приближаться къ Москвѣ гетманъ Ходкѣвичъ, всего съ 2000 войска. Но такъ былъ ослабленъ казацкій подмосковный станъ, что и этой рати онъ испугался, дѣйствительно или притворно, неизвѣстно. Боялись, что гетманъ, занявъ хлѣбныя дороги, утѣснитъ казаковъ голодомъ. Трубецкой поспѣшилъ написать въ Троицкій монастырь, прося о свинцѣ и порохѣ и *опять* моля, чтобъ писали грамоты во всѣ города о помощи. Окружная грамота отъ 6 Октября была послана. Въ ней вкратцѣ излагалась исторія Московскаго раззоренья и что „видя такое злое и страшное дѣло, оставшіеся православные христіане, Московскаго государства бояре и воеводы, Трубецкой и Заруцкой, со многими воеводами и пр. пришли подъ Москву для избавленія и стоятъ, а измѣнниковъ и Поляковъ осадили и тѣсноту имъ чинятъ великую." О Ляпуновѣ ни слова, какъ будто его вовсе и не бывало на свѣтѣ. Потомъ описывается опасность боярамъ и воеводамъ и всей рати отъ теперешняго прихода Ходкѣвича съ прибавленіемъ, что они стоятъ крѣпко и неподвижно, и съ просьбою стать съ ними обще за одно и помочь, не мѣшкая, ратными людьми. Все это украшено приличными риторическими фразами о всеобщей гибели и отчаяніи. Но, можно понять, какое впечатлѣніе могла произвести эта грамота въ народѣ, который зналъ обстоятельства дѣла гораздо лучше, чѣмъ Троицкія власти. Народъ съ чувствомъ негодованія писалъ о смерти Ляпунова, поминая его добрымъ словомъ, а власти не промолвили въ его память ни одного слова. Имъ промолвить этого было нельзя, потому что грамоту они писали по внушенію и по просьбѣ заводчиковъ его убійства. Народъ отъ всякаго пріѣзжаго изъ подъ Москвы, которыхъ было повсюду очень много, слышалъ только о неистовствѣ казаковъ, о томъ, что всѣ отъ ихъ насилій разошлись по домамъ, что вся подмосковная рать стоитъ теперь только для грабежей; а Троицкія власти зовутъ, умоляютъ стать за едино съ этими грабителями, да еще и защитить ихъ отъ Ходкѣвича. Когда не было опасности, казаки всѣхъ позорили и гнали, а когда пришлось туго, зовутъ на помощь! Неужели въ то время потерянъ былъ у всѣхъ здравый смыслъ, чтобъ пойдти на призывъ этой не совсѣмъ понятной для народа грамоты? Еслибъ Троицкія власти изобразили вообще погибельное положеніе дѣлъ и призывали бы всѣхъ, какъ патріархъ Гермогенъ, образумиться, покаяться и, соединившись въ одну мысль, спасти Государство не отъ одной бѣды для казаковъ, отъ Ходкѣвича, а отъ общей бѣды, отъ общей смуты и раззоренья, — тогда бы ихъ грамота имѣла дѣйствительно тотъ смыслъ, какой приписываютъ ей историки, и была бы принята въ народѣ, какъ принимались грамоты Гермогена, Ляпунова, всѣ грамоты городовъ. Эта же грамота своимъ содержаніемъ, послѣ множества такихъ же грамотъ, пересылавшихся въ городахъ прежде, никого не могла возбудить, а тѣмъ менѣе Нижегородцевъ, которые состояніе дѣлъ знали гораздо точнѣе и подробнѣе, а главное, гораздо истиннѣе.

Вся Земля, еще съ Генварьскихъ грамотъ отъ Смолянъ и отъ Москвичей, наизусть знала всѣ эти плачущія, скорбящія рѣчи о погибели и при томъ въ словахъ истиннаго чувства, а не въ словахъ книжной витіеватости. Поэтому новаго въ Троицкой грамотѣ ни для кого и ничего не было. Шелъ на Трубецкаго и Заруцкаго съ казаками Ходкѣвичъ: чтожъ тутъ было новаго и особеннаго, когда и сама Москва еще была въ рукахъ Поляковъ?

Все это даетъ намъ основаніе не вѣрить сказанію Палицына, что Нижегородцы возбуждены были Троицкими грамотами. Нѣтъ, они давно были возбуждены, съ самаго начала Смуты, и постоянно поддерживались въ своихъ мысляхъ патріархомъ Гермогеномъ, который еще 25 Августа дѣлаетъ ихъ жи-

вымъ центромъ переписки со всѣми городами противъ замысла казаковъ присягнуть Маринкину сыну; а прошелъ Сентябрь, и Нижегородцы уже принялись за дѣло настоящимъ образомъ. Сильнѣе всего возбудить ихъ къ дѣлу могла именно эта грамота патріарха, принесшая имъ самое возмутительное свѣдѣніе о намѣреніяхъ бояръ и казацкой *атаманьи*. Надо же было покончить со всѣми подобными воровствами и смутами. Ни одинъ живой человѣкъ не могъ этого не почувствовать. Пора было возбудить спящихъ, т. е. указать выходъ изъ безвыходнаго, погибельнаго положенія! Такой живой человѣкъ, возбудитель спящихъ, и явился въ лицѣ Минина. Но онъ поднялся не Ходкѣвича отбивать, какъ призывали Троицкія власти, прося, чтобъ не мѣшкали, чтобъ „въ долгомъ времени, гладнымъ утѣсненіемъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ (казакамъ) какія порухи не учинили.“ Мининъ поднялся съ мыслью создать свое независимое, сильное и крѣпкое Ополченіе, сильное на столько, чтобъ не бояться и казаковъ съ ихъ казацкими воеводами.

Очень понятно, что для такого ополченія нуженъ былъ и воевода иной, вовсе не рядовой, съ какимъ можно было отправить полки только противъ Ходкѣвича. Въ этомъ случаѣ нравственныя качества воеводы, быть можетъ, становились несравненно важнѣе, чѣмъ военныя качества. Вотъ почему дѣлается яснымъ, что Пожарскаго не одинъ Мининъ желалъ и выбиралъ, а приневолили его къ воеводству бояре и вся Земля, *сильно*, т. е. насильно, какъ онъ, на глазахъ у всѣхъ, свидѣтельствовалъ самъ въ переговорахъ съ Новгородскими послами. За тѣмъ на глазахъ у всѣхъ же, въ окружныхъ своихъ грамотахъ, онъ свидѣтельствовалъ, что посылали за нимъ многажды ѣхать въ Нижній для земскаго совѣта, что по прошенію онъ пріѣхалъ, и стали къ нему въ Нижній пріѣзжать бояре, воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне большіе и меньшіе, дѣти боярскіе, т. е. все служилое сословіе, которое въ выборѣ воеводы должно было имѣть конечно сильнѣйшій голосъ; что, главное, съ ними со всѣми и съ выборнымъ человѣкомъ Козмою и съ посадскими людьми на совѣтѣ, онъ и всѣ дали Богу души свои, т. е. поклялись, цѣловали крестъ на всемъ томъ, на чемъ стоять порѣшили. Слѣдовательно воеводство Пожарскаго утверждено было всѣмъ міромъ, и служилыми, и посадскими.

Очень видимо, что Нижегородцы вовсе и не торопились идти на Ходкѣвича. Они дѣлали дѣло поважнѣе и дѣлали его осмотрительно, осторожно; не тотчасъ, какъ попало, рѣшали свои выборы и свои приговоры. Они работали всю осень и всю зиму до великаго поста, когда въ началѣ Марта и тронулись въ походъ къ Ярославлю, задумавъ устроить въ этомъ городѣ, такъ сказать, главную свою квартиру; ибо онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ срединный городъ для сбора рати.

Между тѣмъ прослышали о Нижегородскомъ собраніи и въ Москвѣ. И вотъ что здѣсь обнаружилось. И враги сидѣвшіе въ Кремлѣ, на которыхъ поднимались Нижегородцы, и свои, которые *стояли* вокругъ Кремля и должны были бы очень обрадоваться такой вѣсти, стали дѣйствовать за одно, причемъ свои-то показали еще больше ловкости и энергіи въ замыслахъ остановить движеніе. Кремлевскіе измѣнники - бояре приступили къ патріарху Гермогену, заставляя его писать въ Нижній, чтобъ не собирались и не ходили подъ Москву, и когда онъ остался неколебимъ, сами написали въ Ярославль и Кострому, а вѣроятно и въ другіе значительные города, чтобъ народъ образумился и оставался вѣренъ присягѣ Владислава, ибо безъ него ничего хорошаго и сдѣлаться не можетъ.

Заруцкій же послалъ въ Ярославль казаковъ, за которыми слѣдомъ пошелъ съ полками Просовецкій, чтобъ ускорить и занять Ярославль и всѣ поморскіе города, дабы не соединились съ Нижегородцами. Трубецкой, конечно, не

замѣчалъ, что̀ затѣваетъ его властелинъ-товарищъ. Вотъ какъ было хотѣли встрѣтить Нижегородцевъ изъ подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ Троицкія грамоты. Правду Нижегородцы говорили, отправляясь въ походъ, что они теперь послѣдніе люди. Однако попытка Заруцкаго не удалась. Тотчасъ былъ посланъ изъ Нижняго передовой полкъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, который ускорилъ въ Ярославль прежде Просовецкаго: казаковъ переловили, посажали въ тюрьмы, и Просовецкій, узнавъ объ этомъ, не пошелъ къ Ярославлю.

Первые шаги Ополченія повсюду были для него торжествомъ. Вездѣ встрѣчали его съ истинною радостью, доставляя казну на помогу и собирая ратныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ и прошло Балахну, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму, Кострому и пришло въ Ярославль еще по зимнему пути. Въ Рѣшмѣ оно получило изъ Владиміра недобрую вѣсть, что во Псковѣ проявился новостарый самозванецъ, которому Псковичи присягнули, да присягаютъ и другіе города.

Въ Костромѣ случилось тоже небольшая задержка. Тамъ воеводствовалъ Ив. Шереметевъ, племянникъ Ѳедора Шереметева, сидѣвшаго у Поляковъ и писавшаго грамоты противъ Нижегородской рати. Онъ не только по добру не встрѣтилъ Ополченіе, но не хотѣлъ и въ городъ его пустить, т. е. не хотѣлъ быть за одно съ Нижегородцами, непремѣнно по грамотѣ отъ Кремлевскихъ бояръ. Костромичи тоже раздѣлились на двое: одни остались съ воеводою, другіе съ честью встрѣтили Ополченіе и разсказали о воеводскомъ умыслѣ. Пожарскій придвинулся къ городу и сталъ на посадѣ. Тогда вѣрные Костромичи поднялись на Шереметева, ссадили его съ воеводства и совсѣмъ было хотѣли убить, еслибъ не спасъ Пожарскій, утишивъ народное негодованіе. Послѣ Шереметевъ дѣйствовалъ въ полкахъ же Пожарскаго, но все таки остался противникомъ Нижегородцевъ и самого Пожарскаго.

Въ Ярославлѣ Ополченіе было встрѣчено съ особенною радостью и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину Ярославцы принесли даже многіе дары, но предводители ничего не приняли. Не за тѣмъ они шли, чтобы собирать себѣ дары по городамъ, хотя это была самая обычная почесть въ Русскомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости. Дары-то именно и бывали знакомъ и выраженіемъ радости.

Изъ Ярославля походъ замѣшкался на долго, и на первое время вотъ по какимъ причинамъ: многая рать Черкасъ (Малороссійскихъ казаковъ) прошла въ ту пору къ Антоньеву монастырю (близь Краснаго Холма, 30-ть верстъ отъ Бѣжецка) и тамъ остановилась; на Угличѣ стояли казаки; Вас. Толстой пришелъ съ казаками изъ подъ Москвы и занялъ Пошехонье, слѣд. въ тылу у Ярославля. Съ Новгородской стороны пришли Нѣмцы и стали въ Тихвинѣ. Какъ же было поспѣшать въ Москву, когда непріятель отнималъ всю правую руку и тотчасъ могъ наступить съ затылка? Но больше всего грозилъ Новгородъ съ своими Нѣмцами. Необходимо было до точности развѣдать, что̀ тамъ дѣлается и куда онъ смотритъ. Если войско есть сила, то знаніе всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ въ военномъ дѣлѣ, для того, чтобъ выиграть это дѣло, является силою еще болѣе значительною. Ни Пожарскій, ни Мининъ въ этомъ случаѣ не были простаками, да и не были безразсудно - горячими людьми, чтобъ великое дѣло, которое они несли на своихъ плечахъ, потерять разомъ, въ угоду случайныхъ, мимоидущихъ, хотя и храбрыхъ, стремленій. Не въ самомъ же дѣлѣ они шли только на Ходкѣвича, только пособлять казацкимъ воеводамъ. Они собрали совѣтъ, начали думать со

всею ратью, съ духовенствомъ и съ посадскими людьми, какъ бы Земскому Дѣлу было прибыльнѣе. Совѣтомъ рѣшили: въ Новгородъ послать пословъ, а на Черкасъ и казаковъ послать ратныхъ людей. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Такъ и для сказки-исторіи ни почемъ ни время, ни люди, ни ихъ обстоятельства!

Спѣшить изъ Ярославля, главнымъ образомъ потому еще было нельзя, что изъ подъ Москвы Трубецкой и Заруцкій увѣдомили, что они присягнули Псковскому вору Сидоркѣ, представлявшему лице Тушинскаго Вора, будто не убитаго въ Калугѣ. Это была новая *ложной лжи ложь*, какъ лѣтопись отзывалась о другомъ ворѣ Петрушкѣ. Они присягали ему еще 2 Марта, разумѣется съ тою цѣлью, какъ мы сказали, чтобъ смять и спутать Нижегородское движеніе, которое тогда только что выступило въ походъ. Но когда Нижегородцы стали уже въ Ярославлѣ, куда они успѣли придти еще по зимнему пути (значитъ во второй половинѣ Марта), то Трубецкой, узнавъ вѣроятно (иначе его дѣйствій нельзя объяснить), что дѣло выходитъ не шуточное, которое смять и разстроить уже не возможно, повернулъ свой воеводскій флюгеръ въ эту же сторону и 28 Марта послалъ, вѣроятно къ другу келарю, въ Троицкій монастырь объясненіе, что присягнулъ онъ неволею, какъ и другіе, что онъ радъ соединенью съ Пожарскимъ, что нельзя ли отъ монастыря послать о томъ къ Пожарскому грамоту. Странно только, что онъ выжидалъ почти цѣлый мѣсяцъ; можно было о томъ же просить и въ первыхъ числахъ Марта. Конечно грамота была послана. Въ ней Троицкія власти просили Пожарскаго идти подъ Москву *на-спѣхъ*, потому, чтобъ тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, розныю своею не потеряли большаго Каменнаго города и остроговъ—укрѣпленій и пушекъ. Какъ будто все дѣло Отечества заключалось въ этомъ Каменномъ Бѣломъ городѣ и не было другихъ, важнѣйшихъ обстоятельствъ, съ которыми требовалось сладить прежде всего! Грамота вѣроятно была послана въ началѣ Апрѣля. Но еще 7 Апрѣля Пожарскій объ ней ничего не зналъ и писалъ въ Сольвычегодскъ, къ богачамъ Строгановымъ, просилъ помоги деньгами и раскрывалъ имъ всю исторію Смуты и особенно дѣла казаковъ, какъ они вождя-первоначальника Прокопья убили и стали совершать вся злая по своему казацкому воровскому обычаю, какъ оттого служилые люди (помѣщики) изъ подъ Москвы разъѣхались по городамъ и стали совѣщаться со всѣми городами, чтобъ быть въ совѣтѣ и въ соединеньи и выбрать государя всею Землею, (вотъ слѣд. гдѣ полагалось уже начало и Нижегородскому движенію); потомъ, какъ сатана омрачилъ ихъ очи: при нихъ Калужскій ихъ царь былъ убитъ, и про то всѣмъ было вѣдомо, а они присягнули Псковскому вору. За тѣмъ воевода просилъ помыслить общимъ совѣтомъ о выборѣ государя, просилъ прислать выборныхъ въ Ярославль для всемірнаго совѣта и заключалъ желаніемъ: „И молити бы намъ всѣмъ Бога, чтобъ быть намъ всѣмъ въ любви и въ совѣтѣ безо всякихъ сердечныхъ злобъ!“ Въ этихъ достопамятныхъ словахъ выразилась вся политика Нижегородскаго Ополченія, вся его душа, руководившая постоянно и неизмѣнно его дѣйствіями.

Но все таки на-спѣхъ идти къ Москвѣ, какъ того желали Трубецкой и Троицкія власти, не совсѣмъ было возможно. И въ деньгахъ еще была нужда, и подъ Москвой недоброе творилось. Быть можетъ, Пожарскій и имѣлъ уже въ рукахъ упомянутую Троицкую грамоту, но мало ей вѣрилъ; да и никакъ нельзя было вѣрить сообщенію Трубецкаго. Чему и кому можно было тогда вѣрить безъ осторожнаго и самаго осмотрительнаго испытанія?

Въ другой грамотѣ, писанной спустя два мѣсяца, въ Путивль, для возвѣщенія украиннымъ городамъ и съ увѣщаніемъ, чтобы отстали отъ Псковскаго вора, Пожарскій прямо говоритъ, по какой причинѣ онъ не пошелъ и не могъ идти на-спѣхъ подъ Москву.

„Изъ Ярославля хотѣли идти, пишетъ воевода, но тутъ получили отъ Трубецкаго и Заруцкаго вѣсть, что они присягнули Вору, и Маринѣ, и сыну ея, и мы, видя это злое начинаніе, подъ Москву не пошли, а послали по городамъ воеводъ съ ратными людьми, во Владиміръ, въ Суздаль, Переяславль, Ростовъ, на Устюжну, въ Кашинъ, Угличь, въ Тверь, къ Троицѣ, въ Касимовъ и въ иные городы, а на гетмана Ходкѣвича и на Черкасъ послали воеводу кн. Черкасскаго-Мастрюка съ огненнымъ боемъ, и они во многихъ мѣстахъ враговъ побили (особенно Черкасскій), а на достальныхъ Черкасъ пошли за Торжекъ...“ Такимъ образомъ все Ополченіе по необходимости было распущено по сторонамъ, чтобы укрѣпить города, очистить Землю отъ явныхъ и тайныхъ враговъ: иначе похода и прѐдпринимать было невозможно. Въ той же грамотѣ Пожарскій, для большаго убѣжденія Путивлянъ, объясняетъ имъ, что Трубецкой и Заруцкій прислали повинную грамоту (отъ 6 Іюня) и отъ Вора совсѣмъ отказались; „а въ ихъ грамотѣ написано съ великимъ моленіемъ, что они своровали, цѣловали крестъ Вору, а нынѣ узнали, что то прямой воръ и теперь крестъ цѣловали, что и впредь Вора не затѣвать и быть съ нами со всѣми во всемірномъ совѣтѣ и соединеньи противъ враговъ... И вамъ бы, господа (прибавляетъ воевода), отъ Вора теперь отстать и быть съ нами и со всею Землею въ *неподвижной* правдѣ и въ соединеньи.“

Такимъ образомъ только въ половинѣ Іюня Нижегородцы узнали, что подъ Москвою, по крайней мѣрѣ хоть съ виду, воровство утихло. Но они очень желали, чтобы оно утихло и за Москвою, въ украинныхъ городахъ, къ югу, и для того писали грамоту въ Путивль.

Уже изъ этихъ двухъ грамотъ, на сѣверъ и на югъ отъ Москвы, выясняется, что Нижегородское Ополченіе, прежде, чѣмъ двигаться дальше, стояло на одномъ, добивалось одного, самаго главнаго, т. е. общаго соединенія всѣхъ городовъ въ одной мысли. Съ этою цѣлью отовсюду оно постоянно требовало присылки выборныхъ, человѣка по два и по три, для общаго Земскаго совѣта, т. е. неутомимо, на походѣ же, собирало этотъ совѣтъ и всѣми силами старалось образумить города, привлечь ихъ на путь неподвижной правды. Оно очень хорошо понимало, что побѣдить врага не было возможности, когда была еще рознь по Землѣ; хорошо понимало, что въ этой розни зараждаются всякіе воровскіе замыслы и въ станѣ Трубецкаго и Заруцкаго, что только „всемірное соединенье“ можетъ положить конецъ криводушію этихъ воеводъ. Дѣйствуя изъ Ярославля по этому направленію слишкомъ два мѣсяца, оно добилось наконецъ того, что Тушинскіе бояре прислали повинную даже съ великимъ моленіемъ. По мѣрѣ того, какъ росла въ Ярославлѣ Нижегородская, не военная только, а именно нравственная сила, какъ все виднѣе и виднѣе восходило это солнце общаго избавленія отъ всякихъ враговъ, чужихъ и домашнихъ, такъ все больше и разсѣевался туманъ всякаго лукавства и криводушія въ людяхъ. Но для того, чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, потребно было время и время. Не поминаемъ о состояніи тогдашнихъ путей и о многихъ другихъ препонахъ, какія всегда являются въ военное и при томъ въ смутное время. Очень много героизма и отваги требовалось и для того, чтобы доставить напр. куда слѣдуетъ надобную грамотку. Сколько же было въ то время такихъ безстрашныхъ людей, какъ Мосѣевъ и Пахомовъ, когда по всей Землѣ между городами шла самая оживленная перепис-

ка изъ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ лагерей. Ни почтъ, ни телеграфовъ не было, и все это дѣлали *нарочные*, успѣвавшіе служить своимъ цѣлямъ съ истинною отвагою и преданностью.

Но вообще, осмотрѣвшись хорошенько въ средѣ тогдашнихъ обстоятельствъ, мы можемъ утвердительно сказать. что Нижегородское Ополченіе, оставаясь такъ долго въ Ярославлѣ, не потеряло для главной своей цѣли ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваній сдѣлало безъ меча, однимъ своимъ поведеніемъ, привлеченіемъ всѣхъ къ неподвижной правдѣ. И это самое важное изъ того, что̀ можно ставить ему въ заслугу. Дѣло меча, послѣ успѣховъ этого мирнаго дѣла, стало уже дѣломъ второстепеннымъ и не столько затруднительнымъ. Прежде всего надо было осадить со всѣхъ сторонъ, взять приступомъ свою собственную Смуту, и эта осада была несравненно мудренѣе осады Китай-города или Кремля, къ которой такъ настойчиво призывали Пожарскаго Троицкія власти. Что̀, если бы Пожарскій, послушавшись Апрѣльской Троицкой грамоты, поскакалъ бы съ Ополченіемъ наспѣхъ спасать Московскій Бѣлый городъ съ его укрѣпленіями, оставивъ за собою и около себя по разнымъ городамъ воровскія и вражескія дружины съ знаменемъ Псковскаго вора или съ готовностью поднять это знамя? Что вышло бы тогда? Вышла бы таже самая исторія, если еще не похуже, какая случилась съ первымъ ополченіемъ, съ Ляпуновымъ. Хорошо изучивъ эту уже случившуюся исторію, Нижегородцы употребили весь свой разумъ, чтобы она не повторилась.

Нѣтъ, спѣшить было не только невозможно, но и не было разумно. Кто особенно хлопоталъ о томъ, чтобъ Нижегородцы пришли подъ Москву, какъ можно скорѣе? Очень хлопотали объ этомъ явные враги Нижегородскаго движенія, Заруцкій съ своею атаманьею и весьма двусмысленный Трубецкой, оправдывавшій свою вину своею же трусостью, что его все приневоливали къ воровскимъ затѣямъ, въ родѣ присяги Псковскому вору. Они народнаго, собственно земскаго движенія, боялись, какъ правдиваго суда надъ своими поступками, ибо эти посадскіе мужики непремѣнно сосчитали бы, сколько забрано вотчинъ и всякихъ доходовъ и куда все это пошло, кто пользовался? Поэтому Тушинскимъ боярамъ нужно было оторвать Ополченіе отъ остальныхъ городовъ, оторвать отъ его корней, отъ Земли, а тамъ подъ Москвою легко снова его развѣять въ разныя стороны. Лѣтописецъ прямо и утвердительно говоритъ, что Заруцкій хотѣлъ „оное собраніе, стоящее въ Ярославлѣ, разсыпать.“

Была еще не малая причина долгаго стоянья въ Ярославлѣ — это переговоры съ Новгородомъ, который являлся какъ бы особымъ государствомъ для Ярославской рати. Необходимо было привести и его въ соединенье, ибо здѣшніе Нѣмцы были столь же опасный огонь, какъ и Московскіе Поляки и казаки, и Нижегородцамъ въ дѣйствительности приходилось двигаться между двухъ огней. Наконецъ 26 Іюля утвержденъ былъ договоръ, что Нижегородское Ополченіе готово за одно съ Новгородомъ избрать въ цари Шведскаго королевича, если только онъ приметъ православную вѣру, т. е. въ сущности утверждено было единеніе съ Новгородскою областью, добрый совѣтъ и любовь. На томъ необходимо было порѣшить, прибавляетъ лѣтописецъ, для того, чтобъ Нѣмцы не помѣшали идти подъ Москву; а того и въ мысли не было, замѣчаетъ онъ, чтобы взять на Государство иноземца: всѣ желали изъ Московскихъ родовъ государя.

Только послѣ окончательнаго укрѣпленія съ Новгородомъ, т. е. только 26 Іюля, Ополченіе могло безъ помѣхи двинуться въ Москву.

И оно не помедлило. Но въ это время Заруцкій употребилъ послѣднее средство: онъ подослалъ къ Пожарскому

убійцъ. Неизвѣстно, для чего ему такъ нуженъ былъ этотъ дюжинный, по воззрѣнію нашихъ историковъ, человѣкъ! Однажды воевода, въ съѣзжей избѣ (такъ назывались тогда *братскія* сборныя совѣтныя избы), стоялъ у дверей, и смотрѣлъ пушечный нарядъ, который готовились везти къ Москвѣ. Была тѣснота отъ многаго народа. Казакъ Романъ поддерживалъ князя подъ руку (вѣрно князь за ранами не могъ еще выходить безъ помоги). Вдругъ толпа раздалась, казакъ Романъ повалился и застоналъ. Пожарскій подумалъ, что толпа его притиснула и хотѣлъ выйдти вонъ. Но люди съ крикомъ: „тебя князь, хотятъ убить!“ не пустили его изъ избы и, осмотрѣвши мѣсто, нашли окровавленный ножъ. Оказалось, что подосланный Заруцкимъ казакъ Стенька хотѣлъ пырнуть ножемъ Пожарскаго и попалъ по ногѣ казаку Роману. Вся рать и всѣ посадскіе зашумѣли, поймали Стеньку и стали пытать. Онъ повинился, указалъ товарищей, которыхъ тоже похватали и разослали въ города по тюрьмамъ, а иныхъ взяли съ собой въ Москву для обличенія злодѣйства. Тамъ они предъ всею ратью вину свою объявили и были всѣ отпущены на свободу. „А убить ни единаго не далъ князь Дмитрій Михаиловичъ,“ прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы по крайней мѣрѣ главныхъ злодѣевъ. Но не кровь начинать шелъ Пожарскій. Такъ онъ защитилъ и воеводу Шереметева.

И такъ вотъ къ какимъ товарищамъ въ союзъ должно было спѣшить Нижегородское Ополченіе по призыву Троицкихъ грамотъ, вовсе невѣдавшихъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ за стѣнами ихъ монастыря, получавшихъ свѣдѣнія изъ одного лишь источника, отъ Тушинскаго боярина Трубецкаго и только съ его точки зрѣнія смотрѣвшихъ на всѣ тогдашнія дѣла.

Нижегородцы видѣли дальше и знали всѣ обстоятельства дѣла основательнѣе и глубже. Имъ надо было хорошо поразмыслить, какимъ способомъ придти къ Москвѣ, чтобъ не загубить все свое начинаніе. Въ тоже время Трубецкой съ Заруцкимъ прислали пословъ (оффиціальныхъ) и просили идти подъ Москву, не мѣшкая, для того, что идетъ близко Ходкѣвичъ. Пожарскій тотчасъ отправилъ передовой отрядъ, велѣлъ спѣшить, но, пришедъ въ Москву, въ таборы казацкіе не входить, а стать особо, укрѣпивъ свой собственный острожекъ у Петровскихъ воротъ. За тѣмъ послалъ еще отрядъ подъ начальствомъ Пожарскаго-Лопаты, велѣлъ тоже спѣшить, но стать также особо, у Тверскихъ воротъ.

Между тѣмъ въ Москву пришли и ратные изъ украинныхъ городовъ, вѣроятно по призывнымъ грамотамъ Пожарскаго, изъ которыхъ съ Путивльскою мы уже знакомы. Они стали тоже особо, но потому, что Заруцкій не пустилъ ихъ къ себѣ. И было имъ отъ него и отъ казаковъ великое утѣсненіе, такъ что всею ратью они отправили посольство въ Ярославль съ просьбою идти, не медля, и избавить ихъ отъ казацкаго насилія. И вотъ здѣсь въ яркомъ свѣтѣ обнаружилось различіе полковъ подмосковныхъ (собранныхъ кое-какъ безъ должнаго руководительства и попеченія и безъ всякаго хозяйства)—отъ тѣхъ, которые шли изъ подъ Нижняго съ Козмою Мининымъ. Пришли посланцы въ Ярославль и увидѣли милость Божію: ратныхъ людей пожалованныхъ и во всемъ устроенныхъ! Помянули свое утѣсненіе отъ казаковъ, и горько заплакали! Сквозь многихъ слезъ не могли и слова вымолвить. Воевода и многіе ратные, которымъ всѣмъ они прежде были знакомы, теперь едва ихъ узнали и сами плакали, видя ихъ скорбь и нужду. Бѣдняковъ одарили жалованьемъ (деньгами) и сукнами на одежду и отпустили съ вѣстью, что идутъ скоро. Всякихъ пословъ, особенно изъ подъ Москвы, Пожарскій съ Мининымъ всегда принимали и отпускали по Русскому обычаю гостепріимно, съ подарками и съ выдачею служащимъ *земскаго* жалованья.

Это, конечно, дѣйствовало очень миротворно и привлекало людей къ Ополченію. Когда послы возвратились и разсказали всѣмъ, каково хорошо въ Ярославлѣ, то Заруцкій хотѣлъ ихъ побить; они едва спаслись въ передовой полкъ Пожарскаго; другіе ратные тоже спѣшили уйдти, кто куда, а украинные люди, не ожидая добра, побѣжали всѣ по своимъ городамъ.

Должно полагать, что Пожарскій поднялся изъ Ярославля 27 Іюля, на другой день по укрѣпленіи съ Новгородомъ, и ночевалъ, отойдя 7 верстъ. Іюля 29 онъ уже стоялъ въ 29 верстахъ отъ города. Отсюда, отправивъ въ путь со всею ратью кн. Хованскаго и Козму, самъ съ малою дружиною удалился въ Суздаль въ монастырь Спасо-Евфиміевской, поклониться гробамъ родителей. Рать успѣла сдѣлать одинъ переходъ и остановилась въ Ростовѣ, куда прибылъ и Пожарскій. Поклоненіе родителямъ въ такихъ важныхъ случаяхъ было кореннымъ и крѣпкимъ Русскимъ обычаемъ во все время нашей исторіи. Отчее благословеніе утверждало домы чадъ. Благословиться у покойныхъ родителей, поклонившись ихъ гробамъ, и ходилъ Пожарскій въ свой любезный монастырь. Вотъ для чего онъ сворачивалъ съ дороги на одинъ переходъ. А историки представляютъ, какъ будто онъ постоянно захаживалъ по сторонамъ „какъ бы для прохлады".

На походѣ изъ Ростова Пожарскій все таки долженъ былъ послать отрядъ на Бѣло-озеро для береженья отъ Нѣмцевъ, потому что была вѣсть о ихъ движеньи изъ Новгорода. Между тѣмъ Заруцкій, услышавъ, что Ополченіе уже двинулось изъ Ярославля, собрался съ казаками, мало не съ половиною войска, и побѣжалъ съ Москвы къ Маринкѣ на Коломну, а потомъ въ Рязанскія мѣста, чѣмъ и доказалъ, какъ нельзя лучше, съ какими цѣлями онъ стоялъ слишкомъ годъ подъ Москвою. Отъ оставшагося войска съ Трубецкимъ, нѣсколько атамановъ и казаковъ явились къ Пожарскому еще въ Ростовѣ съ просьбою идти подъ Москву не мѣшкая: а пришли вовсе не для того, прибавляетъ лѣтописецъ, пришли развѣдать, нѣтъ ли какого умышленья надъ ними; потому что, по пословицѣ „на ворѣ шапка горитъ," они ожидали отъ Нижегородской силы расправы за свое воровство. Кн. Дмитрій и Козма, по своему обычаю, пожаловали пословъ деньгами и сукнами и отпустили съ честью. Имени Трубецкаго при этомъ посольствѣ лѣтопись не упоминаетъ, но конечно посольство отправлено съ его вѣдома. Онъ, гдѣ было нужно, всегда прятался за другихъ, какъ и здѣсь спрятался за все войско. При другихъ случаяхъ, именно въ послѣдующихъ отношеніяхъ къ Пожарскому, онъ напротивъ рѣзко выставлялся впередъ.

Ополченіе, наконецъ, пришло подъ Троицкій монастырь; было встрѣчено съ великою честью и хотѣло тутъ стоять нѣкоторое время, желая по своему обычаю укрѣпиться съ подмосковными казачьими таборами, чтобъ другъ на друга никакого зла не умышлять. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстью, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговору съ казаками. Отпѣли молебны и съ благословеніемъ Троицкихъ властей и братіи тронулись въ походъ; но шли съ большимъ опасеніемъ, были „въ великой ужасти, какъ на такое великое дѣло идти!" Это значитъ, что Ополченіе до послѣдней минуты сомнѣвалось въ своемъ успѣхѣ и боялось особенно казаковъ, съ которыми въ одной мысли не успѣло укрѣпиться никакимъ уговоромъ. Опасенія были не напрасны. Однако въ это же самое время Пожарскій отказался отъ предлагаемой Нѣмцами помощи, говоря, что теперь, дастъ Богъ, Ополченіе управится съ Поляками и само, безъ чужой помощи; что до этого времени сильны были Поляки по той причинѣ, что Московское государство было въ розни; слѣд. Ополченіе уже сознава-

ло, сколько завоеваній оно сдѣлало, не обнажая меча.

Пожарскій пришелъ въ Москву 20 Августа. Такимъ образомъ походъ его изъ Нижняго продолжался безъ малаго 6 мѣсяцевъ, изъ которыхъ почти четыре мѣсяца онъ стоялъ въ Ярославлѣ. Походъ медленный.

Мы разсказали о немъ по указанію лѣтописей и грамотъ. Тѣ и другія тоже отмѣчаютъ, что походъ позамѣшкался: но нигдѣ не обвиняютъ въ томъ воеводу, а тутъ же объясняютъ и причины, отчего шло замедленіе. Объясняетъ эти причины, согласно съ лѣтописцами, и самъ Пожарскій во всенародныхъ своихъ грамотахъ, слѣд. гласно и безъ всякаго намѣренія оправдать себя, а описываетъ просто, какъ шло дѣло.

Обвиняетъ Пожарскаго (и не въ одной медленности) одинъ только человѣкъ, Троицкій келарь старецъ Аврамій Палицынъ, легендамъ котораго, къ сожалѣнію, историки вѣрятъ безъ разбора. По всему видимо, что онъ держался ближе къ Трубецкому, чѣмъ къ Пожарскому, ближе къ казацкому ополченію, чѣмъ къ Нижегородскому. Это и естественно, ибо къ первому онъ былъ ближе и географически. Онъ здѣсь, подъ Москвою, былъ знакомѣе, былъ свой человѣкъ. Отсюда ему часто кланялись и просили то о томъ, то о другомъ, то написать грамоту въ города, то прислать свинцу и зелья. Тамъ же, въ Ярославлѣ или вообще у Нижегородцевъ, его просьбъ, наставленій и поученій не слушали и дѣлали по своему. Вотъ одна изъ причинъ, почему старецъ горою стоитъ за подмосковные таборы, хлопочетъ помочь имъ во всемъ, соединяя довольно близоруко въ своемъ понятіи, что это казацкое ополченіе—главная сила для спасенія отечества, и потому нисколько не размышляя о томъ, какое значеніе имѣетъ Ополченіе Земское, Нижегородское, и вовсе не заботясь объ его участи. Вообще въ своемъ „Сказаніи" онъ обнаруживаетъ по этому дѣлу очень тѣсный и узкій, ограниченный, старческій взглядъ на событія и положеніе вещей. Ему бы только всѣ скорѣе шли подъ Москву, къ Трубецкому, выручать его изъ тѣсноты или отъ голода... Что творится вокругъ, какая господствуетъ рознь въ городахъ, какое насиліе въ подмосковныхъ таборахъ, онъ этому не придаетъ никакого значенія и упоминаетъ объ этомъ какъ-бы только къ слову, по той необходимости, что нельзя же этого не записать въ исторію событій. Казацкія дѣла онъ правильно чертитъ только по случаю смерти Ляпунова. За тѣмъ, будто все миновалось, будто исчезли и всѣ казацкія затѣи! Онъ все проповѣдуетъ только, чтобъ были всѣ въ единеніи и свои слова почитаетъ дѣломъ. Но кто же въ то время объ этомъ не говорилъ? Всѣ, и друзья, и враги Отечества, толковали о соединеніи, каждый на свой ладъ. Это было первымъ и послѣднимъ словомъ всѣхъ разговоровъ, всѣхъ грамотъ, изъ какого бы лагеря онѣ ни выходили. Привести всѣ города и стороны къ одной мысли могли бы послѣ Ляпунова, легче и вѣрнѣе, стоявшіе подъ Москвою воеводы Трубецкой и Заруцкій. Они стояли здѣсь слишкомъ цѣлый годъ, постоянно сносились съ Троицкимъ монастыремъ, который по ихъ же просьбамъ, а не самъ собою, сталъ писать свои грамоты о собраніи ратныхъ и денегъ. А между тѣмъ, въ то же время, земская рать уходила изъ подъ Москвы именно отъ насилія казаковъ. Это было извѣстно всей Землѣ; это повторялось до самаго почти приходу Нижегородцевъ. Если требовались грамоты, такъ совсѣмъ иного содержанія. Требовались грамоты прямыя, съ изложеніемъ истиннаго положенія дѣлъ. Отчего Октябрьская грамота ни слова не говоритъ о смерти Ляпунова, а главное о томъ, что̀ произошло тогда въ подмосковномъ станѣ, ка̀къ всѣ лучшіе люди побѣжали отъ Москвы?

Она напротивъ ставитъ такъ дѣло, что въ первомъ ополченіи главными

были Трубецкой и Заруцкій, а Аврамій прямо баснословитъ, что оно собралось по грамотамъ Троицкаго монастыря, и изъ его „Сказанія“ можно подумать, что подвигъ перваго воеводства онъ числитъ за Трубецкимъ, ставя его во главѣ пришедшихъ полковъ и отдѣляя рядовое мѣсто Ляпунову.

За кого слѣдовательно стоялъ старецъ Аврамій? Неиначе, какъ за свои личныя связи, или пріятельство, или короткое знакомство съ Трубецкимъ, которому въ Сказаніи онъ даетъ такое видное мѣсто. А если кому особенно нужна была учительная грамота, такъ именно этому Трубецкому. Его лукавое или трусливое поведеніе, еще со времени Ляпунова, постоянно усиливало и совсѣмъ усилило злодѣя Заруцкаго. Отчего Троицкія власти, отказавшись отъ Псковскаго вора, и грамоту его оплеваша и, узнавши, что въ таборахъ ему присягнули, отчего онѣ тотчасъ же не написали туда учительной грамоты объ отверженіи самозванца? Вѣдь, по словамъ же Аврамія, и Трубецкой и очень многіе ратные, присягнули неволею: стало быть существовала достаточная почва для всѣянія правды и, конечно, противъ назидательныхъ поученій отъ божественныхъ писаній не поднялась бы и дерзость казаковъ. Вѣдь съумѣли же казаки сами собою потомъ отказаться отъ Вора, т. е. тогда, когда Ярославская стоянка Пожарскаго сдѣлала это орудіе Смуты совсѣмъ уже безполезнымъ и когда поддержкою его можно было совсѣмъ уже проиграть всѣ свои замыслы.

Вообще отношенія Аврамія и съ этой стороны требуютъ правильной и правдивой оцѣнки. Совокупныя дѣянія Гермогена и Ляпунова старецъ Аврамій отнесъ къ дѣяніямъ своего монастыря, на похвалу ему, и совсѣмъ скрылъ правду. Медленный походъ Пожарскаго даетъ ему еще больше повода вписать уже самому себѣ беззастѣнчивый панегирикъ. Послушать этого старца, такъ придется и въ самомъ дѣлѣ повѣрить, что не будь его, ничего бы хорошаго и не случилось, какъ впрочемъ историки ему и повѣрили. Они уже утвердительно говорятъ, что „въ таковомъ Москвы избавленіи первымъ, можно сказать, дѣйствующимъ былъ Аврамій Палицынъ.. великій по всѣмъ дѣяніямъ мужъ.... который тогда въ осажденной Москвѣ находился, яко душа движущая и оживляющая все...“ Или: „Имена Сергіевскихъ архимандритовъ Іоасафа и Діонисія и келаря Аврамія Палицына, возбудившихъ тогда всеобщій патріотизмъ въ сынахъ Россіи, должны имѣть первое мѣсто предъ именами Мининыхъ и Пожарскихъ, которыхъ Россія *безъ нихъ* тогда можетъ быть и не видала бы.“ Понятно, что съ своей точки зрѣнія такъ могли говорить церковные историки [1]); но тоже подтверждаетъ и исторія гражданская. О побѣдѣ надъ Ходкѣвичемъ она замѣчаетъ: „Такъ, если довѣрять сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль, одинъ человѣкъ (Палицынъ) нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда Русское дѣло“ [2]). Въ томъ-то и дѣло, что Аврамію никакъ нельзя вѣрить на слово, а потому и нельзя его панегирикъ самому себѣ вносить въ Исторію, тѣмъ паче если мы хотимъ ее очистить, какъ Авгіеву конюшню.

Въ чемъ же и какъ обвиняетъ Пожарскаго этотъ старецъ, а за нимъ и легковѣрная легенда-исторія? Первую грамоту Троицкія власти писали къ Пожарскому въ Апрѣлѣ, объясняя, что 2 Марта Трубецкой и Заруцкій съ своимъ войскомъ присягнули Псковскому вору, а 28 Марта Трубецкой писалъ, что присягнулъ неволею и хочетъ соединенья съ Пожарскимъ, чтобъ онъ скорѣе шелъ подъ Москву спасать Бѣлый городъ, остроги, пушечный нарядъ. Князь же Дмитрій, говоритъ ста-

---

[1]) Исторія Росс. Церкви митр. Платона и Исторія Росс. Іерархіи.

[2]) Г. Костомаровъ: Смутное Время, въ Вѣстникѣ Европы, Сент. 1867, 26.

рецъ „писаніе отъ обители въ презрѣніе положи, пребысть въ Ярославлѣ многое время...“ Мы думаемъ, что эта грамота даже изумила Пожарскаго и всѣхъ Нижегородцевъ. Ихъ призывали сражаться за одно съ людьми, которые присягнули даже и не настоящему, а поддѣланному Вору въ то время, когда имъ всѣмъ было очень памятно заклятіе Гермогена не присягать Маринѣ и ея Воренку. Съ того заклятія прошло всего полгода. И къ тому же самая грамота писана не отъ однѣхъ властей, но еще отъ Василья Сукина, измѣнившаго нашему посольству въ Литвѣ и вмѣстѣ съ старцемъ келаремъ Аврамiемъ улизнувшаго оттуда, откупившись у канцлера Сапѣги. На глаза Нижегородцевъ это были люди кривые. Затѣмъ и вообще Пожарскій не настолько былъ дюжинный простакъ, чтобы полѣзть самому въ ловушку, чтобъ не понять, что Трубецкой, пожалуй, хитритъ, зоветъ скорѣе Ополченіе на погибель, пока оно слабо и разсѣять его легко. Старецъ могъ ошибаться въ Трубецкомъ, но Пожарскій тѣмъ и отличался, что всегда былъ очень остороженъ. Онъ могъ сообразить вотъ что: Странно! Трубецкой присягнулъ Вору неволею, изъ трусости, и молчалъ почти цѣлый мѣсяцъ. Могъ бы онъ и раньше разсказать свой грѣхъ старцу и отписать къ Нижегородцамъ о соединеніи. Нѣтъ, онъ прозрѣваетъ тогда, когда Нижегородцы являются въ Ярославлѣ дѣйствительною силою, способною положить конецъ всякому воровству. Стало быть дѣло можетъ поворотить на правду — надо заранѣе проложить и къ ней хотя окольный путь.

Вотъ что могъ Пожарскій думать о Трубецкомъ. Въ своей грамотѣ, писанной въ тоже время, онъ прямо и выражается, что Трубецкой съ Заруцкимъ своровали, слѣд. онъ прямо и думаетъ о нихъ одинаково, что люди они криводушные.

Такимъ образомъ Троицкая грамота приносила Нижегородцамъ не болѣе, какъ только весьма ненадежное и двусмысленное свѣдѣніе о намѣреніяхъ подмосковныхъ воеводъ, и Пожарскій былъ вправѣ положить ее въ презрѣніе.

Но старецъ Аврамій дѣлалъ свое дѣло. Онъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, спасалъ Отечество. Вотъ почему снова изъ монастыря отправляютъ къ Пожарскому двухъ старцевъ, умоляя поскорѣй идти къ Москвѣ и помощь учинить, „пишуще то съ моленіемъ, то съ устрашеніемъ, потому-де, что началъ дѣло доброе и о немъ не радитъ, а мыслитъ неправильно, думаетъ о сладкомъ, что оно горько (идти скорѣй подъ Москву); а о горькомъ, что оно сладко и это сладкое полагаетъ во *вседневномъ насыщеніи,* и прочая отъ божественныхъ писаній довольно писаше.“ Князь старцевъ отпустилъ, „самъ же косно и медленно о шествіи промышляше, нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ словесъ.... въ Ярославлѣ же стояше и войско учреждающе (угощая), подъ Москвою же вси отъ глада изнемогающе.“ Дѣйствительно подъ Москвою бѣдствовали. Но ктоже былъ въ томъ виноватъ, что въ Ярославлѣ были сыты, а подъ Москвой голодны! Въ теченіи зимы не Поляки тѣснили подмосковные таборы, а они осаждали Поляковъ и могли бы точно также соединить въ одну мысль всѣ города, какъ въ тоже время успѣлъ ихъ соединить Нижній. Въ соединеніи было бы и хлѣба вдоволь. Между тѣмъ таборы сочиняли новаго Вора и занимались цѣлованіемъ ему креста. Старцу, вѣдь, все это было хорошо извѣстно.

Только отъ 6 Іюня Пожарскій получилъ увѣреніе, повинную грамоту отъ Трубецкого и Заруцкаго, что они и таборы отстали отъ Вора. Но и тутъ благоразуміе и осторожность настоятельно требовали выждать время и разъузнать повѣрнѣе, такъ ли это было на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ союзъ съ Новгородомъ утвержденъ былъ только 26 Іюля. Раньше этихъ чиселъ Пожарскій никакъ идти не могъ, если желалъ совершить свой подвигъ основательно и безъ

оглядокъ. Новгородъ съ Нѣмцами грозилъ бѣдой и былъ, какъ и Москва, очень сомнителенъ. Первый посолъ туда изъ Ярославля, возвратясь, привезъ такую мысль, что въ Новгородѣ отнюдь добра ждать нечего. Понадобилось же и послѣ утвержденнаго союза послать съ похода, изъ Ростова, отрядъ на Бѣлоозеро для береженья отъ Нѣмцовъ.

Впрочемъ, не одинъ Троицкій монастырь старался охрабрить Пожарскаго и Нижегородское Ополченіе къ исполненію ихъ подвига. Въ то время въ Ростовѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, подвизался затворникъ Иринархъ, который, услышавъ, что Пожарскій съ Мининымъ стоятъ въ Ярославлѣ и, на призывъ Трубецкаго, боятся, не смѣютъ идти подъ Москву, помышляя объ убійствѣ отъ Заруцкаго, — послалъ къ нимъ челобитье и просвиру, повелѣвая идти безъ боязни, что узрятъ они славу Божію и Заруцкаго въ Москвѣ не застанутъ. Обрадовался Пожарскій такому слову и тронулся изъ Ярославля. Въ Ростовѣ они, съ Мининымъ, пришли за благословеніемъ къ подвижнику сами. Онъ ихъ укрѣпилъ и далъ имъ въ помощь свой подвижническій знаменитый крестъ, съ которымъ Пожарскій и довершилъ свой подвигъ въ Москвѣ. Это сказаніе, по своей простотѣ, конечно, несравненно достовѣрнѣе сочиненій и легендъ Палицына.

Мы уже замѣтили, что главныя побѣды Пожарскаго, главныя его завоеванія въ томъ и заключались, что онъ мирными переговорами, договорами, уговорами привлекалъ всѣхъ къ одной мысли: очистить государство отъ Поляковъ и своихъ всякихъ воровъ и выбрать государя по общему совѣту. Служа этой мысли, онъ и Новгороду сдѣлалъ уступку, согласившись на его выборъ королевича Филиппа; онъ и съ цесарскимъ посломъ завелъ переговоры о выборѣ царя изъ Цесарскаго Дома, почитая очень выгоднымъ на это время имѣть пріятелемъ такого монарха, который могъ пособить противъ Поляковъ.

Убѣдившись, наконецъ, что дѣло со всѣхъ сторонъ пока улажено, онъ тогда только и могъ спокойно двинуться къ Москвѣ, не раньше 27 Іюля. Но старецъ Аврамій не вытерпѣлъ. Онъ 28 Іюля самолично отправился къ Пожарскому въ Ярославль, куда могъ прибыть конечно уже не раньше 29 или даже и 30 числа, когда Ополченіе стояло уже въ 29 верстахъ отъ города. Но старецъ все таки приходитъ будто бы въ Ярославль и что́ же тамъ находитъ: „мятежниковъ, и ласкателей, и трапезолюбителей, а не боголюбцевъ, — воздвигающихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ.. Разсмотрѣлъ все сіе старецъ и князя Дмитрія и Козму, и все воинство довольно поучилъ отъ божественныхъ писаній... много молилъ ихъ поспѣшить...“ Князь и Козма и все воинство послушали молящаго и поучающаго старца и выслали свои передовые полки, такъ что, еслибъ не пришелъ старецъ, то они все еще продолжали бы учреждать свои трапезы.

Однако передъ этими числами и въ эти числа никакихъ сваръ и мятежнаго гнѣва въ Ополченіи не было, а случилось единодушное возстаніе всей рати на подосланныхъ изъ подъ Москвы убійцъ; полки посланы вскорѣ, какъ отпущены послы отъ Трубецкаго и Заруцкаго, принесшіе вѣсть о скоромъ приходѣ Ходкѣвича; можетъ быть и самъ старецъ былъ тутъ въ это же самое время и потомъ забылъ числа и обстоятельства.

Видимо, что старецъ въ своей памяти очень многое перепуталъ и перезабылъ, не забывая только при всякомъ случаѣ восхвалять самого себя. Въ Ополченіи, когда оно стояло въ Ярославлѣ, дѣйствительно были смуты, но не въ это время. Первую смуту завелъ возвратившійся изъ Казани Ив. Биркинъ, домогаясь начальства, изъ за чего едва не случилось кровопролитія. Биркина отринули, но послѣ него, вѣроятно, остался хвостъ. Честолюбцевъ было не мало,

особенно изъ знатныхъ родовъ. Вождей они не слушались, слѣдоват. примирить ихъ въ несогласіяхъ и разсудить ихъ было некому. Пожарскій держалъ себя не такъ, какъ Ляпуновъ. Не изъ слабости характера, а изъ убѣжденія, что Ополченіе должно держаться совѣтомъ и любовью, устраняя всякія сердечныя злобы, онъ не поступалъ самовластно, подиктаторски. Вообще насиліемъ утишать вражду онъ не былъ способенъ; не таковы были его отношенія къ Землѣ. Вотъ по какой причинѣ онъ отдалъ и самого себя на судъ *третьяго*, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда и водилось въ старину. Общимъ совѣтомъ, этого третьяго избрали въ лицѣ бывшаго Ростовскаго митрополита Кирилла, который жилъ на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ. Святитель пріѣхалъ въ Ярославль, и тишина возстановилась. Людей божіихъ онъ укрѣплялъ; какъ учинится ссора у начальниковъ, они шли къ нему и докладывали ему обо всемъ. Такимъ образомъ Ополченіе и здѣсь показало себя, на сколько оно вѣрно крѣпкому земскому смыслу, призывая въ свою среду миротворное разсужденіе святителя и устраняя тѣмъ самымъ всякія диктаторскія попытки для устроенія порядка. Такимъ началомъ власти Земля жила искони вѣковъ; имъ же держались и между-княжескія отношенія въ древній періодъ нашей исторіи.

Митрополитъ Кириллъ сопровождалъ Ополченіе и въ Москву, гдѣ потомъ, во время избранія Михаила, занялъ первое мѣсто между собравшимся духовенствомъ и первенствовалъ во всѣхъ распоряженіяхъ Земской Думы, которая, кстати надо замѣтить, была уже на половину собрана Нижегородскимъ же ополченіемъ и шла вмѣстѣ съ нимъ очищать Москву.

Мы упоминали, что Пожарскій хотѣлъ стать на время у Троицы, дабы уговориться съ подмосковными казацкими таборами; но, получивъ вѣсть о приближеніи полковъ Ходкѣвича, по необходимости долженъ былъ и самъ поспѣшить. Но нѣтъ, все это сдѣлалось лишь по наученію старца Аврамія, который разсказываетъ, что много молилъ о семъ воеводу и все воинство, что было у нихъ много разнствія и нестроеніе великое: одни хотѣли идти, другіе не хотѣли, говорили, что Пожарскаго манятъ подъ Москву казаки, хотятъ его убить, какъ Прокопья убили. Старецъ много поучалъ всѣхъ, особенно Пожарскаго, чтобъ онъ по слову Господню не страшился смерти: если и пострадаетъ, то мученикъ будетъ Господу. Тогда только воевода оставилъ всѣ свои размышленія, страхъ вмѣнилъ ни во что и двинулся въ походъ. Само собою разумѣется, что такія благословенія церкви были необходимы ратнымъ и всегда ихъ сопровождали на битву, какъ обычное церковное слово. Но старецъ изъ обычнаго поученія церкви устроиваетъ пьедесталъ для своего личнаго подвига, высовывая и здѣсь свою фигуру всѣмъ на глаза. Однако Пожарскій взялъ съ собою и старца. Съ какою цѣлью? Безъ сомнѣнія для сношеній съ Трубецкимъ и съ казаками, съ которыми старецъ былъ очень знакомъ. Такъ потомъ и случилось, какъ увидимъ.

Наконецъ Ополченіе придвинулось къ Москвѣ. Оно пришло уже вечеромъ и расположилось ночевать на Яузѣ, за 5 верстъ отъ города. Между тѣмъ были посланы разъѣздные осмотрѣть мѣста, гдѣ бы стать правильнымъ станомъ. Трубецкой безпрестанно присылалъ къ Нижегородцамъ, звалъ къ себѣ стоять въ таборы, т. е. у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, а Ходкѣвичь двигался съ западной стороны. Нижегородцы всею ратью отказались: отнюдь тому не быть, чтобъ стать вмѣстѣ съ казаками, опять они начнутъ враждовать съ земскими. *Всею ратью*, слѣд. выражено старое и полное недовѣріе къ таборамъ и къ ихъ воеводѣ. На это она имѣла множество причинъ и въ числѣ ихъ весьма недавнюю и яркую причину съ стороны только что бѣжавшаго Заруцкаго. Самъ же ста-

рецъ пишетъ въ своемъ Сказаніи, что когда пришелъ въ Москву передовой полкъ Нижегородцевъ съ воеводою Пожарскимъ-Лопатою и сталъ у Тверскихъ воротъ въ укрѣпленіи, то Заруцкій заслалъ множество казаковъ, да убьютъ воеводу и войско его разобьютъ; и много бились, но трудились напрасно, ничего не успѣли и со срамомъ отошли, а Заруцкій вскорѣ, и при томъ въ ночь, побѣжалъ. Теперь Заруцкаго не было; но былъ его неизмѣнный товарищъ Трубецкой, у котораго прямаго лица разсмотрѣть было еще нельзя. Вотъ почему Нижегородцы вели себя очень осторожно.

На утро отъ Яузы Ополченіе вступало въ городъ. Трубецкой со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его и снова звалъ Пожарскаго стоять къ себѣ, въ свои укрѣпленія. Пожарскій снова ему отказалъ, что отнюдь ему вмѣстѣ съ казаками не стаивать, и сталъ у Арбатскихъ воротъ.

Трубецкой съ казаками начали на кн. Дмитрія и на Козму и на всю ихъ рать злобу держать и замыслили учинить имъ препону за то, что къ нимъ въ таборы не пошли. Съ какою цѣлью Трубецкой звалъ Ополченіе стоять въ своихъ таборахъ у Яузскихъ воротъ, съ восточной стороны города, когда было всѣмъ извѣстно, что Ходкѣвичь идетъ съ запасами по Можайской дорогѣ, съ запада, и слѣд. легко можетъ пробраться прямо въ Кремль, куда назначались запасы? Такимъ образомъ не Трубецкой, а Пожарскій становится врагу поперекъ дороги, устроивъ свой лагерь у Арбатскихъ воротъ и занявъ еще прежде передовымъ отрядомъ всю сторону воротъ Пречистенскихъ, съ запада отъ Кремля. Уже въ одномъ этомъ размѣщеніи воеводъ въ виду наступающаго врага, очень ясно обнаруживается, какъ различны были цѣли одного и цѣли другаго.

Ходкѣвичь стоялъ уже на Поклонной горѣ и скоро перелѣзъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря. Съ нимъ, кромѣ Поляковъ, были Венгры и Малороссійскіе казаки подъ предводительствомъ Наливайки. Онъ придвинулся именно къ той мѣстности, гдѣ стояли полки Пожарскаго. Первому Пожарскому и выпала честь встрѣтить враговъ. Трубецкой съ своими сталъ подальше, по другую сторону Москвы-рѣки, за Крымскимъ бродомъ, и въ добавокъ прислалъ къ Пожарскому просить конныхъ сотенъ себѣ на подмогу, чтобъ промыслить надъ Ходкѣвичемъ со стороны, съ боку. Пожарскій, надѣясь правдѣ быть, отпустилъ къ нему пять сотенъ, выбравъ лучшихъ изъ своихъ полковъ. Между тѣмъ Ходкѣвичь наступалъ только съ одними конными, а Пожарскому самому конные были бы очень надобны.

Началась битва и продолжалась съ перваго часа до осмаго. Бился Пожарскій одними своими конными. Отъ Трубецкаго ни одинъ не вышелъ на помощь. Казаки только, какъ псы, лаяли и поносили Нижегородцевъ, приговаривая: богаты пришли изъ Ярославля, и одни могутъ отбиться отъ гетмана! Трубецкой не выпускалъ въ бой даже и присланныхъ сотенъ. Не ясенъ ли былъ его умыселъ обезсилить Пожарскаго и именно коннымъ войскомъ, когда у Ходкѣвича только конные и были? Нижегородцы бились до послѣднихъ силъ, а гетманъ наступалъ жестоко. Могли ли они стоять противъ Польской, Венгерской, Малороссійской конницы, неизмѣримо болѣе опытной и искусной? Рѣшено было слѣзть съ коней и биться пѣшими. „И былъ бой зѣло крѣпокъ", хватались за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады. Отосланныя къ Трубецкому конныя сотни не могли вытерпѣть и бросились на помощь безъ его приказанія. Онъ было не пускалъ, но головы не послушали, ринулись и помогли своимъ. За ними также самовольно ринулись и прямые люди изъ казацкой атаманьи: Филатъ Межаковъ, Аѳанасій Коломна, Дружина Романовъ, Марко Козловъ, крикнувъ Трубецкому: „Для чего не помогаешь погибающимъ?

Изъ вашей (воеводской) нелюбви только пагуба творится и Государству и ратнымъ!“

Гетманъ былъ отбитъ, воротился на Поклонную гору, а оттуда перебрался къ Донскому монастырю, на сторону Трубецкаго, ибо не могъ не замѣтить, что дѣйствія Трубецкаго были двусмысленны и слѣд. могли быть ему очень полезны.

Онъ дѣйствительно по сторонѣ Трубецкаго, по зарѣчью, и повелъ свои атаки жестокимъ обычаемъ: смялъ полки, втопталъ ихъ въ рѣку и побилъ бы многихъ, еслибъ не устоялъ съ своимъ полкомъ князь Пожарскій. Тогда Трубецкой съ казаками ушелъ въ свои таборы, къ устью Яузы. Гетманъ занялъ зарѣчье противъ Кремля, выбивъ оттуда и остальныхъ казаковъ, изъ острожка у церкви Климента и укрѣпившись новымъ острожкомъ у церкви Екатерины. Такимъ образомъ добрый подвигъ кн. Пожарскаго, оттѣснившаго Поляковъ съ своей стороны, пропалъ даромъ по несостоятельности казацкихъ полковъ, которые, видимо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, все еще продолжали играть въ Смуту. Нижегородцы пріуныли и даже впали въ большой страхъ и отчаяніе. Воеводы посылали въ таборы, чтобъ за едино подняться на гетмана. „Они же не хотяху.“ Тогда Пожарскій отправилъ къ нимъ старца Авраамія. Старецъ посулилъ имъ дать много монастырской казны. Казаки на обѣщаніе склонились и тогда только, условившись съ полкомъ Пожарскаго, двинулись на гетмана вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ. Тотчасъ былъ отбитъ острожекъ Климентовскій, при чемъ однихъ Венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ и крапивамъ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобъ не пропустить въ городъ Польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію и вкупѣ всѣ дали обѣщаніе построить храмъ, да поможетъ Господь одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше помощь вотъ какую: слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго, Господь охрабрилъ Нижегородца Козму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого Ополченія на спасеніе и очищеніе Государства. При этомъ лѣтописецъ какъ бы съ радостію восклицаетъ: „Да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили! Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю.“ Тотъ Козма задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ кн. Пожарскому и сталъ просить людей. „Бери, кого хочешь!“ отвѣтилъ князь. Козма взялъ роту Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина) стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Козма, переправясь за рѣку, съ великою прыткостію ударилъ впрямь на эти роты. Онѣ, не дождавшись еще дѣла, дрогнули и побѣжали, конные потоптали пѣшихъ. Козма еще прытче погналъ за ними. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Козма съ великимъ стремленіемъ гонитъ Поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и ринулись тискомъ на гетманскіе таборы. Слѣдомъ за ними напустили конные полки. Гетманъ не выдержалъ этого натиска, — дрогнулъ, и побѣжалъ со всѣмъ войскомъ, оставивъ храбрымъ въ добычу свои таборы со всѣми запасами, къ которымъ конечно бросились первые казаки, запасы отняли, а таборы разграбили до чиста. Въ такихъ дѣлахъ казаки были первые мастера. Но нельзя говорить, вопреки лѣтописямъ, какъ говорятъ историки, что запасы отбиты однимъ казацкимъ войскомъ. Здѣсь участвовала поголовно вся

рать и началъ первый Мининъ. Чтобы отбить запасы, надо было отогнать изъ таборовъ гетмана, а это совершено общимъ натискомъ всей рати, а не одними казаками. Всѣ ратные такъ охрабрились, что порывались идти слѣдомъ за врагами, гнать гетмана дальше. Но воеводы остановили храбрыхъ. Довольно нынче одной радости, сказали они, чтобъ послѣ скорбь не приключилась! Это вѣдь Божіею помощію прогнаны наши враги! Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣльбу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ, а огонь и дымъ стояли какъ отъ великаго пожара. Гетманъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія и на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Такъ описываютъ это дѣло лѣтописцы. Иначе о немъ повѣствуетъ старецъ Аврамій. Онъ тоже говоритъ, что первыми вступили въ битву съ гетманомъ полки Пожарскаго и отбили его; тоже говоритъ, что Трубецкой стоялъ за Москвою-рѣкою, но не поминаетъ, что стоялъ въ бездѣйствіи и не помогалъ Пожарскому; говоритъ, что въ другой приходъ гетмана наши были смяты и побѣжали, но не поминаетъ, что именно казаки ушли съ поля въ свои таборы. Это обстоятельство онъ объясняетъ такъ: казаки, выбитые изъ Климентовскаго острожка, увидя на немъ Литовскія знамена, и главное, много привезенныхъ запасовъ, зѣло умилились и прослезились о томъ, что числомъ ихъ мало. Однако возвратились, взяли острожекъ приступомъ, забрали и запасы и стали побивать и гнать Литву, удивляясь самимъ себѣ, что въ маломъ числѣ осиливаютъ враговъ. Но тутъ дьяволъ позавидовалъ, вложилъ имъ лукавую мысль: увидѣли они, что никто имъ не помогалъ, исполнились гнѣва и, возвращаясь въ свои таборы, стали укорять дворянъ, что богатятся они многими имѣніями; себя же называли нагими и голодными (только что отбивъ запасы!) и объявляли, что теперь въ битву съ врагами никогда больше не пойдутъ. Тогда непріятель, увидѣвъ, что казаки отступили, принялъ великое дерзновеніе, успѣлъ захватить мѣстность Ордынки и укрѣпился у церкви Екатерины. Обращать казаковъ на путь истины посланъ былъ, какъ мы говорили, старецъ Аврамій, который по этому случаю ставитъ свою личность въ весьма почетное положеніе, описывая, какъ его просили и молили со слезами о посольствѣ, какъ онъ, видя Пожарскаго и Минина со многими дворянами плачущихся, и самъ прослезился и отправился въ путь. Казакамъ онъ сказалъ льстивую рѣчь, что отъ нихъ началось доброе дѣло, что своею храбростью они прославились въдальнихъ государствахъ и т. д. Шествіе старца по казацкимъ станамъ было торжествомъ внезапнаго обращенія казаковъ къ истинному дѣлу; они тѣснили другъ друга, возвращаясь къ битвѣ съ врагами, переходя рѣку изъ за Яузы, гдѣ были расположены ихъ таборы. Старецъ пришелъ и въ эти таборы и что же нашелъ тамъ? „Обрѣте многое множество, иныхъ піющихъ, а иныхъ играющихъ зернью“ (вотъ отчего они были наги и голодны!). Старецъ пуще другихъ далъ имъ поученіе. Казаки поднялись, ударили въ набатъ и, кликнувши сказанный старцемъ ясакъ — лозунгъ во имя преп. Сергія — Сергіевъ! Сергіевъ! побѣжали всѣ къ бою. Старецъ, вопреки лѣтописцамъ, не поминаетъ, что въ это время онъ поднялъ казаковъ обѣщаніемъ многой монастырской казны. Приспѣли казаки къ обозу гетмана, жестоко напали на его войско, одни босые, другіе нагіе, только съ оружіемъ въ рукахъ, обозъ разорвали и запасы отняли. Приспѣли воеводы съ конными полками, и гетманъ побѣжалъ и сталъ на Воробьевой горѣ, а старецъ послѣ побѣды возвратился къ Пожарскому. И выходитъ, что побѣду велъ самъ старецъ, какъ бы предводительствуя казака

ми, которые одни все дѣло и порѣшили. О подвигѣ Минина онъ не говоритъ ни слова. Но лѣтописи такихъ дѣяній Аврамія не помнятъ, а иныя приписываютъ даже самое примиреніе казаковъ съ войскомъ Пожарскаго тому же Минину *).

Такъ описываетъ самъ себя старецъ Аврамій, умаляя для красоты своего портрета заслуги Пожарскаго и Минина, увеличивая для той же красоты заслуги казаковъ, заставляя вѣрить себѣ нашихъ историковъ, которые предпочитаютъ его беззастѣнчивый собственный панегирикъ правдивымъ сказаніямъ правдивыхъ лѣтописцевъ. Но будемъ продолжать. Казалось, въ виду такого славнаго и радостнаго дѣла, должна была смолкнуть всякая сердечная злоба, всякій раздоръ. Но корень Смуты не изчезалъ. Онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома и тотчасъ загорался болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ, какъ скоро находилъ себѣ случай и средство выказаться. Этотъ корень заключался въ самовластныхъ боярскихъ притязаніяхъ, во всякихъ притязаніяхъ великородства и владычества, какими была исполнена боярская среда съ низу и до верху. И вотъ, какъ только пріобрѣтенъ былъ успѣхъ надъ врагами и стало всѣмъ легче и свободнѣе, боярское великородство и владычество тотчасъ первыя заговорили о своихъ правахъ. Начальники между собою стали не въ совѣтѣ. Тушинскій бояринъ, Трубецкой сталъ величаться своимъ боярствомъ и потребовалъ отъ Нижегородской рати, отъ Пожарскаго и Минина и ото всѣхъ, чтобъ пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему ни кто не ѣхалъ, не для того, чтобъ не хотѣли ему честь воздавать, а боялись отъ казаковъ убійства.

Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него, какъ заступился было и врагъ Ляпунова, Ив. Ржевскій. Все это было у всѣхъ на глазахъ и въ крѣпкой памяти. Всею ратью порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ, почти на срединѣ между таборами и Нижегородскимъ станомъ. Здѣсь воеводы съ выборнымъ человѣкомъ Козмою установили одно правительство: перенесли сюда Разрядъ и другіе Приказы и всякія дѣла стали дѣлать за одно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить и свои грамоты писать тоже на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были посланы грамоты и особо, отъ всей рати, для увѣренія. Это происходило въ началѣ Октября или даже въ концѣ Сентября. Для Нижегородцевъ и для друзей Отечества это было тоже своего рода немалое завоеваніе и побѣда надъ врагомъ, ибо всякое соединеніе въ одну мысль объ истинномъ добрѣ и благѣ Отечества было исключительною задачею Нижегородскаго ополченія. Но прежде, чѣмъ такъ устроилось, боярская и боярствующая среда употребила свои завѣтныя попытки разстроить всякій союзъ въ подмосковной рати и поворотить дѣло на прежній путь. Видимо, что приверженцы Поляковъ и Владислава не теряли надежды на поворотъ дѣла въ его сторону до послѣдней минуты. Видимо, что Нижегородцы для нихъ были великою помѣхою, и они всѣ силы употребляли разсѣять это Ополченіе, въ которомъ преобладалъ исключительно духъ земства, посадскій, мужичій духъ, стоявшій крѣпко и прямо на правдѣ, раскрывавшій безъ ужимокъ всякую ложь и неправду, сводившій очень правильно земскіе счеты, кто что забралъ и чѣмъ завладѣлъ незаконно.

Мы упоминали, что Пожарскій въ Костромѣ спасъ отъ народной ярости воеводу Ивана Шереметева. Этотъ Ше-

*) П. С. Р. Л. V, 62.

реметевъ съ братомъ Васильемъ потомъ идутъ подъ Москву въ полкахъ же Пожарскаго. Но во-время они не пришли и не являлись въ Ополченіе до 5 Сентября. Въ этотъ день они пріѣхали и стали въ полкахъ кн. Трубецкаго, что конечно удивило Нижегородцевъ. „И учали Ив. Шереметевъ съ старыми заводчиками всякаго зла, съ княземъ Григорьемъ Шаховскимъ, Ив. Плещеевымъ, кн. Ив. Засѣкинымъ съ товарищами научать атамановъ и казаковъ на всякое зло, чтобъ развратье и ссору въ Землѣ учинить. И по Иванову Шереметева наученью, атаманы и казаки учинили въ полкахъ и по дорогамъ грабежи и убійства великія и собирались уже идти въ Ярославль и на Вологду и въ иные города, чтобъ ихъ засѣсть и православныхъ христіанъ разорять.“ Такъ объ этомъ 9-го Сентября писало Нижегородское ополченіе въ Вологду, предостерегая жить съ великимъ опасеніемъ. Оно за тѣмъ извѣщало, что „Шереметевъ съ кн. Шаховскимъ и товарищами научаютъ атамановъ и казаковъ, чтобъ у насъ начальника кн. Дмитрія Михаиловича убить, что и Прокопья Ляпунова убили (а Прокопій убитъ отъ Иванова жъ заводу Шереметева), а насъ бы всѣхъ ратныхъ людей перееграбить и отъ Москвы отогнать. А то у Ивана Шереметева съ товарищи, и у атамановъ и казаковъ, умышляютъ, чтобъ Литва въ Москвѣ сидѣла, а имъ бы по своему таборскому воровскому начинанію вся совершати и Государство раззоряти и православныхъ христіанъ побивати“. Опять мы можемъ спросить, зачѣмъ такъ надобенъ былъ всякимъ заводчикамъ Смуты этотъ дюжинный человѣкъ Пожарскій? Обнаруживается здѣсь также и то обстоятельство, что Шереметевы дѣйствовали такъ по науку отъ сидѣвшихъ въ Кремлѣ бояръ, ибо Ив. Шереметевъ по ихъ же грамотѣ дѣйствовалъ противъ Нижегородцевъ и въ Костромѣ. Обнаруживается вообще, что боярствующіе интересы въ большинствѣ ихъ представителей были противъ всякаго земскаго движенія, а Пожарскаго по справедливости почитали самымъ крѣпкимъ и сильнымъ органомъ этого движенія. Вотъ чего историки, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не понимаютъ.

Къ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и посланіе (Троицкое) къ двумъ князьямъ Дмитріямъ, Трубецкому и Пожарскому, о соединеніи и о любви. Пожарскій конечно очень хорошо зналъ цѣну всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и поученіямъ.

Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣтописцы описываютъ его поведеніе при сдачѣ Поляками Кремля. Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и для людей XVII вѣка вовсе не чужды были симпатіи къ поступкамъ человѣчнымъ, вполнѣ гуманнымъ, въ чемъ иные друзья Русской исторіи весьма сомнѣваются.

Кремлевскіе сидѣльцы въ осадѣ испытывали въ это время страшный, неизобразимый голодъ. Поляки, чтобы освободить себя отъ безполезныхъ ртовъ, стали мало по мало выпроваживать голодныхъ вонъ изъ Кремля. Такимъ образомъ дошла очередь до боярскихъ женъ и дѣтей. Великородные бояре, продававшіе постоянно Отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилья своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, кто бъ ихъ защитилъ отъ позора, сохранилъ, взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козмѣ. Здѣсь они надѣялись найдти добрыхъ людей. Пожарскій не только обѣщалъ исполнить ихъ просьбу, но во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честно* съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки за это хотѣли убить Нижегородскаго воеводу: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Скоро сдались и Поляки. Въ переговорахъ о сдачѣ они просили за себя и за бояръ-измѣнниковъ не погубить ихъ и ставили условіемъ, чтобъ приняли ихъ въ полки Пожарскаго, а къ Трубецкому отнюдь не хотѣли идти, боясь казаковъ. Дѣйствительно, и въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только завидѣли выходящихъ бояръ казаки, поднялись тоже всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли постоять за ожидаемую добычу. Едва-едва прошло безъ кровавой ссоры, и дѣло вѣроятно уладилось какими либо обѣщаніями. Казаки отошли въ свои таборы, и Пожарскій принялъ бояръ съ великимъ почетомъ. Изъ Поляковъ полкъ Струся взялъ Трубецкой. Козаки весь полкъ побили, такъ что немногіе остались. Другой полкъ Будиловъ взялъ кн. Пожарскій и разослалъ его по городамъ: ни единаго не убили и не ограбили.

23 Октября 1612 г. Кремль и вся Москва были очищены, по крайней мѣрѣ отъ явныхъ враговъ. Трубецкой по своему великородству сталъ въ Кремлѣ на царя-борисовскомъ дворѣ. Пожарскій не коснулся царскихъ палатъ и сталъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, поближе къ своимъ Нижегородцамъ. Казаки однако готовили эпилогъ своего *стоянья* подъ Москвою. Они безпрестанно стали просить у воеводъ жалованья, а того не помня (замѣчаетъ лѣтопись), что всю казну во многихъ городахъ выграбили; теперь же, едва и послѣдней казны у начальниковъ силою не отняли. Они пришли однажды въ Кремль толпою съ прямымъ намѣреніемъ побить начальниковъ и захватить казну. Но собрались дворяне и не дали совершить убійства: много вражды было, и едва безъ крови прошло.

(Окончаніе впредь.)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА VII (*).

Назначеніе Намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестацій.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе Намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы.—Борьба противъ нихъ Красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства.—Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

Въ тотъ-же самый день (28 Мая н. ст. 1861,) когда ген. Мерхелевичь назначенъ былъ главноуправляющимъ гражданскою частью въ Царствѣ Польскомъ (т. е. еще при жизни князя Горчакова) назначенъ и преемникъ послѣднему: военный министръ, Николай Онуфріевичь Сухозанетъ, въ званіи исправляющаго должность Намѣстника.

Теперь еще не время описывать подробно обстоятельства, при которыхъ послѣдовало это назначеніе. Довольно сказать, что оно было весьма временное. Тогда же высматривали на это мѣсто человѣка болѣе соотвѣтственныхъ лѣтъ, образованія и способностей. Такъ-какъ охотниковъ на шаткій тронъ Правителя Польши между самыми высшими лицами Имперіи было немного или, точнѣе сказать, не было вовсе, то слѣдовало искать слоемъ ниже: между молодыми генералами, въ извѣст-

(*) Первыя шесть главъ въ Р. Архивѣ 1870 и 1871 г.

ныхъ административныхъ условіяхъ, еще строившими свою карьеру, или какъ-нибудь забытыми.

Вниманіе Государя остановлено было на одномъ молодомъ генералѣ, жившемъ за границею, графѣ Карлѣ Карловичѣ Ламбертѣ.

Фамилія Ламбертовъ принадлежитъ къ старой Французской аристократіи. Дѣдъ нашего, Maréchal du Camp Людовика XVI, командовалъ національною гвардіею Парижа. Въ революцію (1790) онъ долженъ былъ эмигрировать. Дѣти его: Карлъ и Іосифъ попали въ Россію. Первый вступилъ въ военную службу и былъ однимъ изъ храбрыхъ генераловъ «вѣчной памяти двѣнадцатаго года». Умирая въ 1843 году, онъ оставилъ двоихъ сыновей *), тоже Іосифа и Карла. Оба они пошли по слѣдамъ отца: стали военными.

Графъ Карлъ былъ ловкій, умный, съ утонченными свѣтскими манерами офицеръ. Особенною практическою стороною его характера было то, что онъ умѣлъ всегда сохранять дружескія отношенія со своими школьными товарищами, изъ которыхъ иные стояли весьма высоко и могли такъ или иначе влiять на его служебную карьеру, которая поэтому устроилась довольно недурно.

Говорятъ, будто первоначальному возвышенію графа Карла нѣсколько способствовало слѣдующее обстоятельство.

На всѣхъ смотрахъ войскъ, за разными отдѣльными частями: ротою, эскадрономъ, батальономъ и полкомъ, слѣдуютъ обыкновенно, въ церемоніальномъ маршѣ и другихъ эволюціяхъ, унтеръ-офицеры и офицеры, всегда видный и бравый народъ,— въ кавалеріи на лучшихъ коняхъ, которые идутъ въ лансадахъ. Такъ по крайней мѣрѣ было въ то время. Это по военному называется: итти, или ѣхать *въ замкѣ*, т. е. замыкая извѣстную часть, колонну [1]. На одномъ изъ смотровъ гвардіи, такая доля «проѣхать въ замкѣ» своего полка (лейбъ-гвардіи коннаго) выпала однажды графу К. К. Ламберту. Онъ проѣхалъ какъ слѣдуетъ, и былъ вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству (что было тогда уже карьерой). Это случайное обстоятельство, въ соединеніи съ заслугами его отца, послужило къ возвышенію молодаго Ламберта; такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, будучи генералъ-майоромъ свиты Его Величества, графъ Ламбертъ получилъ въ командованіе полкъ, за которымъ такъ удачно проѣхалъ когда-то въ замкѣ. Полкъ этотъ стоялъ тогда въ мѣстечкѣ Мендзыржецъ Люблинской губерніи, — обстоятельство, имѣвшее долю значенія для будущей карьеры графа.

Въ 1856 году конно-гвардейцы были потребованы въ Москву, на время коронаціи Государя Императора. Командиръ ихъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а потомъ вскорѣ назначенъ генералъ-адъютантомъ и переведенъ въ Петербургъ. Годомъ позже ему поручили завѣдываніе дѣлами комисіи по упраздненію южныхъ военныхъ поселеній, по окон-

*) Отъ брака съ дочерью Суворовскаго генерала Дѣева, съ отличною храбростью дѣйствовавшаго въ Польшѣ. *П. Б.*

[1]) Построеніе временъ Фридриха II. Тогда люди, слѣдовавшіе въ замкѣ извѣстныхъ частей арміи, имѣли назначеніе строго наблюдать за порядкомъ въ каждой части и были, сверхъ оружія, снабжены палками, которыя, при случаѣ, и употребляли въ дѣло.

чаніи занятій которой графъ вернулся опять въ сѣверную столицу.

Неловкое паденіе съ дрожекъ на Большой Миліонной, въ 1860 году, заставило графа Карла отправиться за границу для поправленія своего здоровья. Онъ жилъ въ Парижѣ и слѣдилъ не безъ любопытства за безпорядками въ краѣ, нѣсколько ему знакомомъ. Конечно, ему и во снѣ не снилось, что онъ вскорѣ будетъ призванъ укрощать эти безпорядки, какъ главный начальникъ. Ему не снилось—его поискала судьба.

Одинъ изъ школьныхъ друзей графа, стоявшій въ то время очень высоко, вспомнилъ о старомъ товарищѣ, когда стали перебирать имена генераловъ, болѣе или менѣе способныхъ занять почти упразднившееся мѣсто Правителя Польши. Молодость, умъ, происхожденіе, чрезвычайная мягкость и изящество пріемовъ, наконецъ—нѣкоторое знаніе Польши, были выставлены на видъ передъ Государемъ. Даже взято во вниманіе католическое вѣроисповѣданіе графа: въ этомъ усматривали путь къ лучшему сближенію съ духовенствомъ,—значительной силой, чрезъ которую можно дѣйствовать на массы.

Время летѣло необыкновенно-быстро, событія смѣнялись событіями; изъ-за Польскихъ, маскерадныхъ, дѣтскихъ орловъ выглядывали уже другіе орлы, совсѣмъ не дѣтскіе и не маскерадные; долго останавливаться надъ рѣшеніемъ столь важнаго вопроса, какъ назначеніе Намѣстника въ Польшу, было нельзя. Лучше и соотвѣтственнѣе Ламберта на этотъ постъ, по высшимъ взглядамъ, на ту пору никого не было: его вызвали изъ Парижа какъ-бы на мѣсто генералъ-губернатора Варшавы; но въ сущности, какъ думаютъ многіе, онъ былъ уже тогда Намѣстникъ; только это хранилось въ глубокой тайнѣ.

По особенной игрѣ случая, графъ Ламбертъ прибылъ изъ Парижа въ Варшаву (на пути въ Петербургъ) въ тотъ самый день (1 Іюня н. ст.), когда прибылъ туда исправляющій должность Намѣстника, военный министръ Сухозанетъ. Судьбѣ, роковымъ силамъ исторіи, угодно было, чтобы временный Намѣстникъ сейчасъ же увидѣлъ въ Варшавѣ лицо, которымъ хотѣли его замѣнить. Его временность, непродолжительность почувствовались ему еще ярче и рѣзче, что заставило его болѣе обдумывать каждый шагъ, быть чрезъ мѣру осторожнымъ и уступчивымъ, дабы не оставить за короткое время своего управленія дурной памяти въ краѣ, тяжелыхъ,—сохрани Господи,—кровавыхъ слѣдовъ.

Между тѣмъ Ламбертъ, въ краткое свое пребываніе въ Варшавѣ (гдѣ прожилъ только пять дней) старался, на сколько позволили обстоятельства, собрать поболѣе всякихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, причемъ успѣлъ показать коекому изъ высшихъ лицъ телеграмму, которою былъ вызванъ на мѣсто генералъ-губернатора; поклонился праху князя Горчакова, стоявшему въ церкви Лазенковскаго дворца, и тутъ же самъ принялъ два-три поклона неопредѣленнаго свойства (особенно низко поклонился, говорятъ, хитрый Армянинъ Бебутовъ); наконецъ, испросивши себѣ телеграфической депешей позволеніе у Государя Императора, находившагося тогда въ Москвѣ, пріѣхать прямо туда,—уѣхалъ.

Съ этой минуты онъ дѣйствуетъ уже сколько черезъ друзей, столько-же, или еще и болѣе, самъ, пустивъ въ ходъ всѣ свои дипломитическо-слу-

жебныя способности, всю свѣтскую ловкость, такъ что нѣкоторые говорили послѣ, можетъ быть и несправедливо, что онъ «сдѣлалъ себя Намѣстникомъ самъ», сообразивъ хорошо положеніе вещей.

*

Сухозанетъ сталъ править Польшей, смотря постоянно на двери, въ которыя долженъ былъ войти его прочный преемникъ. Вѣроятно по этому онъ избѣгалъ подписи: исправляющій должность Намѣстника, и подписывался постоянно, попрежнему: военный министръ; иногда присоединялъ къ этому: временно-главнокомандующій 1-ю арміею.

Онъ началъ съ того, что приказалъ убрать со всѣхъ площадей палатки и увесть войска въ казармы.

Это уничтожило послѣднія опасенія жителей, что военное положеніе близко и дало возможность красной партіи помышлять о возобновленіи безпорядковъ.

Еще до пріѣзда новаго Намѣстника, въ день смерти князя Горчакова, совпавшій съ первымъ днемъ праздника Пречистаго Тѣла Господня (Bożego Ciała), лобузерія, подъ предводительствомъ Козубскихъ и Снѣгоцкихъ, произвела смятеніе въ процессіи, шедшей изъ Свентоянскаго костела на Старое Мѣсто, къ алтарямъ, какіе обыкновенно строятся при этомъ на разныхъ пунктахъ. Смятеніе было такъ велико, что многія духовныя лица и самъ архіепископъ были сбиты съ ногъ. Находившійся недалеко оберъ-полицеймейстеръ предложилъ, для возстановленія порядка, воздвигнуть монстранцію (золотой сосудъ въ лучахъ, заключающій въ себѣ Святые Дары). Это было исполнено, всѣ пали на колѣни, воцарилась тишина, и шествіе могло потомъ направиться далѣе.

То былъ частный безпорядокъ, шалость манифестаторовъ низшаго разряда. Высшіе красные чины сидѣли тогда спокойно. Уборка съ площадей войскъ подняла на ноги и ихъ. Вся красная партія цѣликомъ, отъ мала до велика въ повстансквой іерархіи, стала по прежнему думать только о манифестаціяхъ, ища повода, къ чему-бы придраться, чтобъ ихъ возобновить.

Поводъ найти было не трудно: почти въ одинъ день съ Горчаковымъ (29 Мая н. ст.) умеръ въ Парижѣ старый вождь демократической партіи Польскихъ эмигрантовъ, историкъ Іоахимъ Лелевель, имя котораго извѣстно каждому Поляку и Полькѣ съ малыхъ лѣтъ. 1 Іюня н. ст. происходили въ Парижѣ его торжественныя похороны; потомъ вѣсть объ этомъ принеслась въ Варшаву: Варшава принялась туже минуту обдумывать рядъ манифестаціонныхъ панихидъ.

Первая панихида, въ видѣ balon d'essai, была отслужена 7 Іюня н. ст. въ костелѣ реформатовъ, безъ всякой пышности и безъ особенныхъ рѣчей.

Вторую, настоящую, панихиду городъ намѣревался отслужить на другой день, 8 Іюня, у Святаго Креста; но, узнавъ, что въ этотъ день будетъ вывозъ тѣла князя Горчакова, отложилъ ее на 10 Іюня н. ст.

А 8 Іюня отслужена все-таки панихида Евреями, въ главной ихъ Синагогѣ, на Даниловичевской улицѣ, съ участіемъ многихъ Поляковъ. Извѣстный Еврейскій проповѣдникъ Ястровъ сказалъ рѣчь на Польскомъ языкѣ, въ которой коснулся без-

смертныхъ заслугъ покойнаго историка, какъ ученаго мужа и вождя партіи на чужбинѣ, уподобивъ его Моисею въ Египтѣ и поставивъ въ примѣръ твердости и терпѣнія. Настоящее время проповѣдникъ называлъ *мракомъ*, послѣ коего должна возблистать *заря*.

За тѣмъ всѣ стали готовиться къ торжественной, отъ всего города, панихидѣ. Была собрана значительная сумма, при чемъ даже ученики гимназіи давали по два злота съ человѣка. Мѣста̀ на хорахъ (у Св. Креста) были распроданы аристократическимъ фамиліямъ по 10 рублей за каждое.

Когда началась панихида, передъ катафалкомъ явился бюстъ Лелевеля, который, среди богослуженія, увѣнчали вѣнкомъ безсмертія профессора М. Х. Академіи Яниковскій и Пражмовскій. Разныя дамы собирали квесту на «дѣло отчизны.» Собрано, какъ говорятъ, около 30 тысячъ злотыхъ.

Въ тотъ-же день отслужена панихида по Лелевелѣ въ Доминиканскомъ костелѣ артелью рабочихъ съ желѣзнаго завода Эванса, которые собрали на это, между собою, 45 рублей [2]). Наконецъ, тогда-же отслужена панихида у Капуциновъ, на Медовой улицѣ, съ участіемъ епископа Декерта. Въ числѣ присутствовавшихъ на этой панихидѣ замѣченъ былъ народомъ 80-лѣтній старецъ Горлинскій, помѣщикъ изъ Плоцка, пріѣхавшій посмотрѣть, что̀ такое творится въ Варшавѣ. Онъ былъ одѣтъ въ жупанъ и кунтушъ, въ рукахъ имѣлъ бѣлую Костюшковскую конфедератку. Артисты минифестацій, по окончаніи панихиды, вывели старца подъ руки и послѣ водили долго по Саксонскому саду, въ сопрожденіи огромной толпы зѣвакъ.

На всѣхъ перечисленныхъ панихидахъ раздавались народу цинкографированные листы съ краткимъ описаніемъ жизни Лелевеля, гдѣ выставлены были всѣ его заслуги отечеству и свободѣ, а въ заключеніе сказано: «Тѣло его покрыла чужая земля, но духъ его живетъ и будетъ жить посреди соотчичей, которые, сливаясь между собою общею любовью къ отчизнѣ, трудами, стремленіемъ къ единенію, братскими чувствами, словомъ и доблестями, какими озарялся каждый шагъ въ жизни Іоахима, воздадутъ высшую почесть безсмертнымъ его заслугамъ. А презрѣніе излишествъ и простота жизни, какими покойный отличался, да будутъ внѣшнимъ зна̀комъ принятія его правилъ, кои въ сердцахъ Поляковъ освѣжитъ сегоднишній печальный обрядъ.»

17 Іюня н. ст. отслужены панихиды по Лелевелю въ трехъ Еврейкихъ синагогахъ вдругъ: на Даниловической улицѣ, въ Наливкахъ и на Прагѣ. Въ Наливкахъ сказана похвальная рѣчь покойному и пропѣтъ 79-й псаломъ Давида: «Пасый Израиля, вонми... Воздвигни силу Твою и пріиди, во еже спасти насъ. Боже, обрати ны и просвѣти лице Твое, и спасемся! Господи и Боже силъ, доколѣ гнѣваешися на молитву рабъ Твоихъ? Напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ и напоиши насъ слезами въ мѣру. Положилъ еси насъ въ прерѣканіе сосѣдомъ нашимъ, и врази наши подразниша ны. Господи, Боже силъ, обрати ны, просвѣти лице Твое, и спасемся!»

Слова: «Напитаеши насъ хлѣбомъ слезнымъ» и, въ особенности, троекратное (въ полномъ текстѣ псалма)

[2]) Официіальныя свѣдѣнія.

воззваніе къ Богу: «Господи, Боже силъ, обрати ны и просвѣти лице Твое, и спасемся!» производили необыкновенное, потрясающее впечатлѣніе. Иные плакали навзрыдъ [3]).

Кромѣ того, въ тѣже самые дни, устроивались патріотическія молебствія у разныхъ статуй: на Сенаторской, передъ реформатскою церковью, гдѣ статуя Богоматери; на углу улицъ Узкаго и Широкаго Дуная, гдѣ статуя Св. Іоанна; на Краковскомъ предмѣстьѣ, у дома Мальча, гдѣ также статуя Богоматери, и въ другихъ пунктахъ.

Вездѣ пѣлись безпрепятственно: Bože coś Polskę; z dymem pożarów и прочіе того времени гимны, которые вскорѣ затѣмъ были отпечатаны и продавались на улицахъ открыто.

Явился даже, въ подражаніе Bože coś Polskę, подобный гимнъ якобы отъ Русскихъ, подъ названіемъ: Modlitwa Moskali, смыслъ котораго состоялъ въ томъ, что «въ то время, когда Поляки вознесены къ славѣ и просвѣщенію, Русскіе остались во тьмѣ невѣжества.» Поэтому, заключительное двустишіе каждой строфы взывало: «о, просвѣти насъ, Господи!»

Къ продажѣ тетрадей съ гимнами вскорѣ присоединилась продажа картинокъ, дѣйствующихъ на воображеніе народа, напр. «Дружкари, выпрягающіе коней изъ дружекъ, чтобы запрячь ихъ подъ пушку» или: «Св. Іосафатъ, зарубленный Москалями.» [4]).

Сначала мальчики, пущенные по улицамъ съ этими картинками, навязывали ихъ только однимъ статскимъ, но потомъ стали приставать и къ военнымъ: «może pan półkownik pozwoli świętego Józafata, zarąbanego Moskalami... albo Dorożkarze, wyprzęgające koni?»...

И многіе у нихъ покупали, не замѣчая, что служатъ такимъ образомъ повстанской пропагандѣ.

Болѣе всего были тогда въ ходу мелкія манифестаціи: кошачьи концерты и битье стеколъ въ домахъ нѣкоторыхъ лицъ. Дошло до того, что явился даже директоръ, иначе сказать, капельмейстеръ кошачьихъ концертовъ, который брался за извѣстную плату устроить кошачью музыку гдѣ и кому угодно. Концертъ съ выбитіемъ стеколъ стоилъ 15 рублей, безъ выбитія — 10. Иногда обстоятельства требовали уступки; равно были случаи, когда концертъ и выбитіе устроивались безплатно, по распоряженію тайныхъ властей.

Послѣ разсказывали, что директоръ кошачьихъ концертовъ снялъ съ себя фотографическую карточку, совсѣми своими аттрибутами, дабы его легче было отыскать, и чрезъ это попалъ въ Цитадель [5]).

Въ садахъ Саксонскомъ и Красинскомъ и на большихъ дворахъ иныхъ домовъ устраивались игры въ Польскаго и Русскаго короля, причемъ дружины послѣдняго непремѣнно побивались, и самому королю приходилось плохо. На него бросалась подчасъ и собственная его дружина.

[3]) Офиціальные источники.

[4]) Іосафатъ Кунцевичъ, Витебскій епископъ, убитый мѣщанами Витебска 12 Ноября ст. ст. 1623 года за то, что всякими непозволительными мѣрами заставлялъ народъ принимать унію. Поляки возвели его въ мученики за истинную вѣру.

[5]) Свѣдѣнія отъ одного генерала, жившаго тогда въ Варшавѣ. Но кажется этотъ разсказъ (о карточкѣ) надо отнести къ миѳическимъ легендамъ. Авторъ, пользовавшійся довольно полнымъ собраніемъ тогдашнихъ карточекъ и рисунковъ, ничего подобнаго не видалъ. Въ дѣлѣ А. А. № 4, приводится имя директора, но подъ сомнѣніемъ.

Такія игры служили въ публичныхъ садахъ предметомъ развлеченія для всей гуляющей публики. Побиваемаго короля выручали только въ крайнемъ случаѣ; но если онъ не подвергался опасности быть избитымъ до полусмерти, или вовсе убитымъ, зрители только хохотали, а иной разъ и апплодировали воинамъ своего.

Какъ-то однажды, въ Саксонскомъ саду, въ такую игру вмѣшался полиціантъ и сталъ разгонять ребятишекъ: на него сейчасъ накинулись старшіе, и онъ принужденъ былъ удалиться, подъ гуломъ свистковъ.

Въ уединенномъ и никѣмъ ненаблюдаемомъ саду Казиміровскаго палаца (гдѣ нынѣ Университетъ) разная городская молодежъ обучалась фехтованью на палкахъ. Потомъ основаны настоящія фехтовальныя залы въ нѣкоторыхъ домахъ, куда не заглядывала полиція, по уваженію къ особѣ хозяина. У студента Фохта обучались его пріятели ружейнымъ пріемамъ.

Въ концѣ Іюня, по новому стилю, показались въ Варшавѣ печатные плакаты: *„Воззваніе къ помѣщикамъ“*, которыхъ тайныя власти приглашали «устроить бытъ крестьянъ, не дожидаясь распоряженія правительства, отложившаго дѣйствительное освобожденіе до 1 Октября».

Другой плакатъ назывался: *„Посланіе ко всѣмъ Полякамъ на землѣ Польской“*, гдѣ исчислялись претерпѣнныя Поляками угнетенія отъ правительствъ: Русскаго, Прусскаго и Австрійскаго, подавалась надежда на скорое освобожденіе, а подъ-конецъ рекомендовалась всевозможная бережливость и умѣренность въ жизни.

Тогда же, въ разныхъ галантерейныхъ магазинахъ, появились въ продажѣ образки, съ начертаніемъ изломаннаго креста и съ надписью *27 Февраля* и *8 Апрѣля.* Уличные ребятишки, продававшіе гимны и картинки, стали скоро продавать и эти образки, по улицамъ и въ Саксонскомъ саду.

Словомъ, революціонное дѣло пошло на всѣхъ парусахъ по прежней своей дорогѣ, и никто этому не мѣшалъ. Если иногда полиція, патруль или разъѣздъ дѣлали какое-нибудь распоряженіе въ пользу порядка, тутъ-же являлся приказъ или замѣчаніе высшей власти края, парализовавшіе такое распоряженіе и сбивавшіе всѣхъ съ толку. На бумагѣ было одно, на дѣлѣ другое. Когда, напр., на основаніи безпрестанно-повторяемыхъ печатныхъ приказаній: «преслѣдовать всякіе политическіе знаки, какого-бы то ни было роду» [6]), взятъ былъ подъ стражу разсыльный 3-й части исполнительной полиціи Маркелъ Ольшинскій, за ношеніе на галстукѣ булавки съ Польскимъ орломъ, намѣстникъ, въ представленномъ ему спискѣ арестованныхъ, написалъ собственноручно, противъ имени Ольшинскаго, для руководства и соображеній на будущее время, слѣдующее: «Строжайше запрещаю подобныя произвольныя выходки, не имѣющія никакой цѣли, а только справедливо навлекающія ропотъ и порицаніе дѣйствій правительства, нисколько въ этомъ не причастнаго.»

---

[6]) Варшавская Полицейская Газета 1861, №№ 97 и 100. Тоже перепечатывалось поминутно и въ другихъ газетахъ и наклеивалось въ особыхъ объявленіяхъ по стѣнамъ домовъ.

Легко понять, какъ такую собственноручную замѣтку высшей власти принималъ потомъ къ руководству и соображеніямъ иной поручикъ, шедшій съ патрулемъ по улицамъ.

И безъ того для патрулей и разъѣздовъ существовало множество сбивчивыхъ правилъ, одно другому противорѣчившихъ; требовалась такая точность донесеній обо всякомъ незначительномъ происшествіи, обо всякомъ распоряженіи начальниковъ частей, что весьма немногіе изъ нихъ рѣшались заводить дѣло съ уличными шалунами, чтобъ не быть какъ-нибудь потомъ въ отвѣтѣ за неисполненіе того или другаго пунктика.

Достаточно привести одинъ фактъ того времени, чтобы показать, какихъ хлопотъ стоилъ иногда патрулю самый ничтожный случай, сколько переспрашивалось объ этомъ народу, сколько бумаги исписывалось; не говоримъ уже о томъ, сколько могло выходить изъ всего этого соблазнительныхъ сценъ и праздныхъ толковъ въ массѣ. Въ роту Симбирскаго полка, шедшую патрулемъ въ одинъ Іюньскій вечеръ по Медовой улицѣ, мимо Капуцинскаго монастыря, былъ пущенъ изъ калитки этого монастыря камень [7]). Боясь быть неточнымъ въ описаніи этого происшествія, маіоръ Фёлькнеръ, командовавшій ротой, въ рапортѣ своемъ начальнику 1-го городскаго отдѣла, такъ изобразилъ полетъ камня: «Камень пролетѣлъ позади меня, около подпоручика Шахъ-Назарова и вдоль 1-й шеренги 1-го отдѣленія 2-го полувзвода означенной роты и ударился въ двери дома, находящагося на противуположной сторонѣ улицы». Затѣмъ прилагался длинный списокъ чинамъ 8-й роты Симбирскаго полка, мимо которыхъ пролетѣлъ камень [8]).

Болѣе всего военные возмущались приказомъ, отданнымъ по войскамъ 21 Іюня ст. ст., гдѣ, «въ крайнемъ случаѣ» разрѣшалось «стрѣлять», но въ концѣ сказано, что «если во время слѣдованія караула, команды или патруля по улицамъ, изъ какого-либо дома будутъ сдѣланы выстрѣлы или брошены камни, то не отвѣчать пальбой, а только замѣтить домъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ». Военные спрашивали: «какого-жъ еще нужно крайняго случая, если выстрѣлы по войскамъ не крайній случай, который бы могъ разрѣшить крайнія мѣры?»

Этотъ приказъ собственно не былъ новостію: онъ явился въ первый разъ еще при князѣ Горчаковѣ, 21 Марта ст. ст. 1861, но тогда не былъ замѣченъ и не вызвалъ особеннаго ропоту, можетъ быть потому, что тогда вдругъ послѣдовало множество разительныхъ распоряженій, и никто не зналъ что̀ изъ этого выйдетъ. Теперь-же, когда стало ясно, что дальнѣйшее продолженіе уступокъ и противурѣчивыя дѣйствія правительства только запутываютъ наши дѣла̀ въ Польшѣ и вызываютъ новыя затрудненія; когда военные получали поминутно выговоры неизвѣстно за что, когда въ войскахъ вообще былъ ропотъ: этотъ приказъ возбудилъ чрезвычайный шумъ и толки, которые

---

[7]) Та самая, подлѣ которой изображенъ слѣва на стѣнѣ большой крестъ барельефомъ. — „Капуцинскій", собственно: „по-Капуцинской". То-же самое надо разумѣть и о другихъ монастыряхъ: Бернардинскій, Паулинскій — по-Бернардинскій, по-Паулинскій и т. д.

[8]) Дѣла начальника 1-го военнаго отдѣла города Варшавы съ 21 Марта по 13 Августа 1861.

можно было слышать нѣсколько лѣтъ сряду. Еще въ 1863 году и позже иные военные повторяли, какъ о чемъ-то невѣроятномъ, о приказѣ 21 Іюня и сочиненіе его приписывали Сухозанету, а не Горчакову.

Что́ касается тогдашнихъ арестовъ, случавшихся нерѣдко, — съ этой стороны происходила болѣе хаоса и путаницы нежели гдѣ нибудь: одинъ начальникъ арестовывалъ, другой освобождалъ или ходатайствовалъ объ освобожденіи у Намѣстника; а потому иное лицо, три раза на недѣлѣ попавши подъ арестъ, три раза отъ него освобождалось разными хитростями, и въ результатѣ выходило то, что ареста рѣшительно никто не боялся [9]). Кромѣ того и самый присмотръ за арестантами былъ таковъ, что они могли переписываться изъ казематовъ съ городомъ.

Манифестаціи пошли конечно отъ этого дальше и шире. Люди, недавно умѣренные и спокойные, стали въ ряды буйныхъ шалуновъ. Почтенные старики обратились опять въ мальчиковъ.

15 Іюля н. ст. умеръ въ Парижѣ другой столпъ Польской эмиграціи, другой свидѣтель и участникъ революціи 1830 года, — re in petto, князь Адамъ Черторыйскій. Похороны его въ Парижѣ отличались конечно еще большею торжественностью, чѣмъ похороны другаго, демократическаго полюса эмиграціи, Лелевеля. Тамъ не доставало аристократической пышности и блеску; здѣсь было этого довольно. Даже, говорятъ, за гробомъ, покрытымъ королевскою мантіею, несли корону.

Само собою разумѣется, въ Варшавѣ назначенъ рядъ панихидъ.

На этотъ разъ не было никакихъ balons d'essai: прямо огласили во всѣхъ газетахъ торжественную панихиду на 22 Іюля н. ст., въ соборѣ св. Яна. Ее служилъ самъ архіепископъ. Участіе бѣлой партіи придало обстановкѣ богослуженія особенный эффектъ. Масса молившихся за упокой души человѣка, который, не смотря на разныя ошибки (въ Польскомъ смыслѣ) все таки поработалъ, на свой пай, для интересовъ отечества и былъ вообще замѣчательнымъ человѣкомъ блестящей Наполеоновско-александровской эпохи, который унесъ на челѣ своемъ отраженіе какихъ-то особыхъ лучей, при звукѣ имени котораго столько шевелилось, припоминалось, вставало въ каждой Польской душѣ: масса молившихся за такого человѣка могла конечно настроиться вполнѣ патріотически. У многихъ полились слезы. Всѣ были искренно убѣждены, что хоронятъ, если не короля, такъ что-то такое, чего... не будетъ! Самъ архіепископъ, личный свидѣтель того, что̀ припоминалось иными, заливаясь слезами, не почувствовалъ, какъ изъ устъ его вылетѣло и понеслось къ небу: Boże coś Polskę... Храмъ дрогнулъ; всѣ пали на колѣни и запѣли дальше: otaczał blaskiem potęgi i chwały [10]), и громомъ небеснымъ разлеглись подъ темными вѣковыми сводами заключительныя слова строфы: Przed Twe ołtarze zanosim błaganie: Ojczyznę, Wolność racz nam wrócić, Panie [11])!

По окончанію службы все было такъ настроено, что когда архіепи-

[9]) Авейде, II, 89, 90. 93.

[10]) „Окружалъ блескомъ могущества и славы.„

[11]) „Передъ Твои алтари возносимъ моленіе: отчизну, свободу благоволи возвратить намъ, Господи!“

скопъ сѣлъ въ экипажъ, кучи народу бросились, выпрягли лошадей и довезли его на своихъ плечахъ до дому.

За тѣмъ бурная волна панихидъ за Чарторыскаго хлынула съ такою силою, что и снисходительнѣйшій изъ правителей Польши нашелъ нужнымъ ихъ остановить.

Манифестаціи и всякаго рода враждебныя заявленія противъ правительства отъ этого, разумѣется, ничуть не прекратились.

Въ газети Times усмотрѣна была, близь этого времени, статья, возбудившая въ Полякахъ разныя надежды [12]). Варшавскіе агитаторы собрали сейчасъ толпу народа передъ домомъ Англійскаго консула, котораго вызвали и подали ему такой адресъ:

«Я, мать, облитая мученическою кровью моихъ дѣтей, вдова въ траурномъ одѣяніи, невольница съ оковами на рукахъ; я, живьемъ зарытая въ могилу, посылаю тебѣ, народъ Англійскій, слово благодарности. Рѣчь депутата твоего въ Парламентѣ, голосъ кипящихъ дѣятельностью городовъ твоихъ, срываетъ печати съ гроба, въ который насиліе и равнодушіе ввергли Польшу. Кровь моя и слезы мои вопіютъ къ Богу, и Онъ отвѣчаетъ мнѣ устами твоего народа. Честь ему и благодарность тебѣ, Англія! Всѣмъ чтò осталось во мнѣ живаго и безсмертнаго, послѣ долгаго мученичества, благословляю твоихъ старцевъ, мужей, сыновъ и дщерей на вѣчную свободу и счастіе! Да предстательствуютъ за тебя присно и во вѣки предъ Богомъ твои святые патроны, подобно тому, какъ ты, досточтимая и благоденствующая Англія, предстательствуешь нынѣ за отринутую, растерзанную, распятую Польшу!»

Англійскій консулъ отправилъ этотъ адресъ въ Лондонъ, со множествомъ визитныхъ карточекъ отъ Варшавскихъ Поляковъ разнаго званія. Заказы на карточки были такъ велики, что литографы едва справились [13]).

Весь воздухъ наполнился повстанскимъ электричествомъ; нетерпѣливымъ казалось, что возстаніе уже очень недалеко. Эмиссары Мирославкаго, появившіеся вдругъ въ значительномъ числѣ для снятія на планъ кое-какихъ мѣстностей Царства Польскаго, усиливали между кружками всякихъ оттѣнковъ вредные для самихъ-же Поляковъ толки. Поэтому партія опытныхъ руководителей массы, такъ-называемыхъ Сибирáковъ (Sybirakòw) т. е. вернувшихся изъ Сибири по манифесту о политическихъ преступникахъ, затѣяла издавать газету, дабы, сколь возможно, дѣйствовать на умы и остерегать неосторожныхъ.

6 Августа н. ст. вышелъ 1-й номеръ этой первой подпольной газеты послѣдняго возстанія, носившей имя Стражнúца (Strażnica), чтò значитъ наблюдательный пунктъ, сторожевая башня. Это былъ не-

---

[12]) Въ этой статьѣ находились между прочимъ такія строки: „Намъ нужно всѣми руками взяться за работу, чтобы окончить засѣданія (въ Нижнемъ Парламентѣ), а мы тутъ вынимаемъ изъ кармановъ платки и давай хныкать надъ судьбами Польши. Неужели больше нечего дѣлать? Мы, великая нація, государство перваго разряда, выдаемъ ежегодно 15 милліоновъ фунтовъ на сухопутное войско и столько-же на флотъ, а для Польши не хотимъ палецъ о палецъ ударить. Отчего бы Англіи не предпринять ради ея крестоваго похода?... По совѣту одного изъ покойныхъ государственныхъ мужей, послать-бы намъ флотъ подъ Варшаву, а еслибы это оказалось неудобнымъ, то и подъ Петербургъ.“

[13]) Дѣло Л. В. № 1. стр. 190—191.

большой листокъ бумаги, съ текстомъ на одной только сторонѣ, напечатаннымъ очень плохо, по всѣмъ вѣроятностямъ, ручнымъ станкомъ [14]). Листокъ этотъ приглашалъ всѣхъ Поляковъ «быть готовыми каждую минуту, но выжидать спокойно и терпѣливо».

Всѣ бросились читать эту ничтожнѣйшую изъ газетъ, но ея совѣты не привели ровно ни къ чему: нетерпѣніе и несбыточныя надежды красныхъ и некрасныхъ нисколько не ослабѣли. Манифестаторы продолжали свое дѣло съ тою-же дѣтскою неосторожностію.

8 Августа н. ст. (черезъ два дни по выходѣ Стражницы) въ день рожденія Государыни Императрицы, устроена въ соборѣ Св. Яна такая манифестація, которая превзошла своею дерзостію и неприличіемъ все, что̀ дѣлалось въ томъ-же духѣ до этого времени.

Началось съ того, что архіепископъ Фіалковскій, не задолго передъ тѣмъ отслужившій съ такимъ пафосомъ панихиду по своемъ фантастическомъ королѣ, на этотъ разъ присутствовалъ въ храмѣ, какъ частный зритель. Богослуженіе совершено прелатомъ Бялобржескимъ. Изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ прибыло только восьмеро: предсѣдатель комиссіи финансовъ Ласскій, вицепрезидентъ Банка Шеміотъ и шестеро мелкихъ. Лишь только было возглашено: «За здравіе и благоденствіе Императорской Фамиліи» и органъ заигралъ: «Боже Царя храни!» какъ человѣкъ пятьдесятъ различной молодежи подошли къ рѣшеткѣ главнаго алтаря и запѣли, „Boże coś Polskę“. Весь народъ, бывшій въ костелѣ, подхватилъ это и заглушилъ своимъ пѣніемъ органъ и клиръ. Вечеромъ того дня уличные мальчишки гасили иллюминацію и били стекла въ домахъ. Между прочимъ разбиты стекла у генераловъ Шепелева и Кузьмина, на Медовой улицѣ.

Никакого преслѣдованія этихъ безпорядковъ не было.

За тѣмъ, приближающаяся годовщина Польско-Литовской Уніи дала мысль агитаторамъ устроить манифестацію на границѣ обѣихъ земель, Литвы и Польши, что̀ должно было показать степень взаимнаго ихъ сочувствія другъ другу и степень развитія организаціи.

Красные и бѣлые (собственно, живая, энергическая часть бѣлыхъ, кою Авейде называетъ молодою шляхтою) дѣйствовали тогда въ иныхъ случаяхъ заодно. Задержки реформъ, отчасти даже фактическое устраненіе Велепольскаго отъ дѣлъ (хотя онъ и носилъ всѣ прежніе титулы) благопріятствовали сближенію противуположныхъ стихій въ массѣ. Манифестація въ память Уніи Литвы и Польши была обдумана главами разныхъ кружковъ въ Варшавѣ, и выбранъ пунктъ для торжества не очень наблюдаемый: именно мостъ на Нѣманѣ противъ посада Алексоты, Марьямпольскаго уѣзда Августовской губерніи, у города Ковна, гдѣ населеніе обоихъ береговъ безъ того поминутно братается другъ съ другомъ. Сочиненный въ Варшавѣ планъ переданъ для пополненія разными подробностями помѣщикамъ Августовской и Ковенской губерній. Онъ со-

[14]) Авейде говоритъ, что печатаніе первыхъ плакатовъ и газетъ представляло для нихъ неимовѣрныя затрудненія. Станки сначала выписывались изъ-за границы, но потомъ ихъ стали дѣлать въ Варшавѣ. Когда Народное Правительство вошло въ силу, печатаніе газетъ и прочаго производилось въ обыкновенныхъ типографіяхъ.

стоялъ въ томъ, чтобы двинуть, въ день годовщины Уніи, двѣ духовныя процессіи вдругъ: одну изъ посада Алексоты, а другую изъ города Ковна, такимъ образомъ, чтобы онѣ сошлись на мосту и слѣдовали вмѣстѣ въ село Голдево (въ Царствѣ Польскомъ, недалеко отъ Алексоты), гдѣ долженъ быть составленъ актъ въ память этого событія и произойти соотвѣтственное братское пиршество.

Для Варшавы и другихъ городовъ придуманы свои мѣстныя торжества на этотъ день. Между тѣмъ пущенъ повсюду такой печатный плакатъ:

«Братья земляки! 12 Августа 1569 года король Сигизмундъ-Августъ торжественно закрылъ сеймъ Уніи въ Люблинѣ, и это окончательное соединеніе Литвы съ Польшею заключилъ свободною рѣчью, въ которой завѣщалъ обоимъ народамъ вѣковѣчную братскую любовь. А потому, братья земляки, почтимъ празднествомъ сей день, ознаменованный соединеніемъ нашихъ предковъ: соберемся въ костелы и вознесемъ сообща горячія молитвы къ Богу, дабы Онъ слилъ попрежнему въ одно цѣлое нашъ народъ, разорванный на части и связалъ нераздѣльно наши души. 12 Августа сего 1861 года докажемъ публично, вмѣстѣ съ капланами, что мы братья одной и той-же семьи Бѣлаго Орла и Всадника. Празднество этого единенія народовъ должно быть торжественно-спокойно и обнимать собою все пространство стародавней Польши. Трауръ на сей день снимается».

Такъ-какъ правительство нигдѣ не принимало рѣшительныхъ мѣръ къ воспрепятствованію всѣмъ этимъ затѣямъ, то празднества въ годовщину Уніи вездѣ удались. Въ Варшавѣ жители явились въ этотъ день въ самыхъ яркихъ платьяхъ. Разряженныя дамы катались по улицамъ въ блестящихъ экипажахъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Болѣе всего горѣло огнями Старое Мѣсто [15]). Въ Люблинѣ устроилось гулянье около памятника Уніи, что̀ противъ губернаторскаго дома. Многія дамы были одѣты въ изысканныя сельскія платья. Между ними въ особенности отличилась извѣстная Пустовойтова. Кромѣ сельской одежды, она имѣла и сельской уборъ головы: длинныя ко̀сы, къ которыя были вплетены трехцвѣтныя ленты. Проходя мимо памятника, дамы бросали къ его подножію цвѣты и вѣнки. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Въ нѣкоторыхъ окнахъ показались разные эмблематическіе транспаранты: гербы Литовскій и Польскій, портретъ Костюшки и т. п.

Манифестація на границѣ Литвы и Польши произошла при слѣдующихъ подробностяхъ. Когда Ковенская полиція узнала о съѣздахъ помѣщиковъ и приготовленіяхъ къ торжеству въ день годовщины Уніи, что̀ дѣлалось довольно открыто, губернаторъ выѣхалъ въ Петербургъ, можетъ быть, впрочемъ совершенно-случайно. Оставшійся править его должность вице-губернаторъ донесъ главному начальнику края, генералъ-адьютанту Низимову, объ ожидаемой на 12 Августа манифестаціи и испрашивалъ приказаній: «что̀ дѣлать, если манифестація состоится?» Говорятъ, отвѣтъ, по телеграфу, былъ таковъ: «поступайте благоразумно, а мостъ

---

[15]) Авейде, II, 81. — Красная партія хотѣла устроить особую торжественную процессію на Повонзки, но умѣренные отклонили это, пустивъ по городу остерегающіе плакаты.

развести [16]). Вице-губернаторъ не принялъ никакихъ мѣръ, и моста не развелъ, а потому обѣ процессіи собрались и выступили, утромъ 12 Августа, изъ Ковны и Алексоты, при огромномъ стеченіи народа. Тогда только вице-губернаторъ далъ приказаніе одному капитану путей сообщенія, родомъ Поляку, развесть какъ-можно скорѣе мостъ. Капитанъ сказался больнымъ. Замѣнившій его поручикъ, Русскаго происхожденія, успѣлъ кое-какъ выхватить только одинъ плашкотъ, вслѣдствіе чего процессіи, взойдя на мостъ съ обѣихъ сторонъ, могли свободно перекликаться другъ съ другомъ и разговаривать. Въ это время какой-то смѣльчакъ, перебравшись на отдѣленный плашкотъ (который, по неосмотрительности, или недостатку времени, не былъ отведенъ отъ моста) нашелъ возможность перебросить оттуда народу канатъ: плашкотъ подтянули, и соединеніе процессій совершилось, при оглушительныхъ крикахъ ура на обоихъ берегахъ и пѣніи Boże coś Polskę. Войска, присланныя начальникомъ дивизіи, расположенной въ тѣхъ мѣстахъ, генераломъ Бургардтомъ, смотрѣли на все это спокойно и, когда началось пѣніе, машинально сняли шапки и стали креститься [17]). Соединенныя процессіи, согласно плану, двинулись чрезъ Алексоту въ Годлево и тамъ оставались до вечера. Конечно, лились вино и слезы... а въ заключеніе всего составленъ актъ въ память событія, скрѣпленный многими подписями.

[16]) Сообщено автору на мѣстѣ разными оффиціальными лицами. Иные увѣряли при этомъ, что телеграмма состояла всего изъ двухъ первыхъ словъ: поступайте благоразумно.

[17]) Разсказы очевидцевъ.

Черезъ нѣсколько дней полетѣли по Литвѣ и Польшѣ тысячи фотографическихъ карточекъ съ изображеніемъ встрѣчи процессій на разорванномъ мосту.

15 Августа н. ст, разныя партіи Варшавы хотѣли было устроить манифестацію въ честь Императора Наполеона, но все умѣренное въ этихъ партіяхъ возстало противъ этого, и никакой манифестаціи не случилось. Плакаты, наклеенные на нѣсколькихъ костелахъ, приглашали жителей почтить этотъ день обыкновеннымъ молебствіемъ Богородицѣ, что̀ и было иными исполнено.

Близь того-же времени красная половина Варшавскаго духовенства, соединенно съ крайними всѣхъ партій, сочинила и пустила въ ходъ «Воззваніе къ братьямъ и товарищамъ во всей Польшѣ» самаго возмутительнаго содержанія [18]) и вышелъ 2-й № Стражницы.

Этотъ непрерывный рядъ манифестацій, плакаты, гимны, картинки, образки, подпольная газета, соединеніе партій въ явныхъ приготовленіяхъ къ чему-то, ссоры намѣстника съ Велепольскимъ, наконецъ страшный ропотъ военныхъ [19]) все это ускорило при-

[18]) Wiadowości z Kraju, 14 — 16. — Часть порусски: Библ. для Чт. 1864, Февр. стр. 33.

[19]) Этотъ ропотъ доходилъ одно время (въ Іюлѣ 1861) до того, что Сухозанетъ счелъ нужнымъ послать командиру 2 корпуса особое предписаніе, отъ 23 Іюля (4 Августа) 1861 года, за № 71, гдѣ находились, между прочимъ такія строки... „Вижу, что оскорбленія, наносимыя иногда жителями войску, возбудили между господами офицерами сильное раздраженіе, начинающее выражаться громкимъ ропотомъ. Обстоятельство это, усиливая затрудненія правительства, показываетъ, что господа офицеры не съ надлежащей точки зрѣнія смотрятъ на свое положеніе здѣсь и неясно понимаютъ свой долгъ". „Оскорбленія, коихъ виновники разсчитываютъ всегда на возможность укрыться отъ отвѣтственно-

бытіе въ Варшаву прочнаго начальника края, снабженнаго разными полномочіями. Реформы были дописаны и могли осуществиться.

Еще съ Іюля мѣсяца стали говорить въ Петербургѣ, что намѣстникомъ Царства Польскаго будетъ графъ Ламбертъ. Съ 20-го числа этого мѣсяца, по ст. ст., началось необыкновенно-быстрое возвышеніе его по службѣ: Высочайшимъ приказомъ отъ этаго числа графъ назначенъ управляющимъ дѣлами Императорской Главной Квартиры и Собственнаго Его Величества конвоя; Высочайшимъ-же приказомъ отъ 6 Августа ст. ст. произведенъ въ генералы отъ кавалеріи [20]) и назначенъ исправляющимъ должность Намѣстника въ царствѣ Польскомъ и командующимъ 1-ю арміею.

Оставалось назначить ему помощника въ лицѣ военнаго генералъ-губернатора города Варшавы, въ обязанности котораго, сверхъ управленія Варшавой во всѣхъ частяхъ, входило завѣдѣваніе паспортами во всемъ Царствѣ.

Конечно, найти мгновенно лицо, отвѣчавшее вполнѣ такому мѣсту, было не легко. Критическое положеніе Варшавы, съ таившимся въ нѣдрахъ ея заговоромъ, или хоть его начатками, требовало отъ генералъ-губернатора самыхъ необыкновенныхъ способностей, молодости, энергіи, знанія людей, служебной опытности и даже прочнаго здоровья.

Въ числѣ молодыхъ генераловъ нашей сѣверной столицы наиболѣе отвѣчалъ такому посту дежурный генералъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адьютантъ Герштенцвейгъ.

Это былъ человѣкъ съ рѣдкими достоинствами, умный, изящный, солидно-образованный, писака, и притомъ съ чрезвычайно-твердымъ характеромъ. Его ссоры и споры [21]) съ нѣкоторыми высшими лицами нажили ему враговъ въ той сферѣ, которая наиболѣе вліяетъ на благополучный исходъ всякихъ карьеръ. На него косились, и не прочь были, при случаѣ, «спустить» его куда-нибудь, какъ шедшаго въ разрѣзъ... со всѣми, правшаго, такъ сказать, противъ рожна. Но онъ сидѣлъ крѣпко, занимаемую имъ должность правилъ съ честію, былъ любимъ и уважаемъ подчиненными. Заговаривать съ нимъ о томъ, чтобы онъ ѣхалъ ломать себѣ голову въ Польшу, подъ начальствомъ Ламберта, было очень странно. Нашли возможнымъ устроить такъ, что Герштенцвейгъ долженъ былъ уступить, и сталъ сбираться въ путь съ стѣсненнымъ сердцемъ. Точно что̀ говорило ему о печальномъ концѣ новаго его поприща...

Графъ Ламбертъ, съ которымъ Герштенцвейгъ, по разнымъ встрѣчамъ

сти по законамъ, не составляютъ никакого безчестія для тѣхъ, которые бываютъ случайными ихъ жертвами." "Надѣюсь, что господа офицеры, обдумавъ это, поймутъ, что въ такихъ обстоятельствахъ хладнокровно переносить неизбѣжныя непріятности есть долгъ истиннаго мужества."

[20]) Иначе, командуя, какъ намѣстникъ, 3-мя корпусами 1-арміи, онъ былъ-бы ниже чиномъ всѣхъ трехъ корпусныхъ командировъ этихъ корпусовъ: Лабынцева, Липранди и Врангеля.

[21]) Въ особенности извѣстны его споры о генеральномъ штабѣ. Герштенцвейгъ находилъ несправедливыми преимущества, которыми пользовались офицеры генеральнаго штаба внѣ полковъ, откуда прибыли. По его мнѣнію, имъ слѣдовало, по окончаніи курса въ Военной Академіи, возвращаться въ полки и тамъ получать соотвѣтственныя отличія, дѣлаясь скорѣе другихъ ротными, батальонными и, наконецъ, полковыми командирами; что иначе армія теряетъ лучшихъ людей, губерніи же отнюдь не пріобрѣтаютъ лучшихъ губернаторовъ. Въ такомъ духѣ онъ подалъ нѣсколько докладныхъ записокъ, но имъ не дали ходу.

въ свѣтѣ, былъ довольно близокъ, даже на-ты, постоянно увѣрялъ пріятеля, что дѣйствительнымъ намѣстникомъ въ Царствѣ будетъ онъ, а никто другой; все будетъ предоставлено его опытности и соображеніямъ; что ихъ старая дружба не допуститъ конечно и тѣни столкновенія...

Словомъ, какъ это бываетъ часто: говорилось много всякихъ хорошихъ вещей, пока оба пріятеля стояли другъ отъ друга вдалекѣ; пока Ламбертъ былъ для Герштенцвейга только Ламбертъ, и больше ничего. Но едва состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи одного намѣстникомъ, а другаго генералъ-губернаторомъ, въ одинъ и тотъ-же пунктъ, какъ все сейчасъ-же измѣнилось. Ламбертъ уже въ Петербургѣ принялъ тонъ начальника и сталъ смотрѣть, Богъ вѣдаетъ съ чего, на будущаго своего помощника нѣсколько-подозрительно. Ему стали мерещиться разные призраки. Ему казалось, что если такой умный, хитрый и осторожный человѣкъ рѣшился промѣнять вѣрное на невѣрное, не попробовалъ подать въ отставку при напорѣ чрезвычайныхъ силъ, а рискнулъ ѣхать въ край, поставленный вверхъ ногами, то неиначе какъ съ какимъ-либо тонкимъ махіавельскимъ расчетомъ. На бѣду, молва одно время возводила Герштенцвейга въ намѣстники, а того спускала въ генералъ-губернаторы: значитъ, червь непремѣнно грызетъ его; онъ можетъ таить месть и, пожалуй, отмстить при первой возможности, подставивъ пріятелю ногу...

Добрые люди, которые всегда въ такихъ обстоятельствахъ откуда-то являются съ совѣтами, утѣшеніями и объясненіями всего неяснаго, какъ сверчки въ новомъ домѣ прежде хозяевъ,—мгновенно явились и тутъ, и только подливали масла въ огонь.

Въ такихъ отношеніяхъ пріятели очутились въ Польшѣ, волновавшейся какъ мы видѣли, изъ конца въ конецъ, въ Польшѣ, которой оставался только одинъ шагъ до настоящаго заговора.

Новый Намѣстникъ въѣхалъ въ Варшаву 23 Августа 1861 н. ст., не имѣя при себѣ никакого конвоя. Даже прислуга его, одѣтая въ статское платье, держалась вдали. Это было довольно-рѣзко послѣ разъѣздовъ его предмѣстника, за которымъ постоянно скакало человѣкъ 50 Кубанцевъ. Замѣтивъ на Съѣздѣ бѣдняка, графъ подалъ ему щедро.

Затѣмъ пошло новое управленіе страною, которое было тщательно обдумано со всѣхъ сторонъ разными опытными людьми и могло-бы, какъ мы полагаемъ, возстановить порядокъ, сойдись только искренно и пойми другъ-друга два главныя лица, отыщи только въ себѣ Ламбертъ больше довѣрія къ Герштенцвейгу и имѣй болѣе самоотверженія вообще, въ разные серьезные моменты, или (что еще лучше) перемѣнись, какимъ-нибудь волшебствомъ, обѣ роли: стань генералъ-губернаторъ намѣстникомъ, а намѣстникъ генералъ-губернаторомъ, какъ пророчила когда-то молва, представляя на тотъ разъ истинный vox populi — vox Dei.

Бѣда случилась именно отъ того, что оба лица, у кого въ рукахъ находились судьбы края и кто долженъ былъ идти рядомъ, нога въ ногу, рѣшительно во всемъ, во всемъ сливаться и дѣйствовать гармонически, никакъ не сливались, и одинъ, высшій, носилъ въ себѣ постоянно незаконныя и несправедливыя подозрѣнія противъ другаго, низшаго. Вотъ

что привело ихъ обоихъ къ погибели.

Взглядъ Намѣстника на умиротвореніе края былъ таковъ: «Открывъ выборы при помощи умѣренныхъ, правительство рѣшало уже половину задачи. Красные, а съ ними и все то, что̀ было подготовлено къ будущему возстанію, немедля теряло значеніе, сходило со сцены. Конечно, выборы, произведенные при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился край, представятъ изъ себя нѣчто хаотическое, будутъ похожи на древніе сеймики; выбранные чиновники будутъ, въ первыя минуты, ничѣмъ инымъ какъ слугами загора, повстанской организаціей, которая пополнитъ собою то, что̀ сдѣлано уже по этой части молодою шляхтою. Пусть! На все это въ началѣ закрыть глаза. Второю половиной задачи будетъ превратить, насколько можно скорѣе, этихъ сеймиковыхъ, повстанскихъ чиновниковъ въ чиновниковъ обыкновенныхъ, какіе намъ нужны. Большихъ, неодолимыхъ затрудненій тутъ не предвидится въ слѣдствіе несостоятельныхъ свойствъ племени, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Но еслибъ и произошла борьба, во всякомъ случаѣ она потребуетъ меньшихъ жертвъ, будетъ менѣе опасна, чѣмъ открытое столкновеніе съ партіями разныхъ оттѣнковъ, при введеніи реформъ подъ вліяніемъ штыковъ.»

Герштенцвейгъ былъ другихъ убѣжденій относительно того же вопроса; онъ находилъ, что «время какихъ бы то ни было уступокъ повстанцамъ окончательно миновало, и шалости ребятъ, соединившихся въ иныхъ дѣйствіяхъ со взрослыми, перешли уже ту черту, когда на нихъ можно смотрѣть какъ на шалости. А потому онъ считалъ необходимымъ: порѣшить съ этими шалостями, немедля ни минуты, добраться до гнѣзда агитирующихъ кружковъ, во что̀ бы то ни стало, хотя-бы рѣзкими мѣрами, напугать этимъ всѣ партіи, заставивъ ихъ признать за правительствомъ присущую ему силу, въ которую онѣ давно перестали вѣрить, и подъ вліяніемъ всего этого сажать чиновниковъ на новыя мѣста, чиновниковъ какіе были нужны, а не повстанскихъ, дабы ничего или очень немного оставалось для послѣдующихъ додѣлокъ и передѣлокъ.»

Словомъ, онъ думалъ и говорилъ тоже самое, что̀ говорили многіе практическіе люди тотчасъ послѣ выстрѣловъ Хрулева; но, опытный въ жизни и службѣ, онъ не нашелъ удобнымъ спорить съ Намѣстникомъ на первыхъ порахъ, а предоставилъ ему идти избраннымъ путемъ въ той надеждѣ, что другъ его, по всѣмъ вѣроятностямъ, наткнувшись вскорѣ на разные рожны, вернется и самъ туда, куда звали его поломавшіе поболѣе голову надъ Польскимъ вопросомъ; или, что̀ еще скорѣе, заснетъ, и тогда, конечно, все очутится въ рукахъ генералъ-губернатора.

Намѣстникъ пошелъ по избранному имъ пути очень шибко. Съ первыхъже дней по пріѣздѣ, онъ сталъ сближаться съ разными вліятельными лицами средняго круга, съ тою бюргеріей, которая недавно изображала изъ себя народный сенатъ и безъ которой, въ сущности, не могла быть сильна ни одна партія. Куда клали свои шары эти господа (бойкіе чиновники, капиталисты, способные рисковать, литераторы, артисты, помѣщики, которые не слишкомъ много теряютъ въ революціи) тамъ только и оказывалась прочная побѣда.

До сихъ поръ этотъ довольно широкій и неопредѣленный кружокъ стоялъ въ сторонѣ самъ по себѣ, очень мало участвуя въ революціонныхъ затѣяхъ разныхъ партій, не протягивая рѣшительнымъ образомъ руки никому: ни аристократіи, ни краснымъ крикунамъ, ни правительству. Какъ люди самые умные и практическіе, бюргеры видѣли, что еще нѣтъ ничего серьознаго нигдѣ; но тѣмъ не менѣе имѣли всюду агентовъ и зорко всматривались во все.

Ламбертъ зналъ это.

Очень скоро часть бывшихъ народныхъ сенаторовъ Ресурсы проникла въ Зàмокъ и стала бесѣдовать съ Намѣстникомъ, по просту-безъ затѣй, за чашкой чаю. Къ такимъ принадлежали, между прочимъ: Кронебергъ, Шленкеръ, Халубинскій, Вышинскій и Стецкій.

Мало помалу, въ Замкѣ явилась точно такая-же делегація, какая, въ Мартовскіе дни 1861, засѣдала въ Ресурсѣ, только не имѣла на этотъ разъ никакого опредѣленнаго титула и ограничивалась мéньшимъ числомъ членовъ. Ее составило ядро тогдашней делегаціи, люди, наиболѣе ворочавшіе въ Мартѣ всякими дѣлами.

Роль этой новой, маленькой делегаціи, была совершенно таже, что̀ и большой, въ Мартѣ. Она также служила проводникомъ иныхъ мыслей умѣренной городской партіи въ Замокъ; также торговалась съ правительствомъ, также «заговорила ему зубы», объясняя всякій уличный безпорядокъ въ возможно-лучшую сторону, успокоивая Русскія власти и подавая имъ надежды, что все, въ самомъ непродолжительномъ времени, пойдетъ прежнимъ путемъ тихо и мирно, лишь-бы правительство выслушивало совѣты сторонниковъ порядка и не предпринимало ничего рѣзкаго.

Главнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ были выборы и, вообще, реформы, которыя правительство намѣревалось ввести въ край. Намѣстникъ старался подготовить себѣ для этого въ городѣ надлежащую, сочувственную почву, дабы не встрѣтить затрудненій въ оппозиціи нѣкоторыхъ кружковъ, стоявшихъ отъ насъ далеко. Гости его, довольно-долгое время, не высказывались опредѣленно, видя въ предстоящихъ реформахъ родъ западни, разставляемой правительствомъ всякимъ революціоннымъ попыткамъ, всему тому, что̀, такъ или иначе, не безъ борьбы и тяжкихъ жертвъ, было завоевано краемъ.

Но, съ другой стороны, умѣренную часть населенія, которой гости Зàмка были представителями, страшили также и успѣхи красныхъ, начинавшихъ овладѣвать движеніемъ. При малѣйшемъ промахѣ, излишнемъ послабленіи ихъ шалостямъ, край могъ очутиться въ рукахъ необузданнаго, дикаго заговора, подъ начальствомъ Мирославскаго, и еще скорѣе потерять все пріобрѣтенное, надолго оборвать всѣ нити патріотическихъ работъ.

Такимъ образомъ, умѣренные видѣли себя между двухъ огней и не умѣли покамѣстъ опредѣлить, гдѣ менѣе опасности, куда пристать, въ чемъ спасеніе: въ манифестаціяхъ-ли, рука объ руку съ красными, въ открытой-ли и дерзкой борьбѣ съ правительствомъ, или въ наружномъ сближеніи съ нимъ и въ тайной, подземной интригѣ, въ дипломатическихъ, тонкихъ, почти невозможныхъ изворотахъ?

Время однако требовало отвѣта. Маевскій, измѣнившій своимъ окон-

чательно, находилъ нужнымъ устроить по этому поводу съѣздъ въ Варшавѣ, вальный сеймъ, ибо сеймики (какъ онъ называлъ съѣзды помѣщиковъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ) не могли привести никакъ къ желанной цѣли – разрѣшить вопросъ: «что̀ дѣлать?»

Но бѣлые были вездѣ и во всемъ бѣлѣе, тяжелѣе на подъемъ, не способнѣе ни къ чему безъ сильнаго толчка извнѣ. Они собирались съѣхаться и не съѣзжались. Повторилось тоже самое, что̀ было съ Земледѣльческимъ Обществомъ въ началѣ 1861 года [22].

Мирославскій слѣдилъ за ходомъ революціонныхъ дѣлъ въ нашей Польшѣ. Отъ него не укрылось настроеніе умовъ умѣренной партіи, готовой протянуть руку правительству и тѣмъ, разумѣется, погубить возстаніе; не укрылись также и побѣги нѣкоторыхъ агитаторовъ изъ краснаго лагеря въ бѣлый. Болѣе всего жаль ему было его нѣстичка Маевскаго, этого отчаяннаго парня, не боявшагося ничего на свѣтѣ, неутомимаго, исполненнаго самоотверженія, котораго не охлаждали ни стѣны казематовъ, ни страхъ Сибири и висилицы. Чтобы воротить его и другихъ на «путь истинный» и вмѣстѣ дать заговору надлежащее направленіе, Мирославскій тоже затѣялъ съѣздъ въ Гомбургѣ Гессенскомъ и звалъ туда недавняго друга и пріятеля.

Этотъ съѣздъ состоялся въ самомъ началѣ Сентября (10 или 11 по нов. ст.). Отяжелѣвшій отъ лѣтъ [23] и высокаго чина, который носилъ въ эмиграціи съ сороковыхъ годовъ, Мирославскій лично не поѣхалъ въ Гомбургъ, а послалъ своего секретаря, Куржину, снабдивъ его всякими уполномочіями. Равно и Маевскій, поставившій себя въ фальшивое положеніе относительно старыхъ друзей, также не рѣшился отправиться на съѣздъ, а послалъ туда, вмѣсто себя, молодыхъ помѣщиковъ: Іосифа Калачковскаго и Станислава Карскаго, людей особой бѣлой партіи, о которой будетъ сказано ниже. Въ ту минуту оба эти лица и поѣхавшій съ ними какой-то Семинскій сливались въ работахъ съ «молодой шляхтой» и много думали о затѣянной ими «организаціи», которую обыкновенно называли народною [24].

Они сообщили Куржинѣ все, что̀ знали о ходѣ повстанскихъ работъ въ краѣ и увѣряли, что эти работы скоро придутъ къ окончанію: «народная организація» охватитъ своею сѣтью всю Польшу 1772 г., и тогда правительство попалось. Затѣмъ они просили оставить иниціативу дѣйствій за краемъ, а не за эмиграціей. Но Куржина хотѣлъ другаго, а потому прибывшіе на Съѣздъ въ соглашеніе между собою войти никакъ не могли. Переговоры ихъ кончились ничѣмъ. Куржина отправился обратно въ Парижъ, и Калачковскій и прочіе въ Варшаву.

Мерославскій далъ знать красной партіи, чтобы она билась до послѣдняго издыханія и не выпускала изъ рукъ хотя того, что̀ пріобрѣтено, тревожа край время отъ времени манифестаціями и напоминая этимъ о себѣ какъ бѣлымъ, такъ и правитель-

[22]) Р. Арх. 1870, стр. 1883 — 1886.

[23]) Познанскій агитаторъ Александръ Гутри, въ книгѣ своей Pan Ludwik Mierosławski (Drezno, 1870) говоритъ, что эта ociężałość" была свойственна Мирославскому еще въ 1846 году, и чуть не погубила его. (стр. 170).

[24]) Все это и нѣсколько ниже - преимущественно по Запискамъ Маевскаго и Авейде.

ству; равно мѣшая, по возможности осуществленію реформъ.

Красные и безъ того не разставались съ манифестаціями. Маевскій и другіе, утраченные краснымъ кружкомъ, были кое-какъ замѣнены. Изъ новыхъ агитаторовъ смотрѣлъ отчаяннѣе прочихъ Аполлонъ Корженевскій, ораторъ и писатель, незадолго передъ тѣмъ явившійся изъ Волыни. Онъ былъ человѣкъ не первой молодости, любилъ ходить въ простонародномъ платьѣ, въ длинномъ бѣломъ охабнѣ и высокой бараньей шапкѣ.

Сначала Корженевскій сошелся было съ Маевскимъ и былъ его усерднымъ поклонникомъ, но потомъ, увидя, что тотъ сближается съ бѣлыми и бываетъ на ихъ сходкахъ, бросилъ его и принялъ команду надъ осиротѣвшимъ кружкомъ Новаковскаго, гдѣ преимущественно сочинялись самыя грандіозныя манифестаціи. Корженевскій показалъ въ этомъ необыкновенную изобрѣтательность. Помощниками его были: Шаховскій, Сикорскій, Шанявскій, Целецкій, братья Франковскіе и тому подобныя ребята, не признававшіе надъ собою никакой власти и считавшіе красный комитетъ вовсе не краснымъ, а скорѣе бѣлымъ.

Этотъ кружокъ, самъ по себѣ, безъ всякаго приглашенія съ чьей либо стороны, счелъ нужнымъ усилить манифестаціи тотчасъ по прибытіи новаго Намѣстника съ реформами, дать рядъ такихъ спектаклей, которые выбили-бы сразу изъ головы новопріѣзжихъ всякую мысль объ успокоеніи края чѣмъ-нибудь такимъ, какъ выборы въ разные совѣты.

Рѣшено было возобновить молебствія за благоденствіе отчизны (nabożeństwa za pomyślność ojczyzny) удачно изобрѣтенныя кѣмъ-то еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, при Сухозанетѣ [25]), и они возобновились.

Начали *механики по устройству мельницъ и работники паровой мельницы на Лешнѣ.* Ихъ приглашеніе «помолиться за благоденствіе отчизны 5 Сентября н. ст., тамъ-то» было снабжено рисункомъ, изображавшимъ мельника, который бросаетъ предметы своихъ занятій, надѣлъ конфедератку и вооружился косой. Сверху — гербъ Литвы и Польши, осѣненный терновымъ вѣнкомъ и двумя перекрещенными пальмами.

На другой день, 6 Сентября н. ст., въ новый 5622-й годъ Евреевъ, совершены ими (по внушенію того-же кружка) торжественныя молебствія за благоденствіе отчизны во всѣхъ синагогахъ, а въ главной, Даниловической, пропѣто Еврейское Boże coś Polskę, на Польскомъ языкѣ.

Затѣмъ послѣдовалъ небольшой промежутокъ [26]). 16 Сентября н. ст. явился скромный, безъ всякихъ рисунковъ, плакатъ *обойныхъ фабрикантовъ*, приглашавшій Варшавянъ «помолиться за благоденствіе отчизны въ Свенто-Кришскій костелъ.»

Въ тотъ-же день совершено подобное молебствіе у Піаровъ, на Свенто-Янской улицѣ, *цѣхомъ фортепьянныхъ мастеровъ.*

Такъ-какъ въ этихъ молебствіяхъ не было ничего особенно-возмутительнаго, то высшія власти смотрѣли на нихъ сквозь пальцы [27]), какъ на

[25]) Первое такое молебствіе было у Кармелитовъ на Лешнѣ, 24 Іюня н. ст. 1861.

[26]) Такъ по крайней мѣрѣ по самому полному сборнику этихъ плакатовъ.

[27]) При всѣхъ подобныхъ безпорядкахъ на улицу посылали обыкновенно офицера съ ротой солдатъ, всегда одного и тогоже, съ

послѣднія конвульсіи умирающаго заговора, если онъ только былъ. Бѣлые, бюргерія, видимо стали поддаваться на сторону правительства и обѣщали ему свою помощь въ дѣлѣ реформъ. Городъ сильно заговорилъ объ этомъ, раздѣлясь на двѣ рѣзкія половины. Одна стояла за реформы, за допущеніе выборовъ, находя ихъ «лучшимъ орудіемъ для борьбы, для завоеванія новыхъ уступокъ, подготовительнымъ дѣятелемъ революціи, дающимъ ей силы и средства» [28]. Другая половина видѣла въ реформахъ одну только погибель всему, что̀ было пріобрѣтено, реакцію, возвратъ къ безсмѣнной военной диктатурѣ.

Вальный сеймъ, къ которому давно приглашалъ умѣренныхъ Маевскій, сталъ теперь совершенно необходимъ. Надо было потолковать о томъ, какъ принять реформы, какъ устроить выборы, какія мѣры взять противъ городской оппозиціи, иначе: противъ красныхъ.

Значительное число помѣщиковъ съѣхалось наконецъ въ Варшаву и на первомъ-же, весьма-бурномъ засѣданіи (въ первой половинѣ Сентября по н. ст., близь того времени, когда происходилъ и Гомбургскій Съѣздъ) выбрало «делегацію» изъ слѣдующихъ лицъ: Эдуарда Юргенса, Леопольда Кронеберга, Александра Куртца, Адама Гольца, Ѳадея Эйдзятовича и Карла Маевскаго [29]).

Маевскій, принятый въ этотъ кружокъ, на случай надобности имѣть дѣло съ ремесленниками и другими низменными слоями, гдѣ его любили и считали оракуломъ, былъ до того красенъ между бѣлыми (хоть и старался всячески побѣлѣть) до того выражался обо всемъ по своему, что бо̀льшая часть новыхъ делегатовъ сильно на него косились и не совсѣмъ ему довѣряли, считая его скорѣе агентомъ красныхъ, нежели своимъ товарищемъ. Особенно не терпѣлъ его Кронебергъ и послѣ перваго засѣданія объявилъ, что выйдетъ въ отставку, если не устранятъ этого грубаго крикуна. Маевскій самъ понялъ, что стѣсняетъ своимъ присутствіемъ остальныхъ членовъ и, мелькнувъ на двухъ-трехъ засѣданіяхъ, пересталъ ходить.

Одновременно съ вальнымъ сеймомъ бѣлыхъ, красные устроили свой вальный сеймъ, на которомъ также выбрали делегацію или комитетъ, гдѣ изъ членовъ извѣстны: Аполлонъ Корженевскій, Витольдъ Марчевскій и Владиміръ Рольскій.

Обѣ делегаціи шли конечно другъ противъ друга войной. Бѣлая старалась расположить умы къ принятію реформъ, иначе сказать, къ открытію выборовъ, подготовить массы къ этому такъ, чтобы не вышло никакого скандала, и правительство могло бы обойтиться безъ рѣзкихъ мѣръ. Красные кричали, что выборамъ не быть, что они, въ крайнемъ случаѣ, разгонятъ ихъ палками. Шахо̀вскій, замѣтивъ нѣкоторое колебаніе между своими, говорилъ, что онъ одинъ на-

---

приказаніемъ „взглянуть что̀ дѣлается и въ точности о томъ донести.“ Этотъ офицеръ получалъ за всякую такую экспедицію по три рубля, а потому въ высшей степени аккуратно являлся съ ротой на мѣсто, гдѣ слышался какой либо шумъ. Бо̀льшею частію, уводя солдатъ по окончаніи происшествія, онъ выслушивалъ отъ народа свистки. „Что̀, говорили ему товарищи, когда онъ возвращался: освистали тебя опять?“—Мнѣ свищи, не свищи, отвѣчалъ онъ, а мы пошли себѣ по три рублика получать!—(Разсказъ одного генерала, находившагося тогда въ Варшавѣ.)

[28]) Авейде, II, 196.

[29]) Записки Маевскаго, IV, 28.

дѣлаетъ кутерьмы, а ужъ никакъ не позволитъ торжествовать противникамъ [30]). Какой-то Игнатій Квятковскій написалъ стихи «Чертово варенье» (czarne powidla), которымъ грозилъ вымазать всѣхъ, кто станетъ за выборы.

Видя однако свою слабость, видя, что бѣлые часъ отъ часу выигрываютъ больше и больше поля, что выборы такъ или иначе состоялись, команда Корженевскаго и Шаховскаго рѣшилась на крайность: раздражить чѣмъ-нибудь правительство, вызвать новую стрѣльбу и этимъ если не уничтожить начинающееся соглашеніе города съ Зàмкомъ, то хоть разстроить на время .. а тамъ кто знаетъ, что̀ будетъ.

18 Сентября н. ст. кондитеръ Ведель, на Медовой, отказался внести три рубли «на дѣло отчизны». Красные, въ раздраженіи своемъ противъ бѣлыхъ, сочли такой отказъ достаточной причиной собрать народъ и разбить кондитерскую. Тоже самое сдѣлано съ перчаточнымъ магазиномъ Островскаго, на Новымъ Свѣтѣ, и съ булочной Бартца на Маршалковской.

Въ послѣднемъ пунктѣ стеклись такія массы, что Намѣстникъ послалъ туда войска и артиллерію, подъ начальствомъ Севастопольскаго генерала Шейдемана, который очень сильно шумѣлъ, что ничего не можетъ предпринять.. Войска оставались на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока толпы не разошлись. Намѣстникъ далъ знать бѣлой партіи, что наступила минута открыть выборы. Если городъ не откроетъ ихъ самъ, то они будутъ открыты правительствомъ, при оглашеніи военнаго положенія. Бѣлые отвѣчали, что выборы непремѣнно начнутся завтраже, 19 Сентября.

Такъ какъ «избирательные списки» были уже составлены особой делегаціей, гдѣ болѣе всего хлопоталъ купецъ Осипъ Квятковскій, то осталось только напечатать и разослать разнымъ лицамъ билетики, кого на какія мѣста выбирать, дабы не произошло ошибки [31]). Это сдѣлано быстро, въ ту-же ночь, и утромъ, 19-го, выборы дѣйствительно начались съ 10-го, центральнаго цыркула Варшавы, гдѣ домъ графа Андрея Замойскаго

Избиратели, въ томъ числѣ и самъ графъ Андрей, сошлись, для предварительныхъ совѣщаній, въ домѣ М. X. Академіи, гдѣ теперь Первая Гимназія (у Коперника).

Корженевскій и Шаховскій, съ нѣсколькими лицами той-же масти, намѣреваясь биться до конца, не уступать, пока будетъ въ рукахъ хотя какое-либо оружіе, собрали кучу всякаго народа передъ Академіей и вызвали къ себѣ графа Замойскаго «для объясненій». Онъ вышелъ, сопровождаемый ксендзомъ Вышинскимъ, [32]) и спросилъ у желавшихъ его видѣть, что̀ имъ нужно? Корженевскій подалъ ему печатное заявленіе народа къ избирателямъ (Mandat Ludu do Wyborców) прося пустить это въ ходъ, передъ выборами; но графъ отвѣчалъ, что никакихъ заявленій ни отъ кого принять теперь не можетъ, что все что̀ слѣдуетъ сдѣ-

[30]) Показаніе Янчевскаго и нѣсколькихъ другихъ красной партіи.

[31]) Въ собраніи плакатовъ, видѣнныхъ авторомъ, находились и эти билетики. Они напечатаны на плохой сѣрой бумагѣ, величиною въ визитный билетъ малаго формата. На каждомъ выставленъ цыркулъ и имя.

[32]) Стецкій ходилъ весь тотъ день передъ Ратушей, гдѣ должны были состояться выборы и уговаривалъ направлявшихся туда красныхъ не дѣлать безпорядковъ.

лано, и предметъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ: измѣнить направленіе предстоящихъ выборовъ, или устранить ихъ ничто уже не сильно. Тогда Корженевскій и Шаховскій принялись поспѣшно излагать содержаніе Заявленія, объявивъ, что народъ этимъ «напоминаетъ господамъ избирателямъ, чтобы они, созидая теперь муниципальный и прочіе совѣты, внушали всячески чинамъ, которые займутъ въ этихъ учрежденіяхъ различныя мѣста, что они поступаютъ на службу Царству Польскому нераздѣльно съ его провинціями, Литвою и Русью; что только такимъ образомъ Царство Польское можетъ принять участіе въ новыхъ учрежденіяхъ; всякое-же другое понятіе объ этомъ противно святымъ интересамъ отчизны».

Когда они говорили, въ толпѣ раздавались временами восклицанія: «Хорошо, дѣльно говоритъ!» Но когда сталъ говорить Замойскій, несравненно болѣе извѣстный городу, чѣмъ оба оратора и ихъ партія, раздались крики громче, кончившіеся общимъ гуломъ: «да здравствуетъ графъ Андрей!» (Niech żyje hrabia Andrzej!) Это могло быть даже и подстроено особыми агентами бѣлой партіи. Корженевскій съ пріятелями ушелъ, разбитый въ пухъ, впрочемъ, по свойству своему, нисколько не унывая. Въ ихъ головахъ городились уже новые планы...

Избиратели, послѣ переговоровъ въ Академіи, перебрались въ Ратушу, и выборы по 10-му цыркулу совершились благополучно.

Замѣчательно, что первымъ выбранъ въ предсѣдатели Комитета владѣющихъ заставными листами, большинствомъ 1598 голосовъ противъ 2, нѣкто Войчицкій, незадолго передъ тѣмъ лишенный Велепольскимъ мѣста директора Публичной Библіотеки.

До такой степени не любили въ то время Велепольскаго, что стоило ему объявить себя противъ какого нибудь лица, и это лицо сейчасъ-же попадало подъ протекцію всего города. Еще до выборовъ Войчицкій получилъ мѣсто библіотекаря при Вилляновской библіотекѣ Потоцкихъ, съ жалованьемъ въ пять тысячъ злотыхъ. Графъ Людвигъ Красинскій (сынъ извѣстнаго поэта) назначилъ его также библіотекаремъ при своей Варшавской библіотекѣ, съ жалованьемъ въ 3.200 злотыхъ. Кромѣ того обѣщали ему мѣсто при театрѣ, въ 2.000 злотыхъ; а литераторы выдали въ пользу его сборникъ разныхъ статей.

На другой день и послѣ, выборы продолжались безъ всякой помѣхи. Выбирались конечно тѣ лица, которыхъ городъ хотѣлъ видѣть на томъ или другомъ мѣстѣ. Красные, тоже проникавшіе въ залу выборовъ, подавали голоса за Гарибальди, Высоцкаго, Мирославскаго, Клапку... [33]); но это, возбуждая легкіе взрывы смѣху, не прерывало занятій.

Дѣлать нечего: Корженевскій бросился въ манифестаціи. Хлынулъ цѣлый потокъ молебствій за благоденствіе отчизны.

20 Сентября н. ст. явился плакатъ друцяжей [34]), приглашавшій къ молебствію въ костелѣ Бернардиновъ и снабженный разными изображеніями: по одну сторону отъ текста стоялъ друцяжъ, въ бѣдной своей гунѣ, снявъ шляпу и опершись на палку; подъ ногами его лежали пальмовая и терновая вѣтви; за стѣною видѣлся змѣй, обвивающій разное повстанское оружіе, косы, сабли, пики. По другую сторону

[33]) Авейде, II, 193.

[34]) Объясненіе этого слова въ Р. Архивѣ 1871, стр. 530.

текста красовался гербъ Литвы и Польши; за нимъ развѣвались четыре знамени, изъ-за которыхъ выглядывалъ гербъ Кіева: Михаилъ Архангелъ (Русь). Внизу опять оружіе: косы, ружья и дубовая вѣтвь.

И какъ страненъ былъ подлѣ всѣхъ этихъ хитрыхъ воинскихъ аттрибутовъ бѣдный друцяжъ, снявшій шляпу, какъ-бы прося извиненія у публики, что онъ тутъ ни причемъ и ничего не понимаетъ!

Послѣ того что ни день, было нѣсколько молебствій. Рѣшительно всѣ городскія сословія, учрежденія, цѣхи артели и общества служили по молебствію. Даже сочинялись общества и артели, какихъ не существовало [35].. Городъ до того любилъ еще манифестаціи, что здѣсь партіи опять перемѣшались, и красные нашли себѣ усердныхъ помощниковъ въ кружкахъ, съ которыми сражались по дѣлу выборовъ.

Намѣстникъ не обращалъ никакого вниманія на эти шалости, казавшіяся ему ничтожными, какъ вдругъ красная партія затѣяла огромную манифестацію внутри края, съ тѣмъ чтобы поднять тамъ массы и разстроить выборы, которые шли довольно хорошо.

За недѣлю, или немного раньше до годовщины Городельскаго Съѣзда (торжества, установленнаго королемъ Сигизмундомъ Августомъ II, въ память соединенія Литвы съ Польшею) стало ходить повсюду слѣдующее курьезное воззваніе, сочиненное, какъ кажется, Корженевскимъ:

«Братья Поляки, Русины и Литвины! Важнымъ народнымъ торжествомъ было нѣкогда празднованіе годовщины соединенія Литвы съ Польшею, учрежденное королемъ Сигизмундомъ Августомъ II въ Люблинѣ. Самый

---

[35]) Стóитъ закрѣпить печатью эти повстанскія изобрѣтенія того времени, едвали виданныя другими революціями. Вотъ какія общества и артели служили молебствія за благоденствіе отчизны, въ разныхъ костелахъ съ 25 Сентября н. ст. по день объявленія военнаго положенія. т. е. 14 Октября н. ст. 1861: Садовники города и окрестностей Варшавы.—Содержатели дружекъ.—Дѣвицы, занимающіяся шитьемъ женскихъ платьевъ. Музыканты и артисты.—Артель столярныхъ мастеровъ.—Каммердинеры.—Крестьяне изъ окрестностей Варшавы.—Польскія матери.—Ювелиры, золотильщики и граверы на металлахъ.—Гребенщики.—Дѣвицы, занимающіяся полированіемъ золотыхъ вещей.—Воспитанницы высшаго женскаго пансіона.—Рѣзщики на деревѣ, камнѣ и металлахъ.—Фурманщики, пивовары и извощики, занимающіеся развозомъ по городу крѣпкихъ напитковъ.—Артель учениковъ съ мыловаренныхъ заводовъ Варшавы.—Инженеры, архитекторы литераторы, живописцы и драматичесскіе артисты.—Экипажныхъ дѣлъ мастера.—Артель перевощиковъ по Вислѣ.—Мастера, дѣлающіе зонтики. Мастера гипсовыхъ фигуръ. Рыбаки.—Чиновники всѣхъ вѣдомствъ.—Польскія дѣвицы и бѣдныя вдовы.—Ребята, разносящіе плакаты.—Парикмахеры съ ихъ подмастерьями и учениками.—Артель рабочихъ, съ фабрики накладнаго серебра.—Бабы, торгующія крупою.—Одинъ изъ занимающихся гонкою водки.—Варшавскіе аптекари.—Крестьяне изъ деревни Чернякова.—Воспитанницы высшихъ и низшихъ женскихъ пансіоновъ.—Фабриканты золоченыхъ рамъ. Польская молодежь Моисеева закона.—Торговки овощами за Желѣзной Брамой (воротами.)—Артель ремесленниковъ и работниковъ газоваго освѣщенія.—Молодежь, учащаяся въ учебныхъ заведеніяхъ и въ домахъ родительскихъ.—Сапожныхъ дѣлъ мастера. Братство Провидѣнія Господня.“

Можно замѣтить, что духовенство при этомъ отнюдь себя не забывало и ни разу не служило даромъ, напротивъ старалось взять побольше. Когда приказано было служить молебствіе фортепьяннымъ мастерамъ, старшина ихъ, Сталь собралъ около полутораста рублей, причемъ иные подмастерья давали по три рубли, и отправился торговаться съ ксензами миссіонерами ко Св. Кресту. Они запросили за обыкновенное богослуженіе 100 рублей, а съ хоральнымъ пѣніемъ семинаристовъ 150 руб. Сталю показалось это дорого; онъ обратился къ Піарамъ, они и отслужили ему молебствіе за 60 рублей. (Оффиціальные источники).

актъ соединенія былъ только одною формальностію и какъ-бы закрѣпленіемъ дѣйствительнаго и добровольнаго слитія народовъ, подъ скипетромъ короля Владислава Ягелло. Неслыханными и небывалыми въ лѣтописяхъ судьбами, взаимная симпатія и мысль о свободѣ заняли здѣсь мѣсто насилія и побѣдъ. Оставить подобный фактъ безъ вниманія и не дать ему надлежащей оцѣнки въ настоящую минуту, не ознаменовать его народнымъ торжествомъ, значило-бы отказаться, передъ лицемъ Европы, народовъ и собственной совѣсти, отъ своего прошедшаго и будущаго, въ одно и тоже время. А потому взываемъ нынѣ ко всѣмъ тремъ соединеннымъ народамъ, дабы они откликнулися нашему зову тѣмъ-же сердцемъ, какимъ ихъ предки откликалися на Съѣздъ Городельскій, и надѣемся, что нашъ голосъ будетъ услышанъ всякимъ, кто только любитъ отчизну и свободу».

«Празднество сіе должно совершиться въ городѣ Городлѣ Надбужномъ, что̀ въ воеводствѣ Любельскомъ, землѣ Хелмской 10 Октября сего 1861 года, которое соотвѣтствуетъ 2-му числу тогоже мѣсяца по старому календарю, день «обхода» Городельской Уніи по лѣтописямъ».

«Для приданія съѣзду надлежащаго значенія, какого онъ заслуживаетъ, взываемъ прежде всего къ высокопочтенному духовенству Католическо-Славянскаго и Латинскаго исповѣданій, чтобы оно, сколько во уваженіе къ общимъ нашимъ страданіямъ и надеждамъ, сколькоже и для интересовъ церкви, тѣсно связанныхъ съ интересами Польши вообще, благоволило принять самое искреннее и торжественное участіе въ празднествѣ, отрядивъ отъ себя епископовъ и депутаціи капитулъ разныхъ монашескихъ орденовъ и всякихъ духовныхъ корпорацій ото всѣхъ эпархій прежней Польши».

„Взываемъ къ обществу ученыхъ и литераторовъ, къ университетамъ, редакціямъ Польскихъ и Русинскихъ журналовъ, ко всѣмъ обществамъ и кружкамъ промышленнымъ, къ городамъ и корпораціямъ Поляковъ Моисеева закона и вообще ко всякаго рода общественнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ какую-бы то ни было организацію: чтобы благоволили принять участіе въ Городельскомъ Съѣздѣ, пославъ отъ себя депутатовъ. Только такимъ образомъ учрежденный съѣздъ можетъ придать торжеству общественное и народное значеніе. Съ цѣлію оживить наши традиціи, а равно и для сообщенія торжеству историческаго и политическаго характера, приглашаемъ жителей всѣхъ княжествъ, воеводствъ и земель прежней Польши прибыть также въ Городло, въ видѣ представителей отъ своихъ мѣстъ. Депутаты отъ корпорацій, земель и вообще представляющіе собою какое-либо сословіе или кругъ, имѣютъ увѣдомить о своемъ прибытіи въ Городло, 10 Октября, въ 9 часовъ утра, дабы каждый могъ занять соотвѣтственное назначеніе по программѣ».

«Княжества, воеводства и земли, долженствующія принять участіе въ торжествѣ, суть слѣдующія. Воеводства: Познанское, Калишское, Сѣрадзское, земля Добржинская. Воеводства: Плоцкое, Мазовецкое, земля Равская. Воеводства: Хелминское, Мальборгское, Поморское, Прусское, Краковское, Земля Освѣцимская, Заторская. Воеводства: Сандомірское, княжество Сенявское. Воеводства: Куявское, Русское. Земли: Жидачевская, Прше-

мысская, Галицкая, Хелмская. Воеводства: Волынское, Любельское, Белзское, Подлясское, Брацлавское, Черниховское, Виленское, Троцкое. Княжества: Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Витебское, Брестъ-Литовское, Мстиславское, Минское, Инфлянское. Княжество Курляндское.»

«Трауръ на сей день снимается.»

Такая затѣя: собрать въ одно мѣсто представителей всѣхъ земель бывшей Польши, манифестація, какой, по размѣрамъ, еще не было, потрясла всѣ нервы. Не только все красное, очутившееся между бѣлыми во время борьбы партій по дѣлу выборовъ, но и часть бѣлыхъ, какъ бѣлые есть, забывъ все на свѣтѣ, понеслись въ Городло. Никого такъ легко не поднять на какое-нибудь безумство, на праздное шатанье съ приключеніями, опасностями и кутежами, какъ Поляка. Ему дорого тутъ не столько дѣло, ради котораго сбираются, сколько процессъ самыхъ сборовъ и прибытія на мѣсто, театральная обстановка, эффектныя тревоги, шумъ прежде и послѣ. Нѣмца такъ легко не подымешь съ его логова: будь это купецъ, писатель, ничего недѣлающій помѣщикъ, или хоть даже революціонеръ, онъ все таки задастъ себѣ предварительно кое-какіе вопросы, осмотритъ предметъ съ разныхъ сторонъ. А тутъ, что̀ называется, «изъ этого просто»: закладывай таратайку, а не то и пѣшкомъ маршъ! Хоть на выстрѣлы!

Въ числѣ поскакавшихъ въ Городло былъ, между прочими, и Юргенсъ, недавно такъ горячо и усердно хлопотавшій о выборахъ. Можетъ быть, инымъ пришло на мысль, что народная организація «попалась», протянувъ руку правительству; а потому они и вздумали «бѣжать». Маевскій не поѣхалъ. Онъ просто уже боялся прежнихъ своихъ пріятелей.

Въ Варшавѣ очень скоро узнали, что въ Городлѣ и окрестностяхъ собралось множество всякого народу, съ цѣлью устроить манифестацію на 10 Октября и дѣлаются разныя къ тому приготовленія.

Этой «шалости» нельзя было оставить безъ вниманія. Начальникъ главнаго штаба, по приказанію Намѣстника, послалъ къ начальнику Люблинскаго военнаго отдѣла, генералъ-лейтенанту Хрущову, такое предписаніе, отъ $\frac{14}{26}$ Сентября 1861, за № 1441 [36]):

«Здѣсь распространился слухъ, что въ мѣстечкѣ Городло начинаютъ строить тріумфальныя арки... Если это дѣйствительно такъ, то его сіятельству угодно, чтобы всѣ подобныя сооруженія были немедленно разрушены до основанія». «Командующій войсками [37]) поручаетъ вашему превосходительству лично прибыть въ Городло къ 28 Сентября и даже раньше, если найдете присутствіе ваше тамъ необходимымъ». «Весьма желательно было-бы разсѣять толпы одними уговорами и увѣщаніями, но если это окажется невозможнымъ, въ такомъ случаѣ разрѣшаетъ прибѣгнуть къ силѣ оружія.» Генералъ Хрущовъ, получивъ эту бумагу, собралъ въ Городлѣ и близь-лежащихъ мѣстечкахъ слѣдующія войска: 1) Въ мѣстечкѣ Городлѣ — 6 ротъ Могилевскаго пѣх. полка, 4 орудія Донской № 6 батареи и 2 эскадрона драгунъ. 2) Въ Грубешовѣ, бывшій прежде отрядъ: эскадронъ драгунъ и 4 орудія

---

[36]) Приводимъ въ сокращеніи. — М. Городно Люблинской губерніи Грубешовскаго уѣзда.

[37]) Графъ Ламбертъ.

Донской № 6 батареи. Прибавлено. 2 роты Могилевскаго пѣхотн. полка. 3) Въ деревнѣ Лушковѣ, эскадронъ драгунъ, наблюдать за переправой. 4) Для наблюденія за мѣстечкомъ Дубенкою и переправами вдоль Буга 30 козаковъ. 5) Для сформированія резерва приказано прибыть форсированнымъ маршемъ изъ Красностава двумъ эскадронамъ Харьковскаго уланскаго полка и сотнѣ козаковъ изъ Хелма [38]).

Готовились какъ-бы на войну: пушки, резервъ, форсированный маршъ, тогда-какъ нужно было (въ самомъ началѣ) всего на все пару расторопныхъ буточниковъ. Отъ этихъ войскъ были посылаемы въ разныя стороны кавалерійскіе разъѣзды, для развѣдыванія: не предпринимается-ли гдѣ чего жителями?

Мѣстная повстанская организація (бѣлой партіи) устроила свои разъѣзды изъ молодыхъ помѣщиковъ, на бойкихъ коняхъ. Кучки такихъ хватовъ, человѣкъ въ 10—12, привлекли вниманіе одного драгуна, въ болотистой мѣстности, около деревни Гребенне, верстахъ въ шести отъ Городла, ночью, съ 21 на 22 Сентября ст. ст., можетъ быть съ тѣмъ, чтобы утопить его въ трясинѣ. Драгунъ, желая отвязаться отъ нихъ, погрозился пистолетомъ, который нечаянно выстрѣлилъ. Повстанцы ускакали, и тѣмъ все должно-бы и кончиться; но какъ то случилось, что драгунскій выстрѣлъ, ночью, въ болотахъ, подъ деревней Гребенне, громко отдался въ Варшавскомъ Замкѣ [39]). Намѣстникъ испугался первоначальнаго своего предписанія о мѣрахъ противъ Городельскаго Съѣзда: чтобы излишнее усердіе тамошнихъ властей не испортило какъ-нибудь хода машины, которую такъ долго и съ такимъ трудомъ устанавливали три намѣстника, не разстроило **выборовъ**, обѣщавшихъ окончиться благополучно. Опасенія его были усилены еще **делегаціей**, гостями Замка изъ среднихъ слоевъ Варшавскаго населенія, особенно черными Діоскурами, которые въ эти минуты не дремали и которыхъ Польское сердце билось наровнѣ со всѣми другими, при слухахъ о затѣваемой краемъ удивительной манифестаціи, на память вѣкамъ, гдѣ, къ тому-же, будутъ неизбѣжными участниками ихъ близкіе друзья и соратники по духовному оружію.

Намѣстникъ велѣлъ своему начальнику штаба отправить къ Хрущову другое предписаніе, и оно отправлено, отъ 24 Сентября 1861, № 1506. Тамъ между прочимъ говорилось. «По докладѣ отзыва вашего превосходительства отъ 23 Сентября, его сіятельство изволилъ приказать, чтобы ваше превосходительство обратили особенное вниманіе на войска, собранныя нынѣ въ Городельскомъ отрядѣ и на то, что всѣ они, какъ пѣхота, такъ и драгуны, только-что прибыли изъ Россіи, а потому могутъ, не понимая еще отношеній нашихъ къ мѣстнымъ жителямъ, начать дѣйствовать оружіемъ, тогда-какъ этого слѣдовало-бы избѣгать»..... «Если, не взирая на всѣ предупредительныя мѣры, какъ вышеизложенныя, такъ и другія, которыя ваше превосходительство предпримете, соображаясь на мѣстѣ съ обстоятельствами, процессія совершится, то разогнать ее кавалеріей, дѣйствуя съ фланговъ и тыла процессіи и избѣгать при этомъ столк-

---

[38]) Рапортъ генерала Хрущова начальнику главнаго штаба, отъ 26 Сентября 1861, № 1380.

[39]) Узнали изъ донесенія Хрущова отъ 23 Сентября ст. ст. 1861.

новенія съ ксендзами и женщинами. Упорныхъ забирать подъ арестъ и отправлять въ Замосць, до рѣшенія ихъ участи Намѣстникомъ.»

Этимъ предписаніемъ сильно парализовалось первое, если только не уничтожалось вовсе: тамъ разрѣшали оружіе вообще, стало и огнестрѣльное; здѣсь дозволяли дѣйствовать одною кавалеріею, при чемъ «упорныхъ забирать подъ арестъ, избѣгая столкновенія съ ксендзами и женщинами», тогда какъ ксендзы въ подобныхъ процессіяхъ составляютъ главное. Хрущовъ, получивъ такую бумагу, естественно растерялся. Можно было, конечно, развязать узелъ тѣмъ, что не допустить никакого сборища: перехватать зачинщиковъ прежде, нежели что-либо устроится. Ребяты были точно въ чаду, среди своихъ приготовленій; не думали ни о какихъ предосторожностяхъ и сами давались въ руки; ихъ видѣлъ всякій кто только хотѣлъ видѣть; ихъ можно было задержать еще въ Варшавѣ..... Но мало-ли что̀ можно и что̀ приходитъ хорошаго въ голову послѣ, когда фактъ уже совершился. Тогда каждый прапорщикъ умнѣе фельдмаршала... Но та бѣда, что исторія отломитъ-себѣ, и волны событій катятся помимо всякихъ тонкихъ соображеній человѣка, и въ роковыхъ скрижаляхъ никакъ ничего не подчистишь, подобно тому, какъ подчищаются бумаги въ разныхъ канцеляріяхъ, а иное заносится въ реэстръ заднимъ числомъ. Такъ, тѣ-же самыя роковыя волны накатили на насъ и нелѣпый Городельскій Съѣздъ. А никто не хотѣлъ этого. Власти думали только о томъ, чтобы устранить эту манифестацію; и кажется, по крайней мѣрѣ теперь, что это было легко.

Съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ въ Городлу коноводы затѣи расположились въ ближайшихъ къ нему мѣстечкахъ и деревняхъ: Грубешовѣ, Степанковицахъ, Дубенкѣ, Лушковѣ, Голубковѣ и другихъ, гдѣ имѣли нѣсколько совѣщаній. Наконецъ все обдумано на общемъ собраніи въ Степанковицахъ, большомъ селеніи въ 20 верстахъ отъ Городла. Хотя стоящія повсюду войска представляли серьезное препятствіе, но, помня, что подобное препятствіе ничуть не помѣшало такому-же торжеству между Алексотой и Ковномъ, съѣхавшіеся положили двинуть двѣ процессіи въ Городло: одну изъ Степанковицъ, съ окрестными деревнями и мѣстечками; другую (отъ Руси) изъ Устилуга [40]), тоже съ разными околицами. Обѣимъ процессіямъ сойтись, если можно, въ Городлѣ, отслужить молебствіе и составить, въ память событія, актъ, который закрѣпить подписями участниковъ.

По этому плану, въ 5 часовъ утра, 10 Октября н. ст., Степанковицкая процессія, отслуживъ напутственное молебствіе въ мѣстномъ парафіальномъ костелѣ (при чемъ Люблинскій капуцинъ, ксендзъ Фиделисъ, сказалъ рѣчь, исповѣдалъ братію и отпустилъ всѣмъ грѣхи) тронулась, съ хоругвями, крестами и народными знаменами, въ направленіи къ Городлу. На половинѣ дороги присоединились къ ней партіи изъ Грубешова и другихъ мѣстечекъ, отчего произошла небольшая остановка, и пробощъ изъ Красностава, ксендзъ Боярскій, сказалъ рѣчь, которою старался успокоить и одушевить собравшихся. За тѣмъ процессія, заключав-

[40]) Устилугъ Волынской губерніи, Владимірскаго уѣзда.

шая въ себѣ, приблизительно, тысячъ до десяти народу [41]), двинулась далѣе.

Не доходя пяти верстъ до Городла, манифестаторы встрѣтили первый драгунскій пикетъ, который отъѣхалъ галопомъ къ стоявшимъ вдали войскамъ. Тоже сдѣлали, встрѣченные потомъ, второй и третій пикеты. Когда осталось до линіи войскъ около версты, генералъ Хрущовъ подъѣхалъ со штабомъ къ головѣ процессіи и сказалъ громко, что «получилъ предписаніе Намѣстника не дозволять сбираться толпамъ въ Городлѣ, а если онѣ пойдутъ, то будетъ употреблена вооруженная сила».

Въ толпѣ поднялся страшный шумъ; но духовенство, успокоивъ крикуновъ, отдѣлило отъ себя нѣсколько депутатовъ для объясненія съ генераломъ, которые, приблизясь къ нему, объявили, что «находящіеся въ процессіи люди пришли въ городъ помолиться, и болѣе ничего; что молиться не запрещено».

Хрущовъ отвѣчалъ имъ, что «правительство допускаетъ только установленныя церковью духовныя процессіи, не имѣющія при томъ полититическаго, демонстраціознаго характера, а настоящая процессія выходитъ изъ этихъ условій, вслѣдствіе чего онъ никоимъ образомъ въ городъ ея не пропуститъ.»

Тогда ксендзъ Боярскій, бывшій между депутатами, спросилъ у генерала: «можетъ-ли онъ дать имъ честное слово, что дѣйствительно получилъ приказаніе не пропускать въ городъ процессіи?» Хрущовъ далъ. Послѣ этого ксендзы стали просить позволенія отслужить молебствіе въ полѣ. Генералъ разрѣшилъ это и даже позволилъ одному изъ ксендзовъ съѣздить, въ сопрожденіи казаковъ, въ городъ за алтаремъ и церковной утварью. Привезенный алтарь былъ поставленъ на холмѣ, между дорогами, ведущими въ Городло изъ Степанковицъ и Дубенки, въ верстѣ отъ войскъ. Народъ расположился вокругъ алтаря, воткнувъ въ землю хоругви и знамена, которыхъ было 54; а далѣе стали, въ видѣ ограды, экипажи, числомъ около тысячи. Богослуженіе совершенно ксендзомъ Аницетомъ, капуциномъ изъ Люблина, и уніатскій ксендзъ изъ Хелма, Лаурисевичь [42]), сказалъ проповѣдь, въ которой объяснилъ собравшимся политическое значеніе съѣзда, важность минуты и чего она требуетъ отъ Поляковъ. Послѣ него говорили рѣчи, въ томъ-же духѣ: Люблинскій помѣщикъ Грегоровичь и обыватель Ченстохова, Эдуардъ Ставецкій. По окончаніи всего (около двухъ часовъ по полудни) на мѣстѣ молебствія водруженъ огромный дубовый крестъ изъ деревьевъ срубленныхъ въ сосѣднемъ лѣсу, и освященъ вмѣстѣ со знаменами. Потомъ подписанъ актъ, или протестъ, составленный еще въ Степанковицахъ четырьмя лицами: Грегоровичемъ, литераторомъ Бржозовскимъ, воспитанникомъ художественной школы Шаховскимъ и ученикомъ реальной гимназіи Сикорскимъ.

Протестъ этотъ былъ таковъ: «Мы, нижеподписавшіеся, делегаты земель и повѣтовъ Польши, въ томъ ея составѣ, какой она имѣла до раздѣ-

[41]) Мы беремъ среднюю цыфру между показаніями частныхъ лицъ и донесеніемъ Хрущова Намѣстнику.

[42]) Ксендзъ Станиславъ Лаурисевичъ, пріятель Маевскаго, былъ по словамъ послѣдняго главнымъ распорядителемъ Городельской манифестаціи. III, 27.

ленія, собравшись въ Городлѣ, 10 Октября 1861 года, въ 448-ю годовщину соединенія Литвы съ Польшей, объявляемъ симъ актомъ и утверждаемъ собственноручными подписями, что унія, соединившая всѣ Польскія земли, возобновляется нынѣ, на основаніи признанія правъ всѣхъ народовъ и исповѣданій, образуя тѣснѣйшій союзъ, который имѣетъ цѣлію освобожденіе отчизны и пріобрѣтеніе для нея полной независимости. Права наши поручаемъ совѣсти народовъ и благоусмотрѣнію конституціонныхъ правительствъ [43])».

Ко всему этому можно прибавить, что въ разныхъ пунктахъ на совѣщаніяхъ манифестаторовъ происходили между партіями горячія схватки, и одна изъ нихъ, между сторонниками Корженевскаго и Юргенса, едва не кончилась кровавымъ побоищемъ. Общее примиреніе послѣдовало на обѣдѣ, въ Люблинскомъ городскомъ клубѣ, 12 Октября н. ст., гдѣ всѣ (числомъ, какъ говорятъ, до тысячи человѣкъ) перепились и стали обниматься и проливать слезы. Иные произносили рѣчи, смыслъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы «всѣмъ какъ можно скорѣе организоваться революціонно и слиться съ хлопами.»

Разставаясь, они давали другъ другу słowo honoru собраться точно также и въ будущемъ, 1862 году.

13 Октября н. ст. была отслужена въ Люблинскомъ доминиканскомъ костелѣ обѣдня, послѣ которой собирались подписи на Городельскомъ протестѣ отъ крестьянъ и мѣщанъ.

[43]) Свѣдѣнія изъ донесенія генерала Хрущова Намѣстнику, отъ 30 Сентября 1861; изъ особой записки, составленной на листѣ однимъ очевидцемъ, изъ частныхъ разсказовъ и печатныхъ источниковъ.

Три экземпляра протеста, съ 8 тысячами подписей на каждомъ, отправлены въ Парижъ, Лондонъ и Геную.

Другая процессія, собравшаяся въ Устилугѣ и окрестностяхъ, подойдя къ Бугу и встрѣтивъ тамъ охранявшія переправу войска, воротилась назадъ, отслужила молебствіе въ часовнѣ на кладбищѣ и составила свой особый протестъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Протестъ.“

«Учиненъ сей на границѣ городка Надбужного, что̀ въ воеводствѣ Любельскомъ, землѣ Хелмской, Октября 10 дня 1861 года. Земли составлявшія во время Городельскаго Съѣзда, въ 1418 году, Польшу, Литву и Русь, каковый съѣздъ Польшу, Литву и Русь воедино, неразрывными узами, связалъ, а именно: воеводства Познанское, Калишское, Сѣрадзское, земля Добржинская и т. д. [44]) бывъ нынѣ вызваны своими делегатами, собрались, въ лицѣ представителей отъ всѣхъ духовныхъ корпорацій, а равно депутацій отъ разныхъ литературныхъ обществъ, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, медико-хирургической академіи, редакціи Польскихъ и Русинскихъ журналовъ; депутацій всевозможныхъ цѣховъ и разнаго рода кружковъ, имѣющихъ какую-либо организацію, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами народа всѣхъ исповѣданій, собравшись же двинулись, подъ знаменемъ Христа Спасителя и соотвѣтственныхъ религіозныхъ инсигній, торжественнымъ, процессіональнымъ ходомъ, по направленію къ Городлу, дабы въ 448-ю годовщину нашего соединенія, возблагодарить Всевышняго, что Онъ сохра-

[44]) Какъ въ Воззваніи.

нилъ всѣхъ насъ въ той-же любви и братствѣ, не смотря на гибельное вліяніе трехъ непріязненныхъ державъ, и у подножія Его алтаря молить о всеобщемъ нашемъ воскресеніи; но встрѣченные войсками, не можемъ перебраться на ту сторону рѣки и слѣдовать въ Городло. На границѣ приснопамятнаго соединенія тѣхъ народовъ возобновляемъ Городельскій актъ во всей его силѣ и обширности. Протестуемъ противу насилія и утѣсненія нашихъ правъ, противу жестокихъ мѣръ правительства, противъ самовольнаго раздѣленія Польши и желаемъ возвращенія ея независимости. Такъ-какъ сей актъ не можетъ быть, при настоящемъ положеніи дѣлъ, препровожденъ куда слѣдуетъ, яко составленный въ краю, управляемомъ деспотически и не имѣющемъ народнаго представительства, то онъ явится во всѣхъ заграничныхъ изданіяхъ, да вѣдаютъ объ немъ алчныя правительства, по милости которыхъ раздаются вопли угнетеннаго народа» [45]).

*

Въ это-же самое время, какъ-бы нарочно, для приданія силы краснымъ, для выручки погибавшаго заговора, произошло въ Варшавѣ событіе, которое вызвало рядъ манифестацій и перевернуло весь ходъ дѣлъ.

5 Октября н. ст. умеръ архіепископъ Фіалковскій. Это былъ человѣкъ безъ всякихъ способностей и притомъ чрезвычайно слабохарактерный. До 1861 года мало кто имъ занимался. Событія 1861 года, къ которымъ онъ отнесся сочувственно, отдавъ себя въ полное распоряженіе нѣсколькихъ бойкихъ канониковъ (болѣе всего Дзяшковскаго и Секлюцкаго) измѣнили взглядъ Поляковъ на слабаго архіепископа. Читатели припомнятъ, что онъ первымъ подписалъ адресъ къ Государю. Послѣ этого его именемъ дѣлалось очень многое, о чемъ онъ иногда и не зналъ: разсылались циркуляры, налагался и снимался трауръ; разрѣшалось пѣніе патріотическихъ гимновъ въ костелахъ; ему приписывали и разныя патріотическія заявленія, слова, фразы, которыхъ онъ или не произносилъ вовсе, или произносилъ въ другомъ смыслѣ. Впрочемъ, бывали минуты, когда онъ и самъ, воображая, что призванъ разъиграть чрезвычайную роль, вдавался въ непростительныя ошибки и увлекался подѣтски. Естественно, что смерть такого лица была для красной партіи истиннымъ ударомъ. Прежде чѣмъ обдумывать вопросъ, какія принять мѣры, чтобы это несчастіе было наименьше чувствительно для заговора, все, что осталось въ Варшавѣ краснаго, по отбытіи многихъ агитаторовъ подъ Городло, нашло необходимымъ извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго факта смерти: сочинить манифестацію, или даже цѣлый рядъ манифестацій, поярче и покрупнѣе, на сколько удастся, и этимъ помочь Городлу, затормозить хотя на время выборы, развлечь бѣлыхъ и правительство.

Сначала пущено въ ходъ, во множествѣ печатныхъ экземпляровъ, краткое описаніе жизни покойнаго архіепископа, въ повстанско-панегирическомъ духѣ [46]). Потомъ разсѣяны по

[45]) Подлинникъ можно видѣть въ брошюрѣ: Wiadomości z Kraju, стр. 20—26. Тамъ же подробности объ Устилужской процессіи. Тоже порусски въ Библ. для Чтенія 1864, Февраль, стр. 29—33.

[46]) Въ Русскомъ переводѣ—Библ. для Чтенія 1864, Февраль, стр. 23—24.

городу и наклеены на самыхъ видныхъ мѣстахъ траурныя объявленія о смерти, называемыя у Поляковъ клапсидрами, гдѣ сообщалось, со всѣми подробностями, въ какіе часы и въ какомъ мѣстѣ будутъ служиться панихиды, съ понедѣльника до четверга. Наконецъ разосланы въ разные города и мѣстечки приглашенія къ жителямъ всѣхъ чиновъ и сословій прибыть въ Варшаву, къ такому-то числу, для присутствованія на торжественныхъ похоронахъ «достойнаго вѣчной памяти и вѣчныхъ слезъ архіепископа, который, въ настоящую минуту замѣшательствъ и борьбы съ правительствомъ, изображаетъ для края особу почившаго примаса, а примасъ, въ такое время, т. е. въ междуцарствіе, замѣняетъ короля; стало и похороны его будутъ соотвѣтствовать пышностію и значеніемъ похоронамъ королевскимъ» [47]).

Случайно, или неслучайно, днемъ этихъ похоронъ назначено тоже самое число: 10 Октября — годовщина Городельскаго Съѣзда.

Нечего и говорить, что отовсюду повалилъ народъ. По Варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ прибыло, наканунѣ погребенія, около 700 человѣкъ разнаго званія изъ Ченстохова, Кутна, Скерневицъ, Шлешина, Сломниковъ. Потомъ прибыли представители всевозможныхъ сословій изъ Пулавъ, Черска, Грубешова, Бомбковъ, Лодзи, Езѣрковъ, Компина, Медзишина, Пясечна и Виллянова. Каждая партія имѣла во главѣ ксендза. Вилляновская партія вступила въ городъ со знаменемъ, распѣвая патріотическіе гимны [48]). Наплывъ такихъ гостей въ Варшаву былъ до того великъ, что многіе едва находили себѣ помѣщеніе.

Генералъ-губернаторъ, предвидя манифестацію, хотѣлъ-было самъ составить программу похоронъ и принять мѣры, чтобы она была исполнена во всей точности, буква въ букву. Но духовенство, черезъ извѣстныхъ читателю агентовъ своихъ въ Замкѣ, упросило Намѣстника предоставить составленіе программы похоронъ городу, завѣряя всѣми святыми, что ничего неприличнаго и противузаконнаго при этомъ не произойдетъ. Намѣстникъ, разрѣшая это, выразилъ однако-жъ желаніе, чтобы составленный городомъ церемоніалъ былъ предварительно сообщенъ генералъ-губернатору для просмотра и подписи.

Сейчасъ, какъ водится, явился по этому поводу особый комитетъ, изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, въ которомъ очень видную роль игралъ купецъ Осипъ Квятковскій. Принялись разрѣшать трудную задачу: составлять церемоніалъ такого свойства, чтобы имъ удовлетворить, по возможности, и себя, и правительство. Само-собою разумѣется, что воображеніе составителей, при всякомъ пунктѣ, рвалось дальше, чѣмъ позволяли обстоятельства и рисовало разныя соблазнительныя добавленія, что иными и высказывалось тутъ-же вслухъ, возбуждая общія пріятныя улыбки. Но, въ концѣ концовъ, всѣ безпокойные порывы укрощены: церемоніалъ составленъ довольно-приличный. Герштенцвейгъ прочелъ его и подписалъ. Разныя игривыя добавленія составители предоставляли судьбѣ,

[47]) Авейде, II, 145, примѣчаніе.

[48]) Деревня Вилляновъ, принадлежащая нынѣ графинѣ Августовой Потоцкой, находится всего въ 10 верстахъ отъ Варшавы. Замѣчательна дворцомъ короля Яна III Собѣсскаго, садомъ и паркомъ, гдѣ нѣкоторые тополи посажены рукою этого короля.

случаю, чьему-либо сверхъ-штатному распоряженію, которое вѣроятно не заставитъ себя долго ждать.

И точно: нѣсколькими часами позже собрался другой комитетъ, гдѣ именно было разсуждаемо о томъ, что̀ такое прибавить къ правительственному церемоніалу и какъ распорядиться, чтобы этому никто не воспрепятствовалъ; и очень можетъ быть, что нѣкоторыя лица, незадолго передъ тѣмъ засѣдавшія въ томъ комитетѣ, предложили и здѣсь кое-какія соображенія, уже позволивъ воображенію своему разъиграться вполнѣ. Что̀ было придумано, мы увидимъ ниже.

Четыре дня сряду совершались торжественныя панихиды на дому архипастыря, въ архіепископскомъ палацѣ, на Медовой. Стеченіе народу было огромное.

Наступило наконецъ 10 Октября. Съ самаго ранняго утра, народные констабли, кѣмъ-то мгновенно сочиненные, безъ спросу у правительства, подъ командой Квятковскаго, Лебрюна и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ обывателей, бѣгали по улицамъ и приказывали купцамъ запирать лавки, а хозяевамъ разныхъ ремесленныхъ заведеній распускать рабочихъ. Кто не слушался, того заставляли силой. На Огродовой улицѣ эти констабли разбили винный погребъ купца Кноля, который отказался повиноваться ихъ приказаніямъ. На рынкѣ за Желѣзной Брамой, вслѣдствіе такого-же упорства и неповиновенія, разбросана и переломана констаблями деревянная посуда одного бондаря. На Сольной улицѣ, гдѣ что-то строилось, констабли раскидали известку и мазали ею рабочихъ, которые не хотѣли разойтиться по домамъ [49]).

Къ тремъ часамъ по полудни все было въ томъ видѣ, какой требовался для предстоящей церемоніи.

Процессія тронулась изъ архіепископскаго палаца налѣво, улицами: Долгой, Пршеяздомъ, Бѣлянской, Тлумацкой, Лешномъ, Римарской, Сенато̀рской, Вержбовой, Саксонскою площадью, Кра̀ковскимъ предмѣстьемъ, мимо Замка, въ Фару [50]).

Впереди шли, какъ и при погребеніи пяти жертвъ, сироты и старцы Варшавскаго Благотворительнаго Общества, со всѣми членами этого общества. За тѣмъ слѣдовали учебныя заведенія обоего пола. Реальная гимназія несла прикрѣпленную къ палкѣ таблицу съ гербомъ Литвы и Польши [51]). Студенты Медико-Хирургической Академіи несли знамя съ Польскимъ орломъ и трехцвѣтными лентами. За ними шла Художественная Школа, Земледѣльческое Училище съ Маримонта; Варшавская Консерваторія съ ея директоромъ; разные артисты и литераторы; штатъ городскихъ врачей; цѣхи со знаменами, которыя тоже были украшены Польскими орлами и увиты трехцвѣтными и траурными лентами. Братства. Члены литературной архиконфратерны. Делегація погребальнаго комитета. Орденъ сестеръ Фелиціанокъ. Орденъ Варшавскихъ Сестеръ Милосердія. Черное духовенство. Бѣлое духовенство. Профессора Духовной Академіи. Капитула. Духовное лицо, исполняющее обрядъ погребенія. Крестъ архіепископа, несомый

---

[49]) Дѣло А. В. № 7.
[50]) Обыкновенное, народное названіе Свенто-Янскаго костела.
[51]) Начинаются „добавленія.“

однимъ изъ митрополитальныхъ каноникова. Гробъ на плечахъ; для порядка при семъ часть погребальной делегаціи. Терновые вѣнцы на подушкахъ. Двѣ короны, Польская и Литовская, также на подушкахъ; при нихъ, какъ-бы объясненіе, гербы Литовскій и Польскій, тоже на подушкахъ. За гробомъ шло семейство покойнаго, правительственныя лица и народъ. Тутъ же слѣдовалъ и катафалкъ.

На Банковой площади встрѣтило процессію Еврейское духовенство, имѣвшее также таблицу съ гербомъ Литвы и Польши, и двинулось, согласно своимъ постановленіямъ, непосредственно за гробомъ. Въ Фару оно конечно не входило [52]).

Графъ Ламбертъ хотѣлъ лично присутствовать на церемоніи, со своимъ штабомъ, и уже надѣлъ-было мундиръ; на дворѣ Замка приготовлено было до пятнадцати верховыхъ лошадей, какъ вдругъ ему донесли объ измѣненіи программы похоронъ: графъ снялъ съ себя мундиръ, надѣлъ сертукъ и сѣлъ подъ окошко. У другихъ оконъ размѣстились, вооружась биноклями, Герштентвейгъ, Крыжановскій, Велепольскій, Потаповъ, прибывшій не задолго передъ тѣмъ для преобразованія Варшавской полиціи, и еще нѣсколько высшихъ военныхъ чиновъ. Всѣ окна были заняты зрителями. Когда процессія поравнялась съ Замкомъ, нѣкоторые изъ упомянутыхъ лицъ молча переглянулись..... .

На другой день, 11 Октября, отслужена торжественная панихида епископомъ Декертомъ, занявшая три часа времени, отъ 7 до 10 утра. За тѣмъ послѣдовала «великая обѣдня-сумма» и заключительное молебствіе, называемое «Kondukt Castrum Doloris» что заняло $2\frac{1}{2}$ часа. Въ половинѣ перваго пополудни совершилось положеніе тѣла въ склепахъ митрополитальныхъ.

Въ промежуткѣ этихъ богослуженій произнесено двѣ проповѣди: одна епископомъ Платеромъ, а другая каноникомъ Ржевускимъ, съ различными патріотическими намеками и заявленіями.

Все время шелъ сборъ денегъ «на дѣло отчизны», а разная молодежь, бродя по костелу, напоминала народу о предстоящихъ близкихъ торжествахъ: годовщинѣ Костюшки, 15 Октября, и годовщинѣ Понятовскаго, 19 тогоже мѣсяца.

Въ два часа по полудни помѣщики отправились, съ пріѣхавшими крестьянами, въ Европейскую гостинницу, гдѣ ждалъ ихъ великолѣпный обѣдъ на 200 кувертовъ. Въ числѣ угощавшихъ суетился болѣе всѣхъ помѣщикъ Ловичскаго уѣзда Варшавской губерніи, Августъ Завиша, братъ Артура Завиши, павшаго жертвою патріотическаго увлеченія, въ 1833 году [53])

Среди обѣда, одинъ почтенный крестьянинъ всталъ и сказалъ: «Теперь, точно, вы съ нами въ ладахъ, господа; но когда дойдетъ до чего, какъ-бы не случилось, что въ 1831 году; подбить вы насъ подобьете, а потомъ и бросите на съѣденіе Москалямъ!»

Кромѣ этого обѣда дана была, въ той-же гостинницѣ, студентами Медико-хирургической Академіи и старшими учениками реальной гимназіи особая закуска Вилляновскимъ поселянамъ, при чемъ извѣстный чита-

[52]) Большія подробности погребенія можно видѣть въ Варшавской Газетѣ 1861, №№ 242 и 243.

[53]) См. Арх. 1870, стр. 236—237.

телямъ сапожникъ Гишпанскій произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ присутствующихъ «жить съ помѣщиками какъ-можно согласнѣе и не пренебрегать обществомъ Евреевъ.»

Въ пятомъ часу крестьяне, разумѣется, сильно подгулявшіе, вышли изъ гостинницы и крича: «да здравствуетъ Варшава!» усѣлись въ приготовленные заранѣе три омнибуса и нѣсколько дружекъ и отправились: часть на станцію Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, а другая (Вилляновскіе) къ Мокотовской заставѣ. На козлахъ передоваго омнибуса сидѣлъ крестьянинъ, съ бѣлымъ знаменемъ, которое получили угощаемые отъ помѣщиковъ за обѣдомъ. Вилляновскіе имѣли свое знамя, то самое, съ которымъ они вошли въ Варшаву, какъ было разсказано выше. Оффиціальный повстанскій фотографъ того времени, Байеръ, снялъ весь этотъ поѣздъ.

Такъ кончились невѣроятные дни 10 и 11 Октября. Городъ опять потерялъ голову, какъ въ Февралѣ, послѣ манифестаціи похоронъ пяти жертвъ. Опять партіи смѣшались, и строго отдѣлить, гдѣ красные и гдѣ бѣлые, было тогда очень трудно. Выборы конечно были забыты. Корженевскій съ товарищами потирали руки. Вся масса Варшавянъ, за самыми незначительными исключеніями, думали только о томъ, какъ бы продолжить манифестаціи. Вездѣ ходили по рукамъ печатныя и письменныя объявленія, возвѣщавшія о панихидѣ по Костюшкѣ на 15 Октября и о какомъ-то стихотвореніи въ честь этого героя, отпечатанномъ въ типографіи Польскаго Банка. Въ особенности показалось много такихъ плакатовъ 13 Октября.

Намѣстникъ рѣшился положить предѣлъ безпорядкамъ. Онъ приказалъ, вечеромъ 13 Октября н. ст., директору своей канцеляріи, д. с. с Казачковскому, изготовить все, что̀ нужно, для объявленія военнаго положенія на другой день утромъ, 14 Октября, и объявить его, разославъ, на разсвѣтѣ, печатные экземпляры во всѣ дома.

Написанное еще въ Мартѣ того года, военное положеніе было теперь немного измѣнено и отпечатано къ утру, 14-го, въ столькихъ экземплярахъ, сколько въ Варшавѣ домовъ, кромѣ экземпляровъ для плакардированія по стѣнамъ. Каждый домохозяинъ получилъ отдѣльный листъ и на немъ расписался — мѣра, принятая затѣмъ, чтобы послѣ никто изъ домохозяевъ не могъ отговариваться невѣдѣніемъ [54]).

Военнымъ положеніемъ запрещались всякія сборища, пѣніе возмутительныхъ гимновъ, денежные сборы, распространеніе плакатовъ и т. п. Военнымъ начальникамъ предоставлялось право принимать всѣ полицейскія мѣры, какія они признаютъ въ данномъ случаѣ нужными для водворенія спокойствія. Они могли запирать, когда вздумается, лавки, кофейни и прочія публичныя заведенія; воспрещать собранія въ частныхъ

---

[54]) Сообщено автору самимъ Казачковскимъ. Нѣкоторыя подробности распоряженій по введенію военнаго положенія можно также видѣть въ приказѣ Варшавскаго оберъ-полицімейстера отъ 1 (13) Октября 1861, напечатанномъ во всѣхъ Варшавскихъ газетахъ. Казачковскій подалъ Намѣстнику еще прежде записку о необходимости военнаго положенія, составленную подъ его редакціей разными чиновниками канцеляріи намѣстника и генералъ-губернатора. Эта записка напечатана въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ“, 1869. IV, 157.

и публичныхъ домахъ; прозводить во всякое время у жителей обыски, всѣхъ подозрительныхъ и праздно-проживающихъ подвергать аресту; въ случаѣ сопротивленія власти прибѣгать къ оружію.

Сверхъ того, отдѣльнымъ приказомъ полиціи, объявлены всѣ шинки, баваріи, сады Саксонскій и Красинскій закрытыми, впредь до особаго распоряженія. Извощикамъ предписывалось: останавливаться мгновенно по требованію полицейскихъ чиновъ, кого-бы они ни везли. Студентамъ запрещалось безъ особенной надобности выходить на улицу. Болѣе трехъ человѣкъ не должны были нигдѣ сходиться и разговаривать.

Когда все это оглашалось, войска занимали означенные въ особомъ приказѣ по арміи пункты, и Варшава приняла въ другой разъ видъ осажденнаго города. Жители смотрѣли на это и какъ-бы не вѣрили глазамъ, но струсили всѣ. День прошелъ мирно.

Въ теченіи его красные совѣщались. «Что дѣлать? Идти дальше тѣмъ-же путемъ, или пріостановиться? Шутитъ, или не шутитъ правительство?» Поблажекъ было оказано столько, что представлялось невозможнымъ, чтобы тѣ же самыя власти, которыя были такъ долго терпѣливы и снисходительны, вдругъ, за одну ночь, измѣнились совершенно. Между-тѣмъ манифестація на годовщину Костюшки такъ хорошо уложилась во всѣхъ головахъ, такъ дразнила разными подробностями повстанское воображеніе....

По обсужденіи вопроса со всѣхъ сторонъ, рѣшили попробовать устроить что̀ можно, что̀ дастся, и съ этой цѣлію отправили, часу въ 9-мъ утра, въ костелы Свенто-Янскій, Бернардинскій и Свенто-Кришскій кучу ребятишекъ и женщинъ, которымъ велѣли запѣть, въ извѣстный моментъ, гимны. «Что будетъ?» Но юные и неопытные менѐры не могли сдѣлать ничего: никакого пѣнія у нихъ не выходило. Тогда старшіе не выдержали: вошли въ костелы массой, увлекая туда-же бродившій уныло по улицамъ народъ, гдѣ были люди всякаго званія, и гимны, около 11-ти часовъ дня, раздались во всѣхъ трехъ костелахъ, съ подобающею торжественностію. Въ соборѣ Св. Яна, на мѣстѣ портрета покойнаго архіепископа, при катафалкѣ (котораго нарочно не убирали) явился портретъ Костюшки.

Намѣстникъ и генералъ-губѐрнаторъ были немедля обо всемъ этомъ увѣдомлены. Ими приказано: «Въ точности слѣдовать постановленію, выданному особо на случай сборищъ въ костелахъ, т. е. окружить костелы, (гдѣ поются гимны) войскомъ и когда служба кончится и народъ станетъ выходить, арестовать всѣхъ взрослыхъ мущинъ, не трогая женщинъ и дѣтей» [55]).

Такъ и сдѣлали: ко всѣмъ сказаннымъ костеламъ приведены войска, и имъ отдано надлежащее приказаніе. Въ тоже время коноводы манифеста-

[55]) Вотъ это постановленіе вполнѣ: „§ 10. Во всѣ костелы отрядить полицейскія команды, кои должны, въ случаѣ пѣнія запрещенныхъ гимновъ, давать знать ближайшему начальнику войскъ, который посылаетъ къ тому костелу, гдѣ поются гимны, войско. Войско внутрь костела не входитъ, но, при выходѣ оттуда народа, арестуетъ мущинъ, пропуская женщинъ и дѣтей. При этомъ, если можно, присутствуетъ одинъ изъ полицеймейстеровъ. Во всякомъ случаѣ долженъ быть непремѣнно цыркуловый комисаръ." (полицейскій офицеръ выше нашего квартальнаго надзирателя и ниже частнаго пристава.)

ціи отдали народу свое приказаніе: «не выходить, не выдавать!»

Служба кончилась, но изъ костеловъ никто не показывался. Такъ прошелъ день и наступила ночь. Солдаты поставили ружья въ козлы и разложили по улицамъ, противъ окруженныхъ костеловъ, огни. Въ городѣ была мертвая тишина, но никто ни спалъ.

Замокъ, гдѣ собрались всѣ высшіе военные и гражданскіе чины изъ Русскихъ, не безъ страха прислушивался къ этой роковой тишинѣ, которую нарушалъ изрѣдка развѣ звонъ чьей-нибудь сабли о мостовую, или бряканье ружья о ружье, не то глухой говоръ солдатъ.

Разсуждали о томъ: «что̀ дѣлать съ запертыми массами?» Большинство считало за лучшее: «строго держаться постановленія, ждать, когда выйдутъ и тогда арестовать». А что когда-нибудь да выйдутъ, въ этомъ, разумѣется, не было сомнѣнія. Уже стало извѣстно что къ окнамъ Свенто-Янскаго костела народъ приносилъ булки и швырялъ ихъ внутрь, гдѣ это было удобно.

Герштенцвейгъ стоялъ на сторонѣ большинства, т. е. находилъ неумѣстнымъ нарушать только-что изданное постановленіе. Чувствуя, близь полуночи, чрезмѣрную усталость, онъ, не спавшій къ тому-же двое сутокъ сряду, отправился домой, въ Брюловскій дворецъ, и оставилъ Ламберта на жертву его безхарактерности.

Отъѣздъ генералъ-губернатора изъ Замка былъ замѣченъ въ городѣ, и къ нему ту-же минуту явился епископъ Декертъ, съ просьбою: «выпустить народъ изъ костеловъ и никого не арестовывать.» Ему было объявлено чрезъ адьютанта, что «пусть выходятъ: препятствія къ этому нѣтъ; что̀ же до арестовъ, это дѣло правительства, и разсуждать теперь объ этомъ не время» [56]).

Когда Декертъ принесъ этотъ отвѣтъ въ свой духовно-революціонный кружокъ, ксендзы краснаго оттѣнка заявили, что необходимо устроить ночную процессію, съ хоругвями, крестами и выручить осажденныхъ.

Бывшіе въ кружкѣ свѣтскіе агитаторы предлагали свое содѣйствіе и находили возможнымъ, при всеобщемъ чрезвычайномъ раздраженіи массъ, поднять весь городъ.

Смутныя свѣдѣнія объ этихъ затѣяхъ достигли, съ разными прикрасами и дополненіями, до нѣкоторыхъ начальниковъ войскъ. Разсказывалось между прочимъ, что гдѣ-то уже собраны огромныя толпы народа и только ждутъ приказанія вождей, чтобы ринуться. Духовенство пойдетъ въ полномъ облаченіи, съ разными религіозными инсигніями, понесутъ святые дары, монстранцію....Генералъ Хрулевъ, наслушавшись всего этого на улицѣ, явился въ Замокъ въ первомъ часу ночи и, передавъ Намѣстнику и окружавшимъ его генераламъ все слышанное, замѣтилъ, что «считаетъ минуту весьма опасною; что взрывъ возможенъ; конечно, жители войскъ не одолѣютъ, но все таки произойдетъ побоище страшное, и падутъ многія жертвы, можетъ быть болѣе, чѣмъ 8 Апрѣля; особенно не выгодно для правительства перебить кучу поповъ, которые непремѣнно явятся во главѣ толпы.»

Въ предупрежденіе катастрофы, Хрулевъ находилъ умѣстнымъ измѣнить особымъ постановленіемъ 10-й параграфъ распоряженія объ арестахъ въ костелахъ: «послать въ окружен-

[56]) Сообщено адъютантомъ Герштенцвейга; ниже нѣкоторыя подробности отъ него же.

ные войсками костелы офицеровъ съ невооруженными командами солдатъ, которые предложатъ народу выйти; если этого не послѣдуетъ, — ввести невооруженныя команды и всѣхъ арестовать.»

Многіе изъ бывшихъ тогда въ Замкѣ высшихъ чиновъ одобрили эту мѣру. Послѣ небольшаго раздумья, съ нею согласился и Намѣстникъ и уполномочилъ генерала Хрулева распорядиться въ томъ духѣ, какъ имъ было предложено.

Хрулевъ вышелъ и отдалъ соотвѣтственныя приказанія, вслѣдствіе чего во всѣ три храма были отряжены невооруженныя команды, подъ начальствомъ офицеровъ.

Когда одна изъ такихъ командъ вступила въ Свенто-Кршискій костелъ, тамъ никого не оказалось. Одни говорятъ, будто-бы народъ ушелъ черезъ сакристію въ садъ, прилегающій къ костелу, и оттуда перебрался частію на Свенто-Кршискую, частію на Мазовецкую улицу. По другимъ разсказамъ, народъ ушелъ чрезъ подземелье, существовавшее между костеломъ и домомъ графа Андрея Замойскаго [57]).

Другая команда, немного спустя, отправилась въ Бернардинскій костелъ. Едва только солдаты показались на порогѣ, какъ народъ, схвативъ скамейки, шандалы и что попало подъ руку, бросился на нихъ и заставилъ отступить. Въ храмъ были введены вооруженныя команды, которыя, послѣ небольшой свалки, арестовали всѣхъ мущинъ и отвели въ Замокъ.

Аресты въ Свенто-Янскомъ костелѣ произошли въ присутствіи генераловъ: Герштенцвейга и Потапова, которые прибыли туда, со своими адъютантами, часу въ четвертомъ ночи. Всѣ они были въ мундирахъ, только съ накинутыми сверху шинелями, такъ-какъ было довольно-холодно.

Когда эти лица переступили черезъ порогъ, имъ представилось слѣдующая картина. Храмъ горѣлъ огнями. Въ срединѣ—великолѣпный катафалкъ, съ серебрянымъ балдахиномъ, усѣяннымъ траурными слезами; священнослужители въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ, и народъ, павшій на колѣни, лицомъ къ алтарю, въ совершенномъ безмолвіи.

Одинъ изъ генераловъ произнесъ попольски: «Господа! выходи́те, ибо иначе приказано будетъ васъ арестовать.»

Никто не отозвался ни однимъ словомъ. Темная масса, какъ одинъ человѣкъ, затаивъ дыханіе, точно оцѣпенѣвшая или сраженная внезапною смертію, стояла, по прежнему, на колѣняхъ. Серебряный катафалкъ горѣлъ и переливался огнями. Весь храмъ дышалъ свѣтомъ и молитвою.

Трудно было начать въ такую минуту и при такой обстановкѣ аресты; но, дѣлать нечего, приказъ былъ отданъ. Солдаты вошли и стали брать людей поочереди, небольшими кучками, и отводить въ Замокъ. Одинъ ксендзъ, въ бѣлой ризѣ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ всю дорогу, читая молитвы, и сейчасъ-же, по прибытіи на замковую гауптвахту, заснулъ. Иные отдавались въ руки безмолвно, не сопротивляясь нисколько; другіе вступали съ солдатами въ борьбу,

---

[57]) Дѣйствительно былъ какой-то подземный ходъ въ тѣхъ мѣстахъ. Позже спускались туда наши офицеры, и одинъ изъ нихъ разсказывалъ автору, что, сойдя въ саду Замойскаго въ гротъ близь угла теперешней веранды, онъ вышелъ каменнымъ коридоромъ въ сакристію Свенто-Кршискаго костела. На дорогѣ поднялъ женскій зонтикъ.

доходившую мѣстами до серьезныхъ схватокъ.

Какъ только начались аресты, на колокольнѣ собора ударилъ колоколъ и заунывно разливался въ пространствѣ надъ тихимъ городомъ. Сперва, за суматохой, его не слыхали, но потомъ эти звуки стали раздражать многихъ изъ распоряжавшихся арестами. Герштенцвейгъ первый не выдержалъ и воскликнулъ: «Да снимите мнѣ этого звонаря съ колокольни!» [58]) Но до него не такъ легко было добраться: лѣстница и сѣни колокольни были биткомъ набиты народомъ. Пришлось арестовывать, въ такой тѣснотѣ, по одиночкѣ, а колоколъ гудѣлъ себѣ да гудѣлъ...

Близь пяти часовъ утра, аресты кончились, и арестованные переведены изъ Замка въ Цитадель.

«Сколько ихъ?» спросилъ Герштенцвейгъ.

— Тысячи двѣ-три отвѣчали ему.

«Что̀ мы будемъ съ ними дѣлать?... Quelle terrible histoire!» [59])..

Когда совсѣмъ ободняло, городъ представилъ кипящій котелъ. Можно было думать, что вотъ-вотъ вспыхнетъ возстаніе. Большія кучи народа бродили по улицамъ съ угрожающими криками. Взрывъ точно былъ возможенъ: все зависѣло отъ появленія энергическаго вождя, отъ искры, а порохъ былъ въ достаточномъ количествѣ. Но искры на ту пору не случилось; можетъ статься, такой искры вовсе не было въ тогдашней Варшавѣ, или она сидѣла въ Цитадели. Сотни двѣ-три казаковъ, пущенныя по улицамъ, угомонили крикуновъ нагайками. Къ полудню кипучія волны совершенно улеглись, какъ будто ничего и не было. Хирурги, заготовленные на случай въ Замкѣ, разошлись по домамъ. Настала тишина. Среди этой тишины, все, что̀ только не было арестовано изъ вождей и вліятельныхъ лицъ разныхъ кружковъ, собралось, вмѣстѣ съ вліятельнымъ духовенствомъ, въ залѣ Консисторіи, на Медовой улицѣ. Тутъ были между прочимъ два епископа: Сандомірской эпархіи Юшинскій и Келецко-Краковской,—Маерчакъ; каноники: Секлюцкій, Дзяшковскій, Ржевускій; нѣсколько ксендзовъ и новоизбранный капитулярный викарій, иначе администраторъ, Бялобржескій, заступившій мѣсто архіепископа [60]).

Въ первыя минуты все это сборище метало громы и молніи. Высказывались упреки населенію, всему вялому и безхарактерному Славянству: такой удивительный моментъ къ поголовному возстанію—и не возстать!

Когда крики успокоились, собравшіеся начали разсуждать о положеніи своихъ братьевъ въ Цитадели: «сегодня все это здѣсь, до̀ма, а завтра, въ силу военнаго положенія, или просто, по распоряженію высшей власти, можетъ очутиться на пути въ Сибирь, наполнить казематы разныхъ крѣпостей, быть приговорено къ смерти!»... Между арестованными находились дѣти первыхъ магнатовъ: эти магнаты, которыхъ часть могла засѣдать тутъ-же [61]), въ Консисторіи,

[58]) Свѣдѣніе отъ его адъютанта, стоявшаго тогда подлѣ генерала.

[59]) Какая страшная исторія (свѣдѣніе отъ того-же адъютанта).

[60]) Свѣдѣніе отъ Казачковскаго. Сообщая объ этомъ автору, онъ замѣтилъ, что въ теченіи всего 1861 года и позже не было минуты, казавшейся ему столько опасною, какъ утро 16 Октября.

[61]) Не подлежитъ сомнѣнію, что на этомъ засѣданіи было довольно-много свѣтскихъ лицъ разнаго званія, но имена ихъ остались неизвѣстными, не смотря ни на какія разслѣдованія.

готовы были пожертвовать всѣмъ, отдать возстанію послѣднюю копѣйку, лишь-бы увидѣть своихъ дѣтей сейчасъ свободными. «Что-же дѣлать? Какія придумать средства къ скорѣйшему освобожденію всего, что заперто въ Цитадели и терпитъ тамъ, Богъ знаетъ, какую участь? Что дѣлать вообще, въ такую страшную минуту, когда жизнь остановилась: городъ занятъ войсками, публичные сады заперты, общественныя мѣста тоже; не всякому можно выйти, когда онъ хочетъ, на улицу... Стѣснительнѣе, ужаснѣе этого Варшава ничего не помнитъ!»

Среди такихъ вопросовъ, восклицаній, упрековъ другъ другу за неумѣнье вести дѣло какъ-слѣдуетъ, по-европейски, какой-то ксендзъ сказалъ: «Нечего тратить по напрасну словъ и времени, а надо дѣйствовать; прежде всего запереть оскверненные храмы; духовенство имѣетъ на это право, постановленія папъ!»

Эта мысль поразила всѣхъ. Всѣ ее одобрили, и тутъ-же, не справляясь ни съ какими законоположеніями (часть которыхъ была рѣшительно на сторонѣ правительства) собравшіеся составили такое воззваніе Консисторіи къ Варшавскому духовенству.

«Варшава, Октября 16 дня, 1861 года.

«Генеральная Консисторія архіепархіи Варшавской къ достойнымъ настоятелямъ парафіальныхъ костеловъ и духовныхъ братствъ въ Варшавѣ.

«По причинѣ оскверненія нынѣшнею ночью Варшавскихъ костеловъ: митрополитальнаго, Св. Яна и Бернардинскаго, оба эти костела, по приказанію его высокопреосвященства, администратора архіепархіи, съ сего дня запираются и пока не произойдетъ открытія оныхъ, никакое богослуженіе въ нихъ не можетъ имѣть мѣста. Сверхъ того, изъ опасенія, чтобъ и другіе храмы Господни не подверглись таковымъ-же вторженіямъ и оскверненію, его высокопреосвященство, администраторъ приказалъ запереть завтрашняго числа всѣ парафіальные и другіе костелы и каплицы, впредь до особаго распоряженія, т. е. пока не получится ручательства въ томъ, что сказанные храмы будутъ обезпечены отъ поруганія, и вѣрный народъ не увидитъ себя въ возможности возсылать въ оныхъ, съ совершенной безопасностію, свои молитвы къ Богу.»

(Подписали) «Судья-суррогатъ, митрополитальный, Варшавскій каноникъ, ксендзъ Августъ Секлюцкій. Секретарь ксендзъ Цеслевскій.»

Это воззваніе быстро облетѣло Варшаву. Всѣ кружки и сословія читали его съ восторгомъ и называли поповъ «молодцами, выручателями.» Намѣстникъ также скоро узналъ объ этомъ воззваніи и потребовалъ къ себѣ администратора, съ которымъ имѣлъ весьма горячее объясненіе по этому предмету, часу въ 9-мъ утра тогоже 16 Октября. Бялобрежскій, попавшій въ руки тѣхъ-же самыхъ людей [62]), которые управляли покойнымъ архіепископомъ, человѣкъ, къ тому-же, не менѣе слабохарактерный, говорилъ Намѣстнику то, что ему было внушено разными помощниками и руководителями, передъ отбытіемъ его въ Замокъ. Представивъ потрясающія сцены арестовъ, «крайне поспѣшныхъ

[62]) На основаніи якобы „завѣщанія“ Фіалковскаго, къ администратору были приставлены въ званіи такъ называемыхъ дородцевъ (doradca—помощникъ, совѣтникъ), тѣже самыя лица, которыя были въ этомъ званіи и при покойномъ архіепископѣ: именно каноники Дзяшковскій и Секлюцкій.

и неосмотрительныхъ», администраторъ въ заключеніе сказалъ, что «распоряженіе о закрытіи храмовъ, еще не приведенное въ исполненіе, можетъ быть отмѣнено только въ томъ случаѣ, когда арестованные будутъ немедля освобождены всѣ до единаго, и духовенство получитъ ручательство, что подобныя сцены впредь не повторятся.»

Растроенный, больной Намѣстникъ, почти не смыкавшій глазъ цѣлыхъ трое сутокъ сряду, не счелъ удобнымъ препираться и спорить съ администраторомъ о предметѣ, котораго, какъ свѣтскій человѣкъ, хорошо не понималъ; равно не хотѣлъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, поставить вопросъ въ такія условія, чтобы духовенство перестало воображать, что оно, въ самомъ дѣлѣ, сила, съ которою нельзя бороться. Онъ сказалъ администратору, что «сдѣлаетъ со своей стороны все, что̀ можетъ, къ успокоенію умовъ, надѣясь, что точно также поступитъ и духовенство», и они разстались.

Призванный туже минуту предсѣдатель слѣдственной комиссіи, полковникъ Левшинъ получилъ приказаніе: «отправиться въ Цитадель и, произведя тамъ, вмѣстѣ съ комендантомъ ея, генералъ-маіоромъ Ермоловымъ, возможно-скорую сортировку арестованнымъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ, при чемъ обращать вниманіе на возрастъ» [63]).

Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованныхъ освобождена къ одиннадцати часамъ дня.

[63]) Свѣдѣніе отъ Левшина. Онъ добавляетъ, что когда онъ пошелъ къ дверямъ, Намѣстникъ будто-бы воротилъ его съ порога и сказалъ: „не стѣсняйтесь!"

Генералъ-губернаторъ ничего не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ до полудня. Принимая въ девять часовъ, по заведенному порядку, рапортъ отъ коменданта города, генералъ-маіора князя Бебутова и услыхавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ Цитадель, онъ приказалъ взглянуть на арестантовъ и позаботиться, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома [64]).

Послѣ этого генералъ-губернаторъ принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ Замокъ, гдѣ узналъ все и имѣлъ съ Намѣстникомъ, глазъ на глазъ, то крупное объясненіе, о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайной.

Иные думаютъ, что Герштенцвейгъ высказалъ Намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій: «нарушивъ собственное свое постановленіе, на томъ основаніи, что аресты были признаны дѣломъ неизбѣжнымъ и неотвратимымъ, заставивъ его, Герштенцвейга, распорядиться этимъ въ соборѣ, — черезъ нѣсколько часовъ отдать приказъ объ освобожденіи арестованныхъ! Къ чему-жъ была вся эта ночная, печальная комедія, свалка народа съ войсками, при звонѣ набат-

[64]) Свѣдѣніе отъ князя Бебутова. Въѣзжая, въ исходѣ десятаго часа, въ Цитадель, онъ встрѣтилъ, къ немалому своему изумленію, двѣ большія партіи арестантовъ, человѣкъ, приблизительно, 500, шедшія по Константиновскому мосту въ городъ. Потомъ, во дворѣ Цитадели, попалась ему еще партія. Пробывъ въ Цитадели около часу, въ теченіи котораго сортировка и освобожденіе непрерывно продолжались и, убѣдясь, что о тюфякахъ и о прочемъ заботиться особенно нечего, князь поѣхалъ опять въ Брюлевскій палацъ доложить обо всемъ видѣнномъ генералъ-губернатору, но его уже не было до̀ма: онъ былъ въ Замкѣ.

наго колокола; къ чему былъ соблазнъ нарушенія собственнаго приказа?»

Тутъ-же вылилось, вѣроятно, и все то, что̀ затаено было въ груди довольно-давно, что̀ накопилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, привезено изъ Петербурга...

Какъ-бы то ни было, Намѣстникъ и Герштенцвейгъ вызвали другъ друга, по мнѣнію большинства, на дуэль, которую, во избѣжаніе скандала, рѣшились привести въ исполненіе особымъ, такъ-называемымъ Американскимъ способомъ: брошенъ былъ жребій, кому выпадетъ «пистолетъ», тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герштенцвейгу...

Такъ разсказывали въ Варшавѣ и разсказываютъ до сихъ поръ. Вѣрно извѣстно только то, что Герштенцвейгъ уѣхалъ изъ Замка часу въ пятомъ дня, чрезвычайно-разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя до̀ма, съ директоромъ своей канцеляріи, Честилинымъ, и однимъ изъ своихъ адъютантовъ Полѣновымъ. Говорили мало. Всѣмъ было, что̀ называется, не по себѣ.

Пообѣдавъ, Герштенцвейгъ легъ, въ своемъ кабинетѣ [65]), отдохнуть, не раздѣваясь, въ сертукѣ, какъ былъ, и не велѣлъ никого принимать. Такъ пролежалъ онъ, почти безъ движенья, весь тотъ вечеръ [66]).

На другой день, 17 Октября н. ст., вставъ съ постели часовъ въ 7 утра, онъ зарядилъ револьверъ и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два-раза: первая пуля, скользнувъ по черепу, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ одиннадцать трещинъ, и пуля, пробивъ лобъ и скользнувъ по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ [67]). Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и сохранялъ всѣ чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ, онъ легъ и позвонилъ [68]).

Выстрѣловъ въ домѣ никто не слыхалъ. Вошедшій по звонку человѣкъ увидѣвъ генерала окровавленнымъ, бросился вонъ къ дежурному адъютанту. Когда тотъ вбѣжалъ,—«Imaginez-vous, сказалъ ему спокойно Герштенцвейгъ: deux coups, et je ne suis pas encore mort!» [69])

Дальнѣйшій ихъ разговоръ не извѣстенъ...

Въ девятомъ часу пріѣхалъ Ламбертъ и, желая говорить съ больнымъ наединѣ, далъ знакъ адъютанту, чтобы онъ вышелъ, но тотъ объяснилъ, что безъ приказанія своего генерала сдѣлать этого не можетъ. «Прикажите!» сказалъ Ламбертъ. Герштенцвейгъ, повидимому неохотно, далъ знакъ...

Между тѣмъ въ городѣ пошли таинственныя восточныя шушуканья, при чемъ всякій, разсказавъ кому либо исторію, прибавлялъ: «только пожалуйста никому!» хотя всѣ давно знали.

---

[65]) Что̀ былъ потомъ, послѣдовательно, кабинетомъ Велепольскаго, Милютина (въ его пріѣздъ въ Варшаву) и Соловьева.

[66]) Свѣдѣніе отъ князя Бебутова. Онъ подходилъ къ двери кабинета нѣсколько разъ, пріотворялъ ее тихо и видѣлъ Герштенцвейга въ одномъ и томъ-же положеніи, на ближайшей софѣ, которая и теперь стоитъ на томъ же мѣстѣ.

[67]) Оффиціальные источники.

[68]) Свѣдѣніе отъ одного изъ адъютантовъ Герштенцвейга. Онъ сказывалъ между прочимъ, что послѣ того, какъ было замѣчено сильное разстройство въ генералѣ, кто то умышленно испортилъ его револьверъ, и ли по крайней мѣрѣ старался испортить.

[69]) Вообразите: два выстрѣла, и я еще

Страшно сказать: несчастный умиралъ 19 дней! Смерть послѣдовала, когда попробовали вынуть пулю: 24 Октября ст. ст.

*

Дѣло о храмахъ продолжалось. Не смотря на освобожденіе арестантовъ, которыхъ къ вечеру 16 Октября н. ст. осталось въ Цитадели, изъ числа захваченныхъ въ храмахъ, только десятая часть, духовенство, въ стачкѣ съ заговоромъ, получившимъ при этихъ замѣшательствахъ и безпорядкахъ новый толчокъ, оживленіе и силы, склонило администратора отдать приказаніе о закрытіи костеловъ Свенто-Янскаго и Бернардинскаго, съ приложеніемъ печатей, что̀ и было исполнено, передъ вечеромъ 17 Октября благочиннымъ Витманомъ, а въ остальныхъ прекращено богослуженіе [70].

Узнавъ объ этомъ, Намѣстникъ приказалъ директору Комиссіи Духовныхъ Дѣлъ (Велепольскому) потребовать отъ капитулы объясненія ея поступка и вмѣстѣ съ тѣмъ передать администратору, что «возлагаетъ на него отвѣтственность, по всей строгости военнаго положенія, за всѣ послѣдствія, какія отъ того произойти могутъ».

Велепольскій далъ знать объ этомъ капитулѣ и черезъ часъ или черезъ два получилъ отвѣтъ администратора на полутора листахъ. Вотъ изъ него выборки:

...«Послѣ того, какъ я (пишетъ администраторъ) по поводу происшедшихъ событій и могущихъ случиться еще ужаснѣйшихъ послѣдствій, выразилъ передъ его сіятельствомъ, графомъ Ламбертомъ, скорбь всей церкви, всего духовенства и народа христіанскаго, Намѣстникъ далъ мнѣ слово, что подобнаго рода неслыханныя дѣйствія будутъ прекращены и болѣе не повторятся.

«Тогда и я, съ своей стороны, объявилъ, что распоряженіе духовныхъ властей относительно закрытія костеловъ также будетъ уничтожено.

«Нынѣ Намѣстникъ и директоръ Комиссіи вѣроисповѣданій требуютъ отъ меня письменнаго объясненія по сему предмету. Повторяю, какъ уже сказалъ на словахъ, что я готовъ уничтожить означенное распоряженіе, и оно будетъ уничтожено: костелы отворены быть могутъ; но кто поручится, чтобы народъ, раздраженный и выведенный изъ себя послѣдними событіями, не запѣлъ тамъ опять религіозно-патріотическихъ гимновъ? Дабы достигнуть болѣе спокойнаго настроенія умовъ, потребно много времени и нѣкоторая свобода, по крайней мѣрѣ духовная... а со стороны правительства не сдѣлано къ тому покамѣстъ ни одного шага, и нѣтъ оффиціальнаго завѣренія, что такія ужасающія сцены и поруганіе храмовъ не повторятся... Напротивъ, въ въ 10 § полицейскаго приказа отъ 14 Октября, упомянуто, что во всѣ костелы будутъ назначаемы полицейскіе солдаты, которые, въ случаѣ пѣнія запрещенныхъ гимновъ, обязаны доносить о томъ ближайшему военному начальству, чтобы оно присылало войско.

«Таковымъ распоряженіемъ молитва, духовенство и народъ преданы во власть полиціи и войскъ, и можно думать, что правительство имѣетъ въ виду еще болѣе ужасныя мѣры, которыя поставятъ религію и церковь въ еще опаснѣйшее положеніе....

[70]) Свѣдѣнія отъ каноника Секлюцкаго. Свенто-Янскій костелъ запертъ въ 5 часовъ, а Бернардинскій въ 6 часовъ пополудни.

«Массы невинныхъ жертвъ захвачены въ храмахъ, сихъ единственныхъ убѣжищахъ христіанъ для передачи ихъ молитвъ Богу, убѣжищахъ, казалось, достаточно огражденныхъ отъ всякихъ насилій 213-мъ параграфомъ свода уголовныхъ и исправительныхъ наказаній, и покамѣстъ хотя одно лицо изъ числа этихъ несчастныхъ и ни въ чемъ неповинныхъ узниковъ, а равно и другихъ жертвъ, безпрестанно хватаемыхъ и подвергающихся всякимъ оскорбленіямъ на улицахъ, останется подъ арестомъ, до тѣхъ поръ никакое успокоеніе умовъ не возможно, и вліяніе духовенства не сильно привести къ желаемымъ результатамъ»....

«А потому, принявъ все сіе во вниманіе, я не могу никоимъ образомъ отмѣнить такъ скоро приказаніе, только-что вчера данное относительно закрытія костеловъ, и они должны еще оставаться нѣкоторое время запертыми»....

«Высокое же правительство тѣмъ временемъ найдетъ, со своей стороны, возможность обдумать способы къ возвращенію народнаго довѣрія и освободить всѣхъ арестованныхъ въ костелахъ и на улицахъ, а кромѣ того привести жителей къ убѣжденію, что подобныя горестныя событія не повторятся»...

Велепольскій туже минуту сообщилъ эту бумагу Намѣстнику, который, прочтя ее, потерялъ всякое терпѣніе и, какъ это бываетъ всегда съ безхарактерными людьми, перешелъ вдругъ отъ слабости къ крайнимъ строгостямъ. По его приказанію, начали хватать по улицамъ и гдѣ попало всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ. 19 Октября н. ст. арестовали даже недавнихъ его друзей, Вышинскаго и Стецкаго. Тогда-же арестованы сапожникъ Гишпанскій и литераторъ Вольскій, въ алтарѣ Свенто-Кршискаго костела, гдѣ они укрывались. Затѣмъ взяты цѣлые десятки менѣе извѣстныхъ агитаторовъ. Цитадель снова наполнилась. Комиссаръ 10-го цыркула, Дзержановскій, вслѣдствіе подозрѣнія, что онъ содѣйствовалъ уходу толпы изъ храма Св. Креста, утромъ 15 Октября, приговоренъ къ разстрѣлянію и если остался цѣлъ, то этимъ обязанъ энергическому заступничеству генерала Хрулева. Съ купцевъ, которые заперли лавки въ день годовщины Костюшки, взыскано по 100 рублей штрафу съ каждаго.

Черезъ недѣлю послѣ этого (26 Октября н. ст.) графъ Ламбертъ, едва живой, харкавшій кровью, болѣе похожій на тѣнь, чѣмъ на человѣка, вдругъ скрылся изъ Варшавы, ни съ кѣмъ не простясь. Въ газетахъ было написано только, что «Намѣстникъ Царства Польскаго отправляется, съ высочайшаго соизволенія, за границу на нѣсколько недѣль, для поправленія здоровья».

Онъ жилъ съ тѣхъ поръ безвыѣздно на островѣ Мадерѣ. Разговоръ о Польшѣ его времени былъ постоянно для него больнымъ мѣстомъ, къ которому посѣщавшіе его знакомые и друзья, изъ Россіи и другихъ земель, считали неделикатнымъ дотрогиваться. Одинъ старый его пріятель, изъ Петербурга, проживъ на Мадерѣ около полугода и видясь съ Ламбертомъ чуть не всякій день, воротился въ Россію, не разъяснивши нисколько, ни для себя, ни для другихъ, роковую тайну.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ОЧЕРКА ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Е. А. ГОЛОВИНА.

Истинное наслажденіе доставилъ мнѣ помѣщенный въ первой книжкѣ историческаго сборника XIX Вѣкъ. очеркъ жизни и службы Е. А. Головина. Очеркъ этотъ перенесъ меня въ отраднѣйшія эпохи моего служебнаго поприща и моего знакомства съ боевыми доблестями Русскаго войска, сперва подъ Варною въ 1828 г., а потомъ съ 1845 г. на Кавказѣ. Неоднократно слыхалъ я отъ князя Воронцова, которому поручена была осада крѣпости Варны, самые лестные отзывы о дѣйствіяхъ Головина, какъ въ Турецкую войну, такъ и въ послѣдствіи, противъ враждебныхъ намъ Горскихъ племенъ. Мнѣ памятны эти отзывы, совершенно сходные съ характеристикою (столь мастерски начертанною г. Юрьемъ Толстымъ) главнѣйшихъ качествъ, украшавшихъ покойнаго Евгенія Александровича: безпредѣльной любви къ Россіи, полнаго самоотверженія въ дѣйствіяхъ, ведущихъ къ ея славѣ, истинно религіознаго направленія и, во всей силѣ слова, безукоризненной честности. На Кавказѣ, князь Воронцовъ съ любовію прослѣдилъ все совершенное тамъ Е. А. Головинымъ и находился съ нимъ, поэтому, въ частной перепискѣ.

Но эта, художественною кистью написанная картина жизни и службы Головина, омрачается въ глазахъ моихъ нѣкоторою тѣнью, не вредящею, впрочемъ, общему колориту произведенія.

При оцѣнкѣ системы дѣйствій одного изъ преемниковъ Головина, наиболѣе споспѣшествовавшаго умиротворенію Кавказа и развитію въ немъ благосостоянія, г. Толстой говоритъ (стр. 45): „Воронцовъ успѣлъ обольстить Кавказъ „внесеніемъ въ него утонченной роско„ши, причудливыхъ удобствъ изнѣжи„вающей прелести Европейскаго про„свѣщенія.“

Такая оцѣнка не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что̀ совершилъ въ странѣ ввѣренной его управленію тотъ незабвенный мужъ, который, облеченный властію царскаго намѣстника, въ теченіи 11 лѣтъ, неусыпно заботился о достойномъ выполненіи труднаго и многосложнаго, на него возложеннаго, дѣла.

Князь Воронцовъ дѣйствительно признавалъ главнѣйшею своею задачею установленіе гражданскаго порядка въ Кавказскомъ краю; но не путемъ внесенія въ оный роскоши и причудливыхъ удобствъ стремился онъ къ достиженію этой цѣли:—къ нравственному покоренію Кавказа. Всѣ его усилія клонились къ уничтоженію розни, существовавшей между Русскими и туземцами, къ сліянію ихъ, къ вкорененію въ разнородныхъ и разноплеменныхъ обитателяхъ обширной страны вѣрованія, что они всѣ дѣти одной общей матери Россіи, принявшей ихъ подъ свою сѣнь; всѣ, равно любимые Царемъ, — его подданные; къ водворенію въ нихъ непоколебимаго сознанія, что порядокъ и законность одни могутъ обезпечить ихъ собственное благосостояніе; къ распространенію просвѣщенія; привитію любви къ наукѣ и всему изящному; оживленію торговой дѣятельности и сельской промышленности; къ разработкѣ обильныхъ источниковъ богатства, коими природа столь щедро надѣлила земли, лежащія между морями Чернымъ, Каспійскимъ и Азовскимъ.

Въ этихъ видахъ, князь Воронцовъ обратилъ особое вниманіе на улучшеніе существовавшихъ въ Закавказскомъ краѣ учебныхъ заведеній и распространеніе военныхъ школъ, находившихся при полкахъ и баталіонахъ. Преобразованы были дирекціи училищъ Тифлисскихъ и Ставропольскихъ и учреждены таковые: Шемахо-Дербентская, Кутаиская и Черноморская; открыты гимназіи: Тифлисская, Коммерческая, Кутаиская и Екатеринодарская съ пан-

сіонами; Озургетское уѣздное училище для Гуріи и Имеретіи, Пятигорское, а также училище Нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Тифлисѣ; учреждены уѣздныя училища Дербентское, Шемахинское, Эриванское. Горійское, Георгіевское, Моздокское и Кизлярское; приступлено къ преобразованію Полтавскаго и Кущевскаго приходскихъ училищъ въ Полтавское и Уманское окружныя училища съ пансіонами; открыто Редутъ-Кальское двуклассное приходское училище; приступлено къ преобразованію училищъ Телавскаго и Сигнахскаго, Александропольскаго, Ахалцихскаго, Елизаветпольскаго, Бакинскаго, Нахичеванскаго, Нухинскаго и Шушинскаго, и открыты уѣздныя училища въ Кубѣ, Ленкорани и Новороссійскѣ и приходскія въ Квишетахъ, Рачѣ и Екатеринодарѣ. Обращено было заботливое вниманіе на распространеніе просвѣщенія между полудикими горскими народами, живущими на южной покатости Кавказскихъ горъ, какъ то: Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуровъ.... Вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго въ 1849 г. положенія о воспитаніи Закавказскихъ уроженцевъ въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ Россіи, уроженцамъ этимъ открыты пути по всѣмъ отраслямъ служенія и народнаго просвѣщенія; при чемъ испрошено Высочайшее соизволеніе на опредѣленіе въ кадетскіе корпуса дѣтей Гурійскихъ дворянъ, наравнѣ съ дѣтьми другихъ почетныхъ уроженцевъ Закавказья. Для образованія дѣтей тѣхъ изъ Мусульманъ, которые не желаютъ обучать ихъ въ одномъ заведеніи съ Христіанами, учреждены были сначала въ Тифлисѣ, а въ послѣдствіи въ Дербентѣ, Шушѣ и Елизаветполѣ училища Аліевой и Омаровой сектъ. Независимо отъ существовавшаго Закавказскаго дѣвичьяго института, къ преуспѣянію коего приложена была усердная заботливость князя Воронцова, составилось, стараніями его супруги, женское благотворительное общество, коимъ учреждены воспитательныя заведенія: Св. Нины въ Тифлисѣ и Кутаисѣ; Св. Рипсиміи въ Эривани и Св. Александры въ Ставрополѣ. Въ заведеніяхъ этихъ, предназначенныхъ для неимущихъ дѣвицъ всѣхъ сословій, прилагалось стараніе къ тому, чтобы воспитанницы, по возвращеніи къ своимъ родителямъ или родственникамъ, служили имъ опорою и утѣшеніемъ и чтобы, съ этою цѣлію, доставлялось имъ воспитаніе не роскошное, но развивались бы въ нихъ правила религіозной нравственности и знанія предметовъ первой необходимости, какъ то: Закона Божія, Исторіи, Географіи, Ариѳметики, языковъ Русскаго и туземнаго, рукодѣлія и домашняго хозяйства. Положено основаніе изданію газеты „Кавказъ“ и Календаря, служащаго полезнѣйшимъ сборникомъ статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, равно какъ историческаго, въ хронологическомъ порядкѣ, перечня всѣхъ достопамятнѣйшихъ событій, въ странѣ совершившихся. Основана публичная библіотека, открытъ Кавказскій отдѣлъ географическаго общества, который Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичь удостоилъ принять подъ свое высокое покровительство. Поощряемы были произведенія отечественной литературы и приняты мѣры къ оживленію туземной, для чего, кромѣ существовавшей, учреждена при канцеляріи Намѣстника типографія съ словолитнею, въ которой, между прочимъ, преданы тѣсненію нѣкоторыя замѣчательныя произведенія на Грузинскомъ языкѣ, напр. „Барсовая кожа“, писанная почти 700 лѣтъ тому назадъ при царицѣ Тамарѣ, и нѣкоторыя рукописи, какъ то: Моуровіада, поэма митрополита Іосифа, писанная въ 1685 г.; путешествіе по Востоку архіепископа Тимофея въ 1750 г.; путешествіе по востоку же митрополита Іоны въ 1785 г. Наконецъ основано періодическое изданіе на Грузинскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Заря“.

Радѣя о развитіи, въ обширной странѣ, его управленію ввѣренной, хри-

стіанской религіи и объ утвержденіи началъ истиннаго православія, князь Воронцовъ дѣятельно и съ любовію помогалъ просвѣщенымъ трудамъ экзарха Грузіи, нынѣшняго С. Петербургскаго митрополита Исидора, къ которому онъ питалъ глубочайшее уваженіе. Особое вниманіе высокопреосвященнаго, совокупно съ намѣстникомъ свѣтскимъ, было обращено на Осетію, Сванетію и Цебельду, гдѣ христіанство въ долговременной борьбѣ съ исламизмомъ, приходило въ упадокъ. Въ 1851 г. около 1200 человѣкъ изъ племени Энгилойцевъ, Джаро-Бѣлоканскаго округа, совратившіеся около ста лѣтъ тому назадъ въ магометанство, приняли православіе, и для нихъ воздвигнуты были церкви; въ тоже время и въ нѣкоторыхъ Кабардинскихъ племенахъ, какъ то Болкаръ и Чечемъ, проявилось желаніе возвратиться въ лоно православія, и нѣсколько почетныхъ и вліятельныхъ лицъ изъ этихъ племенъ приняли св. крещеніе. Учреждена съ Высочайшаго одобренія архіерейская каѳедра въ Абхазіи, и этимъ положено основаніе приготовленія для духовной миссіи воспитанниковъ, которые, изучивъ языки Грузинскій и Татарскій, при испытанныхъ дарованіяхъ и нравственныхъ качествахъ, могли бы, съ полнымъ самоотверженіемъ, посвящать себя трудамъ миссіонерскаго служенія въ Абхазіи. По мѣрѣ денежныхъ средствъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, сооружены новые и возобновлены древніе храмы христіанскаго богослуженія; и между прочимъ обновленъ въ Тифлисѣ древній Сіонскій соборъ, этотъ свидѣтель стольких переворотовъ въ краѣ; великолѣпнѣйшая въ немъ живопись изящно исполнена нынѣшнимъ вице-президентомъ Академіи художествъ княземъ Гагаринымъ.

По всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ одного изъ самыхъ главныхъ источниковъ благосостоянія, оказываемы были княземъ Воронцовымъ самыя дѣятельныя поощренія; для размѣна мыслей по этой отрасли, для собиранія и распространенія общеполезныхъ свѣдѣній, для сообщенія о результатахъ произведенныхъ опытовъ и изысканій, основано въ 1851 г. Общество сельскаго хозяйства, вошедшее въ сношенія съ таковыми же въ Россіи и за границею. Выписаны были усовершенствованныя земледѣльческія орудія, коимъ произведены были практическія состязанія; устроены повсюду разсадники лучшихъ плодовыхъ деревьевъ, съ прививками черенковъ, выписанныхъ изъ Крыма и изъ за границы, и оказывались всевозможныя поощренія разведенію огородныхъ овощей, кормовыхъ, красильныхъ и мануфактурныхъ растеній и развитію шелководства, составляющаго важную отрасль сельской промышленности на Кавказѣ. Въ 1851 г. открыта была крайне любопытная выставка произведеній страны, гдѣ сосредоточиваются всякіе климаты и всякаго рода почвы, гдѣ рядомъ почти съ произрастеніями Сѣвера процвѣтаютъ произведенія Юга. Нѣкоторые образцы съ выставки были отправлены на С. Петербургскую, Московскую и Лондонскую выставки и заслужили ихъ владѣльцамъ медали и похвальные листы. Такъ какъ орошеніе полей составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій въ успѣхахъ сельскаго хозяйства, то были приняты дѣятельныя мѣры къ сохраненію и улучшенію существовавшихъ и устройству новыхъ водопроводовъ, по всему краю; приступлено къ приведенію въ извѣстность количества лѣсовъ, къ сохраненію ихъ согласно ближайшимъ соображеніямъ съ мѣстными обстоятельствами и къ введенію правильнаго лѣсоводства. Горному производству, въ странѣ обилующей минералами, дано было все возможное, сообразно съ денежными средствами и обстоятельствами развитіе; въ особенности успѣшными оказались открытія въ разныхъ мѣстностяхъ и разработка каменноугольныхъ копей, торфа, соли и нефти, а для обработки открытыхъ въ краѣ за-

мѣчательныхъ мраморовъ, яшмъ и другихъ твердыхъ породъ. учреждена въ Тифлисѣ гранильная фабрика.

Приведено въ исполненіе предположеніе объ устройствѣ на новыхъ началахъ, управленія Закавказскаго края, вслѣдствіе чего открыты губерніи: Тифлиская, Кутаиская, Шемахинская и Дербентская. Составлявшая одинъ уѣздъ Грузино-Имеретинской губерніи, Армянская область, обильная всякаго рода произведеніями, съ населеніемъ промышленнымъ, стремящимся ко всякаго рода улучшеніямъ и къ воздѣлыванію всего что отъ богатой почвы и нравственной дѣятельности ожидать можно, и съ торговыми лицами, капиталы коихъ обращаются не только въ Закавказьѣ, но и во внутреннихъ губерніяхъ и за границею, преобразовалась въ Эриванскую губернію съ 4 уѣздами. Этими распредѣленіями доставлено было обитателямъ болѣе быстрое разсмотрѣніе ихъ жалобъ и споровъ. Приведено въ благоустройство управленіе Джаро-Бѣлоканскаго округа; учреждено гражданское управленіе въ городахъ Анапѣ, Новороссійскѣ и Сухумъ-Кале; а станицы Закубанскаго поселенія получили прочное основаніе. Введено въ Ставропольской губерніи общее учрежденіе — губернскаго правленія и губернаторскаго наказа. Двѣ Закавказскія Казенныя Палаты соединены въ одну, и преобразовано управленіе государственныхъ имуществъ, каковыя мѣры имѣли послѣдствіями: кромѣ упрощенія дѣлопроизводства и введенія единства въ управленіи государственными крестьянами, а равно и сосредотеченія усилій къ улучшенію ихъ быта и развитію всѣхъ отраслей ихъ промышленности, значительное сбереженіе денежныхъ средствъ.

Открытъ Закавказскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, имѣвшій то благодѣтельное послѣдствіе, что имѣнія, до того подвергавшіяся продажѣ за неплатежъ непомѣрныхъ процентовъ частнымъ заимодавцамъ, стали пребывать неприкосновенными, и ссуды подъ оныя, производимыя изъ казны, стали давать владѣльцамъ этихъ имѣній средства къ улучшенію ихъ хозяйствъ и примѣненію къ онымъ усовершенствованій, указываемыхъ наукою и опытомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ операціи Приказа съ неимовѣрною быстротою расширились.

Разсмотрѣны и утверждены списки лицамъ, принадлежащимъ къ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ по Грузіи, Имеретіи и Гуріи; опредѣлены взаимныя отношенія бековъ и живущихъ на ихъ земляхъ поселянъ; учреждена коммиссія для надѣленія землями Агаларовъ и опредѣлены личныя права мусульманскаго сословія и Меликовъ изъ Армянъ.

Приняты мѣры къ улучшенію и приведенію въ надлежащее устройство судебной части на Кавказѣ и, между прочими, учреждены въ разныхъ мѣстностяхъ ратуши, сиротскіе и словесные суды, и по указанію въ необходимости (вслѣдствіе неимовѣрнаго приращенія населенія въ Тифлисѣ и соразмѣрнаго оному расширенія торговой его дѣятельности) Коммерческаго Суда, въ коемъ споры по торговымъ сдѣлкамъ и въ особенности несостоятельности должниковъ, разбирательства банкротствъ и преслѣдованія злостныхъ, получали бы скорую, упрощенную расправу. Таковой судъ основанъ, и благотворное его вліяніе быстро стало ощущаться.

Произведены въ возможнымъ по обстоятельствамъ размѣрахъ топографическія и тріангуляціонныя работы.

Особенная была обращена заботливость князя Воронцова, въ теченіи 11-лѣтняго его управленія краемъ, на улучшеніе путей сообщеній, открытія дорогъ, устройство новыхъ и возобновленіе старыхъ мостовъ, устройство портовъ и учрежденіе городовъ, между коими возникъ замѣчательный, по удобству своего положенія для сбыта сельскихъ произведеній и производства торговли, г. Ейскъ на Азовскомъ морѣ. Возводились казенныя зданія и разви-

вался вкусъ къ изящнымъ постройкамъ; причемъ (какъ въ Новороссійскомъ краѣ) во избѣжаніе, по возможности, построекъ казенныхъ зданій, они замѣнялись таковыми воздвигнутыми частными лицами, по указаннымъ имъ планамъ и наставленіямъ, и введенъ наемъ этихъ зданій на продолжительные сроки. Такимъ образомъ построены, между прочими, прекрасное помѣщеніе для Института дѣвицъ, для Тифлиской градской полиціи и на особыхъ условіяхъ великолѣпное зданіе, въ коемъ возникли театральныя Русскія представленія и Италіянская опера, принятая съ живѣйшимъ сочувствіемъ населеніями, незнакомыми дотолѣ съ инымъ пѣніемъ, какъ полуварварскими звуками Персидской музыки. Въ послѣдствіи появились на сценѣ нѣкоторыя замѣчательныя произведенія Грузинской словесности, исторгнутыя изъ забвенія и примѣненныя къ нравамъ настоящаго поколѣнія.

Среди неусыпныхъ усилій о развитіи гражданскаго благоустройства въ краѣ, мѣрами, здѣсь вкратцѣ и далеко не въ надлежащей полнотѣ исчисленными, не пребывалъ въ праздности въ бояхъ прославленный мечь доблестнаго героя Бородина и Краона. Незабвенными памятниками его воинскихъ подвиговъ на Кавказѣ пребудутъ совершенные подъ личнымъ его предводительствомъ: славный, съ неимовѣрными трудностями сопряженный въ 1845 г. походъ въ Андію, Дарго и чрезъ дебри и трущобы Ичкеріи до Герзель-Аула, заложеніе въ его присутствіи въ 1846 г. укрѣпленія въ Малой Чечнѣ у Ачхоя на р. Фортангѣ; въ 1847 г. станицы на Верхне-Сунжинской линіи на р. Ассѣ и довершеніе этой линіи заложеніемъ 5-ой станицы Сунжинскаго полка у Магометъ-Юрта въ Малой Кабардѣ; разбитіе скопищь Кибитъ-Магомы близь Салтинскаго моста и взятіе штурмомъ укрѣпленной деревни Салты, въ Южномъ Дагестанѣ; переходъ отряда, подъ его командою, въ 1848 г., чрезъ р. Аргунъ и взятіе Гергебиля; заложеніе въ 1849 г. укрѣпленія при сел. Лучекъ, на верхнемъ Самурѣ; движеніе отряда, подъ его предводительствомъ, въ 1851 г., въ землю Натухайцевъ и осмотръ мѣстности по долинѣ Адагумъ.

Неумѣстно здѣсь упоминать о блистательныхъ военныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ, въ этотъ періодъ времени, славными сподвижниками князя Воронцова въ различныхъ мѣстностяхъ Чечни, Дагестана, на Лезгинской линіи и въ Черноморіи. Дѣянія эти внесены, неизгладимыми чертами, въ военной лѣтописи Кавказа; но нельзя не коснуться совершеннаго, по распоряженію главнокомандующаго постепеннаго подготовленія къ окончательному покоренію Кавказа рубкою, въ зимніе мѣсяцы, лѣсовъ и проложенія просѣкъ по всѣмъ направленіямъ, занимаемымъ враждебными намъ племенами. Утвердившееся въ немъ сознаніе, что непроходимость путей служила одною изъ главнѣйшихъ преградъ къ усмиренію края, побудило его направить дѣятельнѣйшія усилія къ отстраненію этой преграды. „При Людовикѣ XIV во Франціи“ говаривалъ князь Воронцовъ, „маршалъ Вилларъ, „послѣ семи лѣтъ серьезной и не всегда „удачной войны, изъ религіозныхъ споровъ въ горахъ Севенскихъ, приказалъ „пролагать дороги, по всѣмъ направленіямъ, внутри горъ. Послѣдствіемъ того было, что жители этихъ горъ, отказавшіеся, при началѣ революціи, повиноваться кровавому и безразсудному „правленію въ Парижѣ, отражавшіе нѣкогда лучшія войска предводительствуемыя искуснѣйшими вождями, принуждены были смириться предъ ничтожною горстью національной гвардіи, „проникнувшей во всѣ бывшія трущобы“. Вслѣдствіе этой системы, по распоряженію князя Воронцова, производились вырубка лѣсовъ и открытіе дорогъ въ Большой и Малой Чечнѣ, Дагестанѣ и Черноморіи, разумѣется, въ соображеніи съ стратегическими потребностями.

Такимъ образомъ, въ теченіи 11 лѣтъ, князь Воронцовъ, безъ устали сѣялъ

сѣмена умиротворенія и преуспѣянія Кавказа по всѣмъ отраслямъ гражданскаго и военнаго устройства. Не удалось ему насладиться зрѣлищемъ оплодотворенія брошенныхъ имъ, въ почти дѣвственную почву, сѣмянъ; и конечно онъ не могъ и мечтать о столь быстромъ достиженіи тѣхъ неимовѣрныхъ, блистательныхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ мудрыми, мощными, энергическими правителями, въ руки коихъ послѣ него поступили судьбы страны: княземъ Барятинскимъ и Державнымъ Братомъ Того, Кто облагодѣтельствовалъ Богомъ ввѣренную ему Россію, Кому наше Отечество обязано столь великими благими преобразованіями. Исполинскими шагами двинута страна къ усовершенствованію и упроченію ея благосостоянія *); и конечно лица, познакомившіяся съ Кавказомъ въ 1845 году, не могли бы предвидѣть, что въ столь недолгій періодъ времени, въ виду затрудненій непреодолимыхъ, повидимому, совершится все то, чему намъ пришлось нынѣ быть свидѣтелями. Не менѣе того заслуги князя Воронцова пребудутъ на вѣчныя времена въ памяти и сердцахъ обитателей двухъ обширнѣйшихъ окраинъ нашего Отечества, имъ возсозданныхъ и возвеличенныхъ: Новой Россіи и Кавказа, и конечно, взирая на настоящее положеніе этихъ окраинъ, на ихъ успѣхи, онъ могъ бы, по всей справедливости, сказать: „*Eorum magna pars fui*“.

М. Щербининъ.

Спб.
20 Декабря
1871.

---

*) Мы слышали, что князь Воронцовъ собственно не имѣлъ въ виду окончательнаго покоренія Кавказа, ради несмѣтныхъ жертвъ и затрудненій, съ коими оно могло быть сопряжено. Онъ полагалъ, что для Россіи было бы выгоднѣе ограничиться тѣмъ, чтобы сдѣлать Шамиля безвреднымъ и войти съ нимъ въ соглашеніе, провозгласивъ его княземъ Дагестанскимъ, съ жалованьемъ отъ нашего правительства. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЕ О Ѳ. И. ИНОЗЕМЦЕВѢ.

Воспоминаніе о покойномъ Ѳедорѣ Ивановичѣ, для людей, знавшихъ его лично, останется на всегда свѣжо. Но пройдутъ годы, и потомству трудно будетъ судить о немъ и его дѣятельности, потому что придется судить — почти только по преданію. Преданіе же можетъ сохранить о немъ память, какъ о человѣкѣ, *частная* дѣятельность котораго *въ свое время* заслужила всеобщее уваженіе. Между тѣмъ его дѣятельность *общественная* (если ихъ можно сравнивать) стояла еще выше *частной*. Но дѣятельность эта была не изъ тѣхъ, которыя сполна отпечатлѣваются въ литературныхъ трудахъ или художественныхъ памятникахъ. Литературные труды Иноземцева отвѣчали только на нѣсколько современныхъ ему частныхъ вопросовъ, но далеко не выразили собою всей его продолжительной и энергической дѣятельности и всего вліянія ея на цѣлыя 25 поколѣній его слушателей.

Въ исторіи развитія каждой науки, особливо прикладной, есть минуты, когда подготовившіеся и временемъ назрѣвшіе элементы ея просятъ для себя выраженія въ жизни, минуты, когда являются люди, органически выражающіе ихъ — въ словѣ и дѣлѣ. Такова собственно и была общественная роль Иноземцева въ нашей *Русской медицинѣ*. Онъ первый назвалъ намъ ее по имени, выговорилъ то, въ чемъ потребность неясно, но давно уже сознавалась нами самими. Всѣми силами энергической природы своей онъ отдался своему служенію. Дѣятельность его въ области нашей медицины оставила по себѣ широкій слѣдъ, не только по умственному влі-

нію его, какъ профессора, но и по нравственному, какъ человѣка. Такіе слѣды не пропадаютъ отъ времени; соединеніе такихъ двухъ силъ, какъ умственная и нравственная, и *только соединеніе ихъ* — дѣйствуетъ неотразимо на молодое поколѣніе и неизгладимо на потомство. Судьбы науки вездѣ могутъ быть измѣнчивы, вездѣ могутъ загромождаться пути ея и мишурнымъ блескомъ и псевдо-великанами; но прочно только то, что́ истинно и нравственно. Проходитъ извѣстный періодъ, и сквозь туманъ призрачнаго величія свѣтло проглядываетъ образъ честнаго и талантливаго дѣятеля. Законъ нравственный одинъ и тотъ же — для науки и для жизни.

Въ нашемъ Московскомъ университетѣ Иноземцевъ шелъ рядомъ съ другимъ дѣятелемъ, похожимъ на него по вліянію въ другой сферѣ. Въ тоже время жилъ и дѣйствовалъ Т. Н. Грановскій. Какъ оцѣнить литературными произведеніями этихъ двухъ людей то необъятное вліяніе, которое они имѣли на молодое поколѣніе и на всю ту часть общества, которая соприкасалась съ ними? Одна исторія дѣйствительной нашей цивилизаціи въ состояніи будетъ оцѣнить ихъ и обозначить каждому изъ нихъ законное мѣсто. Наше дѣло сохранить по возможности тѣ внѣшнія черты, которыми выражалась ихъ дѣятельность въ обществѣ и въ наукѣ.

Чтобы составить себѣ сколько нибудь общее понятіе о дѣятельности Иноземцева, мы должны бросить хотя бѣглый взглядъ на его первоначальное развитіе, въ которомъ скрывались и выработывались зачатки его будущей общественной жизни. Общія внѣшнія черты ея изложены въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета.

Около семидесяти лѣтъ тому назадъ (1802) въ деревнѣ Бѣлкинѣ, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, въ семействѣ одного небогатаго чиновника, родился Ѳ. И. Иноземцевъ. Отецъ его не былъ въ состояніи дать ему обширное первоначальное воспитаніе, и потому до 12-лѣтняго возраста онъ жилъ въ деревнѣ и пользовался только уроками приходскаго священника. Тринадцати лѣтъ судьба перебросила его въ Харьковъ уже сиротою и на попеченіе старшаго его брата, Егора Ивановича, котораго до послѣдней минуты своей онъ считалъ вторымъ отцомъ и въ честь котораго далъ имя самому дорогому для себя существу, своему сыну. Окончивши курсъ въ уѣздномъ училищѣ и потомъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Харьковской гимназіи, Ѳ. И. вступилъ тамъ же въ университетъ. До сихъ поръ призваніе еще молчало въ даровитомъ и отъ природы энергическомъ мальчикѣ. Бродили врожденныя способности, пробуждалась мысль, развивалась воля; но никакого опредѣленнаго стремленія еще не высказывалось. Исключительное призваніе въ этомъ возрастѣ рѣзко выступаетъ рѣшительно, опредѣляя всю будущую дѣятельность человѣка. Все зависитъ отъ внѣшнихъ вліяній, которыми окружается пора перваго развитія. Такъ было и съ молодымъ Иноземцевымъ. Первое, нѣсколько болѣе опредѣленное стремленіе пробудилось въ немъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи на лекціяхъ В. А. Черняева, съ увлеченіемъ читавшаго *естественную исторію* и умѣвшаго своею любовью къ этой наукѣ заразить своихъ слушателей. Искра запала: молодой гимназистъ со страстію началъ изучать по этому

предмету все, чему позволяли научиться тогдашнія учебныя средства гимназіи. Переходъ въ университетъ не заглушилъ этой искры, напротивъ, раздулъ ее въ другомъ, болѣе широкомъ направленіи. Съ перваго же курса, когда всѣ студенты, по прежнему порядку, слушали общія лекціи (безъ раздѣленія еще на факультеты), Иноземцеву запала мысль о *медицинѣ*, какъ соединеніи всѣхъ естественныхъ наукъ. Онъ заявилъ рѣшительное намѣреніе посвятить себя этой наукѣ. Примѣръ старшаго брата, который замѣнялъ ему отца, утвердилъ эту рѣшимость и даже, вѣроятно, навелъ на нее. Этотъ моментъ въ жизни Иноземцева имѣлъ для него весьма важное нравственное значеніе, по вліянію на характеръ всей его будущей дѣятельности. Едва созрѣвшее убѣжденіе, едва опредѣлившееся стремленіе молодаго ума встрѣтило неопреодолимыя препятствія во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Насилованіе ума и воли вызвало на борьбу, которая въ послѣдствіи сдѣлалась почти необходимымъ элементомъ всей его общественной дѣятельности. Какъ казенно-коштный воспитанникъ, онъ не принадлежалъ себѣ и долженъ былъ подчиниться не собственному выбору предмета занятій, а указанію начальства. Послѣ двухгодичнаго курса общихъ наукъ, онъ былъ *назначенъ* въ словесный факультетъ. Черезъ годъ, скрѣпя сердце, но съ твердою мыслью на душѣ, онъ принялъ назначеніе—быть учителемъ исторіи въ Льговскомъ уѣздномъ училищѣ, Курской губерніи. По прибытіи на мѣсто, онъ узналъ, что и это назначеніе измѣнялось: учитель математики уже началъ читать исторію, а для него оставалось преподаваніе математики, и онъ сталъ учить учениковъ 1-го и 2-го класса ариѳметикѣ и геометріи. То и другое назначеніе были одинаково чужды внутреннему призванію его; то и другое равно вызывало тягостное чувство неудовлетворенныхъ стремленій ума, скоро болѣзненно отразившееся и на самомъ его физическомъ здоровьѣ. Художественная натура его искала въ это время для себя пополненія въ музыкѣ. Иноземцевъ обратился къ гитарѣ и въ игрѣ на ней достигъ довольно значительнаго совершенства, такъ что скоро могъ давать другимъ уроки. Впослѣдствіи, когда другое, болѣе обширное увлеченіе поглотило его дѣятельность, гитара была забыта, но музыкальное чувство проглядывало въ немъ постоянно. Въ нечастыя минуты отдыха и дружескихъ бесѣдъ, звучное студенческое gaudeamus почти всегда напоминало намъ бывшаго музыканта.

Двухъ лѣтъ неудовлетворявшей и потому мучительной умственной дѣятельности въ Льговѣ было достаточно для того, чтобы разстроить его здоровье на столько, что люди близкіе къ нему начали серьезно опасаться за него. Ему выхлопотали увольненіе отъ службы—по болѣзни. Поправивъ свои силы, менѣе чѣмъ черезъ годъ (1826) онъ снова вступилъ въ Харьковскій университетъ и на этотъ разъ уже прямо въ желанный медицинскій факультетъ. Можно себѣ вообразить, съ какимъ увлеченіемъ немолодой уже студентъ (24 лѣтъ) принялся за изученіе всего представлявшагося ему матеріала. Не довольствуясь лекціями 2-го курса, въ который былъ принятъ, онъ доставалъ, перечитывалъ и посѣщалъ лекціи другихъ курсовъ, на сколько ему доставало времени. Съ перваго же года своего новаго вступленія въ университетъ, онъ встрѣ-

тился съ профессоромъ Н. И. Еллинскимъ, который сильно подѣйствовалъ на его впечатлительную натуру и окончательно опредѣлилъ спеціальность его будущихъ занятій на медицинскомъ поприщѣ. Теплое и благодарное воспоминаніе объ Еллинскомъ, какъ о профессорѣ и человѣкѣ, Ѳ. И. любилъ выражать до послѣднихъ дней своей жизни. Еллинскій былъ профессоромъ хирургіи и увлекалъ слушателей своимъ ученіемъ и личностью почти также, какъ увлекалъ въ послѣдствіи Иноземцевъ своихъ. Хирургія сдѣлалась для Ѳ. И. конечною цѣлію всѣхъ его научныхъ стремленій и когда, будучи еще на третьемъ курсѣ, онъ получилъ отъ Еллинскаго позволеніе сдѣлать на живомъ человѣкѣ операцію (отнятіе голени) и операція увѣнчалась счастливымъ успѣхомъ, то онъ уже навсегда принадлежалъ этой наукѣ. Мечты объ усовершенствованіи въ ней, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могли однако простираться далѣе того, какъ, окончивши курсъ и отслуживъ казенную службу (6 лѣтъ), побывать и послушать лекцій еще въ другихъ Русскихъ университетахъ. Но счастливое совпаденіе обстоятельствъ дало возможность осуществиться этому иначе. Передъ окончаніемъ курса (1828) Ѳ. И. узналъ, что образуется профессорскій институтъ, въ который должны были избираться по преимуществу лучшіе Русскіе студенты. Професс. Еллинскій и на этотъ разъ явился твердымъ руководителемъ уже отличившагося своими знаніями, но скромнаго студента. Соображая всю обширность требованій, заявленныхъ университетомъ отъ желающихъ поступить въ профессорскій институтъ, Ѳ. И. положительно уклонился отъ вызова, и надобна была вся сила вліянія со стороны Еллинскаго, чтобы заставить его записаться въ число желавшихъ поступить въ этотъ институтъ и подвергнуться соотвѣтственному испытанію. Нѣтъ сомнѣнія, что испытаніе было выдержано блистательно, и молодой врачъ отправился сначала въ Петербургъ, для новаго испытанія въ академіи наукъ, и потомъ въ Дерптъ, къ университету котораго былъ причисленъ новый профессорскій институтъ.

Здѣсь на первый же разъ представилось Иноземцеву новое затрудненіе, съ которымъ ему впрочемъ сладить было легко, потому что средство противъ него заключилось въ немъ самомъ. Мы помнимъ живой разсказъ его, когда, ободряя насъ на изученіе иностранной медицинской литературы, онъ приводилъ собственный примѣръ. «Когда я пришелъ въ первый разъ на Нѣмецкую лекцію (въ Дерптѣ), говорилъ онъ, то изъ всей лекціи понялъ одно только слово zwischen, и то по соображенію. Профессоръ говоритъ: subclavia zwischen scalenos; зная, что артерія subclavia проходитъ между мышцами, которыя называются scaleni, я вывелъ заключеніе, что zwischen должно быть значитъ: *между*». Извѣстно, что въ послѣдствіи Иноземцевъ прекрасно владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ и весьма отчетливо излагалъ на немъ свои сообщенія въ ученыхъ Нѣмецкихъ обществахъ.

Пройдя полный курсъ медицинскихъ наукъ въ Дерптѣ, при чемъ снова хирургія (подъ руководствомъ И. Ф. Мойера) составляла предметъ его спеціальныхъ занятій, и выдержавъ экзаменъ на степень доктора (1833), Ѳ. И. былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими товарищами по новому институту (Пироговъ, Филомаѳитскій, Рѣд-

кинъ, Крюковъ, Калмыковъ, Крыловъ, Чивилевъ, Баршевъ, Неволинъ, Богородскій, Орнатскій, Пошехоновъ) за границу. По возращеніи оттуда, прочитавъ пробную лекцію въ академіи наукъ (1835), онъ былъ назначенъ преподавателемъ хирургіи въ Московскомъ университетѣ. Съ этой минуты начинается самостоятельная дѣятельность его на поприщѣ уже не только хирургіи, но и всей отечественной медицины.

Иноземцевъ появился на этомъ поприщѣ въ тотъ темный періодъ, когда Русской медицины, собственно говоря, еще не было на свѣтѣ и когда носилось смутное убѣжденіе, что ея и быть не можетъ. Начиная съ древнихъ временъ, въ убѣжденіи простаго народа, по естественному чувству любившаго свои средства, Русскій лекарь былъ на какомъ-то неизмѣримо-далекомъ разстояніи отъ Нѣмецкаго дохтура, который былъ чѣмъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ, существомъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, совсѣмъ не для него. Русскимъ лекаремъ могла быть повивальная бабка, знахарь, мельникъ - колдунъ, многомного фельдшеръ; а дохтуромъ непремѣнно долженъ былъ быть Нѣмецъ. Въ Русскомъ лекарѣ, создаваемомъ изъ своей среды, народъ видѣлъ нѣчто свое, нѣчто близкое своимъ нуждамъ и болѣзнямъ; въ дохтурѣ онъ напротивъ неясно сознавалъ какое-то послѣдствіе временъ Петровскихъ и видѣлъ, питаясь своими историческими преданіями и предразсудками, нѣчто скорѣе страшное, чѣмъ полезное.

Первое помирилось съ наукою наше высшее сословіе, но за то и самая наука уже не рисовалась ему иначе, какъ въ видѣ Нѣмецкихъ ея представителей. Врачи Русскіе могли учиться, какъ хотѣли, но въ жизни и въ мнѣніи публики они все таки оставались паріями. Непризнанные съ одной стороны, непоощренные съ другой, они теряли вѣру въ самихъ себя и готовы уже были отступиться отъ научнаго соревнованія. Изрѣдка раздавался съ каѳедры Русскій голосъ (Мудрова, Мухина, Дядьковскаго). Личный талантъ возвышался и проходилъ лично, оставляя по себѣ въ потомствѣ одни воспоминанія, походившія потомъ, въ сравненіи съ настоящимъ, на счастливыя грезы. Само правительство, вознамѣрившись устроить свой Русскій педагогическій институтъ, нашло нужнымъ причислить его къ Дерптскому университету, гдѣ лучшимъ Русскимъ ученикамъ медицины сначала не былъ понятенъ даже языкъ учителей ихъ. Таковъ былъ періодъ, въ который выступилъ на поприщѣ Русской медицины покойный Ѳ. И. — Свѣтлымъ и любящимъ взоромъ своимъ онъ скоро проникъ истину и вѣрно оцѣнилъ тогдашнее положеніе Русскаго врача въ обществѣ и въ наукѣ. Онъ понялъ, что и тамъ и здѣсь не во всемъ онъ былъ виноватъ. Въ обществѣ за нимъ усвоилась уже по преданію роль второстепенная: почти всѣ современные корифеи были врачи иностранные. Нелегко было пробиться сквозь кору, наложенную исторіею и скрѣпленную предразсудкомъ и временемъ и, къ сожалѣнію, дѣйствительно нерѣдко оправдывавшуюся на дѣлѣ отсталостью въ медицинскомъ образованіи врачей Русскихъ отъ иностранныхъ. Но вполнѣ ли были виноваты въ этой отсталости врачи Русскіе? Вотъ что помнимъ еще мы, старые студенты Московскаго университета, заставшіе времена до-Иноземцевскія. На нѣкоторыхъ каѳед-

рахъ были люди, принадлежавшіе къ числу извѣстнѣйшихъ специалистовъ въ тогдашней Европѣ, и отъ этихъ-то именно каѳедръ мы вынесли для себя меньше всего. Обращаюсь къ воспоминанію моихъ товарищей. Причина этому заключалась въ томъ, что въ ученыхъ профессорахъ Нѣмецкихъ не было личнаго сочувствія къ намъ, и мы сами имѣли горесть слыхать отъ нихъ, что для *Русскаго студента* они считали своимъ долгомъ выполнять только свою служебную обязанность, т. е., просидѣть на каѳедрѣ отъ звонка до звонка. Я помню еще то почитаніе, которое внушалось намъ знаменитостью именъ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ профессоровъ и не могу забыть того тягостнаго чувства, которое выносилось нами съ ихъ лекцій, когда, проловивъ цѣлый часъ ихъ ученость и прослушавъ разсказанные ими анекдоты на Латинскомъ языкѣ,—мы возвращались домой, брали старыя записки ихъ, переписывавшіяся по преданію и не находили ничего, что̀ бы могли прибавить къ нимъ послѣ лекціи. Лекціи кончались, мы разставались съ профессоромъ и разставались дѣйствительно. Онъ былъ для насъ какимъ-то высокимъ, но отвлеченнымъ существомъ: между нами ничего не было общаго, кромѣ мысли о будущемъ экзаменѣ, вполнѣ удовлетворявшейся знакомою тетрадкою и извѣстною, обдуманною невзыскательностью профессора. Историческая тетрадка не давала намъ даже идеи науки, а въ живомъ словѣ мы не слыхали даже и намековъ на путь, по которому надо идти на встрѣчу ей. Затвердивъ тетрадки, мы уже знали науку и должны были считать себя достаточно учеными для предстоявшаго намъ поприща. Передъ собою мы видѣли блистательное практическое осуществленіе науки, видѣли первыхъ практиковъ, украшенныхъ почетомъ и мѣстами, дорого цѣнимыхъ публикою и могли думать: вотъ для чего наука!

Въ эту минуту является передъ нами Ѳ. И. Иноземцевъ. Живое и теплое слово его разбудило въ насъ дремавшее движеніе мысли: образъ науки обрисовался передъ нами со всѣми своими чистыми увлеченіями, со всѣмъ торжествомъ и независимостью отъ жизни. Мы поняли, что можно любить науку и для науки, что можно быть счастливымъ съ нею и у себя въ кабинетѣ. Напрасно зарождавшееся тогда матеріальное направленіе шептало намъ, что наука только тогда годна, когда непосредственно прилагается къ жизни, когда даетъ доходъ; и молодое воображеніе наше плохо мирилось съ такимъ ограниченіемъ: мы видѣли передъ собою олицетворенную, абсолютную любовь въ наукѣ, любовь, охотно жертвовавшую удобствами житейскими и, слѣдовательно, не могшую не находить въ самой себѣ вознагражденія, въ самой себѣ счастья. Дѣйствительно, новый профессоръ нашъ тотчасъ же былъ высоко оцѣненъ въ практической жизни, и къ нему, какъ къ врачу, устремилась огромная практика. Не смотря на всѣ матеріальныя удобства, представляемыя такимъ положеніемъ, Ѳ. И. отдавалъ ему свою дѣятельность лишь на столько, на сколько оставалось ему времени отъ занятій, связанныхъ съ его преподаваніемъ въ университетѣ. Въ то время какъ многочисленные паціенты его ловили каждую минуту, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, онъ, запершись въ анатомическомъ театрѣ, работалъ надъ препаратами, готовя ихъ

къ своей лекціи. Чтобы понять, какого труда стоило ему это преподаваніе, надобно вспомнить, что онъ началъ его въ то время, когда въ Московскомъ университетѣ еще не было и мысли о томъ, что преподаваніе хирургіи должно быть основано на знаніи топографической анатоміи. Ему предстояло быть самому и своимъ адъюнктомъ и своимъ прозекторомъ. Но въ трудѣ этомъ онъ не надолго остался одинокимъ: онъ быстро привилъ слушателямъ свою любовь къ наукѣ, и они скоро примкнули къ нему душею и сердцемъ. Изъ нихъ тотчасъ же нашлись такіе, которые сдѣлались его истинными помощниками.

Но не одно научное обаяніе дѣйствовало на слушателей Ѳ. И. Въ его отношеніяхъ къ нимъ почувствовалось что-то совсѣмъ иное, чѣмъ то, къ чему привыкли они въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ профессорамъ. Ихъ доброта, ихъ снисходительность, ихъ готовность объяснить, какъ могли, чего не понималось студентами, иногда даже ихъ стремленіе повеселить веселымъ разсказомъ, съ видимымъ намѣреніемъ стяжать за это любовь и популярность, всегда полезную для городской практики,—все это осталось далеко позади того, что̀ принесъ имъ новый профессоръ.

Они ясно поняли, что самая практическая знаменитость новаго профессора дорога́ ему лишь на столько, на сколько она давала ему средства расширить и обогатить свое ученіе. Твердо и ясно высказывалъ Ѳ. И. свои убѣжденія; громко и отчетливо вторились они въ душахъ его слушателей. Отъ него мы услыхали въ первый разъ новое тогда для насъ слово: *Русская наука*, *Русская медицина*. Смыслъ его уже былъ не тотъ, съ которымъ случалось намъ его слыхать отъ другихъ, Нѣмецкихъ учителей нашихъ. Не въ узкой рамкѣ сжатаго, ограниченнаго патріотизма, презирающаго все, что̀ не наше, являлась передъ нами въ его лекціяхъ и бесѣдахъ *Русская наука*. Нѣтъ, это было полное уваженіе и къ опыту и къ заслугамъ другихъ, но вмѣстѣ и стремленіе принести и свою лепту въ общую сокровищницу науки, перенести чужой прививокъ и вкоренить его, аклиматизировать на своей почвѣ. Сознаніе того, что нельзя идти впередъ, не зная всего, что́ было назади, должно было руководить этимъ стремленіемъ.

Мы задумались и поняли, что изучить науку въ универсететѣ нельзя: ея такъ много, что здѣсь можно только узнать, чему и какъ учиться. Курсъ нашъ показался намъ внезапно слишкомъ коротокъ, и мы съ жадностью стали ловить время и записывать наши нота-бене для позднѣйшаго, послѣ-университетскаго періода нашей дѣятельности.

Обширность предстоявшаго поприща естественно должна была навести на мысль о *соединеніи* труда, и эта мысль заронилась и въ первый разъ сознательно высказалась въ увлекательной бесѣдѣ нашего покойнаго учителя. Призваніе къ труду отечественному, къ единенію силъ на поприщѣ Русской науки — мы впервыя услыхали отъ него. Пусть каждый изъ насъ, кому выпало на долю счастіе сдѣлать что нибудь въ этомъ направленіи въ своей общественной дѣятельности, спроситъ себя, откуда заронилась въ его душу первая мысль объ этомъ направленіи? Отвѣтъ будетъ несомнѣненъ. Мы видѣли передъ собою благородный примѣръ самоотверженной борьбы и изъ него учи-

лись жертвовать своему убѣжденію всѣмъ остальнымъ. Убѣжденіе переходило въ чувство долга; исполненіе долга сливалось съ чувствомъ чести, и мы постоянно слышали отъ нашего наставника, что честность въ наукѣ столько же обязательна и важна, какъ и честность въ жизни. Таково было нравственное основаніе его ученія. Немудрено, если такіе принципы, разогрѣвая молодое и честное воображеніе слушателей, фанатизировали нѣкоторыхъ изъ нихъ и, имъ самимъ незамѣтно, развивали въ нихъ какое-то рыцарское увлеченіе. Можно понять, что такой фанатизмъ могъ вредить въ послѣдствіи только личности фанатиковъ, но не могъ оставаться безполезнымъ для самаго дѣла.

Ѳ. И. не писалъ трактатовъ объ этомъ ученіи, но каждый шагъ его, каждое слово дышало имъ. Естественно, что онъ, невѣдомо самому себѣ, сдѣлался центромъ притяженія спеціальнаго труда и научнаго единенія Русскихъ врачей.

Скоро пріобрѣтенная имъ популярность разлилась по всѣмъ краямъ Россіи; ученики его и паціенты разнесли ее въ отдаленнѣйшіе уголки, и каждый несъ въ сердцѣ, кромѣ благодарности къ нему, еще впечатлѣніе его прекрасной личности, такъ безразлично и тепло любившей добро, и того чистаго образа науки, который онъ умѣлъ такъ хорошо рисовать въ воображеніи своихъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ Россіи обращались къ нему, кто за совѣтомъ, кто за покровительствомъ, кто съ посвященіемъ ему своего труда. Мысль, пробужденная имъ, просила для своего выраженія болѣе общаго, болѣе обширнаго органа; явилось стремленіе имѣть свое періодическое изданіе, главная цѣль котораго была бы—*соединеніе труда* врачей отечественныхъ, гласное заявленіе ихъ нуждъ, ихъ работъ и стремленій. Ѳ. И. основалъ на свой счетъ *Московскую Медицинскую Газету*. На призывъ ея откликнулись со всѣхъ концовъ Россіи, какъ бы въ доказательство тому, что она была не искуственнымъ продуктомъ возбужденной мысли, а выраженіемъ дѣйствительной, понятой потребности Русскихъ врачей. Не намъ судить, на сколько послужила эта газета въ то время дѣлу общественному; но можно сказать, что вслѣдъ за нею родилось еще другое стремленіе: организовать Русское ученое общество, сердце котораго было бы въ Москвѣ, а біенія этого сердца проводили бы и воспринимали возраждавшуюся кровь по всѣмъ окраинамъ Россіи. Въ образованіи этого общества Ѳ. И. конечно принялъ теплое участіе: имъ же вызванная мысль не могла не найти въ немъ теплаго сочувствія. Его газета уже давно и первая громко вызывала періодическіе съѣзды Русскихъ врачей и натуралистовъ, такъ счастливо осуществившіеся въ послѣднее время. Явилось *Общество Русскихъ врачей въ Москвѣ*. Рука была легка, и вслѣдъ за нимъ начали образовываться не существовавшія до тѣхъ поръ, медицинскія общества въ губернскихъ городахъ. «Любовь творитъ (повторялъ покойный учитель нашъ), одинъ эгоизмъ ничего не производитъ». Въ настоящее время уже можно судить о томъ, на сколько была велика производительность этой чистой любви.

Домашнія утреннія консультаціи его превратились въ обширную поликлинику: до 6000 больныхъ въ годъ посѣщало ее. По мѣрѣ расширенія ея, увеличивалось и число ближайшихъ помощниковъ его. Очень понятно, что такая обширная дѣятель-

ность, при томъ же спеціально носившая характеръ практической школы для молодыхъ Русскихъ врачей, не могла не сталкиваться съ прямыми интересами другихъ практикантовъ, не принадлежавшихъ къ этой школѣ; не могла и не вызывать нѣкоторой реакціи съ ихъ стороны. Поэтому многое можно было услыхать въ то время въ обществѣ, что разсказывалось въ обвиненіе Иноземцева. Но нравственная чистота дѣла и несомнѣнный талантъ учителя и практика не могли не торжествовать. Блистательные случаи излеченія скоро распространили популярность его по всѣмъ краямъ Россіи. Ими, и только ими, безъ всякой примѣси мѣръ искусственныхъ, съ однимъ только разсчетомъ на умственную и нравственную сторону публики, Иноземцевъ достигъ репутаціи перваго практика своего времени. Помирить теорію съ практикою, образовать врачей научно-практическихъ—было его любимою мечтою. Нельзя не вспомнить того презрѣнія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ шарлатанскимъ пріемамъ, ко всѣмъ разсчетамъ на легкомысліе публики, съ которыми ему доводилось встрѣчаться. И надобно сказать, что нравственное вліяніе его на свое время было несомнѣнно: шарлатанизмъ въ его время стыдился выступать открыто, и въ дѣйствіяхъ Иноземцева публика училась уважать сама себѣ и науку.

Не одинъ упрекъ палъ на него за ту открытую и энергическую борьбу, которую проповѣдывалъ онъ словомъ и дѣломъ противъ духа касты, державшей Русскихъ врачей подъ опекою. Но мы уже указали выше, что это было лишь раціональное и законное возстаніе: одною лишь наукою онъ стремился поднять угнетенныхъ и отстранить угнетеніе. Въ дѣйствіяхъ его публика видѣла послѣдовательность безпримѣрную. Для него не было различія между богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ больнымъ; существовало различіе только въ томъ—трудная или легкая болѣзнь. Видимымъ доказательствомъ этого явилось то, что Иноземцевъ оставилъ послѣ себя весьма незначительное состояніе, тогда какъ, при положеніи, которое онъ занималъ въ обществѣ, какъ практикъ, онъ могъ составить себѣ огромныя средства.

Не разъ падалъ на него упрекъ за то безразличіе, съ которымъ онъ готовъ былъ принимать въ свои ученики и сотрудники каждаго, обращавшагося къ нему. Но обвинять человѣка за то, что онъ безразлично добръ—весьма трудно; къ тому же для Иноземцева на первомъ планѣ всегда стояла его главная, отечественная мысль. Ее желалъ бы онъ во первыхъ привить повсюду, а за тѣмъ, если и случалось, что выборъ его бывалъ неудаченъ, то исключительно онъ самъ страдалъ за это. Такъ было преимущественно въ послѣдніе годы его жизни. Разочарованіе въ людяхъ не охлаждало его страстной мечты. Примѣры поразительной неблагодарности, встрѣчавшіеся ему при самомъ началѣ его дѣятельности, не останавливали его. Мы бывали свидѣтелями, какъ люди, обязанные ему всѣми своими успѣхами и бывшіе близки ему, пока онъ своимъ вліяніемъ не выводилъ ихъ на открытую дорогу, тотчасъ за тѣмъ, находя для себя удобнѣйшимъ, становилися въ ряды его противниковъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить то высокое благодушіе, съ которымъ онъ относился къ подобнымъ случаямъ, надобно припомнить, что Ѳ. И. былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ,

иногда создававшимъ ему враговъ и противодѣйствіе тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности вовсе не было. Одно только поглощеніе своею главною идеею и прекрасная, безусловно-добрая природа его—дѣлали понятнымъ этотъ образъ дѣйствій. Пылкое воображеніе и замѣчательная энергія виднѣлись во всей его дѣятельности и нерѣдко увлекали его изъ предѣловъ положительнаго въ предѣлы недоказаннаго, которое ему однако же представлялось такъ ясно, что казалось фактомъ несомнѣннымъ. Практическій тактъ его всегда служилъ ему при этомъ невидимымъ путеводителемъ, и всѣ его ученія, всѣ нововведенія, дѣланныя имъ, могли не вполнѣ мириться съ существовавшею теоріею, но на практикѣ всегда были болѣе или менѣе счастливыми приложеніями. Возникавшая мысль нерѣдко на столько поглощала его, что онъ видѣлъ возможность давать ей приложеніе болѣе обширное, чѣмъ должно бы было. Но въ самомъ увлеченіи этомъ всегда заключалось плодотворное сѣмя; время и дальнѣйшее наблюденіе устанавливали норму приложенія, и зародышъ развивался въ мысль несомнѣнно-полезную. Тупое противодѣйствіе не рѣдко старалось выставлять передъ публикою это увлеченіе въ смѣшномъ видѣ и обыкновенно кончало столь же тупымъ подражаніемъ ему. Подобный примѣръ мы особенно видѣли въ леченіи молокомъ, въ первый разъ введенномъ у насъ Иноземцевымъ.

Не сомнѣваемся, что будущій историкъ Русской медицины дастъ высокое, законное мѣсто этому *начинателю* нашей науки. Скажемъ въ заключеніе только то, что и самый конецъ его общественной дѣятельности былъ достоинъ его. Изъ университетета онъ поспѣшилъ выйти, не дослужа нѣсколько до срока, на который былъ избранъ по окончаніи 25 лѣтъ, для того, чтобы дать свое мѣсто одному изъ любимыхъ учениковъ своихъ. Желаніе,—къ сожалѣнію, не вполнѣ исполнившееся.

Окончаніе оффиціальной дѣятельности Ѳ. И. въ университетѣ вызвало обширную общественную манифестацію: былъ устроенъ въ честь его обѣдъ, въ которомъ приняли участіе многочисленные почитатели его, ученики и товарищи. Здѣсь вполнѣ высказалось то теплое сочувствіе къ его трудамъ общественнымъ и ученымъ, на которомъ основывалось его безпримѣрное вліяніе на современное ему общество и молодое учащееся поколѣніе. «Скорбь лишенія, при оставленіи вами университета, раздѣляютъ всѣ товарищи ваши, говорилъ ему одинъ изъ профессоровъ *). Мы помнимъ еще, какъ и мы, товарищи ваши, согрѣвались вашею теплотою и, такъ сказать, обновляли въ себѣ свою энергію вашимъ соприкосновеніемъ». «Если-бы вы во всю жизнь вашу не написали ни однаго слова, не напечатали ни одной строки, говорили ему ученики его, то и тогда цѣлое наше поколѣніе возстало бы живою книгою, осталось бы правдивою, дорогою страницею вашею въ исторіи Русской медицины». «Если я могу производить теперь что либо въ моемъ искусствѣ и научать ввѣренныхъ мнѣ юношей прекрасному, говорилъ художникъ **), то всѣмъ этимъ я обязанъ, какъ искусству, такъ и сердечной добротѣ Ѳ. И. Когда я, спасенный отъ страшной болѣзни и движимый чувствомъ благодарности, хотѣлъ выразить эту благодарность извѣстными

*) Н. И. Крыловъ.
**) Н. А. Рамазановъ.

всѣмъ знаками, Ѳ. И. сказалъ мнѣ: «Вы сами человѣкъ, добывающій себѣ честнымъ трудомъ и собственными руками хлѣбъ насущный и потому не смѣйте и думать объ этомъ». «Душевно уважаемый Ѳед. Иван.!, писалъ ему знаменитый А. П. Ермоловъ: никогда не подвергались равному порицанію немощныя ноги мои, не пускающія меня на обѣдъ, даваемый вамъ приверженными и обязанными вамъ. Между таковыми принадлежитъ мнѣ мѣсто по справедливости. Вы спасли меня умиравшаго, а за это быть обязаннымъ нѣтъ мѣры. Горестно мнѣ, почтенный благодѣтель, что не пирую въ семьѣ вашей! Душевно преданный братъ *Ермоловъ*».

Ослабленіе физическихъ силъ, обнаружившееся въ послѣдніе годы жизни Ѳ. И., не коснулось его умственныхъ силъ. Онъ до конца сохранилъ туже пламенную любовь къ наукѣ, и въ немногія минуты свѣжести, его можно было ежедневно застать или за чтеніемъ какого-нибудь новаго сочиненія, или за микроскопомъ. Грустный подъ конецъ эпизодъ домашней жизни не надолго отвлекъ его отъ любимой имъ науки.

Въ старческомъ, изнуренномъ организмѣ проглядывало все тоже увлеченіе, какъ и въ прежніе годы; ослабѣвала одна только сила, но не энергія.

Обширную библіотеку свою онъ завѣщалъ одному изъ первыхъ учениковъ своихъ, И. П. Матюшенкову, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи она перешла въ Общество Русскихъ врачей.

Такъ послѣдовательно-вѣрна себѣ была эта прекрасная жизнь, дорогая для исторіи Русскаго просвѣщенія.

С. Смирновъ.

ПЕРЕПИСКА СУВОРОВА СЪ НЕЛЬСОНОМЪ.

Въ 1799 году, величайшій Русскій полководецъ и первостепенный Англійскій адміралъ оспаривали у республиканской Франціи владычество надъ Аппенинскимъ полуостровомъ. Дѣйствуя совершенно независимо одинъ отъ другаго, даже не зная лично другъ друга, оба согласно стремились къ одной цѣли: первый возстановлялъ законныя династіи на Сѣверѣ, второй на Югѣ Италіи.

Нельсонъ провелъ три года сряду въ водахъ Средиземнаго моря. Еще въ 1798 г., онъ сторожилъ Французскій флотъ, при выходѣ его изъ Тулона и на обратномъ пути его изъ Египта. Въ ночь на 22 Іюня н. ст., эскадры Великобританская и Французская прошли одна мимо другой и, по причинѣ тумана, другъ друга не замѣтили. Но, 1-го Августа, Нельсонъ настигъ непріятеля подъ Александріей, въ *Абукирскомъ заливѣ*, и сказалъ своимъ подчиненнымъ: «Завтра я пріобрѣту званіе пера, или— «могилу въ Вестминстерскомъ аббатствѣ....» Онъ сдержалъ свое слово: пораженіе, нанесенное Французамъ, было рѣшительное. Въ продолженіе этой битвы, прозванной Англичанами *Нильскою*, Нельсонъ былъ слегка раненъ въ голову *). Предчувствіе его сбылось: онъ возведенъ былъ въ баронское достоинство, дающее званіе лорда, и ему назначена пенсія въ 2,000 фунт. стерл. Онъ наименованъ барономъ Нельсономъ *Нильскимъ* (of the Nile). Всѣ недоброжелатели пер-

*) Шляпу его, пробитую пулею, видѣли мы въ 1838 г. въ Гриничской морской богадѣльнѣ (Greenwich Hospital).

ваго консула: Императоръ Павелъ Петровичъ, короли Неаполитанскій и Сардинскій, даже султанъ и Остъ-Индская компанія прислали по этому случаю Нельсону богатѣйшіе подарки. Парламентъ его благодарилъ и выслалъ ему и его сподвижникамъ нарочно-выбитыя золотыя медали. Въ Неаполѣ, Дворъ и жители восторженно привѣтствовали прибытіе его. Король даже отправилъ войска свои противъ Французовъ въ Папскую область; но они были разбиты, и Нельсону пришлось отвезти королевскую фамилію въ Палермо. Роялисты однакожъ вскорѣ одержали верхъ надъ приверженцами Парѳенопейской республики, и 10 Іюля н. с. 1799 г. эти послѣдніе сдались Нельсону на капитуляцію. Утвердивъ порядокъ въ Неаполѣ, онъ привезъ туда короля. За эти заслуги онъ получилъ шпагу, осыпанную бриліантами и находящееся въ Катанскомъ округѣ острова Сициліи герцогство *Бронте*, приносившее 3,000 фун. стерл. годоваго дохода. Послѣ этого, Нельсонъ оберегалъ островъ Минорку и помогалъ осадѣ Мальты, имѣя главною квартирою Палермо.

Въ это-то время кто-то, видѣвшій Суворова нѣсколько лѣтъ сряду, сказалъ Нельсону, что онъ очень похожъ на него лицомъ, и это такъ обрадовало Великобританскаго адмирала, что онъ тотчасъ же написалъ нашему генералиссимусу письмо, въ которомъ, со всѣмъ прямодушіемъ боеваго моряка, выразилъ эту радость и все свое благоговѣйное сочувствіе къ великому воину и къ его достославнымъ подвигамъ.

Нельсону писать было не легко. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ *лѣвшею*: онъ еще въ 1793 г. окривѣлъ на правый глазъ отъ Французской пули; а въ 1797 г., въ сраженіи подъ Тенерифомъ, лишился *правой руки*. Сходство же съ Суворовымъ имѣлъ онъ не по одной наружности, но и по многимъ обстоятельствамъ жизни своей, о чемъ, кажется, они оба не знали.

Горацій Нельсонъ былъ незнаменитаго рода. Отецъ и братъ его были приходскими священниками, дядя его служилъ капитаномъ въ Англійскомъ флотѣ; женился Нельсонъ на вдовѣ доктора, и даже единственная его дочь вышла за священника. Вспомнимъ впрочемъ, что въ Англіи левитской касты никогда не было и что тамъ поступленіе въ духовное званіе есть всегда дѣло доброй воли. Но, въ отношеніи служебной судьбы, черты сходства съ Суворовымъ поразительны. Нельсонъ поступилъ на службу 12-ти лѣтъ отъ роду мичманомъ и, такъ сказать, съ дѣтства изучалъ всѣ особенности тѣхъ морей, гдѣ впослѣдствіи покрылъ Великобританскій флагъ безсмертною славою. Ему оказываемы были жестокія несправедливости; о томъ, наприм. что онъ лишился глаза, не было упомянуто въ донесеніи его начальника, и даже въ Средиземномъ морѣ, онъ состоялъ въ командѣ у лорда Кейта (Keith) и, наскучивъ этою второстепенною ролью, возвратился въ Англію въ концѣ 1800 года. За то, Нельсонъ неоднократно дѣйствовалъ вопреки приказаніямъ своихъ начальниковъ, отговариваясь впослѣдствіи тѣмъ, что *однимъ глазомъ не могъ разглядѣть ихъ сигналовъ въ подзорную трубу* и, одерживая побѣду, оставался правъ. Подобно Суворову, онъ имѣлъ огромную популярность и, не получивъ чина полнаго адмирала, умеръ будучи вице-адмираломъ и не имѣя ордена Подвязки. Онъ перебывалъ въ 120 сраженіяхъ, взялъ нѣсколько го-

родовъ и множество непріятельскихъ кораблей и орудій.

Бракъ его со вдовою доктора Нисбетъ, рожденною Гербертъ, былъ не счастливъ, впрочемъ по собственной винѣ Нельсона: съ 1793 года началась въ Неаполѣ его связь съ леди Гамильтонъ, продолжавшаяся въ 1799 году въ Палермо *). По возвращеніи въ Англію, онъ даже развелся съ своею женою. У него была только одна дочь,—и та незаконная, какъ полагаютъ, отъ леди Гамильтонъ,— Горація Нельсонъ - Томсонъ (Tohmson), въ замужествѣ за Вардомъ (Ward).

Когда въ 1801 г. составился морской союзъ между Россіей. Пруссіей, Даніей и Швеціей для защиты правъ неутральныхъ націй, то Нельсонъ, опять таки подъ начальствомъ адмирала Паркера, отправился въ Копенгагенъ и, вопреки его волѣ, сжегъ Датскій флотъ. За это, Нельсонъ пожалованъ былъ въ виконты (Viscount) и получилъ помѣстье Мертонъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I-го, союзъ распался самъ-собою. Послѣднимъ подвигомъ Нельсона было, въ 1805 г., разбитіе Французскаго и Испанскаго флотовъ подъ Трафальгаромъ. Въ этотъ день онъ надѣлъ шитый мундиръ и всѣ ордена свои и на замѣчаніе подчиненныхъ, что такимъ образомъ онъ послужитъ мишенью, отвѣчалъ, что пріобрѣлъ все это съ честью и хочетъ умереть такъ. Приказъ его предъ сраженіемъ былъ столь же лакониченъ, какъ приказы Суворова: «Англія надѣется»,—объявилъ онъ экипажу,—«что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ!» Когда онъ былъ смертельно раненъ и ему пришли объявить, что одержана побѣда, онъ сказалъ: «Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ!» Тѣло его погребено было съ величайшими почестями, на счетъ націи, въ соборѣ св. Павла, въ Лондонѣ. (Clarke and Make-Arthur' s *Life of Admiral Nelson*. London, 1809, 2 vol.; Robert Southey's *Life of Nelson*, 1831, 8 vol.; *Memoirs of Viscount Nelson*, 1809 2 vol.; *Letters to Lady Hamilton*, 2 vol. 1814; *Letters and Despatches of Lord Nelson*, 1845, 7 vol.)

Подлинникъ письма Нельсона къ Суворову принадлежитъ мнѣ и составляетъ одну изъ драгоцѣнностей моего сборника автографовъ, такъ какъ онъ написанъ весь рукою Нельсона и при томъ почеркомъ очень оригинальнымъ, т. е. весьма ровнымъ, четкимъ и даже развязнымъ для человѣка, котораго необходимость заставила пріучиться писать *лѣвою рукою*, но буквами необыкновенно крупными и которыя, вмѣсто того, чтобы быть наклоненными верхами въ право, какъ бы отваливаются назадъ, такъ что представляютъ собою пересоленый Французскій шрифтъ, извѣстный подъ именемъ *bâtarde*.

Конвертъ, въ которомъ прислано было это письмо, не уцѣлѣлъ, и потому не знаю, *куда оно было именно адресовано*. Въ это время Суворовъ весьма неожиданно для себя самаго, вслѣдствіе внезапнаго приказанія Павла I, долженъ былъ покинуть Швейцарію и предпринять, вмѣстѣ съ арміею, свой обратный путь въ Россію. Но такъ какъ денегъ на этотъ обратный путь не было выслано, то Суворову пришлось остановиться въ Прагѣ (Богемской) и оттуда отправить состоявшаго при немъ дипломатическимъ чиновникомъ, статскаго совѣтника ба-

*) На эту связь и намекаетъ въ отвѣтѣ своемъ Суворовъ, напоминая Нельсону, что Палермо *не есть островъ Цитера*.

рона А. Я. Бюлера *) въ Мюнхенъ, для того, чтобы произвести заемъ у Баварскаго правительства, къ чему представляло особенныя удобства то обстоятельство, что старшій братъ его, баронъ К. Я. Бюлеръ уже нѣсколько лѣтъ состоялъ Россійскимъ посланникомъ при Мюнхенскомъ Дворѣ и пользовался тамъ большимъ вліяніемъ.

Что письмо Нельсона нагнàло Суворова *уже въ Прагѣ*, это извѣстно мнѣ по преданію; а что отвѣтъ высланъ *изъ Праги*, это видно изъ самаго заголовка письма Суворова.

Баронъ А. Я. Бюлеръ отлично зналъ пофранцузски и, еще до отправленія его въ Мюнхенъ, Суворовъ поручилъ ему сочинить отвѣтъ Нельсону на Французскомъ языкѣ. Когда же письмо было редактировано и Суворовъ не только подписалъ его, но и *сдѣлалъ къ нему двѣ собственноручныя приписки*, то, вслѣдствіе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ барономъ Бюлеромъ о томъ, что письмо Нельсона во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно замѣчательно, Суворовъ отдалъ его Бюлеру, говоря: «А, если каракули Англичанина тебѣ нравятся, то возьми ихъ себѣ на память!»

Нѣсколько лѣтъ спустя (уже послѣ смерти Нельсона), по удивительному стеченію обстоятельствъ, подлинный отвѣтъ Суворова попалъ въ тѣ же руки. Письмо это и даже *конвертъ*, въ которомъ оно было послано, пріобрѣлъ въ Англіи нѣкогда воспитывавшійся въ Лондонѣ, имѣвшій тамъ многочисленныя дружескія связи и женатый на Англичанкѣ Проби (Proby), тогдашній нашъ морской министръ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Баронъ А. Я. Бюлеръ былъ въ близкой дружбѣ съ адмираломъ Чичаговымъ и его братьями: Василіемъ Васильевичемъ, отставнымъ генер.-маіоромъ, умершимъ въ 1826 году въ Cò (Sceaux близъ Парижа) и Яковомъ Васильевичемъ. Однажды Пав. Вас. Чичаговъ показалъ Бюлеру письмо Суворова къ Нельсону и, узнавъ при этомъ случаѣ, что оно было редактировано имъ (Бюлеромъ) и что у него находится автографъ Нельсона, вызвавшій этотъ отвѣтъ Суворова, подарилъ его ему. Такимъ образомъ, послѣ кончины отца моего, достались мнѣ принадлежавшіе ему: *подлинное письмо Нельсона* къ Суворову и *подлинный же отвѣтъ Суворова* на это письмо.

Конвертъ онаго вскрытъ съ боку, и огромная печать генералиссимуса до сихъ поръ цѣла. На этой же сторонѣ конверта сдѣлана рукою П. В. Чичагова надпись: «Письмо отъ Суворова къ адмир. Нельсону», а на оборотѣ слѣдующій адресъ: A Son Excellence My Lord Baron Nelson,

Amiral des flottes de Sa Majesté Britannique dans la Mediterrannée, Che-

*) Покойный отецъ мой, д. т. сов. баронъ Андрей Яковлевичъ Бюлеръ, началъ службу секретаремъ Россійской миссіи въ Гамбургѣ, при родномъ дядѣ своемъ съ материнской стороны, Ѳедорѣ Ивановичѣ Гроссѣ (родномъ племянникѣ еще болѣе извѣстнаго дипломата, Андрея Леонтьевича Гросса, бывшаго Россійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Лондонѣ). Въ продолженіе всего царствованія Екатерины II, Ѳ. И. Гроссъ былъ ея посланникомъ при Ганзейскихъ городахъ и Дворахъ Нижне-Саксонскаго округа Германской Имперіи. При открытіи военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, баронъ А. Я. Бюлеръ переведенъ былъ дипломатическимъ чиновникомъ (Secrétaire des commandements) къ фельдмаршалу князю Потемкину и потомъ былъ однимъ изъ секретарей конгреса въ Яссахъ; послѣ кончины Суворова, былъ членомъ Мемельской по заграничнымъ расходамъ арміи коммиссіи, трудами которой (какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ) сбережено казнѣ около 19-ти милліоновъ руб. сер., а съ 1821 по 1843 онъ былъ сенаторомъ.

valier de plusieurs ordres, etc. à Palerme.

На основаніи предшествующаго, мы можемъ замѣтить, что адресъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ: 1-е, Лорду слѣдовало писать: His Lordship (сіятельство), а не Excellence; 2-е, Нельсонъ имѣлъ уже тогда титулы барона *Нильскаго* (of the Nile) и герцога *Бронте*; 3-е, онъ былъ только *вице-адмираломъ*, а полнымъ адмираломъ никогда не былъ; и 4-е, онъ не былъ самостоятельнымъ главнокомандующимъ въ Средиземномъ морѣ, а былъ подчиненъ (быть можетъ лишь номинально и временно) лорду Кейту.

Однакожъ самыя эти ошибки въ адресѣ, показывая съ одной стороны, что въ это боевое время некогда было наводить точныхъ справокъ, вѣроятно по неимѣнію подъ рукою Англійскаго альманаха, съ другой стороны подтверждаютъ, какъ письмо Нельсона пришло къ Суворову неожиданно и какъ онъ поторопился отвѣчать ему.

Вѣроятно именно потому, что письмо Нельсона было написано *собственноручно* и не прошло чрезъ руки секретарей, оно не попало въ изданіе его Memoirs, Letters and Despatches, *и Англійскій текстъ* этого замѣчательнаго автографа, носящаго именно отпечатокъ благородно-порывистаго характера Нельсона, равно какъ и Французскій текстъ отвѣта князя А. В. Суворова, *печатаются* вслѣдъ за симъ *въ первый разъ*.

Но, *весьма не полный и отчасти ошибочный переводъ* этихъ самыхъ писемъ на Русскій языкъ былъ *однажды* только напечатанъ, и то тому уже 35 лѣтъ. Его помѣстилъ Фуксъ, въ своей «Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года», изданной въ С.-Петербургѣ, въ 1826 году.

Оба эти перевода (см. томъ III помянутаго сочиненія, стр. 628—630) мы печатаемъ, въ виду обоихъ неизданныхъ подлинныхъ текстовъ, съ необходимыми исправленіями, которыя и обозначаемъ *курсивомъ*, при чемъ долгомъ считаемъ замѣтить, что одна изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ первоначальнаго перевода заключается въ подписи Нельсона. Извѣстно, что лорды подписываются только своею фамиліею, всегда безъ титуловъ. Этотъ обычай и соблюлъ Нельсонъ, подписавшись обѣими своими фамиліями Bronte-Nelson (Бронте-Нельсонъ), безо всякаго титула. А Фуксъ перевелъ названіе герцогства Бронте—словомъ *Баронъ*, т. е. изъ Bronte-Nelson сдѣлалъ «Баронъ-Нельсонъ». Относительно перевода отвѣта Суворова также слѣдуетъ сказать: 1) что о *первой* къ нему припискѣ необъяснено, что она сдѣлана *собственноручно*; 2) что самая подпись переведена невѣрно, просто «Суворовъ», тогда какъ генералиссимусъ подписался *полнымъ своимъ титуломъ*, и 3) что о *второй*, весьма замѣчательной припискѣ (слѣдующей уже за подписью) въ этомъ переводѣ и помину нѣтъ, изъ чего оказывается, что она осталась Фуксу *совершенно неизвѣстною*.

Объ Е. И. Фуксѣ можемъ повторить отзывъ, слышанный отъ *нѣсколькихъ* его сослуживцевъ: онъ былъ человѣкъ очень образованный и, какъ правитель канцеляріи генералиссимуса, въ трудное, военное время, весьма дѣятельный и полезный; но онъ пришелся не по душѣ Суворову, который его не жаловалъ, считая его (быть можетъ, совершенно несправедливо) соглядатаемъ, приставленнымъ къ нему Павломъ I. Напротивъ того,

Суворовъ очень любилъ барона А. Я. Бюлера, часто доказывалъ ему полное довѣріе, всегда говорилъ ему *ты* по тогдашнему патріархальному обычаю старцевъ и, вообще, обходился съ нимъ съ какою-то отеческою нѣжностью *). *Баронъ Ѳ. Бюлеръ.*

*

Письмо Нельсона къ Суворову.

Palermo. Novbr. 22. 1799.

My Dear, Dear Prince and Brother there is not that man in Europe who loves You egual to myself. All admire Your Great and Glorious atchievements, as does Nelson, but he loves You for Your *despising* of Wealth as it may stand in the way of Your duty, for being indeed the faithfull servant of Your Sovereign, in this alone I presume to claim the dear name of Brother, I know that my atchievements are not to **) named with Yours. But the Bounty of my own Sovereign, that of the Emperor of Russia and His Sicilian Majesty and the Grand Signor, have loaded me with honors and wealth, in these joined to You we show an example to the World that fidelity will be amply rewarded. This day has made me the Proudest man in Europe, I am told by a person who has seen You for many years that in our statue persons and manners We are more alike than any two people ever were. We are certainly relations and I entreat that You will never take from me the Dear Name of Your Affectionate Brother and sincere Friend.

Bronte Nelson.

На первой страницѣ, внизу, адресъ, написанный также рукою Нельсона: Prince Sowarow Rymnisky, etc., etc., etc.

Отвѣтъ Суворова.

Prague, ce $^{1}/_{12}$ Janvier 1800.

Mon cher Baron et frère! Si jamais souvenir m'est précieux, c'est bien celui d'un Amiral du premier mérite comme Vous. En considérant votre portrait, j'ai effectivement trouvé de la ressemblance entre nous deux; on pourra donc dire que les beaux esprits se rencontrent et que nos idées se sont croisées. C'est une distinction de plus pour moi, dont je suis bien charmé; mais plus encore de Vous ressembler du côté de Votre caractère.

Il n'y a pas de récompense, mon cher Amiral, dont Vos mérites éminents ne Vous rendent pas digne et à laquelle Votre frère et ami ne prend la part la plus vive. Jaloux de conserver ce titre, ainsi que votre amitié, qui porte l'empreinte de la sincérité, je Vous prie de vouloir continuer à me donner de Vos nouvelles et de croire à la plus parfaite réciprocité de mes sentiments pour Vous, avec lesquels je suis à jamais Votre affectionné frère et sincère ami (manu pro-

*) Все это мы постараемся подтвердить, сообщивъ въ Русскій Архивъ не только ордера Суворова на имя барона Бюлера, но и данное ему генералиссимусомъ изустное наставленіе при отправкѣ его съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну; равно какъ и записанный со словъ отца моего разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Суворова, въ продолженіи которыхъ онъ почти не отходилъ отъ смертнаго одра своего благодѣтеля.

**) Тутъ очевидно пропущенъ глаголъ *be* (быть); чтоже касается ороографіи, то мы ее передаемъ въ точности, съ подлинника, оставляя большія буквы даже тамъ, гдѣ имъ бы и не слѣдовало быть и печатая подчеркнутое слово курсивомъ.

pria) *Victoire, Gloire, Prospérité pour la nouvelle année.*

Prince Alexandre Italieiski,
Comte Suworow Rymnikski.

P. S. Je vous croyais de Malte en Egypte pour y écraser le reste des surnaturels athées de notre tems par les Arabes! Palerme n'est pas Cithère. Le magnanime Souverain est pour nous. Au reste, illustre frère, que ne donnés Vous pas au monde pour Jris des Aboukirs! Bon an! Bon siècle!

P. A. It.

Переводъ.

Письмо Нельсона.

Палермо, 22 Ноября, 1799 г.

*Много*любезный князь и братъ! Въ Европѣ нѣтъ человѣка, который любилъ бы васъ какъ я. Всѣ *восхищаются* вашими великими и *достославными* (у Фукса—блистательными) подвигами. *Это дѣлаетъ* и Нельсонъ. Но онъ васъ любитъ за ваше презрѣніе къ богатству, *согласно тому*, какъ вамъ конечно повелѣваетъ долгъ вашъ, *для того чтобы* быть по истинѣ *вѣрнымъ слугою* вашего Государя. Только въ семъ отношеніи, осмѣливаюсь *испрашивать себѣ наименованіе* брата (а не именовать себя, и проч.). Я знаю, что мои заслуги не могутъ равняться съ вашими. Но *благосклонность* (а не щедроты, какъ у Фукса) моего *собственнаго* Государя, благосклонность Императора Всероссійскаго и Его *Сицилійскаго* Величества, равно какъ и *Султана*, осыпали меня почестями и богатствами. *Сближенные* этимъ, мы являемъ свѣту *доказательство* (у Фукса — примѣръ вѣрности), что вѣрность *щедро* награждается. Нынѣшній день содѣлалъ меня самымъ гордымъ человѣкомъ въ Европѣ: нѣкто, видѣвшій Васъ въ продолженіе нѣсколько лѣтъ, сказалъ мнѣ, что нѣтъ двухъ человѣкъ, которые бы наружностью своею (а не ростомъ, скорѣе, сложеніемъ) и манерами (у Фукса—ухватками) такъ походили другъ на друга, какъ мы. Мы непремѣнно другъ другу *съ родни* (у Фукса, — родственники), и я Васъ *убѣдительно* прошу никогда не лишать меня дорогаго наименованія любящаго Васъ брата и искренняго друга.

Бронте-Нельсонъ.

Адресъ:

КнязюСуворову-Рымникскому и пр. и пр. и пр.

*

Отвѣтъ Суворова.

Прага 1/12 Января *) 1800 г.

Любезный *мой* баронъ и братъ! Если чья либо память мнѣ дорога, то конечно память такого *первостатейнаго* адмирала, какъ Вы. *Глядя* на Вашъ портретъ, я дѣйствительно нашелъ между нами нѣкоторое сходство. И такъ, можно *будетъ* сказать, что мы *сошлись* мыслями. Это для меня новое отличіе, *которое мнѣ очень пріятно* (у Фукса, — плѣняющее меня); но мнѣ *еще пріятнѣе знать*, что я характеромъ похожу на Васъ.

Нѣтъ награды, *любезнѣйшій мой адмиралъ*, которой бы не заслуживали Ваши *высокія* (у Фукса,—блистательныя) достоинства и которой бы Вашъ братъ и другъ не *сочувствовалъ* живѣйшимъ образомъ (у Фукса,—не при-

*) Слѣдовало выставить 1/13 Января, такъ какъ разница между обоими стилями увеличилась въ XIX столѣтіи на одинъ день.

нялъ радостнаго участія). *Желая* сохранить это наименованіе (у Фукса— титло), равно какъ и Вашу дружбу, носящую отпечатокъ искренности, я Васъ прошу благоволить продолжать *сообщать мнѣ о себѣ извѣстія* (у Фукса, продолжать переписку со мною) и вѣрить полнѣйшей взаимности чувствъ моихъ *къ Вамъ*, съ коими есмь на всегда любящимъ Васъ братомъ и искреннимъ другомъ (собственноручно:) *Побѣда, слава и благоденствіе на новый годъ.*

Князь Александръ Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій.

Приписка (собственноручная же). Я думалъ, что Вы отправились изъ Мальты въ Египетъ для того, чтобы тамъ задавить Арабами остальныхъ неестественныхъ безбожниковъ нашего времени. Палермо не островъ Цитера [1]. *Великодушный Государь за насъ. Впрочемъ, знаменитый братъ, чего не отдадите Вы въ мірѣ за радугу* [2]) *Абукирской битвы! Съ новымъ годомъ, съ новымъ вѣкомъ!*

Кн. А. Ит.

[1]) Упреки въ бездѣйствіи и этотъ насмѣшливый намекъ на связь Нельсона съ леди Гамильтонъ вѣроятно ему не понравились; онъ не воспользовался приглашеніемъ *сообщать о себѣ извѣстія* или, какъ перевелъ Фуксъ, продолжать переписку. Впрочемъ, Суворовъ скончался 5 мѣсяцевъ спустя послѣ того что отвѣчалъ Нельсону: 6 Мая тогожъ 1800 года.

[2]) Iris—слово въ слово *радуга*, выраженіе, вѣроятно употребленное здѣсь въ смыслѣ *воспоминанія*. Это одна изъ тѣхъ апокалипсическихъ, отрывистыхъ фразъ Суворова, до глубокаго смысла которыхъ не легко добраться.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

Юная Россія и Старая Лифляндія (Jungrussisch und altlivländisch-politische und culturgeschichtliche Aufsätze, v. Julius Eckardt. Leipzig, 1871). Подъ этимъ заглавіемъ г. Эккартъ издалъ новый сборникъ статей объ отношеніяхъ Россіи къ Лифляндіи и Русскаго общества къ Германскому племени и Германской культурѣ. Первая часть (Юная Россія) состоитъ изъ трехъ статей. Одна, подъ названіемъ *новая эра въ Россіи*, взята изъ Англійскаго сборника, изданнаго Эккартомъ въ 1870 году (см. книжныя вѣсти 1871 г. «Modern Russia). Другая содержитъ въ себѣ біографію Герцена и характеристику его дѣятельности. Третья названа: *Картины изъ поѣздки по Галиціи*, и описываетъ взаимное отношеніе Польскаго и Рускаго элементовъ въ Галиціи съ Германскимъ.

Во второй части (Старая Лифляндія) пять статей. Въ первой статьѣ описаны приключенія нѣкоего Гаркнота, друга Гердерова, занимавшагося книжною торговлею въ Лифляндіи съ 1763 по 1789 годъ. Во второй и третьей помѣщенъ біографическій очеркъ извѣстныхъ дѣятелей Петровского времени — такъ называемаго «иноземца» Фика и адмирала фонъ-Сиверса.

Заглавіе четвертой статьи: *Фамилія Миниховъ* (Aus dem Leben der Familie von Münnich). Послѣдняя статья описываетъ присоединеніе Курляндіи къ Россіи по неизданной запискѣ одного изъ дѣятелей этого событія.

*

Г. Барри, издавшій въ 1870 году книгу о металлическомъ производствѣ въ Россіи (см. Книжныя Вѣсти 1871 г.), написалъ въ слѣдъ за тѣмъ другое сочиненіе объ Россіи, изданное въ 1871 году подъ заглавіемъ: Россія 1870 г. (Russia in 1870. Ry Herbert Barry, London, Wyman and sons). Г-ъ Барри прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, на Выксинскихъ заводахъ, въ должности управляющаго, ставившей его въ частыя и близкія отношенія съ простымъ рабочимъ народомъ, о которомъ онъ поэтому и распространяется въ своемъ сочиненіи. Вообще онъ старается говорить только о томъ что̀ могло быть ему извѣстно по опыту и въ чемъ онъ считалъ себя подлинно удостовѣреннымъ, и избѣгаетъ предметовъ, о которыхъ только слышалъ отъ встрѣчныхъ людей. Въ этомъ отношеніи пріемы его отличаются отъ смѣлыхъ пріемовъ Диксона, котораго г. Барри неоднократно опровергаетъ въ этомъ своемъ сочиненіи.

Вотъ содержаніе книги: 1, О сочиненіи г. Диксона: Свободная Россія. 2. Старыя злоупотребленія и новѣйшія реформы. 3, Народъ. 4, Города и села. 5, Священникъ, Церковь и Государь. 6, Игры и занятія. 7, Мануфактуры и торговля. 8, Пути сообщенія. 9, Сибирь. 10, Нижегородская ярмарка. 11, Среднеазіатскій вопросъ.

Рускаго рабочаго авторъ считаетъ за лучшаго въ цѣломъ свѣтѣ. Если онъ не можетъ сравниться съ Англійскимъ рабочимъ по количеству работы, за то сто̀итъ дешево и способенъ на всякую работу, лишь бы дали ему образецъ. Указывая на отрицательныя его качества въ нравственномъ отношеніи, на недостатокъ правдивости и уваженія къ чужой собственности, авторъ объясняетъ эти недостатки — гнетомъ крѣпостныхъ отношеній, скудостью образованія и условіями экономическаго быта. Всего строже осуждаетъ онъ суровость въ обращеніи съ женщиною и обремененіе женщинъ тяжелою работою. Чтобы узнать Рускаго крестьянина съ лучшей его стороны, говоритъ авторъ, надобно смотрѣть его не въ городѣ и не въ подгородной деревнѣ, а заѣхать вдаль, гдѣ городъ мало извѣстенъ. Изъ такихъ-то мѣстъ авторъ выносилъ самыя лучшія впечатлѣнія. Онъ припоминаетъ свои разговоры со старостами, поражавшими его достоинствомъ своихъ пріемовъ. «Посмотрите, говоритъ онъ, какой спокойный и серіозный видъ у этого человѣка; замѣтьте, съ какимъ предупредительнымъ (deferenial) поклономъ онъ встаетъ съ своего мѣста, съ какой свободной плавностью (easy fluency) высказываетъ, что̀ ему надо высказать; какъ ловко выводитъ свои доводы; и когда онъ сядетъ опять на свое мѣсто съ тѣмъ же пріятнымъ (graceful) поклономъ, спросите, въ разумѣ ли тѣ господа, которые выставляютъ такого человѣка невѣжественнымъ и загрубѣвшимъ дикаремъ, неспособнымъ къ умственному и нравственному образованію.

*

Турецкіе гаремы и Черкесскій домашній бытъ (Turkish Harems and Circassians Homes, by Mrs Harvey. London. 1871). Въ этой книгѣ г-жа Га̀рви, разъѣзжавшая по Черному морю на яхтѣ своего мужа, описываетъ между прочимъ свою поѣздку въ Крымъ и небольшое путешествіе изъ Сухумъ-Кале на нѣсколько миль отъ берега. Разсказы ея и описанія весьма отрывочные и поверхностные.

*

Сухопутный переѣздъ изъ Азіи въ Европу. Описаніе путешествія на верблюдахъ и на саняхъ изъ Кантона въ С. Петербургъ черезъ Монгольскія и Сибирскія равнины, соч. Уайта. (A Land Journey from Asia to Europe being an account of a Camel and Sledge Iourney from Canton to S.Petersburg, through the Plains of Mongolia and Siberia. By William Athenry Whyte. London. 1871. Low and C°). Книга эта, по отзывамъ критики, не заслуживаетъ вниманія: написана дурнымъ языкомъ и содержитъ въ себѣ невѣрныя, поверхностныя свѣдѣнія о краѣ.

*

Другое сочиненіе о Сибири, г. Нокса (Overland through Asia, by Thomas Knox. London, Trübner) появилось подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Сухопутный переѣздъ черезъ Азію. Картины Сибирскаго, Китайскаго и Татарскаго быта. Путешествіе и приключеніе въ Камчаткѣ, Сибири, Китаѣ, Монголіи, Китайской Татаріи и Европейской Россіи; съ полными свѣдѣніями о Сибирскихъ ссыльныхъ, о обращеніи съ нимъ, о состояніи ихъ и бытѣ. Описаніе рѣки Амура и Сибирскихъ береговъ Ледовитаго моря, съ рисунками въ текстѣ (до 200) и картою». Это сочиненіе большею частью основано не на собственномъ опытѣ сочинителя; многіе разсказы и описанія заимствованы (также какъ и въ книгѣ Уайта: Land Journey) изъ сочиненія Мичи, изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ (Michie, Siberian Overland Route). Авторъ былъ самъ только частію въ Сибири и въ бывшей Руской Америкѣ, и потому разсказы его только объ этихъ краяхъ отличаются оригинальностью и нѣкоторою полнотою.

*

По случаю Американской экспедиціи для устройства Руско-Американскаго телеграфа (см. Книжныя Вѣсти 1870 года) появилось въ Англійской литературѣ уже нѣсколько сочиненій о Россіи и Сибири. Мы упомянули выше о книгѣ Нокса. Въ слѣдъ за нею другой членъ той же экспедиціи, г. Бушъ, издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Олени, собаки и лыжи.* Дневникъ путешествія по Сибири въ 1865, 1866 и 1867 годахъ (Reindeer, Dogs and Snow-Shoes: a Journal of Siberian Travels and Explorations in the Years 1865, 1866 and 1867. By Reihard I. Bush. With Illustrations. London. 1871. Low and C°)

*

Руское владычество въ Азіи (Russlands Machtstellung in Asien, eine histo-rish-politische Studie von Hermann Vambery, ordentl. Professor der orientalishen Sprachen an der königl. Universität zu Pest). Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный ненавистникъ Россіи Вамбери издалъ политическую брошюру, въ которой, описывая ходъ и успѣхи водворенія Руской власти въ средней Азіи, грозитъ всему образованному міру опасностью для цивилизаціи и гражданской свободы отъ усиленія Россіи. Призраки, создаваемые его воображеніемъ, умножаются особливо въ виду недавней деклараціи по Черноморскому вопросу, по поводу коей онъ поспѣшилъ изданіемъ въ свѣтъ своего сочиненія.

Отвѣтомъ ему служитъ написанная хотя и прежде изданія въ свѣтъ вышеозначеннаго сочиненія, брошюра Христіана фонъ Сарова, капитана Датской арміи, подъ названіемъ: *Торговое призваніе Россіи въ средней Азіи* (Russlands kommerzielle Mission in Mittel-asien, von Chr. Sarauw. Leipz. 1871).

Авторъ старается, напротивъ, успокоить общественное мнѣніе отъ неосновательныхъ подозрѣній и страховъ. Онъ знаетъ поруски и извѣстенъ въ Нѣмецкой литературѣ изданнымъ недавно переводомъ сочиненія Ег. Ковалевскаго о восточной войнѣ.

Въ своемъ сочиненіи онъ описываетъ ходъ распространенія Руской власти въ Средней Азіи, даетъ понятіе о природѣ и населеніи края, о вновь возведенныхъ укрѣпленіяхъ и проложенныхъ путяхъ въ пустынѣ. Онъ старается убѣдить, какимъ успѣхомъ для всемірной торговли будетъ проложеніе желѣзнаго пути отъ Каспійскаго моря черезъ Среднюю Азію до самаго Китая, и сколько можетъ сдѣлать Россія, и одна только Россія, для цивилизаціи огромныхъ степныхъ краевъ, бывшихъ донынѣ недоступными для Европейской мысли.

*

Для исторіи Руской политики и военныхъ дѣйствій въ средней Азіи имѣетъ интересъ сочиненіе Роберта Шоу: *Поѣзда въ Верхнюю Тартарію, Яркандъ и Кашгаръ (бывшую Китайскую Тартарію) и обратный путь чрезъ Каракорамскій проходъ* (Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar (formerly Chinese Tartary) and Return Journey over the Karakoram Pass. By Robert Shaw. Lond. Murray. 1871). Самую любопытную и достойную серіознаго вниманія часть книги составляетъ, по отзывамъ ученой критики, описаніе Восточнаго Туркестана, страны неизвѣданной съ начала 17 столѣтія ни однимъ Европейскимъ путешественникомъ. Г. Шоу изучилъ ее въ теченіи двукратнаго тамъ пребыванія и много разсказываетъ о нынѣшнемъ ея властителѣ, Могаммедъ-Якубъ-Бегѣ, Коканскомъ уроженцѣ и ожесточенномъ противникѣ Рускаго оружія. Во время Кокавской экспедиціи онъ принужденъ былъ, послѣ упорной борьбы, бѣжать въ Восточный Туркестанъ, и съ 1865 года считается тамъ признаннымъ отъ Бухарскаго эмира властителемъ.

*

Историческіе разсказы, въ переводѣ съ Рускаго, г-жи Романовой (Historical Narratives, from the Russian, by H. C. Romanoff. Lond 1871. Rivingtons). Переводчица, та самая г-жа Романова, которой принадлежитъ сочиненіе о Руской церкви, выбрала къ сожалѣнію для перевода разсказы, не имѣющіе серіезнаго значенія въ нашей исторической литературѣ: всѣ они анекдотическаго содержанія и сомнительной достовѣрности. Въ книгѣ собрано всего шесть разсказовъ: три Шубинскаго и другіе три — Андреева. Всѣ они — касаются Двора и придворныхъ нравовъ и обычаевъ въ теченія 18-го столѣтія, при Петрѣ, Аннѣ, Елизаветѣ, Екатеринѣ и Павлѣ. Англійская публика прочтетъ въ этой книгѣ исторію о шутахъ и шутовскихъ свадьбахъ о похожденіяхъ графа Разумовскаго, о дочери Бирона, герцогинѣ Курляндской, объ Антонѣ Ульрихѣ и о паденіи Петра III.

*

Протоколы и другіе акты Ганзейскихъ собраній съ 1256 по 1430 (Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256-1430. Band I. Leipzig. Duncker und Humblot. 1870). Одинадцать лѣтъ тому назадъ, на съѣздѣ Мюнхенскаго Историческаго Общества, одинъ изъ членовъ его, докторъ Лаппенбергъ изъ Гамбурга, предложилъ собрать изъ мѣстныхъ архивовъ и издать въ свѣтъ всѣ документы, относящіяся до общественныхъ дѣлъ Ганзейскаго союза. Изданіе этого собранія замедлилось

смертью какъ Лаппенберга, такъ и преемника его въ этомъ предпріятіи, профессора Юнганса. Наконецъ молодому ученому историку Коппманну въ Гамбургѣ удалось привесть къ концу задуманное дѣло, и въ прошломъ году появился въ свѣтъ первый томъ сборника. Главное содержаніе его составляютъ такъ называемые рецессы или протоколы, которыми представители или депутаты отдѣльныхъ городовъ, составлявшихъ торговый союзъ, заключали свои засѣданія, на коихъ совѣщалась о дѣлахъ и нуждахъ общаго дѣла. Для Рускаго историка въ этомъ собраніи найдутся любопытныя свѣдѣнія объ участіи стараго Новгорода въ Ганзейской торговлѣ.

*

Въ Лейпцигѣ издана оставшаяся въ бумагахъ покойнаго Буссе, историческая монографія о герцогѣ Магнусѣ, королѣ Ливонскомъ, написанная по Рускимъ и иностраннымъ источникамъ (Herzog Magnus, König von Livland. Ein fürstliches Lebensbild aus dem 16 Jahrhundert v. Karl Heinrich von Busse. Aus dessen nachgelassenen Papieren herausgegeben v. Julius Fr. von Bohlen. Leipzig. 1871). Буссе, Петербурскій уроженецъ, состоялъ съ 1809 года въ Руской службѣ, сначала по комиссіи составленія законовъ, потомъ секретаремъ при канцлерѣ Румянцевѣ и былъ извѣстенъ въ свое время изслѣдованіями, на Нѣмецкомъ языкѣ писанными, относящимися до исторіи и древностей Россіи и Прибалтійскаго края. Онъ умеръ за границею въ 1860 году.

*

Въ Дерптѣ предпринято съ 1871 года изданіе подъ названіемъ *Балтійскіе очерки и воспоминанія* (Baltische Studien und Erinnerungen, v. Wagien). Въ вышедшей книгѣ помѣщены, между прочимъ статьи: о Рускихъ колоніяхъ въ сѣверовосточной части Лифляндіи, и о путешествіи императрицы Екатерины II по Эстляндіи и Лифляндіи съ 20 Іюня по 25 Іюля 1764 года (по подлиннымъ источникамъ).

*

Такъ называемый *Польскій вопросъ* въ прошломъ году служилъ, по прежнему, предметомъ для журнальной полемики, оживлявшейся подъ вліяніемъ политическихъ событій во Франціи и въ Австріи. Въ числѣ брошюръ и памфлетовъ, появившихся на эту тему, особливое вниманіе обратилъ на себя памфлетъ подъ заглавіемъ: Письмо Славянина къ императору Александру, изданное въ Брюсселѣ (Lettre adressée à Sa Majesté l'Empereur Alexandre II, par un Slave), въ коемъ авторъ предлагаетъ Россіи, въ ея интересахъ, въ виду ожидаемыхъ столкновеній съ Германіей, принять политическую систему размежеванія съ Польшею, въ духѣ извѣстной системы маркиза Велепольскаго.

*

Старая басня о завѣщаніи Петра Великаго, пущенная въ ходъ записками кавалера д'Эонъ де Бомонъ (Memoires du chevalier d'Eon), продолжаетъ до сихъ поръ служить темою для писателей, расписывающихъ яркими красками завоевательную будто бы политику Россіи. Въ Берлинѣ напечатана брошюрка въ 18 страницъ нѣкоего Лобшейда (Lobscheid. Das Politische Testament Peters des Grossen. Berl. 1870) о знаменитомъ завѣщаніи, которое приводится въ переводѣ съ Голандскаго текста съ изъясненіями и толкованіями. Авторъ, повидимому пасторъ, ставитъ эти тол-

кованія въ связи съ приводимымъ текстомъ изъ Іезекіилева пророчества, и сочиняетъ кромѣ того собственное предсказаніе о томъ, какъ Россія, по завоеваніи Константинополя, захочетъ овладѣть еще Палестиною, но возбудитъ противъ себя союзъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, однако по времени достигнетъ всѣхъ цѣлей, указанныхъ ей мнимымъ завѣщаніемъ Петра.

*

Шефера, Исторія Семилѣтней войны (Schaefer, Geschichte des siebenjährigen Kriegs. Berlin. 1870). Исторія Семилѣтней войны разработана въ этомъ сочиненіи на основаніи открытыхъ въ послѣднее время документовъ и архивныхъ актовъ. Авторъ обращаетъ вниманіе болѣе на дипломатическую, нежели на военную часть исторіи. Съ этой стороны разсказъ его во многихъ отношеніяхъ любопытенъ и для Русской исторической науки. Онъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія о тайномъ договорѣ, заключенномъ между Россіей и Австріей въ 1760 году, подъ вліяніемъ Шувалова, о паденіи Бестужева и о причинахъ внезапнаго отступленія Апраксина послѣ Гроссъ - Егерндорфскаго сраженія.

*

Третій томъ Записокъ о жизни и дѣятельности *Бунзена*, изданный въ 1871 году (Christian C. J. Freiherr v. Bunsen. Aus Seinen Briefen und nach eigener Erinnerung geschildert von seiner Wittwe. Deutsche Ausgabe, durch neue Mittheilungen vermehrt von Fr. Nippold. 3 Bd. England und Deutschland. Leipzig. Brockhaus) обнимаетъ собою періодъ дѣятельности Бунзена въ качествѣ Прусскаго посланника въ Лондонѣ и представляетъ много любопытныхъ данныхъ для исторіи Англо-французскаго союза и политическихъ отношеній, возбудившихъ восточную войну.

*

Въ 1869 году открылось дѣйствіе учрежденной въ Англіи Археографической Коммисіи для изысканія и приведенія въ извѣстность документовъ и рукописей, относящихся до исторіи, юриспруденціи, наукъ и литературы. Главными дѣятелями этой Коммисіи, состоящей изъ 11 членовъ, назначены три опытные инспектора для Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Содѣйствіемъ этихъ лицъ розыскано въ архивахъ разныхъ учрежденій и у частныхъ лицъ множество любопытныхъ историческихъ документовъ. Изъ напечатаннаго въ 1870 году перваго донесенія Коммисіи видно, что нѣкоторые изъ открытыхъ ею документовъ имѣютъ отношеніе къ Россіи. Въ донесеніи упоминается частная переписка лорда Бокингемшира, Англійскаго посланника въ Петербургѣ (1762—1765), содержащая въ себѣ извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины II, о ея характерѣ, о дѣлѣ Мировича; письма адмирала Форбеса о посылкѣ его въ Россію (1733-1734 г.)

*

Въ Познани изданъ первый томъ Записокъ извѣстнаго Польскаго поэта *Яна Урсина Нѣмцевича*. Нѣмцевичь былъ другомъ и товарищемъ Косцюшки, принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ 1831 года, состоялъ членомъ революціоннаго правительства, а послѣ того проживалъ изгнанникомъ въ Италіи, во Франціи, въ Германіи и въ Америкѣ. Записки его очень интересны и въ политическомъ отношеніи, и для исторіи Польской

литературы, особливо въ періодъ до Мицкевича.

*

Въ Лейпцигѣ, у книгопродавца Вебера, издано новое сочиненіе Бернгарда Котты объъ Алтайскомъ хребтѣ и геологической его формаціи (Der Altai, sein geologischer Bau und seine Erzlagerstätten) съ политипажами на деревѣ и 8 хромолитографированными картами.

*

Алтайскія изслѣдованія о Татарскихъ (Туранскихъ) *нарѣчіяхъ,* соч. Шотта: Schott, altaische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der tatarischen (turanischen) Sprachen. Berlin. 1870.

*

Ягичъ. Жизненное проявленіе корня дѐ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ (Jagic. Das Leben der Wurzel Dê in den slavischen Spachen. Wien. 1871)

*

Вышла 2-я часть IV тома Сравнительной грамматики Славянскихъ нарѣчій Миклошича (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien.)

*

Записки кн. Долгорукова томъ II выпускъ I (Pr. Dolgoroukow, Mémoires publiés par un Russe. Tome II, livr. I. Basel. 1871).

*

Одна изъ начинающихъ Англійскихъ писательницъ, съ замѣчательнымъ талантомъ, взяла для втораго своего романа тему изъ Руской жизни. Этотъ романъ, обратившій на себя вниманіе въ прошлогодней литературѣ, называется: *Вѣра* (Véra) и изданъ безъ имени автора. Сцена его открывается въ Крыму, подъ Инкерманомъ, смертью Рускаго офицера, графа Зотова, отъ руки Англійскаго полковника Сенъ-Джона. Послѣ того Сенъ-Джонъ встрѣчается съ невѣстою убитаго, княжною Зотовою, и между ними завязывается любовь, которая даетъ поводъ къ описаніямъ и сценамъ изъ Рускаго быта.

*

Поѣздка по Прибалтійскому краю, соч. Гунфальви (Hunfalvy. Utazás a Balt-Tenger Vidékein. Pest).

Между Венгерскими филологами есть партія ученыхъ, глубоко убѣжденныхъ въ коренномъ единствѣ Мадьярскаго языка съ нарѣчіемъ племенъ Финскаго происхожденія. Одинъ изъ представителей этого мнѣнія, нѣкто Павелъ Гунфальви, предпринялъ въ 1869 году поѣздку въ Эстляндію и Финляндію единственно для того, чтобы ближе ознакомиться съ Эстами и Финнами на мѣстѣ ихъ жительства. Путь его лежалъ изъ Кенигсберга на Ригу; отсюда, черезъ Ревель, въ Дерптъ, гдѣ онъ присутствовалъ на извѣстномъ юбилейномъ торжествѣ, устроенномъ въ память освобожденія Эстляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Изъ Дерпта, обратно черезъ Ревель, путешественникъ проѣхалъ въ Петербургъ, а отсюда черезъ Выборгъ и Гельсингфорсъ, въ Финляндію до Томмерфорса и Або, гдѣ и закончилось его путешествіе. Результатомъ поѣздки было описаніе ея, изданное на Венгерскомъ языкѣ въ Пештѣ. Главнымъ предметомъ изслѣдованія и описанія служитъ, конечно, исторія, нынѣшній бытъ и общественное положеніе народа, т. е. Эстовъ и отчасти Латышей въ Эстляндіи, и Финновъ въ Финляндіи, въ связи съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и особливо въ Прибалтійскомъ краѣ. Сверхъ того

авторъ описываетъ свои впечатлѣнія, встрѣчи и бесѣды во время поѣздки. Своимъ соотечественникамъ онъ желалъ (какъ объясняетъ въ предисловіи) представить поучительное для нихъ описаніе историческихъ отношеній между чуждыми племенами, соединенными въ составѣ однаго государства, отношеній, составляющихъ столь важную задачу внутренней политики для Венгріи. Къ Россіи авторъ, какъ Венгерецъ, относится враждебно; однако отзывается съ уваженіемъ о тѣхъ Рускихъ, съ которыми вступалъ въ сношенія во время своей поѣздки.

*

Въ Лондонѣ объявленъ выходъ только что отпечатанной книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Патріархъ и Царь. Отвѣты смореннаго Никона, милостію Божіею патріарха, на вопросы боярина Симеона Стрѣшнева, съ возраженіями митрополита Газскаго, Паисія Лигарида (The Patriarch and the Tsar. The Replies of the humble Nicon, by the Mercy of god Patriarch, against the Questions of the Boyar S. Streshneff, and the Answers of the Metropolitan of Paisius Gaza Ligarides. London. Trübner et C⁰ in 8. 674 стр). Переводъ съ Рускаго сдѣланъ въ Оксфордѣ, извѣстнымъ въ Россіи Вильямомъ Пальмеромъ.

*

Переписка Іосифа II съ Леопольдомъ Тосканскимъ съ 1781 по 1790 г. (Joseph II und Leopold von Toskana Ihr Briefwechsel, herausg v. Alfred Retter von Arneth. 2 Bände. Wien. 1872 г), извлеченная изъ Вѣнскихъ архивовъ Арнетомъ, заключаетъ въ себѣ немало подробностей объ отношеніяхъ Іосифа къ Екатеринѣ, о ходѣ Турецкихъ войнъ и о видахъ Австріи на политику Россіи. Въ изданныхъ двухъ томахъ напечатано 403 письма Іосифа и 86 писемъ Леопольда. Братья были дружны между собой, и императоръ Іосифъ сообщалъ Леопольду, герцогу Тосканскому, свои задушевныя желанія и мысли по дѣламъ управленія и внѣшней политики. Особливо интересны въ этой перепискѣ нѣкоторыя подробности, относящіяся до Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, во время путешествія ихъ по Италіи и Германіи въ 1782 году. Оба брата имѣли особливый интересъ въ сближеніи съ царственными своими гостями. Политическое положеніе Австріи заставляло Іосифа II искать себѣ поддержки въ Русской политикѣ и въ дружбѣ Екатерины II, но онъ сильно опасался въ этомъ дѣлѣ происковъ и хитрыхъ внушеній Прускаго короля Фридриха II, который, по убѣжденію императора, имѣлъ сильное вліяніе на наслѣдника Русскаго престола и на его супругу. Въ особенности Великую Княгиню, по мнѣнію Іосифа руководившую мыслями и желаніями мужа, императоръ всячес ки желалъ привлечь на свою сторону. Зная горячую ея любовь къ родителямъ и семьѣ, Іосифъ задумалъ устроить бракъ своего племянника (будущаго императора Франца) сына Леопольдова, съ младшею сестрою Великой Княгини, принцессою Виртембергскою (какъ извѣстно, бракъ этотъ впослѣдствіи и состоялся). Вотъ почему оба брата съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда Рускихъ гостей во Флоренцію и въ Вѣну, и сообщали другъ другу подробности объ нихъ. Іосифъ II посылаетъ брату подробную инструкцію, какъ принять гостей и чѣмъ занимать ихъ, примѣняясь къ ихъ вкусамъ и характеру. Онъ пишетъ меж-

ду прочимъ: «Великій Князь и Великая Княгиня, обладая рѣдкими талантами и довольно обширными свѣдѣніями, имѣютъ сильное желаніе все видѣть и учиться. Надо показывать имъ все, такъ чтобъ они не могли замѣтить никакой подготовки, и говорить съ ними обо всемъ какъ можно откровеннѣе. Оба они — нѣжные и заботливые родители, а потому ихъ крайне интересуетъ все относящееся до семейнаго воспитанія. Жизнь ведутъ они строго правильную. Необходимо устроивать все такъ, чтобы между 10 и 11 часами вечера они могли быть всегда у себя дома и утромъ выѣзжали не ранѣе 10-го часу, потому что они привыкли посвящать большую часть утра и даже вечера на переписку и занятія. Все замѣчательное въ художественномъ отношеніи, или какъ древность, интересуетъ ихъ до чрезвычайности... Они любятъ знакомиться съ замѣчательными людьми: съ этою цѣлью нужно устроивать для нихъ обѣды и бесѣды въ небольшомъ кружкѣ избранныхъ людей; для этой же цѣли должны служить и балы, потому что Великій Князь совсѣмъ не танцуетъ, а Великая Княгиня равнодушна къ танцамъ. На своемъ инкогнито они настаиваютъ и хранятъ его въ отношеніяхъ очень строго... Великая Княгиня играетъ очень хорошо на клавесинѣ. Великій Князь хочетъ тотчасъ опознаться въ каждой новой мѣстности, по плану, и потому даже въ загородныхъ дворцахъ, когда кто будетъ ихъ показывать, необходимо знакомить его съ планомъ. Изъ числа свиты ихъ, г-жа Салтыкова очень болѣзненна и мало выѣзжаетъ, но г-жа Бенкендорфъ пользуется особливымъ довѣріемъ Великой Княгини и всюду выѣзжаетъ съ нею. Къ ней слѣдуетъ и обращаться со всѣмъ что̀ относятся до Великой Княгини. Это особа рѣдкихъ достоинствъ и заслуживаетъ вполнѣ милости Ихъ Высочествъ, которую она вполнѣ чувствуетъ, но никогда не употребляетъ во зло. Къ генералу Салтыкову надлежитъ обращаться во всемъ что̀ касается до принадлежностей путешествія; но какъ онъ не всегда находится при Ихъ Высочествахъ на лицо и всюду пріѣзжаетъ обыкновенно днемъ позже, то относительно всѣхъ подробностей можно обращаться къ полковнику Бенкендорфу, очень толковому молодому человѣку, который производитъ всѣ платежи, и вмѣстѣ съ морскимъ офицеромъ Плещеевымъ заготовляетъ всюду помѣщеніе для Ихъ Высочествъ. Кн. Куракинъ сопровождаетъ Ихъ Высочества изъ личной къ нимъ преданности и, какъ племянникъ графа Панина, имѣетъ особливыя права на признательность Великаго Князя, пользуясь довѣріемъ и милостивымъ расположеніемъ Ихъ Высочествъ; при томъ это весьма любезный человѣкъ и вполнѣ хорошаго тона. Кн. Юсуповъ—молодой человѣкъ, весьма образованный и умѣлъ извлечь себѣ большую пользу изъ своихъ путешествій. Онъ большой знатокъ въ древностяхъ, въ искуствахъ и картинахъ. Секретарь Николаи одинъ изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ людей, которые служатъ, не выказывая заслугъ своихъ и не требуя отличія. Всѣ прочіе члены свиты и служители, не исключая даже священника, такъ хорошо выбраны и содержатся въ такомъ отличномъ порядкѣ, что никто изъ нихъ не забываетъ своего положенія».

Въ письмѣ отъ 5 Іюня 1782 года Леопольдъ, проводивъ гостей изъ Тосканы, сообщаетъ брату свои впечатлѣнія. Онъ пишетъ: «Сѣверный графъ,

котораго впрочемъ ты видѣлъ чаще и лучше знаешь чѣмъ я, при большомъ умѣ, талантливъ и разсудителенъ; онъ обладаетъ особливою способностью быстро и вѣрно постигать идеи и факты со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. По всѣмъ его рѣчамъ видно, что онъ доброжелателенъ. Мнѣ кажется, что съ нимъ надобно дѣйствовать открыто, ровно, прямо и искренно, чтобы не возбудить въ немъ недовѣрія и подозрительности. По моему мнѣнію, онъ будетъ очень дѣятеленъ; но особенная энергія видна въ его образѣ мыслей (surtout il a beaucoup de nerf dans sa façon de penser). Онъ очень твердъ и рѣшителенъ, когда остановится надъ чѣмъ нибудь, и конечно не такой человѣкъ, чтобы позволилъ кому нибудь управлять собою. Вообще, кажется, что онъ не жалуетъ иностранцевъ, что онъ будетъ строгъ, наклоненъ къ порядку, къ неуклонной дисциплинѣ и къ точности въ правилахъ. Въ разговорахъ со мною онъ ни разу не касался своего положенія и отношеній къ Императрицѣ; но не скрывалъ, что не одобряетъ всѣхъ этихъ обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи; всего что̀ вводится болѣе для виду и не имѣетъ истинной прочности. Упоминая о планахъ Императрицы относительно Турокъ и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрывалъ отъ меня своего неодобренія: по его мнѣнію не слѣдуетъ думать объ увеличеніи монархіи уже и безъ того обширной и о безплодныхъ завоеваніяхъ, а слѣдуетъ заботиться объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я увѣренъ, что эта рѣчь его была искренна.... Пребываніе въ Вѣнѣ очень понравилось Сѣверной графинѣ, но графу хочется вернуться скорѣе домой...... Могу достовѣрно сказать тебѣ, что о Вѣнѣ, о всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ, о начальствующихъ въ арміи, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ, они имѣютъ столько и такихъ свѣдѣній, что не разъ приводили меня въ изумленіе. Однажды, разсуждая о проискахъ графа Кобенцля въ Петербургѣ, онъ разгорячился и сталъ мнѣ говорить, что ему извѣстно, какіе изъ Петербургскихъ чиновниковъ куплены Вѣнскимъ Дворомъ, сколько и когда и что̀ получилъ каждый, со всѣми подробностями. Когда я сталъ увѣрять его, что ничего объ этомъ не знаю, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Такъ я знаю, и могу назвать вамъ имена. Это—князь Потемкинъ, секретарь Императрицы Безбородко, Бакунинъ, оба графа Воронцовы, Семенъ и Александръ, и Марковъ, который теперь министромъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ; пускай знаютъ, что я знаю, кто они такіе; и какъ только у меня будетъ власть, я ихъ накажу (ich werde sie ausruthen), уничтожу и выгоню». Графиня подтвердила мнѣ тоже самое. Графъ сказалъ потомъ, что Императрица хотѣла назначить къ его дѣтямъ въ воспитатели графа Семена Воронцова, но оба они увѣряютъ, что ни за что на свѣтѣ не допустятъ довѣрить дѣтей такому человѣку. Я счелъ нелишнимъ передать тебѣ этотъ примѣчательный разговоръ; но кромѣ того долженъ тебя предупредить, что не только графъ и графиня ведутъ обстоятельный журналъ своего путешествія, но каждый изъ нихъ особливо отмѣчаетъ у себя въ тетрадкѣ все что̀ слышатъ и почитаютъ почему либо примѣчательнымъ. Напримѣръ однажды, когда рѣчь коснулась до брака моего сына, они отъискали свои тетрадки и прочли: Е. В. Императоръ сказалъ намъ то-

то и то-то, подлинными словами, въ такой-то день и часъ, при такихъ-то лицахъ, въ такой-то комнатѣ. Признаюсь, что это удивило меня и заставило быть осторожнѣе въ разговорахъ, тѣмъ болѣе, что по ихъ же словамъ, они отмѣчаютъ все это на будущее время, чтобы показать кому слѣдуетъ въ случаѣ надобности, когда кто станетъ отговариваться или измѣнять смыслъ своихъ рѣчей. Они увѣряли меня, что у нихъ все записано не только во время путешествія, но и то что̀ ты говорилъ съ ними, будучи въ Петербургѣ. Притомъ графъ — человѣкъ рѣшительнаго характера. Характеръ графини ты конечно узнаешь лучше, чѣмъ я; ты вѣрно будешь очарованъ ея кротостью, умомъ, талантами, заботливостью, расположеніемъ къ добру, привязанностью къ мужу и тою взаимною дружбою и искренностью, которая по истинѣ примѣрно выказывается въ ихъ супружескихъ отношеніяхъ».

*

5 Мая 1871 года г. Рольстонъ на вечернемъ собраніи Британскаго Королевскаго Института въ Лондонѣ (Royal Institution) читалъ лекцію о Рускихъ народныхъ повѣрьяхъ, праздникахъ и пѣсняхъ. Обозрѣвъ въ бѣгломъ, но полномъ очеркѣ главные образы и понятія народной Славянской миѳологіи, онъ перешелъ къ пословицамъ, пѣснямъ и былинамъ и представилъ описаніе главнѣйшихъ народныхъ праздниковъ (колядки, семикъ, купала и пр.), ссылаясь въ своемъ изложеніи на собранія Даля и Аѳанасьева; упомянулъ и о полемикѣ, возникшей по поводу изслѣдованій Стасова о Рускихъ былинахъ. Коснувшись вопроса о Славянскомъ происхожденіи Рускаго племени, г. Рольстонъ, на основаніи данныхъ, представляемыхъ Славяно-рускою миѳологіею, заключаетъ рѣшительно, что Рускія повѣрья и преданія принадлежатъ къ одной группѣ съ миѳологическими повѣрьями всѣхъ отраслей Арійскаго племени.

*

Книга Рольстона о Крыловѣ и его басняхъ (Krilof and his Fables) вышла въ Лондонѣ уже третьимъ изданіемъ съ значительными дополненіями Въ журналѣ Academy, 1871, № 28, статейка И. С. Тургенева, по поводу новаго изданія этой книги. Въ короткомъ очеркѣ, Тургеневъ объясняетъ значеніе Крылова въ Руской литературѣ и свойство его басни сравнительно съ Лафонтеновою; приводитъ свое вспоминаніе о личности Крылова и извѣстный анекдотъ о портретѣ, долго висѣвшемъ надъ кресломъ Крылова на одной петелькѣ.

*

Нѣмецкая ученая критика отзывается съ похвалою о Грамматикѣ Древне-болгарскаго или Церковно-славянского нарѣчія, изданной г. Лескіеномъ: ***Leskien***, Handbuch der altbulgarischen (altkirchlich-slavischen) Sprache Grammatik. Texte. Glossar. Weimar. 1871. Главнымъ матеріаломъ для изслѣдованій автора о Церковно-славянскомъ нарѣчіи служилъ текстъ Остромирова Евангелія, въ которомъ онъ приводитъ нѣкоторыя новыя чтенія, отступающія отъ изданія Востокова.

*

Статьи въ журналахъ.

Въ Апрѣльской книгѣ Эдинбурскаго Обозрѣнія за 1871 годъ есть статья по поводу записокъ лорда Бровтона (Lord Broughton) напечатанныхъ въ

1865 году исключительно для семейнаго круга и не поступившихъ въ продажу для публики. Записки обнимаютъ продолжительную жизнь и дѣятельность этого государственнаго человѣка съ 1786 по 1869 г. При восшествіи на престолъ нынѣшней королевы онъ состоялъ въ министерствѣ лорда Веллингтона государственнымъ секретаремъ или министромъ по Остъ-индскимъ дѣламъ. По этому предмету записки его (и упомянутая статья) представляютъ любопытныя данныя для исторіи политическихъ отношеній между Великобританіей и Россіей по поводу замѣшательствъ въ Средней Азіи (1838 г.) и Афганской войны и по поводу Турецкихъ и Египетскихъ дѣлъ въ 1839 году. Въ ту пору отношенія эти доходили въ Англіи до раздраженія и, какъ извѣстно, едва не привели къ разрыву съ Россіей.

*

Военныя силы Россіи стали въ прошломъ году предметомъ усиленнаго обсужденія въ иностранной литературѣ, особливо съ появленіемъ книги Ѳаддеева, изданной и въ Нѣмецкомъ переводѣ Эккарта съ его предисловіемъ.

По поводу этой книги появилось немало статей и въ Нѣмецкихъ, и въ Англійскихъ журналахъ. Эдинбургское Обозрѣніе, которое въ послѣдніе годы стало обращать на себя особливое вниманіе статьями о военномъ дѣлѣ, принадлежащими опытному перу замѣчательнаго знатока по этой части, помѣстило въ Іюльской книгѣ 1871 г. статью: *Военныя силы Россіи*, въ которой разбираются главнѣйшія естественныя, нравственныя и политическія условія боеваго дѣла въ Россіи для защиты и для нападенія.—Въ Лондонѣ напечатано сочиненіе капитана Брекенбюра о боевыхъ и резервныхъ силахъ Европейскихъ государствъ (Brackenbury, Foreign Armies and Home Reserves), въ которомъ значительное мѣсто отведено Руской арміи и стратегическимъ условіямъ защиты въ Россіи: авторъ разбираетъ въ подробности значеніе новой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ военной точки зрѣнія.

Въ Revue de Deux Mondes (15 Novembre 1871 г.) также появилась статья Эмиля де Лявелé: *О новой политикѣ Россіи, о ея внутреннихъ преобразованіяхъ и военныхъ силахъ*, написанная также преимущественно по поводу сочиненія Ѳаддеева.

Въ Revue de D. Mondes 1871 (15 Juillet et 1 Août) статья адмирала Жюрвенъ де ла Гравьера, содержащая въ себѣ описаніе дѣйствій Французскаго флота въ Черномъ морѣ и подъ Севастополемъ во время войны съ Россіей (La flotte de la Mer Noire).

По поводу книги Диксона «Free Russia» въ Revue de Deux Mondes (15 Avril 1871) помѣщена статья: *Россія, со времени освобожденія крестьянъ*, написанная Кальятомъ, бывшимъ пасторомъ въ Женевѣ, умершимъ во Франціи во время войны. Статья эта, основанная на невѣрныхъ данныхъ и непровѣренныхъ разсказахъ, взятыхъ изъ книги Диксона, наполнена сверхъ того и разсужденіями самаго автора, обличающими особливое представленіе Французскаго невѣжества о Россіи, бытѣ ея и устройствѣ.

*

Въ Revue de Deux Mondes за 1871 года (Май и Іюнь) помѣщена новая повѣсть Жоржъ Занда: *Франція*, въ которой героемъ разсказа выведенъ князь Мурзакинъ, Рускій офицеръ въ союзныхъ войскахъ, по вступленіи ихъ въ Парижъ въ 1814 году, а

героинею (Trancio) поставлена дочь артистки Французскаго Московскаго театра, вывезенная изъ Россіи. Разсказъ наполненъ смѣшными для Рускаго замѣтками и рѣчами, обличающими всегдашнее невѣжество Француза во всемъ относящемся до Рускаго быта; а въ художественномъ отношеніи принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ произведеній автора и обличаетъ въ немъ явный упадокъ таланта и истощеніе творческой силы.

*

Въ Cornhill Magazine за Ноябрь 1871 г. есть біографическая статья о княгинѣ Амаліи Голицыной, женщинѣ, которая по имени только принадлежала къ Россіи, но жила постоянно въ Германіи и въ свое время, т. е. въ послѣдней четверти прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, прославилась между первыми умами въ Европѣ какъ замѣчательнѣйшая изъ умныхъ женщинъ. Въ сущности, это была одна изъ тѣхъ впечатлительныхъ женскихъ натуръ, которыя (подобно г-жѣ Свѣчиной), не находя удовлетворенія сердечнымъ впечатлѣніямъ въ дѣйствительности, бросаются въ отвлеченный міръ идеала и въ немъ создаютъ себѣ домъ вмѣсто настоящаго дома, котораго не имѣютъ. Кн. Голицына была дочерью извѣстнаго Прусскаго фельдмаршала Шметтау, въ дѣтствѣ и въ первой юности отличалась крайнею экзальтаціею; въ 1767 г. встрѣтилась съ кн. Дмитріемъ Голицынымъ, только что назначеннымъ Императрицею Екатериною на должность посланника въ Гагѣ, сошлась съ нимъ въ идеяхъ новѣйшей философіи и въ поклоненіи Французскимъ энциклопедистамъ, вышла за него замужъ въ Ахенѣ и за тѣмъ, проведя около года въ Петербургѣ, уѣхала съ нимъ въ Гагу. Но супруги вскорѣ охладѣли другъ къ другу, и молодая кн. Голицына погрузилась въ изученіе древней философіи, съ преданнымъ другомъ, знаменитымъ Голландскимъ филологомъ Гемстергейсомъ. Княгиня упросила мужа дать ей свободу и удалилась съ двумя малолѣтными дѣтьми въ деревню между Гагой и Шевенингомъ, гдѣ вела нѣсколько лѣтъ странный образъ жизни, остригла волосы, ходила въ крестьянскомъ платьѣ и проводила дни и ночи въ изученіи философовъ и классическихъ авторовъ. Въ эту пору ей не было еще и 30 лѣтъ отъ роду. Выдержавъ сильную болѣзнь, въ слѣдствіе истощенія отъ занятій, она послѣ болѣзни оставила прежнюю философію и предалась совершенно религіозному настроенію. Переѣхавъ въ Мюнстеръ, она сблизилась тамъ съ извѣстнымъ Вестфальскимъ министромъ Фюрстенбергомъ и подъ вліяніемъ его перешла въ католичество. Въ Мюнстерѣ, съ 1780 года, провела кн. Голицына остальное время до смерти своей, въ 1806 году. Здѣсь вела она бесѣды и отсюда вела переписку съ первыми знаменитостями ученаго и литературнаго міра Германіи, испытывая вліяніе каждаго и въ свою очередь оказывая вліяніе или производя сильное впечатлѣніе на каждого. Въ числѣ друзей ея и корреспондентовъ были Якоби, графъ Штольбергъ, Овербергъ, Гаманнъ, наконецъ Гёте, высоко цѣнившій умъ ея и душевную силу. Разсказы о ней и часть ея корреспонденціи собраны и изданы въ 1839 году профессоромъ богословія Катеркампомъ, подъ названіемъ Denkwürdigkeiten aus dem Leben der Fürstin Gallitzin.

*

Въ 19 № (1 Марта) Англійскаго критическаго журнала: The Academy,

помѣщена небольшая статейка И. С. Тургенева, по поводу книги Салтыкова (Щедрина) «Исторія одного города». Указывая на отличительныя свойства сатиры Щедрина, Тургеневъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты ея, напоминающія Ювенала и Свифта. Въ томъ же журналѣ помѣщена критическая статья извѣстнаго географа-путешественника Ханыкова, по поводу изданнаго въ Англійскомъ переводѣ путешествія Марко Поло.

*

Въ историческомъ журналѣ (Historisk Tidddskrift) выходящемъ въ Копенгагенѣ, за 1870 годъ, напечатано замѣчательное изслѣдованіе о дипломатическихъ сношеніяхъ Даніи съ иностранными государствами. Эта статья основана на документахъ, взятыхъ изъ архива Датскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и содержитъ въ себѣ много новыхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Датскаго правительства къ Россіи въ 18 столѣтіи, именно въ управленіе Бернсдорфа.

*

Магазинъ для церковныхъ людей (Churchman's Shilling-Magazine), за Мартъ 1871, статья Давида Кера: «*Рускій національный характеръ*».

*

Въ ежемѣсячномъ изданіи London Society (August, 1871) помѣщенъ разсказъ г. Сорнбера: *Маскарадъ у князя Черкасскаго* (Prince Tcherkassky's Masquerade).

*

Въ Касселевомъ магазинѣ (Cassel's Magazine, Май 1871 г.) статья Диксона: *Ворота Чернаго моря* (Керчь и Босфоръ); статья эта переведена въ Бесѣдѣ 1871 г. № 7.

*

Въ Rivista Europea за Февраль и Мартъ, Александръ Герценъ-сынъ помѣстилъ нѣсколько неизданныхъ статей отца своего, въ Итальянскомъ переводѣ; а въ Апрѣльской книжкѣ— свою статью въ защиту такъ называемаго позитивизма противъ идеальной философіи.

*

Профессоръ Харьковскаго университета Каченовскій, принадлежа къ числу сотрудниковъ издаваемаго въ Гентѣ журнала: Revue de droit international et de législation comparée, помѣстилъ въ 1-й книжкѣ этого журнала за 1871 годъ статью: *Новыя изслѣдованія о формахъ правленія*, по поводу изданнаго въ 1870 году сочиненія Ипполита Пасси: Des formes de gouvernement et des lois qui les régissent. Статья г. Каченовскаго содержитъ въ себѣ анализъ книги Пасси и изложеніе выведенныхъ автором историческихъ и политическихъ причинъ разности въ формахъ правленія, существующихъ у различныхъ народовъ и государствъ. За тѣмъ, указавъ на мнѣнія другихъ Французскихъ и Англійскихъ писателей по тому же предмету, г. Каченовскій указываетъ на связь его съ результатами послѣдней Французско-прусской войны и касается вопроса о національностяхъ и опасностяхъ, которымъ онъ угрожаетъ политическому развитію Европейскихъ государствъ. Нѣсколько страницъ посвящено такъ называемому Славянскому вопросу.

Въ томъ же журналѣ (№ 2) помѣщена статья проф. Харьковскаго университета, г. Владимірова, о судѣ присяжныхъ и о дѣйствіи его въ Россіи.

*

Переводы Рускихъ сочиненій.

Мнѣніе о восточномъ вопросѣ, генер. Ѳаддеева, перев. Митчеля (Opinion on the Eastern Question. By ge-

neral Fadieff, of the Russian Army. Translated by T. Michell. 1871. London Stanford).

Fadeiew. Ueber Russlands Kriegsmacht und Kriegspolitik. Aus dem russ. mit einem Vorwort v. Jul. Eckardt. Leipzig 1870.

Англійскій переводъ Литургіи св. Іоанна Златоуста, сдѣланный г-жею Романовою, авторомъ книги «Очерки обрядовъ Грекороссійской церкви» (см. книжныя вѣсти въ Р. Архивѣ 1869 г.). Переводъ изданъ въ Лондонѣ, съ рисунками (St John Chrysostoms Liturgy, Translated by H. C. Romanoff. Lond. Rivington.) Къ переводу присоединены объяснительныя примѣчанія о порядкѣ и значеніи священнодѣйственныхъ обрядовъ литургіи.

Г. Тернеромъ въ Петербургѣ сдѣланъ и изданъ въ Лондонѣ переводъ повѣсти Тургенева: *Наканунѣ* (On the Eve, a Tale Translated from the Russian by C. E. Turner, London); но переводъ этотъ очень плохъ и можетъ служить образцомъ незнанія Рускаго языка смѣлыми переводчиками.

C-te de Bobrinski. Rapports suivis d' un mémoire. Documents relatifs à la question de libre confession en Livonie, presentés le $^{18}/_{30}$ Avril 1864. Première édition du texte russe, accompagné d'une traduction francaise, Berlin. 1870.

Молодой Герценъ издалъ въ Женевѣ Французскій переводъ извѣстной книги покойнаго отца своего: «Съ того берега» (De l'autre rive).

Изданы въ Германіи слѣдующія пособія для изученія Рускаго языка:

Учебникъ Рускаго языка, соч. Больца (4-мъ изданіемъ) Boltz. Lehrgang der russischen Sprache. 2 Theile. Berlin. Gaertner.

Нѣмецко-рускій словарь, Боха и Фрея (Booch und Frey. Deutsch-russisches Wörterbuch. Leipzig. Haessel)

Іоэля и Фукса. Введеніе въ изученіе Рускаго языка, по методѣ Оллендорфа, 4-е изданіе. (Anleitung zur Erlernung der russischen Spache v. Joel und Fuchs. Frankfurt a. M. Jügel)

ПИСЬМА КЪ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ БОБОРЫКИНУ.

Разбирая семейныя бумаги, я нашелъ между ними нѣсколько писемъ къ Петру Ивановичу Боборыкину, которыя, можетъ быть, найдутъ не лишенными интереса читатели Русскаго Архива. Братъ роднаго дѣда моего тайнаго совѣтника Лукьяна Ивановича Боборыкина, Петръ Ивановичь, генералъ-поручикъ и преміеръ-маіоръ конной гвардіи, участвовалъ почти во всѣхъ походахъ Суворова. Всѣ помнятъ въ 1869 году, на портретной выставкѣ любителей художествъ въ Москвѣ, выразительное лицо человѣка среднихъ лѣтъ, въ военномъ мундирѣ Екатерининскихъ временъ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ и въ Александровской лентѣ. За позволеніе выставить портретъ этотъ, я получилъ благодарность отъ Комитета Общества, за подписью всѣми уважаемаго и такъ рано похищеннаго смертію, секретаря Общества, Леонида Никитича Панина.

Письма нѣкоторыхъ современниковъ Петра Ивановича, которыя я предлагаю читателямъ Архива, конечно весьма мало знакомятъ съ этою личностью, потому что отвѣтовъ на нихъ самого Петра Ивановича можно было бы только искать въ бумагахъ лицъ къ нему писавшихъ; копій же съ своихъ писемъ по всей вѣроятности не сохранялъ онъ.

Говоря о Петрѣ Ивановичѣ, не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о родѣ Боборыкиныхъ, одномъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Россіи.

Боборыкины выѣхали изъ Пруссіи въ началѣ XIII вѣка, также какъ и Ро-

мановы, Колычевы, Коновницыны, Голенищевы-Кутузовы, Кобылины, Лобановы, Салтыковы, Шепны, Шереметевы, съ которыми и написаны они въ той-же росписи [1]). Родоначальникъ Боборыкиныхъ былъ Ѳедоръ Андреевичъ Боборыка, прадѣдъ котораго Андрей Ивановичъ велъ родъ свой отъ Вейдевута, короля Пруссовъ, когда Пруссы были еще язычниками, и которому старшій братъ его король Прутено уступилъ царство и пошелъ въ первые жрецы идолослуженія, въ 305 году. Въ гербѣ Боборыкиныхъ, какъ и у другихъ одноплеменныхъ съ ними родовъ, надъ шлемомъ и дворянскою короною, вмѣсто перьевъ виденъ кумиропоклонный дубъ [2]) что̀ ясно указываетъ на времена друидическія. Потомокъ одного изъ сыновей Вейдевута, отъ котораго ведутъ родъ свой Боборыкины, владѣтель Самогитіи, Судовіи и прочихъ, побѣжденный въ войнѣ съ крестоносцами, выѣхалъ съ сыномъ своимъ и со множествомъ подданныхъ къ великому князю Александру Невскому и принялъ св. крещеніе въ 6749-мъ году (1241) какъ значится въ Разрядномъ Архивѣ. Потомки Ѳедора Боборыки Иванъ Михайловичъ и Никита Михайловичъ были написаны въ Боярской Книгѣ, съ помѣстнымъ окладомъ.

Съ тѣхъ поръ мы встрѣчаемъ Боборыкиныхъ и въ ратномъ станѣ [3]) и при дворѣ царей Московскихъ, гдѣ многіе изъ нихъ занимали почетныя должности. Двое были окольничими: Романъ Ѳеодоровичъ [4]) при царѣ Алексѣѣ Михайло-

---

[1]) Бархатная Книга, ч. 2. стран. 415, изданіе 1787.

[2]) Вотъ гербъ Боборыкиныхъ: „По срединѣ золотаго щита въ красномъ полѣ, окруженнаго лавровымъ вѣнкомъ, изображена золотая корона, гербъ древнихъ владѣтелей Прусскихъ и подъ оною два серебряныхъ креста, означенные перпендикулярно. Въ нижней части на золотомъ щитѣ видна шапка, служившая въ древнія времена отличіемъ для бояръ, а внизу шапки изображены копье и мечь, положенные крестообразно на серебряномъ полумѣсяцѣ, рогами обращенномъ вверхъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ, съ дворянскою на немъ короною, на поверхности которой между двухъ серебряныхъ шестиугольныхъ звѣздъ виденъ кумиропоклонный дубъ. Щитъ держатъ два льва, имѣющіе во рту лавровую и масляную вѣтви, изъ коихъ у стоящаго съ правой стороны находится въ лапѣ скипетръ, а съ лѣвой держава, въ память того, что предки Боборыкиныхъ были въ Пруссіи владѣтелями. Наметъ на щитѣ золотой, подложенный краснымъ“.

„Фамилія Боборыкиныхъ начало свое воспріяла, какъ показано въ представленной выпискѣ изъ авторовъ о древнихъ Пруссахъ, изъ Прусскаго гербовника и въ справкѣ Архива Иностранныхъ дѣлъ, отъ Андрея Ивановича, происшедшаго отъ короля Пруссовъ Вейдевута, коему въ 305 году по Рождествѣ Христовѣ старшій братъ король Прутено, уступилъ царство свое, пошедъ въ первые жрецы идолослуженію. Потомокъ четвертаго сына Вейдевутова Недрона, владѣтель Судовіи, Самогитіи и прочихъ, Гланда Камбила, утомленный въ бояхъ противъ крыжаковъ и побѣжденный ими, выѣхалъ съ сыномъ своимъ и со множествомъ подданныхъ въ Россію къ великому князю Александру Ярославичу Невскому, и по воспріятіи св. крещенія дано было имя ему Іоаннъ; а отъ сына его Андрея Ивановича пошли Сухово-Кобылины, Романовы, Шереметевы, Колычевы, Яковлевы, Боборыкины. Сей родоначальникъ знаменитѣйшихъ фамилій былъ въ отличной довѣренности у великаго князя Московскаго Симеона Іоанновича и когда государь сговорилъ жениться на дочери князя Александра Тверскаго, то Андрей Ивановичъ, какъ ближайшая при немъ особа, ѣздилъ въ Тверь за невѣстою. У сего Андрея Ивановича былъ правнукъ Ѳедоръ Андреевичъ Боборыка, коего потомки Иванъ Михайловичъ и Никита Михайловичъ написаны были въ Боярской Книгѣ, съ помѣстнымъ окладомъ.“ (*Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи, начатый въ 1797 году. Часть V, отдѣленіе 1, гербы родовъ княжескихъ, графскихъ, баронскихъ и дворянскихъ Россійск. Имп. №. 19, гербъ рода Боборыкиныхъ*).

[3]) Аѳанасій убитъ подъ Новымъ-городомъ, Ѳедоръ убитъ отъ самозванца подъ Москвою, Мамонтъ убитъ подъ Новгородомъ, Леонтій убитъ подъ Кесью, Аѳанасій убитъ подъ Орломъ, Евилъ убитъ подъ Изборскомъ (Барх. Кн. Ч. 2. стран. 120 и 121.)

[4]) Сосѣдъ патріарха Никона по вотчинѣ своей близь Воскресенскаго монастыря. Какъ извѣстно, ссора патріарха съ окольничьимъ Боборыкинымъ изъ за пустошей и угодій послужила развязкою въ недоумѣніяхъ между двумя властями, свѣтскою и духовною

вичѣ и Никита Романовичь при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Отъ рода Боборыкиныхъ произошли Колычевы, Коновницыны, Шереметевы. Еще прежде избранія Романовыхъ, Боборыкины занимали уже видныя мѣста: одинъ изъ нихъ былъ воеводою въ Кинешмѣ, и въ 1612 году, съ небольшимъ отрядомъ, вышелъ защищать городъ отъ многочисленной толпы Поляковъ, которые бродили тогда по мѣстностямъ, гдѣ находится теперь Костромская губернія; онъ отстоялъ городъ, но самъ былъ убитъ. Благодарные граждане Кинешмы воздвигнули въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города памятникъ, на которомъ еще не такъ давно можно было прочесть воспоминаніе объ этомъ подвигѣ; не знаю, существуетъ-ли этотъ памятникъ теперь.

Въ описаніи бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, изданномъ Бекетовымъ въ 1810 году, съ подлинной старинной рукописи, пожертвованной Малиновскимъ въ Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи, авторъ поименовываетъ весь поѣздъ царскій, который составляли одни „дворяне большіе", только „сорокъ человѣкъ", и ѣхали предъ царемъ, который сидѣлъ „на аргамакѣ", направляясь по пути „къ Пречистой Богородицѣ, площадью". Въ поѣздѣ этомъ мы встрѣчаемъ имена Шеиныхъ, Куракиныхъ, Хованскихъ, Пронскихъ, Репниныхъ, Пожарскихъ, Прозоровскихъ, Пушкиныхъ, Ромодановскихъ, Трубецкихъ, Волынскихъ; въ числѣ ихъ названъ и Боборыкинъ (Яковъ Михайловичь).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стольникъ Боборыкинъ (Петръ Ивановичь) былъ дипломатомъ, и не менѣе отличался и на полѣ ратномъ; онъ сопутствовалъ царю въ его походѣ на Польское и Литовское королевство и впослѣдствіи участвовалъ съ бояриномъ Ординымъ-Нащокинымъ въ заключеніи перемирія „на тринадцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ", а потомъ и мирнаго договора съ уполномоченными отъ короля Польскаго, и „за многую службу его, промыслы и храбрость" получилъ отъ царя вотчину, при жалованной грамотѣ. Достойно вниманія, что въ этой грамотѣ, любопытной во многихъ отношеніяхъ, царь Алексѣй Михайловичь, исчисляя успѣхи Русскаго оружія и пріобрѣтенныя земли, при заключеніи мира, ничего не приписываетъ себѣ, но помощи всесильнаго Бога, и своему царскому и государскихъ дѣтей своихъ „счастію".

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ царствованіе Петра и Іоанна Алексѣевичей, стольникъ Иванъ Артемьевичь Боборыкинъ за его воинскіе подвиги получилъ также вотчину при жалованной грамотѣ [5]).

Со временъ Петра и въ послѣдующія царствованія, Боборыкины рѣдко являются при дворѣ. Ихъ не видать ни при Екатеринѣ І-й, ни впослѣдствіи посреди царедворцевъ-временщиковъ, окружавшихъ Бирона; они вѣроятно болѣе жили въ Москвѣ и хотя продолжали родниться съ Петербургскою знатью, но можетъ быть принадлежали къ тѣмъ боярскимъ родамъ, которые не сочувствовали Петровской реформѣ.

Отецъ мой, сынъ тайнаго совѣтника Лукьяна Ивановича Боборыкина и родной племянникъ Петра Ивановича, письма къ которому подали поводъ къ этой замѣткѣ, воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, выпущенъ оттуда въ военную службу юнкеромъ и какъ военный инженеръ дѣлалъ кампаніи 1806, 1807 и 1808 годовъ; участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и при штурмѣ Браилова, когда велъ колонну охотниковъ, на контр-эскарпѣ

[5]) Обѣ грамоты эти печатаны въ Москвѣ, и къ нимъ пришиты на шелковомъ шнуркѣ, и при парчевой атташѣ (кустодіи) царскія печати. Грамоты эти, хранившіяся въ нашемъ родѣ, пожертвованы мною въ Чертковскую Библіотеку, также какъ и другіе подлинные документы и автографы, относящіеся къ этой замѣткѣ, и могутъ быть всегда показаны посѣтителямъ. Въ Чертковской же Библіотекѣ можно видѣть и портретъ Петра Ивановича Боборыкина, также пожертвованный мною.

крѣпости былъ тяжело раненъ картечью въ правую руку; въ дѣлѣ этомъ всѣ офицеры, бывшіе съ отцомъ моимъ, были тяжело ранены, а одинъ изъ нихъ (Морозовъ) убитъ. Для излеченія раны отецъ мой взялъ отпускъ въ Москву, гдѣ женился и вскорѣ оставилъ службу. Онъ вышелъ въ отставку 24 лѣтъ съ чиномъ инженеръ-капитана и мундиромъ. Замѣчательно, что отецъ мой, не смотря на блестящій аттестатъ полученный имъ при отставкѣ, въ которомъ поименованы походы и сраженія, гдѣ онъ отличился, не смотря на оказанное мужество и тяжкую рану—*не имѣлъ ни одного ордена*. Такъ скупо давались тогда награды тѣмъ, кто не умѣлъ, или не хотѣлъ о себѣ напомнить. Онъ умеръ 36 лѣтъ, оставивъ жену и одиннадцатилѣтняго сына.

Изъ близкихъ родственниковъ отца, братъ его. генералъ-майоръ Боборыкинъ. въ Крымскую войну былъ избранъ губернскимъ начальникомъ Ярославскаго ополченія, а племянникъ, старшій сынъ покойнаго начальника ополченія, бывшій нашимъ консуломъ въ Китаѣ, занимаетъ теперь должность губернатора и наказнаго атамана въ Оренбургѣ.

Николай Боборыкинъ.

1.

Ордеръ.

№ 173.

Государь мой Петръ Ивановичь.

Для лучшаго и успѣшнѣйшаго выпровоженія Христіанъ въ Россію должно вашему высокоблагородію всюду особой вашей переноситься, какъ и избраннымъ вами къ сему средству помощникамъ вашимъ, по долгу Ея Императорскаго Величества, съ ввѣренной вашему высокоблагородію ротой 2-й части 2-й бригады. Успѣхъ еще въ томъ не открылся, или еще извѣщенія до меня не дошли. Локальные ваши помощники всемѣстно, трудолюбиво и неотлагаемо, вамъ да пособятъ. Селенцы съ нѣкоторыми иными имѣютъ ихъ собственныя повозки или вьючныхъ коней. Поручаю всё то вашему благоразумію и неусыпнымъ трудамъ. Вашего высокоблагородія покорный слуга Александръ Суворовъ.

Ч. 10 Іюня 1778.

(все письмо написано рукою Суворова).

2.

Ч. 30 Іюля 1778.

Господину полковнику Боборыкину.

Въ части вашей окончанный выводъ Христіянъ доказываетъ истинную ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества, что̀ къ оной относя, считаю за долгъ вашему высокоблагородію изъявить признательность вашимъ трудамъ и мою благодарность.

Александръ Суворовъ.

3.

Августа 31 дня.
1778 года.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичь.

Паки усугубляю мою покорнѣйшую просьбу о Петрѣ Андрѣевичѣ Константиновѣ (ибо сдѣлалась ошибка) съ полнымъ обѣщаніемъ моей должной благодарности и скораго его вывода отъ вашего высокоблагородія. Пребуду всегда съ отличнымъ почтеніемъ. милостивый государь мой, вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ.

(писано все рукою Суворова).

4.

Поздравляю васъ любезный Петръ Ивановичь, что сынъ вашъ живъ и

здоровъ. Ихъ Высочества мнѣ дали коммиссію васъ поздравить и сказать вамъ, сколь они радуются, что вы не лишились вашего любезнаго сына. Великій Князь навѣдывался у графа Безбородко о Павлѣ Петровичѣ, и оный графъ ему сказывалъ, что онъ въ полону, однако-жъ слава Богу здоровъ; вы не повѣрите, сколько Великій Князь и Великая Княгиня до васъ показалися милостивы въ этомъ случаѣ; отдай имъ Богъ за ихъ любовь къ честнымъ людямъ. Я васъ цалую съ обрадованнымъ сердцемъ и навсегда остаюсь ваша покорная сестра и другъ

К. Нелидова,

(числа и года не выставлено).

5.

Милостивый государь мой
Петръ Ивановичь.

Какъ вы Бога не боитесь! Сомнѣваться въ моей къ вамъ дружбѣ! Я бы этаго отъ васъ не ожидала, и признаюсь, что имѣю великую охоту васъ за то побранить. Мнѣ-ли васъ забыть? Развѣ я не всегда васъ любила и почитала? Мы про васъ часто съ рѣзвой Галашой говоримъ и жалѣемъ, что васъ болѣе не видимъ. Прошу васъ также не имѣть безпрестанно грустныя мысли; всѣ объ васъ хорошо думаютъ, даже и Государь; а вы таки безпокоитесь, здоровье свое портите и безпрестанно живете въ своемъ Витебскѣ [6]) гдѣ вамъ должно наконецъ и скучно стать. Вы-бы съѣздили въ Москву, тамъ-бы много красавицъ увидали, влюбились-бы и позабыли горе. Оттуда-бы намъ писали, что вы счастливы здоровы и веселы, а мы бы здѣсь порадовались и все бы васъ по прежнему любили, такъ какъ и всегда васъ любили и станемъ любить.

Ваша покорная слуга и другъ
К. Нелидова.

Марта 7 ч.
1798 года.

6.

Любезный другъ Петръ Ивановичь.

Хотя вы меня и забыли, а я всегда помню своихъ друзей и потому-же вамъ и пишу, желая, чтобъ вы не сомнѣвались, что я васъ люблю и почитаю. Нынче я нахожусь въ любезномъ монастырѣ съ милыми его обитателями, хоть и не очень здорова, а довольна и весела. Остаюсь навсегда съ вѣрной дружбой.

Ваша покорная слуга и другъ
К. Нелидова.

7.

Я очень сожалѣю, любезный Петръ Ивановичь, что не могла съ вами проститься. Желаю вамъ, мой другъ, счастія и спокойствія и надѣюсь, что еще увидимся. Будете увѣрены, что я всегда останусь вамъ другъ и никогда безъ чувствительности и благодарности васъ не стану поминать. Сохраните вашу дружбу и пишите мнѣ почаще о своемъ здоровьѣ. Прощай, любезный другъ, а я навсегда съ истинной и вѣрной дружбой, ваша покорная услужница

К. Нелидова.

(На этихъ двухъ послѣднихъ письмахъ число и годъ не обозначены).

8.

С. Петербургъ, Дек. 3. 1796.

Его Императорское Величество соизволилъ мнѣ повелѣть отписать къ вашему превосходительству, чтобы вы

[6]) Петръ Ивановичь имѣлъ Витебской губерніи, Суражскаго уѣзда, жалованную Екатериной вотчину, гдѣ онъ вѣроятно жилъ въ это время.

съ полученія сего пріѣхали сюда. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть навсегда вашего превосходительства, милостивый государь, покорный слуга.

Михаилъ Данауровъ.
Генералъ-маіоръ при его Императорскомъ Величествѣ.

(письмо окаймлено траурной обводкой).

Изъ семи слѣдующихъ писемъ только два послѣднихъ не на траурной бумагѣ.

9.

Съ полученія сего немедленно имѣете выступить на назначенныя Санктпетербургскому драгунскому полку непремѣнныя квартиры, въ городѣ Порѣчьѣ.

Павелъ.

Генваря 14 дня.
1797 года.

Санктпетербургъ.

10.

1797 года Генваря 28 дня. С. Петербургъ.

Господинъ генералъ-лейтенантъ отъ кавалеріи Боборыкинъ. Донесеніе ваше отъ 20 Генваря получа, изъявляемъ вамъ благоволеніе наше за труды и за ревность къ службѣ нашей. Литавры и трубы серебряныя оставить въ полку. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

11.

С. Петербургъ. 6 Февраля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Боборыкинъ. Съ полученія сего слѣдуйте поспѣшно съ полкомъ вашимъ въ Полоцкую губернію, гдѣ и употребите себя на прекращеніе случившихся замѣшательствъ. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.

12.

С.Петербургъ. 18 Февраля 1797 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Боборыкинъ. По полученному мною донесенію отъ Полоцкаго прокурора Любощинскаго, увидѣлъ я, что тамошнія замѣшательства произошли отъ мерзкихъ разглашеній одного попа, коего намѣреніе клонилось не признавать меня тѣмъ, что̀ я есмь. Рекомендую вамъ онаго попа непремѣнно достать. А впрочемъ поступить, имѣя въ виду совершенное успокоеніе того края и не теряя времени. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

(Внизу помѣчено другой рукой: получено 22 Февраля по полудни въ 1-мъ часу 1797 года).

13.

1797-го отъ 27 Февраля. С. Петербургъ.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Боборыкинъ.

Изъявляя вамъ мою благодарность за исполненіе съ успѣхомъ на васъ возложеннаго и видя, по донесенію вашему отъ 23 Февраля, что пребываніе ваше съ полкомъ въ Полоцкой губерніи совсѣмъ не нужно, предписываю вамъ возвратиться на непремѣнныя ваши квартиры въ городъ Порѣчье. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

14.

Петровскій дворецъ, Марта 26, 1797.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Боборыкинъ. Для содержанія караула въ проѣздъ мой въ городѣ Велижѣ и въ селахъ Сенковѣ и Бажаницахъ, пошлите въ каждое изъ сихъ мѣстъ полку вашего по командѣ, составленной изъ одного офицера, трехъ ун-

теръ-офицеровъ, тридцати трехъ рядовыхъ, изъ коихъ два ефрейтора и одинъ на посылки, и одного трубача или барабанщика [7]), предписавъ офицеру расположиться по квартирамъ, а въ день прiѣзда моего выйти на караулъ къ дому назначенному для ночлега. Командамъ симъ быть къ 15-му числу Маія въ показанныя мѣста. О полученіи-же сего повелѣнія, по назначенію офицеровъ, кого именно въ которое мѣсто, прислать донесеніе. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

(Помѣч. друг. рукою: полученъ 3 Апрѣля 1797 года.)

15.

Москва, Марта 30, 1797.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Боборыкинъ. Донесеніе ваше отъ 16 Марта получилъ. Оставшихся за реформою полка вашего штабъ и оберъ-офицеровъ по желанію ихъ въ другія полки не отправлять, понеже они найдутся и тамъ излишними. Равно и выключенныхъ за просрочку являющихся теперь въ полкъ не принимать. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

О ВЫХОДѢ МАНШТЕЙНА ИЗЪ РУССКОЙ СЛУЖБЫ.

(Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ)

Дѣйствительный камергеръ и чрезвычайный посланникъ гр. Петръ Григорьевичъ Чернышевъ изъ Берлина отъ 20 Октября 1744 доносилъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ:

[7]) *Или барабанщика* приписано надъ строкою рукой самого Императора Павла.

«На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда въ службѣ вашего императорскаго величества находящійся полковникъ Манштейнъ, который, какъ онъ мнѣ о томъ самъ сказывалъ, къ королевской Прусской арміи вскорѣ отсюдова, дабы оную токмо видѣть, путь воспріять чрезъ Шлезію намѣренъ; и хотя онъ, для безопаснѣйшаго ко оной проѣзду, у меня пашпорта требовалъ, то я ему однакожъ оный дать (понеже вѣдаю, что его величество при себѣ волонтировъ имѣть не изволитъ) не посмѣлъ, ибо и Французскому здѣсь министру марки де Валори, который того, дабы ему къ нему ѣхать, позволенія требовалъ, хотя учтивымъ образомъ, однако подъ тѣмъ претекстомъ, что самъ вскорѣ сюда въ Берлинъ быть надѣется, отказалъ».

*

Онъ же гр. Чернышевъ отъ 5 Января 1745 года доносилъ:

«Въ службѣ вашего императорскаго величества числящійся полковникъ фонъ Манштейнъ сюда изъ Шлезіи, не видавшись тамо съ королемъ, возвратился, и здѣсь уже его величеству представленъ былъ. Хотя онъ мнѣ и сказывалъ самъ, что онъ здѣсь въ службу войтить не ищетъ, токмо я не знаю, для чего бъ инаго онъ здѣсь жить могъ».

Онъ же отъ 26-го Января того же 1745 года:

«Полковникъ Манштейнъ письменно у короля просилъ позволенія быть въ предбудущую кампанію при немъ волонтиромъ, что̀ отъ его величества ему аккордовано, послѣ чего уже вздѣлъ онъ здѣшній мундиръ».

Изъ коллегіи ин странныхъ дѣлъ писано въ Берлинъ къ гр. Чернышеву въ рескриптѣ Февраля 16 1745 года.

«У обрѣтающагося нынѣ въ Берлинѣ войскъ нашихъ полковника Манштейна вы спросить имѣете, для чего онъ вмѣсто водъ, къ которымъ, для избавленія отъ своей болѣзни, на годъ увольненія просилъ, нынѣ безъ вѣдома нашего письменно домогался быть въ Прусской арміи волонтиромъ; что ему, яко нашему подданному и дѣйствительно толь знатнымъ чиномъ находящемуся, того весьма дѣлать не пристойно. Да и надлежитъ ему, Манштейну, на предписанной отъ нашей военной коллегіи срокъ будущаго Августа 1 числа неотмѣнно и безъ всякихъ отговорокъ по командѣ явиться и къ полку своему возвратиться, еже все вы указомъ нашимъ ему, полковнику, объявить и намъ о всемъ вышеписанномъ доносить имѣете».

*

Изъ «всеподданнѣйшаго репорта» военной коллегіи, отъ 24 Іюля 1746 г.:

«Въ нынѣшнемъ 746 году Мая 14 дня отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ промеморіи объявлено, что бывшій въ Россійской службѣ полковникъ Манштейнъ, который на время для излеченія предъявленной тогда отъ него болѣзни въ Пруссію отпущенъ, но на постановленный срокъ сюда не возвратясь и абшида себѣ требовать сталъ, хотя ему чрезъ находящагося тамо вашего императорскаго величества министра неоднократно объявлено было, чтобъ онъ, яко на время отпущенный, здѣсь по прежнему явился, гдѣ по надлежащему и абшидъ свой получить можетъ. Но онъ, не смотря на то, ослушнымъ является и, разныя свои отъ поѣздки сюда отговорки употребляя, продолжительно абшида своего требуетъ, какъ то изъ приложенныхъ при томъ переводовъ съ его собственныхъ промеморій, какъ въ Берлинѣ министру вашего императорскаго величества, такъ и здѣсь чрезъ Прусскаго министра показанныхъ, усмотрѣно. Того ради ваше императорское величество именнымъ своимъ изустнымъ указомъ высочайше соизволили повелѣть: объявить ему, полковнику Манштейну, изъ военной коллегіи указомъ, постановя ему послѣдній срокъ, чтобъ конечно на оный и безъ всякихъ отговорокъ здѣсь явился; и что ежели онъ на тотъ срокъ не явится, то за дезертира признанъ и по правамъ воинскимъ судомъ неотмѣнно осужденъ будетъ, якоже и дѣйствительно потомъ, ежели онъ, Манштейнъ, на такой ему постановляемой послѣдній срокъ сюда не пріѣдетъ, оный судъ надъ нимъ, яко надъ дезертиромъ, по воинскимъ регуламъ содержать, и какая по тому сентенція учинена будетъ, о томъ для высочайшей конфирмаціи вашему императорскому величеству доложить.

И по опредѣленію военной коллегіи ко оному полковнику Манштейну того жъ Мая 15 дня посланъ указъ съ таковымъ высокимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ, чтобъ онъ, по силѣ того именнаго вашего императорскаго величества указа, считая отъ подписанія сего посланнаго къ нему указа нынѣ на послѣдній постановленный трехмѣсячный срокъ, конечно безъ всякихъ отговорокъ въ Санктпетербургѣ во оной коллегіи явился. Ежели жъ онъ на тотъ срокъ не явится, то за дезертира признанъ и по правамъ воинскимъ судомъ неотмѣнно и дѣйствительно осужденъ будетъ, и учиненняя сентенція для высочайшей конфирмаціи вашему императорскому величеству имѣетъ представлена быть, и въ какомъ онъ ко исполненію по

тому состоянiи найдется, о томъ ему въ военную коллегiю чрезъ обрѣтающагося тамъ вашего императорскаго величества министра съ первою почтою отвѣтствовать неотмѣнно».

Государственной военной коллегiи отъ полковника фонъ Манштейна всепокорнѣйшiй отвѣтъ.

Ея императорскаго величества указъ, изъ оной коллегiи писанный минувшаго Мая 15 дня, мною полученъ сего Iюня 14 дня, по которому велѣно мнѣ въ государственной военной коллегiи явиться чрезъ трехъ мѣсяцевъ, счисляя отъ дня подписанiя того указа; но понеже яко въ поданныхъ отъ меня всеподданнѣйшихъ челобитныхъ я объявилъ, что мнѣ безъ крайняго разоренiя возвратиться и ея императорскаго величества высокославную службу продолжать никакими мѣрами невозможно, того ради государственной военной коллегiи и нынѣ всепокорнѣйше прошу о дачѣ мнѣ изъ службы ея императорскаго величества абшида, куда надлежитъ представить. Я же твердую надежду имѣю, что ея императорское величество по своей высочайшей милости мнѣ за вѣрныя мои службы и полученныя раны, вмѣсто абшида, безчестiемъ платить не будетъ; ибо уже многiе чужестранные офицеры, при отсутствiи отъ командъ изъ службы увольнены, а и я прежде отъѣзду своего изъ Россiи двоекратно о увольненiи изъ службы всеподданнѣйшiя челобитныя подалъ. Возвратиться же мнѣ и службу ея императорскаго величества болѣе продолжать никакими мѣрами невозможно. У подлиннаго подписано тако: Полковникъ фонъ Манштейнъ. Въ Потсдамѣ, Iюня 14 дня 1746 году.

Экстрактъ о полковникѣ Манштейнѣ.

Вашего императорскаго величества въ службу онъ, Манштейнъ, принятъ изъ Прусской службы поручикомъ 736 году Февраля 6 дня. Въ томъ же году Августа 10 дня за взятье Перекопской линiи башней и полученныя при томъ раны пожалованъ въ секундъ-маiоры; въ 738 г. Марта 7 дня въ премьеръ-маiоры; въ 740 году въ подполковники и къ бывшему Миниху въ генеральсъ-адъютанты; въ томъ же году Ноября 11 дня въ полковники.

Въ 744 году Февраля 7, да Марта 6 чиселъ въ военную коллегiю генералъ-лейтенантъ де Бриллiй при репортахъ сообщилъ поданныя отъ него Манштейна на всевысочайшее вашего императорскаго величества имя челобитныя, которыми онъ Манштейнъ просилъ, чтобъ за имѣющеюся у него болѣзнiю и ранами, которыя во время продолжающейся его службы получилъ въ прошедшихъ кампанiяхъ, отпустить его въ Нѣмецкiе краи для излеченiя къ теплымъ водамъ на годъ. И того жъ Марта 13 дня по опредѣленiю военной коллегiи и посланному къ нему генералу-лейтенанту де Брилли указу велѣно того отпуску ему, Манштейну, обождать для того, что время приходитъ полкамъ выступать въ кампаментъ. Апрѣля 17 дня тогожъ году генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ рейхсъ-графъ фонъ Лессiй, при доношенiи своемъ въ военную коллегiю, представилъ поданную отъ него жъ, Манштейна, челобитную, которою просилъ о томъ же отпускѣ для излеченiя въ Нѣмецкiе краи къ теплымъ водамъ.

Да того жъ Апрѣля 30 дня онъ, Манштейнъ, поданною жъ челобит-

ною на высочайшее вашего императорскаго величества имя къ помянутому генералу-фельдмаршалу (которая при доношеніи его сообщена въ военную коллегію) объявилъ, гдѣ онъ въ продолженіи вашего императорскаго величества службы въ кампаніяхъ находился и сколько гдѣ противъ непріятеля ранъ получилъ, отъ которыхъ-де при всякой малой погодѣ въ костяхъ его, а особливо въ ногахъ, имѣется ломотная болѣзнь, а ибо-де не токмо вышеписанная болѣзнь отъ времени до времени болѣе вкоренится, но и по смерти дяди жены его въ Помераніи надлежитъ ему съ прочими наслѣдниками движимое и недвижимое по немъ имѣніе раздѣлить, и для того просилъ, чтобъ повелѣно было ему изъ службы вашего императорскаго величества дать увольнительный абшидъ, о чемъ такова жъ поданная отъ него Манштейна челобитная отъ генерала-лейтенанта де Брилли въ военную коллегію сообщена.

И того 744 году Іюня 5 дня по опредѣленію военной коллегіи и по силѣ присланнаго изъ правительствующаго сената указу (по которому велѣно изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ и прочихъ чиновъ отпустить половину въ годовые отпуски) велѣно его, Манштейна, по прежнему его прошенію въ Нѣмецкіе краи на годъ отпустить, который съ даннымъ отъ генералаmaіора де Бутлера пашпортомъ и со взятьемъ крѣпкаго реверса Августа съ 1-го 1744 Августа по 1-е жъ число 745 году и отпущенъ.

Въ 745 году онъ, Манштейнъ, въ военную коллегію прислалъ на высочайшее вашего императорскаго величества имя челобитную, которою объявилъ, что по прибытіи его туда усмотрѣлъ онъ, яко ему безъ крайняго раззоренія болѣе вашего императорскаго величества службу продолжать невозможно и просилъ, чтобъ повелѣно было дать ему увольнительный абшидъ.

И Мая 2 дня по опредѣленію военной коллегіи и по посланному къ генералу-фельдмаршалу и кавалеру рейсхъ-графу фонъ Лессію указу велѣно къ нему, Манштейну, наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ онъ на тотъ данный ему срокъ при полку конечно явился безъ всякаго отрицанія, почему онъ, фельдмаршалъ, въ силу того указу Іюля 8 дня къ нему, Манштейну, и писалъ съ подтвержденіемъ, чтобъ на данный терминъ явился къ полку неотложно, на что отъ него, Манштейна, къ нему, генералъ-фельдмаршалу, отвѣтствовано съ требованіемъ о увольненіи его изъ высокославной вашего императорскаго величества службы абшида, о чемъ отъ него, генералъ-фельдмаршала и въ военную коллегію репортовано, и при томъ представлено, не повелѣно ль будетъ о томъ въ Берлинѣ, къ кому надлежитъ, писать. На которое его представленіе указомъ изъ военной коллегіи велѣно, чтобъ онъ, генералъ-фельдмаршалъ, часто реченному Манштейну наикрѣпчайшимъ ордеромъ подтвердилъ, дабы онъ по силѣ даннаго своего реверса къ полку своему прибылъ конечно чрезъ три мѣсяца; ежели жъ паче чаянія и за тѣмъ подтвержденіемъ того не учинитъ, и въ такомъ случаѣ поступлено будетъ съ нимъ по воинскимъ регуламъ непремѣнно, почему отъ него, генералъ фельдмаршала, къ нему, Манштейну, наикрѣпчайше и предложено.

А въ нынѣшнемъ 746 году Мая 14 дня въ военную коллегію изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ проме-

моріи объявлено: хотя-де ему, Манштейну, чрезъ находящагося въ Пруссіи вашего императорскаго величества министра неоднократно объявлено было, чтобъ онъ, яко на время отпущенный, здѣсь по прежнему явился, гдѣ по надлежащему и абшидъ свой получить можетъ; но онъ, не смотря на то, ослушнымъ является и, разныя свои о поѣздкѣ сюда отговорки употребляя, продолжительно абшида своего требуетъ, что̀ изъ приложенныхъ при томъ съ его собственныхъ променорій, какъ въ Берлинѣ министру вашего императорскаго величества и здѣсь чрезъ Прусскаго министра жъ поданныхъ явилось, а именно:

Изъ Берлина 19 Февраля 746 году на отвѣтъ, отъ графа Чернышева данный ему, ни по какой иной причинѣ въ отпускѣ изъ Россійской службы отказывается кромѣ, что онъ еще счету о казнѣ и экономіи имѣвшаго его полку не учинилъ, нижайше отвѣтствуетъ: 1) никто изъ начальниковъ Россійскаго полку наименьшій диспозиціи въ полковыхъ деньгахъ одинъ не имѣетъ, но все опредѣленными къ тому коммисарами выдается, и ордеры отъ всѣхъ полковыхъ офицеровъ подписываны быть имѣютъ; 2) никогда какой либо офицеръ изъ полку и внутрь государства отпущенъ не бываетъ, пока на немъ наималѣйшая долговая претензія, а особливо въ деньгахъ, къ казнѣ принадлежащихъ, имѣется; наименьше жъ тому изъ государства выѣхать допущается, у кого напередъ все исправно не явилось; 3) при его отъѣздкѣ, онъ все съ надлежащимъ порядкомъ своему подполковнику барону Миниху отдалъ, и что все исправно, въ томъ онъ квитанцію, отъ всѣхъ офицеровъ подписанную, получилъ; но оная съ прочими его письмами и частію его экипажа у него при Опповѣ Пандурами похищена. Однакожъ помянутый подполковникъ и прочіе офицеры того полку отрещись не могутъ, что такая квитанція ему дана, ибо о томъ и командующему генералу репортовано. Еще жъ онъ къ своему оправданію предъявить можетъ, что за двѣ недѣли предъ его отъѣздомъ изъ полку оному отъ инспектора смотръ быть имѣлъ, при которомъ случаѣ, какъ и всегда, обыкновенно всѣ казны освидѣтельствованы. И тако, ежели бы наименьшая неисправность явилась, то конечно бъ ему позволено не было изъ государства выѣхать, а наипаче что онъ уже дважды, а именно въ 742 и 744 годѣхъ, отпуску своего изъ службы просилъ, и легко разсудить было можно, чтобъ онъ назадъ не пріѣхалъ, не имѣя во всей Россійской имперіи никакого помѣстья, но королевско--Прусскимъ вассаломъ есть и все оное, что̀ ему еще осталось въ здѣшней землѣ, за собою имѣетъ, которое потому, когда бъ онъ во всегдашнемъ отсутствіи быть имѣлъ, вовсе въ разореніе придтить могло бъ. Онъ же всегда въ состояніи находится и болѣе пунктовъ къ своему оправданію показать, которые онъ нынѣ ко избѣганію пространности обходитъ; однако жъ вызывается, что ежели отъ полку какая претензія на немъ будетъ, во всемъ себя очищать и доказать, что справедливо ничего на немъ претендовано быть не можетъ.

Изъ Потсдама 4 Апрѣля 746 году съ сообщенія Прусскаго министра барона Мардефельда, учиненнаго 11 Апрѣля 746 на мнѣніе его сіятельства г. великаго канцлера графа Бестужева о его абшидѣ имѣющее, отвѣтствуетъ: 1) «Изъ службы его величества короля Прусскаго онъ никогда не дезертировалъ, но только какъ онъ

для свиданія съ своимъ отцомъ въ Лифляндію отпущенъ былъ, то какъ онъ, отецъ его, такъ и дядя его, бывшій въ то время Шведскимъ посланникомъ при Россійско-императорскомъ дворѣ, всякія увѣщеванія употребляли и его уговорить искали, чтобъ онъ въ Россійско-императорскую службу пошелъ, къ чему онъ однакожъ, никогда вознамѣриться не хотѣлъ, пока наконецъ бывшій герцогъ Курляндскій и ея императорское величество высочайше блаженной памяти сама его высочайше милостиво къ тому склоняла, обѣщавъ при томъ: «мы уже-де о томъ стараться станемъ, чтобъ къ нему его абшидъ изъ Прусской службы присланъ былъ». И тако не его вина была и не въ его волѣ состояло, чтобъ назадъ возвратиться. 2) Въ его прежней промеморіи онъ уже упоминалъ, что онъ двоекратно прежде отъѣзда еще изъ Россіи о своемъ абшидѣ просилъ, но онаго не получилъ; и тако принужденъ былъ онаго жъ въ отсутствіи домогаться, ибо его обстоятельства всеконечно не дозволяли, чтобъ онъ назадъ пріѣхалъ. 3) Поднесь весьма обыкновенное дѣло было, что генералы и офицеры о своемъ увольненіи внѣ государства просили и оное получали, ибо не каждаго обстоятетьства допускали толь дальной путь обратно предпріять. 4) За Россійско-императорскаго подданнаго не можетъ онъ отнюдь признаваемъ быть, ибо никогда во употребленіи не бывало, чтобъ по матери называться или писаться; а хотя и онъ въ Россіи родился, однакожъ какъ его отецъ, такъ и онъ, всегда иностранцами почитаны были, ибо они ни малѣйшаго собственнаго помѣстья во всей Россійской имперіи не имѣютъ, а вся ихъ фамилія уже со многихъ сотъ лѣтъ Прусскими подданными суть, имѣя лены въ королевствѣ Прусскомъ; да и та маетность, которую онъ себѣ предъ нѣкоторымъ временемъ купилъ, лежитъ также въ земляхъ его величества короля. Еще же онъ во излишество присовокупить можетъ, что онъ во всѣхъ росписяхъ, сколь долго въ Россійской императорской службѣ находился, Прусскимъ вассаломъ писанъ былъ. 5) Ожиданіе или экспектацію аренды, кою отецъ его имѣлъ, ея величество высочайше блаженная императрица Анна ему всемилостивѣйше дать изволила; но сверхъ того, что никакая аренда не достаточна кого либо связать, въ томъ указѣ еще изображено: когда онъ въ Россійско-императорской службѣ останется. И тако онъ уповаетъ, что довольно себя симъ оправдалъ, и что наконецъ ваше императорское величество высочайшую милость ему показать изволите увольненіемъ его изъ службы; ибо, какъ уже выше упомянуто, онъ возвратиться и далѣе служить болѣе въ состояніи не находится».

Того ради ваше императорское величество именнымъ своимъ изустнымъ указомъ высочайше соизволили повелѣть объявить ему, полковнику Манштейну, изъ военной коллегіи указомъ, постановя ему послѣдній срокъ, чтобъ конечно на оный и безъ всякихъ отговорокъ здѣсь явился, и что ежели онъ на тотъ срокъ не явится, то за дезертира признанъ и по правамъ воинскимъ судомъ неотмѣнно осужденъ будетъ, яко же и дѣйствительно потомъ, ежели онъ, Манштейнъ, на такой ему поставляемой послѣдній срокъ сюда не пріѣдетъ, оный судъ надъ нимъ, яко надъ дезертиромъ, по воинскимъ регуламъ содержать, и какая потому сентенція учинена будетъ, для высочайшей конфир-

маціи вашему императорскому величеству доложить.

И по опредѣленію военной коллегіи ко оному Манштейну прошедшаго Мая 15 дня посланъ указъ съ таковымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ, чтобъ онъ, по силѣ вышеписаннаго именнаго вашего императорскаго величества указа, считая отъ подписанія сего посланнаго къ нему указа нынѣ на послѣдній поставленный трехъ-мѣсячный срокъ, конечно безъ всякихъ отговорокъ въ Санктпетербургѣ во оной коллегіи явился; ежели жъ онъ на тотъ срокъ не явится, то за дезертира признанъ и по правамъ воинскимъ судомъ неотмѣнно и дѣйствительно осужденъ будетъ.

А Іюня 2 дня онъ, Манштейнъ, на тотъ посланный къ нему указъ отвѣтомъ объявилъ, что ему безъ крайняго разоренія возвратиться и вашего императорскаго величества высокославную службу продолжать никакими мѣрами невозможно, и просилъ о дачѣ ему абшида, куда надлежитъ представить; онъ же твердую надежду имѣетъ, что ваше императорское величество по своей высочайшей милости за вѣрныя его службы и полученныя раны, вмѣсто абшида, безчестіемъ претить не будете.

И того Іюля 15 дня, по опредѣленію военной коллегіи и по посланному къ генералу-фельдмаршалу и кавалеру рейхсъ-графу фонъ Лессію указу, велѣно надъ онымъ полковникомъ Манштейномъ по содержанію вышеобъявленнаго вашего императорскаго величества именнаго указу, яко надъ дезертиромъ, при командѣ содержать по воинскимъ регуламъ судъ и какая по тому сентенція учинена будетъ, оную со мнѣніемъ своимъ для докладу вашему императорскому величеству прислать въ военную коллегію немедленно. По которому указу оный судъ надъ нимъ, Манштейномъ, и содержанъ.

А въ военныхъ артикулахъ напечатано:

27 п. Буде офицеру или солдату въ его величества службѣ отъ начальника своего что управить повелѣно будетъ, а онъ того изъ злости или упрямства не учинитъ, но тому нарочно изъ умысла противиться будетъ, оный имѣетъ, хотя вышній или нижній, всемѣрно живота лишенъ быть.

95 п. Таковыя жъ казни, а именно: повѣшены быть, достойны суть всѣ, которые изъ гварнизона, обоза, похода (или въ прочихъ сему подобныхъ случаяхъ) уйдутъ и при своихъ знаменахъ и штандартахъ вѣрно не останутся, и хотя вскорѣ или долгое время спустя пойманы будутъ, такожде всѣ оные равной же казни подлежатъ, которые безъ пасу отъ одного полку въ другой перейдутъ и службу примутъ.

99 п. Который весьма къ непріятелю перебѣжитъ, того имя къ висѣлицѣ прибито, и оный, яко нарушитель присяги, шельмомъ и измѣнникомъ публично объявленъ имѣетъ быть, и пожитки его забраны; и ежели онъ пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу повѣсить его надлежитъ.

И по силѣ оныхъ артикуловъ по кригсъ-рехту и по мнѣнію генерала фельдмаршала и кавалера, рейхсъ-графа фонъ Лессія, положено: его, Манштейна, яко дезертира и нарушителя присяги, когда онъ пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу, повѣсить, и чтобъ впредь никто противу своей присяжной должности таковыхъ продерзостей чинить не отважился, имя его, Манштейна, публиковавъ, прибить къ висилицѣ,

что и по мнѣнію военной коллегіи надлежитъ тожъ учинить, а именно: нынѣ публиковавъ имя его, Манштейна, прибить къ вѣсилицѣ, а когда онъ пойманъ будетъ, безъ всякой милости и процессу повѣсить.

Указъ нашей военной коллегіи

По поданному намъ отъ оной коллегіи докладу о бывшемъ во второмъ Московскомъ полку полковникѣ Манштейнѣ, который отпущенъ былъ въ Нѣмецкіе краи для излеченія къ теплымъ водамъ на годъ, и какъ на тотъ терминъ, такъ и послѣ по неоднократнымъ повелѣніямъ не возвратился и пріобщенному при ономъ докладѣ экстракту изъ содержаннаго надъ нимъ, Манштейномъ, фергеру(?) и кригсъ-рехту и мнѣнія генерала-фельдмаршала графа Лесси, по которому по силѣ военныхъ артикуловъ положено его, Манштейна, яко дезертира и нарушителя присяги, когда онъ пойманъ будетъ, безъ всякого процессу повѣсить, а нынѣ публиковавъ имя его, Манштейна, прибить къ висилицѣ, въ чемъ и военная коллегія съ тѣмъ его, генералъ - фельдмаршала, мнѣніемъ согласна:—повелѣваемъ учинить по мнѣнію оной коллегіи.

Докладъ военной коллегіи записанъ 10-мъ Сентябремъ 1746 года.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

Преждевременная, неумолимая смерть похитила недавно замѣчательнаго и даровитаго Русскаго человѣка, отъ плодотворной и неутомимой дѣятельности котораго и общество, и наука могли ожидать еще многаго и многаго.... 23-го Сентября 1871-го года скончался въ Москвѣ, послѣ продолжительный и тяжкой болѣзни, 45-ти лѣтъ отъ роду, Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ, извѣстный своими библіографическими трудами, изданіями народныхъ Русскихъ сказокъ и легендъ и обширными учеными изслѣдованіями въ области Славянской миѳологіи. Общество лишилось въ немъ не только даровитаго и трудолюбиваго ученаго, но и человѣка высокаго ума и рѣдкихъ душевныхъ качествъ, которыхъ не могъ не признавать въ немъ всякій, сколько нибудь его знавшій; а друзья и люди близкіе ему навсегда сохранятъ память о его неподкупной честности, прямодушіи, остроуміи и веселости, составлявшихъ отличительныя черты его характера. Предоставляя оцѣнку ученой дѣятельности покойнаго его собратіямъ по наукѣ, мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній.

А. Н. Аѳанасьевъ родился 11 Іюля 1826 года, въ уѣздномъ городкѣ Воронежской губерніи, Богучарѣ, гдѣ отецъ его служилъ уѣзднымъ стряпчимъ; но года черезъ три послѣ его рожденія, семейство его переселилось въ другой уѣздный городъ той же губерніи, Бобровъ. Здѣсь онъ провелъ свои дѣтскіе годы до вступленія въ Воронежскую гимназію, въ которую былъ помѣщенъ въ 1837 году. Каково было его первоначальное и потомъ гимназическое воспитаніе, читатели увидятъ по напечатанному ниже отрывку изъ оставленныхъ имъ воспоминаній. Въ 1844 году Александръ Николаевичъ поступилъ въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ, гдѣ былъ въ числѣ лучшихъ студентовъ и окончилъ курсъ съ степенью кандидата въ 1848 году. Обладая превосходными способностя-

ми и съ самаго ранняго дѣтства отличаясь необыкновенною любовью къ чтенію, любознательностію и трудолюбіемъ, онъ съ поступленіемъ въ университетъ усердно принялся за дѣло и весь отдался изученію тѣхъ предметовъ, которымъ впослѣдствіи посвящалъ всю свою ученую дѣятельность. Скоро сдѣлался онъ ревностнымъ сотрудникомъ въ извѣстныхъ тогдашнихъ журналахъ. Неприхотливый, даже до крайности, относительно внѣшнихъ удобствъ жизни, онъ почти всѣ свои, весьма небольшія, средства, какія имѣлъ отъ отца и отъ частныхъ занятій, употреблялъ на пріобрѣтеніе книгъ, и такимъ образомъ тогда еще положилъ основаніе весьма значительной библіотекѣ. По окончаніи университетскаго курса, въ самое тяжелое и трудное для избранія какой нибудь служебной дѣятельности время, онъ довольно долго и безуспѣшно искалъ случая вступить въ государственную службу; наконецъ, при содѣйствіи Н. В. Калачова, ему удалось въ концѣ 1849 года получить мѣсто въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иност. Дѣлъ, гдѣ предметы занятій вполнѣ могли соотвѣтствовать его способностямъ и наклонностямъ. Въ Архивѣ даровитый и трудолюбивый юноша скора обратилъ на себя вниманіе и уже въ началѣ 1855 года былъ начальникомъ отдѣленія, а вскорѣ потомъ занялъ мѣсто правителя дѣлъ состоящей при этомъ учрежденіи коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, основанной канцлеромъ графомъ Румянцевымъ для изданія важнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи. Казалось все, и обстоятельства, и наступившее лучшее время, обѣщало ему въ будущемъ положеніе въ обществѣ, соотвѣтственное его уму и способностямъ; но вышло иначе. Въ исходѣ 1862 г. его замѣшали въ какое-то политическое дѣло, имѣвшее роковое вліяніе на всю послѣдующую его жизнь. Серіозная прикосновенность его къ этому дѣлу, вѣроятно, не была доказана, чего и слѣдовало ожидать: кто зналъ А. Н. Аѳанасьева сколько нибудь, тотъ не можетъ себѣ представить, чтобъ человѣкъ въ его лѣтахъ, въ его положеніи, съ его умомъ и опытностью, хотя, можетъ быть, не всегда осторожный, иногда черезъ-чуръ горячій и невоздержный на языкъ, могъ принимать какое нибудь участіе въ сумасбродныхъ затѣяхъ политическаго свойства, или сочувствовать нелѣпымъ. фантазіямъ нашихъ такъ называемыхъ агитаторовъ. Но тѣмъ не менѣе онъ выбылъ въ началѣ 1863 изъ Архива. Это совершенно измѣнило его жизнь, оставивъ его на долгое время почти безъ средствъ и лишило всякой надежды на какую нибудь серіозную служебную дѣятельность, такъ какъ неоднократныя его попытки вступить снова въ государственную службу не имѣли успѣха. Оставалось одно—его ученыя занятія, и имъ-то онъ, не смотря ни на что, продолжалъ съ прежнею неутомимостью посвящать всѣ свои силы, всю свою энергію до конца жизни (*). Съ необыкновенною твердостью переносилъ онъ постигшую его невзгоду, и въ характерѣ его не произошло, казалось, никакой перемѣны: онъ по прежнему бывалъ веселъ, шутливъ, остроуменъ, по прежнему умѣлъ бывать, какъ говорятъ, душею общества; но здоровье, до той поры всегда крѣпкое и надежное,

(*) Обширный перечень трудовъ его помѣщенъ въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, стр. 1948—1956.

стало рѣшительно измѣнять ему, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ видимо уже страдалъ отъ ужаснаго недуга—чахотки, которая и свела его до времени въ могилу.....

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. Н. АѲАНАСЬЕВА.

До Гимназіи и въ Гимназіи.

Я убѣжденъ, что записки частнаго человѣка могутъ быть весьма любопытны, если онъ съумѣетъ представить характеристичныя черты того общества, какое въ разное время окружало его дѣтство, юность и старость. Съ этой мыслію принимаюсь записывать видѣнное, слышанное и испытанное мною самимъ; происшествій и перемѣнъ собственной моей жизни я коснусь по стольку, сколько это будетъ нужно, чтобы дать моимъ воспоминаніямъ связь и единство.

Я родился въ 1826 году въ уѣздномъ городкѣ Богучарѣ (Воронежской губерніи), и вскорѣ семья наша переѣхала на житье въ Бобровъ (уѣзд. гор. той же губ.), гдѣ отецъ мой долгое время былъ стряпчимъ. Отсюда начинаются мои воспоминанія. До 11-ти лѣтъ я воспитывался въ этомъ городкѣ. Читать и писать выучился я на дому у одного учителя уѣзднаго училища, а потомъ продолжалъ ученье послѣдовательно у двухъ тамошнихъ поповъ-отцовъ Ивановъ, которыхъ посѣщалъ поутру и послѣ обѣда вмѣстѣ съ старшимъ братомъ и другими мальчиками и дѣвочками, дѣтьми уѣзднаго чиновнаго люда. Это ученье мнѣ очень памятно, хотя изъ него вынесъ я очень немного. Собирались мы рано утромъ, часовъ въ восемь, и просиживали до 12 за книгами; послѣ обѣда таже исторія отъ 2-хъ часовъ до 4-хъ и пяти. И первый, и второй отцы Иваны были люди вовсе не злые; но, воспитанные въ семинаріи, они были знакомы только съ суровымъ духомъ воспитанія и вполнѣ поясняли намъ, что корень ученія горекъ. Они выучили меня бѣгло читать порусски и полатыни, познакомили съ десятками двумя Латинскихъ словъ, нѣсколько съ ариѳметикой и священной исторіей, и только. Хотя учили они и грамматикѣ Русской и Латинской, но я очень хорошо помню, что ровно ничего изъ того не понималъ. Толковать намъ никогда не толковали, а отмѣривали ногтемъ урокъ отъ такого-то слова до такого-то, и заставляли учить наизустъ, слово въ слово, что̀ на техническомъ языкѣ школьниковъ называлось *зубрить* урокъ. Сидя всѣ въ одной комнатѣ у попа, мы зубрили вслухъ, такъ что крикъ нашъ могъ надоѣсть всякому, кромѣ почтенной семьи попа, и зубрили очень часто, не понимая ни слова изъ хитрыхъ фразъ нашихъ учебниковъ. Особенно трудны были для меня писанныя правила Латинскаго синтаксиса (вѣроятно изъ семинарскихъ лекцій), которыми подчивалъ меня второй отецъ Иванъ и которыхъ я, несмотря на всѣ усилія, не могъ запомнить. Понять ихъ едвали смогъ бы я и послѣ; крѣпко въ томъ сомнѣваюсь, да и понималъ ли ихъ мой учитель—не знаю. Когда попъ уѣзжалъ съ требою (а это было не рѣдко), то уроки у насъ спрашивала его жена, и ученье шло подъ ея надзоромъ; но въ этихъ случаяхъ мы чувствовали больше простора. За незнаніе и шалости наказывали насъ тѣмъ, что ставили насъ на колѣни, били *палями*, т. е. линейкой по рукѣ, оставляли безъ обѣда, драли за волоса и за уши; но сѣчь насъ не позволялось родителями. Въ

дополненіе къ этимъ назидательнымъ наказаніямъ, первый отецъ Иванъ присоединилъ еще слѣдующее: онъ заставлялъ одного ученика бить другаго, не знающаго свой урокъ, по щекѣ, и я помню, какъ иногда дѣвочкамъ доставалось давать пощечины мальчикамъ и на оборотъ. Подобно тому, другой отецъ Иванъ заставлялъ двухъ провинившихся мальчиковъ драть другъ друга за уши или за волосы, и съ большимъ удовольствіемъ тѣшился, когда мальчики, раздраженные болью, съ какою-то затаенною злостью старались оттаскать другъ друга. Этотъ же мудрый наставникъ заставлялъ виновнаго возвращаться домой по городу въ вывороченой шубѣ и шапкѣ, или заставлялъ въ наказаніе лежать на голомъ полу у двернаго порога, и всякій, кому приходилось перейти изъ одной комнаты въ другую, преспокойно шагалъ черезъ него. Помню еще, что первый отецъ Иванъ завелъ таблички съ нашими именами, куда въ продолженіе цѣлой недѣли писалъ отмѣтки о нашихъ успѣхахъ, кто какъ зналъ урокъ: *scit*, *nescit*, *mediocriter*. По субботамъ бывала всегда расправа, не смотря на то, что еще прежде за плохое знаніе урока мы уже подвергались наказанію. Въ этотъ день всѣ ученики ставились на колѣни, какія бы отмѣтки они ни имѣли; учитель бралъ табличку въ одну руку, а въ другую линейку, и по очереди обращался къ намъ: у кого были вездѣ *scit*, тому позволялъ садиться; у кого были *nescit*, тому за каждую таковую отмѣтку давалъ по порядочной *палѣ*. Тѣмъ оканчивалась расправа, и мы отпускались домой; послѣ обѣда ученья въ этотъ день не было. Такая расправа на техническомъ языкѣ называлась *субботниками*, и мы ея ожидали всегда съ трепетомъ... Понятно, что при такомъ воспитаніи, трудно было разсчитывать на укорененіе нравственныхъ и гуманныхъ понятій въ дѣтяхъ, и мы въ свою очередь, гдѣ можно, проказничали, били кошекъ и т. под. Наставники наши, попы Иваны, были люди безъ свѣдѣній, грубые по натурѣ. Одинъ изъ нихъ былъ большой пьяница и вчастую колотилъ свою жену; за то другой Иванъ самъ былъ въ лапахъ своей попадьи, которая тоже придерживалась чарочки и колотила своего супруга. Эти сцены и сцены поповской жадности, обращенной на прихожанъ (пригородныхъ мужиковъ) конечно не могли служить для насъ благотворными примѣрами, и читающій эти строки навѣрно удивится безпечности отцовъ и матерей, которые отдавали дѣтей своихъ на ученье къ такимъ людямъ. Но куда же было отдать? Уѣздное училище представляло подобные же примѣры; сверхъ того въ нихъ смѣшивались всѣ возможныя сословія: здѣсь большею частію учились дѣти купцовъ, мѣщанъ, приказныхъ и крестьянъ; сюда баринъ отдавалъ учиться и своихъ крѣпостныхъ мальчишекъ. Все это приносило съ собой ту грубость и жесткость, среди которой выросло; нѣкоторые изъ учениковъ были уже порядочные *балбесы*, какъ ихъ называли, т. е достаточно взрослые и уже достаточно знакомые съ разными житейскими слабостями. Съ одной стороны это, а съ другой дворянская и чиновничья спѣсь были причиною, почему уѣздная аристократія обходила и доселѣ обходитъ уѣздныя училища. Въ мое время чиновные люди, слѣдуя преданьямъ старины, отдавали своихъ дѣтей учиться къ семинаристамъ и приходскимъ

священникамъ. Но было ли это лучше?

Наконецъ отецъ мой увидѣлъ, что отъ такого ученья мало толку и рѣшилъ, что не за что больше давать отцу Ивану по золотому въ мѣсяцъ. Я пересталъ ходить къ нему и сталъ учиться дома, подъ руководствомъ одного изъ педагоговъ уѣзднаго училища, который дѣйствительно койчто зналъ, но за пьянствомъ занимался мною весьма плохо; онъ выучилъ меня читать и писать понѣмецки, кромѣ того заставлялъ писать подъ диктовку, учить Нѣмецкіе слова и разговоры. Само собою разумѣется, что трепанье за волоса, пали и другія столь же милыя наказанія дома уже не повторялись.

Въ 1837 году исполнилось мнѣ одинадцать лѣтъ, и отецъ отвезъ меня въ Воронежскую губернскую гимназію, гдѣ я провелъ 7 лѣтъ и прошелъ 7 классовъ, начиная съ перваго. Отецъ мой, хотя самъ былъ воспитанъ на мѣдныя деньги, но уважалъ образованіе въ другихъ. Такое уваженіе, кажется, наслѣдовалъ онъ отъ дѣда, который былъ членомъ библейскаго общества и отъ котораго осталась довольно-порядочная по тому времени библіотека, составленная изъ Русскихъ книгъ; между ними больше всего было переводныхъ романовъ, но попадались и книги серьезныя, историческаго и мистическаго содержанія. Отецъ тоже любилъ чтеніе и постоянно выписывалъ лучшіе журналы. Онъ справедливо почитался за самаго умнаго человѣка въ уѣздѣ, и къ нему многіе обращались въ важныхъ юридическихъ случаяхъ за совѣтами. Всѣ другіе мѣстные чиновники, сколько припоминаю теперь отъ давно минувшихъ годовъ моего отрочества и сколько послѣ могъ я убѣдиться, были несравненно ниже его и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Интересы ихъ были мельче и грубѣе; о чтеніи они не думали, и литература была для нихъ совершенная terra incognita. Правда, онъ раздѣлялъ съ ними нѣкоторыя общія застарѣлыя предубѣжденія, но это не мѣшало ему вѣрить въ превосходство университетскаго образованія. Отецъ рѣшилъ дать каждому изъ насъ, четырехъ братьевъ, полное воспитаніе и съ малыми своими средствами всю жизнь хлопоталъ объ этомъ; трехъ сестеръ воспиталъ онъ въ одномъ изъ Московскихъ институтовъ. Пользуясь дѣдовской библіотекой, я рано, съ самыхъ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ, началъ читать, и какъ теперь помню, бывало тайкомъ отъ отца (мать моя умерла очень рано) уйдешь на мезонинъ, гдѣ помѣщались шкапы съ книгами, и зимою въ нетопленной комнатѣ, дрожа отъ холода, съ жадностью читаешь какого нибудь *Старика вездѣ и нигдѣ*, *Мальчика у ручья* Коцебу, *Разбойника по неволѣ*. Такого полнаго наслажденія не испытывалъ я послѣ, даже читая дѣйствительно художественныя произведенія. Что нравилось въ этихъ книгахъ, сказать не легко; но съ какимъ тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ я тогда за судьбой героя, какъ страдалъ и какъ радовался за него; его горести и счастіе я прочувствовалъ вполнѣ, и эта тревога чувствъ, такъ сильно волновавшая, имѣла какую-то неизъяснимую прелесть. Чтеніе это смѣнило для меня сказки, которыя, бывало, съ такимъ же наслажденіемъ и трепетомъ слушалъ я прежде, зимой по вечерамъ, въ углу темной комнаты, отъ какой нибудь дворовой женщины. Какъ прежде, такъ теперь, готовъ былъ я долго просиживать за книгою и забывалъ самый голодъ, и нерѣдко приходилъ

отецъ и прогонялъ меня съ мезонина, отнимая книги, читать которыя онъ постоянно запрещалъ, въ чемъ и правъ былъ: книги были не по возрасту. Но запрещенія эти дѣйствовали плохо; шкапы не запирались, и страсть неугомонно подталкивала идти на мезонинъ.

Когда я поступилъ въ гимназію, меня отдали жить къ учителю математики Бернгарду, человѣку не злому, и честному; у него я пробылъ два года, а потомъ, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ былъ оставить его и перейти къ другому учителю И. А. Д......скому, у котораго провелъ остальные года своей Воронежской жизни. Чтобъ судить о характерѣ и недостаткахъ гимназическаго воспитанія (а недостатковъ было много), я разскажу здѣсь, чтò сохранила память моя о тогдашнихъ учителяхъ.

Законоучителемъ былъ у насъ протопопъ отецъ Владиміръ, человѣкъ весьма добрый, ласковый и обходительный; дѣти его любили, встрѣчали всегда съ радостію и называли *батюшкой*; учились у него всегда съ охотою и прилежаніемъ и были съ нимъ довольно откровенны. Довѣріе наше къ нему было такъ велико, что, поступивъ въ 7-й классъ, мы даже рѣшились прочитать ему нѣкоторые отрывки изъ сатирической піесы, написанной на одного учителя, и онъ только посовѣтовалъ намъ быть осторожнѣе, чтобъ не попасться съ этими стихами въ руки школьнаго правосудія. Сколько помню, онъ никогда и никого изъ насъ не наказывалъ, тогда какъ никто другой изъ наставниковъ нашихъ далеко не могъ этимъ похвастаться, точно также, какъ никто изъ нихъ не могъ похвалиться и такою тишиною, какая обыкновенно бывала, безъ всякихъ полицейскихъ понужденій, въ классѣ отца Владиміра.

Въ продолженіи семи лѣтъ мы прошли съ нимъ весь опредѣленный по уставу курсъ Закона Божія. Въ первыхъ двухъ классахъ заставлялъ онъ насъ заучивать наизустъ, слово въ слово, какую-то краткую и темно-написанную священную исторію, изъ которой я и теперь помню начальныя строки: «Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно, какъ мы оную теперь видимъ, въ шесть дней изъ ничего». Кого не удивитъ эта странная разстановка словъ? А вѣдь почти вся книга такимъ языкомъ написана. Въ слѣдующихъ классахъ мы учили катехизисъ митрополита Филарета, церковную исторію Инокентія и книгу Кочетова о христіанскихъ обязанностяхъ. Церковную исторію и ученіе о христіанскихъ обязанностяхъ позволялось воспитанникамъ излагать своими словами, затверживая одни тексты Св. Писанія. Впрочемъ, ученье наизустъ, слово въ слово, буква въ букву, было преобладающимъ въ низшихъ классахъ гимназіи; высшіе болѣе или менѣе отъ того освобождались; но я знаю, что и въ низшихъ оно не приносило ни малѣйшей пользы. Чтò толку въ томъ, что ученикъ, выдолбивъ урокъ и не понимая его, быстро могъ проболтать его отъ начала до конца? Спросите его изъ средины, или только задайте ему вопросъ другими словами, а не тѣми, въ какихъ выраженъ онъ въ учебникѣ,—и самый прилежный воспитанникъ потеряется, собьется и замолчитъ.

Учители Латинскаго языка были *Ив. С. Д...овъ* и *Андрей Ивановичъ Б....скій*,—оба весьма любопытные характеры. Первый былъ человѣкъ не безъ свѣдѣній, но страшно-раздра-

жительный, и эта раздражительность дѣлала его злымъ, а нерѣдко и глупымъ. Какія мерзости позволялъ себѣ дѣлать этотъ господинъ, трудно теперь повѣрить, но увы! я былъ живымъ ихъ свидѣтелемъ, и дивлюсь только одному, какъ могли подобные поступки оставаться безнаказанными. Поучая въ низшихъ классахъ, онъ, бывало, всѣхъ, получившихъ *единицы,* съ самого начала урока до конца, заставлялъ стоять посреди комнаты, согнувшись дугою; если утомленные мальчики прислонялись къ стѣнамъ или скамьямъ, то приказывалъ другимъ воспитанникамъ отталкивать ихъ въ спины. Иногда подзывалъ онъ какого-нибудь малютку, и когда тотъ не умѣлъ просклонять какое нибудь *mensa* или не заучилъ заданныхъ словъ, то разстегивалъ форменный его сертучекъ, обыскивалъ карманы и, найдя пряники или конфекты, отбиралъ ихъ; съ злою насмѣшкою прикушивалъ ихъ самъ или раздавалъ другимъ лучшимъ ученикамъ; или бралъ за галстукъ и поднималъ на воздухъ, приговаривая: «я повѣшу тебя, матушка!» Надо замѣтить, что въ мое время въ низшихъ классахъ гимназіи вмѣстѣ съ дѣтьми поучались и недоросли лѣтъ 18 и 19, которые, убоясь бездны премудрости, прямо изъ втораго или третьяго класса поступали въ военную службу юнкерами. Ученье имъ не шло въ голову; на умѣ были сабля и шпоры. Этихъ-то недорослей нерѣдко подзывалъ къ себѣ Д...овъ и выщипывалъ имъ молодые, только пробившіеся усы, приговаривая: «вѣдь тебя женить пора, матушка! вѣдь ты скоро дѣтей станешь посылать сюда учиться!» Раза два или три, помню, садился онъ верхомъ на одного изъ такихъ взрослыхъ болвановъ, которымъ обыкновенно приходилось стоять согнувшись за полученныя единицы, и заставлялъ возить себя по классу, къ общему удовольствію школьниковъ. Печальнѣе всего, что эти возмутительные поступки позволялъ себѣ дѣлать человѣкъ, тогда еще молодой, окончившій воспитаніе въ Харьковскомъ университетѣ. Этотъ университетъ, къ округу котораго принадлежала наша гимназія, присылалъ къ намъ въ наставники и другихъ своихъ потомцевъ; но они также не всегда отличались мягкостію и тонкимъ чувствомъ приличія. Очень естественно, что ученики терпѣть не могли Д...ва; онъ съ своей стороны въ каждомъ ихъ словѣ подозрѣвалъ желаніе сказать грубость. Разъ кто-то изъ учениковъ написалъ на столѣ меломъ: «Д...въ дуракъ!» Надо было видѣть бѣшенство этого господина; онъ поднялъ изъ глупой школьной выходки цѣлую исторію, допрашивалъ всѣхъ и каждаго и разразился цѣлою проповѣдью. «Да я умнѣе вашей бабушки! говорилъ онъ. Я—надворный совѣтникъ, а вы что? Вы—мальчишки, дрянь! Вы моей подошвы не стоите! Я въ журналахъ участвую, меня вся Россія знаетъ!» Послѣднія слова сказаны были потому, что ему удалось помѣстить въ «Репертуарѣ» и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ нѣсколько фразистыхъ статеекъ о Воронежскомъ театрѣ. Подобныя проповѣди повторялись часто; при каждомъ удобномъ случаѣ Д...въ увѣрялъ насъ, что онъ умнѣе и нашихъ дѣдушекъ и нашихъ бабушекъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что, въ послѣдніе годы моей гимназической жизни, онъ значительно сдѣлался мягче и обходительнѣе, и если часто бывалъ смѣ-

шенъ, за то болѣе сносенъ. Что было причиною этой перемѣны—осталось для меня загадкой. Онъ въ это время преподавалъ уже въ высшихъ классахъ, на мѣсто вышедшаго въ отставку Б....скаго.

Андрей Ивановичъ Б....скій преподавалъ въ высшихъ классахъ; это былъ почтенный старикъ, толстый, сѣдой, съ грубымъ голосомъ и съ большими странностями, и для насъ казался весьма смѣшнымъ; не знаю за что, издавна въ гимназіи звали его *Андропомъ*. Онъ былъ любимымъ предметомъ нашихъ наблюденій и разсказовъ, а нерѣдко и шалостей. Въ первыхъ трехъ классахъ преподавали намъ этимологію и синтаксисъ, заставляли заучивать Латинскія слова и переводить Корнелія Непота; въ высшихъ классахъ мы учили просодію, повторяли граматику и послѣдовательно переводили Тита Ливія, Федра, Саллюстія, Энеиду Виргилія, оды Горація, рѣчи Цицерона и лѣтописи Тацита; переводили также и съ Русскаго на Латинскій. Должно прибавить, что Латинскій языкъ былъ единственный, который преподавался въ гимназіи еще сносно; но и тутъ многаго оставалось желать. Грамматическія правила знали воспитанника не дурно; могли и переводить, но не иначе, какъ съ приготовленіемъ и съ помощію лексикона. Читать и понимать прямо—были не въ силахъ. Обыкновенно заставляли насъ къ будущему уроку приготовить коротенькую статейку изъ какого нибудь классика; дома мы пріискивали въ лексиконѣ незнакомыя намъ слова и дѣлали переводъ; переводъ этотъ поправлялся въ классѣ учителемъ, затѣмъ переписывался на бѣло, и тѣмъ все оканчивалось. На эту безплодную переписку на бѣло много тратилось времени, и совершенно по-пусту. Упражненія въ переводахъ слѣдовательно были не очень значительны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и познанія наши въ языкѣ не могли быть велики. Самъ Б....скій зналъ латынь основательно, но къ сожалѣнію, усвоенная имъ метода занятій отзывалась сухою схоластикою и педантизмомъ. Урокъ свой постоянно начиналъ онъ тѣмъ, что вызывалъ нѣсколькихъ учениковъ разомъ, ставилъ ихъ въ рядъ, и спрашивалъ по порядку одного за другимъ. Первый вызванный непремѣнно долженъ былъ сказать, на какой страницѣ находится заданный урокъ и въ какомъ именно параграфѣ. Если онъ почему нибудь не могъ отвѣчать на этотъ мудрый вопросъ, учитель уже дальше его не спрашивалъ. «Э, domine! такъ ты такой! говорилъ онъ смущенному ученику, «нечего тебя и спрашивать, когда не знаешь, на какой страницѣ урокъ; ты, значитъ, и книги не разворачивалъ», и убѣдить его въ противномъ не было никакой возможности. Самый урокъ у него надо было знать буква въ букву; даже простой перестановки словъ онъ не допускалъ, принимая это за непростительное вольнодумство: «вѣдь лучше книги не скажешь!» Выслушавъ отъ одного гимназиста начало урока, онъ обращался къ другому съ словомъ: *sequens*! и тотъ долженъ былъ продолжать отвѣтъ далѣе съ того самаго мѣста, на которомъ остановился его товарищъ; за нимъ тоже обращеніе дѣлалось къ третьему, и такъ далѣе. Ошибки отвѣчавшаго долженъ былъ поправлять слѣдовавшій за нимъ въ ряду ученикъ, и это на языкѣ педагога называлось *ловить балы*. Кто поправилъ чужую ошибку, тому прибавлялся лишній балъ; у того же, кто ошибся, производился вычетъ:

если, наприм., онъ зналъ урокъ на 3, да товарищъ поправилъ ему одну ошибку, то учитель отмѣчалъ противъ его имени только 2. Переспросивъ цѣлый рядъ, онъ вызывалъ на ихъ мѣсто другихъ воспитанниковъ и съ ними начиналась таже исторія. Случалось, что вызванные учителемъ выносили съ собою написанный на листкѣ урокъ и прочитывали его изъ за спины рядомъ стоящаго товарища. Сколько разъ, бывало, весь классъ сговорится, и мы писали урокъ меломъ на доскѣ, стоявшей позади учительскаго кресла и на вопросы учителя отвѣчали по доскѣ. Пристально слѣдя по учебнику за отвѣтомъ, онъ ничего не замѣчалъ. Бывало, нѣсколько лекцій сряду показывали мы ему одинъ и тотъ же урокъ или переводъ, и все обходилось безъ шуму. Сверхъ обычныхъ занятій, круглый годъ обязаны были мы повторять таблицы склоненій и спряженій. Было у насъ два товарища, которые только и знали что эти таблицы и ухитрились такъ, чтобы учитель спрашивалъ ихъ не урокъ, котораго они никогда не учили, а эти таблицы. Вся продѣлка основывалась на томъ, что память уже сильно начинала измѣнять старику, хотя онъ и любилъ ею похвастаться. Для этого передъ началомъ урока, *старшой* въ классѣ ученикъ *), обращаясь къ Б....скому, докладывалъ: «Андрей Иванычъ! прошлый разъ Бабкинъ и Жуховецкій не знали таблицы склоненій, такъ вы приказали напомнить, чтобы спросить ихъ сегодня!» «Да, да, помню! а вотъ мы ихъ спросимъ. Благодарю, что сказали.... да я и самъ не забуду; у меня память хорошая. Domine Бабкинъ, пожалуйте сюда съ вашимъ товарищемъ».—А господа Бабкинъ и Жуховецкій, разыгрывая комедію, шли къ отвѣту, пожимаясь, будто нéхотя и тѣмъ самымъ подстрекали въ учителѣ желаніе непремѣнно ихъ спросить. Само собою разумѣется, отвѣчали они бойко и безошибочно, получали хорошія отмѣтки и спокойно возвращались на свои мѣста, зная, что Андрей Иванычъ больше ихъ на этотъ разъ не потревожитъ. «Вотъ видите, господа! говорилъ довольный наставникъ, они теперь знаютъ.» А въ слѣдующій урокъ повторялась опять таже сцена съ Бабкинымъ и Жуховецкимъ, вызывая лукавыя улыбки на лицахъ ихъ товарищей.

Б....скій не прибѣгалъ къ тѣмъ суровымъ мѣрамъ исправленія, какими запугивалъ мальчиковъ Д...овъ. Наказанія его ограничивались тѣмъ, что онъ ставилъ въ уголъ, на колѣни, или заставлялъ бить поклоны; послѣднее мы скоро обратили въ общую шалость. Стоило кому-нибудь засмѣяться во время урока, чтобы Андрей Иванычъ тотчасъ же приказалъ: «Э, братикъ, да ты смѣхунъ! А ну-ка положи 20 поклоновъ». Ученикъ подымался съ мѣста и начиналъ посреди комнаты отсчитывать поклоны. Не успѣетъ онъ положить и пяти поклоновъ, какъ смотришь, другой засмѣялся. «О! еще смѣхунъ! Подижъ, докладывай за него поклоны». И вотъ новый смѣхунъ шелъ на смѣну прежняго; и только сдѣлаетъ онъ два-три поклона, какъ уже смѣется третій, и тоже отправляется на смѣну втораго, и такъ далѣе; нерѣдко весь классъ участвовалъ въ этой шалости: только и видишь, бывало, что одни садятся на мѣсто, а другіе стоятъ и выколачиваютъ поклоны. Помню, разъ зимою было у насъ

*) *Старшой* назначался инспекторомъ изъ лучшихъ учениковъ; онъ хранилъ журналъ класса и обязанъ былъ, въ отсутствіе учителя, наблюдать за тишиною.

разбито стекло въ классѣ, и Б....-скій ставилъ шалуновъ и лѣнивцевъ у окна: «Поди-ка, domine, защищай насъ отъ Борея!» Если кто ошибался въ какомъ нибудь грамматическомъ правилѣ, того онъ заставлялъ написать это правило на особомъ листѣ разъ 30 и больше: будешь-де помнить! Однажды разсказывалъ онъ намъ объ іезуитской школѣ, въ которой самъ воспитывался. Инспекторъ водилъ по всѣмъ классамъ какого-то провинившагося ученика въ *дурацкой шапкѣ*, т. е. просто въ вывороченной наизнанку, и по этому поводу Б....скій сказалъ: «Это хорошо! Въ нашей школѣ это бывало еще строже: всякаго лѣнивца водили по всѣмъ классамъ; приведутъ, да въ каждомъ классѣ и высѣкутъ! Отъ того и былъ страхъ и ученье!»

Небрежнѣе всего проходились въ гимназіи новые языки: Нѣмецкій (учитель Карлъ Иванычъ Фляммъ) и Французскій (учитель Карлъ Иванычъ Журданъ). Стыдно сказать, что даже въ послѣднемъ VII классѣ воспитанники съ трудомъ переводили Фенелонова Телемака и какую-то Нѣмецкую хрестоматію; граматика обоихъ языковъ преподавалась безтолково по стариннымъ и никуда негоднымъ учебникамъ: весь трудъ заключался въ безплодномъ заучиваньи фразъ. Карлы Иванычы наши были люди жалкіе; видно было, что они не получили никакого образованія и никогда не думали поучать юношество; но коварная судьба, издавна привыкшая всякаго иностранца превращать на Руси въ педагога, разыграла и съ ними туже старую комедію. Нѣмецкій Карлъ Иванычъ даже съ большими усиліями изъяснялся порусски. Гимназисты его нисколько не уважали; окружатъ, бывало, его при входѣ въ классную комнату и подымутъ такой гамъ, что хоть святыхъ выноси; а онъ сердится, посылаетъ имъ на своемъ родномъ нарѣчіи крупныя проклятія, махаетъ палкою, безъ которой никогда на урокъ не являлся, или напросто дерется. Къ нему-то въ классъ, говорило преданіе, пустили однажды воробья и долго тѣшились пугливымъ порханьемъ птички; разъ въ ящикъ учительскаго стола, гдѣ всегда лежалъ журналъ класса съ отмѣтками учителей объ успѣхахъ учениковъ, посадили ему мышь и тѣшились, когда при открытіи ящика, мышь бросилась оттуда и испугала Нѣмца. Къ нему же въ классъ шалуны приносили кусочки разбитаго зеркала и, съ помощію этихъ стеколъ, мучили бѣднаго педагога, наводя лѣтнее солнце на его почтенную лысину. Онъ всегда былъ въ классѣ съ палкою, и раздраженный, нерѣдко пускалъ ее въ дѣло. Разъ (я уже былъ въ IV-мъ классѣ) помню, у меня сильно разболѣлась голова; утомленный, я прилегъ головой на руку, кисть которой свѣсилась со стола, и заснулъ. Нѣмецъ, замѣтивши мое успокоеніе, сильно ударилъ меня по кисти руки палкою. Я проснулся отъ боли и въ тужъ минуту, не помня ничего, назвалъ его громко: *колбасникъ*!,-имя, которымъ нерѣдко мы честили его въ разговорахъ между собой. Онъ разсердился и сталъ допрашивать, кого думалъ я называть колбасникомъ. Я струсилъ и увѣрялъ, что назвалъ не его, а одного товарища, тоже Нѣмца; но тотъ, какъ на бѣду, сидѣлъ отъ меня черезъ двѣ скамьи. Фляммъ пожаловался на меня Д...-....скому, у котораго тогда я жилъ, и тотъ умягчилъ его гнѣвъ; дѣло кончилось только выговоромъ мнѣ. «Я не хочу сдѣлать тебя несчастнымъ!»

величественно, но съ страннымъ и неправильнымъ произношеніемъ, провѣщалъ мнѣ Фляммъ, изъявляя свое прощеніе. Наиболѣе шалостей происходило въ маленькихъ классахъ; въ высшихъ миръ и тишина нарушались рѣдко: обыкновенно Карлъ Иванычъ, выслушавъ здѣсь урокъ, склонялъ свою голову на учительскій столъ и преспокойно дремалъ, ожидая звонка. Но особенно много было ему хлопотъ съ первымъ классомъ, гдѣ надо было выучить мальчиковъ читать понѣмецки. Для этого принята была имъ слѣдующая метода: мальчики, сидя на своихъ мѣстахъ, должны были всѣ вмѣстѣ въ одинъ голосъ читать какую-нибудь фразу изъ учебной книги; каждое слово должны были выкрикивать отдѣльно и разомъ, по мановенію руки учителя. И что это было! Шумъ и гамъ! Кто пищитъ изо всѣхъ силъ, кто надувается прокричать басомъ, кто читаетъ хриплымъ голосомъ, а иной нарочно выводитъ какіе-то странные, невѣдомые звуки. Карлъ Иванычъ въ такихъ случаяхъ ставилъ около себя *старшаго* и приказывалъ замѣчать шалуновъ. Однажды мы разшумѣлись такъ, что рѣшительно не было ладу. *Старшой*, Цвѣтковъ, ученикъ лѣтъ пятнадцати, былъ поставленъ позади учительскаго кресла, наблюдать за крикунами; но вмѣсто того, онъ самъ принялъ участіе въ общей забавѣ,— высовывалъ языкъ, кривлялся и въ довершеніе всего сталъ размахиваться ладонью надъ лысиной учителя, какъ-бы желая ударить: размахнется, поднесетъ ладонь къ самой головѣ, да и назадъ руку. Взрывы хохота дѣлались чаще и неугомоннѣе. Карлъ Иванычъ сталъ подозрѣвать, что старшой ведетъ себя несовсѣмъ хорошо; захотѣлось ему поймать преступника на дѣлѣ—онъ быстро приподнялъ свою голову въ то самое время, какъ Цвѣтковъ размахнулъ рукою, и ударъ, противъ воли самого виновника, плотно пришелся по лысинѣ наставника. Эффектъ былъ поразительный! Все мгновенно смолкло, и на всѣхъ лицахъ выразился непритворный испугъ. Раздраженный Карлъ Иванычъ выбѣжалъ изъ комнаты, а за нимъ бросился и весь классъ умолять о прощеніи. У Цвѣткова отняли старшинство; имя его записали на *черную доску*. Надо сказать, что въ каждомъ классѣ висѣло по двѣ доски: *красная* и *черная*; на первой означались имена учениковъ отличныхъ и благонравныхъ, на второй—лѣнивыхъ и дурнаго поведенія.

Карлъ Иванычъ Французъ, кажется, остался на Руси отъ великой Наполеоновской арміи; говорилъ порусски порядочно, любилъ выпить и посѣщалъ гимназію весьма рѣдко; случалось, цѣлые мѣсяцы онъ не показывалъ глазъ, и мы посвящали это время играмъ или расходились по квартирамъ. Потомъ появится разъ-два, и опять исчезнетъ на неопредѣленное время. Онъ заставлялъ насъ читать, писать подъ диктовку, или спрашивалъ изъ граматики, которою мы, однако, занимались мало, расчитывая на его нехожденіе, а потому большею частію время класса наполнялъ онъ разсказами (вѣчно одними и тѣми же) о смерти Вандома, о судьбѣ своихъ перочинныхъ ножичковъ, которыми онъ гордился и объ исторіи своей собачки; тутъ, бывало въ десятый разъ повторялъ онъ намъ, сколько разъ пропадалъ его ножичекъ, и какъ находился и проч. Какіе же могли быть при этомъ успѣхи? Конечно, ихъ не было и быть не могло; нельзя не удивляться, какъ могли тер-

пѣть тогда подобныхъ учителей и за что брали они жалованье.

Исторію всеобщую преподавали, начиная съ 3-го класса, по руководству Кайданова, а Русскую—по Устрялову (изданному для гимназій). Прежде былъ учитель Цвѣтаевъ, который заставлялъ зубрить книгу слово въ слово и спрашивалъ урокъ всегда по книгѣ; при мнѣ онъ уже былъ инспекторомъ, а новые учителя позволяли всегда разсказывать историческій урокъ своими словами и даже объясняли (хотя и не всегда) урокъ напередъ. Это были Рындовскій, оставившій по себѣ въ гимназіи память, что любилъ ругаться, и Словатинскій—уже новаго поколѣнія человѣкъ, избѣгавшій всякаго неприличія. Что касается до ругательствъ, то преданіе сохранило много печальныхъ воспоминаній объ одномъ учителѣ рисованія и чистописанія, который ругалъ учениковъ по-мужицки; но въ мое время его уже не было, хотя преданіе было еще свѣжо. Вообще учителя рисованія и чистописанія играла въ гимназіи самую жалкую роль; уваженія къ нимъ воспитанники не питали; на успѣхи въ этихъ занятіяхъ никто не обращалъ вниманія,—ибо для перевода изъ класса въ классъ довольствовались хорошими балами по разнымъ наукамъ, а на чистописаніе и рисованіе не смотрѣли. Я и многіе мои товарищи, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ ученья, только и выучились рисовать кружки, неизвѣстно почему называвшіеся *глазами*, да носъ, столько же похожій на носъ, какъ и на губы.

Математика проходилась въ довольно широкомъ объемѣ: ариѳметика (кажется Бусса), алгебра и геометрія (Кушакевича, изд. для военно-учебныхъ заведеній). Я, какъ учившійся Греческому языку, высшей алгебры не слушалъ. Учители были: Бернгардъ и Долинскій, которые всякій разъ постоянно объясняли намъ урокъ и весьма тщательно; особенно первый умѣлъ мастерски говорить съ учениками меньшихъ классовъ и передавать уроки весьма легко для ихъ пониманія; упражненія въ задачахъ были постоянны. Математика много помогла развитію логическихъ пріемовъ въ ученическихъ головахъ. Долинскій проходилъ съ нами еще физику (по руковод. Ленца), сопровождая свои уроки интересными опытами. Оба они были люди добрые. У Бернгарда я жилъ вмѣстѣ съ другими учениками, отданными къ нему родителями, и не могу не похвалить его ласковаго обращенія съ нами, заботливости о насъ, добросовѣстности; столъ былъ у него всегда прекрасный, присмотръ—тщательный. Хотя и онъ вѣрилъ въ силу розогъ, но прибѣгалъ къ нимъ весьма рѣдко, и то только въ отношеніи къ самому меньшему возрасту. Но не могу похвалить его за одно: онъ придумалъ особое наказаніе, только имъ и употреблявшееся:-*ладушки*. Обыкновенно схватывалъ онъ виновнаго за руки, отворачивалъ обшлага рукавовъ и начиналъ бить одну ладонь о другую и билъ весьма больно. Я таки довольно попробовалъ этихъ невкусныхъ ладушковъ. Да еще любилъ онъ въ классѣ ставить учениковъ на колѣнки на рубцѣ стола (столы были у насъ покатые, но впереди отдѣлялась рубцомъ горизонтальная узенькая дощечка, для того чтобы ставить на ней чернила и класть карандаши), что также было довольно чувствительно.

Д......скій училъ географіи по Арсеньеву и въ низшихъ 3-хъ классахъ Русской граматикѣ, по краткому руководству Востокова. Ученье

шло по обычной методѣ заучиванья наизустъ; сверхъ уроковъ Д........скій задавалъ намъ упражненія, т. е. заставлялъ писать подъ диктовку, учить басни Крылова и дѣлать граматическіе разборы. По предмету географіи, онъ давалъ выписки изъ другихъ учебниковъ (Соколовскаго, Греча и др.) въ пополненіе Арсеньева: мы должны были записать то, что̀ онъ намъ диктовалъ въ классѣ (на что уходило много времени) и потомъ перебѣлить и заучить наизустъ. Д......скій былъ господинъ весьма уклончивыхъ свойствъ, мастеръ поддѣлаться подъ чужіе нравы и понравиться; онъ считался даже весьма снисходительнымъ и ласковымъ и умѣлъ хорошо обдѣлывать свои дѣлишки. Ученики его прозвали *Жако*, *Бразильская обезьяна*. У него всегда жило много воспитанниковъ (человѣкъ до 12), за которыхъ онъ бралъ по 500 руб. ассиг. за каждаго; и при томъ содержаніи, на какомъ они были, конечно бывалъ далеко не въ убыткѣ. Я поступилъ къ нему отъ Бернгарда и съ 3-го класса до окончанія гимназическаго курса прожилъ подъ его кровомъ, и не скажу, чтобъ остались отъ этого времени только одни хорошія воспоминанія.

Д....скій нанималъ всегда порядочный домъ; но для воспитанниковъ своихъ отводилъ двѣ-три комнаты, гдѣ они жили и приготовляли свои уроки всѣ вмѣстѣ; кровати стояли одна подлѣ другой; въ комнатахъ тѣснота и вѣчный содомъ, особенно, когда начинали учить свои уроки, что̀ всегда дѣлалось вслухъ, громко. Одинъ заглушалъ другаго, и каждый мѣшалъ всѣмъ другимъ. Этотъ крикъ и гамъ далеко раздавался. Надзора за ученьемъ никакого не было; никто намъ не объяснялъ уроковъ; мы зубрили ихъ, выкрикивая разныя фразы изъ учебныхъ книгъ и тетрадокъ. Вся выгода житья въ домѣ учителя ограничивалась только тѣмъ, что наблюдали за нашимъ поведеніемъ, т. е. не позволяли воспитанникамъ никуда безъ спросу ходить, смотрѣли, чтобъ не дрались, не ѣлали шалостей и были бы послушны; но и это исполнялось слишкомъ плохо; примѣры нѣкоторыхъ воспитанниковъ, бывшихъ въ мое время-слишкомъ живая протестація противъ воспитанія, усвоеннаго г-омъ Д....скимъ. Боже мой! Сколько шалостей совершалось ежедневно, и сколько непозволительныхъ вещей пропускалось сквозь пальцы! Стѣсненные въ одной комнатѣ, мы естественно для развлеченья затѣвали шалости и всѣ участвовали въ нихъ. Предметомъ этихъ шалостей, большею частію, былъ отецъ Д..... скаго, — старикъ съ большими странностями и несовсѣмъ нравственными наклонностями. Онъ жилъ вмѣстѣ съ нами, среди вѣчнаго шума и тѣсноты. Мы надавали ему мѣткихъ прозвищъ и передразнивали всѣ его странныя привычки, слѣдили за нимъ, когда онъ передъ обѣдомъ, тайкомъ, пробирался къ шкапчику съ водкой (что̀ ему не всегда дозволялось) и громко высчитывали число выпитыхъ имъ рюмокъ. Онъ любилъ долго сидѣть по ночамъ и читать при свѣтѣ зажженой свѣчи какую-нибудь книгу, мурлыкая потихоньку, но вслухъ; тутъ обыкновенно какой-нибудь затѣйникъ, лежа въ постели, жевалъ бумагу и нажеваннымъ комкомъ бросалъ въ свѣтильню; мы такъ въ этомъ наловчились, что промаху почти не бывало; свѣча гасла; раздраженный старикъ, ругаясь, бралъ подсвѣчникъ и отправлялся въ кухню за огнемъ; но его ждали устроенныя посреди темныхъ комнатъ бар-

рикады изъ табуретовъ, забывая о которыхъ, онъ не рѣдко спотыкался и падалъ, а мы хохотали. Добывъ огня, старикъ ворочался и обходилъ наши постели съ палкою въ рукѣ, и бѣда тому, кто не спалъ. Мы всѣ притворялись глубоко спящими, но это не всегда спасало насъ отъ драчливой палки.—Отъ насъ не ускользали и его любовныя похожденія: старикашка былъ страстный и сластолюбивый; онъ не пропускалъ ни одной кухарки, какъ бы она дурна ни была; скупость мѣшала ему въ этихъ дѣлишкахъ и ставила его въ безвыходно-смѣшныя положенія, что много тѣшило насъ, слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ. Часто жаловался онъ на неугомонныхъ своихъ сожителей сыну, и тотъ прибѣгалъ съ выговоромъ, ставилъ на колѣни, дралъ виновныхъ за волоса, щадя только тѣхъ, которые выросли и могли, что называется, сами дать сдачи. Жили мы больше на дворѣ или въ своей комнатѣ; въ гостиную насъ не пускали, а въ залу ходили только обѣдать и ужинать; общаго съ семьей учителя ничего у насъ не было, и отъ того мы, не зная другаго общества, кромѣ школьнаго, дичали и грубѣли не по днямъ, а по часамъ. Столъ у Д......скаго не отличался хорошими качествами; жена его была скупая Нѣмка, и мы рѣдко вставали изъ-за обѣда сытыми, хотя обѣдъ состоялъ изъ 3-хъ блюдъ. Радовались мы, когда давали намъ кашу: тутъ мы порядочно набивали желудки; но тертый сквозь сито картофель съ гомеопатическою примѣсью масла, былъ нашимъ вѣчнымъ непріятелемъ. Послѣ праздника Р. Х., ученики, возвращаясь изъ дому, привозили въ подарокъ учителю по нѣскольку паръ гусей и утокъ. Онъ, и еще больше жена его, очень любили подобныя приношенія; я помню, какъ радовалась Эмилія Егоровна (жена Д......скаго) когда ученики III-го класса поднесли на имянины ея супругу чайный сервизъ, купленный въ складчину. Помню, съ какимъ сладкимъ взглядомъ и нисколько не стыдясь, говорила она мальчикамъ, что не худо было бы, еслибы ихъ родители присылали не только гусей и утокъ, но и по фунту чаю, и по головѣ сахару: «вамъ это ничего не стоитъ, а мнѣ бы было весьма кстати». Но памятны мнѣ эти гуси и утки! Навезутъ, бывало, ихъ послѣ Крещенья паръ до 100 и начнутъ каждый день кормить насъ жаренымъ гусемъ; сначала идетъ хорошо, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Гусь до того опротивѣетъ, что рѣшительно смотришь на него, какъ на врага. Начинаются оттепели; гуси, долго залежавшіеся, начинаютъ портиться и, не смотря на то, что отъ нихъ несется противный запахъ, хозяйка продолжаетъ угощать насъ жаренымъ гусемъ. Время этого гусинаго нашествія было самое печальное для нашихъ желудковъ; одинъ только старикашка, отецъ учительскій, пожиралъ ихъ и похваливалъ, не смотря ни на что. Вотъ былъ завидный желудокъ!—Чай давали намъ утромъ и вечеромъ, по стакану, жидкій, съ мелкимъ, припахивающимъ сахаромъ, съ крошечнымъ ломтикомъ бѣлаго хлѣба, или замѣняли его стаканомъ молока. Сколько бывало раздоровъ и смутъ изъ-за обѣда! Мы, какъ голодные звѣрки, промышляли съѣстнымъ: гдѣ только было можно утащить кусокъ хлѣба, слизать сливки, подцѣпить яблокъ и т. п.—мы этого случая ни за что не упускали. Съ экономкой Анисьей

были, по поводу этихъ фуражировокъ и дряннаго стола, постоянныя войны, и я не могу забыть моей ссоры съ нею, по поводу блиновъ, которыхъ намъ дали по два, въ замѣнъ обѣда.— Послѣ ужина всѣ воспитаники Д.... ....скаго молились и отправлялись спать; молитвы читались по очереди учениками, слѣдующія: *Вѣрую, Отче нашъ, Богородица, Дѣво радуйся. Да воскреснетъ Богъ* и *Помилуй мя Боже*.

Русскую Словесность читалъ (въ высшихъ классахъ) Н. М. С.....-овъ, котораго потомъ замѣнили Петровъ и Мал...нъ. Въ IV классѣ заставляли насъ учить Славянскую граматику, далѣе слѣдовала нелѣпая реторика Кошанскаго, и еще нелѣпѣйшая логика Кизеветтера, изъ которой никто ничего и понять не могъ. Учили все это наизустъ и терзали бѣднаго *Кая* безпощадно: человѣкъ смертенъ, Кай—человѣкъ, слѣд. Кай смертенъ, и т. подобныя истины всегда приправлялись злосчастнымъ Каемъ. Петровъ замѣнилъ логику Кизеветтера логикой Рождественскаго, а реторику Кошанскаго—реторикой Плаксина, и это уже почиталось большимъ шагомъ впередъ! Въ VII классѣ учили насъ исторіи Русской литературы и піитики по Гречу; о ничтожности и безполезности этого руководства и говорить не стоитъ. С.-.......овъ былъ ханжа въ полномъ смыслѣ. Всегда чисто, но черезчуръ скромно одѣтый, съ постной и праведнической физіономіей, съ головой, нагнутой нѣсколько на бокъ, съ глазами, часто поднимавшимися къ небу, тихо и скромно входилъ онъ въ классъ. Ученики вставали и начинали читать молитву. Обыкновенно было заведено читать предъ каждымъ классомъ и послѣ каждаго класса извѣстныя молитвы: Преблагій Господи и проч. Эти молитвы отъ Воскресенія Христова до Вознесенія замѣнялись троекратнымъ чтеніемъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ. Передъ и послѣ Латинскаго класса читали полатыни *Pater Noster*, а въ Греческій класъ—туже молитву погречески, или когда слѣдовало читать «Христосъ воскресе!», то эту молитву полатыни и погречески. Но у С.......ова никогда не ограничивались только одною молитвою; мальчики могли читать сколько угодно и какія угодно молитвы—все время онъ будетъ стоять и молиться съ благоговѣйною кротостью. Мы знали это и, желая уменьшить время классныхъ занятій, обыкновенно вычитывали всѣ молитвы, какія знали, и такимъ образомъ иногда похищали по получаса времени. Были у насъ и другія уловки избѣжать ученья, за которымъ и самъ учитель не слишкомъ-то гонялся;—только стоило попросить его разсказать намъ о чудесахъ Николая чудотворца или другаго святаго, какъ С......овъ съ радостною улыбкою начиналъ свои безконечные разсказы, и классъ проходилъ незамѣтно среди его проповѣди и нашихъ шалостей, которымъ предавались мы подъ его монотонный говоръ. Урокъ свой С.....овъ очень часто начиналъ вопросами: былъ ли каждый изъ учениковъ у обѣдни и заутрени въ минувшее воскресенье или праздникъ, какое читали Евангеліе и Апостолъ, и требовалъ разсказать ихъ содержаніе. Если отвѣты были неудовлетворительны, то балы выставлялись намъ плохіе, несмотря на то, знали-ль мы урокъ или нѣтъ, и обратно. Своихъ воспитанниковъ, которые жили у него на квартирѣ, онъ замучилъ обѣднями, заутренями и всенощными, самъ всегда будилъ

ихъ къ заутренѣ и таскалъ съ собой въ церковь; а дома заставлялъ вмѣстѣ съ нимъ молиться часа полтора на колѣняхъ, читая акаѳистъ Іисусу Сладчайшему или какому святому. Онъ заставлялъ насъ переписывать разныя мѣста изъ Евангелія и другихъ церковныхъ книгъ печатнымъ Славянскимъ штрифтомъ, и такое срисовыванье стоило намъ порядочныхъ трудовъ: эта работа назначалась ради знакомства съ Славянскою граматикою. Книгъ намъ читать онъ почти не давалъ изъ гимназической библіотеки, хотя мы и приставали съ просьбами о томъ, и самъ въ классѣ не знакомилъ съ Русскими писателями. Исключеніе дѣлалось только въ пользу Муравьева и Жуковскаго. Пушкина называлъ онъ безбожникомъ; романы считалъ ересью. С.....овъ и его преемники задавали намъ сочиненія и въ прозѣ и въ стихахъ. Темы сочиненій у С.....ова были обычныя: *четыре времени года*, *четыре возраста жизни*, *польза образованія*, и т. под. Сочиненія, конечно, были изъ рукъ вонъ плохи; фразы клеились кое-какъ безъ связи; но мы знали, какъ угодить набожному наставнику. Стоило только соблюсти обычный пріемъ, и какъ-бы сочиненіе ни было пошло, въ графѣ непремѣнно ставилась отмѣтка: 5. Пріемъ былъ не сложный: описываешь-ли прогулку, надо было сочинителю въ заключеніе услышать звонъ колокола, зовущаго къ заутренѣ или всенощной и зайти въ храмъ Божій, поблагодарить Подателя всѣхъ благъ за такую пріятную прогулку и за красоты природы, Имъ насажденныя; описываешь-ли бурю—надо было закончить молитвою къ Богу, являющемуся въ грозныхъ тучахъ и молніяхъ и напояющему дождемъ Своимъ нивы поселянина. И мы возсылали эти благодарственныя и хвалебныя мольбы во всякомъ почти сочиненіи и кстати и некстати,—и эта уловка всегда удавалась намъ.

Не смотря на такую излишнюю набожность, С.....овъ невсегда былъ свободенъ отъ движеній гнѣва и вспыльчивости; я помню, какъ разъ съ злостію бѣгалъ онъ по классу за ученикомъ, чтобъ ударить его; помню, какъ другаго ученика ударилъ онъ по лицу; тотъ, наслышавшись евангельскихъ поученій наставника, подставилъ ему другую ланиту; но С.....овъ, раздраженный и внѣ себя отъ такой выходки, сильно ударилъ его и по другой ланитѣ нѣсколько разъ и поставилъ на колѣни (это было въ IV-мъ классѣ съ Третьяковымъ). Сав...овъ постоянно терся около архіерея Антонія, ожидая отъ него богатыхъ и великихъ милостей и, кажется, не напрасно; онъ скропалъ въ плохихъ стишонкахъ похвалу Митрофанію Угоднику и заставилъ каждаго изъ насъ покупать это стиходѣйство по 1 руб. серебр.; онъ написалъ еще реторическую рѣчь объ Александрѣ Невскомъ и такое же жизнеописаніе епископа Воронежскаго Антонія; составилъ акаѳистъ св. Митрофанію. Разъ принесъ онъ въ классъ нѣсколько свертковъ маленькихъ образковъ и раздавалъ всѣмъ ученикамъ, чтобъ они помолились за больнаго архіерея. У него былъ сынъ, страшный баловень и весьма плутоватый господинъ: таковы были плоды его воспитанія. Шалостей въ его классахъ бывало всегда много, и однажды случилась пресмѣшная исторія. При гимназіи былъ флигель изъ двухъ комнатъ, которыя раздѣлялись коридоромъ. Коридоръ выходилъ съ одного конца на задній дворъ, по которому бродила инспек-

торская телка. Телка забрела въ коридоръ и, остановившись передъ раствореными дверьми нашего класса, замычала. Тотчасъ выскочило нѣсколько учениковъ и, какъ будто прогоняя ее, вогнали въ классъ. Всѣ вскочили со скамеекъ, и началась гоньба за телушкой. Учитель, перепуганный, кричитъ; мы тоже оремъ во всю мочь; —телушка едва могла вырваться изъ класса. Ханжество С.....ова служило предметомъ для насмѣшекъ его товарищей, другихъ учителей. Какъ сердился онъ, бывало, когда его насмѣшливо спрашивали: «Что, Ник. Мих., когда вы будете святымъ и откроются ваши мощи, въ чемъ прикажете рисовать васъ на образахъ: во фракѣ, мундирѣ или просто въ халатѣ?»

Петровъ много упражнялъ насъ въ сочиненіяхъ, но былъ весьма недолго въ гимназіи. Помню, что при немъ и послѣ бывали у насъ въ гимназіи чтенія избранныхъ ученическихъ сочиненій, въ присутствіи директора, учителей и всей гимназіи; помню, что, наскучивъ поправкою нашихъ бумагомараній, давалъ онъ намъ какіе-то стихи и прозаическія статьи (откуда онъ ихъ бралъ, не знаю) и заставлялъ насъ читать ихъ, подъ видомъ нашихъ сочиненій. Прочтенныя такимъ образомъ сочиненія вносились въ особую книгу, которая, вѣроятно, и теперь хранится въ гимназіи. Тамъ есть и сочиненія, читанныя мною, хотя и не мною написанныя.

Мал...нъ былъ человѣкъ добрый, но недалекій; впрочемъ въ этомъ выновато болѣе воспитаніе его въ Харьковскомъ университетѣ, не давшее ему тѣхъ правильныхъ взглядовъ на искусство и исторію, до которыхъ трудно дойти самому. Онъ, въ замѣнъ Греча, далъ намъ собственныя записки по исторіи Русской литературы и чуть-ли при составленіи ихъ не пользовался студенческими тетрадками. Записки эти были и не полны, и безсвязны, и поверхностны; видно было отсутствіе спеціальнаго изученія. Марлинскій былъ похваленъ, Гоголь невыгодно выставленъ; его комедія: *Женидьба* названа *сальною*; древняя литература до Ломоносова признана несуществующею. Онъ привелъ только какіе-то два стихотворенія о Перунѣ и Бабѣ-ягѣ, весьма недавняго и плохаго сочиненія, въ примѣръ миѳическихъ преданій о древнѣйшей словесности! О Киршѣ Даниловѣ и народныхъ пѣсняхъ онъ и не заикнулся. Впрочемъ эти недостатки едва-ли въ то время не были общими всѣхъ учебниковъ и учительскихъ записокъ.

При мнѣ былъ введенъ въ Воронежскую гимназію Греческій языкъ; учителемъ назначенъ былъ *Соб....чг* —изъ семинаріи, гдѣ онъ также былъ наставникомъ. По положенію, Греческій языкъ должны были слушать только желающіе, начиная съ IV класса, которымъ уменьшенъ былъ за то математическій курсъ; мы знали это постановленіе и изъявили свое нежеланіе учиться Греческому языку. Но благодѣтельное начальство, не входя въ причины этого нашего нежеланія и думая, какъ бы выслужиться, завербовавъ большее число воспитанниковъ для Греческаго языка (мысль о введеніи его въ гимназіи принадлежала министру Уварову), приказало намъ слушать уроки Соб....ча безъ всякихъ отговорокъ. Вотъ первый поводъ къ той нелюбви, какую потомъ постоянно питали мы къ Греческому учителю. Онъ былъ человѣкъ весьма не злой, даже добрый, но за нимъ было ненавистное для насъ названіе

семинариста, и сверхъ того самъ онъ весьма плохо зналъ Греческій языкъ, за преподаваніе котораго взялся, какъ обыкновенно берутся за всѣ науки учителя и профессора семинарій, гдѣ не спрашиваютъ, что знаетъ онъ спеціально, а приказываютъ сегодня учить одному, завтра-другому. Я зналъ семинарскихъ профессоровъ, которые отъ церковной исторіи переходили на математику и т. п. Соб....чъ и насъ училъ, и самъ учился въ одно время. Онъ сначала выучилъ насъ читать по Рейхлинову произношенію, слѣдуя семинарскому преданію, а потомъ сталъ переучивать—читать по Эразмову произношенію; онъ заставлялъ насъ учить Греческія слова и граматику Бутмана, извѣстную намъ только по своей необыкновенной толщинѣ, и переводилъ съ нами отрывки изъ Греческой хрестоматіи: изъ Одиссеи Гомера и Геродота. Переводили мы мало: обыкновенно задавалось намъ по нѣскольку строкъ приготовить дома, т. е. пріискать въ лексиконѣ слова, перевести на Русскій языкъ и заучить Греческій текстъ наизустъ. Мы учились кое-какъ; особенно надоѣдали намъ спряженія съ ихъ безконечными видами и аористами. Аористъ представлялся намъ какимъ-то чудищемъ, и мы часто рисовали меломъ на доскѣ какую нибудь уродливую образину съ подписью: *аористъ* и оставляли ее до прихода учителя, зная, что подобныя выходки ему не понутру. Впрочемъ и самъ учитель нерѣдко ошибался въ этихъ спряженіяхъ. Я подмѣтилъ эту нестойкость, и бывало, когда онъ спрашиваетъ другихъ, зорко слѣжу по развернутой книгѣ за формами склоненій и спряженій Греческихъ, и какъ только учитель или поправлялъ ученика невѣрно, или самъ ошибался,—я съ притворною и насмѣшливою скромностью вставалъ и, указывая на развернутую страницу книги, спрашивалъ: вѣроятно, здѣсь ошибка? Эти часто повторяемые вопросы смѣшили моихъ товарищей и сердили учителя, котораго мы прозвали ***Псюхой.*** Поэтическое названіе души—первое Греческое слово, которое мы узнали, такъ показалось намъ (не знаю отъ чего) странно и смѣшно звучащимъ, что мы, передѣлавъ его въ Псюху, дали это имя нашему мудрому наставнику. Впослѣдствіи, когда мы прочли «Мертвыя Души» Гоголя, мы называли его и Собакевичемъ, но первое прозвище постоянно осиливало и навсегда осталось за нимъ въ гимназіи.

Теперь разскажу одно происшествіе, которое надолго осталось памятнымъ въ гимназическихъ преданіяхъ. Я былъ уже въ VI-мъ классѣ. Разъ мы всѣ плохо знали урокъ Греческій, и Соб...чъ поставилъ всему классу по единицѣ. Это такъ насъ раздражило противъ него, что мы согласились вовсе не учиться у него, основываясь на томъ, что насъ незаконно и противъ желанія принудили учиться Греческому языку. На слѣдующій разъ, когда пришелъ Соб.. ..чъ, мы отказались читать молитву предъ ученіемъ, не дали ему класснаго журнала и открыто объявили, что урока не учили и учить не станемъ, а хотимъ перейти на усиленный математическій курсъ. Послѣ долгихъ увѣщаній со стороны учителя и грубыхъ отвѣтовъ съ нашей, раздраженный Соб....чъ бросился по лѣстницѣ внизъ изъ класса. Вслѣдъ ему грянулъ громкій смѣхъ и крикъ. Надо жъ было случиться еще, что учитель впопыхахъ споткнулся о ступеньку лѣстницы и упалъ, а

смѣхъ и крикъ раздалися еще сильнѣе. Соб....чъ подалъ на весь классъ (исключая 2-хъ, которыхъ не было въ то время въ гимназіи и которые не участвовали въ нашемъ условіи) рапортъ инспектору. Дѣло началось со всѣми подобающими юридическими тонкостями. Директоръ, бывшій университетскій синдикъ, Виноградскій, назначилъ формальное слѣдствіе, которое производили инспекторъ, секретарь совѣта и еще одинъ депутатъ (учитель). Насъ призывали по одиночкѣ, допрашивали. допросы записывалъ секретарь, и дѣлали очныя ставки. Допросы были весьма любопытны. Насъ спрашивали: «Кто былъ зачинщикомъ сего *возмущенія*? У кого возродилась первая мысль о *бунтѣ?*» и т. под. Послѣ слѣдствія было два совѣщанія всѣхъ учителей, инспектора и директора, послѣ чего было предложено намъ, если мы желаемъ остаться въ гимназіи, то должны согласиться, чтобъ насъ высѣкли, а въ противномъ случаѣ всѣхъ насъ исключатъ изъ гимназіи. Мы твердо и единогласно отказались терпѣть постыдное наказаніе и рѣшились лучше быть исключенными. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, стали мы думать о военной службѣ на Кавказѣ. Но дѣло кончилось гораздо проще. Директоръ рѣшился не смотрѣть на наше негодованіе и обратиться къ нашимъ отцамъ съ тѣмъ же предложеніемъ но, благодаря Бога, отцы наши рѣшили: пусть лучше исключатъ, а сѣчь не позволили. Мы находились въ такомъ возбужденномъ состояніи, что рѣшились бы на многое рѣзкое, еслибъ намъ дѣйствительно угрожало это наказаніе, съ которымъ въ глазахъ нашихъ соединялось ничѣмъ несмываемое поношеніе. Директоръ собралъ еще совѣтъ, на которомъ рѣшено было наказать насъ другимъ наказаніемъ. Подвергать исключенію весь классъ—побоялись; надо было бы донести объ этомъ въ Университетъ, — и вышла бы исторія. Въ назначенный день была собрана вся гимназія, ученики и учителя; насъ поставили впереди, секретарь прочиталъ нашу вину и опредѣленіе о наказаніяхъ; всѣ присуждены были къ заключенію въ карцеръ: я — на недѣлю, какъ зачинщикъ всего дѣла, Срединъ на двѣ недѣли, какъ нераскаянный, не давшій никакихъ отвѣтовъ на допросы, ему предложенные; остальные на четыре дня. Насъ разсажали по разнымъ пустымъ комнатамъ, отдѣльно, и выдержали опредѣленное время, отпуская домой только на ночь. Въ классъ во все это время насъ не пускали, и мы уроковъ не слушали: такъ умно распорядились наши педагоги! Тѣмъ и кончилась эта трагикомическая исторія; акты, свидѣтельствующіе о ней, навѣрно до сихъ поръ сохраняются въ архивѣ гимназіи на память потомства и во свидѣтельство неумѣлости директора со братіей, которые придали такой торжественный характеръ школьной шалости. Послѣ того мы продолжали учиться Греческому языку, но въ отмщеніе я и Срединъ написали стихотворную поэму подъ заглавіемъ *Псюхіада*, въ которой было воспѣто разными размѣрами, разумѣется съ примѣсью поэтической вольности, все разсказанное мною происшествіе, героемъ которой былъ Соб....чъ-Псюха. Эту поэму мы читали въ промежутки между классовъ товарищамъ, а по выпускѣ нашемъ изъ гимназіи, пустили ее въ ходъ между гимназистами, гдѣ она пріобрѣла большую извѣстность, переписывалась и перечитывалась и даже

попала и въ руки самихъ учителей. Я сказалъ, что мы продолжали учиться по-гречески; это значитъ, что мы продолжали посѣщать Греческій классъ и отвѣчать урокъ по требованію учителя; собственно же мы ничему не учились и отвѣчали урокъ по развернутой книгѣ. Мы завели общественный экземпляръ Бутмана и оставляли его постоянно въ гимназіи; приходя въ классъ, мы вытаскивали эту единственную книгу, и кого спрашивалъ учитель, къ тому передвигалась и книга; такъ обходила она обѣ скамьи, изъ которыхъ состоялъ весь классъ. Учитель смотрѣлъ въ свою книгу, отвѣчающій—въ свою, и балы выставлялись постоянно удовлетворительные. Соб....чь очень хорошо зналъ, что мы отвѣчаемъ урокъ по книгѣ, и молча допускалъ это; случалось нѣсколько разъ, что онъ забывалъ принести съ собою граматику и просилъ нашего Бутмана, чтобъ по немъ спрашивать; тогда мы прямо говорили: а почему же мы будемъ отвѣчать урокъ? Онъ посылалъ искать Греческой граматики въ другомъ какомъ нибудь классѣ, и пока бывало не найдутъ книги и не принесутъ, спрашивать урока не рѣшался.—Наступилъ выпускной экзаменъ; что было дѣлать намъ? Граматики мы не знали, переводить не могли,—и вотъ трое изъ насъ (въ томъ числѣ и я) отъ лица всего класса отправились къ Соб....чу на домъ и откровенно объяснились, что ничего не знаемъ, отвѣчать не можемъ, что онъ долженъ заранѣе назначить намъ вопросы, кого о чемъ спроситъ и что̀ заставитъ переводить, чтобы мы могли приготовить эти вопросы, а то ему же будетъ хуже, если изъ его предмета ни слова отвѣчать не будемъ. Дѣлать было нечего,—Соб....чъ согласился назначить намъ по вопросу изъ граматики и по небольшому отрывку изъ Одиссеи; на выпускномъ экзаменѣ было разложено имъ множество билетиковъ съ вопросами; но что̀ бы ни взялъ ученикъ, онъ спрашивалъ его то, что̀ назначилъ прежде,—всѣ отвѣчали хорошо. И вотъ за эти познанія въ Греческомъ языкѣ дали намъ право на XIV классъ!

Классъ нашъ постоянно, какъ и всѣ другіе классы гимназіи въ мое время, отличался большимъ дружелюбіемъ и согласіемъ между собою; твердымъ убѣжденіемъ и правиломъ было: никого не выдавать и ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ. Имя фискала было самое позорное, которымъ награждался измѣнникъ или не желавшій участвовать въ шалости всего класса. Въ нашемъ классѣ былъ одинъ (Пав....о), котораго мы всѣ подозрѣвали въ шпіонствѣ и потому отъ души его ненавидѣли. Что ему, бѣдному, доставалось отъ насъ претерпѣвать! Сколько колотушекъ перенесъ онъ! Бывало, сообща согласимся дать ему ударовъ сто ладонью по головѣ, раздѣлимъ это число между всѣми учениками, и непремѣнно каждый влѣпитъ свою долю, не смотря на его жалобы и угрозы инспектора. Что-то звѣрское было въ этомъ мщеніи!

Сверхъ указанныхъ мною наказаній, въ гимназіи обыкновенно употреблялись слѣдующія: ставили на колѣни, оставляли безъ обѣда, нерѣдко весь классъ; но мы всегда находили возможность купить себѣ бѣлыхъ хлѣбовъ, яблокъ или орѣховъ и колбасы и бывали весьма довольны; въ свободное время между классами отъ 12 до 2-хъ часовъ предавались всѣмъ возможнымъ шалостямъ,

и намъ въ такихъ случаяхъ было всегда весело. Кромѣ того запирали виновнаго въ карцеръ. Это темный закоулокъ въ коридорѣ подъ лѣстницей, куда сторожа клали дрова. Наконецъ было въ большомъ ходу и сѣченье розгами. По гимназическому уставу, это наказаніе было дозволено только въ 3-хъ низшихъ классахъ; но бывали примѣры, что инспекторъ нарушалъ это постановленіе, хорошо намъ извѣстное, и подвергалъ ему учениковъ 4-го класса. Почти каждый день видишь, бывало, какъ черезъ гимназическій дворъ идетъ инспекторъ, за нимъ сторожъ и толпа учениковъ, которые громко ревутъ и просятъ прощенія. Толпа всегда направлялась къ флигелю, въ которомъ помѣщалась канцелярія; тамъ производилась, по приказанію инспектора, экзекуція, и потому выраженіе: *водили въ канцелярію*, у насъ значило просто: *высѣкли*. Помню, какъ дрожалъ я отъ страха, когда я былъ еще въ 1-мъ классѣ и инспекторъ высѣкъ розгами одного нашего товарища въ самомъ классѣ, въ присутствіи всѣхъ. Меня высѣкли въ гимназіи одинъ разъ, когда я былъ въ 3-мъ классѣ за то, что, воспользовавшись уходомъ учителя изъ класса, я свиснулъ отъ нечего дѣлать. Но особенно любопытно происшествіе со мной, когда я былъ ужъ въ 4-мъ классѣ. Разъ я подрался съ однимъ товарищемъ и порядочно поцарапалъ ему лицо; инспекторъ Цвѣтаевъ разсудилъ высѣчь насъ обоихъ и велѣлъ идти въ канцелярію. Товарищъ моего несчастія съ плачемъ отправился туда, но я улучилъ минуту, схватилъ фуражку и пустился домой, на квартиру Д.....скаго. Прибѣжалъ я запыханный, сердце мое билось, негодованіе противъ инспектора, желающаго поступить со мной вопреки гимназическаго устава, было сильно возбуждено; едва переводя духъ и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, я сѣлъ на табуретъ, и вслѣдъ за тѣмъ явился посланный за мной изъ гимназіи солдатъ. «Пожалуйте, ваше благородіе, въ гимназію; инспекторъ за вами прислалъ,» сказалъ онъ. —За чѣмъ?—«Васъ хотятъ высѣчь», спокойно и серьезно отвѣчалъ солдатъ. Не смотря на такое посольство, я наотрѣзъ отказался идти въ гимназію, и не пошелъ. На другой день, по увѣщанію Д....скаго, который увѣрилъ меня, что исторія о канцеляріи не возобновится, пошелъ я въ гимназію. Дѣло рѣшилось тѣмъ, что противника моего простили (не сѣкли), а мое имя написали на *черную* доску, а *съ красной*, на которой оно было написано, стерли. Съ этихъ поръ постояннымъ моимъ занятіемъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, было—ежедневно стирать свое имя съ черной доски, что̀ дѣлалось уловкою и тайкомъ; но смаранное, оно вскорѣ писалось на ней снова. По поводу этого происшествія, Д....скій писалъ къ моему отцу о позволеніи наказывать меня розгами, но отецъ на это не согласился. Отвѣтъ отца вмѣстѣ съ письмомъ Д...скаго я берегу, какъ дорогой для меня памятникъ свѣтлаго взгляда этого человѣка на воспитаніе. Исключенія изъ гимназіи были рѣдки; я помню одинъ случай, который сильно запалъ мнѣ въ память по той торжественности, какою онъ былъ окруженъ. Я былъ во 2-мъ классѣ; разъ всю гимназію собрали въ залу, поставили впереди одного изъ учениковъ нашего класса, Соколова, и секретарь прочелъ опредѣленіе объ исключеніи его изъ гимназіи за дурное поведеніе. Соколовъ былъ избалованный и дѣйствительно

дрянной мальчишка; испорченный дома, онъ менѣе всего могъ обрѣсти чувство стыда въ гимназіи, гдѣ его безпрерывно сѣкли, такъ что наказаніе розгами ему сдѣлалось ни почемъ. Когда приводили его въ канцелярію, онъ безъ слезъ, а иногда съ усмѣшкою, спокойно раздѣвался, ложился самъ и получалъ положенное число ударовъ. Нагадить учителямъ и инспектору—для него было большое наслажденіе, и наконецъ онъ порѣзалъ шинель одному изъ учителей перочиннымъ ножичкомъ. По прочтеніи совѣтскаго опредѣленія, директоръ закричалъ: солдатъ! Солдаты явились, посадили виновнаго на кресло, отпороли ему красный воротникъ и потомъ вывели съ гимназическаго двора. Исключили было еще одного моего товарища изъ IV или V класса (Милошевича), но потомъ снова приняли въ гимназію, по просьбѣ его матери. Милошевичъ былъ мальчикъ вспыльчиваго и рѣшительнаго характера, не могъ покорно снести ни постыднаго наказанія, ни оскорбительнаго слова. За одну ссору инспекторъ захотѣлъ наказать его розгами; онъ убѣжалъ въ гимназическій садъ. За нимъ послали нѣсколько солдатъ. Прислонившись къ дереву, онъ долго защищался перочиннымъ ножичкомъ и порѣзалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ руки солдатъ.—Слѣдуя старинѣ, гимназическое начальство крѣпко вѣрило въ спасительную силу розги, хотя частый опытъ и долженъ бы, кажется, въ томъ его разувѣрить. Это наказаніе приносило одни пагубные плоды: раздражая однихъ до неестественнаго въ ребенкѣ ожесточенія и ненависти и пробуждая въ немъ отчаянную рѣшимость, оно въ другихъ подавляло всякій стыдъ и очевидно развращало ихъ нравственное чувство. Тоже должно сказать и о другихъ наказаніяхъ, придуманныхъ хотя близорукими, но за то длиннорукими педагогами.—Когда рѣшились принять снова Милошевича въ гимназію, то директоръ Виноградскій, любившій все дѣлать торжественно, собралъ всю гимназію и сказалъ по этому поводу длинную и напыщенную разными реторическими украшеніями рѣчь. До такихъ рѣчей онъ былъ большой охотникъ и пользовался каждымъ случаемъ, чтобъ отпустить громкую фразу.

Всякій день у насъ въ гимназіи было 4 урока: два утромъ и два послѣ обѣда; урокъ продолжался полтора часа; это довольно долгое время учителя наполняли тѣмъ, что спрашивали у учениковъ уроки; но объяснять намъ уроки сами (кромѣ учителей математики) и не думали; и какъ въ низшихъ классахъ было много учениковъ, то учителя поручали лучшимъ изъ нихъ спрашивать по нѣскольку другихъ воспитанниковъ каждому. Эти ученики назывались *авдиторами*. Они выслушивали у назначенныхъ имъ учениковъ уроки и ставили имъ отмѣтки, которыя иногда повѣрялъ учитель. Нерѣдко учителя оставляли классъ и уходили въ другой повидаться съ другимъ своимъ товарищемъ и по получасу разговаривали о вчерашней игрѣ въ карты или о какихъ-нибудь сплетняхъ. По окончаніи мѣсяца всякій учитель подавалъ инспектору вѣдомость объ успѣхахъ учениковъ, послѣ чего бывалъ совѣтъ, и опредѣленіе его читалось въ присутствіи всей гимназіи: чьи имена слѣдовало написать на красную доску, и чьи—на черную, и кому опредѣляли какія наказанія. Затѣмъ слѣдовала новая разсадка воспитанниковъ, смотря по ихъ ус-

пѣхамъ. Въ концѣ года происходили экзамены по программѣ, составленной въ университетѣ; ученики выходили по очереди, брали билетъ и отвѣчали на него; имъ ставили отмѣтку за этотъ отвѣтъ. Экзамены происходили въ присутствіи директора, инспектора и назначенныхъ учителей. Послѣ того слѣдовалъ совѣтъ о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ, и вакація, т. е. ученики разъѣзжались на Іюль мѣсяцъ по домамъ; ѣздили домой еще на Р. Христово отъ 23-го чис. Дек. по 7 е Января; тогда намъ выдавались билеты съ отмѣтками объ успѣхахъ и поведеніи. Послѣ вакаціи бывалъ публичный актъ, на которомъ читались учениками привѣтственныя и благодарственныя рѣчи къ посѣтителямъ; учителя читали свои рѣчи,— почти всегда о *пользѣ своей науки*; ученики читали стихи и избранныя сочиненія свои или классическихъ писателей. Нѣмецкій учитель всегда читалъ понѣмецки, Французскій—пофранцузски, Латинскій — полатыни. Во время этого чтенія гимназія поила посѣтителей чаемъ, угощала арбузомъ, дынею и яблоками. На публичномъ актѣ всегда бывалъ архіерей, который раздавалъ похвальные листы и книги ученикамъ, отличившимся успѣхами и поведеніемъ. Вспоминаю одну рѣчь, произнесенную Соб...-чемъ о пользѣ Греческаго языка, которая начиналась такъ: «Было то золотое время, когда всѣ народы говорили на одномъ языкѣ» и въ которой особенно понравилось мнѣ то мѣсто, гдѣ авторъ, распространяясь о картинности Греческаго языка, говорилъ: «уже въ самыхъ звукахъ сего языка слышится подражаніе природѣ; такъ, въ звукахъ Греческаго слова βοῦς быкъ не слышится ли голосъ сего животнаго: *бу—бу*!. Выкрикивая грубое *бу-бу*, педагогъ изъ всѣхъ силъ тщился подражать быку что̀ ему и удалось, къ общему удовольствію публики.

Въ классы мы любили собираться пораньше, задолго до начала уроковъ, и тутъ-то предавались всевозможнымъ шалостямъ и рѣзвостямъ, которыя продолжали и въ промежутки классовъ, при перемѣнѣ учителей. Тутъ, въ гимназическомъ саду или на заднемъ дворѣ, затѣвались у насъ зимою снѣжки, а лѣтомъ бѣготня и драка на кулачки. Въ снѣжки мы играли такъ: классъ выходилъ на классъ, или нѣсколько классовъ соединялось и выступало противъ другихъ классовъ, и побѣдители далеко гнали побѣжденныхъ, преслѣдуя комками оледенѣлаго снѣга; и тѣ и другіе часто возвращались въ классы съ подбитыми и всегда раскраснѣвшимися лицами. На кулачки дрались гимназисты нѣсколько разъ въ первые годы моего гимназическаго воспитанія съ учениками уѣзднаго училища, съ которыми, неизвѣстно почему, была давняя вражда. Непріязненно смотрѣли гимназисты и на семинарію, и на кантонистовъ; но здѣсь до открытаго боя не доходило, а кончалось перебранкою и отдѣльными стычками. Кантонисты дразнили гимназистовъ за красные воротники—красной говядиной; но самое обидное слово было то, когда кантонистъ, при встрѣчѣ на улицѣ съ гимназистомъ, закричитъ: «лягушки въ карманѣ!» Что̀ значило это выраженіе и почему почиталось оно обиднымъ—никто не могъ бы объяснить. И что̀ бы, казалось, могло быть въ немъ обиднаго? Но, бывало, какую злобу и гнѣвъ почувствуетъ гимназистъ, услышавъ эти слова! Въ отвѣтъ понесется брань, а досадный кантонистъ

продолжаетъ свое ужасное: «лягушка въ карманѣ! лягушка въ карманѣ!» Я только одинъ разъ, и то невольно, былъ зрителемъ кулачнаго состязанія гимназистовъ съ уѣзднымъ училищемъ. Помню, что по этому поводу ученики уѣзднаго училища присылали къ намъ въ гимназію парламентера съ такого рода письмомъ: «вы, негодяи, скоты, etc. выходите сегодня въ 6-мъ часу послѣ классовъ на такую-то улицу; мы васъ, негодяевъ, etc. хотимъ поколотить!» На это любезное посланіе послѣдовалъ неменѣе любезный отвѣтъ: «выходите сами, негодяи, а мы васъ, дураковъ etc. не боимся.» Въ назначенный часъ въ самомъ дѣлѣ они сходились, и съ удовольствіемъ повѣствовала потомъ каждая сторона о собственныхъ подвигахъ въ важномъ дѣлѣ разбитія носовъ и скулъ. Но эти Гомерическіе нравы вскорѣ послѣ того стали упадать и исчезли, когда появились при гимназіи надзиратели, которыхъ прежде не было. Между этими надзирателями памятенъ одинъ Готшалкъ, или Готшалка, какъ мы его звали. Маленькій ростомъ, хитрый, пронырливый, онъ все зналъ, всюду являлся невзначай и заслужилъ полную нашу нелюбовь. Я убѣжденъ, что изъ него могъ бы выйти отличный шпіонъ: природа дала ему все для того нужное.

На вакаціяхъ я уѣзжалъ въ уѣздный городъ (Бобровъ) и здѣсь-то познакомился съ уѣзднымъ обществомъ и его нравами; но мало вынесъ отрадныхъ воспоминаній: сплетни, взаимное недоброжелательство, пустыя ссоры, мелочное самолюбіе и тщеславіе, безконечныя претензіи и отсутствіе общественности. Одна великолѣпная природа миритъ меня съ тамошними мѣстами и даетъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. О праздничныхъ увеселеніяхъ городка не говорю: они такъ вѣрно описаны Потѣхинымъ въ одномъ очеркѣ, напечатанномъ въ «Современникѣ.»

Въ 1844 году, по окончаніи курса въ гимназіи, я уѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ....

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ КЪ Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Юрій Александровичъ! Я съ удивленіемъ и, могу сказать, съ сожалѣніемъ усмотрѣла изъ доклада Московскаго Екатерининскаго училища, что инспекторъ классовъ Цвѣтаевъ [1]) просилъ объ увольненіи отъ сей должности по реченному заведенію и о оставленіи его въ оной по одному только мѣщанскому училищу. И какъ я по сіе время слышала одну похвалу отличнаго его усердія, которое успѣхомъ выпущенныхъ дѣвицъ явно доказано и о коемъ г-а Брейткопфъ [2]) также съ совершеннымъ одобреніемъ отзывается: то не могу вообразить себѣ, чтобы не было помянутому его прошенію какое либо особенное побужденіе и причина, кромѣ объявленнаго въ докладѣ занятія его по другимъ должностямъ. Зная усердіе ваше къ училищу, въ Совѣтѣ коего засѣдаете, приверженность вашу ко мнѣ и праводолюбіе ваше, я съ довѣренностію обращаюсь къ вамъ и прошу васъ въ откровенности сказать мнѣ, если знаете, что̀ побудило г-на Цвѣтаева къ такому прошенію, и нѣтъ ли тому особенныхъ потаенныхъ причинъ? А дабы при томъ пресѣчь впредъ путь всякимъ придиркамъ, притѣсненіямъ и несогласіямъ, желаю сію часть обученія воспитанницъ препоручить въ особенное попеченіе одному изъ членовъ Совѣта, такъ какъ съ экономическою частію съ самаго начала учинено. Я нетокмо знаю, что вы къ сему препорученію имѣете всѣ потребныя способности, но увѣрена также, что, по приверженности ко мнѣ, отъ принятія сего попеченія на себя не откажитесь. Прежде однако нежели дать о томъ формальное повелѣніе, я ожидать буду на сіе предложеніе вашего согласія, будучи увѣрена, что отзывъ, какъ по сему предмету, равно и о желаемомъ Цвѣтаевымъ увольненіи, соотвѣтствовать будетъ моему о васъ мнѣнію. Я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю всегда вамъ благосклонною.

«Марія.

«Содержаніе сего письма между нами останется, и я ожидаю отъ васъ совершенной откровенности, и моя довѣренность къ вамъ побуждаетъ меня вамъ сказать, что мнѣ кажется будто хотятъ помѣстить Карбоньеръ, а мнѣ его не хотѣлось».

Въ С. Петербургѣ
Марта 12 дня 1807 года.
№ 557.

(Съ подлинника, сообщеннаго княземъ П. А. Вяземскимъ; отмѣченное вносными знаками писано Государынею своеручно)

---

[1]) Извѣстный профессоръ Московскаго унив-та и цензоръ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ.

[2]) Начальница обоихъ Екатерининскихъ училищъ, Санктпетербургскаго и Московскаго Анна Ивановна Брейткопфъ. Она жила въ Петербургѣ, а Московскимъ Екатерининскимъ училищемъ завѣдывала Елизавета Варфоломеевна Перретъ. Недоразумѣнія и непріятности между начальницею учебнаго заведенія и его инспекторомъ — дѣло доднесь обычное; но зоркая заботливость императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ данномъ случаѣ, есть черта характерная. Изъ современныхъ мѣсяцослововъ видно, что профессоръ Цвѣтаевъ удержался на своемъ мѣстѣ въ училищѣ. *П. Б.*

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Ю. А. НЕЛЕДИНСКОМУ-МЕЛЕЦКОМУ.

Милостивый государь Юрій Александровичъ.

Считаю обязанностію священною доставить вамъ то что̀ я написалъ на кончину нашей Государыни, нашей незабвенной благотворительницы. Вы были первый, который меня ей представили. Благодаря вамъ, я имѣлъ счастіе пользоваться ея милостями; благодаря вамъ, открылся для меня послѣ случай къ ней приблизиться и видѣть вблизи эту трогательную благость, эту кроткую снисходительность, которая такъ сильно всѣхъ близкихъ къ ней привязывала. Кто бы могъ вообразить, чтобъ она такъ скоро насъ могла оставить! По сію пору это непонятно. Старики съ нею отжили, молодые съ нею начали жить—для всѣхъ вырвана изъ жизни главная составная часть ея. Для чего не могли вы видѣть ее, такъ какъ я видѣлъ, нѣсколько минутъ спустя послѣ ея тихой кончины. Вы бы увидѣли передъ собою лице, просвѣтлѣвшее въ минуту смерти, на которомъ смерть, такъ сказать, написала настоящее имя свое, которое есть *преображеніе*. Накануне ея погребенія я провелъ ночь у ея гроба: надъ такимъ гробомъ Евангеліе понятно. Оно есть слово жизни. *Гдѣ два соберутся во имя Мое, тамъ и Я*. Это я слышалъ надъ ея гробомъ. Въ моихъ стихахъ нѣтъ ничего искусственнаго; вамъ они будутъ по̀-сердцу. Простите. Прошу васъ сохранить мнѣ вашу благосклонность и вѣрить душевной привязанности, съ коею имѣю честь быть и пр.

Жуковскій.

20 Ноября 1828 (Спб.)

(Съ подлинника, сообщеннаго княземъ П. А. Вяземскимъ)

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. ПОДОЛИНСКАГО.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. В. Б. «МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ ВЪ 1830 ГОДУ».

(Русск. Вѣстн. 1871, Сент. и Окт.)
Письмо къ издателю.

Прочитавъ эту статью и найдя въ ней подробности о Петербургскомъ житьѣ А. И. Подолинскаго, съ которымъ я состою сорокъ лѣтъ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, я былъ поставленъ въ недоумѣніе нетолько приведенными въ этой статьѣ его литературными сношеніями, но и нѣкоторыми чертами, изображающими его совершенно иначе, чѣмъ я привыкъ знать его. Въ этомъ недоумѣніи, я обратился къ нему самому за разъясненіями и получилъ отъ него обстоятельный отвѣтъ на всё, что̀ о немъ говорится въ упомянутой статьѣ. Мое недовѣріе къ показаніямъ г-на В. Б. вполнѣ оправдалось. Но независимо отъ этаго частнаго интереса, въ отвѣтъ А. И. Подолинскаго вошло столько любопытныхъ воспоминаній и указаній, что я нашелъ ихъ заслуживающими сохраненія, какъ матеріалъ для исторіи самой блестящей эпохи нашей литературы, а потому я убѣдилъ его разрѣшить мнѣ напечатать его объясненіе.

Знаю, что Русскій Архивъ особенно интересуется всѣмъ тѣмъ, что̀ относится къ Пушкину и его времени, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбой дать мѣсто въ вашемъ изданіи какъ объясненію А. И. Подолинскаго, такъ и настоящему моему письму, служащему къ нему предисловіемъ.

Примите и проч.

М. Юзефовичъ.

20-го Февраля 1872.
Кіевъ.

Въ Сентябрьской и Октябрьской книжкахъ Русскаго Вѣстника прошлаго года помѣщена статья г. В. Б. «Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году».

По многимъ даннымъ этой статьи, я тотчасъ же узналъ, кто именно ея авторъ.

Упоминая въ ней между прочимъ и обо мнѣ и, вѣроятно, полагая, что я уже отошелъ въ такое жилище, изъ котораго не подаютъ голоса, г. В. Б. счелъ возможнымъ дать полную волю своей досужей фантазіи, какъ въ тѣ блаженныя времена, когда онъ составлялъ фельетоны для Сѣверной Пчелы и сочинялъ хозяйственныя замѣтки и промышленныя рекламы.

Положительно удостовѣряю, что во всемъ, что̀ онъ говоритъ обо мнѣ, нѣтъ почти ни слова правды.

Г. В. Б. заставляетъ меня обращаться и говорить съ собою, какъ съ хорошимъ пріятелемъ. Къ сожалѣнію я долженъ сказать, что съ г. В. Б. я вовсе не былъ знакомъ, что если гдѣ нибудь съ нимъ и встрѣчался, то не зналъ кто онъ, почему не имѣю даже никакого понятія о его наружности, также какъ и онъ о моей, судя по тому фантастическому описанію, которое онъ обо мнѣ дѣлаетъ и въ которомъ отъ перваго до послѣдняго слова все создано, должно-быть, разстроеннымъ воображеніемъ.

Не понимаю, какъ ухитрился г. В. Б. видѣть на мнѣ рѣдкія камеи изъ Геркуланума, дорогіе перстни, широкополую шляпу и вообще все то, чѣмъ онъ меня украшаетъ и чего никто, никогда на мнѣ не видывалъ. Я одѣвался просто, какъ всѣ прилично одѣтые люди, не отличаясь никакою, бросающеюся въ глаза, изысканностію и разсчетомъ на эфектъ, совершенно мнѣ несвойственнымъ.

Щедрость свою ко мнѣ авторъ простираетъ и далѣе: онъ даритъ мнѣ небывалыхъ двѣ тысячи душъ въ Малороссіи, изображая меня *очень и очень* богатымъ, но какъ бы заѣзжимъ Полтавскимъ провинціаломъ. Если бы г. В. Б. дѣйствительно былъ со мною знакомъ, то вѣроятно онъ бы зналъ, что я не былъ ни Полтавскимъ уроженцемъ, ни душевладѣльцемъ, ни жителемъ Малороссіи, но что, окончивъ мое воспитаніе въ Петербургѣ, я, въ описываемое имъ время, состоялъ тамъ же, уже болѣе шести лѣтъ, на службѣ.

Къ этому вымыслу г. В. Б. приклеилъ и другой, не менѣе отважный. Онъ вводитъ меня на вечеръ къ графу Д. И. Хвостову, гдѣ, будто бы, я былъ встрѣченъ съ особеннымъ восторгомъ и почетомъ. Но увы! я съ гр. Д. И. Хвостовымъ вовсе знакомъ не былъ и даже никогда не любопытствовалъ узнать, гдѣ его домъ или квартира, почему и попасть къ нему на вечеръ мнѣ было бы трудно, до невозможности.

На этомъ же, сочиненномъ г. В. Б., вечерѣ, князь Ширинскій-Шихматовъ, котораго (прошу замѣтить) я ни тогда, ни послѣ вовсе не зналъ, съ восклицаніемъ прижимаетъ къ своей груди мою руку, а самъ г. В. Б. объясняетъ гр. Хвостову, что онъ знакомъ со мною по четвергамъ Греча [1]). Новая выдумка! У Н. И. Греча я дѣйствительно бывалъ изрѣдка, но только по утрамъ, а его приглашеніемъ на четверги не воспользовался болѣе потому, что всѣ молодые литераторы, являвшіеся на этихъ вечерахъ, всегда почти причислялись въ

[1]) Не знаю, не упоминаетъ ли авторъ съ такою же правдивостью обо мнѣ и въ своемъ описаніи четверговъ Греча. Этого разсказа я не читалъ.

общемъ мнѣніи къ Булгаринской партіи. Я же съ раннихъ поръ далъ себѣ слово избѣгать всякой журнальной стачки, не входить ни въ какую полемику и не принадлежать ни къ какой исключительной, литературной партіи. Да и вообще я мало водился съ записными литераторами, предпочитая имъ знакомства въ обществѣ, а въ особенности небольшой товарищескій кругъ по университетскому пансіону. Нѣкоторые изъ составлявшихъ эти дружескія сходки, называвшіяся у насъ ассамблеями, имѣли впослѣдствіи почетную извѣстность, а геніальный М. И. Глинка постоянно въ нихъ участвовалъ и часто приводилъ въ восторгъ или возбуждалъ общую веселость своими вдохновенными импровизаціями.

Если же, до размолвки моей съ барономъ Дельвигомъ, о которой упомяну ниже, я посѣщалъ постоянно его еженедѣльные вечера, то этому были совершенно другія причины. Небольшое, собиравшееся у барона, общество мнѣ вообще нравилось, и въ особенности въ немъ пріятны были нерѣдкія встрѣчи съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ [2]), доставившія мнѣ возможность нѣсколько ближе съ ними сойтись.

Обращаюсь еще къ статьѣ г. В. Б. Какимъ образомъ могъ я померещить-

(2) Однажды у Дельвига, проходя гостинную, я былъ остановленъ словами Пушкина, подлѣ котораго сидѣлъ Шевыревъ: „Помогите намъ состряпать эпиграму“... Но я спѣшилъ въ сосѣднюю комнату и упустилъ честь сотрудничества съ поэтомъ. Возвратясь къ Пушкину, я засталъ дѣло уже оконченнымъ. Это была знаменитая эпиграмма: *„Въ Элизіи Василій Тредьяковскій“*. На сколько помогъ Шевыревъ, я, конечно, не спросилъ.

Въ другой разъ у Дельвига же Пушкинъ сталъ, шутя, сочинять пародію на мое стихотвореніе:

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: Гурія Пророка
Съ небесъ на землю сведена... и пр.

Послѣдніе два стиха онъ замѣнилъ такъ:

Я мыслю: въ день Ильи Пророка
Она была разведена....

Не лишнее однако же замѣтить, что къ этой, будто-бы въ день Ильи разведенной, написаны и самимъ Пушкинымъ стихотворенія:

Я помню чудное мгновенье
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ Геній чистой красоты... и пр.

И другое:

„Я ѣхалъ къ вамъ, живые сны.“

Вдохновительница этихъ стиховъ показывала мнѣ послѣднее стихотвореніе въ подлинникѣ, не знаю почему, изорванномъ въ клочки, на которыхъ однакожъ можно было разсмотрѣть, что эти три, по видимому, такъ легко вылившіяся строфы, стоили Пушкину немалаго труда. Въ нихъ было такое множество передѣлокъ, помарокъ какъ ни въ одной изъ случившихся мнѣ видѣть рукописей поэта.

На этихъ же вечерахъ мнѣ неоднократно случалось слышать продолжительныя и упорныя пренія Пушкина съ Мицкевичемъ, то на Русскомъ, то на Французскомъ языкѣ. Первый говорилъ съ жаромъ, часто остроумно, но съ запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

Мицкевича я встрѣтилъ въ первый разъ на вечерѣ у В. Н. Щастнаго, хорошаго переводчика нѣсколькихъ его стихотвореній. Поэтъ, тогда уже знаменитый, молча курилъ въ уголку, такъ что я не вдругъ его замѣтилъ. Когда же былъ ему представленъ, онъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе своею скромною привѣтливостію и добродушною простотою обращенія. По-

ему на вечерѣ у Воейкова въ такое время, когда меня уже вовсе не было въ Петербургѣ? Изъ статьи видно, что этотъ вечеръ былъ послѣ смерти барона Дельвига, а я, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ барона еще въ живыхъ. Это первое; а второе то, что у Воейкова я не только вовсе не бывалъ, но по особенной случайности *нигдѣ и никогда* его не видѣлъ.

Много еще невѣрностей я бы могъ указать въ упоминаніяхъ г. В. Б. обо мнѣ и о нѣкоторыхъ другихъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ, лицахъ; но кажется я уже разъяснилъ слишкомъ достаточно, какого довѣрія заслуживаютъ его воспоминанія.

Оканчивая съ г. В. Б., пользуюсь случаемъ, чтобы упомянуть еще о двухъ другихъ, встрѣтившихся мнѣ въ печати и относящихся ко мнѣ ошибкахъ.

Въ 10-й тетради Русскаго Архива 1866 г., въ Дневникѣ Липранди, сказано, что во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ, я служилъ тамъ въ Почтамтѣ, что Пушкинъ со мною встрѣчался, но не искалъ сближенія и неизвѣстно, какого былъ мнѣнія о моемъ дарованіи. Тутъ все не вѣрно. Ни въ какомъ Почтамтѣ я не служилъ, ничего тогда еще не печаталъ и пріѣхалъ въ Одессу только въ 1831 году; Пушкинъ же выбылъ оттуда въ 1824 году и, во все время пребыванія моего въ Одессѣ, тамъ уже не являлся. Годъ выѣзда Пушкина изъ Одессы я хорошо помню по слѣдующему случаю.

Въ 1824 году, по выпускѣ изъ Петербургскаго университетскаго пансіона, я ѣхалъ, въ концѣ Іюля, съ Н. Г. К. къ роднымъ моимъ въ Кіевъ. Въ Черниговѣ мы ночевали въ какой-то гостинницѣ. Утромъ, войдя въ залу, я увидѣлъ въ сосѣдней, буфетной комнатѣ, шагавшаго вдоль стойки молодаго человѣка, котораго, по мѣсту прогулки и по костюму, принялъ за половаго. Нарядъ былъ очень не представительный: желтые, нанковые, небрежно надѣтые шаровары и Русская цвѣтная, измятая рубаха, подвязанная вытертымъ, чернымъ шейнымъ платкомъ; курчавые, довольно длинные и густые волосы развѣвались въ безпорядкѣ. Вдругъ эта личность быстро подходитъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы изъ Царскосельскаго Лицея?» На мнѣ еще былъ казенный сертукъ, по формѣ одинаковый съ лицейскимъ.

Сочтя любопытство половаго неумѣстнымъ и не желая завязывать разговоръ, я отвѣчалъ довольно сухо.

«А! Такъ Вы были вмѣстѣ съ моимъ братомъ», возразилъ собесѣдникъ.

Это меня озадачило, и я уже вѣжливо просилъ его назвать мнѣ свою фамилію.

«Я Пушкинъ; братъ мой Левъ былъ въ Вашемъ пансіонѣ».

Слава Пушкина свѣтила тогда въ полномъ блескѣ, вся молодежъ благоговѣла предъ этимъ именемъ, и легко можно себѣ представить, какъ я, семнадцатилѣтній школьникъ, былъ обрадованъ неожиданною встрѣчею и сконфуженъ моею опрометчивостію.

Тѣмъ не менѣе мой спутникъ и я скоро съ нимъ разговорились. Онъ

слѣ этого знакомства я бывалъ и у него и всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ сороковыхъ годахъ, по напечатаніи моей поэмы „Смерть Пери“, какой-то пріѣзжій изъ Варшавы сообщилъ моему отцу помѣщенный въ одномъ изъ Польскихъ журналовъ переводъ большаго отрывка изъ этой поэмы, увѣряя, что онъ переведенъ Мицкевичемъ. Справедливо-ли это, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности удостовѣриться, но переводъ вѣренъ и необыкновенно хорошъ.

разсказалъ намъ, что ѣдетъ изъ Одессы въ деревню, но что усмиреніе его не совсѣмъ еще кончено и смѣясь показалъ свою подорожную, гдѣ по порядку были прописаны всѣ города, на какіе именно онъ долженъ былъ ѣхать. За тѣмъ онъ попросилъ меня передать въ Кіевѣ записку генералу Раевскому, тутъ же имъ написанную. Надобно было ее запечатать, но у Пушкина печати не оказалось. Я досталъ свою, и она пришлась кстати, такъ какъ вырѣзанныя на ней буквы А. П. какъ разъ подходили и къ его имени и фамиліи. Признаюсь, эта случайность суевѣрно меня порадовала; я въ тихомолку начиналъ уже рифмовать и потому видѣлъ въ такой тождественности счастливое для себя предзнаменованіе.

Описанная встрѣча не была однакожъ началомъ моего знакомства съ Пушкинымъ. Онъ вскорѣ забылъ и самую мою фамилію, какъ я могъ удостовѣриться изъ того, что когда въ 1827 году появилась моя первая поэма [3]), Пушкинъ приписывалъ ее то тому, то другому изъ извѣстныхъ уже въ то время поэтовъ, будто бы скрывшемуся подъ псевдонимомъ. Онъ разувѣрился только тогда, когда по изданіи моей второй повѣсти, я, при выходѣ изъ театра, былъ ему представленъ, помнится, Булгаринымъ, съ которымъ онъ не былъ еще въ открытой войнѣ. Пушкинъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и имѣлъ любезность насказать мнѣ много лестнаго. Съ тѣхъ поръ знакомство наше продолжалось, но не долго, такъ какъ года черезъ два я оставилъ Петербургъ.

———

[3]) Дивъ и Пери, повѣсть въ стихахъ, Спб. 1827. 8⁰. *П. Б.*

Перехожу теперь къ тому, что̀ было напечатано о моей размолвкѣ съ барономъ Дельвигомъ. Въ статьѣ г. Гаевскаго о Дельвигѣ, помѣщенной въ Современникѣ, говорится, что я разсердился на барона за его рецензію на мою поэму Нищій. Поэтому можно бы меня обвинить въ раздражительномъ самолюбіи; но я, по совѣсти, могу сказать, что это было бы совершенно несправедливо. Разскажу какъ было въ дѣйствительности.

Избалованный дружбою Пушкина, баронъ Дельвигъ до того ревновалъ къ славѣ великаго поэта, отражавшейся косвенно и на немъ, что малѣйшій успѣхъ другаго начинавшаго поэта его уже тревожилъ. При томъ онъ принялъ на себя роль какого-то Аристарха и имѣлъ притязаніе, чтобы посѣщавшіе его, въ особенности юные литераторы, спрашивали его совѣтовъ, и обижался, если они ихъ не слушали. Я же не любилъ никому навязывать чтеніе моихъ произведеній и, не слишкомъ довѣряя непогрѣшимости Дельвиговской критики, не счелъ необходимымъ предъявить барону въ рукописи мою новую поэму, о которой (мнѣ на бѣду) неосторожные друзья успѣли оповѣстить черезъ чуръ восторженно.

Дельвигъ не простилъ мнѣ, какъ онъ полагалъ, моей самоувѣренности, а въ преждевременныхъ отзывахъ о моемъ новомъ трудѣ нѣкоторыя, вполнѣ сознаю, неумѣстныя сравненія раздражили его тѣмъ болѣе, что подобныя сравненія были уже прежде высказаны въ одномъ изъ тогдашнихъ Московскихъ журналовъ. Онъ вывелъ заключеніе, что я много о себѣ возмечталъ и что, поэтому, надобно, какъ тогда говорилось, порядочно меня отдѣлать.

Плодомъ такой, совершенно неосновательной, догадки и была рецензія, написанная Дельвигомъ, не совсѣмъ добросовѣстно и съ явнымъ намѣреніемъ уколоть меня побольнѣе.

Дружеская услуга такого рода не могла мнѣ быть пріятною; но главное дѣло не въ ней, а единственно въ томъ, что рецензія печаталась въ Дельвиговской Литературной газетѣ въ тотъ самый вечеръ, который, по обыкновенію, я проводилъ у барона и въ которой онъ былъ со мною, по обыкновенію же, дружелюбенъ, не упомянувъ однако же ни слова о приготовленной на меня грозѣ, чего при нашихъ отношеніяхъ онъ не долженъ былъ бы сдѣлать, если бы не допускалъ оскорбительной для меня мысли, что я, быть можетъ, стану просить объ уничтоженіи или по крайней мѣрѣ о смягченіи его злой филиппики.

Вотъ что собственно охладило меня къ барону, разсѣявъ и мое заблужденіе о пріязни его ко мнѣ. Но я не сказалъ ему ни слова, на рецензію, по моему обыкновенію, не возражалъ, а только пересталъ у него бывать. Впослѣдствіи Дельвигъ сознаяъ, что онъ былъ не правъ, потому что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, первый подалъ мнѣ руку. Но это было почти наканунѣ моего выѣзда изъ Петербурга, а вскорѣ онъ умеръ, о чемъ я узналъ уже въ Одессѣ.

Можно спросить: почему же я такъ долго терпѣлъ напраслину? Да только потому, что сначала откладывалъ, а потомъ, по Русской привычкѣ, махнулъ рукой и забылъ. Поклепъ на мнѣ, вѣроятно, такъ бы и остался, не попадись статья г. В. Б. разшевелившая мою старину. Благодарю его за услугу. *А. Подолинскій.*

19-е ФЕВРАЛЯ 1872 ГОДА.

(Посвящается памяти Н. А. Милютина).

19-го Февраля нынѣшняго года нѣсколько бывшихъ дѣятелей крестьянскаго дѣла и искреннихъ почитателей этого великаго дня собрались въ одной изъ залъ гостинницы Эрмитажъ, чтобы ознаменовать по обыкновенію эту великую годовщину скромнымъ торжествомъ. Характеръ этого собранія отличался какимъ-то задушевнымъ, почти семейнымъ отпечаткомъ. Послѣ обычной, единодушной, глубоко-прочувствованной здравицы въ честь Царя-Освободителя, сопутствуемой громогласнымъ, троекратнымъ «Ура», бесѣда постепенно оживилась; полились воспоминанія, сообщались взаимно различныя наблюденія, высказывались разныя мечты и надежды въ будущемъ, разумѣется въ тѣсной, непосредственной связи съ тѣмъ великимъ событіемъ, во имя котораго этотъ небольшой кружокъ собрался во едино. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, къ свѣтлому настроенію этого радостнаго дня примѣшивалось немало и грустныхъ воспоминаній, повидимому несогласующихся съ господствующимъ настроеніемъ минуты, но въ сущности неразрывно съ нею связанныхъ и придающихъ ей какую-то особую, почти священную, торжественность. Потянулись въ памяти вереницею различные второстепенные эпизоды, сопровождавшіе осуществленіе этого великаго дѣла; вспомянулись нѣкоторыя свѣтлыя личности, особенно ярко выдѣлявшіяся своимъ участіемъ или сочувствіемъ къ событію дня, уже сошедшія въ могилу и не отзывающіяся болѣе на призывъ своихъ обычныхъ товарищей. Возсталъ для насъ

Москвичей образъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, который ежегодно собиралъ вокругъ себя наканунѣ 19-го Февраля своихъ близкихъ и друзей, для того, чтобы за праздничнымъ ужиномъ встрѣтить годовщину этого великаго торжества, такъ сказать при самомъ его зачатіи, т. е. ровно въ полночь и въ самый моментъ ея рожденія провозгласить тостъ въ честь ея Державнаго Виновника. Вспомянулось при этомъ, что и 18-го Февраля 1869 года, князь Владиміръ Ѳедоровичъ заключилъ свое празднество обычнымъ заявленіемъ, что всѣ присутствующіе заранѣе созываются имъ на таковой-же праздникъ 18-го Февраля слѣдующаго года; а между тѣмъ 27-го числа того-же Февраля мѣсяца, всѣ приглашенныя имъ лица уже стояли въ томъ-же домѣ, почти въ той-же комнатѣ, надъ безжизненнымъ трупомъ радушнаго хозяина и съ искреннимъ, неподдѣльнымъ горемъ оплакивали преждевременное исчезновеніе этой высоко-честной и чистой души!

Переходя такимъ образомъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, отъ одной дорогой памяти къ другой, наши воспоминанія остановились на имени *Николая Алексѣевича Милютина*, и далѣе уже не пошли!..... При мысли, что нѣсколько недѣль, почти нѣсколько дней тому назадъ, угасла здѣсь въ Москвѣ, среди насъ, эта славная, цѣльная, свѣтлая дѣятельность; что тотъ, чье имя на вѣки неразрывно связано съ памятью о настоящемъ торжествѣ; кто принесъ всѣ силы своей высокой души, всѣ сокровища своего великаго, государственнаго ума на пользу того святаго дѣла, котораго одинадцатая годовщина праздновалась нынѣ, при этой мысли всѣ остальныя воспоминанія замолкли, и она всецѣло овладѣла душею!

Для тѣхъ изъ насъ, кто имѣлъ счастіе лично знать покойнаго Николая Алексѣевича, кто присутствовалъ при постепенномъ закатѣ этой столь славной, знаменательной жизни,— эта мысль отозвалась съ особенною силою и легла тяжкимъ бременемъ на душу. Какъ недавно еще входили мы съ какимъ-то особымъ трепетомъ уваженія въ этотъ кабинетъ, гдѣ встрѣчала насъ всегда радушная, свѣтлая улыбка этой угасающей, мощной силы, вполнѣ принесенной въ даръ благу своей дорогой отчизны и осуществленію своихъ завѣтныхъ идей!— какое широкое, обильное поле воспоминаній вызвало это имя; какой безконечный рой мыслей и ощущеній породила эта память!..... Но среди всѣхъ этихъ впечатлѣній и воспоминаній—не знаю самъ почему—я невольно остановился въ ту минуту исключительно на одномъ небольшомъ эпизодѣ, слышанномъ мною лично отъ покойнаго Николая Алексѣевича за нѣсколько недѣль до его кончины.

Въ концѣ Декабря мѣсяца прошлаго 1871 года, здоровье его постепенно стало ослабѣвать и къ новому году настолько ухудшилось, что стали уже опасаться за драгоцѣнные дни его. Неожиданно, въ первыхъ числахъ Января, обнаружился благодѣтельный кризисъ (увы, уже послѣдній!) и онъ не только ободрился, но даже возобновилъ свои ежедневныя прогулки въ каретѣ. Обрадованный этимъ нежданнымъ исходомъ, я, въ числѣ другихъ его искреннихъ почитателей, поспѣшилъ навѣстить его и къ великому моему удовольствію засталъ его довольно бодраго и совершенно одного на своемъ обычномъ креслѣ, въ концѣ того длиннаго сто-

ла, кругомъ котораго ежедневно стекался избранный кружокъ его друзей и поклонниковъ. Въ этотъ день на дворѣ былъ сильный морозъ; разговоръ нашъ невольно начался съ погоды, и вотъ что разсказалъ мнѣ Николай Алексѣевичъ съ тою медлительною ясностью и съ тою отчетливою точностью, съ которою онъ всегда говорилъ о дальнемъ прошломъ. «Этотъ морозъ напоми-«наетъ мнѣ одинъ случай моей ранней «молодости, не важный самъ по себѣ, но «оставившій въ моей памяти неизгла-«димое впечатлѣніе. Мнѣ только что «минуло 16-ть лѣтъ; въ первый разъ «мнѣ сшили настоящій фракъ и раз-«рѣшили отправиться на утренній балъ «въ субботу на масляницѣ въ Дворян-«ское Собраніе. На дворѣ было очень «холодно, градусовъ 25 мороза; но я «въ собственныхъ саняхъ, укутанный «въ теплую шубу, не думалъ о моро-«зѣ и въ назначенный часъ былъ уже «съ собраніи. Танцовалъ я отъ души, «часовъ до 6-ти и тутъ-же былъ при-«глашенъ однимъ знакомымъ мнѣ се-«мействомъ *** (въ числѣ котораго былъ «и предметъ тогдашней моей юноше-«ской страсти) пріѣхать къ нимъ обѣ-«дать. Прямо изъ собранія я проѣхалъ «на обѣдъ къ ***; послѣ обѣда вздума-«ли снова танцовать въ небольшомъ «кругу домашнихъ и знакомыхъ; за «тѣмъ наступилъ ужинъ, и я вернул-«ся домой уже ночью, часовъ около «3-хъ или 4-хъ. На другой день я, «разумѣется, проснулся очень поздно «и когда я сошель внизъ, то засталъ «отца и мать уже давно сидящими «за утреннимъ чаемъ.—При моемъ «появленіи они тотчасъ представили «мнѣ въ самомъ яркомъ видѣ всю же-«стокость моего беззаботнаго вчераш-«няго поведенія относительно нашего «бѣднаго кучера, который просидѣлъ «на морозѣ въ 25° въ продолженіи по-«чти 15-ти часовъ, не слѣзая съ козелъ, «безъ всякаго отдыха и пищи. Надоб-«но полагать, что слова моей матери, «изображавшей мнѣ всю тяжелую «сторону этой крѣпостной зависимо-«сти отъ воли вѣтреннаго, 16 лѣтняго «мальчика, были чрезвычайно красно-«рѣчивы и убѣдительны, потому что «это происшествіе навѣки запечатлѣ-«лось въ моей памяти, и *съ этой мину-«ты мечта о возможности освобож-«денія крестьянъ впервые запала мнѣ «въ голову и съ тѣхъ поръ уже никог-«да меня не покидала.* Впрочемъ моя «юношеская опрометчивость не имѣла, «слава Богу, никакихъ особенно вред-«ныхъ послѣдствій для нашего бѣднаго «кучера, и на дняхъ онъ отыскалъ меня «здѣсь въ Москвѣ, и наше свиданіе «было самое радостное съ обѣихъ сто-«ронъ. Не смотря на то, что онъ го-«раздо старѣе меня годами; но (при-«бавилъ Николай Алексѣевичъ, съ гру-«стною усмѣшкою взглянувъ на свою «правую безжизненную руку) когда мы «съ нимъ теперь свидѣлись, онъ ока-«зался молодцомъ передо мною...... »

Вотъ что вспомнилось мнѣ особенно ярко за нашимъ праздничнымъ обѣдомъ, и этотъ разсказъ показался мнѣ особенно знаменательнымъ въ жизни Николая Алексѣевича. Подъ вліяніемъ этого повидимому столь незначительнаго событія его ранней молодости, — вся его послѣдующая, столь блестящая, столь плодотворная и высокая общественная дѣятельность, освѣтилась въ моихъ глазахъ какимъ-то особымъ, исключительно ему принадлежащимъ колоритомъ, и мнѣ казалось, что всѣ труды его, подъятые на пользу меньшей братіи, были не только высокимъ исполненіемъ гражданскаго долга и дѣломъ государственнаго мужа; но сверхъ того выражали собою исключительное, свя-

щенное *призваніе*, принятое на себя съ раннихъ дней первой молодости! Призванный довѣріемъ Державнаго Строителя судебъ Россіи къ выполненію Его великихъ предначертаній на благо народа и государства, Николай Алексѣевичъ вездѣ и всюду готовъ былъ употребить свои блестящія дарованія, свой истинно-государственный умъ и свою неутомимую энергію на пользу общественную и во всякое дѣло, на него возложенное, несомнѣнно вносилъ всѣ силы своей мощной души. Но въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ къ этимъ силамъ присоединяется, въ глазахъ нашихъ, еще новая *сила*, особенная, вдохновляющая — *сила призванія*.... Въ этотъ избранный, любимый, завѣтный трудъ его вылилась вся душа его, съ раннихъ лѣтъ развивавшаяся подъ вліяніемъ этой высокой, священной идеи и дожившая до ея свѣтлаго и окончательнаго осуществленія!.... При подобномъ взглядѣ на это дѣло почти становится понятною судьба, постигшая этого славнаго дѣятеля въ самую блестящую пору его физическихъ и умственныхъ силъ: священное дѣло, для котораго онъ казался исключительно *призванъ*, не только совершилось и окрѣпло внутри Россіи; но даже и на окраинахъ ея, въ предѣлахъ бывшей Польши, неутомимыми его трудами, водворились гражданскія права крестьянскаго населенія, и эта мощная сила, эта неустанная дѣятельность внезапно прекратилась, какъ-бы выражая тѣмъ, что задача его дѣйствительно выполнена и трудъ его дѣйствительно оконченъ!—И въ эту-же Москву, гдѣ впервыя зародилась въ немъ эта высокая мысль, гдѣ принялъ онъ на себя это святое призваніе, вернулся онъ, усталый, разбитый трудомъ и борьбою; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ постоянною ясностью во взглядѣ, съ свѣтлымъ сознаніемъ честно и свято выполненнаго долга и здѣсь, среди семьи и друзей, угасъ онъ на вѣки!.....

Въ заключеніе не могу не высказать мысли, что слѣдовало-бы по справедливости отыскать этого кучера, упоминаемаго въ вышеприведенномъ разсказѣ покойнаго Николая Алексѣевича и озаботиться о прочномъ обезпеченіи будущности его и всего его семейства, если таковое у него имѣется. Мнѣ казалось-бы, что для незабвенной памяти усопшаго государственнаго мужа было-бы отрадно все то, что удалось-бы совершить, во имя его, для блага этой скромной личности, послужившей, по волѣ Провидѣнія, невольнымъ поводомъ къ зарожденію впервыя въ умѣ Николая Алексѣевича той великой идеи, которой онъ посвятилъ впослѣдствіи всѣ силы своей души и тѣмъ на вѣки связалъ свое имя съ воспоминаніемъ о 19-мъ Февраля 1861-го года!

Ѳ. Тимирязевъ.

Москва
20 го Февраля 1872 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

въ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1871 ГОДА *)

*) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ передъ цифрою находятся буквы *Млрд.* —значитъ, что эта цифра и слѣдующія за ней относятся къ статьѣ о родѣ Милорадовичей, находящейся въ концѣ, въ видѣ приложенія къ Р. Архиву 1871 года. Собственныя имена монастырей и церквей исчислены особо подъ словами *монастыри* и *церкви*. *П. Б.*

* *
*

* *
*

***

***

* *
*

ПРИМѢЧАНІЕ

Страницы Русскаго Архива сего года перепутаны вводнымъ счетомъ съ нулями (напр. 0121, 0175 и пр.). Это произошло отъ того, что письма графа Местра вмѣсто того, чтобы появиться въ первой тетради, очутились, по независящему отъ издателя обстоятельству, въ тетради шестой, и въ первой тетради эти письма пришлось замѣщать другими статьями. Переплетать Русскій Архивъ 1871 года надо, глядя по оберткамъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали самыя тетради. «О родѣ Милорадовичей» можетъ быть переплетено особо, дабы книга Русскаго Архива не выходила чрезъ мѣру толста.

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1872

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ выходитъ въ 1872 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя девять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года (12 тетрадей котораго разсылаются *по мѣрѣ отпечатанія* и составятъ до 2000 и выше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1872 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 1 р. 50 к., для Франціи — 2 р., для Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи — 3 р.

Русскій Архивъ 1872 года вмѣстѣ съ первыми двумя книгами XIX Вѣка — **ДВѢНАДЦАТЬ** р. съ пересылкою. Вмѣстѣ съ первыми 4 книгами XVIII Вѣка цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1872 года — **ШЕСТНАДЦАТЬ** рублей, съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.

ОСТАВШІЕСЯ (СОЕДИНЕННЫЕ ВЪ ОДНУ КНИГУ) ЭКЗЕМПЛЯРЫ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1870 И 1871 Г. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПО ШЕСТИ РУБЛЕЙ (ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЕТСЯ).